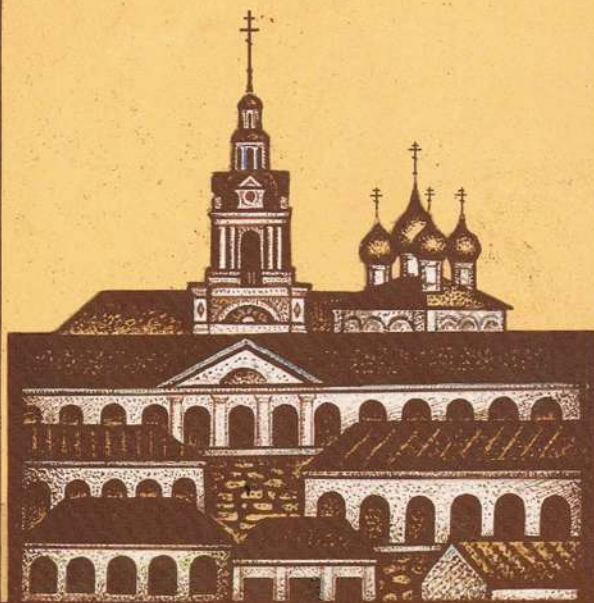

КОСТРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ

Краеведческий
альманах

Выпуск 6

2007 г.

КОСТРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ

Краеведческий альманах

Выпуск 6

*Приложение к серии
«Костромская библиотека»*

Кострома
2007

Дорогие читатели Альманаха!

Вы держите в руках очередной выпуск «Костромской земли».

Историк и этнограф, педагог и эколог, искусствовед и архивист, библиограф — все найдут здесь как бы специально адресованные им материалы. Но это специализация внешняя. Читатель, обратясь к тому, что специально его интересует, ещё более важный интерес может найти совсем в другом материале. И так будет потому, что решительно все статьи проникнуты любовью к родному краю и почти все серьёзно и глубоко исследуют материал.

Альманах такого уровня (вспомним хотя бы 4-й и 5-й выпуски) выходит за пределы костромского пространства. Думаем, он не менее интересен и нужен жителю Дальнего Востока и равнодушному и придиричвому читателю столицы.

Но особое наше упование — на молодого читателя-костромича, ум и сердце которого не могут не отозваться на интерес и любовь авторов этого замечательного альманаха. А сердечное знание, как известно, самое прочное. И деятельное.

Поздравляем авторов, издателей и читателей!

Губернатор
Костромской области

В.А. Шершунов

Председатель Костромской
областной Думы

А.И. Бычков

*Альманах посвящается
светлой памяти
Дмитрия Сергеевича Лихачёва
(1906 – 1999)*

«Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саде, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране».

«Краеведение как наука и как деятельность»

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
администрации Костромской области
и Костромской областной Думы**

ББК 63.3(2)7-28

К 725

Редакционная коллегия:

Н.А. Зонтиков (главный редактор),
А.В. Соловьёва (зам. главного редактора),
Н.Ф. Басова, Л.С. Васильев, Е.Б. Шиховцев

Оформление Е.Ю. Перебаскиной

КОСТРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ. Краеведческий альманах.
Приложение к серии «Костромская библиотека». — Вып. 6.
— Кострома, 2007. — 624 с.: ил.

В открывающей альманах статье выдвигается версия, что Ипатьевский монастырь основан новгородцами в 1-ой половине XIII века. Наряду со статьей об иконе «Чудо Георгия о змие, с житием» (кон. XVI - нач. XVII вв.) публикуется дневник московских реставраторов 1919 г. о раскрытии Феодоровской иконы Божией Матери (XII в.).

В статье о Галиче утверждается, что версия о строительстве крепости на Верхнем городище г. Галича в 1434 г. представляется наиболее достоверной.

Безусловный интерес представляют воспоминания о жизни деревни Вёжи под Костромой во время Отечественной войны.

В новых разделах альманаха читатель найдет материал об усадьбе Корнилово Кинешемского уезда, принадлежавшей известному роду Куломзинных, краткий рассказ об истории усадьбы Лосниково Чухломского уезда с 1621 года и очерки В.Я. Шишкова о поездке в писателя в 1924 г. по Костромскому и Буйскому уездам.

«Экология природы» представлена первой обзорной работой об изменении растительного и животного мира Костромского края за последние 400 млн. лет.

Публикуются: документы из ГАКО по истории рода академика Е.Е. Голубинского и подборка стихотворений В. Мятлева, составленная и прокомментированная А.А. Григоровым; документы из ГАНИКО о сооружении и установке памятника Ивану Сусанину в 1967 году; воспоминания священника В. Румянцева, написанные в начале 1950-х гг., и воспоминания сына священника, Б.В. Воздвиженского, появившиеся почти 40 лет спустя.

Статья «Из истории военной музыки на костромской земле» в 1910-е гг. — первый материал такого рода в костромских краеведческих изданиях.

В «Хронике»: библиография трудов Н.А. Зонтикова; рецензия на 5-й выпуск альманаха «Костромская земля»; подборка отзывов о «Костромской земле», напечатанных в костромских изданиях или написанных в официальных и частных письмах в 1990 - 2004 гг.; обзор деятельности Костромского фонда культуры в 2002 - 2004 гг.

Содержание

I. ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

И.А. Зонтиков. Когда и кем был основан Ипатиевский монастырь?.....7

II. ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ

Ю.А. Козлова. Дневник реставрационных работ над иконой Феодоровской Божией Матери20

А.Б. Боброва. Икона «Чудо Георгия о змие, с житием» конца XVI - начала XVII века из церкви Георгия «на площадке» в Костроме.....32

III. ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

А.Г. Авдеев. «ГРАД ГАЛИЧЬ ПЕРВОЙ».....58

IV. ИЗ ИСТОРИИ СЁЛ И ДЕРЕВЕНЬ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Л.П. Пискунов. Деревня Вёжи во время войны.....83

V. ИЗ ИСТОРИИ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ

С.В. Касаткина. Усадьба Корнилово и его владельцы Куломзины.....109

Г.И. Лебедев. Усадьба Лосниково помещиков Шиповых....132

VI. ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ

Д.Н. Зонтиков. В глубине эпох: растительный и животный мир Костромского края миллионы и тысячи лет назад.....139

VII. НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- «Я родился в селе Матвееве...» (Архивные документы по истории рода Е.Е. Голубинского).
Публикация *И.Х. Тлиф*.....201
- В.П. Мятлев*. Стихотворения (1901 - 1919 гг.).
Биографическая справка и комментарии *А.А. Григорова*.
Публикация *Н.А. Дружневой*.....219
- Памятник Ивану Сусанину: от замысла до воплощения.
Публикация *Т.М. Карповой*.....257
- Василий Румянцев*. Из воспоминаний.....272
- Б.В. Воздвиженский*. Село Порга, его упадок и гибель.
Воспоминания.....354

VIII. ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ КОСТРОМСКИХ КРАЕВЕДОВ

- Э.Г. Клейн*. Из истории военной музыки на костромской земле.....447

IX. ПИСАТЕЛИ О КОСТРОМСКОМ КРАЕ

- В.Я. Шишков*. Приволжский край.....498

X. ХРОНИКА

- Н.Ф. Басова*. Николай Александрович Зонтиков. Библиография.....572
- В. Леонович*. Дочь Зевса и Деметры. О V выпуске альманаха «Костромская земля».....584
- О «Костромской земле» и ее авторах: к 15-летию выхода 1-го выпуска альманаха.....598
- А.В. Соловьева*. Главное в деятельности Костромского фонда культуры в 2002 - I квартале 2004 года.....615

І. ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Н.А. Зонтиков (Кострома)

Когда и кем был основан Ипатьевский монастырь?

«Монастырь Ипатцкой общей на реке
на Волге за рекою за Костромою
усть реки Костромы, а в нем церковь
Живоначалная Троица камена,
а придел Филиппа и Упатия...»¹

Из сотной 1560 года.

Ипатьевский монастырь в Костроме относится к числу наиболее известных монастырей России. Не отделимый от целого ряда важнейших событий русской истории, неразрывно связанный с царскими династиями Годуновых и Романовых, он издавна является одним из главных символов Костромы. Существует огромная научная литература, посвящённая многовековой истории монастыря. Однако до сих пор наиболее «тёмным» является начальный период истории обители — в первую очередь, вопрос: когда и кем был основан Ипатьевский монастырь?

Впервые в летописях монастырь упоминается в 1435 году, когда в ходе междоусобной войны московских и галичских князей весной этого года «на мысе у святого Ипатия, межи Волгою и Костромы»² расположился со своими силами лагерь великий князь Московский Василий Васильевич Тёмный. В актовых документах монастырь упоминается чуть раньше: 1410 - 1420 годами дати-

¹ Шумаков С. Сотницы, грамоты и записи. Вып. 2. Костромские сотницы 7068 - 7076 гг. М., 1903, с. 5.

² Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.7. СПб., 1856, с. 99.

*Ипатьевский монастырь.
Фото нач. XX в. Предоставлено автором.*

руют данную Константина Дмитриевича (Шей?) «в дом жиюначальной Троице и святому апостолу Филипу и святому священномученику Иеупатию» на сельцо Константиново с деревнями в Костромском уезде³. Но эти первые случайные упоминания в источниках, конечно, никак не помогают в разрешении вопроса о времени основания Ипатьевского монастыря: к началу XV века обитель на устье реки Костромы, безусловно, уже давно существовала.

Согласно традиционному преданию, Ипатьевский монастырь был основан в 1330 году татарским мурзой Четом (в крещении — Захария) на месте чудесного явления ему Богоматери со священномучеником Ипатием, епископом Гангрским, и святым апостолом Филиппом. В монастыре мурза Чет воздвиг Троицкий храм с приделом во имя священномученика Ипатия и апостола Филиппа и храм во имя Рождества Богородицы⁴. В дореволюционное время эта версия являлась общепринятой и никем не ставилась под сомнение.

Первым подверг её критическому анализу крупнейший знаток русского феодализма академик С.Б. Веселов-

³ Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV - XVI вв. Т.3. М., 1964, с. 248.

⁴ Описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1832, с. 1 - 3.

Когда и кем был основан Ипатиевский монастырь?

ский (1876 - 1952 гг.). В статье «Из истории древнерусского землевладения. Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы)», опубликованной в 1946 году, он пришел к выводу, что легенда о мурзе Чете, как основателе Ипатиевского монастыря, возникла в конце XVI века. В это время Годуновы заняли ведущее положение при царском дворе и для большего их престижа монастырю, где находилось их родовое кладбище, необходимо было найти основателя, которым легенда и объявила мурзу Чета (Захария), родоначальника Годуновых. С.Б. Веселовский писал: «Заняв в конце этого века (XVI-го. — Н.З.) место среди старых крупнейших монастырей, Ипатьев монастырь в вопросе о своём прошлом оказался в очень неблагоприятном положении. Он не мог указать, не мог гордиться, как большинство старых, прославленных монастырей, каким-нибудь известным русским князем или высокочтимым подвижником, причисленным к лику святых, как своим основателем. Более того — можно с уверенностью сказать, что власти и братия монастыря не помнили, не знали и не могли объяснить, почему патронами монастыря были такие малоизвестные на Руси святые, как Ипатий Гангрский и апостол Филипп. Начало и далёкое прошлое монастыря были <...> темны и <...> основательно забыты <...>. Для крупнейшего монастыря, каким стал к концу XVI века Ипатьев, такое положение было весьма неудобным»⁵.

Далее С.Б. Веселовский писал: «Известно, что наиболее цветистые и фантастические легенды <...> сочиняли не старые, исторически известные роды, которым подобные легенды в сущности ничего не давали и ничего не прибавляли к их старой славе, а рядовые служилые роды, в особенности те, которым удавалось подняться в верхние слои правящего класса и приходилось соприкасаться с родовитыми людьми, смотревшими на них свысока, как на выскочек и безродных, случайных людей. В аналогичном положении оказался в ряду старых монасты-

⁵ Веселовский С.Б. Из истории древнерусского землевладения. Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы) // Исторические записки. Т.18. М., 1946, с. 70.

рей Ипатьев монастырь, быстро разбогатевший в последней четверти XVI века благодаря вкладам Годуновых, царицы Ирины и царя Фёдора. К этому времени, по видимому, относится сочинение легенды о знатном татарине Чете, о чудесном ему видении во сне Богородицы с Ипатием и Филиппом, о его чудесном исцелении, крещении и об основании в память этого чуда монастыря. Правда, это был не русский князь, не высокочтимый святой <...> но в некоторых отношениях это было лучше и того и другого: это был родоначальник Годуновых, предок царя Бориса и царицы Ирины <...>⁶.

Общий вывод историка был таков: «...представляется, что <...> Ипатьев монастырь первоначально был вотчинным монастырем. Судя по тому, что в нем (монастыре. — Н.З.) были погребены Захарий⁷ и его сын Александр Зерно, убитый вечниками в 1304 году, он был основан в конце XIII века (а не в 1330 году, как говорит легенда), вероятно, на вотчинной земле Захария»⁸.

Таким образом, С.Б. Веселовский отнёс возникновение Ипатьевского монастыря к концу XIII века. С тех пор мнение выдающегося историка прочно вошло в краеведческую литературу. В первой послереволюционной книжке об Ипатьевском монастыре, вышедшей в 1959 году, говорилось: «Советский историк академик С.Б. Веселовский доказал, что вся история монастыря свидетельствует о несостоятельности <...> боярско-церковной легенды (об основании его мурзой Четом. — Н.З.). <...> С.Б. Веселовский убедительно доказал, что Ипатьевский монастырь был основан в конце XIII века на вотчинной земле Зерновых (Зерно)»⁹. Авторы вышедшего в 1963 году путеводителя по Костроме писали: «Недавними исследованиями доказано, что основан он (Ипатьевский монастырь. — Н.З.) был в XIII веке как один из укрепленных пунктов в системе обороны северо-восточных гра-

⁶ Веселовский С.Б. Указ. соч., с. 70 - 71.

⁷ Необходимо отметить, что С.Б. Веселовский не сомневался в существовании самого мурзы Чета (Захария). (Там же, с. 59).

⁸ Там же, с. 72.

⁹ Ерошин Н.П. Ипатьевский монастырь. Путеводитель. Кострома, 1959, с. 5.

Когда и кем был основан Ипатьевский монастырь?

ниц Московского княжества»¹⁰. В книге об Ипатии, вышедшей в 1968 году, В.Г. Брюсова, оговорившись, что «гипотеза С.Б. Веселовского о времени и обстоятельствах устройства Ипатьевского монастыря <...> твёрдых данных не даёт», отмечала, что «предполагаемая им дата основания монастыря (последняя четверть XIII века) наиболее вероятна. Монастырь построен в месте слияния двух крупных рек, как обычно ставились русские города. Река Кострома в древности была судоходной на триста вёрст вверх по течению. Волга – важнейший торговый путь, связывающий страны Европы и Азии. В годы татаро-монгольского завоевания внутренняя и внешняя торговля русских городов резко сократилась, однако отдельные сообщения летописей говорят о том, что в XIII - XIV веках Волга сохраняла свое значение. Так, договорная грамота 1270 года закрепляет за новгородскими гостями (купцами) право вести торг в Костроме. <...> Кострома, основанная около середины XII века, в XIII столетии вырастает в центр самостоятельного удельного княжества. В 1272 году костромской князь Василий Ярославич, брат Александра Невского, занял владимирский великокняжеский стол. По-видимому, построение Ипатьевского монастыря связано с периодом возвышения Костромы как центра удельного княжества в третьей четверти XIII века»¹¹. В опубликованном в 1970 году путеводителе по Костроме его авторы В.Н. Бочков и К.Г. Тороп писали: «Очевидно, Ипатьевский монастырь был основан около 1275 года Василием Ярославичем <...> ставшим в то время великим князем Владимирским, но жившим по-прежнему в Костроме»¹². Богомольный князь любил строить церкви,

¹⁰ Кострома. Путеводитель-справочник. Кострома, 1963, с. 307.

¹¹ Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. Ярославль, 1968, с. 12 - 13.

¹² Совершенно непонятно, откуда В.Н. Бочков (а именно он, конечно, является автором процитированного отрывка) взял, что основателем монастыря является именно князь Василий Ярославич (1241 - 1277 гг.), т.к. в источниках на это нет даже намёков (кстати, заметим, что представление о том, что, став в 1272 году великим князем Владимирским, Василий Ярославич, бывший до этого костромским князем, будто бы остался в Костроме, а не переехал во Владимир, безусловно, является ошибочным). И уж совсем непонятно, откуда взялась такая точная дата основания монастыря — «около 1275 года».

кроме того, он заботился и об укреплении своего стольного города – возведение монастыря как нельзя более отвечало его стремлениям»¹³.

В вышедшем в 1983 году путеводителе по Костроме говорилось, что «вероятно, монастырь был основан во второй половине XIII века»¹⁴. В очередном томе сводного каталога «Памятники архитектуры Костромской области» (1998 год) об основании монастыря сказано, что «учёные относят его основание ко второй половине XIII в. – времени правления владими́ро-суздальского князя Василия Квашни»¹⁵. В новейшей книге об Ипатьевском монастыре (2003 год) её авторы И.В. Рогов и С.А. Уткин пишут: «На рубеже XIII и XIV веков <...> на холме, возвышающемся над рекой Костромой <...> Захария основал церковь Живоначальной Троицы с приделами апостола Филиппа и Ипатия Гангрского, которая дала начало Ипатьевскому монастырю»¹⁶.

С.Б. Веселовский, безусловно, прав в том, что к концу XIII века обитель на устье реки Костромы уже существовала, но возникла она, судя по всему, ещё раньше. Возможность попытаться определить основателей Ипатьевского монастыря дают сами святые, которым посвящена обитель – святитель Ипатий и апостол Филипп. Священномученик Ипатий, епископ Гангрский, христианский подвижник IV века, является одним из самых малоизвестных святых на Руси. При самом тщательном поиске мы почти нигде в России не найдём посвящённых ему храмов или монастырей. Не найдём нигде, за исключением одного города – Великого Новгорода¹⁷. Только в этом важней-

¹³ Бочков В.Н., Торол К.Г. Кострома. Путеводитель. Ярославль, 1970, с. 59.

¹⁴ Кострома. Путеводитель. Ярославль, 1983, с. 144.

¹⁵ Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. 1, ч. 3. Город Кострома. Кострома, 1998, с. 5.

¹⁶ Рогов И.В., Уткин С.А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М., 2003, с. 8.

¹⁷ Помимо Новгорода, Ипатьевские храмы имелись ещё во Владимире и Москве. К нашей теме имеет отношение только храм во Владимире, т. к. в Москве придельный храм во имя священномученика Ипатия существовал в Вознесенском храме (освящён в камне в 1756 году), стоявшем на подворье Ипатьевского монастыря в Китай-городе. Точно неизвестно, когда появилось в Москве это подворье, но безусловно, что оно возникло относительно

ном центре древней Руси священномученик Ипатий пользовался особым почитанием.

Святой Ипатий в Новгороде почитался как покровитель новгородских посадников¹⁸ – выборных руководителей Новгородской республики (как известно, посадниками в XII - XV веках избирались исключительно представители новгородского боярства). В XII - XV веках в Новгороде существовало, по крайней мере, два храма, посвящённых священномученику Ипатию. В 1183 году на Рогатой улице (или – Рогатице) в Славенском конце (этот конец традиционно считается одной из древнейших частей города) была построена деревянная церковь «святого Еупатия чудотворца и епископа Ганьграньского»¹⁹. В 1369 году взамен её был заложен каменный храм «святого Еупатия на Рогатице»²⁰. Но эта церковь была не единственным Ипатьевским храмом в Новгороде. Под 1496 годом летопись упоминает ещё церковь святого Ипатия на Щеркове (Ширкове) улице²¹ (эта улица также находилась на Славенском конце Новгорода).

Второй святой, которому издавна был посвящён Ипатьевский монастырь – святой апостол Филипп, – к счастью, точно так же легко привязывается к конкретной местности. Можно долго и тщетно искать в древней

поздно – или в конце XVI-го, или, скорее, в 1-й половине XVII века. Храм в несколько этапов был разрушен в 40 - 60 гг. XX века во время расширения комплекса зданий ЦК ВКП(б)-КПСС, ныне о подворье и храме на нём напоминает только название старинного Ипатьевского переулочка (в XVII веке – Ипатская улица), соединяющего Варварку и Ильинку²². Древний Ипатьевский храм существовал в начале XIII века в стольном Владимире. Летопись сообщает, что во время пожара 1213 года здесь «сгоре» четыре церкви, в том числе и «Еупатий»²³. Скорее всего, существование этого храма в стольном граде северо-восточной Руси связано с характерными для XII - XIII столетий постоянными притязаниями великих князей владимирских на новгородское княжение.

¹⁸ Порфиридов Н.Г. Вопросы областного атрибутирования памятников древнерусской мелкой каменной пластики // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 68.

¹⁹ Новгородская первая летопись // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000, с. 37, 227.

²⁰ Там же, с. 371.

²¹ Там же.

²² Романюк С.К. Москва. Утраты. М., 1992, с. 66; Имена московских улиц. 5-е изд. М., 1988, с. 152.

²³ Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856, с. 119.

Руси храмы или монастыри, посвящённые этому святому. Так сложилось исторически, что апостол Филипп почти не почитался на Руси, опять-таки за исключением Великого Новгорода. Известный храм, посвящённый святому апостолу Филиппу, возвели в 1194 году на Нутной улице Славенского конца города. Этот храм был деревянным, неоднократно обновлялся, а в 1383 - 1384 годах взамен его на Нутной улице воздвигли каменный храм во имя апостола Филиппа. Его, в свою очередь, в 1527 - 1528 годах сменил новый каменный храм, который, к счастью, и ныне стоит на Торговой стороне Новгорода²⁴.

Но какое отношение к вопросу об основании Ипатьевского монастыря имеет констатация факта, что и священномученик Ипатий, и святой апостол Филипп были в древней Руси по преимуществу «новгородскими» святыми? Установленный факт даёт нам возможность предположить, что Ипатьевский монастырь на устье реки Костромы был основан именно новгородцами.

В.Г. Брюсова первая во всей огромной литературе, посвящённой монастырю, заметила, что «культ» священномученика Ипатия и апостола Филиппа «принадлежит Новгороду»²⁵. Она же первая и выдвинула версию об основании монастыря новгородцами. «История Костромы и Ипатьевского монастыря как часть истории Владимиро-Суздальской и Московской земли не вызывает сомнения, — пишет В. Г. Брюсова, — но это не представляется бесспорным по отношению к древнейшему периоду. <...> Возможно, уже в XI в. в своих походах на Югру, в сказочную «Биармию», через Верхнюю Волгу и Пермь, новгородцы и создали здесь (т.е. в нижнем течении р. Костромы. — Н.З.) первые русские опорные пункты, послужившие началом устройства монастырей или выросшие в города»²⁶.

Река Кострома издавна служила одним из путей продвижения новгородцев на Волгу. Как известно, первый

²⁴ Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856, с. 41, 234, 379 - 380; Кузьмина Н.Н. Памятник архитектуры XVI в. — церкви Филиппа апостола и Николая чудотворца на Нутной улице в Новгороде // История и культура древнерусского города. М., 1989, с. 147 - 158.

²⁵ Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. М., 1982, с. 14.

²⁶ Там же.

поход ушкуйников на Волгу и Каму состоялся в 1360 году, когда новгородские «ушкуйники-разбойники» захватили и разграбили на Каме город Джукетау (Жукотин). Из-за этого события, по требованию золотоордынского хана Хидыря, в том же году в Костроме состоялся съезд князей Северо-Восточной Руси, прошедший под руководством великого князя Владимирского Дмитрия Константиновича («и бысть съезд всем князем русьским о разбойницах на Костроме»²⁷). По поводу места проведения княжеского съезда историк В.Н. Бернадский заметил: «Место съезда (Кострома), вероятно, было выбрано не случайно (не у Костромы ли выходили на Волгу ушкуйники?). По крайней мере, в описаниях следующих походов Кострома упоминается чрезвычайно часто»²⁸. От других ушкуйничьих походов на Волгу Кострома более всего пострадала в 1375 году, когда около двух тысяч новгородцев на 70 ушкуях (речных судах) во главе с воеводой Прокопом захватили Кострому и подвергли её ужасающему разгрому. Причём летопись отмечает, что перед захватом города ушкуйники «выидоша рекою Костромою на Волгу»²⁹. Полагают, что и в предыдущее нападение новгородцев на Кострому – в 1371 году – они также подошли к городу по реке Костроме. В последний поход новгородских ушкуйников, состоявшийся под предводительством Анфала в 1409 году, новгородцы также вышли на Волгу по реке Костроме. В Тверской летописи говорится: «...поидоша Новгородци из Заволочья по Двине, в верх Сухоною, и вышли Костромою (в) Волгу, и взяша на Костроме корм, и поидоша к Новугороду Волгою, воюючи, и взяша Новгород Нижний; и потом поидоша на усть Ками»³⁰.

В.Н. Бернадский назвал реку Кострому (наряду с р. Вяткой) «основным путём» новгородцев на Волгу, особо отметив, что путь по реке Костроме был им ведом «до походов ушкуйников»³¹ (т.е. в период до 1360 года). Дей-

²⁷ Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000, стб. 69.

²⁸ Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.-Л., 1961, с. 40 (далее – Бернадский В.Н. Указ. соч.).

²⁹ Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. М., 1965, стб. 113.

³⁰ Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000, стб. 485.

³¹ Бернадский В.Н. Указ. соч., с. 45.

ствительно, проникновение новгородцев в бассейн реки Костромы, скорее всего, началось задолго до эпохи ушкуничьих походов.

Лингвисты отмечают следы древнего новгородского говора по всему нижнему течению Костромы и, в частности, в Заречье, в бывшей Шунгенской волости (на территории которой находился в начале XX века Ипатьевский монастырь). С. Ерёмин в 20-е гг. XX века отмечал, что «в Шунгенской волости довольно часто встречается особенность древнего новгородского говора — замена старого «ъ» звуком «и» в словах перед следующей мягкой согласной (мисец, неделя, виник)»³², — и делал вывод, что «население, так говорящее, есть остаток древних новгородских колонистов»³³.

Такой темы, как новгородская колонизация Костромского края, касался в своих трудах целый ряд историков и археологов. Археолог Е.И. Горюнова, говоря о территории Костромской и Ивановской областей, писала: «1) Славянская колонизация охватила эту территорию не ранее XI в.; 2) колонизация эта имела два чётко выраженных направления: со стороны Ростово-Суздальского центра с его смешанным русско-мерянским населением. Первый поток переселенцев со стороны Суздальской земли двигался через Ивановскую область и осел в южной части Костромского Поволжья. Новгородская колонизация охватила первоначально северные районы области, постепенно распространяясь затем на юг. <...> Постепенно расселяясь и осваивая новые, слабо заселённые земли, новгородцы проникли и в Костромское Поволжье, где на лесных рощистях основывали небольшие усадьбы-починки и постепенно расчищали под пашню лесные массивы. По проторенным путям сюда стали двигаться и новые переселенцы из новгородских земель, стремившиеся в «лихие» годы стихийных бедствий «спасатьivotы» в чужих землях <...>. Колонизационная волна из Новгородских земель наложила глубо-

³² Еремин С. Характеристика народных говоров по р. Костроме // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 41. Четвертый этнографический сборник. Кострома, 1927, с. 4, 31.

³³ Там же, с. 11.

Когда и кем был основан Ипатиевский монастырь?

кий отпечаток на культуру костромского населения и оставила заметный след в лексике и фонетике говора современных великоруссов Костромской области»³⁴. Археолог Е.А. Рябинин отмечал особое значение в освоении новгородскими переселенцами Костромского края пути по реке Костроме: «Лексическая зона, отражающая новгородскую колонизацию, включает течение р. Костромы и бассейны Галицкого и Чухломского озёр; следы новгородского языкового влияния прослеживаются во всем Костромском Поволжье <...>. В Поволжье выходцы из северо-западных земель могли проникнуть по р. Костроме. Знакомство новгородцев с данной речной магистралью документировано письменными источниками. По Костроме продвигались из Верхнего Подвинья новгородские ушкуйники, совершавшие свои знаменитые походы на Волгу и Нижнюю Каму. Хотя эти события и относятся к более позднему времени (вторая половина XIV - начало XV в.), но, по авторитетному заключению В.Н. Бернадского, <...> путь по Костроме был ведом новгородцам и до походов ушкуйников; последние использовали давно и хорошо известный маршрут "из Заволочи, а по Двине вверх Сухоною и <...> Костромю в Волгу"»³⁵.

Все это делает предположение об основании Ипатиевского монастыря на устье реки Костромы новгородцами достаточно обоснованным. Именно древние новгородцы, по-видимому, возвели в нем два первых (теплый и холодный) храма: один — посвященный священномученику Ипатиию и святому апостолу Филиппу (вероятно, главный престол храма был посвящен Ипатиию, а придельный — апостолу Филиппу), и другой — в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Заметим, что и второй храм монастыря, в честь Рождества Богородицы, также может иметь «новгородское» происхождение. Конечно, храмы в честь Рождества Богородицы распространены на Руси повсеместно, но есть смысл напомнить отмеченный Б.А. Рыбаковым факт особого почитания в древнем

³⁴ Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, с. 240, 246.

³⁵ Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986, с. 101, 106.

Новгороде праздника Рождества Пресвятой Богородицы, в связи с чем в нем имелось «5 церквей Рождества Богородицы!»³⁶. В свете этого логично предположить, что и храм Рождества Богородицы был изначально построен — вместе с Ипатиевским храмом — новгородцами.

Когда же возник Ипатиевский монастырь? Думается, что есть все основания от конца XIII века, обозначенного С.Б. Веселовским, опуститься вглубь этого столетия. Судя по всему, монастырь был основан в зоне расселения новгородских переселенцев или в середине, или, вероятнее, — в 1-й половине XIII века, ещё до монголо-татарского нашествия. Продвигаясь по реке Костроме в Волгу, новгородцы могли закрепить за собою стратегически важный участок устья реки основанием здесь небольшого мужского монастыря, посвящённого популярным в Новгороде святым. Монастырь, разумеется, был ктиторским, и, вероятнее всего, его основателем являлся какой-нибудь новгородский боярин.

Позднее монастырь на устье реки Костромы получил второе посвящение — в честь Святой Живоначальной Троицы. Известно, что широкое почитание Святой Троицы на Руси началось со 2-й половины XIV века и связано, в первую очередь, с именем преподобного Сергия Радонежского, основавшего в Подмосковье свой знаменитый Троицкий монастырь. Вероятно, второе наименование Ипатиевский монастырь получил в конце XIV-го или в самом начале XV веков (впервые в дошедших до нас источниках он назван как «дом живоначальной Троицы и святого апостола Филипа и святого священномученика Иупатия» около 1410 - 1420 гг. в упоминавшейся выше данной монастырю), когда в нём, по-видимому, был построен Троицкий собор с приделом во имя Ипатия и Филиппа. Видимо, тогда же монастырь получил официальное двойное наименование — Троицкий Ипатиевский. Однако второе наименование не вытеснило, как это бывало, первоначальное, и на протяжении столетий вплоть до настоящего времени монастырь известен, в первую очередь, именно как Ипатиевский (Ипатьев, Ипатский, Ипатьевский или Ипатий).

³⁶ Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1988, с. 265.

Когда и кем был основан Ипатиевский монастырь?

В середине XVI века в монастыре взамен деревянного был воздвигнут каменный Троицкий собор с приделом во имя Ипатия и Филиппа; точный год возведения собора неизвестен, впервые он упоминается в сотной 1560 года «с книг костромских письма князя Андрея Дмитриевича Дашкова да Ондreja Васильева сына Тимофеевича Безносова с товарищи», где сказано: «Монастырь Ипатцкой общей на реке на Волге за рекою за Костромою усть реки Костромы, а внем церковь Живоначальной Троица камена, а придел Филиппа и Упатия»³⁷ (вероятно, каменный собор сменил деревянный в 50-е годы XVI века). Придельный храм во имя священномученика Ипатия и апостола Филиппа имелся в Троицком соборе на протяжении почти всей истории монастыря, однако, в связи с решением устроить в Архиерейском корпусе крестовую (домовую) церковь во имя этих двоих святых, 22 ноября 1862 года Ипатиевско-Филипповский придел в соборе был упразднён³⁸. Крестовую церковь во имя Ипатия и Филиппа при покаях правящего архиерея, в верхнем этаже Архиерейского корпуса, устроили в 1875 году³⁹ (она просуществовала до закрытия Ипатиевского монастыря в 1919 году).

Подведём итоги. Итак, по нашему мнению, Ипатиевский монастырь был основан новгородцами, проникавшими на Верхнюю Волгу по реке Костроме, и посвящен святому покровителю новгородских посадников — священномученику Ипатию, епископу Гангрскому. Основан монастырь, скорее всего, ранее конца XIII века, предположительно в 1-й половине века, возможно, ещё до монголо-татарского нашествия. Позднее в его стенах был погребён мурза Чет (Захария), видимо, являвшийся очень крупным жертвователем и покровителем монастыря, отчего в конце XVI века возникла легенда о том, что именно он являлся основателем обители. Во 2-й половине XIV - начале XV веков монастырь получил второе посвящение — во имя Святой Живоначальной Троицы, в официальном наименовании оттеснившее первоначальное посвящение на второе место. Однако в русскую историю монастырь вошел и стал повсеместно известным именно под своим первым названием — Ипатиевский.

³⁷ Шумаков С. Сотницы, грамоты и записи. Вып. 2, Костромские сотницы 7068 - 7076 г. М., 1903, с. 5.

³⁸ Костромской Ипатиевский монастырь. Кострома, 1913, с. 42.

³⁹ Там же, с. 55.

II. ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ

Ю.А. Козлова (Москва)

Дневник реставрационных работ над иконой Феодоровской Божией Матери

Летом и осенью 1919 года Комиссия по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России провела три экспедиции по верхнему и среднему течению Волги и Оки. Третья экспедиция, работавшая в октябре - декабре 1919 года, побывала в Кашине, Ярославле, Костроме и Ростове. В её состав входили: искусствовед И.Э.Грбарь (председатель Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России, начальник экспедиции), реставраторы А.И. Анисимов, Г.О. Чириков, П.И. Юкин, Ф.А. Модоров и фотограф А.В. Лядов. Осенью и зимой 1919 года участниками экспедиции были расчищены такие замечательные памятники древнерусской иконописи, как «Спас Вседержитель» из Успенского собора в Ярославле (1-я половина XIII века), «Богоматерь Толгская» (около 1314 года) в Толгском монастыре и «Богоматерь Феодоровская» в Костроме.

Относительно подробное описание раскрытия Феодоровской иконы Божией Матери хранится в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи, содержащем рукописи, письма и различные документы выдающегося искусствоведа и реставратора Александра Ивановича Анисимова (1877 - 1937 гг.). Среди них находится и «Дневник работ над иконой Феодоровской Божией Матери в Костроме 3 декабря 1919 года от Всероссийской Коллегии по делам Музейной охраны памятников искусства и старины при Народном Комиссариате по просвещению. Ответственный художник-реставратор П. Юкин» (ОР ГТГ,

* При публикации документа сохранена орфография и пунктуация подлинника. (Прим. ред.)

*Феодоровская икона Божией Матери в золотой ризе,
изготовленной в 1891 году
Фото В.Н. Кларка. 1908 г.*

ф. 68, д. 65)*. Дневник написан чернилами в школьной тетрадке (без обложки) из 12 листов в линейку, из которых заполнены 10 листов. На 2 листе помещён рисунок, сделанный чернилами и изображающий рамочку с рукоятью, в которую была вставлена икона. С оборота 2 листа начинается текст «Дневника»:

«Акт осмотра. 3.ХІІ.1919. После молебна совершенный настоятелем собора 11 ч. осмотр в присутствии И. Грабаря, настоятеля собора, протодиакона собора*, ответственного художника П. Юкина, мастера Ф.А. Мо-

* Настоятелем Успенского кафедрального собора в то время был протоиерей Павел Крутиков, а протодиаконом – о. Василий Померанцев. Оба в 30-е годы XX века погибли в лагерях. (Прим. Н. Зонтикова).

дорова и фотографа Комиссии А.В. Лядова чудотворный образ до реставрации в следующем виде: покрыт сплошной копоти и наслоений с олифой и с лаком и по всей иконе много воска и слюды. Также много дырочек от гвоздей, видимо, была слюда, которая прибивалась, и басма. Ниже рукава Спасителя и на одежде Богоматери выпал левкас, обнаружилась паволока и также пострадал низ изображения около ножек Спасителя. На левой ручке Богоматери между указательным и средним пальцем осыпался левкас и есть маленькие потери красок на багрянице. П. Юкин.

(л. 3) 3.XII. После обмера и описания наружного состояния перед началом реставрации описано с Председателем Комиссии по раскрытию др. живописи в России И.Э. Грабарем. Приступили к удалению воска, слюды, затем удалили поверхностную копоть, под копотью раскрыт на части фона около левого плеча Богоматери темно зеленый санкирь XVII века удаливши его раскрыт фон первоначальный украшенный серебром и также удален слой копоти с левого плеча и обнаружена позднейшая вставка XVII века. Сохранность раскрытого места средняя. Ф.А. Модоров.

3.XII. Произведена проба на фоне над головкой Спасителя при удалении воска, слюды и копоти также обнаружена сплошная пропись XVII века. При удалении прописи раскрыт первоначальный фон серебряный и на щечке, носе и волосах при удалении прописи нечего не оказалось. Левкас отравлен деревянным маслом* и поэтому решено в дальнейшем с лица Спасителя и Богоматери не удалять пропись XVII в. возможно ученик Симона Ушакова, а использовать (л. 3 оборот), видимо ветхое состояние лиц и побудило прописать в XVII веке. Сохранность раскрытых мест средняя. П. Юкин.

4.XII. Приступлено к частичной расчистке, вернее поиски изначального письма. На правой ручке Богоматери удалена пропись XVII в. и открылось первоначальное письмо на ладони, а большой палец не

* Деревянное масло – низший сорт оливкового масла, использовалось как лампадное; выражение «левкас отравлен деревянным маслом» можно толковать так: на икону попало это лампадное масло, им плеснули или протёрли икону этим маслом – консультация Г.С. Клоковой. (Прим. автора.)

*Феодоровская икона Божией Матери без ризы.
Фото А. Шмидта. Конец XIX в.*

сохранился, потому что поздние вставки. Письмо и технику по обнаруженному месту можно сравнивать с Б.М. Боголюбской*.

Затем пропись снята с шеи Богоматери, но к сожалению менее сохранилась, но повторяет ту же технику и на этом я покончил поиски на лицах, боясь, что мало откроется на всеми чтимой святой иконе. Перехожу к одежде около ручки Богоматери (*неразборч.*) багряницы с него удалена пропись XVIII в. и раскрыто изначальное письмо, основной тон темно-коричневый, контуры сажа и киноварные пробелы (*л. 4*) положены уверенно и смело редкими штрихами. Сохранность раскрытого места хорошая. П. Юкин.

4.XII. Удален воск, слюда, и копоть, обнаружена пропись частичная XVIII в. На звездочке, рясах и контурах

* Т.е. Боголюбской иконой Божией Матери. — (Прим. ред.)

при удалении записей раскрыто первоначальное письмо. Основной тон темнокоричневый, контур сажа, пробела киноварные. Пробной расчисткой звездочки и рясна раскрыты. Первоначально сделаны на вылипку серебра и рясна прочеканены, придавая рельефно выпукло жемчуга. Сохранность раскрытого места хорошая. Ф.А. Модоров.

5. XII. Удален воск, слюда и копоть с поля верхнего обнаружена пропись XVIII в. темно зеленоватый санкирь и раскрыт первоначальный серебряный (фон. — Ю.К.) и также и с фона удалена пропись XVIII в. Справа около (букв. — Ю.К.) ФУ раскрылись круги и в них видимо были надписи. Сохранность раскрытого места хорошая. П. Юкин.

(л. 4 оборот) 5. XII. Раскрыты поле боковое левое и фон левой (букв. — Ю.К.) МР также пропись XVIII в. удалена, обнаружено первонач. серебро, а на фоне также круг и маленький кусочек киновари, по фону идут красной меди гвоздики видимо была басма. Сохранность раскрытого места средняя. Ф.А. Модоров.

6. XII. Удалена слюда, воск и копоть обнаружена пропись XVIII в. На нимбе Богоматери и Спасителя пропись удалена. Раскрыт красочный слой. Нимб сделан по новой. Сохранность хорошая. П. Юкин.

6. XII. Продолжение (раскрытия. — Ю.К.) фона и полей; в нижней части фона и боковых частях полей обнаружены позднейшие вставки левкаса. Позднейший тон с него снят и оставлен левкас для сочетаемости. Также с правой части фона внизу и полей низов и боковых (неразборч.) также удален темно зеленоватый тон до левкаса. Сохранность средняя. Ф.А. Модоров.

(л. 5) Воскресение. 7. XII. Удалены воск и слюда с одежды Спасителя и при исследовании пробами около ручки правой Богоматери очень маленькие кусочки первоначального ассиста серебром и по этому всю одежду спасителя оставляю пропись XVI века, а ниже ручки Богоматери — XVII века. Сохранность хорошая. П. Юкин.

7. XII. Приступлено к укреплению оборотной стороны св. Параскевы. Прочитано рыбьим горячим клеем и ручки. Ф.А. Модоров.

8. XII. Удалены копоть, воск с левой ручки Богоматери и частичные записи XVIII (века. — Ю.К.), также с

лица Богоматери удалена частичная масляная запись XVIII в. со скулок и щочки, которая собою закрывала румянец и также уделана копоть с лица Спасителя и носос, также с ножек Спасителя снята копоть, на правой ножке осталась пропись XVII в. т.е. на вставке, а на левой пропись удалена, открылась XVI века. Сохранность хорошая. П. Юкин.

(л. 5 оборот) 8.XII. Удален воск, слюда и копоть с плеча левого Богоматери, обнаружена вставка XVII в., оставлены звездочки и рясны, а также низ одежды весь пострадал и запястье оставлено XVII века. Сохранность раскрытого места средняя. Ф.А. Модоров.

8.XII. Вечером прибыл столяр местный и с согласия причта решили укрепить ручку и нижнюю планочку, которая при поднятии и множестве носимостей качается и может выпасть. Вечером он принес ее. Вделали в ручку новую липовую планочку, укрепив ее клеем и винтами, вставил также с клеем и укрепил винтами, пропитав винты маслом по нашему указанию, чтобы они не ржавели. Но вставки сделаны без любви и уважения как к святыне. По моему эта мера предохранения временная и я здесь предлагаю в недалеком будущем (л.6) металлическую хотя бы серебряную или ясеневую рамочку в обхват иконы, а также и ручку ясеневую и дубовую и хотелось бы чтобы это было сделано при наблюдении членов Комиссии.

9.XII. Окончательно выбрано и промыто, т.е. смыта накопившаяся грязь и припитано яйцом в I-ом часу дня окончена Федоровская Б.М. П. Юкин.

9.XII. В первом часу дня приступили, первым делом удалили тонкую бумагу. Акт осмотра оборотной стороны св. Параскевы: по всей иконе воск и слюда, на платке имеется разрушение и осыпание красок до левкаса, в украшениях, позументах (*неразборч.*) и около лица, на оплечных украшениях также осыпание, на лице отпали кусочки левкаса с тоном на лбу и теневой правой щечке и на полях и фоне.

(л. 6 оборот) Вся икона покрыта олифой вскипевшей с лаком и покрыта превратившимися в грибки. На концах полей имеются глубокие дырочки от винтов, которыми была привинчена в 1849 году сменная обойма; и

также много гвоздиков красной меди — видимо поля и фон покрывались басмой.

9. XII. В 1 час 30 мин. приступили к удалению воска и слюды, произведена проба на левом плече, захвачены половина левой руки, одежды и украшений на плечных и около <нрзб.> вероятно щетки, удален первый слой олифы и лака, одежда тридесенного тона* украшена золотыми травами, украшения золоченые. Сохранность раскрытого места очень хорошая. П. Юкин. 9. XII. В 1 час 30 мин. Произведены пробы на нимбе, платке и фоне, удалена олифа с платка, нимба, а с фона позднейший тон, открыт серебряный фон, что и на Федоровской. На платке проделаны тени и

(л. 7) идут тонкие золотые ассисты, основной тон киноварь и тени сделаны тридесенью (коричневым. — Ю.К.). Сохранность раскрытого места хорошая. Ф.А. Модоров. С проб сделаны 2 снимка А.В. Лядовым. П. Юкин.

10. XII. Удалена копоть с лица, под копотью обнаружена пропись, после фотографирования частичные прописи удалены, открылось письмо начала XVI века (*неразборч.*) и письмо суздальское, техника пунктиром, выписано тонко, сохранность хорошая. Также раскрыт платок киноварный с тридесенными контурами и золотыми ассистами первоначальными; рясны использованы также XVII века, по тому, что первоначальных не сохранилось; раскрыт нимб, левая сторона, сделано также как на Богоматери Федоровской. Удален с фона зеленоватый санкирь, сохранились кусочки серебра и кусочек от

(л. 7 оборот) надписи киноварный. Удалена олифа и лак с одежды с левой стороны. Сохранность хорошая. П. Юкин.

10. XII. Удалена олифа с правой стороны одежды; основной тон разбельная тридесен сохранность хорошая; раскрыта рука правая, также XVII век сохранность хорошая. Раскрыта правая часть фона, удален зеленоватый санкирь, открылось серебро и также удалена пропись с правого бокового поля, открылись кусочки старого серебра. Ф.А. Модоров.

* «Тридесень» или «тердисень» — это искажённое *терра ди Сиена*, краска, получившая своё название по месту основной добычи — итальянской провинции Сиена; цвет сиены желтовато-коричневый различных оттенков. (Прим. автора.)

11.XII. Раскрыта вторая половина левой руки, так же что и первая, сохранность хорошая. Раскрыта левая сторона одежды, украшенная орнаментами золотыми, при тщательном выборе обнаружился рельеф. Сохранность хорошая. П. Юкин.

(л. 8) 11.XII. Удалены олифа и частичные заправки XVII в., раскрыли орнамент хорошей сохранности. Раскрыта вторая половина руки, такая же у Богоматери правой руки сохранность хорошая. Раскрыт низ одежды, удалены олифа и частичные правки, расчищены украшения рукавные и запястье; удалена пропись XVII века и под ней ничего не сохранилось и по этому решено использовать правки. Ф.А. Модоров.

12.XII. Удален с полей правого нижнего XVII века зеленоватый санкирь до левкаса для общей сочетаемости, на поле правом боковом открылись кусочки серебра и такие же на нижнем поле открылись. Затем приступлено к (*неразборч.*) чистой олифой и тщательной выборке фона и полей. Ф.А. Модоров.

(л. 8 оборот) 12.XII. Приступлено к выборке лица, платка, рук, одежды и украшений; при выборке раскрылись кусочки ассистов серебряных по разбельному тридесенному тону и по остаткам видимо пройдено в XV веке. Это я определяю по качеству золота, но все-таки характер и замысел принадлежит мастеру XII века, также и по платку киноварному открылись кусочки серебра и по этому золото только использовано как общая гамма сочетаний. Рясны видимо были, что и на Богоматери, т.е. серебряные расписаны (*неразборч.*) сажей (?), около росписи шли чеканки, придавая характер жемчуга; по середине красочные камни киноварные, рубиновые. И также видимо были и на украшениях св. Параскевы.

(л. 9.) Так что сохранились кусочки и там, где не сохранилось и видимо в XVII веке прожемчужили и по этому мы оставили эту реставрацию дабы не оголить. Ф.А. Модоровым удалена с правого запястья пропись XVII века, то ничево не оказалось. И так же можно с уверенностью сказать, что надписи шли вертикально по сохранившимся кусочкам на правом фоне вверху и на левом около плеча святой. Также скажу, что слухи, носимые костро-

мичами, что икона чудотворная подменена или вернее сгорела, то это неправда. Мы можем засвидетельствовать, что сказание сохранившееся, что икона спасена чудом, до некоторой степени справедливо. Низ иконы чудотворной обгорел и она каким-то образом сохранена.

(л. 9 оборот) 12.XII. После вечерни и молебна мною было доложено всем присутствовавшим прихожанам и можно было видеть какое радостное чувство охватило всех, кому так много присено облегчений в дни горя и страданий и ко мне многие обращались (с вопросом. — Ю.К.) что позволят после предохранения ей (имеется в виду иконой. — Ю.К.) пользоваться; мною также было сообщено, что задачи Комиссии только предохранить от порчи. После предохранения (икона. — Ю.К.) будет передана в ваше пользование. На этом заканчиваю. П. Юкин.

(л. 10) 13.XII. С утра чудотворная икона перенесена в помещение настоятеля, чтобы изолифить для олифы нужна температура не менее 16 градусов. Олифа употреблена белая маковая.

14-го снята калька с обеих сторон Ф.А. Модоровым и нечево не сказавши мне одета слюда и риза, хотя ему Модорову известно, что А. Анисимов будет 14 вечером в Костроме, это наводит на то — обращаться — это значит унижаться. Из этого можно заключить, что во имя самолюбия готовы небрежно относиться к прямым своим обязанностям. П. Юкин».

Спустя много лет П.И. Юкин дополнил о своей работе в Костроме в воспоминаниях: «Параллельно с расчисткой Федоровской нас Костромичи попросили расчистить икону Пошехонскую по преданию она явилась в XV в. какому-то старцу и теперь на этом месте воздвигнута церковь, после расчистки она оказалась XIV века (неразборч.) в данное время она (Пошехонская. — Ю.К.) пропала, куда она исчезла никто из местных жителей не знает» (ОР ГТГ, ф. 4, д. 813, л. 11 оборот). Основываясь на записях П. Юкина и Ф. Модорова в «Дневнике», А.И. Анисимов написал в своей статье «Домонгольский период древнерусской живописи», опубликованной в сборнике «Вопросы реставрации»: «Федоровская» икона <...> утрачена настолько с лицевой стороны, что не даёт ис-

*Феодоровская икона Божией Матери
после реставрации 1919 года.
Фото В.Ф. Шевченко. 2000 г.*

следователю ничего, кроме разрозненных и небольших фрагментов. Об утрате этого памятника приходится жалеть особенно потому, что обратная сторона иконы с изображением мученицы Параскевы, сохранившаяся вполне удовлетворительно, подтверждает эпоху её происхождения, относимую легендой ко второй четверти XIII в.» (*Вопросы реставрации. Вып. II. С. 161*). И.Э. Грабарь утверждает сходное мнение о сохранности иконы: «К сожалению, головы (Богоматери и младенца Христа. — Ю.К.), так же как и голова написанной на обратной стороне Параскевы, лежат на новом левкасе, конца XVIII века. Лучшее всего сохранилась одежда Параскевы, орнаментация которой есть определённый отзвук стародавних византийско-суздальских узорных тканей» (*Вопросы реставрации. Вып. I. 1926. С. 60*). Это же мнение

практически повторяет С.И. Масленицын в своей статье в «Памятниках культуры»: «От живописи на лицевой стороне иконы «Богоматери Федоровской» сохранились лишь небольшие фрагменты. В лучшей сохранности до наших дней дошло изображение Параскевы <...>. От живописи XIII века на изображении Параскевы сохранились только одежды, небольшие куски первоначального белого нимба и серебряного фона. На лице и руках при реставрации 1919 - 1920 гг. оставили слои живописи XVII - XVIII вв., сохранили и на одеждах» (Памятники культуры. Новые открытия. 1976. М., 1977. С. 160).

В 1929 году костромская религиозная община привозила чудотворную «Феодоровскую Богоматерь» в Москву, была она в мастерской недолго, её реставрацией занимался В.О. Кириков. В Отделе рукописей Третьяковской галереи сохранилось «Дело о реставрации иконы «Богоматерь Федоровская» из Успенского собора в г. Костроме 1929 год. Центральные государственные реставрационные мастерские отдела по делам музеев Главнауки Наркомпроса РСФСР» (ОР ГТГ, ф. 67, д. 250), но записи реставратора сделаны карандашом и чрезвычайно небрежно и почти не поддаются прочтению; среди записей имеется только одна дата «9 февраля 1929 г.»

Несколько слов о реставраторах, занимавшихся реставрацией «Богоматери Феодоровской» в 1919 году. Фёдор Александрович Модоров (1890 - 1967 гг.) вскоре после работы в Костроме прекратил заниматься реставрацией древнерусского искусства и работал как живописец, был членом Ассоциации художников революционной России (АХРР), затем МОСХ, у него было несколько персональных выставок, среди созданных им живописных произведений — «Ходоки у Ленина», «Герои Первой конной», «Народное собрание Западной Белоруссии», «Сталин в гостях у пионеров». Он родился в с. Мстера, закончил Мстерскую иконописную школу, затем Казанскую художественную школу, затем учился в Академии Художеств у В. Маковского, но не закончил её. Он иногда возвращался к работе реставратора, но достаточно редко: в 1946 году во Владимире он реставрировал «Богоматерь Боголюбскую» и залил её воском (Анкета Ф.А. Модорова, ОР ГТГ, ф. 91, д. 32).

П.И. Юкин (1883 - 1945 гг.) родился в Мстере в семье иконописца, о чём он пишет в своих воспоминаниях: "Отец мой был иконописец и очень начитанный на древнеславянском языке" (ОР ГТГ, ф. 4, д. 813, л. 1). П.И. Юкин окончил церковно-приходскую рисовальную школу, затем учился в Городце на Волге, в 1902 году вернулся в Мстеру, в 1904 году переехал в Москву и поступил на работу в иконописную мастерскую А.Н. Цепкова, затем в реставрационную мастерскую братьев Г.О. и М.О. Чириковых. С 1907 года работал как реставратор в Новгороде, в частности, расчищал фрески церкви Феодора Стратилата в Вологове, в начале лета 1912 года им была открыта фреска в церкви Рождества, расчищал икону "Молящиеся новгородцы", в 1920 - 1921 годах - фрески Феофана Грека в Спасо-Преображенской церкви, в 1921 году начал расчистку иконы Николы из Липненского монастыря. В письме Н.П. Кондакову от 23 июля 1923 года А.И. Анисимов писал: "Благодаря новым способам, применяемым Юкиным, фрески открываются без всяких повреждений поверхности и как бы только вышедшими из-под кисти художника: так ярки их краски". А.И. Анисимов был арестован 6 октября 1930 года, обвинён в шпионаже, приговорён к 10 годам лагерей и в феврале 1931 года отправлен на Соловки. Весной того же 1931 года была арестована группа сотрудников Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ), в том числе Г.О. Чириков и П.И. Юкин. Последнему, в частности, инкриминировали "анисимовщину", т.е. "поддержка и защита Анисимова <...> активное участие во всей той реакционной группе, шедшей за Анисимовым". 23 августа 1931 года Г.О. Чириков и П.И. Юкин были сосланы на 3 года на север, этапом в Котлас, где Юкин какое-то время красил дома. В 1933 году он вернулся в Москву. ЦГРМ были закрыты в феврале 1934 года. Несколько сотрудников ЦГРМ перешло в Третьяковскую галерею, но П.И. Юкина среди них не было. По воспоминаниям В.Г. Брюсовой, П.И. Юкин был послан летом 1944 года в Новгород для работы по реставрации фресок.

А.Б. Боброва (Москва)

**Икона
«Чудо Георгия о змие, с житием»
конца XVI - начала XVII века
из церкви Георгия «на площадке»
в Костроме**

В коллекции Государственной Третьяковской галереи хранится необычная костромская икона «Чудо Георгия о змие, с житием Георгия» конца XVI - начала XVII века¹. Это был большой храмовый образ церкви святого великомученика Георгия «на площадке» в г. Костроме, разрушенной в начале 1930-х годов².

¹ Антонова В.И., Мневя Н.Е. Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. М., 1963. Т. 2. С.171. Доска липовая, шпонки врезные, встречные. Паволока, левкас, яичная темпера. Размер 194X145. № 28765. На иконе по стыку досок, на полях и в клеймах имеются вставки левкаса. В клеймах утрачена часть ликов. Верхний красочный слой сильно потёрт. Утрачены моделировки на ликах и одеждах. Золотой фон и ассист на одеждах сильно потёрты и фрагментарно утрачены. Вокруг головы св. Георгия видны следы от гвоздей, крепивших металлический нимб.

² Храм Георгия Победоносца до начала 30-х годов стоял в центре города на старинной Воскресенской (с 1918 г. Советской) площади Костромы рядом с церковью Воскресения Христова. Первое упоминание о площади и храмах на ней содержится в Писцовой книге по Костроме за 1628 год: «За Новым городом на площади Церковь Воскресение Христово деревяна, клецки, да церковь другая с трапезою великого Христова мученика и страстотерпца Георгия. Церковные земли с кладбищем в длину 48 сажен, попереч посреди монастыря 21 S сажень» (Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестивой в императорском доме Романовых, прот. П. Островского. Кострома, 1864. С. 98.; «Костромская старина». Кострома, 1901. Вып. 5. С. 468; В.К. и Г.К. Лукомские. Кострома. СПб., 1913. С. 268 - 270). В XVIII веке обе деревянные церкви были заменены на каменные: церковь Вос-

Икона была отреставрирована в 1951 году И.А. Баршновым в Третьяковской галерее³. О памятнике не существует монографического исследования, имеются лишь краткие упоминания в отдельных работах⁴.

Настоящая статья посвящена исследованию иконографических особенностей данной иконы, к которым относятся: «Чудо святого Димитрия Солунского», расположенное в левом верхнем углу иконы, и клеймо «Св. Никита, избивающий беса» в житийном цикле, находящееся внизу иконной доски.

Древнейшие изображения св. Георгия относятся к V - VI векам и представляют его как мученика, молодого юношу в хитоне и плаще с крестом в руке⁵.

Житийные циклы св. Георгия известны с XI века. Самый ранний из дошедших памятников — серебряный Местийский чеканный крест, на котором представлены

кресения Христова с колокольнею построена в 1744 - 1749 гг. Костромской канцелярии секретарём Артемием Борисовым Иларионовым и другими прихожанами, церковь Георгия Победоносца в 1772 - 1790 гг. — прихожанами (Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестивой в императорском доме Романовых, прот. П. Островского. Кострома, 1864. С. 98). Храм вмч. Георгия был одноглавый, в стиле барокко, с большой трапезной, под которой находилась «кладовая палатка», используемая в хозяйственных целях. В первой четверти XIX века к Георгиевской церкви был пристроен выходящий на площадь четырёхколонный портик в стиле ампир.

³ Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. М., 1963. Т.2. С.171. Икона попала в Москву обычным для того времени путём. В 1930 году в Костроме сотрудниками Третьяковской галереи производилась регистрация памятников иконописи. Среди икон, находящихся в музее, была отмечена икона Георгия на коне с житийными клеймами внизу иконы, большого размера, XVI-го века (из ц. Георгия «на площадке» в Костроме). Покрытая слоем позднейшей записи икона требовала расчистки и не могла экспонироваться.

⁴ Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. М., 1963. Т.2. № 566, С. 170, 171; Древнерусская живопись в собрании Государственной Третьяковской галереи. Альбом. М., 1958. Цв. табл. 58; Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода сер. XIII - нач. XV вв. М., 1976. С. 191, прим. 24; Брюсова В.Г. Русская живопись 17 века. М., 1984. С. 73. Илл. 60.

⁵ Например, на иконе «Богородица на престоле с Феодором и Георгием» VI века из монастыря св. Екатерины на Синае (Вейцман К., Хадзидакис М., Миятев К., Радойчиц С. Иконы на Балканах. Синай. Греция. Болгария. Югославия. София - Белград, 1967. Табл. 1.)

Бывший храмовый образ великомученика Георгия Победоносца из Георгиевского храма «на площадке» в Костроме, ныне находящийся в экспозиции Государственной Третьяковской галереи. Современное фото. Предоставлено автором

Икона «Чудо Георгия о змие, с житием»...

девять сцен⁶. Древнейший житийный цикл великомученика XI века находится в Софии Киевской. В главном храме Киевской Руси был освящён придел в честь св. Георгия с четырьмя сценами его жития (сохранилась одна композиция)⁷.

Сюжет «Чуда» является средником самой древней житийной иконы из собрания М.П. Погодина⁸. В четырнадцати клеймах изображено житие св. Георгия, ставшее основой для последующих вариантов.

К XVI веку в русском искусстве наблюдаются две большие группы житийных икон: в первой св. Георгий представлен в среднике в рост (эти изображения продолжают византийскую традицию), во второй в среднике изображено «Чудо Георгия о змие» (русская традиция).

«Чудо Георгия о змие» в среднике икон встречается в провинциальных памятниках Руси: икона из Богородице-Рождественского собора в Устюжне первой половины XVI века (Вологодский музей)⁹, икона из Никольской церкви деревни Якимовской Архангельской области второй половины XVI века (Архангельский музей)¹⁰, икона с Поволжья конца XVI века (ГТГ)¹¹, икона из Воскресенской Лещевской церкви конца XVI - начала XVII века (Вологодский музей)¹² и др.

Обратимся к нашему памятнику. На иконе «Чудо Георгия о змие с житием» из Костромы изображён великомученик Георгий на белом коне. Святой обращён вправо к городу, у стен которого стоит царевна. Георгий традиционно представлен молодым юношей. Тёмно-коричневые волосы в мелких кудрях плотно прилегают к голове, мягко обрамляя овал лица. Глаза правильной, продол-

⁶ Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство. Исследования по истории грузинского чеканного искусства. Тбилиси, 1959. С. 450 - 476. Табл. 270.

⁷ Айналов Д.В., Редин Е.К. Киево-Софийский собор. Исследование древней мозаической и фресковой живописи. СПб., 1889. С. 88, 89.

⁸ Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода сер. XIII - нач. XV вв. М., 1976. С. 188 - 195.

⁹ Рыбаков А. Вологодская икона. М., 1995. Кат. № 214.

¹⁰ Северные письма. Каталог. Архангельск, 1999. Кат. № 58.

¹¹ Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. М., 1963. Т.2. Табл. 71. № 614.

¹² Рыбаков А. Указ. соч. Кат. № 164, 165.

говатой формы, широко раскрыты, выражают задумчивость и спокойствие. Брови слегка дугообразные, нос прямой и тонкий. Рот маленький, с тонкими губами. Великомученик одет как воин, в красную приволоку — род плаща, — накинутую на оба плеча и скреплённую на груди узлом, в орнаментированные золотом и чернью пластинчатые доспехи с мишенью на груди. Из-под доспехов видна короткая серо-коричневая туника, конец подола которой свисает складками с седла. Рукава на запястьях украшены золотыми поручами. На ногах узкие, в мелких складках, красно-коричневые ноговицы и высокие жёлто-коричневые сапоги. Св. Георгий правой рукой, поднятой вверх, держит копьё с развевающимся маленьким трёхконечным красным стягом. Левую руку с чёрными поводьями он прижал к груди. От движения правое плечо поднялось, а левое опустилось.

Конь Георгия выступает спокойным, мерным шагом. Туловище коня достаточно массивное, стройные ноги подкованы, белая грива лежит волнистыми прядями на круто выгнутой шее. Хвост, завязанный узлом, разделяется на три пряди. На голове коня красно-коричневая шапочка, на шее большая кисть, на крупе украшение в виде меховой розетки. Седло и сбрую покрывает богатый золотой орнамент.

Св. Георгий изображён на фоне горы, вершина которой находится в левой части иконы. Гора с крупными лещадками, написанная прозрачной охрой, покрыта редкими коричневыми растениями. Под горой, в левом нижнем углу композиции, изображено тёмно-зелёное озеро. Из него выполз змей, его голова, крылья и лапы красного цвета. Зелёное тело змея, свиваясь тремя кольцами, вытянулось до края озера. Св. Георгий пронзает змея копьём в раскрытую пасть. На шее чудовища завязан красный пояс с кистью, который держит в правой руке царевна. Она одета в зелёный далматик, украшенный широкой золотой каймой оплечья, обшлагов рукавов и подольника. Так же украшены пояс и передник. Сверху накинут алый плащ. На голове царской дочери золотой городчатый венец. Стоя у входа в город, она указывает рукой вверх на возвышающиеся друг

Икона «Чудо Георгия о змие, с житием»...

над другом розовые, жёлтые и зелёные хоромы и палаты его с разнообразными завершениями. Из окон и гульбищ города смотрят на поражение змея стражники, царь и царица. Из башни над входом выглядывает стражник, выше изображены царь в короне и красном плаще и толпа народа, ещё выше — царица в короне, зелёном плаще и двое слуг.

В правой части иконы перед городскими башнями изображён трёхцветный (красный с жёлтым и синим) сегмент неба. Между двух сегментов, покрытых ассистом, представлен Иисус Христос в красных с золотом одеждах. В середине верхней части иконы изображён ангел, который несёт св. Георгию золотой городчатый венец. Ангел одет в красный гиматий, из-под драпировок которого виден синий хитон. Его золотые крылья выходят за средник на верхнее поле.

В левом верхнем углу иконы помещено изображение великомученика Димитрия Солунского на коне, он поражает копьём царя Калояна. Св. Димитрий облачён в золотую пластинчатую кольчугу поверх красной рубахи, коричневые штаны и чёрные сапоги. За спиной всадника раскинулся тёмно-зелёный плащ, скреплённый узлом на груди. Св. Димитрий изображён с короткими волосами и без бороды. Великомученик в правой руке держит копьё, в левой — поводья, повторяя позу св. Георгия. Чёрный конь изображён стремительно скачущим, с выгнутой шеей и тонкими ногами, чёрный хвост завязан узлом. На коне золотое узорчатое седло и красная уздечка. Под копытами коня находится всадник по величине вдвое меньше св. Димитрия. Всадник — болгарский царь Асколон (Калоян), согнувшись, припал к шее своей лошади и повернул голову к св. Димитрию. Великомученик копьём, с красным стягом на конце, пронзает голову царя. Царь Калоян одет в синюю рубаху, золотую кольчугу и красный плащ, облегающий спину. На голове у него шлем. Белый конь Калояна изображён падающим, с подогнутыми ногами. Оба всадника представлены парящими на золотом фоне иконы. Композиция не заключена в клеймо, а помещена непосредственно на золотом фоне.

В житийном цикле св. Георгия во втором ряду в первом клейме изображено избиение св. Никитой беса, который явился к нему в темницу и искушал поклониться идолам. Св. Никита представлен справа в трёхчетвертном повороте, привставшим с седалища. Правой ногой он наступает на беса.левой рукой он держит беса за волосы, а правую руку занёс для удара, держа в ней оковы, которые он снял со своих ног. На быстроту и силу этого движения указывает взвившийся за спиной святого плащ. При этом вся сцена довольно неподвижна и не передаёт усилия ни в фигурах, ни в лицах изображённых. Никита одет в короткую зелёную рубаху с золотой каймой по низу, поверх которой накинута красная плащ, скреплённый на груди, на его ногах — коричневые штаны и сапоги. Святой — средовек с короткими волосами и бородой тёмно-коричневого цвета. Коричневый бес обращён к Никите спиной. Его запрокинутая голова изображена в профиль. Правую руку, согнутую в локте, он поднял к голове. Сидя на полу и стараясь вырваться, вытянутой, чуть согнутой правой ногой бес упирается в пол. За спиной его веерообразные крылья, с рядом острых концов, торчащие в разные стороны. За фигурой Никиты изображён золотой стул с фигурными ножками, стоящий у красно-коричневой стены темницы с большим чёрным входом и крышей приплюснутой килевидной формы жёлтого, зелёного и красного цветов. Широкий тёмно-зелёный позём отделён от темницы тонкой белой линией. Нимб святого и фон клейма золотой (фон и позём единые со следующим клеймом).

Колорит иконы тёплый, с преобладанием золотисто-коричневых тонов, краски светлые и прозрачные. Личное написано по оливковой санкирной прокладке, разбелённой охрой, с лёгкими белильными штрихами, места углублений обозначены тёмно-зелёными тенями.

В нижней части иконной доски расположены в два ряда двадцать клейм: девятнадцать — с житием св. Георгия и одно — со св. Никитой, избивающим беса.

Содержание клейм, слева направо: 1. Св. Георгий раздаёт своё имение нищим. 2. Исповедание веры перед царём Диоклетианом. 3. Св. Георгия ведут в темницу. 4. Истязание железными крючьями. 5. Св. Ге-

Икона «Чудо Георгия о змие, с житием»...

оргия варят в котле. 6. Спаситель ободряет мученика. 7. Обезглавливание св. Георгия. 8. Св. Георгий и царица Александра. 9. Волхв Афанасий поит св. Георгия волшебным питьём. 10. Пытка пилой. 11. Св. Никита, избивающий беса. 12. Св. Георгия ведут два воина. 13. Бичевание воловьими жилами. 14. Мучение огнём. 15. Истязание на колесе. 16. Сокрушение идолов. 17. Воскрешение мёртвых. 18. Пытка железными сапогами. 19. Оживление вола земледельца Гликерия. 20. Обезглавливание уверовавшего Гликерия.

Состав житийного цикла на костромской иконе «Чудо Георгия о змие» вполне традиционен. Согласно канону, установившемуся к XIV веку, он начинается сценой «Св. Георгий раздаёт имущество нищим». Следующие два клейма — «Допрос у Диоклетиана» и «Ведение св. Георгия в темницу» — соответствуют хронологической последовательности. Дальше расположение сюжетов не подчиняется развитию жития¹³. Возможно, автора образа больше интересовала не последовательность жития, а композиционное расположение сцен, их архитектурное обрамление и колористическое решение.

Очевиден ряд особенностей житийного цикла костромского образа. Прежде всего, обращает на себя внимание завершение цикла: вместо композиции «Усекновение главы св. Георгия» («Положение во гроб»), которая представлена в середине верхнего ряда, изображена «Казнь уверовавшего Гликерия». Также нетрадиционна иконография клейма «Воскрешение умерших», где вместо одного воскресшего представлена группа мужчин, женщин и детей.

В цикле изображаются только прижизненные чудеса. Посмертное «Чудо Георгия о змие» представлено в качестве главного. Четыре композиции чудес чередуются

¹³ В качестве примера нетрадиционного расположения житийных клейм следует отметить икону свв. Козьмы и Дамиана конца XIV - начала XV века с клеймами по периметру и дополнительным рядом внизу (Вологодский музей) (Рыбаков А. Указ. соч. Кат. № 50), икону Иоанна Предтечи конца XVI века с клеймами сверху и внизу (ГИМ) (Русская икона XIV - XVI веков. ГИМ. Л., 1988. № 55), икону свв. Петра и Февроньи XVII века с клеймами сверху в один ряд и по сторонам — в два (Масленицын С.Н. Муром. М., 1971. № 58), позднюю икону св. Иоасафа Каменского XVIII века с житийным циклом в нижней части в два ряда (Вологодский музей) (Рыбаков А. Указ. соч. Кат. № 270).

с семью сценами мучений, четыре из которых — «Истязание железом», «Св. Георгия варят в котле», «Пытка пилой» и «Мучение огнём» — являются эпизодами апокрифического текста «Георгиево мучение»¹⁴. Большинство же сюжетов исследуемой иконы — пятнадцать из девятнадцати — принадлежит каноническому житию.

Житийные клейма согласованы с главным изображением композиционно и по колориту. В них, как и в среднике, использованы красный и зелёный цвета в сочетании с охрами нескольких оттенков. Нимбы, фон и поля иконы золотые, на верхнем и нижнем поле широкая киноварная опушь. На верхнем поле и в верхней части каждого клейма видны фрагменты киноварных надписей.

Композиция иконы состоит из двух частей: главного изображения и двух рядов клейм, которые объединены единым колоритом, рисунком пейзажа и архитектуры. Верхняя часть, в отличие от клейм, имеет два ярко выраженных плана: на первом представлен св. Георгий, на втором — город. Условно вся поверхность иконы служит фоном для образа воина-триумфатора. Композиция верхней части насыщена изображениями. Помимо св. Георгия, представлены Спаситель в сегменте небес, летящий ангел, св. Димитрий Солунский, поражающий Калояна. Город, со сложными архитектурными зданиями, изображается в виде башни, с построением пространства не вглубь, а вверх. Насыщенность композиции принадлежит второму плану и не мешает чёткому восприятию главного персонажа.

Верхний ряд клейм сопоставляется с нижним композиционно и по смыслу. Так, во втором и двенадцатом клеймах св. Георгий представлен с двумя воинами по сторонам. Сцене «Мучение железом» соответствует клеймо с подобной композицией — «Мучение огнём», причём в первом случае слуга слева в зелёной рубахе, а справа — в красной, во втором — наоборот. Сцена «Усекновение главы св. Георгия» сопоставляется с представленным ниже клеймом «Воскрешение мертвых». Так же повторяется композиция в предпоследних клеймах.

¹⁴ Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 2. С. 100 - 111

Икона «Чудо Георгия о змие, с житием»...

Св. Георгий в житийном цикле изображается одетым по-разному: чаще в длинной рубахе с золотой каймой, с плащом на плечах или без него (рубаха — красная, плащ — зелёный или наоборот). В сценах мучений св. Георгий представлен в белом опоясании или обнажённым. Его золотой нимб имеет тонкую коричневую обводку. Слуги-мучители одеты в короткие рубахи с золотой каймой, штаны и высокие сапоги: один — в красных рубахе и сапогах и коричневых штанах, другой — в зелёных рубахе и сапогах и красных штанах. Воины облачены в золотые кольчуги поверх красных рубах, иногда в остроконечные шлемы и красные плащи.

Все клейма объединяет ровный золотой фон, равномерно обтекающий здания и гористый пейзаж. В данном случае он играет роль единой световой среды, в которую помещены как центральная композиция, так и каждое клеймо в отдельности. Подобный приём позволяет создать единое декоративное целое, осмыслить всё целиком так, чтобы каждая сцена, сама в себе будучи вполне определённой, в то же время являлась неотъемлемой частью целого. На соседних композициях, с архитектурным фоном, здания ставятся вплотную так, что нельзя провести чёткую границу между сценами. В клеймах чередуются здания сложных очертаний красного и тёмно-зелёного цвета с белильной прорисовкой внутренних контуров и геометрическим орнаментом. Изображения боковых стенок, а также многочисленных дверных и оконных проёмов разнообразной формы придают палатам объёмность. Клейма с пейзажным фоном представляют собой непрерывные горки, написанные охрой с белой и коричневой прорисовкой и редкими коричневыми растениями. Вершины горок (по одной - две на клеймо), чередуясь с крышами зданий, создают спокойный равномерный ритм на золотом фоне.

Икона датируется рубежом веков и сочетает в себе традиции XVI века и новые веяния XVII века. С одной стороны, ещё присутствуют многие элементы классического наследия XVI столетия, особенно в изображении клейм, которым находятся параллели в более ранних памятниках. Исследуемый образ «Чудо Георгия о змие»

во многом сходен с житийной иконой свт. Николая Зарайского второй половины XVI века с Поволжья (собрание Павла Корина)¹⁵. Это проявляется в построении уравновешенных симметричных композиций, цветовом решении в трёх тонах (красный, охра и золото), в трактовке фигур, в изображении архитектуры и горок с редкими растениями.

С другой стороны, чувствуется манера XVII века, которая выражается в характере письма плавной заливкой с неясными тенями, не дающими объёма. Лик перестаёт быть смысловым и эмоциональным центром иконы. Притом что образ св. Георгия ещё очень выразительный, в духе XVI века, он теряется в сложной композиции и трудно различим с небольшого расстояния. Значимость образа познаётся через жест, силуэт, общий ритм отношения фигур к окружающим предметам. Утяжелённые фигуры трактуются чисто внешне. Например, царевна одета в прямое платье из тяжёлой ткани. (Аналогично представлены фигуры на иконе «Иже херувимы» конца XVI века из Сольвычегодска (ГТГ)¹⁶ и на житийной иконе свт. Николая Зарайского конца XVI - начала XVII века (Вологодский музей)¹⁷. Меняется сущность живописи, художник лишь заполняет краской поверхность доски в пределах положенного контура. Его кисть лишается свободы и уверенности мастеров конца XIV - начала XV века, живописавших цветом, строивших кистью объём, форму, иногда даже вопреки нанесённому рисунку. Это особенно заметно в изображении плаща св. Георгия, который тяжёлой массой раскинулся за спиной всадника, — с жёсткими геометрически правильными складками, с чуть вспоруженными краями. Весь плащ выполнен одним слегка разбелённым красным цветом с тёмно-красной проработкой складок. Фигуры, представленные в ракурсах и поворотах, остаются

¹⁵ Антонова В.И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966. С. 77. Кат. № 55. В каталоге она датируется серединой XVI века, но музейные сотрудники относят её ко второй половине века.

¹⁶ Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. М., 1963. Т. 2. Кат. № 365.

¹⁷ Рыбаков А. Указ. соч. Кат. № 267, 268.

Икона «Чудо Георгия о змие, с житием»...

скованными и застывшими. Исключение составляют скачущий конь св. Димитрия и взвившийся плащ св. Никиты. Подобное изображение красного плаща представлено на новгородской иконе «Премудрость созда себе дом» середины XVI века (ГТГ)¹⁸.

В иконе наблюдается нарастание декоративности, орнаментальности и красочности, сказавшееся в преобладании чистой орнаментики, тяготеющей к книжной миниатюре, в изобилии причудливых архитектурных сооружений, в размещении масс и чередовании фигур (конный св. Георгий повторяется в фигуре св. Димитрия). На иконе много золота в изображении одежд и фона (особенно изобилие ассиста на одежде Христа и сегментах небес). Художник применяет акцентирование путём вынесения яркой или светлой детали на тёмный фон или наоборот (чёрный конь св. Димитрия на золотом фоне).

Художник стремится особенно тщательно и детально передать сюжет с наибольшей наглядностью. Композиция иконы до предела насыщена и декоративна. Преобладающая повествовательность легко сочетается с измельчением форм и интересом в отделке мелких деталей. Фигуры имеют обобщённый контур, а мелкие детали тщательно проработаны. Кольчуга св. Георгия и седло его коня отличаются тонко прорисованным геометрическим и растительным орнаментом. (Подобное воинское облачение изображено на иконе св. Димитрия Солунского первой четверти XVII века из Успенского собора г. Дмитрова (ЦМиАР)¹⁹. Художника привлекает изображение города с нагромождением причудливых форм, с большим количеством деталей, заимствованных из разных образцов. Данное сочетание разнообразных архитектурных зданий имеет близкие аналогии в русском искусстве конца XVI столетия. В качестве примера можно указать икону «Зачатие Богоматери» конца XVI века (ЦМиАР)²⁰. Сказочный город на костромской иконе населён массой народа. Мастер стремится вместить как можно больше, использовать

¹⁸ Антонова В.И., Мнева Н.Е. Указ. соч. Т. 2. Кат. № 365.

¹⁹ 1000-летие Русской художественной культуры. Каталог. М., 1988. С. 144. Кат. № 139.

²⁰ Салтыков А.А. Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Л., 1989. Кат. № 148, 149.

всю поверхность, что продиктовано заботой о читаемости и занимательности содержания.

По сравнению с другими житийными иконами св. Георгия, на костромском образе очень сильно акцентировано изображение самого святого. Сцена «Чудо Георгия о змие» занимает большую часть иконной доски. Главная композиция вписана в квадрат, и копьё св. Георгия делит его, почти как биссектриса, на две равные части. Контур города как бы ограничивает краткий вариант «Чуда», где конь и всадник вписываются в вертикально вытянутый четырёхугольник. Все углы этого четырёхугольника художник акцентировал, противопоставив небо и землю, добро и зло: сегмент неба сегменту озера, св. Димитрия змею. Таким образом иконописец достиг равновесия композиции. Клейма значительно уменьшены ради масштабного выделения центрального образа и, как было уже сказано, помещены внизу иконы. Подобное расположение клейм нетрадиционно для житийных икон. Возможно, это связано с местоположением образа в пространстве храма. Такое расположение житийного цикла, с одной стороны, позволяет сосредоточить внимание на среднике, с другой — даёт возможность для лучшего рассмотрения клейм. Двадцать клейм занимают минимально возможную плоскость — 1/5 часть иконной доски. Мастер нашёл оптимальное решение композиции, увеличив пространство главной сцены за счёт уменьшения места для клейм²¹.

Сочетание традиций разных художественных центров в изобразительном искусстве, начавшееся еще при Иване Грозном, особенно проявилось на рубеже XVI -

²¹ И. Мысливец в работе «Св. Георгий в восточно-христианском искусстве» (*Myslivec J. Svatý Jiří ve východokřesťanském umění / "Byzantinoslavica". Praha, 1933 - 34. T. V. S. 304 - 375.*) подробно разобрал изобразительные циклы жития св. Георгия в балканских, румынских и русских памятниках. Подбирая отдельные тексты жития к изображаемым сценам в живописи, автор пришёл к выводу, что ни один цикл не является дословной иллюстрацией жития, так как не соблюдается последовательность развития сюжета. Наиболее точный в этом плане цикл составляют фрески Старо-Нагоричино 1318 - 1320-х годов, но и здесь обнаруживаются перестановки сюжетов и вставки из апокрифа. Всё это привело исследователя к выводу об особой творческой свободе художника в компоновке изобразительных циклов жития св. Георгия.

Икона «Чудо Георгия о змие, с житием»...

XVII век. В рассматриваемой иконе наблюдается, с одной стороны, изысканность и тонкость отделки в деталях, присущая столичным мастерам, с другой — некоторое упрощение в трактовке фигур и перенасыщенность композиции.

Особенность иконы составляют два сюжета, включённые в житийный цикл повествования — «Чудо св. Димитрия Солунского» и «Св. Никита, избивающий беса». В «Чуде св. Димитрия о пришествии царя Асколона» рассказывается, как загорский царь Асколон (нарицаемый Калоян), разорив много греческих городов, пришёл на великий град Солунь, на отечество св. Димитрия, где лежали его многоцелебные мощи, источающие миро. Ка-

О возможности внехронологического восприятия житийных циклов на иконах пишет И.Е. Данилова. (*Данилова И.Е. О категории времени в живописи средних веков и раннего Возрождения // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 157 - 174*). Автор объясняет нарушение хронологической последовательности при изложении жития особенностью восприятия средневекового человека, для которого вечность обладала высшей реальностью, а земное время расценивалось как второстепенное и малозначимое. На иконе святой представлен в последний, самый важный момент своего земного пути, когда все дела его как бы встают перед его мысленным взором. «Все эпизоды «жития» утрачивают порядок следования во времени, и рычагом, передвигающим их из различных слоёв прошлого в единую плоскость, лишённую признаков времени, становится композиция иконы» (С. 162). Далее И.Е. Данилова пишет о том, что житийная икона предполагает не последовательное, а одновременное зрительное восприятие — клейма не «читаются», икона воспринимается глазом во всей целокупности. «Попытки прочесть клейма хронологически в ряде случаев вызывают затруднение и требуют тщательного сопоставления изображённых сюжетов с текстами, так как при всей строгой каноничности средневекового искусства в нём, по-видимому, так и не было выработано единого порядка в расположении клейм; относительно постоянным был этот порядок лишь для сцен верхнего и нижнего рядов, что касается правого и левого, то в них часто возникают разночтения» (Там же). Примером этому служат три иконы XIV века из ГТГ: «Никола с житием» из Пскова, «Борис и Глеб с житием» и «Никола с житием» из Москвы (Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Древнерусское искусство X - начала XV века. М., 1995. Кат. № 35, 58, 59). Расположение клейм по периметру доски давало возможность рассматривать их по горизонтали и по вертикали, сопоставляя верхний ряд с нижним, правый столбец — с левым, сбивая хронологический ряд.

лоян хочет разорить Солунь, но «является ему святой Димитрий, и копие имый страшно в руке, и удари его в знак. Божиим судом и святого прободением язву невидиму в сердце приял, напрасно скончался». Так Бог сохранил город Солунь молитвами святого²².

Изображение «Чуда Димитрия Солунского» имеет историческую основу. В 1185 году болгарские братья Пётр и Асень, призывая болгар выступить против византийского владычества, построили храм в честь св. Димитрия Солунского в Тырново. Созвав там вече, они объявили, что теперь, после взятия Солуни норманнами, когда гробница св. Димитрия подверглась разорению, святой покинул Солунь, переселился к болгарам и повелевает свергнуть иго греков. Подчёркивая покровительство св. Димитрия своему государству, болгарские цари изображают великомученика на монетах и печатях. В ответ на подобную «узурпацию» небесного патрона в Фессалониках создаётся легенда, согласно которой болгарский царь Калоян, умерший во время осады Солуни в 1207 году, был поражён св. Димитрием²³.

Древнейшее изображение «Чуда Димитрия Солунского» на Руси сохранилось на шиферном рельефе XI века из киевского Михайловского Златоверхого монастыря²⁴. Существуют два типа конного изображения св. Димитрия Солунского, поражающего копьём царя Калояна. В первом варианте Калоян представлен пешим, например, как на шиферном рельефе XI века и на оборотной стороне двусторонней каменной иконки «Успение Богоматери; Димитрий Солунский» конца XIV века (ГРМ)²⁵. В другом варианте Калоян изображён на коне, например, в среднике житийной иконы первой половины XVI века (Нижегородский государственный художественный музей)²⁶ и на двух вологодских иконах XVI

²² *Макарий*, митрополит всероссийский. Великие Минеи Читии. Октябрь (дни 19 - 31). СПб., 1880. Стлб. 1901, 1902.

²³ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. (XI - первая половина XIV века). Л., 1987. Выпуск 1. С. 262.

²⁴ ГТГ. Каталог собрания. Т. 1. С. 195. Кат. № 91.

²⁵ *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI - XV веков. М., 1983. С. 209. Табл. 37.

²⁶ *Розанова Н.В.* Ростово-Суздальская живопись XII - XVI веков. М., 1970. Кат. № 99.

века²⁷. На иконах с изображением «Чуда Димитрия Солунского» также может присутствовать сегмент небес с благословляющей десницей Спасителя и ангел, несущий венец. На костромской иконе «Чудо Георгия о змие» представлен второй вариант «Чуда Димитрия Солунского» — с конным царём Калояном. Наиболее близкая аналогия этому изображению находится на житийной иконе из Нижегородского музея²⁸.

Композиция «Св. Никита, избивающий беса» является самым знаменитым эпизодом из «Мучения Никиты». Из жития св. Никиты известно, что он был посажен в темницу своим отцом — императором Максимианом — за отказ отречься от христианской веры²⁹. После очередной пытки страстотерпца ему в темнице является бес, принявший ангельское обличье. Но Никита распознал в ангеле беса, «простре же блаженный руку свою, ять дьявола и поверже под собою и наступи на шею его и задави»³⁰. Затем святой снял с ног своих кандалы и начал избивать ими беса, который признался, что он есть «нареченный Вельзевул»³¹. И.Н. Окунева предполагала, что этот эпизод жития возник под влиянием дуалистических апокрифических сказаний, характерной чертой которых является допрос дьявола, диалог с ним³².

Литературной основой иконографии св. Никиты, побивающего беса, является апокрифический памятник «Никитино мучение», относящийся к переводным житиям или мартириям первых христианских мучеников, погибших за веру³³.

Образ св. Никиты-Победителя зла приобретает особую популярность в XVI столетии. В это время в иконописи возрастает интерес к мистико-дидактическим и нравоучительным сюжетам. Ведущую роль получает развитие Христологических и Богородичных икон. На русской почве по-

²⁷ Рыбаков А. Указ. соч. Кат. № 185, 187.

²⁸ Розанова Н.В. Указ. соч. Кат. № 99.

²⁹ Никитино мучение. Из полуустава Торжественника XVI века // Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. II. С. 112 - 120.

³⁰ Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 2. С. 116.

³¹ Там же. С. 117.

³² Окунева И.Н. Икона св. Никиты, избивающего беса // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1935. VI. С. 210.

³³ Там же.

является «Четырёхчастная икона» Благовещенского собора Московского Кремля, основной идеей которой является Христос-Победитель смерти. Тема борьбы со злом звучит в изображениях святых этого времени: свв. Георгия, Феодора Тирона, Феодора Стратилата, Дмитрия Солунского, Ипатия Гангрского, архангела Михаила, изображающихся в сражении с нечистой силой — в образе змея или дракона³⁴.

Изображение св. Никиты-бесогона во множестве встречается на русских памятниках начиная с XII века. Одно из ранних изображений св. Никиты, избивающего беса, находится в рельефах правой закомары Дмитровского собора во Владимире XII века³⁵. Сюжет избияния беса мучеником Никитой широко распространён в искусстве малых форм новгородско-тверских земель, самые ранние из которых относятся к XIV - XV веку. Этот сюжет часто встречается на новгородских наперсных иконах, меднолитых змеевиках и крестах энколпионах³⁶. Иконные изображения св. Никиты известны с XV столетия³⁷.

³⁴ И.Д. Четыркин считал, что первоначально изображение св. Никиты, побивающего беса, олицетворяло Голгофскую Победу (*Четыркин И.Д. К вопросу об изображениях великомученика Никиты // Труды X Археологического съезда в Риге. М., 1900. Т. 3. С. 93*). Само имя Никита — Победитель (по-гречески), присущее Христу, возложило на святого определённые функции. Иконографической особенностью св. Никиты является его сходство с обликом Христа. В иконописном подлиннике Новгородской редакции написано, что у святого мученика Никиты «брада и власы аки Христовы» (Иконописный подлинник Новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI века. М., 1873. С. 11). На развитие сюжета также оказало влияние положение праздника на второй день Воздвижения Креста. Характер изложения службы свидетельствует о взаимосвязи св. Никиты с Крестом и Христом, распятым на нём (*Тетерятникова Н. Изображение св. Никиты, бьющего беса // Вестник русского христианского движения. Париж — Нью-Йорк — Москва, 1979. № 129. С. 194*). Песнопения Кресту совмещены с песнопениями св. Никите, чередуются между собой, согласуясь друг с другом. Св. Никита называется «победы тезоименит», «в подвиге проповедал Христа Бога нашего», «мучителей низложил, сокрушил же и демонов немощная дерзости» (*Истрин В.И. Апокрифическое мучение Никиты. Одесса, 1899. С. 18.*)

³⁵ Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбово. М., 1969. С. 256. Ил. 183.

³⁶ Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI - XV века. М., 1996. № 42, 87, 88, 131.

³⁷ Добрынкин Н. Об иконографических формах вчч. Никиты // Труды X Археологического съезда в Риге. М., 1900. Т. 3. С. 93.

*Георгиевский храм «на площадке»
в Костроме (на снимке слева).
Фото нач. XX в.*

Существует два типа изображений св. Никиты, избивающего беса. В первом варианте св. Никита стоит и, держа беса за волосы, бьёт его оковами, например, на трёхчастной иконе XVI века (ГРМ)³⁸. Во втором варианте св. Никита сидит или привстаёт со скамьи, также схватив и избивая беса. Например, на обороте нагрудной иконки XIV - XV века (Москва)³⁹. Разнообразие ограничивается положением плаща, позами фигур и формой архитектуры. Изображения св. Никиты, одетого в воинские доспехи — броню, плащ, иногда и шлем (то есть Никиты-воина), — появляются с XIV века⁴⁰. Клеймо рассматриваемой костромской иконы относится ко второму типу. Подобное изображение находится на обороте наперсной иконы XV века⁴¹. Особенностью композиции клейма является расположение святого в правой части, а не как обычно, в левой, и высоко взвившийся его плащ.

³⁸ Из коллекции Н.П. Лихачева. Каталог выставки. СПб., 1993. № 64.

³⁹ Балдин В.И., Манушина Т.Н. Троице-Сергиева Лавра. М., 1996. Ил. 345, 346.

⁴⁰ Окунева И.Н. Указ. соч. С. 213.

⁴¹ Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода... № 42.

Н.Е. Мнева предполагала, что включение в икону «Чудо Георгия о змие» изображений свв. Димитрия и Никиты связано с заказчиком этого образа, представителем рода Годуновых⁴². Годуновы – исконный костромской род, Ипатьевский монастырь был их родовой святыней и обычным местом погребения. Многие Годуновы XVI - XVII веков носили имя «Димитрий». Дмитрий Иванович Годунов был главой Приказа Большого двора при Иване Грозном. Никита Васильевич Асанов-Годунов был в разных должностях при дворе московского государя⁴³. Они могли быть заказчиками храмового образа. Но, скорее всего, это не ктиторская икона. Следуя традиции, трёх святых можно было бы представить вместе в ряд. Как, например, на иконе «Молящиеся новгородцы» 1467 года⁴⁴. Другой вариант представлен на иконе «Чудо Георгия о змие» XV века, где в левом верхнем углу изображён в медальоне свт. Николай Мирликийский⁴⁵. Подобная последней композиция изображена на двух иконах «Чудо Георгия о змие» XVI века. На одной иконе из церкви Покрова села Сынтулы Касимовского района Рязанской области в правом верхнем углу помещены поясные изображения преподобных Зосимы Палестинского, Флора и Лавра⁴⁶. На другой иконе краткого извода слева сверху расположены поясные фигуры свв. Власия, Флора и Лавра⁴⁷.

Возможно, иконографическая программа создания храмовой иконы является отражением идеи воинской славы, прославления подвига защитника отечества, избавления родины от вражеской нечисти — идеи, актуальной для рубежа веков. На иконе представлены три варианта подвига: победа св. Георгием змея, св. Димитрием – царя Калояна и св. Никитой – беса.

Почитание святых воинов на Русь пришло из Византии, которая на протяжении многих веков вела нескончаемые войны. Кроме свв. Георгия и Димитрия, почитались

⁴² Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи ГТГ. М., 1963. Т. 2. С. 171. Прим. 1, 2.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Лазарев В.Н. Новгородская живопись. М., 1979. № 49.

⁴⁵ Русская православная церковь. М., 1990. С. 98.

⁴⁶ Розанова Н.В. Указ. соч. Табл. 112.

⁴⁷ Псковская икона XIII - XVI веков. М., 1990. С. 316. № 143.

святые воины: Феодор Тирон, Феодор Стратилат, Прокопий, Меркурий, Евстафий, Нестор, Артемий, Евстратий. Идея прославления воинского подвига была всегда актуальна и для Древней Руси, постоянно ведущей напряжённую борьбу с различными интервентами. Сложность военной ситуации, постоянное собирание сил сопротивления находили естественное отражение в произведениях искусства. Внешний облик мучеников-воинов должен был свидетельствовать о готовности к ратному подвигу, выражал призыв отдать жизнь для спасения своих ближних. Представление об идеальном типе воина — защитника веры — сочеталось с духовными идеалами противоборства со злом. Примером этому служит рассматриваемая икона «Чудо Георгия о змие».

В византийском и древнерусском искусстве известно большое количество совместных изображений наиболее чтимых воинов — свв. Георгия и Димитрия⁴⁸. Например, изображение святых воинов в доспехах с оружием нахо-

⁴⁸ Более редким было изображение святых в виде двух всадников, как например, на рельефной иконе XIV века из Церковного музея в Софии (*Вейцман К., Хадзидакис М., Миятеев К., Радойчиц С.* Иконы на Балканах... С. 110, LX, XCII) и на каменной иконе XIV века из Рязанского музея (*Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня... Табл. 50.5. № 283). Совместные конные изображения свв. Георгия и Димитрия со свв. Феодором Стратилатом и Феодором Тироном находятся в рукописях XV века (*Евсеева Л.М.* Афонская книга образцов XV века. М., 1998. С. 225, 226). С XV века изображения свв. Георгия и Димитрия помещаются во всех относительно обширных русских деисусных чинах. Святые представлены мучениками в длинных хитонах и гиматиях: в иконостасе Троице-Сергиевой лавры (*Лазарев В.Н.* Андрей Рублев и его школа. М., 1966. Табл. 171б, 178, 179), в иконостасе Ферапонтова монастыря (*Попов Г.В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV - начала XVI века. М., 1975. Табл. 164), в чине около 1486 года из села Бородава (ЦМиАР) (*Розанова Н.В.* Указ. соч. Табл. 32) и др. Также свв. Георгий и Димитрий среди других воинов помещаются в росписях храмов, например, в соборе Рождества Богородицы в Ферапонтове (в нижней части западных столбов) (*Данилова И.Е.* Фрески Ферапонтова монастыря. М., 1970. Ил. 46, 81). Святые воины Георгий и Димитрий сражались с конкретными персонажами: змием и царем Калояном. А св. Никита боролся с врагом невидимого мира — бесом. части западных столбов) (*Данилова И.Е.* Фрески Ферапонтова монастыря. М., 1970. Ил. 46, 81). Святые воины Георгий и Димитрий сражались с конкретными персонажами: змием и царем Калояном. А св. Никита боролся с врагом невидимого мира — бесом.

дится на шиферной иконе XII века из Херсонеса (Эрмитаж)⁴⁹, на миниатюре из Джручской Псалтыри XV века⁵⁰. Часто свв. Георгий и Димитрий изображались с другими воинами, например, на двух иконах XII века со св. Феодором (Эрмитаж)⁵¹.

В новгородском искусстве встречаются изображения свв. Никиты и Георгия, совмещённые в одном памятнике. Например, на трёхчастной иконе XVI века с изображением Деисуса, Чуда Георгия о змие и Никиты, побивающего беса (ГРМ)⁵². Среди произведений мелкой пластики отметим наперсную икону «Георгий на коне. Никита, побивающий беса» из ризницы Троице-Сергиевой лавры (лицевая сторона первой четверти XIV века, оборотная второй половины XIV - начала XV века)⁵³.

Изображения вместе всех трёх свв. — Георгия, Димитрия и Никиты — известны в качестве избранных святых. Например, на новгородской каменной иконке с Деисусом XV века из ГРМ (на обороте во втором ряду представлены в рост мученики Димитрий, Никита, Георгий)⁵⁴, на полях иконы «Никола оплечный» конца XV века из Владимиро-Суздальского историко-художественного музея-заповедника (вмч. Димитрий на правом поле по пояс, вмч. Никита и «Чудо Георгия о змие» — вероятно, написанное позже — на нижнем поле)⁵⁵, на новгородской иконе «Богоматерь Одигитрия Смоленская, с избранными святыми» второй половины XVI века из ГИМ (на нижнем поле среди девяти поясных фигур)⁵⁶.

Для объяснения иконографического замысла создания иконы «Чудо Георгия о змие, с житием» из Костромы необходимо обратиться к исторической ситуации в России конца XVI - начала XVII века — времени появле-

⁴⁹ Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. М., 1977. Т. 2. Кат. № 615.

⁵⁰ Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись... С.81.

⁵¹ Искусство Византии в собраниях СССР... Кат. № 471, 616.

⁵² Из коллекции Н.П. Лихачева. Каталог выставки. СПб., 1993. № 64.

⁵³ Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода... С. 213, 214. Кат. № 42.

⁵⁴ Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика... Табл. 39.4 (№ 223).

⁵⁵ Розанова Н.В. Указ. соч. Табл. 58.

⁵⁶ «Пречистому образу Твоему поклоняемся...» Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1995. С. 191. № 115.

ния иконы. В последней четверти XVI века северо-восточные города России получили мощный импульс для своего развития в связи с обстоятельствами общерусского значения: освоением Северного морского пути, присоединением Казани, Астрахани и Сибири. Подъем экономики обеспечил ведущую роль провинциальных городов — Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга, Холмогор в развитии ремесла и торговли⁵⁷.

Со второй половины XVI и до середины XVII столетия наблюдается бурное развитие Костромы, за полвека превратившейся из небольшого волжского городка в один из крупнейших городов Московского государства. К середине XVII века Кострома по своему экономическому значению становится третьим после Москвы и Ярославля городом Московской Руси⁵⁸. Еще в XVI веке объединение отдельных феодальных областей вокруг единого центра повлекло за собой сглаживание местных различий. Господствующим в искусстве становится московское, оно влияет на развитие старых русских городов (Новгорода и Пскова) и новых городов Поволжья и Сибири. С возросшей ролью реки Волги, как торгового пути на Восток, поволжские города становятся главными рынками внешней и внутренней торговли. Правительство переселяет туда торговых людей из Великого Новгорода и Пскова, что приводит к росту городов, сосредоточению около них ремесленников и купцов.

Развитие экономики благотворно отразилось на развитии города Костромы, превратив его в один из центров русской культуры. Каменное строительство началось в Костроме с середины XVI века возведением соборов Богоявленского и Ипатьевского монастырей на подступах к городу, а также Успенского и Богоявленского соборов в центре Кремля⁵⁹. Для развития искусства Костромы имела большое значение ктиторийская деятельность Годуновых в их фамильной вотчине — Ипатьевском монастыре. С возвышением во второй половине XVI века

⁵⁷ Брюсова В.Г. Указ. соч. С. 73.

⁵⁸ Лукомский Г. Об архитектурных памятниках Костромы и их художественном значении // Зодчий. 1913. № 1. С. 192; Разумовская И.М. Кострома. Л., 1990. С. 7.

⁵⁹ Иванов В.Н. Кострома. М., 1970. С. 26.

рода Годуновых — и особенно после женитьбы царя Фёдора Иоанновича на сестре Бориса Годунова, Ирине Фёдоровне, — монастырь стал одним из богатейших в России. На средства Годуновых возводятся храмы, монастырские здания и стены. Монастырская ризница наполняется вкладными иконами в золотых и серебряных окладах, «лицевыми» рукописями, драгоценными предметами церковной утвари. Возможно, что иконописные мастерские Ипатьевского монастыря положили начало формированию художественной традиции Костромы, значительно возвысив ее искусство над уровнем провинциального. В 30 - 40-х годах XVII века Кострома приобретает значение крупного центра иконописания, костромские иконописцы завоевывают авторитет в качестве сильнейших мастеров фрески.

Вероятно, в конце XVI века на площади, примыкающей к стенам Кремля, были возведены Воскресенская (летняя) и Георгиевская (зимняя) церкви⁶⁰. Площадь, на которой стояли эти два храма, в то время была единственной в городе и в разговорной речи называлась Воскресенской. После пожара 1773 года⁶¹ неподалеку от Воскресенской площади возникла новая городская площадь — Екатеринославская (позднее — Сусанинская), тогда за старой площадью официально закрепляется название Воскресенская. Видимо, в это время Воскресенская и Георгиевская церкви стали называться не «на площади», а «на площадке» — так как Воскресенская площадь была меньше Сусанинской. В конце XIX века И.В. Баженов писал о храмах: «... церковь Воскресенская, что «на площадке». 1. Каменная летняя с каменной колокольнею сооружена в 1744 году иждивением секретаря бывшей Костромской канцелярии Артемия Иларионова и приходских людей. В ней престолы: во славу Воскресения Христова и в теплом (с правой стороны) придел в честь Божией Матери, празднования явления Ея иконы Тихвинския. 2. Вместо изстари бывшей Георгиевской церкви каменная

⁶⁰ Баженов И. Костромские городские церкви и монастыри по писцовым книгам XVII века // Костромские епархиальные ведомости. 1899. № 17. С. 5.

⁶¹ Скворцов Л.П. Материалы для истории города Костромы. Кострома, 1913. С. 207.

Икона «Чудо Георгия о змие, с житием»...

новая зимняя об одной главе с трапезою, а под ней кладовая палатка, начата построением в 1772 году и закончена в 1790 году; престолы в ней: а) в честь великомученика Георгия и б) в честь Иверския иконы Божией Матери и св. бл. кн. Александра Невского. В новом двухярусном иконостасе помещены св. иконы большею частию древние, частию из Воскресенской церкви, частию из прежней деревянной Георгиевской. Под папертию Георгиевской церкви в 1874 году устроена часовня для помещения в ней разных старинных образов, принадлежащих Воскресенской церкви»⁶².

Вполне вероятно, что эти храмы были построены в память о каком-то ратном событии из истории Костромы. Об этом говорит посвящение одного из храмов св. Георгию Победоносцу, издревле почитавшемуся заступником русских воинов. В пользу этого предположения свидетельствует и местоположение церквей — в центре города на площади, рядом с Кремлём. На центральных площадях русских городов часто ставили храмы в память исторических и военных событий. Так, например, в столице России на Красной площади в XVI - XVII веках были построены два храма в память побед над врагом: Покровский собор, что на рву⁶³, и Казанский собор⁶⁴.

Таким образом, икона «Чудо Георгия о змие, с житием Георгия» из собрания Третьяковской галереи — памятник живописи рубежа XVI - XVII веков, имеющий необычную иконографическую программу. Исследуемая храмовая икона церкви св. Георгия «на площадке» в Костроме имеет весьма значительные размеры. Обращает на себя внимание несопоставимость крупной монументальной фигуры св. Георгия и мелких, миниатюрных клейм, расположенных необычно, в нижней части иконы в два ряда. Состав житийного цикла вполне традиционен, но порядок клейм не подчиняется хронологии жития. Сопоставление житийного цикла, помещённого на костромской иконе, с текстами древнерусских литературных произведений, посвящённых св. Георгию,

⁶² Баженов И. Указ. соч. С. 5. Прим. 6.

⁶³ Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982. С. 338, 339.

⁶⁴ Москва. Энциклопедия. М., 1998. С. 342.

обнаруживает соответствие большинства сцен тексту жития, распространённому в конце XVI века. Исключения составляют четыре клейма со сценами мучений, источником которых является текст апокрифа. Необычно для житийных икон св. Георгия включение иных сюжетов: чуда св. Димитрия Солунского и св. Никиты, побивающего беса. Событиям русской жизни XVI - XVII веков была созвучна идея прославления воинского подвига. Иконографическая программа костромской иконы с её подчеркнутой идеей победы над злом, сочетает три эпизода поражения врага христианскими воинами. Царь Калоян, змей и бес воспринимались как символы зла духовного и физического.

В рассмотренной иконе «Чудо Георгия о змие, с житием» из Костромы накопленный веками иконографический материал художник обогатил новыми сценами, сумел дать ей не только неожиданное новое композиционное решение, но и смысловое звучание. Смелость мастера в обращении с традиционными иконографическими мотивами позволила создать богатый и целостный живописный образ.

Сокращения

Архангельский музей – Архангельский областной музей изобразительных искусств.

ВВ – Византийский временник. Санкт-Петербург – Москва.

Вологодский музей – Вологодский областной краеведческий музей.

ГИМ – Государственный Исторический музей. Москва.

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Москва.

ГРМ – Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея. Москва.

ДРИ – Древнерусское искусство. Москва (с 1995 г. – Санкт-Петербург).

ИРИ – История русского искусства. Под ред. И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова, В.Н. Лазарева. Москва, 1953 - 1959.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Санкт-Петербург – Москва.

ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (РАН). Москва, Ленинград, Санкт-Петербург.

ЦМИАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Москва.

III. ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ КРАЯ

А.Г. Авдеев (Москва)

«ГРАД ГАЛИЧЬ ПЕРВОЙ»

*О времени, месте и исторических
обстоятельствах основания города Галича**

В истории Костромской земли есть еще немало загадок. К одной из них относится начальный этап истории ровесника Москвы — города Галича.

Одной из достопримечательностей этого города являются три разновременные крепости. Две из них — Нижнее и Верхнее городища — находятся на горе Балчуг (Столбище), третья — городские валы — в центре современного города. Строительство первой связывается с первоначальным городским поселением, второй — с деятельностью князя Юрия Дмитриевича или его сыновей. Городские валы были сооружены или реконструированы дьяком Иваном Выродковым в 1552 г.¹

Согласно Житию преп. Паисия Галичского, составленному не ранее 1682 г., «град Галичь первой» находился в устье р. Чёлсмы². Будто бы разрушенный Василием Тёмным, он был перенесён Галичским князем Дмитрием Юрьевичем Меньшим (Красным) на гору Балчуг — место его традиционной локализации. Житие датирует время возникновения укреплений Галича 1434 г., когда Дмитрий Красный «приим власть Галическую»³. Это предание, безусловно, нуждается в проверке с привлечением всего круга возможных источников.

В основе Жития преп. Паисия лежат «древние Галичские летописцы», по-видимому, составленные задолго

* Впервые опубликовано в «Вестнике Московского университета». Серия 8. История. — 2002, № 4.

¹ Смирнов П.П. Древний Галич и его важнейшие памятники // УЗ МГПИ им. В.П. Потёмкина. М., 1947. Т. IX. Вып. 1. С. 90.

² ОР РГБ. Ф. 299 (собр. Н.С. Тихонравова). № 57. Л. 38.

³ Там же. Л. 45.

до конца XVII в.⁴ В.О. Ключевский считал, что они использованы «неудачно, с пропусками и ошибками»⁵. Однако сличение их фрагментов с каноническими летописями показало, что, по всей вероятности, это была официальная летопись Галичского княжества, составленная в княжение Юрия Дмитриевича или Дмитрия Шемяки, из которой впоследствии были намеренно изъяты те сообщения о событиях феодальной войны, что имели чёткую антимосковскую направленность. И в то же время княжение Дмитрия Красного, единственного из сыновей Юрия Дмитриевича, имевшего симпатии к Москве, очевидно, было представлено в летописи полнее.

Предание о «Галиче первом», стоявшем на мысу у места впадения Чёлсмы в Галичское озеро, есть также в Ветлужском летописце. Его основание он относит к 1167 г.⁶ Как и Житие преп. Паисия, летописец связывает разрушение города с походом Василия Тёмного, а перенос его на Балчуг — с инициативой Юрия Дмитриевича, но датирует основание Галича первого 1422 годом⁷. В отличие от Ветлужского, Тычинкинский летописец содержит три версии о времени строительства крепости на Балчуге. Первая говорит о её основании Юрием Долгоруким, вторая датирует строительство 1170 годом⁸, третья (с датой 1422 г.) — приурочивает его к визиту митрополита Фотия и освящению нового города⁹. Последняя версия противоречит каноническим летописям хронологически и фактически: их рассказ о визите митрополита Фотия в 1425 г. показывает, что в это время крепость «на горе» существовала, а Спасо-

⁴ В середине XVII в. фрагменты этих летописцев были записаны в сказании о явлении иконы Божьей Матери Овиновской, которое послужило одним из источников Жития преп. Паисия Галичского (ОР РГБ. Ф. 98. Собр. Е.Е. Егорова. № 1491. Л. 837 - 838 об.).

⁵ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 357.

⁶ Памятная книжка Костромской губернии за 1862 г. Кострома, 1862. С. 325 - 326; Дементьев Д.П. Краткий исторический очерк Шангского городища // Костромские губернские ведомости. 1862. № 6, 8, 9, 11. С. 51.

⁷ Смирнов Ю. Летописцы из Галича // Губернский дом. 2000. № 2 (39). С. 15.

⁸ Памятная книжка... С. 325 - 326.

⁹ Смирнов Ю. Указ. соч. С. 16.

Преображенский собор использовался для захоронения членов княжеской семьи¹⁰.

Ветлужский летописец был открыт в первой трети XIX в. в Галичском уезде, Тычинкинский — составлен жителем Галича И.И. Тычинкиным в 1831 г. на основании имевшихся у него летописей и актового материала. К настоящему времени оба летописца утрачены, за исключением выписок из Ветлужского летописца, включенных Д.П. Дементьевым в очерк истории Шангского городища¹¹, и двух опубликованных фрагментов из Тычинкинского летописца¹². Протоиерей М.Я. Диев, знакомый с полными текстами этих памятников, считал Тычинкинский летописец сокращением Ветлужского¹³.

Эти летописцы не получили должной оценки в науке. Если А.В. Экземплярский видел в Тычинкинском летописце свод местных преданий¹⁴, то современные костромские краеведы считают его более достоверным, нежели канонические летописи, источником по истории Галича¹⁵.

О времени создания Ветлужского летописца имеются косвенные данные. Последней датой в выписках Д.П. Дементьева является 1690 г.¹⁶, что определяет его верхнюю границу. Список Тычинкина, вероятно, был доведён до 1572 г.¹⁷ На нижнюю хронологическую границу его появления, видимо, указывает термин «бердыш» в статье о событиях 1170 г.¹⁸ Впервые он был упомянут в Львовской летописи под 1468 г.¹⁹ и распро-

¹⁰ Семенченко Г.А. Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // ВИД. М., 1991. Т. XXII. С. 188 - 193.

¹¹ Дементьев Д.П. Указ. соч. С. 51, 69 - 71, 75, 88, 89.

¹² Памятная книжка... С. 325 - 326; Смирнов Ю. Летописцы... С. 16.

¹³ Титов А.А. Материалы для истории Императорского общества истории и древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества (1830 - 1876) // ЧОИДР. 1887. Кн. 1. С. 35.

¹⁴ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2. С. 206.

¹⁵ Смирнов Ю. Указ. соч. С. 15.

¹⁶ Дементьев Д.П. Указ. соч. С. 88.

¹⁷ Крживоблоцкий Я. Костромская губерния // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1861. Т. 12. С. 7. Прим. **

¹⁸ Памятная книжка... С. 326.

¹⁹ ПСРП. СПб., 1910. Ч. 1. Т. XX. С. 279.

страшился не позднее последней четверти XV в.²⁰ Язык летописца архаичен: в нём присутствуют характерные черты новгородского диалекта, сохранившиеся в Поветлужье («в Галици», «Галиц», «у Галиции», «вясщцими»)²¹. Древней (если И.И. Тычинкин не ошибся) была и рукописная техника — коленное письмо, исчезнувшее на Руси в XV в.²², но сохранившееся в приказном делопроизводстве в XVI - XVII вв.²³ Наконец, летописец стал одним из источников первой редакции Жития преп. Варнавы Ветлужского, созданной в 1639 г., а из него попал в летописец Воскресенского Солигаличского монастыря. Таким образом, в конце XVI в. Галичский летописец уже существовал. Однако в отличие от канонических летописей, даты в Галичском летописце даны от Рождества Христова, что может быть результатом его редактирования — ещё до того, как списки попали к И.И. Тычинкину и Д.П. Дементьеву.

В XIX в. местные предания связывали с первым Галичем два места. Одно — на мысу Толстиха на правом берегу Чёлсмы близ её устья, в пяти верстах к западу от города, где находился Фроловский монастырь, «что у озера». Легенда связывает его начало с учеником Сергия Радонежского, преп. Авраамием Галичским, который ходил сюда по водам Галичского озера из основанной им на противоположном берегу Новозаозерской обители. Передавший её В.Д. Мухин рассказывал о светлой струе, заметной на озере в тихую погоду²⁴. Местные жители называют её «струёй Авраамия», но говорят, что это — след лодки, на которой подвижник перевёз явившийся ему образ Божией Матери на про-

²⁰ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII - XV вв. Л., 1976. С. 22, 23.

²¹ Ганцовская Н.С. Особенности говоров Шарьинского района // Ветлужская сторона. Историко-краеведческий сборник. Кострома, 1995. С. 123 - 124.

²² Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 266.

²³ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времён Ивана Грозного. М., 1996. С. 456.

²⁴ Мухин В. Воспоминания об обители преподобного Паисия близ города Галича (Костромской губернии), о самом Галиче и о находящихся в нём и близь него храмах и обителях. М., 1884. С. 13.

тивоположный берег, к крепостным стенам Галича. Первые сведения о Фроловском монастыре дошли от 1509 г.²⁵, и, возможно, эта дата близка времени его основания. В 1490/91 г. на его месте было село Фроловское, пожалованное Иваном III Андрею, Ивану и Никите Ивановым, детям Племянниковым²⁶.

Естественная заболоченность делала это место неприступным²⁷. Ещё в XIX в. на мысе Толстиха были заметны остатки крепостных сооружений: здесь можно было различить «развалины зданий, башни и вал; последний <...> с тремя ямами, в которых находится горелый кирпич и слой горелой ржи, простирающийся на аршин в глубину»²⁸. Кирпич заставляет усомниться в большой древности этого объекта: в Северо-Восточной Руси его производство было налажено только в последней четверти XV века, однако в Новгороде и Пскове традиции кирпичного зодчества не прерывались с древнейших времён.

Визуальные наблюдения на этом мысу были проведены мною в июле 1994 г.²⁹

Поиски поселения оказались затруднены как отсутствием главного ориентира — Фроловской церкви, уничтоженной в советское время, так и новым руслом Чёлмы, вырытым южнее природного. Следов деятельности человека выявить здесь не удалось, так как сильный весенний паводок и обильные осадки в начале лета превратили мыс в цепь крошечных, мало связанных друг с другом заболоченных островков.

Другим местом «Галича перьвого» предания называют «Печище» на левом берегу Чёлмы к западу от деревни Починок. В 1822 г. архимандрит Паисиева мона-

²⁵ Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 864. № 10; Упразднённые монастыри Костромской епархии. М., 1909. С. 28, 29.

²⁶ АСЭИ. М., 1964. Т. III. С. 261. № 240; уточнение даты: Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 234.

²⁷ Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющих по Духовному ведомству. СПб., 1863. С. 96.

²⁸ Исторические сведения о некоторых городах Костромской губернии // ЖМВД. 1848. Ч. 22. Кн. 4. С. 6.

²⁹ Авдеев А.Г. Археологические разведки в Галиче Мерьском // АО-1994. М., 1995. С. 64.

стыря Гедеон отмечал: «По галичскому старинному изустному преданию полагают: древний город Галичь построен был по полуденному краю хребта Галичских гор при означенной реке (Чёлсме. — А.А.) расстоянием от нынешняго в 6-ти с 1/2 верстах»³⁰. О том же месте в конце XIX в. сообщал и И.А. Алякритский: «Под деревнями Чёлсмой и Починком существует до сих пор «печище», которым занято около версты, а потому есть основание думать, что г. Галич стоял на этом «печище»»³¹.

В августе 2000 г. эта местность была исследована мною, но никаких слоёв горелой глины найдено не было, так как «печище» сильно заболочено. Жители деревни Починок, среди которых уже нет коренных уроженцев, называют «печищем» два параллельных друг другу «вала». Их осмотр показал, что они сильно оплыли и почти слились с землёй. Внутри валов находится болотистая местность с необычно крупными кочками, поросшими лесом. Искусственный или естественный характер их происхождения покажут будущие археологические раскопки. В качестве возможной (и очень осторожной) аналогии укажем на расположенное недалеко от Галича мерянское городище Унорож, также окружённое двумя рядами валов. Отметим, что в Архангельском крае остатки такого рода городищ связывают с чудскими племенами³², принадлежавшими, как и населявшие окрестности Галича меряне, к финно-угорской языковой семье.

Мыс в устье Чёлсмы в большей степени, чем «печище», отвечает правилам выбора места для поселения, которые учитывали славянские колонисты на русском Севере в X - XIII вв.³³ Он находится вблизи «большой воды», что позволяло поддерживать контакты с внешним миром. Устье реки способно обеспечить поселенцев рыбой, особенно во время нереста. Свободная от лесов пойма является прекрасным пастбищем для скота и пожней. Без сомнения, эти факторы должны были сыграть основную роль в выборе места. Но поселение в этих местах

³⁰ ЦИАМ. Ф. 42 (Донской монастырь). Оп. 1. Д. 7744. Л. 6.

³¹ ГКМ. № 36. Л. 14.

³² Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 64. № 94.

³³ Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 52.

могло запустеть потому, что весенние паводки и дожди создавали неблагоприятные условия для жизни людей и крепость, возможно, была перенесена, например, на «печище» на более высоком левом берегу Чёлсмы. Считать его местом первоначального Галича нет оснований.

Одним словом, эти легенды, почерпнутые из разновременных и не зависящих друг от друга источников, не случайно «падают» в устье реки Чёлсмы, где, по всей видимости, некогда возвышались крепостные сооружения (а именно они являлись отличительным признаком древнего города). Однако интересно другое. Если местные жители в XVII в. видели те же самые руины, что были заметны на озёрном мысу и два века спустя, то почему при стойко сохранившейся — вплоть до наших дней — памяти о деревянных укреплениях Балчуга не возникло и тени сомнений в том, что это остатки первой галичской крепости? Таким образом, устье Чёлсмы является наиболее перспективным для проведения археологических изысканий местом. Итогом их может стать действительное открытие небольшой крепостцы на подступах к городу, ведь Галич издавна сдерживал набеги казанских татар и луговой черемисы. Если это предположение не оправдается, то плодом изысканий наверняка сделаются остатки Фроловского монастыря. А если раскопки подтвердят его возникновение в середине XIV в., то, значит, будет открыта одна из древнейших обителей Галичского края. Ведь для этого времени письменные источники называют лишь два монастыря — Успенский Авраамиев и Спасо-Преображенский, причём об основании последнего летописец Воскресенского Солигаличского монастыря сообщает полуфантастические сведения.

В «Истории Российской» В.Н. Татищев пишет, что Галич был основан Юрием Долгоруким в 1152 г.³⁴ Эту точку зрения, по-видимому основанную на недошедшей летописи, приняли С.М. Соловьёв и В.О. Ключевский³⁵.

³⁴ Татищев В.Н. История Российская. М. — Л., 1964. Т. 3. С. 44.

³⁵ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Соч. Т. 3. Кн. II. М., 1988. С. 516, 517; Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 91; Он же. Курс русской истории. М., 1908. Ч. 1. С. 356, 357.

А.Е. Пресняков, напротив, считал это известие «плодом обработки» В.Н. Татищевым известного летописного текста, сообщавшего, что Юрий Долгорукий, «вспоминая города просто русские, иже быша владения его и отъезы Изяславом, построил Юриев в поле и другие грады теми же имяны»³⁶. Вопрос о летописных источниках «Истории Российской» не имеет однозначного решения: часто сведения по истории Руси XI - XII вв., извлечённые В.Н. Татищевым, «являются важнейшим первоисточником»³⁷. Возможно, это относится и к сообщению о времени основания Галича. Не исключено, что оно было почерпнуто из «Временника иже наречется летописание Русских князей и земля Русская», охарактеризованного В.Н. Татищевым как рукопись XVII в. новгородского происхождения. События истории Малой и Белой Руси в нём сокращены или опущены, а события истории новгородской и великорусской даны в подробном изложении³⁸.

Хронология событий 1152 г. показывает, что к весне в результате действий Изяслава Юрий Долгорукий лишился опорных пунктов на юге Руси и, возвратившись в Ростово-Суздальское княжество, начал деятельно готовиться к новому походу. Однако в том же году флотилия волжских булгар разорила Ярославль, и князь встал перед необходимостью укрепления подходов к Волжскому пути³⁹. Видимо, в результате этих событий во Владимиро-Суздальской Руси появились города-крепости, чьи названия дублировали названия городов Южной Руси — Звенигород, Вышгород, Переяславль, Перемышль, Галич. Другие новгородские летописи, правда, с уверенностью позволяют говорить об основании только двух городов — Юрьева Польского и Переяславля на Клещине озере⁴⁰. Все эти

³⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т. 3. С. 241, 242, 442.

³⁷ Тихомиров М.Н. О русских источниках «Истории Российской» // Тихомиров М.Н. Русское летописание М., 1979. С. 82. См. также: Сенигов И. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о «Российской истории» В.Н. Татищева. М., 1888; Азбелёв С.Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960; Клосс Б.М., Корецкий В.И. В.Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники 1980 г. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 6.

³⁸ Татищев В.Н. История Российская. М., 1962. Т. 1. С. 124.

³⁹ Кучкин В.А. Юрий Долгорукий // ВИ. 1996. № 10. С. 49 - 51.

⁴⁰ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 153; Пг., 1917. Т. IV. Ч. 2. Вып. 1. С. 154.

города вместе с основанными в 1134 г. Кснятином, Москвой (1147 г.), Костромой и Юрьевом Польским (оба — в 1152 г.), а также Дмитровом (1154 г.) определили Ростово-Суздальское порубежье с Черниговским княжеством на юге и Новгородскими землями на западе⁴¹ и обеспечили защиту подходов к Волге.

В целом, если рассматривать градостроительную политику Юрия Долгорукого в комплексе, то мы увидим, что это был хорошо продуманный план строительства оборонительных линий на путях, ведущих вглубь Ростово-Суздальского княжества.

Первую линию обороны, которая шла с севера на юг и составляла западное прикрытие главных центров княжеств — Суздаля и Владимира — образовывали города Кснятин, Дмитров, Вышгород, Москва⁴². Кснятин, первый из городов, основанных Юрием Долгоруким (1134 г.), находился при впадении реки Нерли в Волгу, защищая водный путь до Владимира и Ростова, образованный Большой Нерлью, Малой Нерлью и волоком. Дмитров, основанный в 1154 г. на реке Яхроме, прикрывал водный путь, которым обычно пользовались новгородцы. Он вёл по реке Тверце, потом по Волге и Яхроме, откуда волоком можно было добраться до реки Клязьмы — «столбовой дороги» вглубь Суздальского княжества. На юге эту линию замыкала Москва, чьи укрепления были усилены в 1156 г. Через неё по Яузе и волоку на Клязьме вёл кратчайший путь к Владимиру.

Вторую «линию обороны» составляли Ростов и основанные в 1152 г. Юрием Долгоруким Переяславль-Залесский и Юрьев-Польской. Они образовывали угол, обращённый вершиной на запад⁴³. У южных рубежей Ростово-Суздальского княжества эту «линию» замыкал Перемышль, который находился у водораздела трёх рек, впадающих в Волгу, и двух рек — Киржача и Малой Нерли, — впадающих в Клязьму. Эта водная сеть была связана волоками и соединяла важнейшие пути Суздальской земли, ведущие в Новгород Великий и Булгары. На северо-западе вторую линию обороны продолжали Кострома и Галич.

⁴¹ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200 - 1304. М., 1989. С. 39.

⁴² Яновский А. Юрий Долгорукий. М., 1955. С. 146.

⁴³ Там же. С. 147.

Вполне вероятно, что вместе с задачей организации обороны Ростово-Суздальской земли основанием в 1152 г. целой серии городов, чьи названия дублировали имена городов Галицкой Руси, Юрий Долгорукий преследовал великодержавную цель показать Ростово-Суздальское княжество как бы «Русью в миниатюре».

Что же говорят археологические источники о времени возникновения Галича? В летописях он чаще всего именуется Мерьским – по его расположению в краях, населённых принадлежащими к финно-угорской языковой семье мерянскими племенами. Местные предания даже фиксируют, что славянское название города, возможно, появилось по созвучию с располагавшимся здесь мерянским поселением Галивон⁴⁴. Но этот вопрос требует дополнительного изучения, поскольку В.Д. Мухин сообщает иное название древнейшего мерянского поселения – Мичери⁴⁵.

Проникновение в Галичский край финно-угорских племён, связываемых с Дьяковской археологической культурой, началось в VIII - VII вв. до н.э. В то время дьяковцы освоили северный, восточный и южный берега Галицкого озера⁴⁶. Видимо, в это время, судя по керамике, обнаруженной при раскопках 1995 г. в Успенском соборе Паисиева монастыря в трёх верстах от Галича, в окрестностях этой обители также могло существовать мерянское поселение. Позднее (в III - II вв. до н.э.) в непосредственной близости от Верхнего городища – в 150 м на юго-запад от него – существовало Дьяковское городище⁴⁷. Подъёмный материал, собранный на Балчуге дьяконом Григорием Чекменевым в 2000 и 2001 г., показывает, что люди селились здесь с эпохи Неолита, а в раннем Железном веке тут было поселение дьяковцев.

Славяне появились в этих местах гораздо позднее, в ходе колонизации Волго-Окского междуречья. По мне-

⁴⁴ Сытин С. Древний город Галич Костромской губернии. Рассказы о его прошлом и настоящем. Бытовые очерки и обычаи жителей. Историческое, географическое положение. Промышленность и торговля. М., 1905. С. 6.

⁴⁵ Мухин В. Указ. соч. С. 6.

⁴⁶ Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А. Археология Костромского края. Кострома, 1997. С. 89, 90.

⁴⁷ Там же. С. 91.

нию Е.И. Горюновой, в этот регион шли два потока славянской колонизации. Первый приходится на конец X в., второй – на XI - XII вв.⁴⁸. С точки зрения П.Н. Третьякова, массовое расселение славян в мерянских землях произошло раньше – в конце VIII - начале IX в., благодаря выходцам из новгородских и смоленских земель⁴⁹. Славянское же население Костромского Поволжья сформировалось только к середине XII в. в результате смешения переселенцев из Ярославского Поволжья и Новгородских земель с местными мерянами⁵⁰.

В Галиче, по предположению П.А. Раппопорта, древнейшее поселение славян находилось в низменной части Балчуга (Нижнее городище), на летописном Подоле, где под оборонительными валами исследователь обнаружил фрагменты славянской керамики XI - XII вв.⁵¹ Во время же моих разведок 1994 г. фрагменты славянских кружальных сосудов были обнаружены в центральной части Нижнего городища⁵². Они полностью аналогичны керамике из раскопок Костромы. М.В. Фехнер датирует эту керамику XI - XII вв.⁵³ Сказанное позволяет думать, что раннее славянское поселение могло располагаться на холме Балчуг, тогда как находки П.А. Раппопорта могли быть частично перемещены в нижнюю часть городища грунтовыми водами.

⁴⁸ Горюнова Е.А. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94. С. 36, 37.

⁴⁹ Третьяков П.Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э. // СА. 1957. № 2. С. 67.

⁵⁰ Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л., 1982. С. 30.

⁵¹ Раппопорт П.А. Оборонительные сооружения Галича Мерьского // КСИИМК. 1959. Вып. 77. С. 4, 5; Он же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X - XV вв. // МИА. 1961. № 105. С. 105.

⁵² Аналогии: Фехнер М.В. Раскопки в Костроме (к вопросу о времени возникновения Костромы и её первоначальном местоположении) // КСИИМК. 1952. Вып. XLVII. С. 107 (X - XII вв.); ср.: Петрашенико А.В. Керамика IX - XIII вв. Среднего Поднепрорья // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 20. Рис. 7, 24 (XII - XIII вв.); Чернов С.З. Новые материалы по хронологии Московской керамики второй половины XIII - XV вв. из раскопок в окрестностях древнего Радонежа // Древнерусская керамика. М., 1991. С. 158. Рис. 1А (XII - XIII вв.); Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (кон. XIII - нач. XV в. по данным археологии. М., 1995. Табл. 80, 7, 9 (XIII - XIV вв.).

⁵³ Фехнер М.В. Указ. соч. С. 107.

Раскопки 1995 г. на Верхнем городище Балчуга, как кажется, смогли приоткрыть завесу тайны над проблемой основания Галича. Они не подтвердили укоренившегося в науке мнения, будто Верхнее городище является однослойным памятником, связанным со строительной деятельностью галичских князей в 30 - 40-е годы XV в. В верхней части городища под слоем производившейся для nivelировки поверхности подсыпки из красноватого песка мощностью 0,65 - 0,7 м с примесью характерной для Дьяковской культуры текстильной керамики был обнаружен славянский некрополь, впущенный в материк (при размерах раскопа 3x2,5 м в нём выявлено четыре погребения). Он, как показал осмотр осыпей культурного слоя, занимал всю сохранившуюся площадь городища. Верхнюю дату существования некрополя, по-видимому, даёт найденный в осыпи культурного слоя Верхнего городища фрагмент шиферного пряслица. По аналогии с московскими находками⁵⁴ оно может быть датировано, самое позднее, рубежом XI - XII вв., что позволяет поставить вопрос о полной освоенности Балчуга к моменту основания города Юрием Долгоруким.

Полностью исследована могила 1, которая находится на глубине 4,45 - 4,46 м от подножия триангуляционного знака, стоящего на вершине Балчуга (высота 172 м над уровнем моря). Погребение принадлежит рослому мужчине и не имеет инвентаря. Захоронение совершено в сосновой колоде в неглубокой земляной яме. Высота колоды - 7,5 см, длина - 1,8 м, ширина в головах - 0,44 м, в центре - 0,43 м. Костяк лежит на спине и имеет общеславянскую ориентацию головой на запад. Кости таза и правой ноги отсутствуют. Длина костяка от пяточной кости до темени - 1,67 м. Длина черепа от темени до подбородка - 29 см, берцовой кости левой ноги - 31 см, голени левой ноги - 35 см. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, её кисть лежит в районе таза. В головах сохранились от-

⁵⁴ Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы // МИА. 1969. № 167. С. 84. Рис. 17; С. 86; Латышева Г.П. Торговые связи Москвы в XII - XIV вв. (По материалам археологических раскопок 1959 - 1960 гг. в Московском Кремле) // МИА. 1969. № 167. С. 124. Рис. 1,11; С. 216, 217.

дельные камни валунной обкладки, положенные на песчаную подсыпку. Размеры валуна – 6х21 см. Под головой находилась подушечка из сухой травы. Отметим, что обычай класть в гроб подушку, набитую берёзовым листом с веника или куделью, сохранялся в Галичском уезде вплоть до 20-х годов XX в.⁵⁵, а в Воронежской губернии гроб выстилали свежим сеном и душистыми травами, кладя под голову покойника подушечку, «чтобы покойнику было удобнее почивать»⁵⁶. Этот же обычай, судя по результатам раскопок в Моисеевском монастыре, бытовал и в Москве в XVIII в.⁵⁷

По краям могила была обложена дёрном, который сохранился на южной границе могильной ямы. Над погребением был насыпан небольшой курган, следы которого хорошо читаются в северной бровке раскопа. Этот погребальный обряд хронологически не связан с древнерусским селищем, основанным в XIII в. к юго-западу от Верхнего городища⁵⁸, так как в Костромском крае после татаро-монгольского нашествия обычай захоронений в курганах исчезает⁵⁹. Зато отмеченный обряд аналогичен захоронениям новгородских словен, которые нередки в Костромском Поволжье и относятся здесь к XI - XII вв.⁶⁰

Могила 2 расположена в 0,3 м на север от могилы 1 на глубине 4,45 м. От захоронения сохранилась верхняя часть черепной коробки, находившаяся в верхней части лежащего на материковом песке пятна древесного тлена прямоугольной формы (размеры 1,60 х 0,22 м), ориентированного по линии восток-запад. Прочие части скелета и погребальный инвентарь отсутствуют.

⁵⁵ Смирнов В. Народные похороны и причитания // Костромская старина. 1993. № 5. С. 11.

⁵⁶ Столяров И. Записки русского крестьянина // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма / Сост. М. Вострышев. М., 1989. С. 484.

⁵⁷ Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII в. М., 1999. С. 191.

⁵⁸ Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А. Указ. соч. С. 232.

⁵⁹ Там же. С. 191, 192.

⁶⁰ Седов В.В. Восточные славяне в VI - XIII вв. Археология СССР. М., 1982. С. 172, 190.

Могила 3 на глубине 4,20 м также ориентирована по линии восток-запад и уходит в северную и восточную бровки раскопа. Вскрыты части трубчатых костей, возможно левого предплечья, и остатки деревянного гроба. Инвентарь в погребении не обнаружен.

Могила 4, ориентированная по линии восток-запад, расположена на глубине 4,60 м и уходит в восточный угол раскопа. Выявлены верхние части берцовых костей, лежащие на остатках деревянного гроба. Верхняя часть погребения, очевидно, была уничтожена при рытье ямы для могилы 1. Следы инвентаря отсутствуют.

Возможно, остатками могилы 5 является кусок дерева длиной 0,3 м и шириной 0,07 м, найденный на глубине 4,30 м в южном углу раскопа. Основанием для этого служит его ориентация по линии восток-запад, однако остатков костей и инвентаря вблизи нет.

Потревоженность могилы 4 в древности даёт основания заключить, что поверхность Верхнего городища использовалась в качестве некрополя длительное время — не менее 15 лет (время полной минерализации костных останков), но более вероятно — на протяжении, по крайней мере, 3 - 4 поколений (если считать временем смены трёх поколений рассчитанный ещё Геродотом⁶¹ отрезок в 100 лет). За это время память о существовавших здесь ранее погребениях стиралась, о чём говорит факт уничтожения могилы 4 при рытье ямы для могилы 1.

Возможно, ближайшей аналогией галичскому некрополю является открытый в Костроме курганный могильник на ул. Спасокукоцкого. Погребения здесь, как и на Верхнем городище, совершались на материке и имели западную ориентацию. По особенностям погребального обряда курганный могильник датируется временем не позднее начала XII в.⁶²

Отсутствие инвентаря в погребениях, обнаруженных на Верхнем городище, не даёт ответа на вопрос, был ли галичский некрополь языческим или христианским. Иногда в доказательство христианской принадлежности погребений X - XI вв. в Северной Руси приводится факт запад-

⁶¹ Herod. II, 142.

⁶² Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А. Указ. соч. С. 205.

ной ориентации костяка⁶³. В нашем случае ряд косвенных данных позволяет сделать весьма осторожное заключение в пользу языческой принадлежности погребения. Так, можно сослаться на важный и ещё не до конца оценённый источник — Житие преподобного Авраамия Ростовского третьей редакции, созданной, по-видимому, в XVII в., — единственной, где имеется рассказ о детстве и юных годах подвижника⁶⁴, который, согласно выводам В.О. Ключевского⁶⁵, подвизался между 1073 - 1077 гг. в Ростове Великом. И хотя исследователь считал сведения Жития мало достоверными⁶⁶, примечательно, что именно в этой редакции сохранены те реалии, которые могли иметь место в XI в. Так, преподобный Авраамий происходил из знатной языческой семьи мерян, проживавшей в Чухломе в 40 км на восток от Галича. «Еще страна та тогда в неверии бысть», — добавляет составитель Жития⁶⁷.

Новгородская интерпретация некрополя совпадает с наблюдениями Е.А. Рябинина над спецификой архаических пластов в лексике современных говоров в районе р. Костромы, Галичского и Чухломского озёр, которые отражают сильное новгородское и в меньшей степени ростово-суздальское (кривичское) влияние; к югу от Галича — в Костромском Поволжье — новгородское влияние значительно слабее. Здесь господствует лексика, сложившаяся на основе ростово-суздальских говоров⁶⁸. Антропологически современное население Галичского края, напротив, относится к верхневолжскому типу, распространение которого в общих чертах совпадает с террито-

⁶³ Лабутина И.К. Открытие псковского некрополя // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1991. С. 65.

⁶⁴ Булангина Т.В. Житие Авраамия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV - XVI вв.). Ч. 1. А - К. С. 238.

⁶⁵ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых... С. 37.

⁶⁶ Там же. С. 32, 33.

⁶⁷ Митр. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. II. История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988 - 1240). М., 1995. С. 535.

⁶⁸ Мельниченко Г.Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII - начала XIII вв. Ярославль, 1974. С. 90; Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 101, 102.

рией расселения летописных кривичей⁶⁹. Этнографические данные по Галичскому уезду показывают очень характерное смешение среднерусских и новгородских традиций. Так, планировка поселений в этих местах круговая, что соответствует традициям средней полосы России; гнездовая планировка, характерная для новгородских поселений, отсутствует⁷⁰. Сам тип жилища, напротив, являет смесь новгородских и ростово-суздальских традиций⁷¹. Отражает сильное северное влияние и сельскохозяйственная обрядность жителей Галичского уезда⁷². О достаточно глубоком смешении новгородских и владимирских традиций в Костромском крае свидетельствуют и археологические находки. Так, для XII - XIII вв. здесь характерны особые варианты серпов и кос-горбуш, соединяющие новгородские и владимирские черты⁷³. В топонимике же Галичского края южнорусским является только название города, тогда как вся основная масса топонимов этого региона общая с Волго-Окским междуречьем⁷⁴. С новгородской топонимикой Галичского края, возможно, связано и древнее название Чухломского озера — Чудское, что подтверждают сведения Жития преп. Авраамия Ростовского о компактном расселении мерян в этом районе⁷⁵. Характерно, что именно та часть территории Галичского уезда, которую занимали мерянские племена, вплоть до начала XVIII в. именовалась Чудской волостью. Именно здесь, на северной стороне озера,

⁶⁹ Власова И.В. «Зона недоступности» для ареала топонимов на -уха в Костромском Заволжье // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983. С. 214; Витов М.В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 104.

⁷⁰ Власова И.В. «Зона недоступности»... С. 215.

⁷¹ Власова И.В. Сельские поселения в Верхневолжском и Верхнедвинском бассейнах // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. М., 1974. Ч. 1. С. 26 - 36.

⁷² Жураелёв А.Ф. Этнодиалектное членение Костромского региона по данным скотоводческой магии и обрядовой фразеологии (по материалам анкеты «Культ и народное сельское хозяйство») // Ареальные исследования в языкознании... С. 209 - 212.

⁷³ Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А. Указ. соч. С. 181.

⁷⁴ Власов И.В. «Зона недоступности»... С. 220.

⁷⁵ Митр. Макарий. Указ. соч. С. 535.

в X - XI вв. располагался исследуемый Е.А. Рябининым мощный племенной центр мери – городище Унорож⁷⁶, тогда как славяне начали осваивать противоположный берег.

Аргументом в пользу ранней новгородской колонизации Галичских земель является наличие в уезде храмов, посвящённых главной святыне новгородцев – иконе Софии Премудрости Божией. Первый находился на погосте Валуевском Чухломской осады Галичского уезда⁷⁷, второй – на погосте Никольском Бушневской волости, где он соседствовал с храмом Николая Чудотворца⁷⁸. В данном случае необходимо отметить совершенно поразительное совпадение названий храмовых престолов с размещением церквей в новгородской Перыни – древнем языческом культовом центре, где некогда почитались важнейшие боги славян: Перун, Род и рожаницы – Ладо с Лелью. После низвержения идолов в XII в. здесь были возведены два храма – во имя Рождества Богородицы (косвенно связанной с киевской иконой Софии Премудрости Божией, празднуемой в этот день) и Николы Зимнего. При этом, как установил Б.А. Рыбаков, если на месте поклонения рожаницам новгородцы ставили Богородице-Рождественские церкви, то храмы Николы Зимнего возводились на месте капищ Перуна⁷⁹. Даже в некоторых былинах о Садко, вырвавшемся из-под власти морского царя – языческого Перуна, — данные храмы соседствуют, ибо по возвращении на землю купец сооружает по обету не одну (во имя св. Николая) церковь, а две, причём вторая посвящается Богородице⁸⁰. Так что не исключена вероятность, что в глубокой древности погост Никольский был языческим культовым центром, где, может быть, почитались Перун и Лада. Третий храм стоял в самом Галиче (I) «на посаде на Лугу» в Богороди-

⁷⁶ Рябинин Е.А. Мера // Природа. 1994. № 1. С. 32, 33.

⁷⁷ Холмогоровы В.И. и Г.И. Материалы для истории Костромской епархии. Отд. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церквей 1628 - 1710 и 1722 - 1746 гг. Кострома, 1895. С. 134.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 94. Л. 98.

⁷⁹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 258, 268, 269, 277.

⁸⁰ Новгородские былины / Издание подготовили Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М., 1978. С. 171.

це-Рождественском монастыре, основанном преп. Григорием Пельшемским во времена княжения Юрия Дмитриевича, где престол главного собора дублирован Софийской церковью⁸¹.

Это свидетельствует о том, что первая волна славянской колонизации шла в эти края не из Южной Руси, а из Новгорода. Раннее проникновение новгородцев в Галичский край, по материалам раскопок мощного племенного центра мери — городища у с. Унорож в 30 км к северу-западу от Галича, — фиксируется с начала X в.⁸² В Галичский край они проникали с окраинных новгородских земель — из Бежецкого верха и Обонежья — по рекам Сухоне и Вычегде через реку Юг к Галичскому озеру и далее к реке Костроме⁸³. Этот путь, использовавшийся новгородцами и в XIV в.⁸⁴ (что показательно), совпадает с отмеченной ранее локализацией Софийских храмов в Галичском уезде. В какой-то мере это подтверждает и сообщение Жития преп. Авраамия Ростовского третьей редакции. Его деятельность, если исходить из возраста подвижника, начинается примерно лет за сто до основания Галича Юрием Долгоруким, т.е. в середине XI в. В Житии упоминаются «новгородцы благочестивые люди», гостившие в доме отца подвижника — богатого мерянина, жившего в окрестностях Чухломы⁸⁵. Вероятно, это были не случайно заезжие люди.

К XI в., т.е. ко времени начала славянской колонизации Галичского края, население здесь было немногочисленным. Редкие мерянские поселения находились на северном берегу Галичского озера, что было обусловлено наличием здесь пригодных для плодородия почв⁸⁶. Об этом же, по-видимому, свидетельствует Житие преп. Авраамия Ростовского, где говорится, что подвижник, уйдя из Чухломы в поисках единоверцев, «и поиде на запад; и

⁸¹ Холмогоровы В.И. и Г.И. Материалы... С. 26, 27.

⁸² Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А. Указ. соч. С. 147, 173.

⁸³ Горюнова Е.И. Этническая история... С. 151; Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А. Указ. соч. С.173.

⁸⁴ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Вып. 1. Стб. 106.

⁸⁵ Митр. Макарий. Указ. соч. С. 535.

⁸⁶ Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А. Указ. соч. С.119, 120.

многий дни шед, обрете наконец верующих в Господа нашего Иисуса Христа»⁸⁷. Не даёт ли это сообщение косвенное указание на то, что в это время поселения новгородцев на месте Галича — ближайшего населённого пункта на пути подвижника — ещё не было?

Что же толкало новгородцев в эти малообжитые места? Очевидно, не только и не столько меркантильные интересы, связанные с добычей пушнины или сбором дани с мерянских племён. Небольшие крепости и поселения стояли по пути к Волге, откуда открывался доступ к пермским святилищам, в которых скопились залежи серебряных украшений⁸⁸. «Серебро закамское» мечтали заполучить в качестве дани с новгородцев московские князья, начиная с Юрия Даниловича⁸⁹.

Возможно, в итоге первой колонизационной волны сформировалось метисное население, сочетавшее черты новгородцев-славян и финно-угров. Так, вплоть до XVIII в. в деревянной скульптуре Солигалича сохранялись этнические черты мерянской народности. Такова скульптура Спаса в темнице из д. Высоково, которому резчик придал черты мерянина — «слегка вздёрнутый нос, широкие скулы, слегка раскосые, почти круглые глаза, резко выдвинувшийся челюстной аппарат»⁹⁰.

Вторая, более мощная волна славянской колонизации (видимо, связанная с градостроительной политикой Юрия Долгорукого и его потомков) направлялась в Костромской край из Ростово-Суздальской Руси⁹¹. П.Н. Милюков связывал её со стремлениями владимиристо-суздальских князей закрепиться в этом регионе⁹². Интересно, что в XIX в. галичские офени на профессиональном жаргоне именовали себя кривичами. П.П. Свиньин⁹³ был первым,

⁸⁷ Митр. Макарий. Указ. соч. С. 535.

⁸⁸ Даркевич В.П. Аргонавты Средневековья. М., 1976. С. 71 - 86.

⁸⁹ Серова Н. Гений Москвы // Российский ежегодник-90. М., 1990. Вып. 2. С. 68.

⁹⁰ Донцов Э.К., Караськов Г.И., Щербинин П.П., Гречухин В.А. Костромская резьба. Деревянные искусства. Ярославль, 1991. С. 43.

⁹¹ Рябинин Е.А. Указ. соч. С. 54.

⁹² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. С. 448 - 449.

⁹³ Картины России и быт разноплеменных ея народов, из путешествий П.П. Свиньи́на. СПб., 1839. Ч. 1. С. 176. Прим. '

кто поставил вопрос о связи галичан с этим славянским племенем. Этот же термин использовали также балтские и финно-угорские народы как собирательный для обозначения пришлого славянского населения⁹⁴.

Меряне дали имена с типично финно-угорскими формантами *-кша*, *-кса* рекам, протекавшим в окрестностях Галича, — Шокше (ср. мар. Шокш — «рукав»), Едомше, Вексе (ср. мар. «векс», фин. «вуокса» — «ветвь», «протока», коми-пермяцк. «ва» — «вода», «икса» — «ручей»)⁹⁵. Финно-угорский субстрат есть в исконном названии Галичского озера — Нерон, связанном с финно-угорскими формантами *нюр*-, *нер*-, *нар*-, обозначающими заболоченное место или озеро с заболоченными берегами⁹⁶, или *неро* — «болото», «озеро» (ср.: оз. Неро в Ростове Великом, р. Нара в Московской обл., р. Нерль под Владимиром-на-Клязьме, г. Нерехта в Костромской обл.)⁹⁷.

События середины 40-х - начала 50-х годов XII в. показывают, что взаимоотношения с Новгородом во внешней политике Юрия Долгорукого занимали место не меньше, чем борьба за Киев. В 1145 г. новгородцы помогли киевлянам во время похода на Южную Русь. Осенью следующего года новгородский князь Святослав Ростиславич, сын киевского князя Ростислава Мстиславича, совершил поход на владимирские земли, пытаясь захватить Суздаль, но был разбит, и в 1148 г. новгородцы заключили мир с Юрием Долгоруким, обязавшись выплачивать дань князю⁹⁸. Возмущённый её малыми размерами, князь в 1149 г. совершил поход на Новгород, а в 1152 г. вразумлённые новгородцы, изгнав Святослава

⁹⁴ Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 78.

⁹⁵ Афанасьев А.П. Финно-угорская гипотеза топонима Москва // Вопросы географии. Вып. 110. Географические названия в Москве. М., 1985. С. 95 - 97; Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключ к тайнам Клио. Палеография, метрология, хронология, геральдика, нумизматика, ономастика, генеалогия. М., 1994. С. 234; Ткаченко О.Б. Мерянский язык. Киев, 1985. С. 55, 56; Шилов А.Л. Две Неглинки // Материалы для изучения селений Москвы и Подмосковья. Доклады и сообщения 5 региональной научно-практической конференции «Москва и Подмосковье». М., 1997. С. 145.

⁹⁶ Горюнова Е.А. Этническая история... С. 42 - 43; Ткаченко О.Б. Указ. соч. С. 45; Суперанская А.В. Что такое топонимика? М., 1985. С. 101.

⁹⁷ Сытин С. Древний город Галич... С. 6.

⁹⁸ ПСРЛ. Л., 1929. Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. С. 587.

Ростиславича, просили у Юрия Долгорукого его сына Мстислава в князя⁹⁹. Так политические симпатии Новгорода обусловили поворот от поддержки князей Южной Руси к политической игре с северо-восточным соседом. Показательно совпадение во времени вокняжения Мстислава Юрьевича в Новгороде и основания Галича Юрием Долгоруким. Видимо, переход Галичских земель под юрисдикцию Владимира во время бурных событий середины XII в. мог совершиться мирным путём. Юрий Долгорукий, заинтересованный в безопасности границ княжества, основал на месте поселения новгородцев крепостцу. Здесь, возможно, сказалась удалённость поселения от Новгорода: зависимость таких территорий выражалась в выплате дани¹⁰⁰. В этой связи кажется несостоятельной принадлежащая В.Б. Кобрину попытка реанимации южнорусской теории происхождения Галича. Он считал, что имя городу дали «переселенцы из Галича на Днестре, которые на новом месте занялись привычным промыслом – добычей соли»¹⁰¹. Ученики же В.Б. Кобрин, авторы школьного учебника по истории России VIII - XV вв. Л.А. Каца и А.Л. Юрганов, пошли дальше. В разделе, где говорится о потоке переселенцев с Юга во Владимиро-Суздальскую Русь, у них читаем: «Переселенцы принесли с собой привычные географические названия. О южном Переяславле напоминают Переяславль Залесский и Переяславль Рязанский <...> Галичу Червонной Руси соответствует Галич на севере – неподалеку от Костромы»¹⁰².

При внешней эффектности «южнорусская» гипотеза не только умозрительна, но и в высшей степени устарела. В своё время её критиковал А.А. Спицын¹⁰³. Даже на крайне ограниченном в то время археологическом материале он

⁹⁹ Там же. СПб., 1851. Т. V. С. 160.

¹⁰⁰ Мартышкин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 258, 259.

¹⁰¹ Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 237.

¹⁰² Каца Л.А., Юрганов А.Л. История России VIII - XV вв. Экспериментальный учебник для VII класса средних учебных заведений. М., 1993. С. 66.

¹⁰³ Спицын А.А. Историко-археологические изыскания. III. Теория массового переселения приднепровской Руси на север // ЖМНП. 1909. Новая серия. Ч. XIX. Сентябрь. С. 91 - 98.

доказал, что «красивое, но призрачное здание» теории массового переселения жителей Юга Руси на Северо-Восток несостоятельно. Не признана она и в зарубежной историографии. Так, Дж. Феннел отметил, что «нет никаких указаний о том, что население Суздальской или Новгородской земли увеличивалось за счёт Киевского или любого другого южного княжества»¹⁰⁴. В основанных Юрием Долгорукиком городах-«дублёрах» в середине XII в. были выходцы из Галича Волынского – строители белокаменных соборов, объединявшиеся в артели на время летнего сезона. По мнению Г.К. Вагнера, первым опытом их работы в Ростово-Суздальских землях стал храм Рождества Богородицы в Суздале (1148 г.)¹⁰⁵. Галицкие мастера работали в Ростове Великом, Переяславле Залесском и Кидекше¹⁰⁶. Но массовой миграции населения из Южной Руси их деятельность не подтверждает.

В возрождении точек зрения, подобных высказанным В.Б. Кобриным и его учениками, как кажется, повинна кабинетная топонимика, авторы которой выводят происхождение географических названий из самих названий, вырывая их из определённого контекста и не учитывая существовавших исторических, топонимических, этнографических, антропологических реалий. Так, соляной промысел в Галиче Мерьском, якобы давший название городу, исконно связан с иным населённым пунктом – Солью Галичской, получившим название по Галичу, а не наоборот. Отметим, что этот город впервые упоминается под 1353 г.¹⁰⁷, т.е. на 200 лет позже Галича.

В этой связи вопрос о крепости в устье Чёлсмы приобретает совершенно иное звучание. Опубликованные в 1995 г. фрагменты дневников галичского краеведа Л.Н. Белова дают повод задуматься над вопросом, не существовало ли на берегах этой реки целой системы небольших укреплений, защищавших подступы к Гали-

¹⁰⁴ Феннел Дж. Указ. соч. С. 57.

¹⁰⁵ Вагнер Г.К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор XIII в. М., 1975. С. 18, 20.

¹⁰⁶ Иоаннисян О.М., Леонтьев А.Е., Торшин Е.Н., Зыков П.Л. Архитектурно-археологические исследования в Ростове Великом // АО-1994. М., 1995. С. 105.

¹⁰⁷ Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 161.

чу с запада. Приведём данное свидетельство: «По Кинешемскому тракту, пройдя километра 3 за мост через р. Чёлсму, около деревни Палкино Малышевского с/с (сельсовета. — А.А.), есть местечко, называемое окрестными крестьянами «Городок». Здесь <...> до сих пор ещё хорошо сохранились следы валов, рвов и т.п., свидетельствующие о том, что когда-то на этом месте была большая крепость, являющаяся, очевидно, форпостом Галича»¹⁰⁸. Легко заметить, что данное сообщение практически аналогично разобранным нами выше и заставляет, помимо всего прочего, предполагать наличие защищавшей подступы к Галичу оборонительной системы по р. Чёлсме, которая, возможно, в древности являлась западной границей Галичских земель. В эту же систему легко включаются и древнейшие монастыри Галича — Паисиев, Успенский, Космодемьянский и Фроловский, также располагавшиеся к западу от города на важнейших дорогах. Создаётся впечатление, что город, к востоку от которого селились дикие племена черемисов, защищался не от них, а от западных соседей, включившись в XII в. в борьбу между Суздалем и Новгородом¹⁰⁹, а позднее — защищаясь от экспансии Москвы.

Характерно, что строительство крепостей на Чёлсме как бы продолжает направление строительства Софийских храмов на территории Галичского уезда. Направление же последних словно идёт с севера на юг от бассейна реки Сухоны, куда новгородцы проникли в XI в.¹¹⁰, но окончательно освоили эти земли лишь в XII - XIII вв.¹¹¹ Уже в XIII в. эти земли платили дань Ростово-Суздальскому княжеству¹¹². От Сухоны направление Новгородской колонизации идёт через Солигалич на Чухлому и Бушнево и далее — на запад к Галичу, где и обрывается.

Таким образом, в сообщении о строительстве новой крепости Галича на горе Балчуг местные источники XVII в., скорее всего, соединили более ранние предания, связы-

¹⁰⁸ Белов Л. «Я же современник важнейших событий, из которых многие не найдут отражения в документах». Страницы из дневника военных лет // Губернский дом. 1995. № 2. С. 24.

¹⁰⁹ Макаров Н.А. Указ. соч. С. 158 - 166.

¹¹⁰ Власова И.В. «Зона недоступности»... С. 213.

¹¹¹ Макаров Н.А. Указ. соч. С. 20.

¹¹² ПСРЛ. М. — Л., 1949. Т. XXV. С. 110, 111, 116.

вавшие остатки необычных сооружений в устье Чёлсмы с первоначальным городским поселением, и сведения об имевших место в действительности строительных работах на Верхнем городище в 30-е годы XV в. Археологические же источники подтверждают существование славянского поселения на Балчуге, по крайней мере, с рубежа XI - XII вв. В этом противоречии запутался Тычинкинский летописец, указав три даты строительства крепостных сооружений на Балчуге — Юрием Долгоруким в середине XII в., полумифическим князем Фёдором в 1170 г. и Юрием Дмитриевичем в 1422 г.¹¹³

При этом время сооружения Верхнего городища на Балчуге, сообщаемое в Житии преп. Паисия (а еще раньше — в Сказании о явлении иконы Божией Матери Овиновской), должно быть в первую очередь принято во внимание. Ни один из иных источников об этой дате не сообщает, а историографическая традиция, приписывающая сооружение новой крепости (Верхнего городища) Юрию Дмитриевичу, скорее, исходит из представления о том, что данное событие должно было иметь место только при этом князе. Поэтому версия о строительстве крепости на Верхнем городище в 1434 г., приводимая в Житии преп. Паисия, представляется более правдоподобной хотя бы потому, что она основана на более достоверной летописной традиции.

¹¹³ Памятная книжка... 1862. С. 325, 326; Смирнов Ю. Указ. соч. С. 15.

Сокращения

- АО** - Археологические открытия
АСЭИ - Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в.
ВИ - Вопросы истории
ГКМ - Галичский краеведческий музей
ЖМВД - Журнал Министерства Внутренних дел
ЖМНП - Журнал Министерства Народного Просвещения
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной Культуры ИА АН СССР
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
ОР РГБ - Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей
РГАДА - Российский государственный архив древних актов
СА - Советская археология
УЗ МГПИ - Учёные записки Московского государственного педагогического института
ЦИАМ - Центральный исторический архив г. Москвы
ЧОИДР - Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских

IV. ИЗ ИСТОРИИ СЁЛ И ДЕРЕВЕНЬ

Л.П. Пискунов (Кострома)

Деревня Вёжи в Костромском районе во время войны

Сенокос в наших местах начинали с 20-х чисел июня. В этот год, видимо по решению райкома партии, было предложено трём колхозам: «1-го Мая» (д. Ведёрки), «Имени Сталина» (д. Вёжи), «Сталинец» (с. Спас) — оказать в этом деле помощь Караваевскому совхозу, которым руководил В.Ар. Шаумян.

Была суббота 21 июня 1941 года, и наш колхоз «Имени Сталина», с двумя конными косилками и около 3-х десятков мужиков и ребят с косами на плечах, с выездной кухней, двинулся ранним утром на Караваевские луга в местечко Рученица — это небольшой залив от озера Каменник, в 1,5 км от села Спаса. С ходу повара, Алексей Дмитриевич Новиков и Вера Алексеевна Тенягина, стали обустраивать кухню: большой лужёный котёл для супа и ещё поменьше, для каши, стали навешивать на сошки, на здоровые дубовые колья.

Берег Рученицы был не очень крутой, и тут росли 3 - 4 дубовых куста, под этими кустами и расположилась вся колхозная бригада. Перекурили минут 15 - 20, и на гладком лугу застрекотали косилки, а мужики, разделившись на три звена, двинулись к озеру Турову, где были кочки и сыро и на косилках невозможно было косить, а мы, ребяташки, с ворочелами в руках следовали за ними, разбивали валки, чтоб трава быстрее просыхала.

День, видимо, был не жаркий, так как косили днём (в жару днём много не накосишь), и, как всегда, когда косили бригадами, повара, сварив обед, поднимали на жерди или колу белый флаг. А сенокосники, уже порядком поустанав, посматривали в сторону кухни, не поднят ли флаг, и, если поднят, косу-грабли на плечо — и на обед.

Л.П. Пискунов. Фото из архива автора. 1946 г.

Вот, помню, мы, ребяташки: это Михаил Данилов (1927 г. р.), Павел Елисеев (1927 г. р.), братья Желтовы — Коля и Михаил (1926 - 1929 г. р.), Павел Ефремов и я — расположились в тени под кустом вокруг большого блюда со свежим супом. В это время к нам на стан подкатила пролётка, впряжённая в статного коня. С неё сошли: незнакомый нам мужчина в белом кителе и белой фуражке с небольшими усиками под носом, наш завхоз, Пётр Алексеевич Финогенов, и сторож Караваевских лугов, житель Спаса Баданин Александр Александрович. Поговорив с бригадиром и мужиками, они подошли к нам, сидевшим и лежавшим вокруг блюда с супом. Незнакомец, показав рукой в нашу сторону, сказал: «Вот этот суп, который вы едите, вы заработали своими руками», и ещё что-то добавил, вроде: «Молодцы, что взрослым помогаете».

Для нас, ребяташек, та сенокосная пора была интересным событием — на сенокосе мы помогали взрослым:

разбивали валки, по силе возможности сгребали сено, подносили инструмент, вилы-грабли, верёвки, разносили в вёдрах и чайниках воду для питья, подгребали сено вокруг стога, когда метали стог. За эту работу в колхозную книжку отца или матери бригадир вписывал 0,5 трудодня. В этот субботний день, подкосив травы стогов на 10, с закатом солнца мы двинулись домой. Кто постарше, уставшие, сели на телеги, а мы, ребятня, испулавшись в Рученице, с шутками и забавами следовали пешком за обозом.

Утром 22-го июня отец наш, будучи председателем колхоза, уехал на велосипеде в Кострому на совещание в райисполком, которое проводилось, видимо, по поводу сенокоса. В то время у председателей колхозов средства передвижения были — конь в седле и велосипед. Отец часто ездил в Кострому и всегда нам привозил гостинцы; особенно нам нравились сдобные булочки, называемые «грачи», они были в виде птицы с клювом, а глазом служила изюмина. И вот, где-то часов в пять вечера он вместе с «грачами» и привёз нам весть о вероломном нападении фашистов на нашу страну. Не успел попить чая по приезде, как верхом прибыл нарочный из Куниковского сельсовета с той же вестью и указаниями, что делать на данный момент. Помню, отец из конторы пришёл поздно и сказал, что всех военнообязанных предупредили, чтоб никуда из дома ни сейчас, ни завтра не уходили.

На другой день, кроме дойки коров и сгона скота на пастбище и ещё каких-то неотложных дел, текущих работ не производилось. Телефона, радио в то время не было даже в нашем Куниковском сельсовете, и всё население было в ожидательном состоянии. А после обеда принесли из сельсовета несколько первых повесток, в которых, помню, на обороте было написано: «При себе иметь: кружку, ложку, полотенце, пару белья и на 2 - 3 суток еды».

С получением повесток пролились первые слезы вожан. Зарыдали молодые жёны, матери, сёстры. У крылечек и в домах собирались родственники. В это время молодые мужики и другой народ стали собираться за огородами у Клементьевой бани, на лугу, там варили боль-

шой котёл мяса и ещё что-то. Было организовано что-то вроде прощального вечера, были песни, слёзы женщин. Расположившись кто лёжа на траве, кто на брёвнах, сложенных у огорода, кто на приступках лестницы бани, подвыпившие мужики и женщины утирали слёзы, пели, помню, такие песни:

Последний нонешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра раньше, чем светочек,
Заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои-сёстры,
Заплачет мать и мой отец,
Ещё заплачет дорогая,
С которой три года гулял.

И ещё:

Знаю, ворон, твой обычай:
Ты сейчас от мёртвых тел,
Ты с кровавою добычей
К нам в деревню прилетел.
Где же ты летал по свету,
Где кружил над мертвецом,
Где похитил, ворон, эту
Руку белую с кольцом?
Это рука — мила друга,
Золото кольцо — моё.

А рано утром, наверное не сомкнув глаз, те, кому были повестки, повесив за плечи котомки, пошли в Кострому — в военкомат или на сборочный пункт. Кто ушли первыми, не знаю, не помню, но помню, отец-председатель сокрушался: кого теперь сажать на косилки; а на двух колхозных конных косилках могли работать только Михаил Сергеевич Фирстов, Николай Никандрович Тенягин, Александр Александрович Желтов и Александр Александрович Кузнецов-Маринин. И, как говорится, пошло-поехало. Колхозная-деревенская жизнь перешла на военное положение, психологически люди изменились, стали настороженными.

У многих ещё свежи в памяти были Первая мировая и Гражданская войны. И некоторые уроки их пригодились. Многие жители наших деревень кинулись в бо-

Деревня Вёжи во время войны

гатые хлебом и зерном соседние деревни Ярославского, Любимского районов — это деревни Сошкино, Мохоньково, Привалово, Слоново, Чирьяково, Шигино, Булаково и др. Там можно было купить как в колхозе, так и у частных крестьян муку-рожь-пшеницу или обменять на рыбу или какие-то вещи.

Вскоре в наши колхозы Куниковского сельсовета прибыли уполномоченные райкома партии или НКВД. Помню их фамилии: мужчина — Польщиков и женщина — Урывалихина, которая квартировала в нашем доме за стенкой у Веры Поликарповны Щеповой. Так как бригадный метод работы начал давать сбои, многие колхозники стали находить причины избежать колхозной работы. Уполномоченные применяли свои меры воздействия.

Каждую неделю отправлялись на фронт 2 - 3 человека, а недели две спустя прибыл из Куникова ветфельдшер и стал отбирать хороших лошадей, тоже для фронта.

Появились первые беженцы. Из Ленинграда в Ведёрки прибыли 2 - 3 семьи к родственникам. Это жена Алексея Михайловича Ерофеева, Вера, и жена Константина Ивановича Сивкова, с сыном Мишей и дочерью. А в нашем классе училась девочка из-под Львова, по имени Марта.

В сентябре забрали и нашу колхозную автомашину-полуполторку вместе с шофёром Степаном Лезиным. Хлеб, привозимый из Куниковской пекарни, стали выдавать по норме (сколько — не помню), но 2 раза в неделю. Поступающие слухи с фронта были печальные: враг идёт на восток почти беспрепятственно.

Появился первый наш беженец: Василий Александрович Горбунов (старший), он отбывал срок в лагере около Можайска, и этот лагерь, видимо, разбежался. (Разбомбили?)

К декабрю 1941-го года из примерно 20 - 25 колхозных лошадей осталась половина. Работа в колхозе осложнялась, а примерно с половины октября нужно было 15 - 20 человек и 2 - 3 лошади отправлять на рытьё противотанкового рва на левом берегу Волги (это от Стрел-

ки и выше — до села Саметь)*. Пошёл почин обучать езде колхозных бычков, это забавное дело было поручено подросткам. Подвоз сена с лугов к скотным дворам и конюшне — тоже легло на их плечи. Оставшиеся лошади использовались для поездок в Кострому и для лесозаготовок.

* Об этом рве я более подробно писал в «Северной правде» от 16 или 18 июля 1998 года.

Прим. ред.: Приводим полностью статью Л.П. Пискунова «Оборона Костромы», напечатанную в «Северной правде» 19 июня 1998 года, но с двумя исправлениями, внесенными автором при вычитке данной статьи, — они выделены курсивом: «Сейчас, увы, не часто вспоминают и говорят даже про оборону Москвы, Ленинграда, Севастополя и Одессы, а тут — Кострома, и вдруг — оборона? И тем не менее, костромичи готовились к ней. В лютую зиму сорок первого - сорок второго годов по берегу Волги от стен Ипатьевского монастыря и до села Саметь, вверх по реке, началось строительство противотанкового рва.

Мне тогда шеп двенадцатый год, и я помню, как уезжали из нашей деревни Вёжи мобилизованные на трудовой фронт девчонки и бездетные женщины, — на двух оставшихся от выбраковки лошадейках (на них, кстати, и грунт, вынутый из рва, отвозили). Каждая смена отправлялась ненадолго, на десять - двенадцать дней. В колхозе для отъезжающих кололи приболевшего телёнка или двух - трёх баранов, выделяли четыре - пять мешков картошки. Хлеб выдавали на месте, в селе Шунга, — четырёхсотграммовую пайку.

Питались практически раз в день — вечером, по возвращении с работы. Спали на полу, не раздеваясь, — хозяева экономили дрова, которые в Шунге и окрестных деревнях и в мирное-то время были недёшевы. Утром вставали затемно, пили кипяток с чёрствым хлебом и отправлялись долбить мёрзлый грунт. Вся механизация была, как у нас говорили, «через пуп» — ломы, топоры, лопаты, носилки.

Мой отец был председателем в Вёжах, в колхозе имени Сталина. Ветеран Первой мировой и Гражданской войн, он уже был непризывным, как и ещё трое - четверо стариков нашей деревни. Раз или два за смену отец ездил в Шунгу и Тепру, где квартировали наши, вёжевские, — кое-что подвозил им из дома, отвозил назад заболевших и обморозившихся. В одну из таких поездок отец взял с собой и меня — на ров посмотреть. Зрелище, надо сказать, впечатляло: вереница людей — сотни, тысячи человек! — от берега Волги напротив Тепры и до самого Ипатия не то чтобы двигалась, а как-то шевелилась, колыхалась.

Сейчас, почти через шесть десятилетий, я думаю, что место для встречи врага костромские воеводы выбрали тогда правильно. Именно здесь, всего вероятней, немцы, преодолев Волгу, и начали бы окружение города — с левого фланга, через деревни Стрельниково и Некрасово, на нынешний посёлок Первомайский.

В декабре месяце в деревни из Костромы и других мест было направлено большое количество людей, которые рубили лес, пилили его (ручными пилами) и вывозили на специальных санях по ледяной дороге: люди впрягались (человек 8) в ямки-дышла и тянули. Помню, у нас в доме были поставлены на квартиру 4 парня

И может быть, в третий раз встретились бы с врагом наши земляки на Святом озере, как в начале тринадцатого века встретилась здесь дружина князя Василия Ярославича с татаро-монголами, а в 1609 году ополченцы воеводы Давыда Жеребцова — с польско-литовскими захватчиками.

К счастью, до этого не дошло. Весной сорок второго работы по сооружению противотанкового рва были прекращены, во всяком случае, наших колхозников туда больше не направляли.

Уже взрослым, в конце пятидесятых, я в числе других *костромских* держателей коров по три лета работал здесь на заготовке сена. Брала подряд у директора совхоза «Заволжский» Аркадия Михайловича Жолниренко, на таких условиях: две трети заготовленного на *Козеленских островах* сена — совхозу, треть — нам.

По вечерам усаживались на берегу и о чём только не разглагольствовали! Не раз заходил разговор и о противотанковом рве. Сколько труда человеческого затрачено, а он не потребовался, зарос, осыпался и забыт. Да и мог ли этот ров, шириной в четыре-пять метров, сдержать немца?

— Уж если б он, немец-то, Волгу форсировал, то что ему эта канава! — рассуждал, к примеру, бывший мастер-сыродел из Самети Николай Александрович Сараев.

— Это точно, — вторил ему Иван Дымов, вернувшийся с фронта без ноги. В такие рвы мы, бывало, танком спихивали один или два «студебеккера», и по ним танки, как по мосту, шли вперёд.

А дядя Вася Брекунов был и вовсе категоричен:

— А просто было вредительство, — говорил он, и уточнял: чтобы отвлечь рабочую силу от других, более важных дел.

Да я и сам не однажды стоял у этого рва в ожидании лодки, посвоему представляя встречу переправляющегося врага. Вот он, передо мной, — в танках ли, в лодках, или на понтонах. В любом случае, мне надо только стрелять по нему — из винтовки, из пушки, из миномёта, бросать гранаты. И, значит, строить тут надо было не ров, а доты, дзоты, окопы...

Но строили, оказывается, и их.

Те, кто сейчас ходят на Волгу, наверное, обращали внимание на частые здесь ямы и углубления, заросшие тополями. Это бывшие окопы, траншеи, а стояли здесь зенитные батареи с прожекторами, охранявшие железнодорожный мост от налётов вражеских бомбардировщиков.

У меня в сарайке хранится лом. Я его беру в руки каждую зиму раза по три. Между прочим, лом этот, можно сказать, историческая реликвия: его мой отец привёз когда-то со строительства того самого противотанкового рва на Волге».

— студенты текстильного института, которые на этих санях вывозили бревна из леса на полой*, где их укладывали в плоты уже другие рабочие. Помню, в колхозной конторе представитель из Костромы собравшимся колхозникам зачитывал сообщение о первой победе под Москвой. А на стенах в конторе и напротив, на коридоре Семёнова дома, висели плакаты («Родина-Мать зовёт» и другие).

С появлением госпиталей в Костроме и большого числа эвакуированных детей, с колхозов требовали внеплановых поставок продуктов; молоко, мясо, рыбу, картофель, еженедельно подвода или две, согласно указаниям, отвозили то в госпиталь, то в детский дом.

В то время (ещё и до войны) был дефицит табака, а поскольку у нас его выращивали, то это нашим жителям давало большое подспорье. На табак от Кинешмы, Фурманова и других мест несли менять обувь, одежду, мануфактуру, вплоть до золотых изделий. Кроме колхоза, его выращивали и в частных огородах, около дома. У нас в доме никто не курил, но стоял кряж возле лавки в кухне, и мы по очереди, кто свободен, топором рубили этот табак, просеивали через редкое решето, ссыпали в мешок и досушивали на печке. Помню, на деньги продавали его по 130 рублей стакан или на что-то обменивали.

В связи с отсутствием рабочей силы (мужиков), стало трудно обгружать** все озёра, а с пуском Рыбинской ГЭС осенью и зимой стало почти невозможно вылавливать рыбу тягой воды: подъём воды с Волги делал подпор, а иногда волжские воды устремлялись в озёра, превышая уровень плотины (еза)***.

Осенние и зимние паводки, вызываемые работой Рыбинской ГЭС, создавали огромные неудобства и вред жителям наших мест. Вода поднималась за сутки до одного метра. Портились дороги. Ещё с довоенного време-

* *Полой* — большой разлив.

** *Обгружать* — перекрывать сетью весной, при спаде воды, исток речки, вытекающей из озера, с целью предотвращения схода рыбы из озера.

*** *Еза* — плотина на истоке реки, вытекающей из озера, для удержания высокого уровня воды в озере, чтобы была возможна ловля рыбы тягой воды.

Деревня Вёжи во время войны

ни в эти осенне-зимние времена не раз обратно возвращались подводы из наших деревень с реки Узоксы, мост на которой обливало водой, и проехать по нему даже на лошади — телеге или санях — было невозможно. В связи с этим запомнился такой факт-эпизод: председатель нашего Костромского райисполкома А.Ф. Казак уходил на фронт добровольцем, как он тогда говорил (а может, по призыву ВКПБ), и приехал на автомашине к нашим председателям попрощаться. Помню, у нас в доме было большое застолье с жареной рыбой и водкой: был председатель из Ведёрок В.П. Сивков, от Спаса — М.П. Медведев, агроном из Куникова П.М. Качин и другие. Все председатели сделали ему «подарки». Отец, помню, мешка 2 мороженой рыбы, В.П. Сивков подал кадку мёда, что от Спаса — не помню. Но на другой день, когда Александр Федосеевич собрался ехать в Кострому, кто-то сообщил, что на Узоксе мост облило, не проехать. Тогда решили ехать луговыми дорогами вокруг озера Першино, через Омутской мост на реке Кисти и в Шемякино. А для подстраховки взяли лошадь, пилу-топоры и двоих мужиков, так как мост был жиденький, на сваях, и по нему ездили только на лошадях. Но всё обошлось благополучно, и там, на берегу Кисти, отец и В.П. Сивков распрощались со своим районным руководителем.

В январе - феврале 1940 года родители мои продали половину дома двоюродной сестре отца, Вере Поликарповне Шаповой, и её мужу Михаилу Ивановичу за 11 тыс. рублей, так как отапливать такой большой дом — три печи и подтопок — было тяжело; хотя с дровами проблем не было, а тяжело было таскать дрова на второй этаж. И вот, как началась война, на отправку фронтовиков и другие потребности: отправка на трудовой фронт, на лесозаготовки и т.д., — все эти деньги ушли за время председательства безвозвратно. Колхозная касса всегда была пуста, так как на сданную сельскохозяйственную продукцию были копеечные цены.

По-моему, в этот 1941-й год была ранняя холодная осень и зима. Так как в наших колхозах много картошки осталось не выкопанной, её завалило снегом. Бригадный метод работы себя не оправдывал, и

на другой, 1942-й год, перешли на семейный подряд, так сказать. На полевых работах создали небольшие звенья из 4 - 5 человек. А сенокос разложили по 7 гектаров на мужчин, 5 гектаров на женщин и 4 на подростков*. Тогда уже бригадир рано утром не стучал в окно или калитку, не кричал: «Петров! Вставай! Пошли косить!», а только проверял, что кто накосил. У кого в семье было 2 - 3 человека — косили семьей, тут со временем не считались. А кто — особенно женщины — объединялись по трое-четверо и работали так, помогали и дети. Кто отставал, приглашали в контору, и там уже, кроме правления, слово держал представитель Польщиков или Урывалихина.

Где-то в октябре - ноябре началась бомбёжка Ярославля, это происходило вечером, ночью. Многие наши вежаны собирались на краю деревни и с любопытным интересом смотрели на это зрелище. В небо над Ярославлем устремлялись десятки лучей прожекторов, сверкали разрывы снарядов и трассирующих пуль. И если прожектора, два или три, брали в перекрестие фашистский самолёт, то его наверняка сбивали, видно было, как огненная глыба падает. В этот момент мы кричали: «Так его! Так!», кто-то хлопал в ладошки и прищипывал.

Где-то в ноябре - декабре отец-председатель и ещё кто-то были вызваны в Ярославль-область на совещание; видимо, совещание было посвящено рыбодобыче, так как по приезде отец рассказывал, что были рыбацкие председатели из Галича и с Рыбинского моря и других мест. Перед ними выступал 1-й секретарь обкома Патоличев. Так вот, пока шло совещание, два раза объявлялась воздушная тревога и они, весь зал, спускались в подвал в бомбоубежище.

А вот очередная смена работающих на рытье противотанкового рва на Волге привезла такую новость: якобы там на рве (или в Костроме) были разбросаны листовки с таким текстом:

* Что такое сенокос — сейчас знают не все. Это тяжелейший труд: скосить, высушить, стаскать к стогу, сметать стог. А 7 га — это, считай, 7 стогов по 2 тонны. К тому же — укусы слепней-комаров.

Кострому бомбить не буду —
Это родина моя.
Коммунистам и жидам
И в Сибири жить не дам.

Возможно, это и выдумка какая была, но это многие повторяли и даже девочки превратили в частушку. И хотя фашист обещал Кострому не бомбить, у железнодорожного моста стояли наготове несколько зенитных батарей; следы блиндажей их ещё до сих пор сохранились у железнодорожного полотна на левой стороне Волги, на берегу у моста.

Где-то в конце ноября-декабря во всех наших деревнях было объявлено сдать всем охотникам, всему населению ружья. Их приносил каждый житель в контору, свои одностволки-берданки и двустволки. А куда отправляли — не знаю. Может, в Куниково в сельсовете хранились или в Кострому отвозили, но где-то весной или осенью 1942 года ружья всем возвратили. Видимо, решение было принято в самый критический момент, когда враг захватил город Калинин (Тверь) и был совсем недалеко от Рыбинского водохранилища.

Начиная с конца июля через нашу деревню со стороны ярославских деревень, т.е. с запада, проезжали большие обозы (лошадей по 15 - 20) цыган; они останавливались у нашей деревни, кормили лошадей (а цыганки атаквали наши деревни с просьбой милостыни, с гаданием и воровством), а потом двигались дальше — через Куниково, Сущёво, Мисково на восток.

В начале сентября месяца 1941 года в наш сельсовет было пригнано своим ходом стадо крупного рогатого скота (коровы-тёлки) из Смоленской области, голов 150 Симментальской породы. Это крупные животные белосерой масти с чёрными пятнами, но не как коровы Ярославской породы.

Нашему колхозу было выделено голов 30 на содержание и сохранение. Для этого пришлось оборудовать-приспособливать 3 - 4 амбара (их нижний этаж) под этих животных, некоторые из них были дойные. Передача этого скота состоялась по акту в присутствии представителей нашего райисполкома и Куниковского сельсовета и ветврача. Это колхозу дало большую нагрузку, так как свое-

го скота было достаточно много. Дойное стадо — коров 70, нетели (1,5 года) — голов 50, телята новорождённые — голов 50, овчарня — голов 100, свинарник — голов 50 - 60. Работы хватало и старым и малым.

Зиму 1941-го - 1942-х годов пережили со старым запасом дров, а с осени 42-го на дрова стали разбирать овины и старые амбары, так как зимой заготавливать дрова было уже некому, а потребность в топливе возросла. Котора, ферма, телятник, свинарник, овчарник — всё отапливалось, варили корма. Из 6 - 7 овинов и 20 амбаров к концу войны остался 1 овин и 5 - 6 амбаров. Часть амбаров разобрали на ремонт фермы, телятников и т.д.

Где-то весной или летом 1943 года приехали представители из Смоленской области забирать скот (часть пала, других прирезали), и его уже отправляли в вагонах.

Звеньевая форма работы дала свои плоды: звенья, состоящие из трёх - четырёх девчонок и одной - двух пожилых опытных женщин, стали выращивать хорошие урожаи картошки, по 25 - 30 - 33 тонны с гектара. Всё делалось вручную. Всю зиму вывозили навоз — на быках, на санках — на бывшие хмельники, где выращивали табак и картофель, благо навозом была завалена вся деревня вокруг. У фермы, телятников, конюшен накапливались огромные кучи. Весной навоз вывозили на лодках и сваливали прямо в воду на залитом участке. Осенью картошки нарывали (у нас рыли царпками, а не лопатой копали) много, её не всегда успевали отвозить в хранилища (населению на трудодни) и сдавать, т.е. отвозить в село Куниково (госпоставка), и приходилось прямо на поле закапывать в бурты. Выкапывали небольшую траншею, выстилали соломой, наваливали картошку, покрывали соломой, старым сеном и присыпали землёй, и так до декабря, а то и до января она хранилась. Надо отметить: хотя уже было голодно, но воровства было мало, ибо все знали, что судить будут по закону военного времени.

Где-то в конце февраля 1942-го отца с председателем колхоза сняли. По рекомендации райкома партии председателем был избран вернувшийся с фронта по ранению Мазайхин Павел Кондратьевич. Бронь у отца кончалась, и где-то в конце марта он получил повестку в военкомат, но, поскольку он в 1-ю Мировую вой-

ну был травлен газом и потерял зрение, в строевую он был не годен, да и возраст у него был уже солидный. Комиссар госпиталя, который находился в Красном доме, уроженец села Яковлевского, Крошкин Александр Фёдорович отца предупредил заранее, что он заберёт его в рыбаки для госпиталя, и отец с повесткой пошёл вперёд к нему, и с Крошкиным уже пошли в военкомат. Там отец прошёл комиссию — признали негодным, нестроевым, и его оформили как нестроевого в госпиталь № 3031 (Ленинградский эвакуогоспиталь). В половине апреля 1942-го отец посадил меня в лодку и сказал: «Ну, сынок, будешь у меня теперь помощником, а школу, 4-й класс, закончишь, когда кончится весенняя путина». По окончании весеннего лова я в июне раз 5 ходил в школу, где сдавал экзамен-зачёт своей учительнице Л. Дм. Веселовой.

Заместитель начальника госпиталя № 3031 был уроженец Ипатьевской слободы, Шилов Александр Иванович, который был мудрым и деловым человеком.

Отловив конец апреля, майский нерест и часть июня, отец сдал госпиталю тонны 2,5 крупной рыбы. Руководство госпиталя учло это подспорье и к октябрю 1942-го договорилось с рыбозаводом и нашим колхозом, чтобы те выделили госпиталю два озера — Семёново и Першино (так как в колхозе не хватало мужских рук-сил обгружать эти и другие озера), а сдаваемую рыбу засчитывали в план колхоза. За это колхоз получал стимуляцию в виде муки, сахара, масла растительного и других продуктов. Тогда А.И. Шилов предложил отцу взять еще 2 - 3 рыбаков и создать бригаду. Отец пригласил брата Василия Фёдоровича, 1891 года рождения, и из Ведёрок Фирстова Ивана Ивановича, того же возраста; ну и я у них был незаменимым помощником. В мои обязанности входило: сбегать что-то принести; ушивать-ремонтировать ветеля-мережи*, так как тогда ещё не было капро-

* *Ветель* — рыболовная снасть типа ловушки, натянутая на 5 колец с двумя горлами, куда рыба заходит, а обратно выйти не может. Ставится как в стоячей воде (озере) на растяжку, так и при течении на перемёт. *Перемёт* — верёвка, перетянутая с берега на берег реки или между островами.

Мережа — полотно, связанное из очень тонких нитей.

новых нитей и сетей из них, а льняные, пеньковые и кордовые часто рвались — прели в воде; кипятить чайник; варить уху; мыть лодку после рыбы и грязных сетей. Когда в разлив ловили перемётами ветелей, мне приходилось отпихивать багром идущие по течению льдины, брёвна, одевать задевы, когда сети-ветеля запутывались в лодке. А зимой-осенью ходить на озёра на сутки, ночевать в землянке-избушке и слушать рассказы старых рыбаков. Самый главный лов был лещёвый нерест, в это время (10 - 20 мая) за две недели вылавливали рыбы — в основном леща — столько, сколько не вылавливали за всё остальное время года. (В то время запрета лова в нерест не было, наоборот, в нерест производился самый большой улов.) Основным местом лова был так называемый Перекол, где река Узокса вытекала из озера Великого. Там сейчас как раз проходит дамба. Пойманную рыбу, вытряхнутую из перемётов-ветелей, везли живую в Кострому, в госпиталь, на лодке — спускались по рекам Узоксе, Костромке до наплавного моста через Костромку, звонили из проходной завода им. Красина в госпиталь, чтоб выезжала машина или подвода с тарой за рыбой. Выгрузив рыбу, лодку сдавали охране моста или шкиперу баржи-торфянки, стоявшей у ТЭЦ, и ехали сдавать рыбу в госпиталь. А.И. Шилов давал распоряжение на кухню: рыбаков хорошо накормить, а шофёру Володе Спиридонову — отвезти нас к лодке, чтоб ехать на лов обратно. К утру добирались до Ваташки, немного переспав в лодке, и снова на перемёты, и снова лодка рыбы.

Помню один факт-эпизод: А.И. Шилов дал задание, чтоб к 1 мая была доставлена в госпиталь рыба — это было, наверное, в 1944 году. Был ледоход, особенно по реке Костромке. Мы — отец, дядя Вася и я — к этому времени подкопили в садках и на леднике килограммов 400 рыбы (нереста леща ещё не было) и числа 29 - 30 апреля поехали-поплыли в Кострому, но настораживала опасность — ледоход на Костромке; а течение тогда было очень сильное — огромные льдины выпирали на берег метра на 3 - 4. Выехав в устье р. Узоксы, увидели сплошной ледоход. Что делать? Тогда отец предложил

лодку вытащить на большую льдину, что и было сделано при помощи багра-верёвки, пешни и кошки. И на этой льдине благополучно спустились до городской переправы у Волжских ворот*. Задание было выполнено.

Летом 1942 года свалилась неожиданная напасть на наши реки. Находившиеся в Костроме воинские части, а также эвакуированные из Ленинграда Военно-транспортная академия, ЛАУ (Ленинградское артиллерийское училище) и другие стали нагло и безнаказанно глушить рыбу в Костромке, Узоксе, Соти. Приезжали на военных машинах с лодками, бросали в омуты по несколько толковых шашек — взрыв! — и всплывало вместе с крупной рыбой огромное количество мелочи, а вылавливать успевали только крупную. Рыбинспекции тогда не было, а властям было не до этого. Также с этого времени начался отстрел лосей. Приезжали военные с винтовками и устраивали загоны в любом лесу-перелеске. Примерно с осени-зимы 42-го в деревне Моховатое жила бригада военных охотников от Песоченских лагерей, которые отстреливали лосей для их воинской части.

Однажды в конце июня 1942-го, а может, 1943 года нашу деревню потряс ночной взрыв, такой, что задрожала земля и забрякала посуда в шкафах и посудниках, полопались в окнах стёкла. Многие повывскакивали на улицу в чём спали. Сторож-старик, дремавший с караулкой** на весах у часовни-ледника, не мог ничего пояснить. Все были в недоумении и не спали до восхода солнца. Так бы и осталось неясным, если б не рыбаки, поехавшие утром проверить ветеля на озеро Великое; там рыбак М.Г. Тупицын и обнаружил следы взрыва: в радиусе 30 - 40 метров были разбросаны с корнями камыши-ситки, а в эпицентре — яма с мутной водой и несколько оглушённых рыб. Об этом утром же было сообщено в сельсовет. А дня 3 - 4 спустя выяснилось, что самолет-бомбардировщик не сумел разбомбиться по заданию, а с бомбой не мог произвести посадку на аэродроме в Туношне под Ярославлем, вот и решил разгрузиться в ночное озеро Великое, благо до него от Туношны не более 40 километров по прямой.

* Так местное население называло Московскую заставу. (Прим. ред.)

** Караулка — принадлежность сторожа, деревянная погремушка.

Хочу отметить следующее: среди местного населения и прибывших на лесозаготовки по трудовой повинности, различного приезжего и проезжающего люда не было какой-то озлобленности, вражды, драк. Зимой в каждом почти доме стояли лесорубы по 3 - 4 человека, и им хозяйки готовили какую-то пищу, с уходом утром рано на работу кипятили самовар, варили-разогревали какую-то еду в русской печи. Вечером после работы то же самое. А ведь была одна русская печь и самовар — и все удобства.

Всю войну, и послевоенное время, зимой основным личным транспортом были санки, на них подвозили дрова и сено для личного подворья. Возили в Кострому, Шунгу, Некрасово продавать сено, дрова. И по большой дороге в Кострому и обратно из наших деревень, а также от Любимского района, Даниловского района (как у нас называли обобщенно — «из Ярославской») шёл гужевой транспорт. Так вот, если попросить подвезти, то в большинстве сажали или санки привязывали. Это делали совсем незнакомые люди.

Особенно в этом отличались татары. «Татпромартель» в Татарской слободе имела большой конный парк, она обслуживала многие предприятия в Костроме, и татары часто за сеном, дровами, рыбой приезжали в наши деревни. Они уж всегда подвозили и санки привязывали. Даже когда дорога была плохая — снегопад, перемело.

Ну, а когда наши деревенские ехали из Костромы на порожняке, то в Шунге, в чайной, обязательно забирала попутчиков. И если кто-то кого-то не подвез, то обида высказывалась-распространялась на все три деревни. А то и впрямь, в праздник или при другой встрече, говорилось: «Помнишь ты, сукин сын, обогнал меня, а не посадил. Я тебе это припомню».

Белась пропаганда, создавался среди населения настрой, что мы победим, победа будет за нами. Эти слова звучали на собраниях, встречах, в информациях выступающих.

Было морально-психологически тяжело только до весны 42-го. А потом со всем как-то свыклись. Приходи-

ли похоронки, оплакивали-скорбели родные, сочувствовали деревенские.

Но жизнь продолжалась, много и тяжело работали, но как бы ни было тяжело, отмечали праздники: Ильин день — 2-го августа, Преображение — 19 августа. Приходили гости-родные из соседних деревень, из Костромы. Встречались, угощались чем могли. Молодежь устраивала гулянки с песнями и плясками.

Надо сказать, это тяжёлое время выражалось и в песнях-частушках. Вот, помню, девки пели такие частушки:

Гитлер хитрый, Гитлер хитрый,
Гитлер, кончи воевать.
Отпусти ребят жениться —
Девок некуда девать.

А приезжие девицы-лесорубы пели так:

Надоели нам бараки,
Надоели коечки,
Ещё больше надоели
Лесозаготовочки.

(Некоторые лесорубы жили в бараках непосредственно в лесу, зимой.)

Было и такое: где-то в феврале-марте 1943-го, а может, 1944 года в наш колхоз прибыл гусеничный трактор «НАТИ» от какой-то воинской части (тракторист и в военной форме капитан с пистолетом на ремне) за картошкой. К трактору прицеплены сани-площадка — и всё. Срочно была поднята вся деревня набирать из хранилища картошку, да ещё надо было оборудовать эту площадку: делать борта, выстилать соломой-сеном, чтоб картошка в дороге не помёрзла. Старики — завхоз Александр Дмитриевич Клементьев и Сергей Иванович Ключев — понимали и предчувствовали, что картошка в пути замёрзнет. «Заморозят, бродяжное царство», — негромко возмущался Сергей Иванович, приколачивая к стойке очередную жердь или доску. К вечеру нагрузили тонн 5 - 6, прикрыли соломой, трактор двинулся в путь, но где-то на озере Каменнике трактор сломался. Картошка замёрзла. Капитана, говорили, судил трибунал. А картошку позднее — часть растащили, часть увезли на лошадях на спиртзавод.

А вот в конце мая 1944-го, а может, 1945-го в деревню Ведёрки прибыл отряд молодых — призывного возраста, 20-25 лет — ребят-чеченцев, человек 35 - 40. Руководил-надзирал за ними старший лейтенант НКВД Смирнов. Во время весеннего сплава леса много плотов было разбито и лес обсох на берегах рек, озёр, просто на лугах. Задача чеченцев была скатывать, свозить в реку Соть этот лес, вязать в пучки и сплавлять до рек Узоксы и Костромки, а там пучки-плоты брали на буксир катера и сплавляли в Кострому. Жили они в Ведёрках где-то в одном помещении, возможно, в школе (учёба в конце мая заканчивалась), а может, по домам — уж не помню. Они ходили на работу свободно, но каждый день отмечались у Смирнова.

Время было голодное, и их кормили не очень сытно. Они подрабатывали. Кому-то вскопают грядки в огороде, привезут из леса жердей-дров, брёвен для ремонта. Вечером по воскресеньям собирались все вместе на гулянки. Сделали из толстой красной ольхи свой струнный инструмент и под него плясали, танцевали свои танцы. А наш народ с любопытством смотрел на это. Иногда от колхозников поступали жалобы, что чеченцы выкопали только что высаженную картошку. Но больших ЧП не было.

Они работали не один сезон. Одна из ведёрковских девиц, Вера Финагеевна, вышла замуж за чеченца, и позднее он её увез к себе, но года через два она оттуда возвратилась — не прижилась.

Помню такой эпизод: мы с отцом ехали с озера Великого на лодке с рыбой домой по реке Соти, навстречу на связке-плоту по течению плыли 3 - 4 чеченца. Поравнявшись и увидев у нас в лодке рыбу, один из них попросил: «Отэц, дай рыбы». Мы причалили к ним. День был тёплый, они, полураздетые, сидели на плоту, один из них брился ножом. Отец дал им по рыбине, они сразу разрезали одну, достали из сумки соли и, натерев рыбину солью, стали есть. Отцу понравился нож одного, он попросил: «Вот продай мне этот нож, хоть рыбы дам, хоть денег». Ответ был такой: «Нэт, отэц, чечен нож не продаёт».

Выше я уже писал, что велась политико-массовая работа, пропаганда, агитация, поощрения за хорошую работу. В феврале 1943-его, а может, 1944 года в Костроме, в театре им. Островского или Дворце пионеров, проходил слёт молодых колхозников, видимо, Костромского района. От нашего колхоза был направлен мой одноклассник, подпасок Коля Горбунов, отец его погиб на фронте. Семья была большая, жили бедно, и его собирали всей деревней — кто рубашку, кто пиджак, кто сапоги давал. И ещё кто-то из девчонок был направлен — два делегата. Коля до этого в городе бывал раз или два, и впечатление от слёта у него было огромное: доклад, концерт и обед в фабрике-кухне. После такого Коля был готов на любой трудовой подвиг.

О конце Великой Отечественной войны и победе я услышал вечером 9-го мая. В это время как раз начался лещёвый нерест. Самый большой сезон лова рыбы. Мы с отцом и дядя Вася в это время как раз вели постановку переметов ветелей в истоке реки Узоксы, на так называемом Переколе. И ехавшие на лодках из Костромы жители наших деревень кричали нам и махали руками: «Война кончилась! Победа!!! Победа!!!» В этом у многих людей уже давно не было сомнений, и все этого ожидали. А вот как рассказывает моя супруга Валентина Павловна, рождённая в деревне Леонтьево (на Унже) Мантуровского района. Они день победы узнали так: снизу по реке Унже шел колёсный пароход, может, за гонкой* леса, а может, и специально посланный как агитационный. И с него в рупор против каждой прибрежной деревни кричали: «Война кончилась! Победа! Победа! Войне конец! Мы победили!»

Но вот самое тяжёлое время наступило после победы. В 1946 - 1947 годах был страшный голод. Нас ещё выручала рыба, но не всех. А в некоторых соседних де-

* Гонка — несколько плотов из брёвен — от 7 до 20 плотов, каждый размером 6х6 м; общая длина гонки могла быть 200 м, — связанных в 2 «яруса» и обвязанных канатом, переправляемых во время подъёма воды пароходами.

ревнях люди пухли от голода. Весной собирали старую промороженную мелкую картошку на крахмал и в некоторых случаях ели берёзовую кору. Собирали весной щавель, крапиву, другие травы. Прибывшие с фронта победители и те, кто был в плену, — все оказались равными, все вместе трудились на колхозном поприще.

День Победы как-то вроде был позабыт. Не как в наши дни: с орденами и медалями на груди как в деревне, так и городе было мало кого встретишь. Вот помню эпизод. Я поступил на работу в аптечное управление 26-го августа 1953 года. И в праздник Октября мы собрались на аптечном складе утром 7-го на демонстрацию. Был у нас фронтовик, дядя Коля Незамайков (шофёр), он пришёл при орденах. Так вот, над ним некоторые посмеивались, говорили: «Куда ты, Колюха, навешал этих побрякушек?» На сенном базаре у входа с проспекта Мира сидели-стояли несколько безруких, безногих инвалидов войны. Кто играл на гармошке, кто пел, кто просто просил: «Подайте, граждане, на пропитание инвалиду войны». Пели пробивающие слезу песни. Ведь сразу после окончания войны стали поговаривать, что скоро придётся воевать с Америкой.

Значение праздника Победы было как-то притушено. Видимо, все силы были брошены на восстановление народного хозяйства. И вот только писатель С.С. Смирнов поднял темы Победы, фронтовиков, и это уже где-то в 70-х годах, а ведь до этого день Победы был рабочим днём. Даже была отменена оплата вознаграждение за ордена.

Помню, в день Победы 1949 года мы, колхозники, в том числе и фронтовики, копали-готовили силосные ямы (наступала пора силосования), всё делалось вручную. После обеда к нам пришёл председатель колхоза М.Н. Медведев (он тоже фронтовик) и сказал: «Ну что, мужики, ведь день Победы сегодня. Вот я напишу записку завмагазином, чтоб вам по четвёрке отпустила», а потом добавил: «Война в Корее началась, и нам, наверное, снова несдобровать. Ведь там только поле битвы будет, а воевать-то нам с американцами придётся».

Хочу отметить значение в Победе над фашизмом детского труда. Я думаю, что если не 25 %, то 20 % от общего труда надо отнести на их долю. Я сам испытал это, и есть общее наблюдение за происходящим в то время.

Вот, пожилые люди придут с работы, и им ни до чего — устали, нужен отдых. А мы, ребятня, да и уж когда были повзрослее, хоть и уставали (а точнее, надоедала психологически работа), а придёшь с работы, поужинаешь — и на улицу, на лужайку за деревню, играть в городки или козонки*, карты. А утром в 4.00 встаём косить, отец стонет: руки-спину больно, расхаживается, разминается, а я хоть бы что — вся усталость прошла.

И ещё: когда работали детки со взрослыми, то у обеих сторон поднималось настроение и как бы поддерживалось психологически. Особенно, если взрослые работали одни на сенокосе, или в поле, или на рыбной ловле. Им было трудно психологически. Вот пример: у друга моего отца, М.Г. Тупицына, не было сына, и он работал-ловил рыбу один. А отец со мной; во-первых, вдвоём было, так сказать, охотнее, а во-вторых, я всё же был помощником, что-то делал-помогал. Иногда он с завистью смотрел на нас, говорил: «Что тебе, Петруха, у тебя помощник есть». Иногда он просил меня: «Поедем, Лёшка, помоги мне перемёт натянуть» (или рыбу отвезти на ледник, вымыть ботник после грязных сетей-ветелей, вскипятить чайник). Ну, а когда я завалил первого лося — это было 4 ноября 1944 года, — он меня обнимал и целовал, говорил: «Ну, Лёшка, я из тебя сделаю хорошего охотника».

Научившемуся в детстве что-то делать облегчало жизнь во взрослом возрасте. Мне, например, легко было в армии. Я мог выполнить любую работу, любое поручение. Понимать обстановку. Не зря старики говорили такую поговорку: «Чтобы большому учиться, надо малое познать». И действительно, тому довоенному поколению, фронтовикам, как я не раз слышал, легко было учиться в высших учебных заведениях.

* Козонок — часть голеностопного сустава коровы, быка или телёнка. Когда варили студень, эти косточки-козонки отбирали, высушивали и красили.

***Список жителей деревни Вёжи Костромского района,
ушедших на фронт Великой Отечественной войны****

1. Борисов Петр Иванович – (р. ?), вернулся.
2. Ветров Алексей Самойлович – (р. ?), вернулся.
3. Ветров Иван Самойлович – (р. ?), вернулся.
4. Горбунов Александр Федорович – (р. ?), погиб.
5. Горбунов Василий Александрович – (р. 1924), вернулся.
6. Горбунов Иван Александрович – (р. 1927), вернулся.
7. Горбунов Фёдор Александрович – (р. ?), погиб.
8. Данилов Виктор Николаевич – (р. 1921), вернулся.
9. Данилов Михаил Николаевич – (р. 1927), вернулся.
10. Данилов Павел Николаевич – (р. ?), вернулся.
11. Елисеев Алексей Петрович – (р. ?), погиб.
12. Елисеев Леонид Витальевич – (р. 1923), вернулся.
13. Елисеев Николай Степанович – (р. ?), вернулся.
14. Елисеев Павел Александрович – (р. 1926), вернулся.
15. Ефремов Михаил Александрович – (р. ?), погиб.
16. Ефремов Павел Михайлович – (р. ?), вернулся.
17. Желтов Николай Константинович – (р. ?), погиб.
18. Желтов Николай Михайлович – (р. 1926), вернулся.
19. Зеленцов Владимир Александрович – (р. 1912, д. Вёжи);
призван в 1942 г., погиб 12 января 1944 г., захоронен
в д. Липовец Витебской области (с. 431).
20. Зеленцов Петр Александрович – (р. 1920), вернулся.
21. Клементьев Александр Александрович – (р. ?), погиб.
22. Клементьев Михаил Александрович – (р. 1924), вер-
нулся.
23. Клементьев Николай Александрович – (р. 1927), погиб.
24. Клюев Иван Петрович – (р. ?), вернулся.
25. Клюев Николай Сергеевич – (р. 1923), вернулся.
26. Кузнецов-Гурьянов Вячеслав Николаевич – (р. 1922),
вернулся.
27. Мазайхин Александр Сергеевич – (р. 1926), погиб 29
марта 1945 г. в Латвии (с. 462).
28. Мазайхин Василий Кондратьевич – (р. 1926), вернулся.

* Список составлен автором. Дополнительные сведения о погибших и пропавших без вести взяты редакцией из кн.: Костромская область. Книга памяти. Т. 1, Ярославль, 1994 – с указанием страниц.

29. Мазайхин Павел Александрович – (р. 1923), погиб 31 июля 1943 г. в Краснодарском крае (с. 463).
30. Мазайхин Павел Васильевич – (р. 1903), пропал без вести в 1941 г. (с. 463).
31. Мазайхин Сергей Сергеевич – (р. 1927), вернулся.
32. Маринин Иван Александрович – (р. ?), погиб.
33. Маринин-Кузнецов Александр Александрович – (р. ?), погиб.
34. Медведев Михаил Павлович – (р. ?), вернулся.
35. Минеев Николай Андреевич – (р. 1918, д. Вёжи); призван в 1941 г., погиб 26 июня 1944 г., захоронен в д. Застенок Износкинского р-на Витебской области
36. Минеев Павел Андреевич – (р. 1909, д. Вёжи); призван в 1941 г., младший политрук, погиб 31 мая 1942 г., захоронен в д. Орлицы Смоленской области (с. 470).
37. Мошкин Александр Александрович – (р. ?), вернулся.
38. Новиков Александр Дмитриевич – (р. 1905, д. Вёжи); призван в 1941 г., погиб 16 янв. 1942 г., захоронен в д. Лодва Ленинградской обл. (с. 477).
39. Новиков Василий Алексеевич – (р. 1925), погиб.
40. Орехов Александр Евлампиевич – (р. 1902, д. Вёжи); призван в 1943 г., погиб 31 марта 1944 г., захоронен в п. Хмельницкий Чертаевского района Тернопольской области (с. 431).
41. Пискунов Александр Александрович – (р. 1920), вернулся.
42. Пискунов Валентин Павлович – (р. 1927), вернулся.
43. Пискунов Виталий Витальевич – (р. 1925), вернулся.
44. Пискунов Владимир Александрович – (р. 1926), вернулся.
45. Пискунов Константин Павлович – (р. 1926), погиб.
46. Пискунов Николай Васильевич – (р. 1923), вернулся.
47. Пискунов Николай Павлович – (р. 1918), вернулся.
48. Пискунов Сергей Александрович – (р. 1922), вернулся.
49. Пискунов-Нестеров Иван Александрович – (р. ?), вернулся.
50. Ропотов Василий Николаевич – (р. ?, д. Вёжи); пропал без вести в октябре 1941 г. (с. 493).
51. Ропотов Николай Николаевич – (р. 1905); призван в 1941 г., пропал без вести в феврале 1942 г. (с. 493).

52. Ропотов Петр Николаевич – (р. 1914, с. Шунга); призван в 1941 г., старший сержант, погиб 23 июня 1944 г., захоронен в Выборге (с. 493).
53. Семёнов Александр Корнильевич – (р. 1922), погиб.
54. Семёнов Корнил Григорьевич (р. 1899), вернулся.
55. Семёнов Николай Данилович – (р. 1901, Вёжи); призван в 1941 г., пропал без вести в июне 1943 г. (с. 499).
56. Семёнов Федор Григорьевич – (р. 1912, д. Вёжи); призван в 1941 г., пропал без вести в ноябре 1941 г. (с. 499).
57. Тенягин Александр Евграфович – (р. 1907, д. Вёжи); призван в 1942 г., младший сержант, умер от ран 24 октября 1943 г., захоронен в д. Горушки Холмского р-на Калининской обл. (с. 512).
58. Тенягин Николай Никандрович – (р. 1911, д. Вёжи); призван в 1941 г., сержант, пропал без вести 12 сент. 1941 г. (с. 512).
59. Тукин Александр Николаевич – (р. 1918), вернулся.
60. Тукин Константин Николаевич – (р. 1921); призван в 1941 г., гвардии рядовой, погиб 2 февр. 1943 г., захоронен в с. Кастырка Константиновского р-на Ростовской обл. (с. 515).
61. Тукин Павел Николаевич – (р. 1926), вернулся.
62. Тукин Сергей Николаевич – (р. 1923), вернулся.
63. Тупицын Александр Константинович – (р. 1919), вернулся.
64. Тупицын Валентин Иванович – (р. 1911, д. Вёжи); рядовой, пропал без вести в марте 1943 г. (с. 515).
65. Тупицын Василий Константинович – (р. 1916), вернулся.
66. Тупицын Михаил Иванович – (р. 1920), вернулся.
67. Тупицын Яков Иванович – (р. 1918), вернулся.
68. Фирстов Михаил Сергеевич – (р. ?), погиб.
69. Щапов Михаил Иванович – (р. ?), вернулся.
70. Юрин Михаил Романович – (р. ?), вернулся.
71. Юрин Сергей Романович – (р. 1911, д. Ведёрки); призван в 1941 г., погиб 3 августа 1943 г., захоронен в с. Терновка Белгородской области (с. 531).

*С.С. Мазайхин у братской могилы в Латвии.
Фото 1970-х гг.*

Список составлен по памяти. В нашей деревне было 65 - 68 хозяйств при общей численности жителей 400 человек. (Некоторые жители имели двойную фамилию: основная – первая фамилия, вторая давалась односельчанами, она была вроде прозвища, бытовая фамилия).

У всех было одно начало: мобилизация, проводы, слёзы расставания. Но каждому выпала своя судьба. Так, Н.К. Желтов (№ 17): как сообщал в письме сослуживец, их эшелон был разбомблен где-то на полустанке под Ленинградом. Взрывной волной его, с оторванной ногой, забросило на крышу какого-то станционного строения. Погиб.

М.Р. Юрин (№ 70) и В.К. Тупицын (№ 65) были пленены в начале войны и всю войну пробыли в плену.

А пленного Щапова Константина Ивановича из деревни Моховатое хозяин фермы, немец, приревновал к жене-немке и насильственно Костю кастрировал и держал как хорошего работника до освобождения его фермы нашими войсками. Когда Костя вернулся в свою деревню, его жена Вера, узнав об этом, ушла к другому мужу.

Мои двоюродные братья, В.А. Пискунов (№ 44) и В.В. Пискунов (№ 43), дошли до Берлина и Потсдама и оба расписались на рейхстаге.

А П.А. Зеленцов (№ 20) попал в армию Власова, ещё до окончания войны был арестован оперативниками и отбывал срок — 10 или 12 лет, до 1953 года — на Колыме.

В.А. Горбунов (№ 5) был ранен в живот, в госпитале ему удалили несколько метров кишок. Когда он демобилизовался после госпиталя, мать его, тетя Зоя, сокрушалась: «Долго ли Васютка наживёт без кишок-то?» А он разменял 9-й десяток и здравствует.

V. ИЗ ИСТОРИИ УСАДЕБ

С.В. Касаткина (г. Заволжск)

Усадьба Корнилово и его владельцы Куломзины

Усадьба Корнилово

До революции усадьба Корнилово относилась к Ки-нешемскому уезду Костромской губернии. Она принадлежала дворянам Куломзиным. В настоящее время село Корнилово — центр одноимённой сельской администрации Заволжского района Ивановской области.

Расположено село в удивительно красивом месте, на берегу небольшой речки Кистеги, на возвышении.

Только старый заросший парк усадьбы и несколько небольших зданий остались сегодня в Корнилово.

Ещё помнит о последних владельцах усадьбы — Якове Анатольевиче и Ольге Фёдоровне Куломзиных — А.М. Маслова. Она родилась в 1909 г., её отец, Михаил Николаевич Победкин, был садовником в усадьбе Куломзиных. «Чего только не выращивали в усадьбе, — вспоминала Александра Михайловна, — много было цветов, зелени, а об овощах и говорить нечего. Дети Куломзиных играли на Красном дворе. <...> Помню, какие у них были красивые матросские костюмчики. Кроме детей помещика, на Красный двор никого не пускали, но мой отец был садовником, и я часто играла с ними». И ещё одно яркое событие осталось в памяти Александры Михайловны: «В 1914 или 1915 году Куломзины* отмечали в Корнилово свою золотую свадьбу. Всем они раздавали подарки. Помню, моему отцу подарили шёлк на рубаху, а матери красивый шарф, тоже из шёлка. Гостей в этот день приехало видимо-невидимо. Карет было

* Анатолий Николаевич и Екатерина Дмитриевна. (Прим. ред.)

*Река Кистега около Корнилова.
Фото А.Г. Фёдорова. 2000 г.*

столько, что негде было пройти. Все рабочие в этот день в честь праздника бесплатно обедали»¹.

Анатолий Николаевич Куломзин и его жена Екатерина Дмитриевна (урождённая Замятнина)² жили в усадьбе отдельно от детей. У них был небольшой флигель рядом с двухэтажным деревянным домом. Екатерина Дмитриевна запомнилась тем, что была удивительно добрая, собирала травы и лечила бесплатно всех, кто к ней обращался. Была она в возрасте и ходила всегда с палочкой. В предреволюционные годы, как уже говорилось, усадьба находилась в руках Якова Анатольевича Куломзина и его жены Ольги Фёдоровны (урождённой Мейендорф).

Что же представляла из себя усадьба Корнилово? Геннадий Викторович Смирнов, сын Елизаветы Николаевны Смирновой, учительницы, которая воспитывала и обучала детей ещё при Куломзиных, по памяти и со слов

¹ Воспоминания А.М. Масловой записаны в 1998 г. в селе Корнилове автором.

² Екатерина Дмитриевна Замятнина — дочь Дмитрия Николаевича Замятнина, члена Государственного Совета, сенатора, действительного тайного советника, бывшего с 1862 по 1867 г. министром юстиции, скончавшегося 19 октября 1981 г.

*Аллея усадебного парка.
Фото А.Г. Фёдорова. 2000 г.*

своей матери восстановил план усадьбы. На высоком правом берегу Кистеги стоял двухэтажный деревянный дом, построенный из лиственницы. В доме была большая веранда с видом на реку. Освещался он электричеством, на реке стоял небольшой электродвигатель. К дому был подведён водопровод. Вода поднималась с реки с помощью тарана в большую ёмкость, а оттуда поступала в дом.

Удалось найти описание этого устройства и узнать, как оно попало в Корнилово. Отец Ольги Фёдоровны на сельскохозяйственной выставке в Петербурге увидел изобретение инженера Трембовельского — особого вида таран, способный поднимать воду на большую высоту. Необходимым условием для действия тарана была определённая высота падения воды. Мейендорф пригласил к себе инженера в имение, и тот сделал подобный таран. По совету Трембовельского была построена плотина нужной высоты. С одной стороны плотины образовался большой пруд, с другой — низко падающая вода шла по широкой трубе и встречала внизу изобретённый им аппарат, который заставлял воду подниматься по узкой тру-

*Сохранившиеся постройки усадьбы Корнилово.
Фото А.Г. Фёдорова. 2000 г.*

бе на очень отдалённый и высоко лежащий край усадьбы³. Очевидно, что через О.Ф. Куломзину это устройство попало и в усадьбу Корнилово.

Главный дом усадьбы стоял в парке. Здесь росли лиственницы, липы.

От дома через парк к реке вела лестница. Было оборудовано место для купания. Дом окружали хозяйственные постройки: хомутная, каретная, маслобойня, конюшня, скотный двор. Были в усадьбе большой огород, кирпичный и фосфатный заводы, на Кистеге находилась мельница.

Старожилы вспоминают, что в усадьбе имелась большая библиотека. Она занимала большую часть второго этажа главного дома. Следы её найти не удалось. По слухам, после революции книги увозили на санях, но куда, неизвестно. Возможно, большая часть из них погибла. В советское время в здании усадьбы размещались школа, сельсовет, контора. Потом главный дом разобрали на дрова. В хозяйственных постройках долгое время размещались кварти-

³ Мейендорф М.Ф. Воспоминания. Нью-Йорк, 1990. С.166. Мария Фёдоровна Мейендорф (1869 - 1962) — сестра О.Ф. Мейендорф. Умерла в Америке.

*Сохранившиеся постройки усадьбы Корнилово.
Фото А.Г. Фёдорова. 2000 г.*

ры. Сегодня парк находится в запустении и каждый год зарастает травой и бурьяном. Однако до сих пор жители помнят «Катину рощу», находившуюся рядом с усадьбой. Названа роща, скорее всего, в честь жены А.Н. Куломзина, Екатерины Дмитриевны.

Род Куломзиных

Откуда же ведут свой род Куломзины и что известно о представителях этого рода?

Куломзины владели поместьями на территории современных Костромского, Галичского и Кинешемского районов Костромской и Ивановской областей ещё в XVI столетии — в том числе и Корнилово. Кроме того, в документах XVII века указывается, что «вотчины» их «отцовские» и «старинные», т.е. переходят из поколения в поколение⁴. Н.Н. Селифонтов пишет: «Подтверждается предположение, что мы имеем дело <...> с мест-

⁴ Архив сельца Корнилово. Документы по землевладению в 17-ом столетии в одном из уголков Костромской губернии. [Ред. А.Н. Куломзин и М.Г. Курдюмов]. — СПб., 1913. С. 10.

ным, истари засевающим родом из народностей прежде населявших Приволжье»⁵.

Происхождение своего рода Куломзиных ведёт от мордовских мурз (князей)⁶. Из шести ветвей этого рода в Костромской край перекочевали или были пересажены в силу царских указов (как это делалось в правление Ивана III и Ивана IV) родоначальники первых трёх ветвей. Владельцы Корнилова относились ко второй ветви и были прямыми потомками Семёна Куломзина. «Ветвь эта, — как пишет Н.Н. Селифонтов, — наиболее укоренилась в крае и как бы с настойчивостью удержала за собою главные свои родовые вотчины и жалованные поместья»⁷. Предположительно, Семён Куломзин и есть тот Куломзин, который вместе с соседним помещиком Шушеринным в 1608 году сложил свою голову, разбив под Солдогою при помощи крестьян и дворовых людей шайку Лисовского⁸.

Описание герба рода дворян Куломзиных следующее: «Щит разделён перпендикулярно на две части, из коих в первой в красном поле изображены три восьмиугольные золотые звезды, две вверху и одна внизу. В левой части в голубом поле три серебряные луны, означенные одна над другою. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нём короною; намет на щите голубой, подложенный золотом»⁹. Далее сделано указание, что Куломзины были в 1616 году пожалованы поместьями¹⁰.

Предки владельцев Корнилова удерживали в своих руках имения свыше 300 лет. Краткая родословная предков Куломзиных, составленная Н.Н. Селифонтовым, следующая:

Данила Куломзин жил в XVI столетии.

Семён Данилович, отец Ивана Семёновича Куломзина, жил в конце XVI в.

⁵ Селифонтов Н.Н. Родословная Костромских дворян Куломзиных. СПб., 1909. С. 6.

⁶ Член-корр. НАН Украины О.Б. Ткаченко предполагает, что род Куломзиных «мерянский по происхождению». (См.: Ткаченко О.Б. Очерки теории языкового субстрата. — Киев, 1989. — С. 160). — Прим. ред.

⁷ Архив сельца Корнилова... С. 10.

⁸ Там же.

⁹ Селифонтов Н.Н. Родословная... С. 6. Описание герба даётся в шестой части Общего Гербовника под № 43.

¹⁰ Там же.

Усадьба Корнилово и его владельцы Куломзины

Иван Семёнович в 1615 - 1616 гг. значился костромским дворянином, с окладом жалования 14 рублей. Был два раза женат. Вторую жену звали Лукерьей Герасимовной. Из документов сохранилась подлинная раздельная запись Лукерьи Герасимовны с тремя дочерьми и пасынком Василия. Василий был сыном первой жены Ивана Семёновича. Раздельная запись составлялась после смерти хозяина. Из документа, который составлен 6 октября 1631 г., видно, что Василий получил, помимо деревень, «сельцо Корнилово на реке Кистеге»¹¹.

Василий Иванович, костромской дворянин, первобрачный сын Ивана Семёновича. В 1633 - 1634 гг. был под Смоленском, с окладом жалования 25 рублей. При нём «в сельце Корнилове двор помещиков, да два двора людских: Ивашки Сергеева, да Васьки Андреева <...>. Под тем же сельцом на речке на Кистеге мельница, колесо немецкое»¹². В 70-х гг. XVII века в Корнилове, кроме помещичьего двора, было уже четыре крестьянских¹³.

Андрей Васильевич. В 1662 г. костромской дворянин. Был женат на Федосье Ивановне Демьяновой. Невеста была небогатая. Ко времени выдачи замуж (1665 г.) отца Федосьи Ивановны не было уже в живых, её мать Соломонида Ивановна, по сговорной грамоте, должна была отдать в приданое 500 рублей, но вот что она пишет: «Мне, вдове Соломониде, дать платья и кузьни на 500 рублей нечего <...>», — и в счёт этого приданого она поступается деревнями в пользу зятя своего Андрея Васильевича¹⁴.

Около 1674 г. умирает отец Андрея Васильевича и пишет отказную грамоту сыну, где передаёт ему «Корнилово с деревнями, пашнями и лесом». Далее в грамоте указывается: «Всем крестьянам помещика своего слушать, пашни на него пахать и всякое на него изделие делать, и подать его помещикову платить»¹⁵. Очевидно, что до этого времени были случаи неповиновения крестьян помещику.

В 1675 г. Андрей Васильевич был под Чигирином. К этому времени у него было 284 чети земли и 32 двора

¹¹ Архив сельца Корнилово... С. 10.

¹² Там же. С. 5.

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 11.

крестьян и задворных людей. Доход с земли и с 4-х мельниц на реке Кистеге показан в 1684 г. в 10 рублей.

По грамоте от 19 февраля 1685 г., за Чигиринскую службу «сельцо Корнилово, 5 деревень и 6 пустошей обращены Андрею Васильевичу в вотчину»¹⁶, т.е. с этого времени они считаются наследственными и отчуждаться не могут.

Василий Андреевич. О нём известно очень мало. Примерная дата рождения 1671 г.

Никита Васильевич (он же Аникита) родился в 1725 г. С 1743 г. служил в лейб-гвардии Измайловском полку подпрапорщиком. В 1752 г. уволен по болезни от службы с чином подпоручика. Был женат на дочери дворянина Настасье Ивановне Теляковской¹⁷.

Александр Никитич. Родился 2 марта 1774 г. Штабс-капитан. Был женат на Марье Логгиновне Витовтовой. Как и отец, начал свою службу в лейб-гвардии Измайловском полку капралом в 1791 г. Завершил службу штабс-капитаном в Тобольском гарнизонном полку в 1801 г. После него остались имения в Костромской и Ярославской губерниях с 423 душами крепостных. Умер Александр Никитич в Корнилове в возрасте 31 года 4 июля 1805 г.

Николай Александрович. Родился 27 октября 1803 г. Был женат (с 29 июля 1836 г.) на дочери костромского дворянина, коллежского асессора Петра Осиповича Грека, девице Изабелле Петровне, скончавшейся 25 декабря 1893 г. в сельце Корнилове¹⁸.

Николай Александрович был записан в службу в 1812 г. в Днепровский пехотный полк подпрапорщиком. В 1817 - 1820 гг. слушал лекции в ярославском Демидовском училище, закончил его с серебряной медалью. Известно, что 14 декабря 1825 г. он был в карауле в Галерной гавани. За верность царю получил перстень и пожалован чином гвардии подпоручика. Он владел, помимо наследственного Корнилова, землями в Костромской и Ярославской губерниях с числом крепостных око-

¹⁶ Архив сельца Корнилова... С. 11.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 12; о родителях Изабеллы Петровны см.: Григоров А.А. Из истории Костромского дворянства. Кострома, 1993. С. 341. А.А. Григоров указывает годы её жизни — 1812 - 1895.

Усадьба Корнилово и его владельцы Куломзины

ло 600 душ. Умер он 21 ноября 1838 г., когда его сыну Анатолию не исполнилось и года¹⁹.

Анатолий Николаевич Куломзин

Статс-секретарь, действительный статский советник А.Н. Куломзин родился 3 января 1838 года²⁰. Имя его широко было известно в дореволюционной России. Как пишут В. Бочков и А. Григоров, «он сделал феерическую карьеру»²¹, начав её с должности мирового посредника Кинешемского уезда и закончив председателем Государственного Совета России.

В 1858 г. он окончил императорский Московский университет по юридическому факультету²². Занимаясь науками, он часто бывал и в Корнилово. Здесь он узнал о реформе 1861 года. А.Н. Куломзин писал в воспоминаниях: «Как теперь помню, я в начале марта 1861 года поехал в наш город Кинешму за каким-то делом <...>. Едва въехал в город мне бросилось в глаза необычайное на улицах оживление: оказалось, в этот день прибыли Манифест и масса экземпляров Положения о крестьянах, Манифест прочитан был в соборе, а экземпляры Положения бесплатно раздавались помещикам: радость на всех лицах, общее возбуждение на улицах, группы в оживлённых разговорах <...>»²³.

Вскоре и в Корнилово пришла официальная бумага, извещавшая об освобождении крестьян. В церкви Димитрия Солунского (с. Дмитровское на р. Кистеге) был прочитан манифест. На А.Н. Куломзина он произвёл «потрясающее впечатление» своим «дивным языком». Как вспоми-

¹⁹ Архив сельца Корнилово... С. 12. У Николая Александровича было две сестры, Екатерина и Анна. Анна Александровна по мужу была княгиня Козловская.

²⁰ Там же. С. 2.

²¹ Бочков В., Григоров А. Вокруг Щелькова. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1972. С. 78.

²² Кинешемский вестник. 1915, № 86. С. 1, 2; А.А. Григоров сообщает о Московском университете; Словарь Брокгауза-Эфрона называет Санкт-Петербургский университет (Т. XVI * (32). СПб., 1895. С. 959).

²³ Куломзин А.Н. Воспоминания по должности Мирового Посредника Кинешемского уезда 1-го созыва // Вестник Кинешемского земства. 1914, № 1-8 (КОГРА).

*Анатолий Николаевич
Куломзин
(1838 – 1924).
Фото 60-х гг. XIX в. из
«Кинешемского земского
календаря» 1916 г.*

нал А.Н. Куломзин, он был далёк в то время от практических дел, занимаясь наукой и подготовкой к магистерскому экзамену, но «более и более стала его охватывать мысль, возможно ли ввиду Великой реформы продолжать научную деятельность <...> и оставаться пассивным зрителем <...> или следует же послужить великому делу и своему графству – каковым представлялся свой уезд <...>. А тут заманчивая должность мирового посредника»²⁴.

В конце мая - начале июня 1861 г. А.Н. Куломзин приступил к обязанностям мирового посредника. Круг вопросов, которые разрешали мировые посредники, был очень широк. Самое ответственное и сложное дело – это размежевание земель между крестьянами и помещиками, составление уставных грамот. Кроме этого, мировой посредник разъяснял крестьянам их обязанности по отношению к помещику, мирил помещиков с их дворовыми, водворял в деревнях порядок, осуществлял надзор за волостными правлениями.

По собственной инициативе А.Н. Куломзин организовал в волостных правлениях работу по предотвращению пожаров, по ремонту и укреплению просёлочных дорог. Он приступил к организации первых школ для детей крестьян, где в качестве учителей выступали деревенские писари, сам закупал книги для этих школ.

Организуя работу волостей, видя и зная, как происходят выборы сельских старост, волостных старшин и

²⁴ Куломзин А.Н. Воспоминания по должности... С. 8.

Усадьба Корнилово и его владельцы Куломзины

удей, А.Н. Куломзин отмечал, что «выборы дали великолепные результаты, повсюду были избраны действительно лучшие люди, образовавшие толковых усердных исполнителей закона, честных крестьянских деятелей»²⁵. Останавливаясь на своих впечатлениях, он с восхищением отмечал: «Сердце было полно самых торжественных впечатлений и глубокого чувства удовлетворения, любви к этому чудному народу, веры в возможность плодотворной среди него деятельности <...>»²⁶.

Для завершения образования А.Н. Куломзин ездил за границу, слушал лекции в Гейдельбергском и Лейпцигском университетах, изучал финансовую систему и банковское дело во Франции, Бельгии, Англии, Шотландии и Германии. В бытность в Лондоне слушал лекции в Лондонском университете. После возвращения из-за границы А.Н. Куломзин служил в государственной канцелярии, в канцелярии Комитета министров, был товарищем министра государственных имуществ, в течение 20 лет состоял управляющим делами Комитета министров, управлял делами комитета Сибирской железной дороги²⁷. Высочайшим Указом от 15 июля 1915 г. он был назначен председателем Государственного Совета России²⁸. По случаю назначения его на этот высокий пост Кинешемское уездное земское собрание постановило послать приветствие новому председателю Государственного Совета. Вот что писал в те дни «Кинешемский вестник»: «Новый председатель Государственного Совета считает в высшей степени полезным и даже необходимым приложить все стара-

²⁵ Куломзин А.Н. Воспоминания по должности... С. 10.

²⁶ Там же.

²⁷ Кинешемский вестник. 1915, № 86. С. 1, 2.

²⁸ В. Бочков и А. Григоров ошибались, когда сообщали, что А.Н. Куломзин был последним председателем Государственного Совета (см.: Бочков В., Григоров А. Вокруг Щелькова. С. 79). На этом посту его сменил И.Г. Щегловитов, который и стал последним председателем Государственного Совета. Он был на этом посту два месяца – январь, февраль 1917 года. После Февральской революции 1917 года Государственный Совет фактически перестал существовать. Он упразднен 24 декабря 1917 года (см.: Отечественная история. М., 1994. Т.1. С. 619). Скорее всего, А.Н. Куломзин подал в отставку в конце 1916 года, в это время ему было почти 79 лет. О том, что это была его личная инициатива, говорит и тот факт, что члены Государственного Совета по Высочайшему назначению увольнялись исключительно по их личной просьбе.

ния для согласования работ обеих законодательных палат (т.е. Государственной Думы и Государственного Совета). Как выразился А.Н. Куломзин, он «с большим сочувствием относится к Государственной Думе, а по своей прошлой судебной деятельности имел возможность лично познакомиться с широкими земским и общественным кругами». А.Н. Куломзин по натуре своей — земец в лучшем смысле этого слова. Он не принадлежал ни к одной партии Государственного Совета, выступал в Совете чрезвычайно редко. Речи его касались сложных юридических вопросов, по которым он давал разъяснения»²⁹.

Большой вклад внёс А.Н. Куломзин в разработку правительственной политики железнодорожного строительства, землеустройства и переселения в Сибирь. Ему принадлежит заслуга в утверждении маршрута и проведении крупнейшей в мире Транссибирской магистрали.

Переселенческий вопрос в начале XX в. был одним из главных вопросов внутренней политики царского правительства. Переселение крестьян из густонаселённых центральных районов России действительно делало шаг к освоению сибирских просторов и должно было уменьшить недовольство крестьян в центре, предотвратить возможный взрыв. В 1896 г. А.Н. Куломзин специально ездил в Сибирь. Его отчёт об этой поездке был опубликован отдельной книгой³⁰. О целях поездки автор писал: «Я поставил себе задачей вникнуть в причины, вызывающие уход переселенцев с родины, и условия, которыми он обставлен, выяснить нужды этих выходцев в пути следования, ознакомиться с многообразными сторонами первоначального устройства и жизни их на новой родине, с характером земель, на которых в настоящее время новосёлам приходится созидать свое хозяйство, а равно и с местностями, могущими служить будущим колонизационным фондом.

Сделав с этой целью в пределах Сибири, не считая железной дороги, 2200 вёрст водными путями и 5000 вёрст по грунтовым дорогам, я посетил главнейшие врачебно-продовольственные пункты — этот первый приют

²⁹ Кинешемский вестник. 1915, № 86. С. 1, 2.

³⁰ Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчёт статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896.

Усадьба Корнилово и его владельцы Куломзины

переселенцев, был в 135 посёлках лично и в 64 посёлка посылал состоявших при мне чиновников, ездил <...> в тайгу, на места работ гидротехнических партий. Везде знакомился с деятельностью и делопроизводством по переселенческим делам <...>. Повсюду опрашивал переселенцев и не упускал случая беседовать с местными знаатоками края и переселенческого дела»³¹.

Комитет Сибирской железной дороги при деятельном участии А.Н. Куломзина устанавливал для переселенцев из России правильное движение, учреждал продовольственные пункты, организовывал врачебную помощь, вырабатывал меры по устройству переселенцев на местах, положил начало церковному строительству для новосёлов³².

А.Н. Куломзин — автор целого ряда публикаций по экономическим, финансовым, историческим темам³³. Свои работы он посвятил также государственной политике в области народного образования. Он был одним из инициаторов введения всеобщего начального образования в стране.

А.Н. Куломзин состоял помощником председателя Русского исторического общества, членом Русского географического общества, был председателем первого съезда представителей губернских учёных архивных комиссий, членом общества «Вольных экономистов», участником международных статистических конгрессов³⁴.

Будучи на государственной службе, А.Н. Куломзин постоянно интересовался делами в Корнилово. Летом 1896 г. его сын Анатолий Анатольевич, исполняя волю отца, на-

³¹ Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчёт... С. 3, 4.

³² Ремнев А. Омское Прииртышье в письмах А.Н. Куломзина // Омская старина. 1994 - 1995, № 3. С. 86 - 101.

³³ Словарь Брокгауза-Эфрона указывает следующие работы: Поzemельная подать в Англии. СПб, 1861; Очерк налогов на спиртные напитки в некоторых государствах Европы // Русский Вестник. 1861, т. 32; Постройка железных дорог в России и на Западе // Русский Вестник. 1865, № 11; Устройство городов Вены и Берлина // Записки для чтения. 1868; Государственные доходы и расходы в России в XVIII столетии // Вестник Европы. 1869, № 5; Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II // Сборник Императорского русского географического общества. 1890; Государственные доходы и расходы в России в царствование Екатерины II // Русский Вестник. 1870, № 11.

³⁴ Ремнев А. Омское Прииртышье в письмах А.Н. Куломзина // Омская старина. 1994 - 1995, № 3. С. 86.

писал в Кинешемскую земскую управу заявление, где сообщал, что его отец и доверитель А.Н. Куломзин «чрезвычайно озабочен тем, что население деревень, прилегающих к принадлежащей ему усадьбе Корнилово, встречает большое затруднение в отправке своих детей в школу, ибо таковых ближе 8 - 10 вёрст в округности не имеется, и ввиду этого, а также значительности населения, окружающего Корнилово (до 15 деревень), просит представить вопрос об устройстве народной школы в усадьбе Корнилово». При этом сообщалось, что А.Н. Куломзин готов отвести в имении своём потребное количество земли и строевого леса безвозмездно³⁵.

Земское собрание выразило А.Н. Куломзину «глубокую благодарность за горячее сочувствие делу народного образования» и решило оказать пособие на устройство в Корнилово начального народного училища в размере 1000 рублей³⁶. Через три года в докладах Кинешемского земства отмечалось, что земельный участок и необходимые строительные материалы выделены и «училище устраивается»³⁷. Первым попечителем училища стал А.А. Куломзин³⁸, с 1901 г. на этом месте его заменила мать Екатерина Дмитриевна³⁹.

Для уроков в школе Куломзины приобрели необходимые пособия, среди которых значились глобус, магнит, микроскоп, картины по священной истории и естествознанию, несколько экземпляров азбуки, 92 книги для внеклассного чтения, большой самовар⁴⁰. Попечители организовали для детей бесплатные завтраки (чай с молоком и сахаром)⁴¹.

Кроме этого, А.А. Куломзин ходатайствовал перед уездным собранием, чтобы за работу в качестве помощницы учительницы была награждена Анна Петровна Дроздова, которая в течение трёх лет не получала от земства денег за свой труд. Большое количество учеников (в 1903 г. — более 100) требовало ввести дополни-

³⁵ Сборник постановлений КЗУС. 1896. С. 259 (КОГРА, № 257).

³⁶ Там же. С. 256.

³⁷ Сборник постановлений КЗУС. 1899. С. 79 (КОГРА, № 265).

³⁸ Там же.

³⁹ Сборник постановлений КЗУС чрезвычайной сессии от 25 ноября 1901 г. С. 33 (КОГРА, № 423).

⁴⁰ Доклады КЗУУ. 1901. С.119 (КОГРА, № 263).

⁴¹ Там же. С. 107.

Усадьба Корнилово и его владельцы Куломзины

тельно должность помощницы учительницы, что и было сделано земством⁴².

Первыми учителями в Корнилово были М.В. Смолянинова и священник о. Алексей Русов. Впоследствии много лет отдала этой школе Елизавета Николаевна Смирнова.

А.Н. Куломзин был известен в округе многими новшествами, которые он вводил в усадьбе. Так, в Корнилово был построен им фосфатный завод. Куломзина называли «пионером использования фосфоритов в России»⁴³; писали, что «он двинул вперёд дело эксплуатации залежей фосфоритов в России, установив в своем имении правильную их разработку»⁴⁴; отмечали, что в имении Куломзина добывалось до 120 тыс. пудов фосфоритов в год⁴⁵ и производились опыты с удобрением земель фосфоритной мукой на разных землях и под разные культуры⁴⁶.

Во II половине 80-х гг. XIX в. в «Земледельческой газете» появился целый ряд статей, посвящённых фосфоритной муке из усадьбы Корнилово⁴⁷. Вот что пишет о фосфоритном удобрении из Корнилово известный агроном А.Н. Энгельгард: «Фосфоритная мука А.Н. Куломзина приготавливается в Корниловской экономии (по Шуйско-Ивановской железной дороге г. Кинешма) из плотных фосфоритов, залегающих в юрской формации. Эти фосфориты <...> богаты фосфорной кислотой, которой содержат в целом 25%. Фосфоритная мука отпускается из Корниловской экономии в мешках 4-пудового веса (удобнее, если в мешки насыпают по 4 пуда, чем по 6, 6-пудовые мешки слишком тяжелы). Упаковка хороша. Размол муки хороший. Продаётся мука в Кинешме по 1 руб. 10 коп. за мешок. Покупают не менее 25 мешков»⁴⁸.

Имя А.Н. Куломзина увековечено в названии муки — куломзинит⁴⁹.

⁴² Сборник постановлений КЗУС. 1903. Вып. 1. С. 156 (КОГРА, № 416).

⁴³ Бочков В., Григоров А. Вокруг Щелыкова. С. 79.

⁴⁴ Брокгауз-Эфрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XVI⁸ (32). СПб., 1895. С. 959.

⁴⁵ Там же. Т. XV (29). С. 76.

⁴⁶ Земледельческая газета. 1888, № 46. С. 903 - 905.

⁴⁷ Земледельческая газета. 1886, № 52; 1887, № 12, 16; 1888, № 1, 2, 3, 6, 30, 45, 46; 1891, № 19.

⁴⁸ Земледельческая газета. 1888, № 1. Стр. 3 - 6.

⁴⁹ Брокгауз-Эфрон. Энциклопедический словарь. СПб, 1902. Т. XVI (71). С. 364.

Необходимость и полезность предприятия по переработке фосфоритов была столь очевидна, что в 1913 г. Кинешемское земское уездное собрание подняло вопрос «об устройстве земского суперфосфатного завода»⁵⁰. Но очевидно, что начавшаяся в 1914 г. 1-я Мировая война не дала осуществиться этим планам и земский завод так и не был построен.

Вихрь революционных событий заставил А.Н. Куломзина в 1918 году уехать сначала на юг России, а потом эмигрировать во Францию. Он умер в Ницце в 1924 г.⁵¹ в возрасте 86 лет. Его жена Екатерина Дмитриевна Куломзина осталась в России. «Она периодически страдала душевной болезнью и в 1919 году осталась на старой квартире Куломзиных в Санкт-Петербурге под присмотром своей сестры. Она умерла в начале 20-х годов, так и не осознав, что произошла революция»⁵². Её внук Никита Яковлевич сообщает, что умерла она в 1922 г.⁵³

Анатолий Николаевич и Екатерина Дмитриевна имели четырёх детей: Екатерину, Дмитрия, Анатолия, Якова⁵⁴.

Екатерина Анатольевна в 1886 г. вышла замуж за Николая Илиодоровича Шидловского⁵⁵.

Дмитрий Анатольевич был слабоумен⁵⁶, жил с матерью в усадьбе Корнилово.

Анатолий Анатольевич по окончании курса наук в Петербургском университете, с мая 1893 г. был на служ-

⁵⁰ Журналы заседаний КЗУС. 1913. С. 51 (КОГРА, № 419).

⁵¹ Письмо Н.Я. Куломзина – И.А. Лебедеву от 15 сентября 1994 г. Публикуется с разрешения И.А. Лебедева.

⁵² Письмо С.С. Куломзиной – С.В. Касаткиной от 19 октября 1998 г.

⁵³ Письмо Н.Я. Куломзина — И.А. Лебедеву от 15 сентября 1994 г. Публикуется с разрешения И.А. Лебедева.

⁵⁴ Селифонтов Н.Н. Родословная Костромских дворян Куломзиных. СПб., 1909. С. 12.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Один из местных жителей А.А. Сажин в 1992 г. писал И.А. Лебедеву: «Я храню книгу «Жития святых» на церковно-славянском языке в кожаном переплёте с дарственной надписью следующего содержания: «Сия книга «Жития святых» пожертвована в библиотеку Дмитриевской церкви погоста Дмитриевского, что на реке Кистеге Кинешемского уезда дворянином Дмитрием Анатольевичем Куломзиным. 29 июня 1903 года». В письме от 4 марта 1993 г. он же сообщал: «Мне очень давно рассказывал местный старичок, что он служил у Куломзиных, был приставлен слугой к своему хозяину, слабоумному, который носил офицерский мундир и жил с матерью в усадьбе Корнилово. Это, как я теперь предполагаю, и был Дмитрий Анатольевич Куломзин».

*Н.Я. Куломзин (1903–2003) и С.С. Куломзина (1903–2000)
Нью-Йорк. 1993 г. Из собрания автора.*

бе в Приморской области Восточной Сибири⁵⁷. В документах Кинешемского земства в 1902 г. сообщалось, что он «камер-юнкер Двора Его Величества, коллежский асессор. За ним было в Кинешемском уезде 569 десятин земли»⁵⁸. Он был председателем уездной земской управы в 1908 г., затем «по Высочайшему приказу переведён начальником Прибалтийского Управления земледелия Государственных имуществ»⁵⁹.

В документах Кинешемского земства сохранилось письмо А.А. Куломзина, относящееся ко времени Русско-японской войны. Написано оно было 29 апреля 1905 г. из Харбина и служило своеобразным отчётом земству о деятельности Кинешемско-Вичужского отряда Красного Креста. В нём автор описывает деятельность отряда, даёт ему высокую оценку, отмечает «деятельно-образцового» руководителя отряда Д.М. Григорова⁶⁰.

⁵⁷ Селифонтов Н.Н. Родословная Костромских дворян Куломзиных. СПб., 1909. С. 12.

⁵⁸ Сборник постановлений КЗУС от 24 - 28 сентября 1992 года. С. 632 (КОГРА, № 413).

⁵⁹ Доклады КЗУУ, ноябрь 1908. С. 42 (КОГРА, № 268).

⁶⁰ Доклады КЗУУ. Вып. 1. 1905. С. 68, 69 (КОГРА, № 362); Журналы заседаний Кинешемского земского уездного собрания 1904 года и чрезвычайного собрания 5 марта 1905 года. С. 95, 96.

После революции он эмигрировал, жил с семьёй племянника (Никиты Яковлевича Куломзина), умер зимой 1940 - 1941 г. во Франции. Вся их семья страдала от недостатка тепла и еды. Как пишет жена Никиты Яковлевича С.С. Куломзина, «больше всего страдал дядя Толя. Закутавшись в пальто, он целыми днями сидел в вязаной шапочке у чуть тёплого радиатора. У него, по сути, не было болезни, он скончался во сне»⁶¹.

Яков Анатольевич Куломзин — последний владелец Корнилова — закончил Петербургский университет⁶². Камер-юнкер Высочайшего Двора. После выборов 1903 г. (выбирался каждые выборы, начиная с 1901 г.) — уездный предводитель дворянства, председатель уездного земского собрания⁶³. В 1908 г. был избран гласным в губернское земство от Кинешемского уезда⁶⁴. Он был женат, как уже было сказано, на Ольге Фёдоровне Мейендорф. Предки её со стороны отца были выходцами из Швеции, которые стали подданными России при Петре I⁶⁵. Со стороны матери она происходила из семьи Олсуфьевых. Её предки были моряками, в числе которых известен адмирал Г.А. Спиридов⁶⁶.

Ольга Фёдоровна получила прекрасное домашнее образование, в 14 лет поступила в Петербурге в частную гимназию Стоюниной⁶⁷. Здесь она познакомилась с Яковом Анатольевичем, и 20 июля 1901 г. состоялась в Петербурге их свадьба⁶⁸, после которой Ольга Фёдоровна поселилась с мужем в Корнилове. Здесь они жили всё время, но, если в семье ожидалось прибавление, уезжали в Петербург. У Якова Анатольевича и Ольги Фёдоровны было пять детей: Никита, Фёдор, Елизавета, Серафим, Ярослав.

⁶¹ Куломзина С.С. *Миры за мирами*. Новосибирск, 1993. С. 125.

⁶² Селифонтов Н.Н. *Родословная...* С. 12.

⁶³ Кинешемский земский календарь. 1911, 1912, 1914, 1916.

⁶⁴ Свод постановлений Костромского губернского земского собрания с 1904 по 1908 годы. Кострома. 1909. С. 11, 20 (КОГРА № 58).

⁶⁵ Мейендорф М.Ф. *Воспоминания*. Нью-Йорк, 1990. С. 16, 17.

⁶⁶ Там же. С. 24, 25.

⁶⁷ Там же. С. 103 - 105.

⁶⁸ Там же. С. 157.

Когда семья Куломзиных приезжала в Петербург, Ольга Фёдоровна всегда старалась организовать учёбу для старших мальчиков. Ольга Фёдоровна видела, что Никита интересуется математикой, механикой, физикой, и старалась поддержать этот интерес⁶⁹.

Начавшиеся революционные потрясения в стране заставили семью Куломзиных уехать в 1918 г. из Корнилово. Ольга Фёдоровна ждала появления на свет сына Ярослава. Семья недолгое время жила в Москве, где Ольга Фёдоровна «переживала длительный арест мужа»⁷⁰. Затем было принято решение уехать на юг России, в имение матери Ольги Фёдоровны Бабушкин Хутор. В 1919 г. семья оказалась на Украине в самом пекле Гражданской войны. Бандиты из отряда Махно явились и на Бабушкин Хутор. Они расстреляли Якова Анатольевича, зверски убили и двух братьев Ольги Фёдоровны. (Тела их после ухода махновцев торжественно погребли у стен Уманьского собора)⁷¹.

Поле этих трагических событий Ольга Фёдоровна более двух лет оставалась с детьми в России, скиталась по чужим углам и очень бедствовала, работала кухаркой в детском приюте⁷². В это время умер сын Серафим. Старший Никита устроился учителем в сельской школе, а Фёдор стал сельским писарем.

В 1922 г. семья перебралась через польскую границу, оказавшись сначала в Чехословакии, а потом во Франции. Имея хорошее домашнее образование, старшие сыновья поступили в 1926 г. в Сорбонну, младшие дети учились при православной церкви в Каннах. Все они жили на две стипендии и на скудный заработок Ольги Фёдоровны — она занималась раскрашиванием фарфора. Несмотря на трудности, Куломзины были жизнерадостны, легко относились к своей бедности и серьёзно к жизни. Невестка О.Ф. Куломзиной, уже упоминаемая нами С.С. Куломзина, пишет об этом так: «В этой семье была принята чёткая шкала ценностей; на первом месте стояли церковь, богослужение

⁶⁹ Куломзина С.С. *Миры за мирами*. С. 100.

⁷⁰ Мейендорф М.Ф. *Воспоминания*. С. 207, 208.

⁷¹ Куломзина С.С. *Миры за мирами*. С. 101; Мейендорф М.Ф. *Воспоминания*. С. 222 - 224.

⁷² Куломзина С.С. *Миры за мирами*. С. 103.

и христианская нравственность; на втором месте — образование (все дети должны были его получить). Еда считалась необходимостью, ну а всё остальное должно приложиться — нужно быть благодарным за то, что есты!»⁷³.

В 1930 г. старший из сыновей Якова Анатольевича, Никита, женился на Софье Шидловской, которая вместе с матерью тоже оказалась в эмиграции. У них родились четверо детей: Елизавета (1932 г.), Ольга (1934 г.), Ксения (1939 г.), Юрий (1944 г.). До 1948 г. они жили во Франции; в их семье жила и Ольга Фёдоровна, скончавшаяся от скоротечного туберкулёза в марте 1939 г. и похороненная в Шавиле (Франция)⁷⁴.

По окончании II-й Мировой войны Куломзины задумали возвратиться в Россию, но после того как несколько знакомых семей эмигрантов, вернувшись на родину, оказались в заключении, они решили остаться на чужбине. В декабре 1948 г. Куломзины покинули Европу и уехали в Америку.

К этому времени братья Никиты, Фёдор и Ярослав, обосновались в Канаде, сестра Елизавета вышла замуж и жила в Биаррице (Франция).

Никита Яковлевич долгие годы работал инженером на электронной фабрике. Софья Сергеевна посвятила себя церковной педагогике.

В 1991 г. она была приглашена на конференцию «Духовное возрождение России», которая проходила в Новосибирском Академгородке. Софья Сергеевна приехала в Россию не одна, а вместе с Никитой Яковлевичем, дочерью Ольгой, зятем и внучкой. Они (без Софьи Сергеевны) посетили бывшее родовое гнездо Корнилово, встретились с А.М. Масловой, которая девочкой играла с молодым баринном на Красном дворе. Когда Александра Михайловна поняла, кто приехал, она спросила у внучки Никиты Яковлевича: «Так, где же ты живёшь, дочка?» — та ответила: «В эмиграции».

⁷³ Куломзина С.С. *Миры за мирами*. С. 103.

⁷⁴ Там же.

Сокращения

КОГРА — Кинешемский объединённый городской и районный архив

КЗУС — Кинешемское земское уездное собрание

КЗУУ — Кинешемская земская уездная управа

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Анатолий Николаевич Куломзин:
библиографический указатель***

1. Архив сельца Зиновьева (акты и письма) / Под ред. А.Н. Куломзина и М.Г. Курдюмова. (Костромская губернская учёная архивная комиссия). — СПб., 1913.

2. Архив сельца Корнилово. Документы по земле-
владению в XVII столетии в одном из уголков Костромс-
кой губернии. [Ред. А.Н. Куломзин и М.Г. Курдюмов].
— СПб., 1913.

3. Куломзин А.Н. Воспоминания по должности Миро-
ного Посредника Кинешемского уезда 1-го созыва // Вест-
ник Кинешемского земства. — 1914, № 1 - 8.

4. Всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзи-
на по вопросу о школьном обучении бурят Забайкальской
области. — СПб., 1902.

5. Всеподданнейший отчёт статс-секретаря Куломзина
по поездке в Сибирь для ознакомления с положением пере-
селенческого дела. — СПб., 1896.

6. Куломзин А.Н. Высшее училище для Восточной
Сибири. — [СПб., 1898?].

7. Он же. Государственные доходы и расходы в России
в XVIII столетии // Вестник Европы. — 1869, № 5.

8. Он же. Государственные доходы и расходы в Рос-
сии в царствование Екатерины II // Русский Вестник. —
1870, № 11.

9. Он же. Дома с дешёвыми квартирами для рабочих.
Доклад Правления Костромского благотворительного обще-
ства члена его А.Н. Куломзина. — СПб., 1902.

* Материалы расположены в порядке алфавита. Составила Н.Х.

10. Доступность начальной школы в России / Статистический очерк А.Н. Куломзина. — СПб., 1904.

11. Куломзин А.Н. Дмитрий Николаевич Замятин. [Биографический очерк] // Журнал Министерства юстиции. — 1914, ноябрь.

12. Он же. Записка по вопросу об обеспечении землёю казаков и крестьян-переселенцев в Амурской и Приморской областях. — [СПб., 1900].

13. Россия. Комитет министров. Записка управляющего делами Комитета министров статс-секретаря Куломзина, повергнутая на Высочайшее благоволение и сообщённая бывшим председателем Комитета министров статс-секретарём Рейтерном бывшему министру внутренних дел графу Толстому. — [СПб., б.г.].

14. Куломзин А.Н. Нужды церковного дела на Сибирской дороге и в Забайкалье. — [СПб., 1897].

15. Он же. Об изменении предельных сроков найма частных недвижимых имуществ. — [СПб., 1897].

16. Он же. Об элементарном воспитании в Англии. (Из писем к Ивану Петровичу К...ову) // Русское слово. — 1860, № 3 - 4.

17. Он же. Опытный подсчёт современного состояния нашего народного образования. — СПб., 1912.

18. Основы насаждения частного землевладения в Сибири / Статс-секретарь А. Куломзин. — [СПб., 1898].

19. Куломзин А.Н. Очерк налогов на спиртные напитки в некоторых государствах Европы // Русский вестник. — 1861, т. 32.

20. Он же. По вопросу о расселении крестьян в пределах Европейской России. — Приложения. — Б. м., [1903 - 1904].

21. Он же. Поземельная подать в Англии. — СПб., 1861.

22. Он же. Постройка железных дорог в России и на Западе // Русский Вестник. — 1865, № 11.

23. Потребности начального образования в Сибири. Всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь в 1896 - 1897 г. — СПб., 1898.

24. Куломзин А.Н. и Рейтерн В.Г. М.Х. Рейтерн. Биографический очерк. (С приложением из посмертных записок М.Х. Рейтерна) — СПб., 1910.

Усадьба Корнилово и его владельцы Куломзины

25. Сводная таблица к вопросу о дальнейшем развитии народной школы. [Сост. А.Н. Куломзиным. — СПб., 1908?].

26. Куломзин А.Н. Сообщение в память Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича, сделанное в заседании 2 апреля 1910 г. Императорского Русского Исторического Общества. — [СПб., 1910]. (На правах рукописи).

27. Средние учебные заведения и городские училища в Сибири. Всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь 1896 - 1897 гг. — СПб., 1899.

28. Статистические данные по переселенческому делу, собранные статс-секретарём Куломзиным в поездку по Сибири 1896 году. — СПб., 1897.

29. Куломзин А.Н. Устройство городов Вены и Берлина // Записки для чтения. — 1868.

30. Финансовые документы царствования императора Александра I / Изд. под ред. А.Н. Куломзина // Сборник Русского исторического общества. — 1885, т. 45.

31. Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II / Собр. и изд. А.Н. Куломзиным // Сборник Русского исторического общества. — 1880, т. 28.

32. Куломзин А.Н. Финансовое управление в царствование Екатерины II // Юридический вестник. — 1869, № 2 -3. (В примеч.: "Настоящая статья составляет отрывок из обширного сочинения о финансовых учреждениях XVIII в., приготовляемого автором к печати").

Грек А.П. и др. Мировые посредники и дворянское собрание Кинешемского уезда. — [СПб., 1863]. (Приложение к "Северной Пчеле").

Г.И. Лебедев

Усадьба Лосниково помещиков Шиповых в Чухломском районе

Георгий Иванович Лебедев родился 30 ноября 1905 года в городе Чухломе. В 1925 году он закончил Чухломскую школу 2-й ступени и в том же году поступал на этнографический факультет Ленинградского университета, но принят не был, «как не имеющий командировки».

В 1928 - 1934 годах работал директором Солигаличского краеведческого музея. С 1934 по 1975 год — директор Чухломского краеведческого музея. После ухода с поста директора ещё несколько лет работал научным сотрудником этого же музея.

Член Ботанического и Географического обществ.

В Государственном архиве Костромской области имеется фонд Г.И. Лебедева, состоящий из переданных им документов.

Умер Г.И. Лебедев 28 мая 1988 года в костромском Первомайском интернате, в котором жил последние годы. Похоронен в Костроме.

Ниже публикуется одна из работ Г.И. Лебедева, написанная в 1983 году и хранящаяся в фондах Чухломского краеведческого музея.

*Г.И. Лебедев. Фото 60-х гг. XX в.
Из фондов Чухломского филиала
КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»*

Деревня Лосниково в Чухломском крае возникла давно, но когда именно, неизвестно. Впервые она упоминается в дозорной книге 1615 года по городу Чухломе и Чухломской осаде, в которой сказано, что в деревне «Лысниково» три жилых крестьянских двора и «двор пуст Теремки Андреева», хозяин которого «сшел безвестно во 116 году», то есть в 1608 году. Какая причина послужила для нахождения «Теремки» в бегах, в дозорной книге не указано¹.

Деревня Лосниково упоминается в писцовой книге по Чухломской осаде 1628 - 1635 годов, в которой сказано, что деревня Лосниково вместе с другими деревня-

¹ Материалы для истории города Чухломы и рода костромичей Июдиных. Т. 1., Красноярск, 1902, с. 68.

ми в 1621 году была дана в поместье владение прапорщику Яну Фарфару по вводной грамоте дьяка Ивана Грязева. В состав поместья прапорщика Яна Фарфара входили деревни Посадниково, Кувшиново (Кукшиново тож), Аристово, Белухино, Кудринское, Токарево, Прядино, Логиново, Павшуково (Павчюково тож); пустоши Ивонино, Бороткино (Бородино тож), Перхачево, четь пустоши Уварово, треть пустоши Старово. Всего за Яном Фарфаром в его поместье числилось 9 деревень и три пустоши, да треть пустоши, да четь пустоши, «а в них двор помещиков, да 30 дворов крестьянских, а людей в них 40 человек да 11 дворов бобыльских, а людей в них тож»². В поместье числилось: «Пашни паханые середние земли помещиковы земли 13 чети да перелогом 24 чети да крестьянские пашни паханые 110 чети с осминою да перелогом и лесом поросло 328 чети»³.

В писцовой книге 1628 - 1635 годов о составе поместья Яна Фарфара сказано: «За прапорщиком, за Яном Фарфаром, в поместье усадище, что была деревня Лышниково, а Лысниково тоже, а в нем двор помещиков Ян Фарфаров да во дворе бобыль Васька Дорофеев»⁴. Получив в свое поместье владение усадьбу Лосниково, Ян Фарфар построил себе свой «помещиков двор», в котором и жил с членами своей семьи и дворовыми людьми, для которых им были построены изба и другие хозяйственные строения. До какого года Ян Фарфар прожил в усадьбе Лосниково, неизвестно, но после 1635 года он в связи с отъездом продал Лосниково Петру Ивановичу Рыхтарову, о чём мы находим указание в материалах переписи дворянских дворов.

В мае 1717 года указом Петра I повелено было ландкнехту Василию Степановичу Племянникову переписать в Чухломской осаде все дворянские дворы со всем их населением (с указанием каждого человека по имени и отчеству и их возраст) мужского и женского пола и их детей (с указанием только их возраста). Записи о помещичьих дворах по Заболотской волости начаты № 84, под

² Материалы для истории города Чухломы и рода костромичей Иудиных. Т. 1., Красноярск, 1902, с. 223.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 222.

которым и записана усадьба Лосниково П.И. Рыхтарова, и за № 85 усадьба Фатьяново брата Петра Ивановича — Богдана Ивановича Рыхтарова. В материалах переписи дворянских дворов об усадьбе Лосниково показано, что П.И. Рыхтаров в ней построил помещиков двор, в котором он жил со своей семьей и дворовыми людьми. При проведении в Чухломской осаде в 1744 - 1747 гг. второй ревизии было указано, что владельцем усадьбы Лосниково являлся уже не Петр Иванович, а его родной брат, указанный выше Б.И. Рыхтаров. После проведения второй ревизии Б.И. Рыхтаров продал усадьбу Лосниково со всеми её деревнями Ивану Матвеевичу Шипову, но в каком году состоялась эта продажа, неизвестно.

Купив Лосниково, И.М. Шипов передал её во владение своему сыну Платону Ивановичу, который в первый брак вступил с Марией Семеновной Аристовой, а после её смерти — с Еленой Алексеевной Воронцовой. В его семье были дети: Алексей, Анна, Дмитрий, Иван, Матвей и Сергей. От П.И. Шипова Лосниково перешло к его сыну Матвею Платоновичу, а он передал усадьбу своему сыну — подпоручику Фёдору Матвеевичу с его женой Пелагеей Васильевной Шиповой. Потом Фёдор Матвеевич передал Лосниково своему родному брату Алексею Матвеевичу с его женою Ольгой Васильевной, урожденной Колобовой. От А.М. и О.В. Шиповых усадьба Лосниково с деревнями перешла во владение к их сыну Якову Алексеичу (1784 - 1830) и дочерям Евдокии (1787 - 1857), Анне (1788 г. - ?), Варваре (1790 г. - ?) и Марии (1794 - 1866). После смерти А.М. Шипова, ввиду несовершеннолетия его сына и дочерей, имение дважды бралось в опеку: в 1821-м и в 1827-м годах. В указанные годы опекунами были составлены описи имения с перечислением всех предметов в комнатах дома, всех построек, зерна, муки, поголовья скота и т.д.

После того, как дети А.М. Шипова стали совершеннолетними и вступили во владение усадьбой, они произвели раздел имения. Усадьба Лосниково с деревней Ожиганово досталась Я.А. Шипову, усадьба Раменье с частью деревни Якушов Починок перешла во владение Е.А. Писемской, деревни Клепинино и Кувшиново пере-

даны А.А. Шиповой. Во владение В.А. и М.А. Шиповым была дана усадьба Печуры в Галичском уезде, а в Чухломском уезде у них деревень не имелось. Часть деревни Кувшиново с 14 душами мужского пола принадлежала полковнику Дмитрию Павловичу Шипову. После смерти Я.А. Шипова в 1830 году усадьба Лосниково с частью деревень Кувшиново и Ожиганово перешла во владение его дочери Д.Я. Шиповой, вышедшей замуж за Ивана Евгеньевича Постельникова. До какого года Постельникова-Шипова владела усадьбой, установить не удалось ввиду неизвестности её дат жизни, но, надо думать, что она владела ею до своей смерти.

Усадьба Лосниково связана с писателем А.Ф. Писемским: его мать, Евдокия Алексеевна, родилась в 1787 году в семье Алексея Матвеевича и его жены Ольги Васильевны Шиповых и до вступления в брак с Ф.Г. Писемским вместе с сестрами Анной, Варварой и Марией и братом Яковом провела свои детские и девичьи годы в Лосникове. После вступления в брак Е.А. Писемская вместе с мужем Ф.Г. Писемским и оставшимся в живых единственным сыном Алёшей посещали Лосниково и гостили у родителей Евдокии Алексеевны, а после их смерти — у её брата.

В семье брата Якова и его жены Марии Захаровны были сын Николай и дочери Даша, Катя и Оля, вместе с которыми проводил свои детские годы и мальчик Алёша — будущий писатель, любимец своих дяди и тёток. Посещая Лосниково, Алёша играл вместе с двоюродными сёстрами и братом. Дядя с тёткой для участия в их играх приглашали детей своих дворовых. Писемский пишет, что с ним играл дворовой мальчик Титка. Поступив учиться сначала в Костромскую гимназию, а потом и в Московский университет, А.Ф. Писемский, приезжая в Раменье на летние каникулы, посещал своих родственников в Лосникове — живших здесь дядю Якова, умершего 1830 году, и тётку Марию, умершую после 1834 года. После их смерти в Лосникове жили до женитьбы или замужества его двоюродный брат Николай (1810 - 1880) и двоюродные сестры: Даша, ставшая впоследствии женой И.Е. Постельникова; Екатерина, вступившая в

Брак с П.Ф. Кознаковым; и Ольга — жена Муравьёва. Екатерина и Ольга вышли замуж и жили со своими мужьями в их усадьбах, а потому, после их замужества, Писемский, приезжая в Лосниково, мог встречаться только с жившими здесь сестрой Дашей и братом Николаем. В предпоследний и последний раз усадьбы Лосниково и Раменье А.Ф. Писемский посетил 10 октября 1861 года и 10 мая 1862 года, когда он приезжал для подписания уставных грамот по усадьбе Раменье и деревне Якушов Починок и соглашения с дворовыми людьми.

Несмотря на многократные посещения А.Ф. Писемским Лосникова в его детские и юношеские годы и в период жизни в Раменье во время его ухода в отставку в 1853 - 1854 и в 1861 - 1862 годах, усадьба Лосниково не нашла отражения ни в одном из его произведений. Если свою усадьбу Раменье писатель упоминает в рассказах «Ватька», «Ветеран и новобранец», «Плотничья артель» и в романе «Люди сороковых годов», усадьбу же Лосниково с её обитателями не встречаем ни в одном произведении А.Ф. Писемского, ни под её подлинным, ни под вымышленным названием. Усадьба Лосниково и её старшие обитатели — бабушка, дедушка, дяди и тётки — не описаны писателем, но зато он изобразил своих двоюродных сестёр: Дашу или Ольгу (в романе «Взбаламученное море» в лице Софии Петровны Линёвой), а Екатерину — в романе «Люди сороковых годов» под именем Марии Николаевны Эйсмонт, предмета своего первого юношеского увлечения.

На рубеже XIX и XX веков Лосниково какое-то время занимали арендаторы (как и усадьбы Клусеево, Колотилово, Медведево и другие). После революции дом в Лосникове одно время занимало правление созданной здесь коммуны «КИМ», а после её ликвидации в доме временно разместили Сенновскую начальную школу — до постройки в селе Сенной нового школьного здания. Когда здание было построено, все имущество из лосниковского дома перевезли в новую школу. После этого дом, по-видимому, никто не занимал, он стоял пустующим, постепенно приходя в ветхое состояние, пока не был разобран на дрова.

Летом 1939 или 1940 года я производил осмотр парков архитектуры и из усадьбы Клусеево лесной дорогой пришёл в Лосниково, где и увидел двухэтажный дом с четырёхскатной крышей и большим количеством окон в обоих этажах. Я осмотрел дом только снаружи и убедился, что он соответствует данным описей имения, но внутрь его мне попасть не удалось. К глубокому сожалению, я не сфотографировал дом, намечая сделать это в другой раз. При повторном посещении усадьбы Лосниково после окончания войны, в 1948 году, на месте бывшего дома Шиповых я застал только стоящую полуразобранную печь, с которой в этот раз я и сделал снимок, сохранившийся до сего времени в моём личном фотоархиве. В парке было две аллеи: одна шла от входного крыльца до берега речки, и с неё было видно белое здание Успенской церкви с её высокой белой колокольней, резко выделявшейся на зеленом фоне деревьев, растущих на кладбище, а вторая аллея шла поперёк парка. В парке росли берёзы, тополя и другие деревья и кустарники.

Вот и все сведения, которые мне удалось собрать об усадьбе Лосниково.

VI. ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ

Д. Н. Зонтиков (Москва)

В глубине эпох: растительный и животный мир Костромского края миллионы и тысячи лет назад

Наша Земля существует уже многие миллионы лет, в течение которых жизнь на её поверхности испытала большие изменения. Образовавшиеся в тёплой воде первых морей сгустки белкового вещества, мало-помалу усложняясь, превратились в ряд разнообразных растительных и животных организмов, которые через бесчисленные поколения достигли современного состояния.

В. А. Обручев

Обычно историю Костромского края начинают с момента появления на территории современной области первых людей, но это не совсем верно, так как история края насчитывает сотни миллионов лет и началась задолго до прихода сюда наших далёких предков. Работ, в той или иной степени посвящённых древнейшим периодам истории растительного и животного мира Костромской земли, очень немного. К тому же большинство из них рассматривают только какие-то отдельные моменты этой темы.

Главная сложность при проведении любых исследований эпох, предшествовавших четвертичному периоду, состоит в том, что приходившие с севера многочислен-

Современный растительный и животный мир есть результат многих миллионов лет эволюции. Река Унжа в Мантуровском районе вблизи д. Дмитрово. Фото автора. 2005 г.

ные ледники периодически уничтожали пласты предшествующих эпох, а то, что оставалось, оказывалось погребено под многометровыми слоями моренных отложений. Следы жизни далёкого прошлого можно увидеть только по берегам рек, где вода вымывает окаменевшие раковины, моллюски или кости древних животных, или в песчаных и гравийных карьерах, где иногда люди наталкиваются на целые «кладбища» окаменелостей.

Как уже сказано, существует очень немного работ, посвящённых древнему растительному и животному миру Костромского края. С начала 90-х гг. XIX века отдельных сторон этой темы касались краеведы, входившие в Костромскую губернскую учёную архивную комиссию (КГУАК). Преемницей КГУАК стало возникшее в 1912 году Костромское научное общество по изучению местного края (КНО). Среди членов КНО в первую очередь необходимо назвать геолога А.М. Жирмунского, на протяжении трёх лет (1912-1914 гг.), проводившего геологические исследования на реках Унже, Ветлуге и Вол-

го¹. Во время этих исследований большое внимание ими уделялось останкам растений и животных прошлых геологических эпох. Особую роль в исследовании древнего животного мира нашего края сыграл выдающийся краевед, археолог и этнограф, основатель и бессменный руководитель КНО В.И. Смирнов (1882 - 1941). Не будучи биологом, он оставил несколько обзорных работ, посвящённых находкам в Костромской губернии останков древних животных (преимущественно ледникового периода), не утративших своего значения до настоящего времени². Очень важны для нашей темы выходявшие в 10 - 30-х гг. XX века труды геолога М.А. Вейденбаума³. Отдельных сторон истории растительного мира в нашем крае коснулся в своей фундаментальной работе, посвящённой костромским лесам, краевед Е.Ф. Дюбюк (1876 - 1942)⁴. Определённый вклад в изучение флоры Костромского края внёс биолог А.Е. Жадовский, производивший описание растительности и структуры почв Костромской губернии⁵. Большое внимание геологической истории растительнос-

¹ Жирмунский А.М. К изучению мезозойских отложений Костромской губернии // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 36. Кострома, 1925, с. 31-37 (далее – Жирмунский А. М. Указ. соч.)

² Смирнов В. Пункты нахождения костей крупных ледниковых животных в пределах Костромской губернии // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 11. Кострома, 1919, с. 85-93 (далее – Смирнов В. Пункты нахождения костей); Смирнов В. К вопросу о находках костей крупных ледниковых ископаемых в Костромском крае // Труды Солигаличского краеведческого общества. Вып. 9. Солигалич, 1930, с. 3-5 (далее – Смирнов В. К вопросу о находках костей).

³ Вейденбаум М. Ярусы, зоны и петрографические горизонты коренных и послетретичных напластований в пределах 71 листа общей геологической карты Европейской России. Кострома, 1923 (далее – Вейденбаум М. Ярусы); Вейденбаум М. Почвенный покров, геологическое прошлое и полезные минеральные залежи Костромской губернии // Прошлое и настоящее Костромского края. Кострома, 1926, с. 23 - 36 (далее – Вейденбаум М. Почвенный покров).

⁴ Дюбюк Е. Леса, лесное хозяйство и лесная промышленность Костромской губернии // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 10. Кострома, 1918, с. 3 - 144.

⁵ Жадовский А.Е. Ботанические исследования в Костромской губернии летом 1913 г. Кострома, 1914. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып 2).

ти края уделено на страницах вышедшей в 1947 году книги «Географический очерк Костромской области», автор которой, Г.Г. Ерёмин, был старым членом КНО⁶. Некоторых сторон истории растительного и животного мира коснулся в опубликованной в 1959 году книге «Костромская область: Историко-экономический очерк» краевед Н.Н. Владимирский⁷. Огромное значение для нашей темы имеют исследования, проводившиеся в 1959 - 1961 гг. на территории нашего края Костромской геологоразведочной экспедицией Министерства геологии СССР, результаты которых были опубликованы в 1965 году⁸. Сборник работ экспедиции содержит ценнейшие материалы о древнем растительном и животном мире, полученные в результате буровых работ. О растительном и животном мире Костромского края минувших эпох кратко рассказывается на страницах учебного пособия «География Костромской области», вышедшего в 1995 году⁹.

В данной работе делается попытка дать общую картину развития растительного и животного мира на территории Костромского края начиная с девонского периода (400 миллионов лет назад) и до эпохи голоцена (10 тысяч лет тому назад).

⁶ Ерёмин Г. Географический очерк Костромской области. Кострома, 1947.

⁷ Владимирский Н.Н. Костромская область: Историко-экономический очерк. Кострома, 1959, с. 5 - 14.

⁸ Сборник статей по геологии и гидрогеологии. Вып. 4. М., 1965.

⁹ География Костромской области. Кострома, 1995, с. 14 - 18, 37 - 42, 44 - 57.

Девон

Приступить к рассказу о естественной истории Костромской земли будет логичным с девонского периода, палеозойской эры (400 миллионов лет назад). Почему именно с этого времени, а не с более ранних периодов истории Земли?

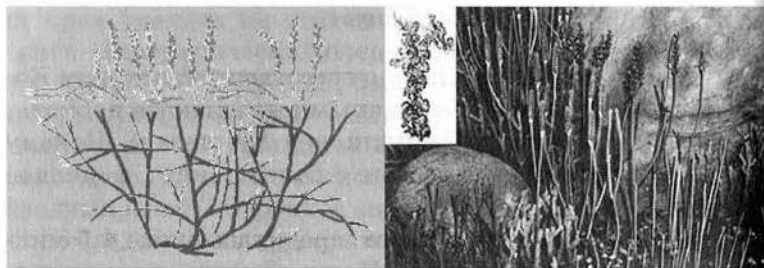
Жизнь на нашей планете зародилась около 4,5 миллиардов лет назад, но большую часть этого времени эволюция всех живых организмов проходила в воде. Ландшафт места, которое через сотни миллионов лет станет Костромской землёй, мог напоминать современный облик каменной пустыни, с той лишь разницей, что любая пустыня населена, пусть даже грибами и лишайниками, а суша того времени была безжизненна и стерильна.

Активное заселение суши началось именно в девоне: «В течение девона появляются многие основные группы растений, в том числе, возможно, и голосеянные»¹⁰. Выход первых живых организмов на сушу произошёл ещё в силуре (450 миллионов лет назад), но, судя по незначительному количеству находок додевонских растений, флора этого времени являлась очень скудной: «...наземная растительность существовала, видимо, и до девонского периода, но факты, имеющиеся в нашем распоряжении, не доказывают, что суша была широко заселена силурийской растительностью»¹¹. По всей видимости, флора того времени в основном была представлена родами *Coocsonia*, *Zosterophyllum* и *Rhinia*. Эти просто организованные споровые сосудистые растения без листьев росли частично в воде или у самого края воды.

Настоящее преобразование ландшафта происходит именно в девонском периоде. Как раз в это время на огромных площадях море отступает (регрессирует), освобождая всю Европейскую часть России. В этот период шесть ныне существующих материков составляли два мегаматерика: Гондвану и Лавразию, разделённых океаном Тетис. Современ-

¹⁰ Вахромеев В.А., Мейен С.В. Палеозойские и мезозойские флоры Евразии и фитогеография этого времени. М., 1970, с. 38 (далее – Вахромеев В.А., Мейен С.В. Указ. соч.).

¹¹ Там же.

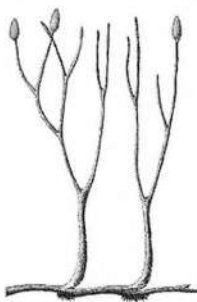

Zosterophyllum. Водная и сухопутная реконструкции.
 (<http://einstein.uab.es/botanica/criptogames/zosterophyllum.htm>; <http://www.biltek.tubitak.gov.tr/jeolojik/Fanerozoik/Paleozoik/Devoniyen/DevonYasam.htm>)

Zosterophyllum myretonium

(<http://www.shef.ac.uk/aps/apsrtp/fletcher-ben/evolution.html>)

Rhinia^a

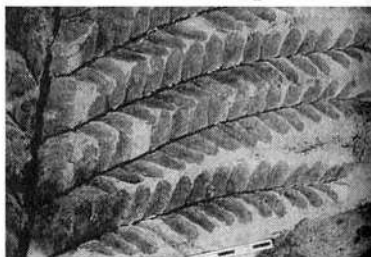

Archaeopteris^b

Sawdonia ornata^d

Asteroxylon^e

Archaeopteris hibernica^c

^a <http://www.biltek.tubitak.gov.tr/jeolojik/Fanerozoik/Paleozoik/Devoniyen/DevonYasam.htm>

^b <http://www.ucmp.berkeley.edu/IB181/VPL/Osp/OspP/Osp4.jpeg>

^c http://www.gl.rhnc.ac.uk/palaeo/megaph_leaf.html

^d <http://www.palaeos.com/Plants/Lycophytes/Zosterophylloids.html>

^e <http://www.shef.ac.uk/aps/apsrtp/fletcher-ben/evolution.html>

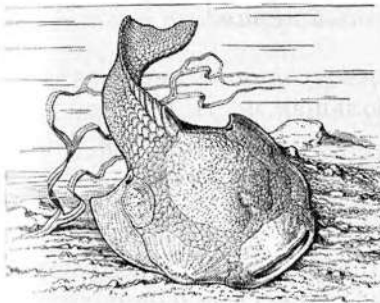
ния Европа вместе с территорией, которую занимает Костромская область, входила в северный мегаматерик Лавразию. Существование Лавразии доказывает единство центров происхождения растений и животных, возможность широких связей развивающейся голарктической флоры. (По другой теории, в девоне существовал единый мегаматерик Пангея.) Предполагается, что климат в то время был значительно мягче, чем теперь. Не было таких сильных перепадов температур, средняя температура года Европейской части России была + 17 - 23 градуса по Цельсию. Воздух был насыщен водяными парами, шли частые дожди, в общем, это был влажный тропический пояс.

Если бы мы могли попасть на территорию Костромской области 370 - 380 миллионов лет назад, скорее всего, увидели бы такую картину: весь край покрывают влажные тропические леса, температурный режим которых схож с тропическим поясом современной юго-восточной Азии. В лесах господствуют растения рода *Archaeopteris*, некоторые виды которого достигали в высоту 25 метров, а внешне они отдалённо напоминали современные плауны. Флору того времени обычно именуют археоптерисовой, по наиболее часто встречаемому роду. Очень широко были распространены растения отдела плауновидные (*Sawdonia*, *Archaeosigilaria*, *Asteroxylon*); отдела папоротниковидные (*Cladoxylon*, *Pseudosporochnus*) и древнейших голосемянных (*Pogumnospermopsida*). Далеких потомков этих растений мы и сейчас можем встретить в наших лесах, например, плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum*), плаун сплюснутый (*L. complanatum*); папоротники: орляк (*Pteridium aquilinum*), страусовое перо (*Onoclea struthiopteris*), кочедыжник женский (*Athyrium filix femina*). В то далёкое время все растения размножались спорами, лишь в конце девонского периода появляются первые голосемянные растения. Некоторые ученые называют девон «золотым веком» растений: если в начале девона видовой состав растений и площадь покрытой ими суши были достаточно скромными, то средний девон поражает многообразием видов, растения в это время занимают практически всё свободное пространство суши.

Растения одними из первых освоили сушу — этот новый для всех живых организмов мир. И практически сразу же за растениями в эту неосвоенную и враждебную для всех водных организмов среду стали проникать животные. Как непросто им было освоиться в мире, где в течение суток такие большие перепады температур, а воды, которая поддерживает вес тела, уже нет, где жаркие солнечные лучи очень быстро высушивают кожу. В числе первых животных, проникших в эту новую среду обитания, были членистоногие (пауки, насекомые, многоножки). В лесной подстилке копошились насекомые, которых каждый человек узнал бы и сейчас; природа сотворила их настолько совершенными, что они дожили до наших дней, практически не изменившись, — это тараканы. В девоне сушей безраздельно владеют насекомые.

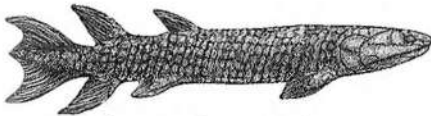
В костромских водоёмах того времени обитают многочисленные рыбы — это и панцирная рыба гетерострак (*Psammolepis*) и плакодерма (*Botriolepis*), появляются кистеперые рыбы (*Eusthenopteron*) и двоякодышащие рыбы, которые могут кроме кислорода, растворённого в воде, дышать атмосферным воздухом (*Dipteris*). Возможно, водились в водоёмах и крупные членистоногие вымершего отряда ракоскорпионов, длиной тела до 3 метров. В конце девонского периода появились первые земноводные — ихтеостеги (*Ichthyostegalia*). Однако на территории нашей области относящиеся к девону отложения на поверхность нигде не выходят (девонские пласты залегают на глубине нескольких сот метров), и никаких материальных останков того времени нам не известно.

Однако начиная со второй половины девонского периода произошло очередное наступление моря (трансгрессия), и вся территория Костромского края оказалась затопленной. Бассейн верхнедевонского моря занимал большую часть Русской равнины и соединял в себе водоёмы современных Каспийского, Чёрного, Балтийского и Белого морей.

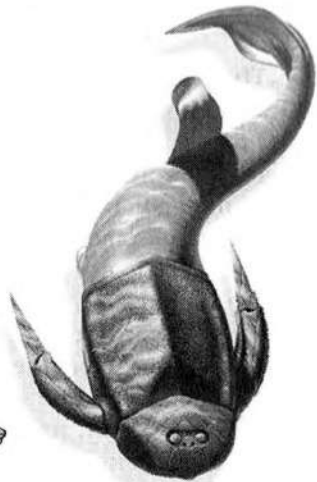
Гетерострак

(http://www.ut.ee/BGGM/eluareng/eri_kilb1.jpg)

Кистепёрая рыба

(<http://palaeo.gly.bris.ac.uk/Palaeofiles/Fossilgroups/Osteichthyes/Sarcopterygii.html>)

Плакодерма

(<http://www.cuirsfins.com/francois/fran/botrio.html>)

(Е.Н. Курочкин. Динозавры и доисторический мир. М.: Росмэн, 2005, стр. 45, 44. Худ. А.Н. Сичкарь, Н.В. Матюшенко)

Каменноугольный период

Практически весь каменноугольный период (345 - 280 миллионов лет назад) большая часть Русской равнины была покрыта тёплым мелководным морем. Известно, весь ли каменноугольный период, или — карбон (что в переводе с латыни означает уголь), территория области находилась во власти водной стихии. Скорее всего, были периоды, когда море отступало и сушу покрывала растительность того времени: гигантские папоротники, плауны и предки хвойных деревьев — кордаиты.

Море, покрывавшее территорию Костромского края, геологи называют Волжским. Оно ограничивалось на юго-западе Карпатами, на северо-западе Скандинавскими горами, на востоке Уральскими горами (местностью, где они появятся через некоторое время), на юге граничило с морем Тетис. Среднегодовая температура Волжского моря, скорее всего, была не ниже + 25 градусов по Цельсию. Это доказывается наличием угленосных бассейнов на материках, граничащих с морем. «Высокие температуры Волжского моря способствовали возникновению весьма благоприятных климатических условий в Ангарии и восточных частях Северной Атлантиды. В низких широких долинах, расчленявших горные хребты и открытых доступу тёплого воздуха с моря, создавались весьма благоприятные условия для пышного развития растительности»¹². Соляной раствор, из которого наши предки добывали соль в Солигаличском районе и в Некрасовском районе современной Ярославской области, образовался именно в каменноугольный период. Продающиеся в наших магазинах минеральные воды связаны с каменноугольными морскими отложениями. Крупные отложения извести в Солигаличском районе образовались примерно в это же время из остатков морских животных: «В Костромской губернии осадки этого моря (Волжского. — Д.З.) в виде известковых толщ, переполненных ископаемой морской фауной, можно наблюдать в Солигаличском уезде. Нет сомнения, что эти известняки покрывают собой всю территорию губернии, но в других

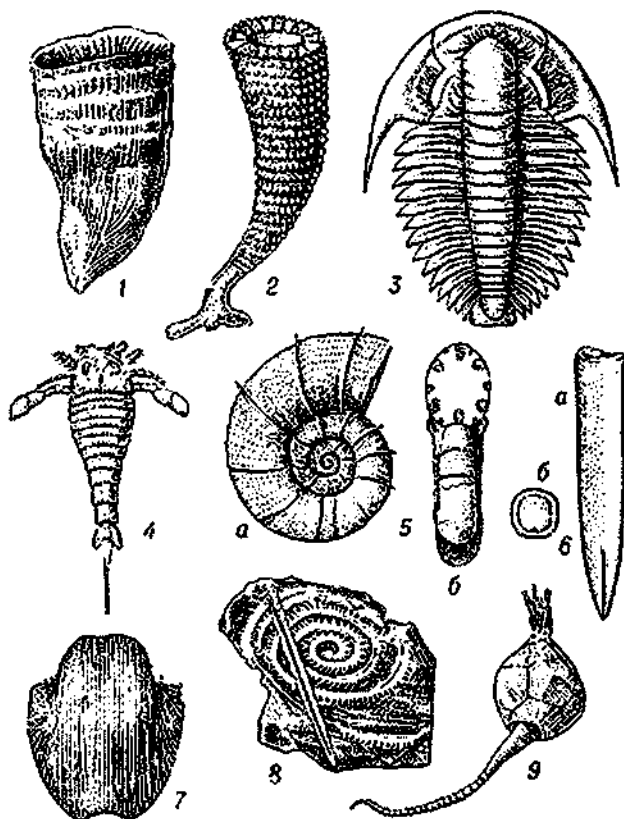
¹² Брукс К. Климаты прошлого. М., 1952, с. 238.

местах они очень глубоко скрыты под выше лежащими осадочными толщами»¹³.

Тёплое море каменноугольного периода имело богатый фаунистический состав. Процветали четырёхлучевые кораллы (*Tetracorallia*), обитавшие в мелководных пинах морей; в отличие от современных шестилучевых кораллов, живущих колониями, четырёхлучевые жили одиночно и поэтому не образовывали рифов. Обитали многочисленные иглокожие: морские лилии – животные, похожие на растения. Волжское море являлось относительно мелководным (глубина его не превышала 500 метров). В нём водились многочисленные и разнообразные морские ежи и морские звёзды, широко были распространены моллюски, амmonoидеи. В это время появляются первые белемноидеи (так называемые «чёртовы пальцы»), хотя их ещё немного по сравнению с юрским периодом, пласты которого буквально нашпигованы ими, но первые белемноидеи небольшого размера встречаются уже в карбоне. В карбоне появляются хрящевые рыбы (*Chondrichthyes*), самые известные среди них – акулы. Уже в то время многие из этих рыб были очень похожи на ныне существующих, хотя встречались и совершенно непохожие на современных, например – спиральнозубая акула. Размеры карбоновых акул от 20 сантиметров до 15 метров; в зависимости от вида питались они и мелкими морскими членистоногими, и шестиметровыми панцирными рыбами дистихисами.

Продолжают заселять моря появившиеся в девоне лучепёрые рыбы. Внешний облик лучепёрых того времени очень похож на облик современных костистых рыб: тело покрыто чешуей, плавники приобрели привычное для нас строение. О широком распространении рыб в каменноугольном периоде говорят частые находки в пластах того времени остатков зубов, чешуи, а иногда и целых отпечатков рыб. Правда, на территории нашего края останки живых организмов до сих пор не найдены, пласты каменноугольного периода нигде не выходят на поверхность.

¹³ Вейденбаум М. Почвенный покров, с. 28.

Ископаемые беспозвоночные животные:

- 1 — четырёхлучевой коралл *Capinia* (кембрий, Подмосковье);
 2 — археоциат *Kotuiocyathus* (кембрий, Сибирь);
 3 — трилобит *Bergeroniellus* (нижний кембрий, Сибирь);
 4 — скорпиообразное *Eurypterus* (силур);
 5 — аммонит *Lytoceras* (нижняя юра):
 а — вид сбоку, б — вид с устья;
 6 — белемнит *Rachyteuthis* (юра, Подмосковье):
 а — общий вид, б — поперечный разрез;
 7 — плеченогое *Productus* (карбон, Подмосковье);
 8 — граптолиты *Climacograptus* и *Monograptus* (спиралевидный) (силур, Полярный Урал);
 9 — цистоидея *Echinoencrinus* (ордовик, Прибалтика)

Пермский период

Вслед за каменноугольным периодом 280 миллионов лет назад начался последний период палеозоя — пермский. В это время активно шёл процесс горообразования на Урале, Тянь-Шане, но, что гораздо важнее для нас, снова начался процесс регрессии (отступление моря). Большая часть Русской равнины вместе с Костромским краем на весь пермский и большую часть триасового периода, в общей сложности почти на 100 миллионов лет, вновь становится сушей.

В пермском периоде на южном мегаматерике Гондвана идут процессы материкового оледенения, как никогда активны тектонические процессы. На северном мегаматерике Лавразия тектонические процессы немного менее активны и нет такого сильного оледенения, как на юге. Климат более мягкий, хотя существуют и умеренные климатические пояса, а также зоны, схожие с современным субарктическим холодным поясом.

Костромской край в течение пермского периода находился то в тропическом климатическом поясе, то в зоне с умеренным климатом. Отступление морей привело к серьезным катаклизмам, в результате которых произошла серьезная смена в фауне и флоре. К примеру, в начале пермского периода вымерло более 50% позвоночных и более 65% беспозвоночных, сильно изменился и растительный мир материков. Предположительно, в первой половине пермского периода Костромской край находился в зоне тропического климата, только, в отличие от тёплого и влажного девона, теперь наблюдалось чередование засушливой части года и периода дождей. Изменившиеся климатические условия заставляли меняться растительный покров. Исчезли растения, нуждавшиеся в обилии влаги (гидрофиты), их место заняли засухоустойчивые растения (мезо- и ксерофиты). Палеоботаник А.Н. Криштофович отмечает: «Уже несколько обеднённая растительность верхнего карбона, утрачивая своё обилие лепидодендронами и сигилляриями, в мало изменившемся виде переходит в эпоху нижней перми. <...> наблюдается продолжающееся далее обеднение лепидофитов и, наконец, выступление на сцену совершенно но-

вой группы – хвойных, вида *Walchia*»¹⁴. Судить о составе пермской флоры мы можем по находкам, сделанным как в Вологодской и Ярославской областях, так и на территории нашей области. Вероятнее всего, в это время достаточно широкое распространение получает молодая группа растений, а именно – хвойные. Хвойные перми лишь отдалённо напоминают хвойные, произрастающие в настоящее время, — больше всего они были похожи на произрастающие в южном полушарии араукариевые. Благодаря малой требовательности к обилию влаги хвойные заселяют возвышенные и слабо увлажнённые места. Хвойные пермского периода достаточно разнообразны – это и высокие деревья (до 25 метров высотой), и небольшие кустарники. Хвоя морфологически очень разнообразна, она может быть и в привычном нам виде (тонкой продолговатой формы), но может иметь и достаточно крупные размеры, до 20 сантиметров, и быть сильно уплощённой.

Многочисленны голосемянные (*Gymnospermae*) порядков кордаитовые (*Cordaitales*) и беннетитовые (*Bennettitales*) – это расте-

Кордаит

<http://taggart.glg.msu.edu/bot335/econif.htm>

ния самого разнообразного внешнего вида, в основном отдалённо напоминающие современные тропические виды. В зависимости от влажности климата, на костромской земле произрастали или более засухоустойчивые хвойные, или более влаголюбивые кордаитовые. По берегам водоёмов могли произрастать предки гинкговых – *Baiera*. Сейчас су-

Беннетит

http://www.geocities.com/arturmesozoico/mesofauna_arquivos/image002.jpg

¹⁴ Криштофович А.Н. Палеоботаника. Л., 1957, с. 354 (далее – Криштофович А.Н. Палеоботаника).

существует лишь один вид данного рода: гинкго двулопастной — это высокое дерево с листьями, имеющими характерную двулопастную форму. В перми существовало большое разнообразие этих растений. Кроме того, произрастали немногочисленные, по сравнению с поздним девоном, папоротники и плауны. При анализе спорово-пыльцевого комплекса, полученного в результате буровых работ, проводившихся 1960 году у посёлка Раслово в Судиславском районе, были сделаны выводы, что «данный споро-пыльцевой комплекс обладает рядом характерных особенностей: 1) преобладает пыльца хвойных (70 - 80%), богатая по родовому составу; 2) присутствует, хотя и в небольшом количестве, своеобразная ребристая пыльца *Vittatina*; 3) встречены микроспоры *Azonomonoletes vulgaris*; 4) чрезвычайно беден комплекс спор папоротникообразных; 5) невысокое содержание спор гинкговых и беннетитовых»¹⁵.

Пермская сухопутная фауна гораздо более разнообразна, чем в девоне. Из позвоночных широко распространены представители трёх классов: терапсиды, котилозавры и батрахозавры. Фауна этого периода достаточно детально изучена русским ученым В.П. Амалицким на территории Вологодской области, поэтому можно с уверенностью говорить, что ареал обитания этих видов распространялся и на Костромской край.

*Котилозавры
пермского периода:
1 — никтифрурет;
2 — скутозавр
(Архангельская
область)*

([http://www.cultinfo.ru/
fulltext/1/001/008/086/
978.htm](http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/086/978.htm))

¹⁵ Кюнцель М.К. Палинологическая характеристика верхнепермских и нижнетриасовых отложений бассейна р. Ветлуги и Волго-Унженского междуречья в пределах Костромской области // Сборник статей по геологии и гидрогеологии. Вып. 4. М., 1965, с. 76 - 77.

Двиния

(<http://macroevolution.narod.ru/vertebrates/dvinia2.jpg>)

Терапсида

(<http://dyno.nm.ru/40.html>)

Скорее всего, в это время в Костромском крае обитали животные из класса терапсид, считающиеся предками млекопитающих. Среди них род двиния – небольшие зверьки, охотившиеся на беспозвоночных и мелких позвоночных животных. Размером они не превышали современную домашнюю кошку, по строению тела отдалённо напоминали енота. Они были покрыты редким волосяным покровом, что являлось одним из первых эволюционных шагов к появлению нового класса животных — млекопитающих; вторым шагом стало развитие второго нёба, чтобы можно было дышать и жевать одновременно, а также изменение в строении зубного аппарата. Одним из самых распространённых хищников среди терапсид являлась иностранцевия – крупный (3,5 метра в длину) зверь, который охотился на парейазав-

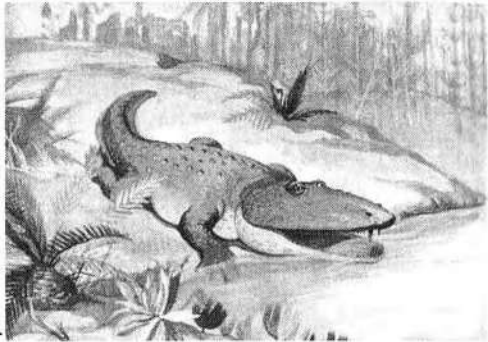
ров, чья длина достигала четырёх метров, а вес около одной тонны. Терапсиды имели много общего в строении тела и с земноводными, и с рептилиями. Например, с земноводными их связывает схожее

Парейазавры

(<http://kikg.ifmo.ru/learning/gopr/kursovik/2005/3741/dino/pareiazavr.html>)

строение отдельных частей скелета, с рептилиями – строение кожи и образ жизни.

В средней перми эволюционный процесс у некоторых групп животных идёт в сторону увеличения размеров тела, особенно сильно это выразилось у стегоцефалов – полуводных растительноядных животных, появившихся в конце девона (одни из них отдалённо напоминали современных крокодилов, другие больше походили на огромных жаб)*.

Стегоцефал

Некоторые представители отряда стегоцефалов вырастали высотой до четырёх метров, соответственно увеличивались в размерах и хищники. Например, у обитавшего, вполне вероятно, на территории Костромского края эотитанозуха, отдалённо напоминавшего крокодила на высоких лапах, длина тела достигала шести метров. Судя по скелету, эотитанозух являлся достаточно медлительным и мог охотиться только на таких же крупных и неповоротливых растительноядных животных. В это же время на территории нашего края обитали земноводные из группы лабиринтодонтов – животные до пяти метров в длину, по форме тела напоминающие крокодилов**.

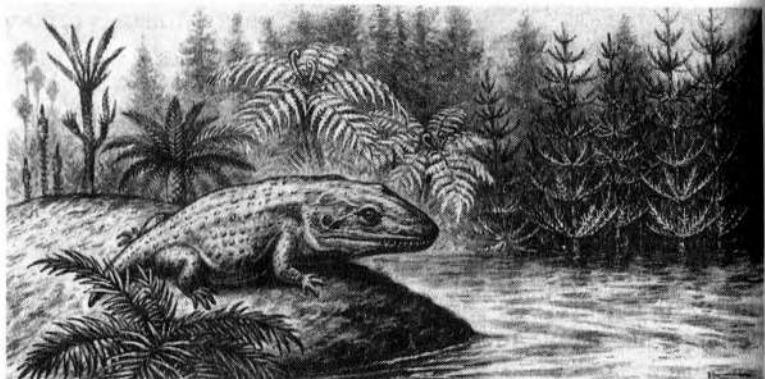
* Летом 1914 года А.М. Жирмунский обнаружил на берегу р. Ветлуги у д. Большие Слудки в современном Шарьинском районе многочисленные кости стегоцефалов¹⁶.

** В упоминавшихся выше обнажениях на р. Ветлуге у д. Большие Слудки в 1914 году А.М. Жирмунским были обнаружены и многочисленные костные останки лабиринтодонтов¹⁷. Говоря о находках на р. Унже, М.А. Вейденбаум пишет: «В пермо-триасовых глинистых конгломератах и песчаниках <...> нередко попадаются весьма своеобразные кости черепа и других частей скелета крупной амфибии – лабиринтодонта»¹⁸.

¹⁶ Жирмунский А. М. Указ. соч., с. 36.

¹⁷ Там же, с. 36 - 37.

¹⁸ Вейденбаум М. Почвенный покров, с. 30.

*Лабиринтодонт.
Рис. Н. Кондакова*

(БЭС «Биология». Гл. ред. М.С. Гиляров.
М.: Большая Российская энциклопедия, 1999)

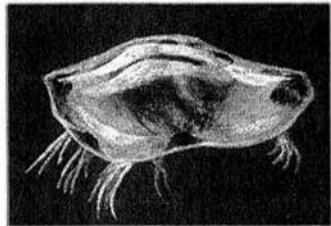
Что характерно для животных пермского периода? Большинство их обитало неподалёку от водоёмов — это связано с тем, что для развития потомства была необходима водная среда. У многих животных кожа, как и у современных лягушек, ещё плохо предохраняла тело от высыхания. Животные пермского периода обладали очень специфическим внешним видом, и мы вряд ли сможем найти похожих на них из ныне обитающих на Земле. Большинство крупных животных были очень малоподвижные, со странными выростами на скелете, как будто природа экспериментировала, подбирая наиболее удачные сочетания. В пермском периоде продолжают развиваться две ветви животных, которым в будущем суждено быть хозяевами планеты, — это предки динозавров и далёкие предки млекопитающих.

В конце пермского периода в результате прогиба центральной и северной части Русской равнины Костромской край на 8 - 10 миллионов лет вновь становится дном неглубокого тёплого моря.

Триас

Триас – первый период мезозойской эры – начался 230 миллионов лет назад. В триасе продолжают тектонические процессы, начавшиеся в пермском периоде. Мегаматерик Гондвана стал постепенно распадаться на Африку, Австралию, Антарктиду и Южную Америку. Индийская платформа подошла к материка Ангариды (часть будущего материка Евразия).

В начале триасового периода Костромской край представляет собой дно мелководного моря, со средней глубиной не более 20 метров, об этом свидетельствуют данные, полученные в результате исследований П.А. Большаковой кернов из скважин, пробурённых в Костромском районе. В этих кернах содержались различные виды остракод (двустворчатые моллюски), обитавших на дне мелководных морей.

Остракод

(<http://www.ibss.iuf.net/people/skryabin/mezozp2.html>)

Во второй половине триаса в результате подъёма северной и центральной частей Русской равнины и отступления моря Костромской край опять становится сушей. Климат становится всё более засушливым, довольно большие площади занимают пустыни.

Наш край в первой половине триаса, вероятно всего, представлял собой зону полупустынь. Климат был континентальным, то есть с сильными перепадами температур и атмосферного давления в течение суток. Вторая половина триаса, вероятно, ознаменовалась некоторым смягчением климата, что, возможно, было вызвано постепенной трансгрессией, – наступлением моря, надвигавшегося одновременно с севера и юга.

А.Н. Криштофович отмечает: «Триасовые флоры далеко не принадлежат к наиболее распространённым на Земном шаре, и это в особенности относится к эпохе нижнего и среднего триаса, унаследовавшей условия сухого климата пермского периода»¹⁹. В данных условиях рас-

¹⁹ Криштофович А.Н. Палеоботаника. Л., 1957, с. 478.

тельность, прежде всего, должна быть засухоустойчивой. Если предположить, что в Костромском крае в первой половине триаса установился аридный (засушливый) климат, то можно смоделировать следующий состав растений на его территории. В местах, где грунтовые воды залегают не очень глубоко от поверхности, могли произрастать хвощи. Некоторые виды хвоща достигали до десяти метров в высоту, но были растения и небольшого (метр - полтора) размера.

Voltzia

(<http://www.palaeos.com/Mesozoic/Triassic/Images/Voltzia.gif>)

Основным растительным компонентом в триасе являлись хвойные, например *Voltzia kurgensis* – невысокие деревья (высотой до 14 метров), с короткими толстыми иглами, сидящими поодиночке на удлинённом побеге. Встречались растения порядка цикадовых (*Cuscutales*) – вечнозелёные древовидные растения, с колонновидным стволом высотой до десяти метров, увенчанным пучком перистых папоротниковидных листьев, отдалённо напоминающих некоторые современные пальмы, а также порядка чекановские (Czekanowskiales)

– голосемянные растения, преимущественно невысокого роста (до трёх метров), с лентовидными листьями.

На востоке области климат в триасе был несколько более влажным, и там могли произрастать известные нам кордаиты. В ходе геологоразведочных работ, проведённых в 1959 - 1961 гг. Всесоюзным гидрогеологическим трестом в бассейне рек Унжи и Ветлуги, а также на водоразделе Ветлуги и Юга, в результате бурения были получены следующие данные: «В нижней части рябинского горизонта в скважине 86 (д. Рябиновцы, правый берег р. Ветлуги) в образце из прослоя серых алевроитовых глин М.К. Кюнцель был получен полный спорово-пыльцевой спектр. В его составе преобладает пыльца голосемянных (88,8%). Споры папоротникообразных составляют 8,2%,

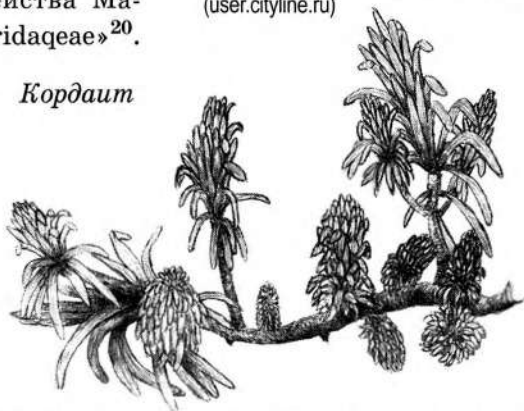
микроспоры невыясненной систематической принадлежности (типа *Podozamites*) – 3%. Среди голосемянных преобладают гинкговые (28,2%) и беннетитовые (6,1%). Кроме того, отмечают высокое содержание древней реликтовой пыльцы с ребристым телом. Наряду с этим появляется большое количество новых видов пыльцы, сходной с современными семействами *Pinaceae* и *Podocarpaceae*, а также спор папоротников семейства *Marattiaceae* и *Dipteridaceae*»²⁰.

Влажный кордаитовый лес
(user.cityline.ru)

Во второй половине триасового периода климат стал более благоприятным для произрастания папоротников семейств *Thamnopteris* и *Marattiaceae*. Это были крупные папоротники, возможно

Кордаит

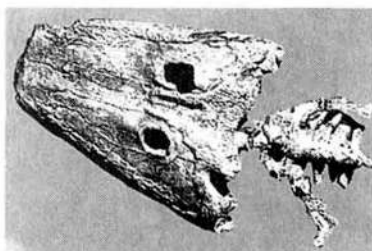
(http://www.dinosauromorpha.de/nondinosaurian_gallery.htm)

достигавшие высоты 8 - 10 метров, обычно с клубневидно вздутым стволом, с листьями, которые могли достигать пятиметровой длины. Но такие растения, по всей видимости, росли только в немногочисленных оазисах. Главную роль в растительном мире триасового периода играли хвойные.

В начале триасового периода на территории Костромской области были широко распространены представители пермской фауны. В ходе геологосъёмочной экспедиции 1961 года В.Р. Лозовским около города Ман-

²⁰ Жирмунский А.М. Указ. соч., с. 37.

турова были найдены кости бентозухия ветлугазавра (*Wetlugasaurus*), *Micronemus*, зубные пластинки *Gnathorhiza*, чешуя палеонисцид. В водоёмах того времени водились пресноводные двоякодышащие рыбы – цератодусы*.

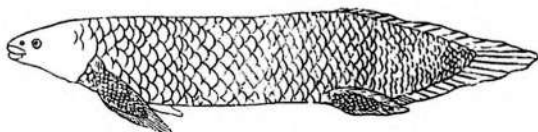
Череп и шейные позвонки
ветлугазавра

(<http://mc.prostranstvo.ru/read/geolog/p0553m.jpg>)

Череп цератодуса

(geology.cwru.edu/~huwig/catalog/catalog.html)

Цератодус

Вторая половина триасового периода ознаменовалась вымиранием целых групп пресмыкающихся – котилозавров, и земноводных – лабиринтодонтов. В океанах вымирают последние древние панцирные рыбы. Место вымерших видов занимают новые, более приспособленные к изменившимся условиям окружающей среды. Появляются первые примитивные млекопитающие – триконодонты. Своим внешним обликом и размером они напоминали крысу, пищей им служили различные насекомые. При наличии водоёмов на территории области,

* Говоря о находках на р. Унже, М.А. Вейденбаум отмечает: «В пермо-триасовых глинистых конгломератах и песчаниках найдены остатки двоякодышащей пресноводной рыбы – цератодуса. Это животное, имевшее одновременно и жабры, и лёгкие, является как бы переходным звеном от рыб к земноводным»²¹.

²¹ Вейденбаум М. Почвенный покров, с. 30.

и них могли обитать появившиеся в триасе черепахи и крокодилы. Однако главным событием этого периода стало появление первых динозавров, занимавших главенствующее положение во всех экосистемах земного шара на протяжении последующих 150 миллионов лет.

Триконодонт

(<http://bio.1september.ru/2002/07/18.jpg>)

Динозавры произошли от пресмыкающихся пермского периода — текодонтов*.

В начале мезозойской эры будущие гиганты обладали достаточно небольшими размерами и питались мелкими позвоночными животными. Появившиеся в триасе динозавры являлись мелкими хищниками, и в условиях засушливого периода для существования им необходимо было преодолевать большие расстояния в поисках пищи. Исследователи считают, что именно возможность быстро передвигаться в пространстве позволила динозаврам выиграть в конкурентной борьбе у остальных групп животных. Ещё одним эволюционным шагом явилось отсутствие у динозавров зависимости от воды для нормального развития эмбриона в яйце. Рептилии триаса откладывали яйца с зародышами прямо в песок, как современные крокодилы и черепахи.

Текодонт

(<http://dyno.nm.ru/01.html>)

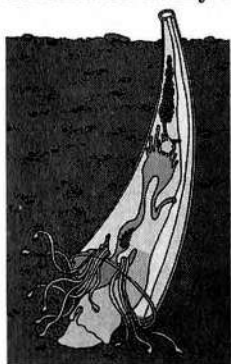
* В обнажениях на р. Ветлуге у дер. Большие Слудки в 1914 году А. М. Жирмунским были обнаружены костные останки текодонтов²².

²² Жирмунский А.М. Указ. соч., с. 37.

Юрский период

Юрский период наступил примерно 190 миллионов лет назад, его начало ознаменовалось очередным наступлением с юга на север Русской равнины моря. В это время море распространяется в широтном направлении по всей средней части Европейской России и, кроме того, вытягивается в меридиональном направлении от бассейна реки Печоры до Каспийского моря.

М.А. Вейденбаум пишет: «В юрскую эпоху море снова затопляет нашу губернию, но оно уже не так обширно и глубоко, как это было в каменноугольную эпоху, и оно, скорее, носит характер огромной мелководной лагуны, покрытой многими островами. Наряду с ископаемыми морской фауны в пластах юрской системы мы местами в изобилии встречаем остатки оминерализованной юрской древесины, что указывает на присутствие вблизи островов, покрытых лесом. Вторым фактором, подтверждающим это предположение, служит частое нахождение в юрских толщах конических раковин из класса скафопод. Подобные моллюски ещё и по сие время живут в наших морях, закапываясь в прибрежный ил. В открытом глубоком море, вдали от берегов, подобные моллюски не встречаются»²³.

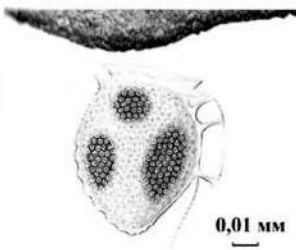

*Зарывшийся
в ил скафопод
(в разрезе)*

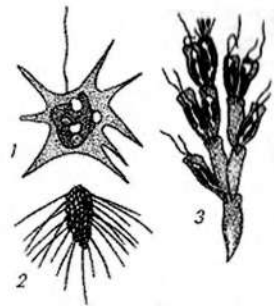
[www.weichtiere.at/
scaphopoda/haupt.html](http://www.weichtiere.at/scaphopoda/haupt.html)

Острова, наличие которых предпологает М.А. Вейденбаум, действительно находилось в акватории моря, заливавшего в юрский период наш край. Об их существовании, бесспорно, свидетельствуют остатки пыльцы хвойных и гинкговых деревьев (лиственных деревьев, достигавших высоты до 25 метров). Один такой остров (или группа небольших островов), судя по всему, находился на территории современных Костромского, Судиславского и Сусанинского районов. Второй остров (или группа островов) — в Парфеньевском, Нейском и Кологривском районах. В морях того времени широко распространяются золотистые водоросли и динофлагеллаты.

²³ Вейденбаум М. Почвенный покров, с. 28 - 29.

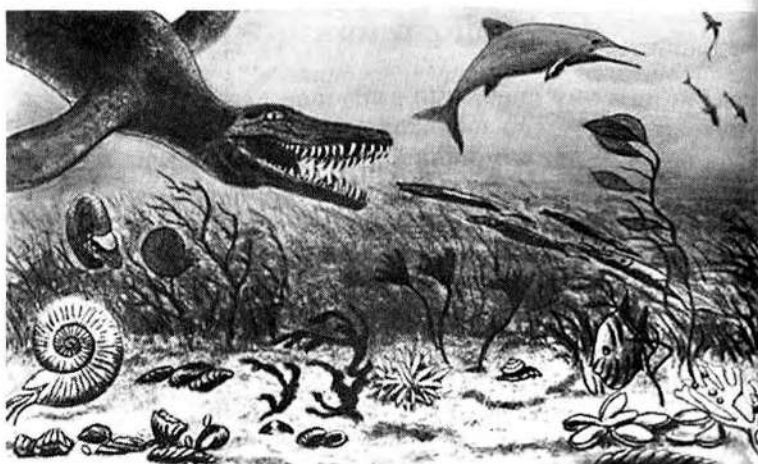
*Микроскопический
планктон
динофлагеллат*
(www.vattenkikaren.gu.se)

Золотистые водоросли:
1 — хризамеба;
2 — маломонада;
3 — гинобрион
([http://bio.1september.ru/
article.php?ID=200100803](http://bio.1september.ru/article.php?ID=200100803))

К этому времени относят образование горючих сланцев на территории области. Река Унжа в Макарьевском районе вскрывает пласты юрского периода, которые содержат в себе эти полезные ископаемые, правда, мощность их в нашей области невелика: всего 20 - 40 сантиметров. Образуются эти полезные ископаемые из сапропеля (погибшие организмы, опустившиеся на дно) и глинозёма.

Относительно того, какой температурный режим имело море, покрывавшее наш край в юрском периоде, единой точки зрения среди исследователей нет. А. Иванов считал, что оно было относительно холодным (хотя, вероятно всего, не холоднее современного Чёрного моря), и указывал на тот факт, что на территории нашего края практически отсутствуют остатки кораллов, обитателей тёплых вод. Однако в юрских слоях нашей области нередко находят останки ихтиозавров (примером может служить останки ихтиозавров — позвонки, отдельные кости, — найденные в XX веке на территории современных Костромского, Сусанинского, Макарьевского, Кологривского и других районов). Это свидетельствует о том, что средняя температура морской воды в холодный сезон не могла опускаться ниже + 12 - 15 градусов по Цельсию. Кроме того, анализ пыльцы вышеупомянутой растительности, покрывавшей острова и всю территорию нашего края после отступления моря, свидетельствует о том, что в этот период Костромской край находился в зоне субтропиков.

В позднерюрском море, Восточно-Европейская платформа. На переднем плане водный ящер плиозавр гонится за белемнитами, вдали ихтиозавр и правее акулы, на дне брахиоподы двустворки, морской ёж, морские лилии и др., слева в воде у дна аммониты
(<http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/127/883.htm>)

В.А. Вахромеев, говоря о юрских флорах, отмечает: «В составе юрских и раннемеловых флор преобладали папоротники и такие группы голосеменных, как беннетитовые, цикадовые, гинкговые, чекановские и хвойные. Довольно многочисленны, но однообразны в систематическом отношении членистостебельные. Представители остальных не имели значительного развития»²⁴. В течение юрского периода на территории нашего края произрастали различные виды всех перечисленных порядков растений. Во второй половине юрского периода (160 - 155 миллионов лет тому назад) море опять отступило на юг, полностью освободив наш край. Благодаря исследованиям Костромской геологоразведочной экспедиции 1961 года, можно довольно точно назвать растения, произраставшие на территории области во второй половине юрского периода: «В полученном спектре пыльца голосемянных растений и споры папоротникообразных представлены примерно в равных количествах. Следует отметить,

²⁴ Вахромеев В.А., Мейен С.В. Указ. соч., с. 213.

что значение пыльцы голо-
 семянных растений в споро-
 во-пыльцевом комплексе вер-
 хней юры увеличивается
 вниз по разрезу. Наиболее
 многочисленна среди голосе-
 мянных пыльца родов *Classo-*
pollis и *Psophosphaera*. Общее
 количество первых составля-
 ет 12%, а вторых — 17%.
 Установлено присутствие
Ginkgo, *Glyptostrobus*, *Taxo-*
diaceae и др. Среди двухмеш-
 чковых хвойных в комплексе
 участвует пыльца *Sautonia*
opcodes. Среди *Pinaceae* на-
 блюдаются формы древнего
 облика. В составе спор отме-
 чается значительное количе-
 ство *Leiotriletes*, *L. rotundi-*
formis, *L. typicus*, *Alsophila*,

Alsophila

Рис. Э.Геккеля
 (deoxy.org/bewilderness.htm)

Osmunda»²⁵. Во второй половине юрского периода в нашем крае появились и представители семейства сосновых, которые в настоящее время занимают значительную площадь всех костромских лесов. Достаточно широкое распространение имели и различные виды из рода сосна, некоторые уже в то время мало отличались от хорошо знакомой сосны европейской.

Наиболее известных морских представителей фауны, обитавших в Костромском крае в юрский период, можно разделить на водных рептилий, обитавших в первой половине периода, и наземных, обитавших после отступления моря. Одним из самых крупных водных пресмыкающихся того времени являлся эласмозавр, принадлежащий к известному роду плезиозавров. Это был ящер, длина которого могла достигать 16 метров, с очень

²⁵ Добруцкая Н.А., Филиппова В.В. Спорово-пыльцевые комплексы нижнемеловых отложений Волго-Унженского междуречья и их значение для стратиграфии района // Сборник статей по геологии и гидрогеологии. Вып. 4. М., 1965, с. 104 (далее — Добруцкая Н.А., Филиппова В.В. Указ. соч.).

Эласмозавры

(<http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/010/001/256958373.jpg>)

вылезали на берег и откладывали яйца в песок, как современные черепахи и крокодилы (плезиозавры, вероятнее всего, обитали на территории нашего края в море юрского периода, но пока останков этих рептилий у нас не обнаружено). Ещё один отряд крупных водных рептилий, останки которых найдены в XX веках на территории Макарьевского, Кологривского и Сусанинского районов, — ихтиозавры*.

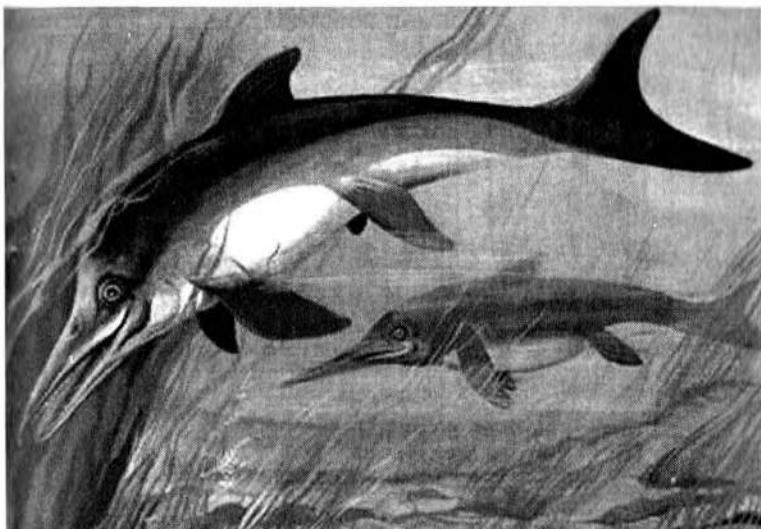
Эти водные рептилии достигали в длину 18 метров, их внешний облик отдалённо напоминал дельфина, с той разницей, что у дельфина задние конечности, образующие хвост, лежат в горизонтальной плоскости, а у ихти-

* Летом 1921 года геолог М.А. Вейденбаум обнаружил на р. Унже вблизи г. Макарьева «пять позвонков ихтиозавров»²⁶. Комментируя эти находки, он писал: «В юрских и меловых глинах в особенности в Унженском районе нередко встречаются позвонки, а в более редких случаях зубы ихтиозавров»²⁷.

²⁶ Вейденбаум М. Яруссы, с. 10.

²⁷ Вейденбаум М. Почвенный покров, с. 30.

длинной шеей — его шейный отдел мог состоять из 20 позвонков. К шее крепилась относительно небольшая голова, отдалённо напоминавшая голову крокодила, челюсти которой были усажены мелкими, очень острыми зубами. Конечности эласмозавра в процессе эволюции видоизменились в ласты. Охотился он на рыб. Предположительно, в период размножения самки плезиозавров

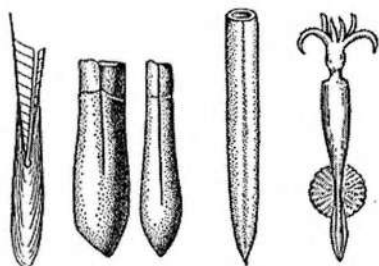

Ихтиозавры

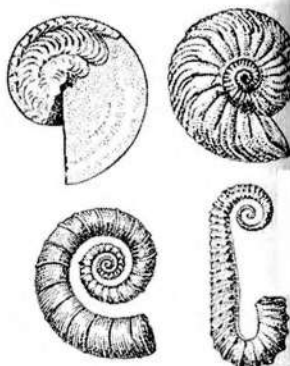
(<http://grigam.wallst.ru/vselen/vs4/v64.htm>)

озавров хвост лежал в вертикальной. Ихтиозавры являлись хищниками, охотившимися на рыбу и крупных представителей юрских головоногих моллюсков. Неоднократно палеонтологи находили внутри скелета взрослой особи небольшие скелеты детёнышей-ихтиозавров, благодаря чему был сделан вывод о том, что эти ящеры являлись живородящими.

В юрский период море активно заселяют головоногие моллюски — аммоноидеи и беллемноидеи (в народе окаменевшие раковины беллемноидей издавна называют «чёртовы пальцы»). В юрском море обитали самые различные по размеру и внешнему виду представители этих двух отрядов. Раковина некоторых беллемноидей (белемнитов) могла достигать в длину трёх метров, щупальца — до пяти метров. Они вели образ жизни, схожий с образом жизни современных спрутов, обитали на глубине от 50 до 1000 метров, охотились, в зависимости от вида, или на беспозвоночных, или на рыб, передвигались по реактивному принципу, набирая в полость тела воду и затем с силой её выталкивая. На территории области раковины белемнитов встречаются повсеместно там, где

Белемниты
(<http://www.ulitki.ru/9-25.html>)

Аммониты
(<http://www.ulitki.ru/9-24.html>)

Пермский риф

(http://evolution.powernet.ru/history/Life_06/003.jpg)

реки (Волга, Унжа, Ветлуга, Вига, Межа, Вохма и др.) или человек вскрывают пласты, относящиеся к юрскому периоду. Особенно много «чёртовых пальцев» на берегах реки Унжи, размеры их колеблются от нескольких сантиметров до полуметра в длину, но изредка попадаются экземпляры длиной до 80 сантиметров. Достаточно часто встречаются раковины аммонитов, их легко отличить от раковин других моллюсков по спирально закрученной раковине. Обитали аммониты на глубине до 500 метров, питались мелкими беспозвоночными и планктоном. Раковины некоторых аммонитов, встречающиеся в нашей области, по размеру превосходят колесо легкового автомобиля.

В конце юрского периода (150 - 140 миллионов лет назад) море отступило на юг и наш край заселила наземная флора и фауна.

Меловой период

Раннемеловой ландшафт

(<http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/075/344.htm>)

Меловой период начался 135 - 130 миллионов лет назад и длился примерно 70 миллионов. Начало периода ознаменовалось отступлением моря, которое в середине мела (около 100 миллионов лет тому назад) вновь затопило Костромской край примерно на 10 - 20 миллионов лет. Климат на территории области и в «морской» период, и в период «суши» (в течение 40 - 50 миллионов лет мелового периода) относился то к тёплому субтропическому, то к более прохладному умеренному, серьёзное похолодание началось только в завершающей части периода.

Судить о характере климата нам позволяет палинологические (палинология – наука о пыльце растений) исследования, проводившиеся на территории нашей области в 60-е годы XX века. Для начала и середины мелового периода характерна субтропическая растительность, она представлена в основном двумя отделами: хвойные (Pinopsida) и папоротниковидные (Polypodiophita). Среди хвойных имеются виды хорошо знакомых нам родов ели (Picea) и сосны (Pinus), правда, представленные более теплолюбивыми видами; кроме них, произрастали деревья рода араукария (Araucaria), в настоящий момент сохранившегося в Южной Америке. Достаточно широко распространены гинкговые, которые уже на протяжении двух эпох (палеозоя и мезозоя) произрастали

на территории нашего края. Очень многочисленны и разнообразны папоротники мела: это растения семейства уховниковые (*Ophioglossumaceae*) — в наше время преимущественно тропические растения с вильчатыми листьями длиной до четырёх метров (на территории нашей области произрастает один редкий вид из рода *Ophioglossum*); семейство осмундовые (*Osmundaceae*) — в настоящее время на Кавказе и в Приморье произрастают три вида этого семейства (листья некоторых достигают длины трёх метров), в меловом периоде много древовидных форм этих растений. Кроме перечисленных, была обнаружена пыльца семейств папоротникообразных: *Mtonia*, *Coniopteris*, *Hausmania*, *Plebopteris*, *Gleichenia* и др. Во второй половине периода климат стал менее влажным и целый ряд семейств папоротников вымирает. Изменение климата привело к появлению мезофитных (менее требовательных к влаге) растений. В верхнем мелу на территории нашего края, вероятнее всего, могли появиться цветковые растения, которые в настоящее время господствуют во всех климатических поясах, однако точных данных, говорящих о появлении цветковых в нашем крае, нет.

Интересен тот факт, что в нашей области практически не обнаружены останки представителей меловой фауны, в первую очередь, древних пресмыкающихся (гигантских ящеров) и млекопитающих. Палеоботаники Н.А. Добруцкая и В.В. Филиппова, в начале 60-х годов XX века исследовавшие пробы почв из скважин, взятых в восточной части области, отмечают: «Разрез здесь почти нацело представлен фаунистически немymi отложениями, чрезвычайно однообразными по составу, что затрудняет выделение и прослеживание в них пачек и слоёв по литологическим признакам»²⁸. Однако тёплый климат и обилие растительности в тот период создавали все условия для существования разнообразной фауны. Климатические условия Костромского края того времени были схожи с климатом тогдашних Средней Азии, Кавказа и Дальнего Востока, на территории которых находят обильные останки различных рептилий (бронтозавры, стего-

²⁸ Добруцкая Н.А., Филиппова В.В. Указ. соч., с. 102.

ивры, птеранодоны и др.). Следовательно, если климат и растительность этих районов в конце мезозоя были схожими, то можно сделать уверенное предположение о том, что выше-названные наземные ящеры после отступления мелового моря, скорее всего, обитали и в нашем крае.

Фауна мелового периода преимущественно представлена пресмыкающимися (Reptilia). Рептилии начала мелового периода господствуют на суше, в воде и воздухе. Так как в Костромской об-

*Рептилии мелового периода.
Позднемеловой эласмозавр, хищный
тилозавр и летающие ящеры
птеранодоны, размах крыльев
которых достигал 8 м*

(<http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/pictures/001/291596528.jpg>)

ласти останков, достоверно подтверждающих наличие наземных ящеров и других рептилий, обнаружено очень мало, то можно предполагать об обитании тех или иных видов только исходя из схожих климатических условий других районов Евразии. Первая причина, по которой мы не располагаем доказательствами обитания в нашем крае крупных рептилий, состоит в том, что научных палеозоологических экспедиций на территории нашей области практически не проводилось и все данные о живых организмах получены побочно, в результате геологоразведочных работ. Вторая причина заключается в сложности исследований, т.к. подавляющая часть юрс-

ких и меловых слоёв находится на глубине от 20 до 100 метров и лишь в редких местах (например, вблизи с. Исупова Сусанинского района) лежат близко от поверхности. Однако, основываясь на данных, полученных в других регионах, можно с большой долей уверенности говорить об обитавших у нас в меловом периоде крупных наземных и водных рептилиях.

К числу самых известных рептилий того времени относятся динозавры, которых принято делить на два

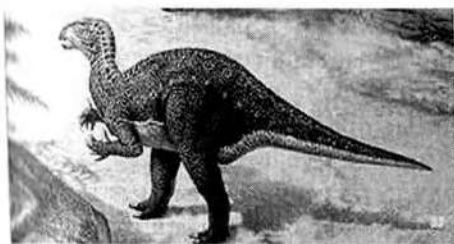

Стегозавр

(<http://kikg.ifmo.ru/learning/gopr/kursovik/2005/3741/dino/stegozavr.html>)

больших отряда: ящеротазовые и птицетазовые. В числе последних в нашем крае мог обитать стегозавр – растительноядный ящер, достигавший 9 метров в длину, знаменитый своими костными пластинами на спине и хвосте. Могли обитать игуанодоны – рептилии до 12 метров в длину, передвигавшиеся на задних конечностях, питавшиеся

растительной пищей. В завершающий этап господства рептилий из растительноядных динозавров в нашем крае, вероятнее всего, могли обитать повсеместно распространённые трицератопсы – ящеры, передвигавшиеся на четырёх конечностях, имевшие длину до 9 метров и вес около 5 тонн, знаменитые своим костяным воротником, закрывавшим шею, и тремя рогами (один на носу и два над глазами). Ящеротазовые, вероятнее всего, могли быть представлены следующими родами: тарбозавры – хищные динозавры, достигавшие 6 - 7 метров в высоту, с крупным черепом и одним рядом острых зубов, передвигавшиеся на мощных задних конечностях (передние конечности были маленькими и выполняли вспомогательные функции); прозауроподы – растительноядные и всеядные динозавры, с удлинённой шеей и небольшой головой, длиной от 1 до 7 метров. Вероятнее всего, у нас обитали и летающие ящеры – птерозавры, в частности, широко распространённые птеродактили. Передние конечности у летающих ящеров в процессе эволюции пре-

Игуанодон

(<http://www.apus.ru/site.xp/049052056055124055050052056124.html>)

Трицератопс

(<http://dyno.nm.ru/16.html>)

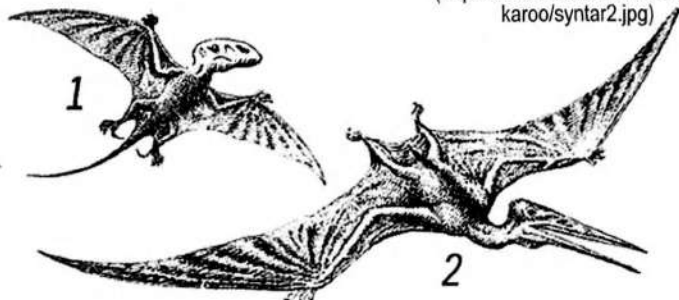
Тарбозавр

(<http://dyno.nm.ru/10.html>)

Прозауропод

(<http://www.ru.ac.za/affiliates/am/karoo/syntar2.jpg>)

Летающие ящеры:

1 – диморфодон из рамфоринхов, ранняя юра, Великобритания;
2 – никтозавр из птеродактилей, поздний мел, Сев. Америка

(<http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/069/919.htm>)

вратились в крылья, достигавшие в размахе от 10 сантиметров (рамфоринх) до 12 метров (птеранодон). В меловом периоде получают все большее распространение появившиеся в юре птицы; правда, многие из них, покрытые редкими перьями и с зубастой пастью вместо клюва, очень мало походили на современных птиц. Млекопитающие в мелу представлены четырьмя отрядами, но все их представители имели общие черты: внешне очень похожи на крысу, от 10 до 30 сантиметров в длину.

Море, которое часть мелового периода покрывало Костромской край, являлось достаточно мелководным. Оно соединяло акваторию морей, располагавшихся на месте современного Северного Ледовитого океана, и акваторию нынешних Каспийского, Чёрного и Азовского морей. В море господствовали головоногие и плеченогие моллюски, существенно увеличилось число видов костистых рыб, появившихся в начале периода.

В конце мела (около 75 миллионов лет тому назад) изменившиеся условия окружающей среды (по мнению одних — похолодание, по мнению других — глобальное потепление) привели к полному исчезновению всех динозавров, части млекопитающих и моллюсков. Кардинальным образом изменился состав растительности: господствующие в мезозое голосемянные уступили место более приспособленным покрытосемянным. Причины, по которым произошло столь сильное изменение климата, неизвестны. Подобные изменения в истории нашей планеты происходили много раз, и на этот счёт существует большое количество гипотез. Согласно одной из них, Земля изменила угол наклона по отношению к Солнцу, что привело к смене климатических зон и глобальной смене флоры и фауны. Согласно другой гипотезе, климат на планете изменился в результате падения астероида в центральной Америке.

Палеоген

Палеогеновый период начался примерно 60 - 65 миллионов лет назад и продолжался около 40 миллионов лет. Сложность в получении данных по этому периоду состоит в том, что на территории области пласты, относящиеся к этому времени, практически полностью отсутствуют: на пластах мелового периода сразу же лежат пласты четвертичного периода.

В палеогеновый период произошло несколько сильных трансгрессий, однако нельзя точно сказать, доходило ли море до нашего края. Геолог В.М. Сеницын отмечает, что берег моря располагался на территории современной Нижегородской области²⁹. Костромской край в то время, по всей видимости, представлял собой холмистую равнину. Тогдашний климат значительно отличался от современного, т.к. территория нашего края находилась в зоне тёплого тропического климата. Вероятнее всего, он был сходен с современным средиземноморским и мог напоминать климат нынешней Италии. В.М. Сеницын предполагает, что в период палеогена в средней полосе России в самое холодное время года температура редко опускалась ниже +10 градусов по Цельсию (сейчас средние температуры января, примерно, - 12 градусов). Летние температуры в среднем колебались от + 25 до + 30. В год выпадало до 1000 мм осадков (в наше время в среднем по области 500 - 600 мм)³⁰.

В палеоцене (первая эпоха палеогенового периода, 60 - 50 миллионов лет назад) флора Костромского края напоминала растительность некоторых современных средиземноморских островов (например, Сардинии, Сицилии), с той лишь разницей, что наша растительность не испытывала недостатка во влаге. В.М. Сеницын характеризует тогдашнюю флору средней России так: «В средней полосе европейской части СССР <...> растительность палеоцена и эоцена была несколько менее ксерофильной. В ней ведущая роль также принадлежала пальмам,

²⁹ Сеницын В.М. Древние климаты Евразии. Ч. 1. Палеоген и неоген. М., 1965, с. 9.

³⁰ Там же, с. 45.

мириковым, миртовым, лаврам, падубам и другим вечнозеленым растениям, хотя значение субтропических хвойных (южные сосны, секвойи, кипарисовые) и широколиственных пород (дубы, каштаны, гикори) относительно более южных районов было заметнее»³¹. В олигоцене, третьей эпохе палеогена (56 - 44 миллионов лет назад), происходит небольшое похолодание и уменьшение содержания влаги, что отозвалось на растительности (однако климат всё равно был значительно мягче, чем сейчас). В.М. Сеницын пишет, что северная часть центральной России «была покрыта хвойно-широколиственными лесами и сосновыми борами. В хвойно-широколиственных лесах хвойные были представлены больше соснами и меньше таксодиевыми, а лиственные дубово-каштаново-буковыми и орехо-гикориевыми ассоциациями. В лесах Северной Европы сережкоцветные были особенно многочисленны, причём количество их неуклонно возрастает к концу эпохи. Вечнозелёные реликты в этих лесах сохранялись в течение всего олигоцене»³².

Ландшафт эоцена

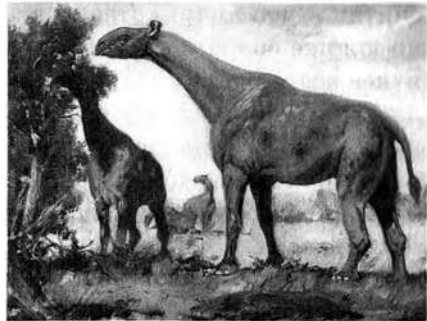
([http://sputnik.mto.ru/Kultura/www.dinos.ru/
www.dinos.ru/image/eocen.jpg](http://sputnik.mto.ru/Kultura/www.dinos.ru/www.dinos.ru/image/eocen.jpg))

³¹ Сеницын В.М. Указ. соч., с.47.

³² Там же, с. 55.

Бронтотерий
(<http://dyno.nm.ru/07.html>)

Индрикотерий
(<http://kikg.ifmo.ru/learning/gopr/kursovik/2005/3741/dino/indrikotery0.html>)

территории нашей области господствовала так называемая бронтотериевая фауна. Такое название она получила из-за широко распространённых животных того времени – бронтотериев. Бронтотерии относились к отряду непарнокопытных (как и современные лошади, носороги) и могли достигать величины слона. По строению их зубного аппарата исследователями был сделан вывод, что бронтотерии питались мягкой и сочной болотной растительностью. Вероятно, они (как и современные бегемоты) достаточно длительное время могли проводить в воде.

Кроме них, достаточно широко распространены были аминодонты – животные величиной с носорога, питавшиеся околотовной растительностью, и антракотерии – млекопитающие размером от кабана до носорога, предки бегемотов, которые вели полуводный образ жизни. В верхнем олигоцене бронтотериевую фауну сменила индрикотериевая фауна, названная так по самому крупному сухопутному млекопитающему того времени – индрикотерию. Этот зверь, массой до 25 тонн и высотой до 6 метров, являлся предком современных носорогов и обитал практически по всей Евразии. Индрикотерии питались растительной пищей и жили небольшими группами по 5 - 8 особей. Самки индрикотериев рождали одного детёныша, которого вынашивали, предположительно, 18 месяцев. Естественных врагов, благодаря своему размеру, они практически не имели. Некоторые исследователи

считают, что индрикотериевая фауна обитала значительно южнее современной Костромской области, но, вероятнее всего, что в отдельные временные промежутки палеогена индрикотерии водились на территории нашего края. В конце палеогенового периода (30 - 25 миллионов лет назад) появляются первые человекообразные обезьяны, обитавшие, судя по всему, и на территории Костромской области.

В период палеогена в речных долинах и болотистой местности Русской равнины, в том числе и в нашем крае, повсеместно обитали черепахи и крокодилы — представители рептилий, которым посчастливилось пережить глобальное изменение климата в меловом периоде.

Млекопитающие палеогена были достаточно медлительны и неповоротливы, со странными выростами на черепе и, как правило, с относительно небольшим объёмом мозга. Во второй половине палеогена появляются предки современных собачьих и кошачьих. Хищники того времени выглядят так же причудливо, как и травоядные; один из самых крупных — эндрусархус, зверь весом до одной тонны, его голова напоминала волчью, телосложение медведя, а на концах лап находились копыта. Предположительно эндрусархус вёл ночной образ жизни. В конце палеогена самым обычным хищником являлся амфицелон, который внешним видом напоминал современных волков, но, в отличие от них, был несколько крупнее и имел более примитивный головной мозг.

В конце палеогена климат стал более холодным и сухим, что привело к постепенной смене флоры и фауны на территории нашего края.

Неоген

В неоген, второй период кайнозоя (25 - 2 миллиона лет назад) произошло глобальное изменение очертаний и размеров морских бассейнов. Из-за общего похолодания (в начале периода происходит полное оледенение Антарктиды) уровень мирового океана значительно понизился. Однако, несмотря на похолодание, в Европейской части России климат был достаточно благоприятным: средние температуры холодного времени года колебались в пределах + 4 - 6 градусов по Цельсию, в теплое - от + 20 до + 25 градусов.

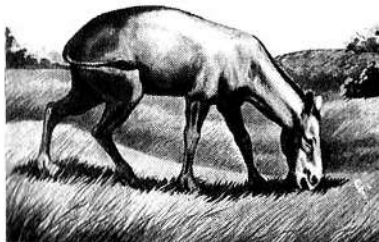
В конце плиоцена (последняя эпоха неогена) климатическая зональность напоминала современную, хотя границы были несколько иными; появилась зоны тундры и тайги, правда, южная граница тундры проходила значительно севернее, чем сейчас.

Растительность неогенового периода, особенно миоцена (первая эпоха неогена, начавшаяся примерно 25 миллионов лет назад), на севере центральной части России уже напоминала современную. В Костромском крае 15 - 17 миллионов лет назад полностью преобладала хвойная растительность. В это время, скорее всего, произрастали различные виды сосны, ели, достаточно широко была представлена лиственница, вероятно, могла произрастать и метасеквойя - хвойное дерево до 50 метров в высоту, жившее до 1500 лет. Однако в миоцене ещё сильное распространение имели широколиственные деревья: клён, дуб, вяз. В растительных сообществах плиоцена могли ещё сохраняться тропические растения, в частности, мирт, кизил, падуб. «В лесах северной зоны повышается содержание бореальных хвойных: ели, пихты, тсуги; широколиственные породы становятся менее разнообразными, однако в них, как показали новейшие данные В.И. Белкина (1963), ещё сохранялись реликты теплолюбивой флоры - ореховые, таксодиевые <...>. В южной провинции основной формацией становятся широколиственно-сосновые леса, также почти лишённые вечнозелёных растений; роль таксодиума в них резко падает»³³.

³³ Синицын В.М. Указ. соч., с. 56.

В плиоценовой эпохе (25 - 12 миллионов лет назад) растительность северной части Костромского края напоминала современную тайгу Приамурья: «На территории северной и отчасти средней части Русской равнины произрастали темнохвойные леса. <...> Растительные сообщества в начале эпохи были намного богаче современной европейско-сибирской тайги и даже мало походили на неё, но уже многим напоминали тайгу Северо-Западной Америки или нижнего течения Амура. В состав «таёжных» лесов входила ель, пихта, сосна, тсуга, лиственница, клён, липа, ясень, шелковица, берёза, ольха и др.»³⁴. Однако ещё достаточно широко были распространены широколиственные леса, которые в плиоцене, вероятно, занимали южную часть нашего края, где основными растительными видами, скорее всего, являлись дуб, граб и вяз.

В конце палеогена – начале неогена эволюция животных повсеместно шла в направлении приспособления к быстрому бегу. Этому способствовали огромные степные пространства Евразии. В результате постепенной смены климата индрикотериевая фауна уступает место анхитериевой. Своё название она получила по небольшому животному, обитавшему в тёплых широколиственных лесах – анхитерию, предку лошадей. Эти животные могли обитать и на территории нашего края; на лошадь анхитерий был совсем непохож – небольшого роста, покрытый достаточно длинной шерстью, с когтями вместо копыт. В конце миоцена (около 9 - 8 миллионов лет назад) анхитериевая фауна постепенно уступила место гиппарионовой фауне. Характерным для этой фауны ви-

Гиппарион

(<http://school283.narod.ru/Smirnova/Proishogdenie.htm>)

дом был гиппарион – небольшая трёхпалая лошадь, высотой до 120 сантиметров. Зубы гиппариона покрыты толстым слоем прочной эмали, что говорит о том, что он питался достаточно грубой растительной пищей. В плиоцене существовало несколько видов гиппариона;

³⁴ Синуцын В.М. Указ. соч., с. 69.

В нашем крае, вероятнее всего, обитал *Hipparion primigenium*, приспособленный к жизни в лесной зоне; ноги этого вида могли сгибаться под более острым углом, что позволяло ему передвигаться по высокотравью и кочковатым болотам. В среднем плиоцене появляются олени, быки, различные виды которых, вероятнее всего, могли обитать и в нашем крае. Хищники были представлены волками, предки которых появились ещё в эоцене. Волки второй половины плиоцена по внешнему виду уже практически не отличимы от современных. Из крупных хищников в нашем крае предположительно мог обитать саблезубый тигр

(*Machairodus*), который по строению тела напоминал современного тигра, но был несколько крупнее, имел более короткий хвост и характерные для него длинные выступающиеся клыки (до 15 - 20 сантиметров длиной). Саблезубый

Саблезубый тигр

(<http://kolegov1.narod.ru/7/5/8/2.htm>)

тигр охотился на обитающих в то время различных крупных животных, например, на широко распространённых различных видов носорогов.

В конце неогена (примерно 2 миллиона лет назад) климат постепенно становился всё холоднее, что вызвало постепенное изменение флоры и фауны. Следующий период стал одним из самых суровых в истории нашей планеты.

Четвертичный (антропогенный)

Четвертичный период кайнозойской эры начался около двух миллионов лет назад и продолжается до сих пор. В начале антропогенного периода (в плейстоцене) продолжает изменяться климат, на земле наступает уже третье, за её историю, глобальное оледенение. (Всего за всю историю Земли различными учёными выделяется три очень сильных похолодания: первое — в венде, 540 миллионов лет назад, второе — в пермском периоде, третье — в антропогене.) Хотя четвертичный период является наиболее изученным, всё же остается ещё очень много вопросов о времени и характере оледенения. Под оледенением понимают совокупность длительно существующих ледников, распространение ледников на земной поверхности. В Костромской области находится много горных пород, которые образовались вне территории нашего края и были перенесены сюда ледником. Вместе с горными породами ледник принес к нам некоторые металлы, в частности, железо, медь, а также золото, которое встречается в незначительном количестве на северо-востоке области (Боговаровский и Вохомский районы).

Существует много теорий о возникновении ледников; одной из наиболее популярных сейчас является теория, по которой оледенение началось в конце неогена - начале антропогена (примерно 3 миллиона лет назад) из-за изменения оси наклона планеты по отношению к Солнцу.

Территория, которую занимает Костромская область, в четвертичном периоде подвергалась четырём масштабным оледенениям. Первое из них — так называемое Окское оледенение — началось предположительно 600 тысяч лет назад (в плейстоцене). Ледник двигался со стороны Скандинавии вплоть до реки Оки. Точных данных о том, полностью ли покрывал Окский ледник территорию области или только западную ее часть, нет; сложность в выяснении этого состоит в том, что поздние ледники уничтожали следы более раннего оледенения, но, вероятнее всего, ледник полностью занимал весь край. Все ледники, покрывающие наш край в прошлом, относятся к так называемым равнинным лед-

никам. Если проводить аналогию с современными равнинными ледниками, покрывающими большую часть Антарктиды и часть Гренландии, то можно предположить, что мощность Окского ледника на территории области могла достигать 200 - 300 метров. Двигался ледник так называемыми языками со скоростью примерно 100 метров в год, движение осуществлялось под действием силы тяжести (верхние пласты давили на нижние, и ледник захватывал новые территории). Образовывался ледник из снега, который выпадал в холодное время года и за короткое, холодное лето не успевал растаять; через некоторое время снег спрессовывался и образовывал плотную ледяную массу.

Периоды наступления ледников сменялись временем, когда они отступали, что было вызвано временным потеплением климата; процесс отступления ледника мог занимать десятки, а то и сотни лет. «В летние сезоны, особенно эпох потеплений – межледниковий, с поверхности и вдоль окраин ледников сбегали бурные потоки. Они несли массу взмученного материала, смытого с ледника, отлагая его в приледниковых разливах, образуя мощные гряды щебня, песка и ила. Эти гряды называются флювиогляциальными, т.е. рождёнными ручьями ледников. Приледниковые разливы бывали весьма обширны и из застойных озёр превращались иногда в широкие потоки. Такие разливы прорывались в смежные ложбины и верховья рек южного направления, образуя катастрофические наводнения»³⁵. После Окского оледенения наступил продолжительный период межледниковья (предположительно он длился около 100 тысяч лет). Сложно сказать, какой облик имел наш край в этот период, вероятнее всего, тогда он походил на современную лесотундру с её поросшими травянистой растительностью равнинами и редкими островками леса.

Второе оледенение, начавшееся примерно 400 тысяч лет назад, покрыло Русскую равнину вплоть до Днепра, поэтому и получило название Днепровского. Во время этого оледенения Костромской край, скорее всего, выг-

³⁵ Верещагин Н.К. Почему вымерли мамонты. Л., 1979, с. 12 (далее – Верещагин Н.К. Указ. соч.).

ландол «бесконечной ледяной пустыней. На сотни, тысячи километров тянулось заснеженное пространство, где негде отдохнуть глазу. Ни дерева, ни кустика, ни скалы, ни единого живого существа... Только неровная, белая поверхность и неясный расплывчатый горизонт»³⁶. Особенно много отложений Днепровского ледника сохранилось в Мантуровском, Межевском, Поназыревском и Шарьинском районах, где преобладают суглинки и глины с гравием, образовавшиеся после того, как ледник растаял, освободив грунт, который принёс с собой.

Следующим оледенением, начавшимся около 200 тысяч лет назад, стало Московское — названное так по южной границе, проходившей по территории Московской области. Московский ледник покрывал только западную часть нашего края (от Нерехтского до Макарьевского района на юге и Кологривского на севере). «Медленно двигаясь по склонам и равнинам из очагов зарождения, ледник производил колоссальную работу, перетаскивая огромные массы рыхлого грунта и окатанных камней-валунов. Эти массы терригенного материала, отложенные ледниками, принято называть моренами»³⁷. Мощность моренных отложений Московского ледника в некоторых местах Сусанинского и Судиславского районов достигает восьми метров.

Вслед за межледниковым периодом наступил очередной ледниковый цикл. Время его наступления различные исследователи оценивают по-разному, но в основном называют цифру от 50 до 30 тысяч лет назад. Этот ледник получил название Валдайского, по южной границе его распространения — Валдайской возвышенности. Формирование современного облика нашей области произошло именно под воздействием Валдайского оледенения. Примерно 12 тысяч лет назад началось таяние ледника, продолжавшееся, вероятно, одну - две тысячи лет. В это время возникают главные водоёмы нашей области — Галичское и Чухломское озёра: «Заметное потепление климата, связанное с освобождением понижений ото льда, датируется около 7500 лет до нашей эры. Именно на этот период приходится образование озёр типа

³⁶ Лесенко В.К. Псковские озера. Л., 1988, с. 8.

³⁷ Верещагин Н.К. Указ. соч., с. 12.

Галичского и Чухломского. Следовательно, возраст Галичского озера примерно 9500 лет³⁸. Из потоков воды таявшего ледника постепенно возникли реки Волга, Кострома, Унжа, Ветлуга, Нея и другие. Первые две тысячи лет после ухода Валдайского ледника, скорее всего, полностью были затоплены водой Костромская низина (современная территория Костромского водохранилища, но уровень воды был выше современного, как минимум, на 4 - 5 метров), а также вся южная часть Макарьевского района. Многочисленные водоёмы со временем заболачивались, появлялись болота, в которых в настоящее время добывают торф.

Растительность четвертичного периода, покрывавшая территорию Костромской области за последние два миллиона лет, сильно менялась – от видов, представленных в тундровой зоне (карликовая берёза, ольха, различные виды осок), до видов зоны широколиственных лесов (дуб, граб, клён, липа). События четвертичной эпохи на территории северной Европы (чередование ледниковых и межледниковых фаз и многократные климатические перемены послеледникового времени) явились важнейшим фактором, определившим условия формирования растительного покрова в Костромском крае. В связи с резким похолоданием, наступившим в начале антропогенного периода, теплолюбивые растения третичного периода были вынуждены отступать к югу. Лишь в некоторых местах, в пределах ледниковой зоны, где отсутствовал ледяной покров, могли оставаться отдельные островки третичной растительности (рефугиумы). Анализ пыльцы, получаемый при бурении почвы, показал, что на территории области в период между Днепровским и Московским оледенениями произрастали: европейская и сибирская ели, обыкновенная сосна, бородавчатая берёза, из широколиственных преобладали граб и сердцелистная липа. В период между Московским и Валдайским оледенениями можно выделить несколько фаз, во время которых господствовали определённые древесные виды. Первая фаза характеризуется господством еловых лесов (ель европейская и ель сибирская, а также многочисленные переходные, гибрид-

³⁸ Крылов Д. Ещё об озере // Галичский край. Галич, 1995, с. 73.

ные формы между ними). Во 2-ю фазу происходит некоторое потепление климата, которое вызвало смену растительного покрова. На смену хвойным породам пришли широколиственные виды: дуб черешчатый, ольха серая, вяз шершавый и гладкий, клен ясенелистный, липа сердцелистная. 3-я фаза характеризуется более влажным климатом, с чем связано вытеснение дубовых и вязовых рощ ельниками. В 4-ю фазу, в связи с похолоданием климата, преобладают елово-сосновые леса с незначительным количеством липы. 5-я фаза — происходит дальнейшее похолодание, поэтому полностью исчезает с территории области дуб и вяз. 6-я фаза — предледниковая, когда господствуют берёза и сосна.

Растительный покров, который имеется на территории области в настоящее время, сформировался после Валдайского оледенения. Однако климат края примерно две тысячи лет назад был, вероятнее всего, теплее, чем сейчас. Об этом свидетельствуют остатки пыльцы граба, дуба и клёна, найденные в четвертичных отложениях по всей области*.

Достаточно часто на территории большей части области в шурфах встречается пыльца лиственницы, это говорит о том, что раньше данный вид занимал значительную часть в составе лесов нашего края. В настоящее время лиственница в естественных условиях произрастает только на территории Макарьевского, Парфеньевского и Межевского районов.

В настоящее время на территории нашей области произрастают виды, обитавшие во времена более холодного климата; к ним можно отнести морошку, княженику, некоторые виды осок. Сейчас ареал распространения этих растений находится гораздо севернее нашего края, однако

* На рубеже XVI - XVII веков произошло очередное похолодание климата, вызвавшее отступление широколиственных лесов дальше на юг, а на смену им пришли виды, характерные для таёжной зоны (сибирская ель, лиственница, обыкновенная сосна). В конце XVIII - начале XIX веков началось очередное потепление, о чём свидетельствуют вновь появившиеся виды широколиственных деревьев, в частности — дубовые рощи, которые до настоящего времени находятся в нижнем течении реки Костромы (здесь преобладают молодые генеративные растения, максимальный возраст дубов не превышает 200 лет).

в некоторых местах Костромской области их можно встретить; так, морошка произрастает на территории Костромского, Макарьевского, а княженика встречается в Мантуровском и Павинском районах. Кроме северных видов, в Костромской области имеются участки, на которых произрастают виды, характерные для более тёплых зон — рефугиумы. Такие островки теплолюбивой растительности можно найти в пойме реки Унжи (как правило, на левом берегу реки — в Мантуровском и Макарьевском районах).

Животный мир нашего края в четвертичный период был несравненно более разнообразным, чем современный. Большинство нынешних животных обитали у нас и в начале четвертичного периода (кроме таких видов, как заяц-русак, кабан, рысь; хотя эти звери, скорее всего, могли заходить к нам в периоды относительного потепления в межледниковье). Самым известным представителем животного мира, обитавшим в нашем крае в четвертичном периоде, конечно, является мамонт.

В ледниковый период «северные слоны» — мамонты — водились на всей территории Костромского края.

Рис. К.К. Флёрова.

(Все рисунки К.К. Флёрова воспроизводятся по изданию: По страницам истории животного мира. Художник-палеонтолог К.К. Флёров. 16 открыток. М.: Изобразительное искусство, 1989.)

Мамонт (*Mammontheus primigenius*) был самым крупным представителем млекопитающих, которые обитали на территории современной области в четвертичном периоде (а скорее всего, и всей кайнозойской эры). Мамонт произошёл от огромных слонов, весивших до десяти тонн и обитавших около двух миллионов лет назад в южной Европе и северной Африке. После похолодания климата их сменил более мелкий слон — трогонтерий, обитавший в умеренном климате, от которого и появился ранний мамонт. Крупнейший отечественный специалист по мамонтам и мамонтовой фауне Н.К. Верещагин пишет: «Волосатый гигант был внушительен — его рост в холке доходил до 3,5 м, вес — до 6 т. Крупная голова с волосатым хоботом, огромными загнутыми вверх и внутрь бивнями, с небольшими обросшими густым волосом ушами сидела на короткой шее. При длинных остистых отростках грудных позвонков заметно выдавалась холка. <...> Хвост был короткий, густо обросший жесткими волосами. Мамонты были тепло одеты, особенно зимой. С лопаток, боков, бедер, брюха свисали почти до земли жесткие остевые волосы подвеса — своеобразной «юбки» метровой длины и более. <...> Судя по частично выцветшим волосам, собранным в разных местах из грунта и с кожи, основной тон окраски был желтовато-бурый и светло-коричневый. На холке и хвосте, а также местами на верхней части ног преобладали космы чёрных волос»³⁹. Самцы и самки имели бивни: «Наиболее крупные бивни самцов достигают длины 400 - 450 см, при диаметре у выхода из альвеолы в 18 - 19 см. Вес такого бивня достигает до 100 - 110 кг, но, по-видимому, были и более тяжёлые — до 120 кг»⁴⁰. Благодаря находкам на севере Сибири целых туш мамонтов, сохранившихся в условиях вечной мерзлоты, мы точно знаем, чем они питались: летом — молодыми побегами берёз, ив, рогозом, осокой, в зимнее время — ветвями берёзы, ивы, ольхи, а также хвоей елей. Вероятнее всего, мамонты вели образ жизни схожий с современными африканскими и индийскими слонами. Они обитали небольшими группами по 10 - 15 особей; старые самцы жили отдельно от стада и только в период гона могли присоеди-

³⁹ Верещагин Н.К. Указ. соч., с. 26.

⁴⁰ Там же, с. 28.

йтись к группе. Руководила стадом самая старая самка (матриарх). Скорее всего, мамонты, как и большинство северных животных, вели кочевой образ жизни: зимой они уходили на юг, а в летние месяцы возвращались на север (по всей видимости, на территории нашего края они могли обитать круглый год).

Многочисленные костные останки мамонтов (череп, бивни, кости скелета и их фрагменты) обнаружены на территории всех районов Костромской области, что свидетельствует о повсеместном распространении «северных слонов» и нашем крае. Иногда складывается впечатление, что при проведении глубоких земляных работ останки мамонтов можно найти почти в любом месте. Часть лопатки мамонта в конце XIX века нашли в Костроме при рытье канавы на Калиновской улице; примерно в это же время вода вымыла большую тазовую кость мамонта из берега р. Костромы в Андреевской (ныне — Трудовой) слободе вблизи Ипатьевского монастыря⁴¹. В начале XX века при строительстве железнодорожных мостов через реки почти всегда находили кости ископаемых животных, чаще всего — мамонтов. При опускании кессона при строительстве моста через р. Ветлугу около д. Безнег (в 1904 - 1905 гг.) рабочие обнаружили большую кость неизвестного животного, возможно, мамонта⁴². В Костроме при опускании кессона во время постройки моста через Волгу (в 1930 году) на глубине около шести метров были найдены кости мамонта, шерстистого носорога и северного оленя⁴³. В некоторых местах останки мамонта находятся в особенно большом количестве. Геолог А.К. Жирмунский в 1925 году отмечал: «Ледниковые флювиогляциальные отложения в бассейне р. Ветлуги чрезвычайно богаты останками мамонтов. Местные крестьяне находят их обычно в весеннее время в оврагах и в руслах мелких речек, впадающих в р. Ветлугу»⁴⁴. Чаще всего останки мамонтов (как и других животных ледниковой эпохи) находили и находят в обрывистых берегах рек. В 1910 году на территории современ-

⁴¹ Смирнов В. К вопросу о находках костей, с. 8; Бекаревич Н.М. Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд. Тверь, 1905, с. 12, 18.

⁴² Смирнов В. К вопросу о находках костей, с. 14.

⁴³ Там же, с. 8.

⁴⁴ Жирмунский А.М. Указ. соч., с. 37.

ного Вохомского района в крутом берегу речки Вочки (приток р. Межи) мальчишки из д. Соседково нашли большой бивень мамонта. Один из нашедших его позднее вспоминал: «Бивень мамонта мы нашли торчащим из берега на глубине десяти метров от верха обрыва берега. Конец бивня вымыло весенней водой, и он торчал из воды вместе с деревьями. Присмотревшись, мы отличили его от деревьев по необычному цвету и форме. О своей находке мы сообщили в деревню взрослым. Любознательный и начитанный крестьянин Д.И. Попов откопал бивень, и мы помогли ему принести бивень домой, в Соседково. Его ходила смотреть вся деревня, приходили и из других деревень. Бивень стоял у него в сенях вплоть до 1919 года, а потом его отвезли в открывшийся в Вохме краеведческий музей. Бивень был большой, в человеческий рост, около 160 - 170 сантиметров длиной»⁴⁵. Мамонты, если судить по обилию их останков в нашей стране, были очень распространены, и сложно определённо назвать причину их исчезновения, произошедшую 10 - 8 тысяч лет тому назад, скорее всего, она была вызвана целым комплексом неблагоприятных факторов. Одним из них, вероятно, стало увеличение толщины снежного покрова, который и в наше время губит многие виды (к примеру, каждую снежную зиму наблюдается массовая гибель кабанов). Вторым фактором исчезновения мамонтов, несомненно, явилась охота на них первобытных людей, о чём свидетельствуют многочисленные остатки костей этих животных на местах стоянок древних охотников. Полагают, что последние популяции мамонтов могли обитать на территории нашей страны ещё примерно пять тысяч лет назад.

Вместе с мамонтом на территории области обитал и целый ряд животных, вымерших примерно в одно с ним время. Прежде всего, это шерстистый носорог, своими размерами и строением тела очень походивший на современного белого носорога, обитающего в центральной и южной Африке. Шерстистый носорог весил до трёх тонн и в высоту достигал 150 - 170 сантиметров. «Это было мощное приземистое животное на коротких ногах, с большим загривком и относительно длинной головой»⁴⁶. Благодаря находкам на севере Сибири замороженных туш известно, что он имел очень длинную и густую шерсть

⁴⁵ Панфилов В.М. Вохомская земля. Кострома, 2004, с. 7.

⁴⁶ Верецагин Н.К. Указ. соч., с. 43.

*Шерстистые
носороги*

(<http://nauka.relis.ru/04/0001/FENIKS-9.GIF>)

серо-коричневой окраски. На верхней челюсти у него было два рога, причём передний мог достигать полутора-метровой длины. Шерстистый носорог питался травянистой растительностью и молодыми побегами кустарников. Останки шерстистых носорогов встречаются в нашем крае достаточно часто*.

Скорее всего, в нашем крае в одно время с мамонтами обитал и ширококорогий олень, весивший до 500 килограммов и имевший размах рогов до трёх метров. Останки этих животных находят в Ленинградской и Вологодс-

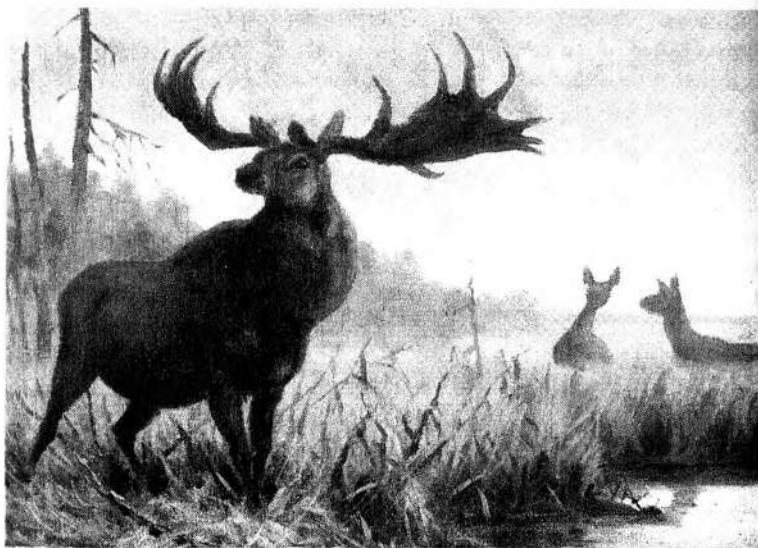
* В конце XIX века череп носорога был обнаружен на территории современного Шарьинского района возле д. Половинная⁴⁷; на р. Ноле (приток Вёксы Галичской) у д. Бочинок в Галичском уезде – череп и другие кости⁴⁸; в 1928 - 1930 гг. в песчаном карьере вблизи железнодорожной станции Рассолово в Галичском уезде на глубине пяти метров – кости⁴⁹; в Красносельском районе в конце 20-х гг. XX века в гравийном карьере в овраге «Батыга» на глубине шести метров – позвонок носорога⁵⁰ и т. д. Находки костей шерстистого носорога известны также на территории современных Ярославской, Ивановской и Вологодской областей.

⁴⁷ Смирнов В. Пункты нахождения костей, с. 87.

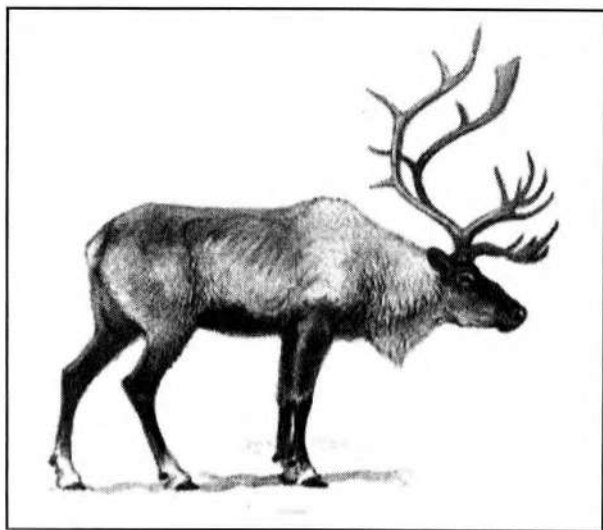
⁴⁸ Смирнов В. К вопросу о находках костей, с. 7.

⁴⁹ Там же, с. 6.

⁵⁰ Там же, с. 9.

*Большерогий (широкорогий) олень.
(рис. К.К. Флёрова).*

Северный олень
(http://www.inf.tsu.ru/tomsk/1_58.htm)

кой областях; возможно, именно его останки нашли в Нерехтском уезде в середине XIX века*.

К числу современников мамонта относится и северный олень. «Среди немногих уцелевших крупных видов мамонтовой группировки, — пишет Н.К. Верещагин, — северный олень замечателен своей экологической пластичностью и морфологическим постоянством. В его конституции оказались заложены такие черты, которые позволили ему пережить все передраги ледниковых и послеледниковых эпох»⁵². В нашем крае северные олени обитали с ледниковой эпохи и вплоть до 20-х гг. XX века** (в XX веке у нас обитала популяция лесной формы северного оленя). Вместе с останками других животных, обитавших в ледниковую эпоху, у нас нередко находили и кости северного оленя***.

До нашего времени в Костромском крае сохранилось лишь одно крупное животное, обитавшее одновременно с мамонтом, — это лось. Лоси появились в конце неогенового периода, примерно 2,5 миллиона лет назад, и заселили территорию современной области в один из периодов межледниковья. Обитал у нас и древний бык — тур. Известны находки их останков в современных Красносельском и Нерехтском районах****.

* «Близь с. Гзина, Ковалевской вол., на дне озера найдена голова первобытного оленя с рогами. Хранится в Московском университете»⁵¹.

** Еще в 1926 году зоолог А. Шуммер отмечал: «Северный олень изредка появляется по болотистым местам в северных уездах нашей губернии»⁵³.

*** В конце 20-х гг. XX века в Костромском районе в гравийном карьере у д. Коряково наряду с останками мамонта, носорога, лошади и гигантского оленя были найдены и кости северного оленя⁵⁴.

**** В конце XIX века возле д. Витязево (в бывшей Сидоровской волости, ныне территория Красносельского района) на берегу Волги была найдена «лобная часть с рогами первобытного быка»⁵⁵. В 1926 году на р. Нерехте, выше села Незнанова, местный житель нашёл «часть черепа с рогами, принадлежащую первобытному быку»⁵⁶.

⁵¹ Смирнов В. Пункты нахождения костей, с. 90.

⁵² Верещагин Н.К. Указ. соч., с. 51 - 52.

⁵³ Шуммер А. Мир животных // Прошлое и настоящее Костромского края. Кострома, 1926, с. 56.

⁵⁴ Смирнов В. К вопросу о находках костей, с. 10.

⁵⁵ Смирнов В. Пункты нахождения костей, с. 90.

⁵⁶ Смирнов В. К вопросу о находках костей, с. 10.

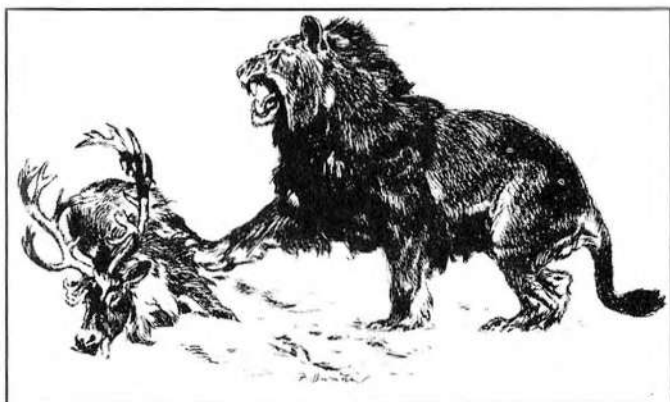
*Овцебыки.
Современное
фото.*

([http://
www.univer.omsk.su/
omsk/Sites/zveri/
photo/Yak1.jpg](http://www.univer.omsk.su/omsk/Sites/zveri/photo/Yak1.jpg))

Обычно туром называют быка, водившегося на юге Русской равнины; на территории Костромского края обитал его северный подвид, который мог отличаться окраской и длиной шерсти.

Во временной промежуток между Окским и Днепровским оледенением в нашем крае также обитал овцебык – животное действительно напоминающее «нечто среднее между овцой и быком. Крупная голова на толстой шее, коренастое туловище на коротких ногах с прочными небольшими копытами. Светлые рога с толстыми наплывами на лбу спускаются прочнейшими крючками с боков головы, напоминая рога африканского буйвола. Одевание овцебыка мощное, бурых и кофейных тонов, состоит из тончайшего извитого фиолетового подшёрстка высотой до 10 - 12 см и остевых волос длиной 20 см и более. По бокам и на брюхе оно свешивается длинной юбочной бахромой, закрывая предплечья и голени»⁵⁷. Кажется, единственная находка останков овцебыка случилась в 1951 году в Княгининском сельсовете Буйского района, на реке Корёге, когда во время строительства межколхозной гидроэлектростанции на глубине четырёх метров от поверхности земли строители выкопали немало костей давно вымерших

⁵⁷ Верещагин Н. К. Указ. соч., с. 61.

*Останки пещерного льва обнаружены
в Галичском районе.*

животных, в том числе и «хорошо сохранившуюся черепную коробку овцебыка»⁵⁸. В настоящее время овцебык обитает на крайнем севере — на полуострове Таймыр, на острове Врангеля, в Гренландии и в Канаде.

Разумеется, кроме травоядных животных обитали и те, кто на них охотился. Из крупных хищников, живших в то время, сейчас в Костромской области сохранились лишь бурый медведь, волк и рысь. Но в раннем антропогене в нашем крае обитали и более крупные хищники, например — пещерный лев, который мог достигать длины трёх метров и веса около трёхсот килограммов. Пещерный лев лишь очень отдаленно напоминал современного африканского льва и, вероятнее всего, как и современный амурский тигр, вёл одиночный образ жизни. Охотился, он, скорее всего, на оленей и быков, обитавших на территории нашего края. Останки пещерного льва были найдены в нашей области в 20-х годах XX века на территории современного Галичского района, в песчаном карьере, возле железнодорожной станции Россолово (останки льва определила научный сотрудник ленинградского Зоологического музея Академии Наук СССР В.И. Громова)⁵⁹.

⁵⁸ Находка на реке Корёге // Северная правда. 13.02.1952.

⁵⁹ Май А. В Костромской губернии когда-то жили львы // Северная правда. 11.09.1928; Смирнов В. К вопросу о находках костей, с. 6.

*Пещерный медведь
(рис. К.К. Флёрова)*

На территории области обитал и пещерный медведь. Н.К. Верещагин так пишет о нём: «Зверь был огромный, лохматый, с сильно выпуклым лбом, высоким передом и низко опущенным задом. Судя по черепам почти полу-метровой длины и размерам трубчатых костей, большие пещерные медведи достигали веса 800 - 900 кг»⁶⁰. Останки пещерного медведя были обнаружены в современном Шарьинском районе в конце XIX века*.

Пещерный медведь обитал в нашем крае, вероятнее всего, весь антропоген; последние представители данного вида исчезли, по-видимому, не позднее 8 - 7 тысяч лет назад. Судя по строению скелета, пещерный медведь мог достигать веса около 500 килограммов. Хотя этих животных относят к хищникам, но, изучив строение зубного аппарата, исследователи пришли к выводу, что пещерный медведь питался преимущественно растительной пищей, кроме того, из-за своего массивного телосложения он вряд ли мог активно охотиться.

* «В обрывистом берегу р. Ветлуги у с. Высокова, Благовещенской вол., в имении Поливановых <...> найдена <...> бедренная кость пещерного медведя»⁶¹.

⁶⁰ Верещагин Н.К. Указ. соч., с. 65.

⁶¹ Смирнов В. Пункты нахождения костей, с. 87.

В четвертичном периоде в нашем крае обитали многие виды птиц, которые в настоящее время или совсем не гнездятся в области, или бывают только на пролёте. Ещё в начале XX века на территории Костромской губернии гнездились гуменники, серые и белолобые гуси, а с середины XX века эти птицы бывают у нас только пролётом с зимовки (из стран западной и юго-западной Европы) к местам гнездования (Архангельская область, полуостров Ямал, Таймыр и т.д.). В то же время встречался в Костромском крае и лебедь-кликун, сейчас его иногда отмечают у нас на пролёте в конце апреля - начале мая. Очень редок стал ранее широко распространённый журавль серый, в настоящее время в нашей области отмечают единичные случаи его гнездования.

В реках Костромского края, образовавшихся после Валдайского оледенения, водились многие виды рыб — это и русский осётр, и стерлядь, и белуга (весом до 1,5 тонн), приходившие на нерест. Однако с середины 50-х годов XX века, в связи с постройкой Горьковской ГРЭС, практически все виды осетровых рыб (кроме стерляди, которая изредка ещё встречается) исчезли из наших рек.

Ещё один факт, который нельзя оставить без внимания, — это появление в Костромском крае древних людей. Вероятно, самые первые группы людей пришли на нашу территорию в один из периодов межледниковья (возможно, между Днепровским и Московским оледенением, 200 - 150 тысяч лет назад). В это время имелись все необходимые предпосылки для жизни людей, а именно — умеренный климат и обилие животных, на которых можно было охотиться. В 1926 году В.И. Смирнов предполагал: «Неизвестно, когда появился первый человек в Костромском крае. Возможно, что он жил здесь ещё в иной, нежели теперь, обстановке, с другим климатом, растениями и животным миром, следуя за мамонтом и другими животными, которые составляли его основную пищу во время древнекаменного периода (палеолита). Тогда человек только ещё овладел искусством грубо обрабатывать крупными отколами камень, делая себе из него ножи, наконечники копий, клинья, скребки и т. д. Останки мамонта и носорога обнаружены <...> но до сих

пор не найдено следов человека того же времени в виде стоянок с золой, с остатками костей, углями и грубо обработанными каменными орудиями»⁶². Это предположение разделяют и современные археологи. А.Е. Леонтьев пишет: «На территории современной Костромской области памятники палеолита не известны. Однако этот регион входит в так называемую Северо-Восточную зону, или провинцию Русской равнины, где по природно-климатическим условиям, сложившимся в верхнем палеолите после ресс-вюрмского оледенения, могло обитать палеолитическое население. Несколько памятников в разных регионах этой провинции получили широкую известность – Сунгирь около г. Владимира, Карачарово на р. Оке (г. Муром), Каповая пещера и стоянка Талицкого на Урале, Медвежья пещера и Бызовая стоянка на р. Печоре. Относительная близость Сунгирской стоянки позволяет предполагать, что левые притоки Верхней Волги тоже могли быть заселены уже в верхнем палеолите (примерно 25 - 15 тысяч лет назад). Судя по реконструкции природной среды, период максимума валдайского похолодания сопровождался образованием зоны перигляциальной лесостепи, распространявшейся по широкой дуге вдоль приледниковых тундр и собственно ледникового щита. В эту зону входила и территория Костромской области. В сложившихся условиях группы охотников-собирателей осваивали лесостепи, продвигаясь за стадами кочующих животных. Представление об охотничьей деятельности палеолитических охотников можно составить по фаунистическим остаткам в Сунгире, среди которых заяц-беляк, лемминг, волк, песец, россомаха, бурый медведь, пещерный лев, мамонт, лошадь, северный олень, сайга, бизон, птицы»⁶³. Таким образом, можно с немалой долей уверенности предположить, что на территории нашего края в верхнем палеолите обитали неандертальцы, мигрировавшие в межледниковье вслед за животными. Главной причиной, по которой на территории области до сих пор не обнаружены останки неандертальцев, является, конечно, действие

⁶² Смирнов В. Население Костромского края в прошлом и настоящем

// Прошлое и настоящее Костромского края. Кострома, 1926, с. 59.

⁶³ Археология Костромского края. Кострома, 1997, с. 26 - 27.

ледников, срезавших верхние пласты осадочных пород, уничтожая тем самым немногочисленные следы деятельности древних людей в эпоху палеолита. Вторая причина — это то, что значительная часть Костромской области ещё не достаточно исследована археологами. Как писал В.И. Смирнов: «Находка следов палеолитического человека, возможная в наших широтах <...> была бы очень крупной заслугой краеведения»⁶⁴.

Безусловные свидетельства жизни человека в нашем крае относятся к периоду мезолита. «Древнейшие известные на территории Костромской области археологические памятники, — пишет археолог К.И. Комаров, — относятся к эпохе мезолита (средний каменный век), которая на Русской равнине датируется 9-м - 1-й пол. 6-го тыс. до нашей эры, что в основном совпадает с бореальным климатическим периодом голоцена»⁶⁵. Древнейшие мезолитические стоянки людей известны в районе Костромской низины (Зарецкая часть современного Костромского района), в бассейне реки Костромы, на берегах Галичского и Чухломского озёр. Приход современных людей на территорию нашего края примерно совпадает со временем вымирания мамонтов в нашем крае и может быть одной из причин исчезновения их и других животных ледникового периода. Можно уверенно полагать, что первые люди на территории нашего края на протяжении хотя бы нескольких столетий существовали совместно с представителями мамонтовой фауны (мамонтом, шерстистым носорогом, гигантским оленем, овцебыком, пещерным медведем, пещерным львом и др.), являвшимися главными объектами их охоты. Возрастающая численность людей должна была обеспечиваться достаточным количеством дичи, на которую человек мог охотиться. Постепенно уничтожая животных в одной местности, человек продвигался всё дальше и дальше на север, занимая новые земли. Таким образом, можно с большой долей уверенности предполагать, что современный человек появился в Костромском крае вскоре после Валдайского оледенения, примерно 9 - 10 тысяч лет назад.

⁶⁴ Смирнов В. К вопросу о находках костей, с. 5.

⁶⁵ Археологическая карта России. Костромская область. М., 1999, с. 18.

Заключение

Мы кратко познакомились с естественной историей нашего края за последние четыреста миллионов лет. Необходимо отметить, что целые эпохи этого огромного временного периода остаются для нас полностью неизвестными. О многих событиях, происходивших на территории нашего края в далёком прошлом, мы знаем только в самых общих чертах. Изучая процессы, происходившие в глубокой древности, мы можем прогнозировать события, которые ожидают нас в будущем. Влияние человека на окружающую среду с каждым годом становится всё более сильным, и только знание закономерностей развития природы в прошлом может помочь человеку жить в новых условиях.

VII. НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

«Я родился в селе Матвееве...» *Архивные документы по истории рода Е.Е. Голубинского*

*Академик Е.Е. Голубинский
Фото нач. XX в. Из кн.: Жизнь и труды
академика Е.Е. Голубинского, М., 1998*

Публикуемая ниже подборка документов, подготовленная научным сотрудником Государственного архива Костромской области И.Х. Тлиф, посвящена истории рода одного из самых выдающихся уроженцев Костромского края, крупнейшего русского церковного историка — академика Евгения Евсигнеевича Голубинского (1834 - 1912). Е.Е. Голубинский родился 28 февраля 1834 г. в семье священнослужителя Евсигнея Фёдо-

ровича Пескова (1805 - 1885), бывшего тогда третьим священником церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Матвееве Кологривского уезда (ныне - Парфеньевского района). Перед поступлением в духовное училище отец дал Евгению в честь нашего земляка, профессора Московской духовной академии, протоиерея Ф.А. Голубинского (1797 - 1854), фамилию «Голубинский» (в то время в духовной среде бывало нередко, что у отца фамилия была одна, у сына - другая). В 1843 - 1848 гг. Е.Е. Голубинский обучался в Солигаличском духовном училище, в 1848 - 1854 гг. - в Костромской духовной семинарии. По окончании семинарии в 1854 г. он был послан на казенный счёт в Московскую духовную академию, которую окончил в 1858 г. В 1859 г. Е.Е. Голубинский получил учёную степень магистра богословия, а с 1861 г. стал преподавать в Московской духовной академии историю Русской Православной Церкви. С 1873 г. Е.Е. Голубинский начал работать над своим монументальным трудом «История Русской Церкви». В 1880 - 1881 гг. вышли его первая и вторая половина первого тома (за первую половину тома Совет Московской духовной академии присвоил ему в 1880 г. степень доктора богословия, а за весь первый том Академия наук удостоила Е.Е. Голубинского Уваровской премии), а в 1900 г. - первая книга второго тома «Истории Русской Церкви». В числе других важнейших трудов нашего земляка необходимо назвать книги «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» (Сергиев Посад, 1892) и «История канонизации святых в Русской Церкви» (Сергиев Посад, 1894). В 1903 г. Е.Е. Голубинский был избран членом Петербургской Академии наук. В последние годы жизни, вплоть до кончины 7 января 1912 г., Е.Е. Голубинский работал над своими «Воспоминаниями» (к сожалению, оставшимися незаконченными), в которых немало места уделено его детству и периоду обучения в Солигаличском духовном училище и Костромской духовной семинарии (впервые «Воспоминания» были опубликованы в 1923 г. в Костроме в XXX выпуске Трудов Костромского научного общества по изучению местного края). Многие из публикуемых ниже документов являются своеобразными документальными «иллюстрациями» к первым страницам «Воспоминаний» Е.Е. Голубинского.

*Рождественско-Богородицкий и Воскресенский храмы в селе Матвееве.
Фото нач. XX в. Из архива Л.В. Карпинской*

Ревизская сказка о священно-церковно-служителях
церкви Рождества Пресвятой Богородицы села Матвеева Кологривского уезда

Ноябрь 1815 года.

Подано декабря [4] 1815 года.

Ревизская сказка 1815-го Года Ноября дня Костромской епархин Кологривской округи ведомства Соли Галичского духовного правления трех клирной Рожественской церкви села Матвеева о священноцерковнослужителях и оных мужеска пола детей находящихся		Ревизская сказка <...> священноцерковно- служительских женах и детях их женска пола на лице ныне находя- щихся					
Семья	Мужеский пол	По послед- ней ревизии состоя- ло и после оной прибыло	Из того числа вы- было и когда имянно	Ныне на ли- це	Семья	Жен- ский пол	Каких ныне от роду лет

2.	<p>Священник Кирилл Диев ----- Зять его пономарь Косма Васильев ----- У пономаря Космы сын Алексей обучается в Со- ллигаллическом духовном училище - Иван -----</p>	<p>47 27 3</p> <p>рожден- ный по- сле ре- визии</p>	-	<p>51 31 7 2</p>	2.	<p>Священник Кирилла Диева жена Параскева Григорьева - - 53 Пономаря Кос- мы жена Матро- на Кириллова - 30 Дочери их Ульяна ----- 10 Анна ----- 6</p>
3.	<p>Днякон Федор Никитин ----- Сын его Евсигней обучается в Соллигаллическом уездном духов- ном училище - -----</p>	<p>33 5</p>	-	<p>37 9</p>	3.	<p>Днякона Федора жена Евдокея Иванова - - - - 36 Дочери их Евдокея - - - - 14 Дарья - - - - - 18</p>

ГАКО. Ф. 200, б/ш, д. 22, л. 623 об. - 625 об. Подлинник.

Примечания: № 2 - Кирилл Диев[ич] — второй священник Рождества-Богородицкого храма (первый священник - Василий Петрович, 78 лет) — прадед по материнской линии Е.Е. Голубинского. В 1795 году

Кирилл Диевич служил в Матвеев дьячком: его отец — прапрадед Е.Е. Голубинского — был дьяконом той же церкви; мать Параскева Савична (ок. 1743 - до 1815) в 1795 году — «вдова диаконица». Матрона Кирилловна и Косма Васильевич — бабушка и дед Е.Е. Голубинского.
 № 3 — Фёдор Никитин [Никитич] и Евдокея Иванов[на] — дед и бабушка Е.Е. Голубинского по линии отца. Учащийся Солигаличского духовного училища Евсигней — отец Е.Е. Голубинского.

**Из ведомости о клире Рождества-Богородицкой церкви
 села Матвеева 1-го округа Солигаличского духовного правления за 1838 год**

Январь 1839 год

<p>Кто именно, где и чему обучался, когда и кем в какой чин произведен и к какому месту, какие проходы и проходы особенныя должности, когда, чем был награжден, кого имеет в семействе.</p>	<p>Лета от рождения</p>	<p>Кто как знает чтение, пение, катихизис, из ученых кто сколько в год проповедей говорил</p>	<p>Кто кого поведени, и дети обучающиеся в училище как вели себя во время отпусков в доме</p>	<p>Кто кому в каком родстве</p>	<p>Кто, когда, за что был судим, и чем или не состоял под следствием, судом</p>

<p>Дьячек Василий Абрамов Риз-положенский Священнический сын, по изключению из высшего отделения Галицкого Духовного училища 1832 года Сентября 25 дня посвящен в стихарь на настоящее место. Грамоту имеет. Жена его</p>	24	Чтение, пение, Катехизис по-рядочно	Порядоч-ного	Священнику Евсигнию Пескову дядя двоюродный	Судим и штрафован не был.
<p>Евдокия Никитина . . . Дети их Анна Михаил Иван</p>	23				
<p>— Священник Евсигний Феодоров Песков священнический сын, по окончании учебного курса в Костромской семинарии был уволен с Аттестатом 2-го разряда 1832-го года и посвящен в настоящее во Священника место. Грамоту имеет.</p>	31	3 проповеди	Очень кроткого	Пономарю Косьме Васильеву зять, а дьячку Василию Абрамову племянник двоюродный.	Судим и штрафован не был

В семействе у него			
Жена Анна Косьмина	27		
Дети			
Евгений	4		
Александр	1		
<...>			
Пономарь Косьма Васильев	51	Честно	Судим и штрафован не был
Священнический сын. Из церковников произведен во Дьячка Старособорной Макарьевской церкви и посвящен в Стихарь 1803-го года Мая 3-го дня, а переведен на настоящее место в Пономаря 1805-го года Декабря 16-го дня. Указ имется, а Грамота стореда 1822-го года во время бывшего пожара.		Чтение, плен и е хорошо, Катехизис порядочно	Священнику Евсигнию Пескову тесть
Жена его			
Матрона Кирилова	51		
Дочь их - Марья	17		
<...>			
Заштатные и Сиротствующие:			
<...>			

<p>Бывшаго в сем причте Дьячка Семена Сергеева поступившаго по разбору в военную службу 1831-го года жена солдатка Евфимия Никитина, живет в оставшемся после мужа доме с зятем Дьячком Васильем Абрамовым на собственном пропитании.</p>	<p>38</p>	<p>Благонравно</p>	<p>Дьячку Василью Абрамову свяченица, Священник Пескову тетка</p>	<p>Судима и штрафована не была</p>
---	-----------	--------------------	---	------------------------------------

Означенной церкви Начальный Иерей Феодор Елизаров руку приложил.

ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 362, л. 1 - 10. Подлинник.

Примечания: Евсигней Фёдорович Песков, отец Е.Е. Голубинского, служил 3-м священником Богородицкой церкви. Вторым священником был – сын дьякона той же церкви Никита Петрович Птицын. Старшим священником храма с 1819 года был Фёдор Никитич Елизаров, дед писателя В.В. Розанова.

**Из ведомости о прихожанах
Рождества-Богородицкой церкви села Матвеева**

Январь 1839 год.

[По части старшего священника церкви Феодора Никитича Елизарова — 107 дворов: 427 женского пола душ, 568 мужского пола душ; 2-го священника Никиты Петровича Птицына — 107 дворов: 487 душ м.п., 651 душ ж.п. По части 3-го священника Евсигнея Феодоровича Пескова: — 114 дворов: 351 душа м.п., 674 душ ж.п. — *И.Т.*]
ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 362, л. 1 - 10. Краткая выписка.

**Из ведомости о клире
Николаевской церкви с. Шири Кологривского уезда**

Январь 1885 год.

Бывшего в сем причте священника Александра Пескова, умершаго на службе в 1880 году, жена Александра Иванова Пескова, живёт в собственном доме, оставшемся после мужа; на своем пропитании; пользуется хлебным сбором по приходу: обучалась в Ярославском училище для девиц духовного звания.

[Поведения] - Очень хорошаго.

- В семействе у нея дети:

Алек-санд-ровы	Сергей - обучается в Виленской духовной семинарии.
	Феодор - обучается в Костромской духовной семинарии.
	Александр - обучается в Галичском духовном училище.
	Екатерина - получает пособие от попечительства 10 р. в год, обучается в Николо-Ширском двухклассном училище. <...>

ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 1762, л. 17 об. - 18. Подлинник: формуляр документа упрощён публикатором.

Примечания: «бывший в сем причте священник» Александр Песков — родной брат Б.Б. Голубинского, Александр Евсигнеевич Песков.

Прошение священника Е.Ф. Пескова в правление
Костромской духовной семинарии
о назначении казенного содержания Е.Е. Голубинскому
30 августа 1849 года.

Соли-Галичского Духовного правления
Кологривской округи Рождества-Богородицкой
церкви села Матвеева священника Евсигния Пескова

Покорнейшее прошение.

[Семь] лет содержал я на собственном иждивении сына моего Евгения Голубинского, который обучается ныне в здешней семинарии во втором классе низшаго отделения, и четыре года <...> сына Александра Пескова, обучающегося в Низшем отделении Соли-Галичского Духовного училища, имея в семействе еще семилетнюю(?) малолетнюю дочь Анну. Но в течение этого времени я потерпел жестокие несчастья, а именно: в 1841 году во время всеобщего в селе нашем пожара, сгорел у меня [дотла] незадолго перед тем выстроенный дом с прилежащим к нему строением и большая часть моего и[мущества]. Потом вскоре после пожара лишился жены, пот<...> при таких несчастных обстоятельствах тр[удно] <...>, <...> издержек для поддержания моего хозяйства, а в нынешнем 1849 году 4 апреля опять сгорел от пожара вновь выстроенный дом и решительно [все мое имущество], потому что пожар случился в самую <...>. Последнее и самое жестокое бедствие <...> приведшее к полному разорению, после которого, по причине бедности я <...> не нахожу средств к прежнему состоянию и не могу более старшему сыну моему Голубинскому доставлять достаточного содержания и осмеливаюсь Правление Семинарии утруждать нижайшею просьбою: не благоволено ли будет дать пособие, дабы он беспрепятственно мог пройти курс начатого учения. 1849 года, августа 30 числа.

Означенной Рождество-Богородицкой церкви священник Евсигний Песков руку приложил.

ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 1403, л. 11 об. - 12. Подлинник.

Свидетельство благочинного
1 благочиннического округа
Солигаличского духовного правления
о материальном состоянии священника Е.Ф. Пескова

1849 год.

По причине несчастных обстоятельств <...> в особенности от двух пожарных случаев, через которые <...> пришел в крайнюю бедность, действительно не имеет средств к поправлению своего прежнего состояния [и на] должное содержание старшему своему сыну, обучающемуся в низшем отделении семинарии помянутому ученику [2 класса Голубинскому], если со стороны Правления семинарии не будет изыскано средств оказать им благоснисхождение в кратчайшее [время], для беспрепятственного продолжения, ему, ученику Голубинскому, начатых наук в семинарии и облегчения <...> его родителя священника Пескова.

Благочинный священник Иоанн Голубинский.

ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 1403, л. 91 · 91 об. Подлинник.

Из ведомости
об учащихя семинарии,
нуждающихся в казенном содержании

10 сентября 1849 года.

[Ученики] низшаго 2 отделения:

— Евгений Голубинский —

какого поведения — отлично-хорошо;

каких успехов — под № 3 (т.е. третий по успеваемости. - И.Т.)

<...> — имеет обучающегося в низшем отделении Галичского [духовного] училища [брата] Александра Пескова, содержащегося <...>

<...> — отец Евгения Голубинского, священник, имеет кроме его семейство на 2 лица: сына и дочь; <...> в предстоящих годах лишился вследствие пожаров всего имения.

ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 1403, 11 об. - 12. Подлинник.

**Резолюция семинарского правления
на прошении священника Е.Ф. Пескова
о принятии Е.Е. Голубинского на казенное содержание**

10 сентября 1849 года.

10 сентября 1849 года. Под № 3. По отличным успехам перевести Голубинского на полное содержание вместо Александра Рязановского, [которому] объявить, что по поведению его отца во священники, он может содержаться на своем коште отцом.

ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 1403, 11 об. - 12. Подлинник.

**Из ведомости о клире
Рождества-Богородицкой церкви
с. Матвеева Кологривского уезда**

Декабрь 1884 год.

<...>

Сиротствующие и заштатные.

- Священник **Евсигний Федоров Песков**, Священнический сын. По окончании курса Костромской Дух. Семинарии во 2 разряде; 1832 года октября 28 дня посвящен во священника, а 1859 г. марта 9 дня награжден набедренником за труды по устройству нового храма. Имеет бронзовый наперсный крест в память войны 1853 - 56 гг. 1862 г. уволен в заштат; вдов; проживает в селе Горельце у зятя своего Священника Иоанна Груздева.

[Поведения] — Очень хорошаго.

- Ни с кем ни в родстве.

- Судим и штрафован не был.

Дети его.

Евгений Евсигниев Голубинский — Инспектор Московской духов. Академии.

Анна Евсигниева — жена Священника Троицкой церкви села Горельца Иоанна Груздева.

ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 1762, л. 28 об. - 29. Подлинник: формуляр документа упрощён публикатором.

Из ведомости о клире
Троицкой церкви с. Горельца Кологривского уезда

Декабрь 1884 год.

- Священник **Иоани Кодратов Груздев**, диако́нский сын. По окончании курса в Костромской Духовной семинарии в 1856 году с аттестатом 2 разряда определен наставником Во[жеровского] училища 27 января 1857 года, а с 9 сентября 1860 года Матвеевского училища; 1862 года посвящен во священника к Рождество-Богородицкой церкви села Матвеева, а 31 июля 1863 года — на настоящее место. 1 сентября настоящего года награжден набедренником. Грамоту имеет.

- [поведения] очень хорошаго;
- [в год провел] 40 поучений;
- [в церкви этой] ни с кем ни в родстве;
- судим и штрафован не был.

В семействе у него:

- Жена **Анна Евсигниева**, читает.

Дети их:

Александр Груздев исполняет должность псаломщика Николаевской церкви села Вожегорова.

Анна. <...>

*ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 1762, л. 28 об. - 29. Подлинник:
формуляр документа упрощён публикатором.*

Примечания: **Анна Евсигнеевна Груздева** — сестра **Е.Е. Голубинского**. Главным священником храма в селе Вожегорове был троюродный брат её мужа — **Фёдор Васильевич Миропольский**, «дьяческий сын».

Из ведомости о клире
Николаевской церкви с. Шири Кологривского уезда
за 1914 год

Январь 1915 года.

- Настоятель Священник **Федор Александрович Песков** 47 лет. Награжден в 1899 году января 29 дня набедренником, 1905 году апреля 10 дня — скуфьею, в

1905 году декабря 6 дня свидетельством с Архипастырским благословением за усердные труды по народному образованию в церковно-приходской школе и в 1913 году мая 4 дня камилавкою. Имеет серебряные медали: в память царствования Государя Императора Александра III и в память 25-летия церковно-приходских школ. Имеет Бронзовую медаль и нагрудный крест в память 300-летия царствования Дома Романовых. Содержание получает: из казны жалования 141 руб. 12 коп., кроме того по должности ивведующего церковно-приходскою школою получает жалования 30 рублей в год и по должности законоучителя в Николо-Ширском двухклассном М. Н. Пр*. училище 150 рублей в год.

Из какого звания происходит: — Сын Священника.

Имеет ли имение: — Нет.

Где получил образование, <...>, когда проходил службу: —

В Костромской Духовной семинарии в коей и окончил полный курс <...>.

Его Преосвященством Священнейшим Августином 5 октября 1891 года определен, а 27 ноября того же года рукоположен во Священника к Рождество-Богородицкой церкви села Лаврентьевского Чухломского уезда.

Указом Костромской Духовной Консistorии за № 11073 определен Законоучителем в (?)зановском начальном училище — 1893 и проходит оную до 1901 года.

Указом Костромской Духовной Консistorии за № 3127 переведен к сей церкви на праздное священническое место — 1901 году. В том же году по распоряжению Кологривского Уездного Отделения Епархиального Училищного Совета с утверждения Преосвященнейшаго Виссариона назначен Законоучителем при Николо-Ширской церковно-приходской школе, а в сем же году и заведующим школою — 1902 год. Г**. Директором народных училищ назначен законоучителем в Николо-Ширском М. Н. ПР. училище — 1904 год. Его Преосвященством Преосвященнейшим Виссарионом перемещен на 1-ю при сей церкви священническую вакансию — 1905 год.

Был ли в походах против неприятеля <...>. — Нет.

* Министерства народного просвещения. (Прим. ред.)

** Господином. (Прим. ред.)

Подвергался ли взысканиям по суду. — Взысканиям по суду не подвергался и под судом и следствием не состоял.

Был ли в отпусках <...>. — В отпусках не был.

Был ли за штатом или без места <...>. — За штатом и без места не был.

Холост или женат, кого имеет в семействе. — Женат.

В семействе имеет: жену Лидию Александрову 39 лет и детей:

Александр род. 30 окт. 1892 г.; Веру род. 14 июня 1894 г.; Августу род. 11 марта 1897 г.; Надежду род. 16 августа 1898 г.; Сергея род. 29 июня 1902 г.; Ольгу род. 19 марта 1905 года и Владимира род. 14 июня 1909 года. Из них две старшие дочери обучаются в Петрограде на высших женских курсах; две дочери обучаются в Кологривской женской гимназии; Сергей обучается в Галичском Духовном училище, а остальные члены семейства находятся при нем.

Кто кому, в каком родстве. — Священнику Александру Груздеву по отце двоюродный брат.

[Какого поведения семейство]. — Отлично-хорошаго.

<...>

Сиротствующие.

А. Вдовая священническая жена Александра Иванова Пескова 74 лет. Из духовного звания.

[недвижимого имения] — не имеет; [обучалась] в Ярославском училище для девиц духовного звания. <...> Священнику Федору Пескову мать.

Б. Непристроенная дочь ея Екатерина Александровна Пескова 39 лет. Дочь священника. <...> Кончила курс Ярославского училища для девиц Духовного звания, состояла учительницей в Посаде Троице-Сергиевской Лавры. В настоящее время по болезненному состоянию должность свою оставила и находится в окружной лечебнице для душевнобольных. Девица. Священнику Федору Пескову сестра.

ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 1902, л. 28 об. - 30, 34 об.

Примечания: Ф.А. Песков — племянник Е.Е. Голубинского, сын брата, Александра Евсигнеевича Пескова. Жена последнего — «сиротствующая» Александра Ивановна Пескова.

Из ведомости о клире
Николаевской церкви с. Шири Кологривского уезда
за 1914 год

Январь 1915 года.

Священник Александр Иоаннович Груздев 52 лет. Имеет серебряную медаль в память царствования Государя Императора Александра III-го. Имеет бронзовую медаль и нагрудный крест в память 300-летия царствования Дома Романовых.

По должности законоучителя Ковизинской земской школы получает жалованья 60 рублей в год и по должности законоучителя Лепешкинской земской школы получает жалования 60 рублей в год.

Из какого звания происходит. — Сын Священника.
Имеет ли недвижимое имение <...>. — Нет.

Где получил образование, <...>, и когда поступил на службу.

— В Галичском Духовном училище, из коего по окончании курса в 1881 году указом Костромской Духовной консистории за № 51142-м определен исполняющим должность псаломщика к Богоотцовской церкви села Туровского Галичского уезда на штатное место. — 1881 год. По указу Костромской Духовной консистории за № 2020 перемещен был к той же должности и на ту же штатную вакансию к Николаевской церкви села Вожегорова Кологривского уезда. — 1882 год. Преосвященнейшим Геннадием посвящен в Стихарь. — Сентябрь 1882. Преосвященнейшим Александром рукоположен в диаконы к той же церкви села Вожегорова и на ту же штатную вакансию. — 1884 год. Указом Костромской Духовной консистории за № 7627 утвержден на штатной диаконской вакансии. — 1886 год. Преосвященнейшим Виссарионом перемещен на штатное диаконское место к Рождества-Богородицкой церкви села Матвеева. — 1893 год. Преосвященнейшим Платоном 25 сентября 1910 года определен на вторую штатную священническую вакансию к сей Николаевской церкви села Шири, а 17 октября рукоположен во священника. Грамоты и указы имеет. — 1910 год. Указом Костромской Духовной консистории за № 15640 утвержден законоучи-

Публикация И.Х. Тлиф

телем Ковизинской земской начальной школы. 1910 год. Указом Костромской Духовной консистории за № 17630 утвержден законоучителем Лепешкинской земской начальной школы. 1913 год.

Был ли в походах против неприятеля <...>. — Нет.

Подвергался ли взысканиям по суду. — Взысканиям по суду не подвергался и под судом и следствием не состоял.

Был ли в отпусках <...>. — В отпусках не был.

Был ли за штатом или без места <...>. — За штатом и без места не был.

Холост или женат, кого имеет в семействе. — Женат.

В семействе имеет жену Ольгу Петрову 50 л., сына Василия род. 7 августа 1887 года, состоит диаконом при Николаевской церкви села Поломы Кологривского уезда, и дочь Екатерину родив. 20 ноября 1888 года — закончила курс в [Лановской ?] церковно-приходской школе Галичского уезда. Жена и дочь находятся при нем.

Кто кому, в каком родстве. — Священнику Федору Пескову по матери двоюродный брат.

[Поведение]. — Отлично-хорошаго.

ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 1762, л. 29 об. - 30. Подлинник: формуляр документа упрощён публикатором.

Примечания: А.И. Груздев — племянник Е.Е. Голубинского, сын сестры Анны Евсигнеевны Песковой, в замужестве Груздевой. На месте дома Ивана Александровича в селе Матвееве, где он служил с 1893 по сентябрь 1910 года, в советское время была построена аптека.

Публикация И.Х. Тлиф

В.П. Мятлев

СТИХОТВОРЕНИЯ (1901 - 1919 гг.)

Биографическая справка и комментарии А.А. Григорова

*В Государственном архиве Костромской области (ГАКО) в фонде Александра Александровича Григорова (1904 - 1989) (р-864) хранятся 8 стихотворений Владимира Петровича Мятлева, перепечатанных Александром Александровичем. Семь из них, по просьбам А.А. Григорова, в 1973 - 74 гг. годах прислала Татьяна Александровна Аксакова (1892 - 1981), сама восстановившая их по памяти, одно стихотворение («На С***») Александру Александровичу в 1975 году передал Ю.Б. Шмаров (1898 - 1989).*

Ко всем 8 стихотворениям он написал комментарии, а также подготовил поколенную роспись рода Мятлевых, о котором писал: «Старинный русский дворянский род, ведущий свое начало от Ратши, жившего во времена князя Александра Невского и от которого произошли многие русские дворянские роды, в том числе Пушкины, Бутурлины, Кологривовы и др.» (ф. р-864, оп. 1, д. 930, л. 7).

Наиболее известен Иван Петрович Мятлев — двоюродный дед В.П. Мятлева — тоже поэт и хороший знакомый А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, автор стихотворений «Фонарики», «Новый год», «Розы» («Как хороши, как свежи были розы...») и др.

О В.П. Мятлеве (1868 - 1946) камергере, поэте-саатирике, председателе Легитимно-монархического союза в 20-е годы XX века, главноуправляющем гражданскими*

* О В. Мятлеве-поэте см.: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=4745&abc=1>

ведомствами в канцелярии великого князя Кирилла Владимировича* Александр Александрович, в частности, писал: «Ротмистр лейб-гвардии гусарского полка, потом военный агент в г. Вене, Австро-Венгрия. Позже Новооскольский предводитель дворянства в Курской губернии» (ф. р-864, оп. 1, д. 930, л. 10).

Ниже публикуются стихотворения В.П. Мятлева с комментариями А.А. Григорова и его же биографической справкой о И.П. и В.П. Мятлевых.

Сохранены особенности написания отдельных слов А.А. Григоровым, сокращенные слова даны полностью, редакторские правки в тексте минимальны.

А.В. Соловьева

Мятлев старший, Иван Петрович. Сын костромского помещика Петра Ивановича. Родился 1796, умер 1844. Был камергером. Приобрел известность как поэт-юморист. Наиболее известна его вещь «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границую, дан л'Этранже». Выходила много раз в Тамбове, в Санкт-Петербурге.

Герб
Мятлевых

ге, а также за границей. Все стихи Мятлева написаны в лёгком, шутовском тоне.

* Черняев В.Ю. Деятельность Г.К. Графа на посту начальника канцелярии главы Русского Императорского Дома: 1924 - 1941 гг. (http://www.inrusem.spb.ru/book_0001-3-12.htm).

Его внук, В. Мятлев, также камергер, обладал тем же талантом стихотворца-юмориста. Вращаясь в высших сферах дореволюционной России, он в шуточных стихотворениях высмеивал некоторые стороны жизни двора и высшего света. После революции эмигрировал во Францию, последнее из его известных произведений — «Молитва буржуа»; написана в 1919 году в Одессе, перед отъездом из России навсегда. Умер в Париже.

Ввиду того, что в имеющихся в нашем распоряжении произведениях Мятлева речь идёт о многих лицах и фактах, давно забытых и неизвестных современному читателю, дается краткое пояснение с необходимыми историческими «экскурсами».

Само собой разумеется, что все произведения Мятлева-внука не могли быть напечатаны до революции, ибо и них в шуточном тоне высмеивались и лица царской семьи, и многие представители знати. После революции произведения такого рода, как не актуальные и, в сущности, лишь беззлобно высмеивающие некоторые стороны жизни высшего света и отечественной истории, также не могли увидеть света.

Произведения В. Мятлева помещаются восстановленными по памяти, так как подлинного текста не сохранилось, поэтому имеются и пропуски и возможны разночтения с другими, у кого-либо могущими сохраниться экземплярами.

Гордость народов

Индейцы горды скальпами,
Пастух-швейцарец — Альпами,
Швейцарками здоровыми,
Молочными коровами,
Бродячею арфисткою
И русской нигилисткою.

Француз — с своим Отечеством,
Поддельным молодечеством,
Различными палатами,
Дрянными депутатами,

Бульварными трещотками
И рыжими кокотками,
Лонманами, боз-арами,
А так же дрейфуссарами,
И всей цивилизацией...

Бритт горд колонизацией,
Огромной территорией,
Старушкой Викторией,
Бесчисленными флотами,
Парфорсными охотами,
Парадными обедами
И в Африке победами.

Германцы – эполетами,
Жгутами, монтикетами,
Бисмарковскими нотами,
Супругами Шарлоттами,
Августами, Амальями
С ужаснейшими тальями,
Спины и бёдер прочностью,
И с педантичной точностью
Разделанными нивами,
Рейнвейнами и пивами,
Да пьяными, да дерзкими
Буршами Гейдельбергскими,
Речами императора –
Немолчного оратора,
Наукою серьёзною,
Вестфальской саблей грозною,
Сосисками, колбасами,
Султанами, лампасами,
Шлагбаумом, острой каскою
И блё-де-Прюсской краскою,
Приверженностью к кофею
И верой в философию.

Австрийцы горды модами,
Различными народами –
Правлению помехами:
Венгерцами и чехами,

Словаками, хорватами,
Красивыми солдатами,
На вид весьма сердитыми,
Но в войнах вечно битыми,
Водами минеральными
С гостями катаральными,
Тупым уразумением,
Кронпринца неимением
И Франца благородного
(Зевесу неугодного)
Несчастьями семейными.

Голландцы — бакалейными
Товарами, полотнами
И женщинами платными,
Опрятностью огромною
И Вильгельминой скромною,
Расчётливою девою —
Голландской королевою.

Датчане — Христианами,
Их родичей карманами
И множеством властителей
От тех же прародителей.

Элады дети — юбкою
И греческою губкою.

Египет горд Мемфисами,
Богат он Озирисами,
Назойливыми гидами,
Песками, пирамидами,
Былыми фараонами
И новыми законами.

Персыяне — насекомыми,
Не им одним знакомыми.

Китайцы — мандаринами,
С их перьями павлинными,
Императрицей-фурией,
Монголией, Манджурией*,

* Основной вариант дореволюционного написания слова. (Прим. ред.)

Чиновников поруками,
С распоротыми брюхами.
Всех наций мародёрами
И местными боксёрами.

Так все гордятся славные
Народы мира главные
Традициями, дивами
Или прерогативами.

А мы — самодержавием,
Поповским православием,
Различных царств коронами,
Остзейскими баронами
С их «собственным достоинством»,
Христоробивым воинством,
Мостоми петербургскими,
Троицами Ольденбургскими,
Саксонскими, Кобургскими
И прочими, и прочими,
До тайных ссуд охочими.
Принцессами Дармштадскими,
Иоаннами Кронштадтскими,
Кириллом и Мефодием,
Высокоблагородием,
Медалями сотрудников,
Тьмой Августейших блудников,
Петровскими реформами,
Полков гвардейских формами,
Дорог гнилыми шпалами,
Родами захудалыми,
Различными министрами,
То пешками, то быстрыми,
То Витте, то Хилковыми,
Яхт-клуба Хлестаковыми,
Своей аристократией,
Решетниковой Катею,
Поэзией Случевского,
Вдовой барона Вревского,
(Отнюдь не Туркестанскую),

Икрою астраханскую,
Борьбою Пытлясинского,
Матильдою Кшесинскою,
Супругов Фигнер нотами,
Аидой, Гугенотами,
Сибири вечным ледником
И будущим наследником.

Чиновничьими баками,
Жандармами, собаками,
Шуваловской политикой,
Буренинскою критикой,
Великим славословием,
Полнейшим безголовием
С двуглавою эмблемою,
Трёхпольною системою,
Пожарами, засухою
И Гессенскими мухами.

Губернскими начальствами,
Дворянскими нахальствами,
Банкирами еврейскими,
Чинами полицейскими,
Московскими «Серж-антами»
С лихими адъютантами,
Красивыми канашками
С восточными замашками,
Церквей Московских главами,
Морозовыми Саввами,
Забвеньем центра сирого
И пьянством Драгомирова.

Приезжими девицами
С раскрашенными лицами,
Мощей священных ликами,
Кокетством с Менеликами,
Квасами, щами, морсами
И ныне Пистелькорсами
И разными аморсами.

Артисткою Яворскою,
Эскадрой Черноморскою,
Голицынской расправою
С Кавказскою державою,
Идеей миролюбия,
Домами трудолюбия.
Местами отдалёнными,
Куда меня правительство
За это сочинительство
Сошлёт на днях на жительство!

1901 г.

Примечания и комментарии для малознакомых с историей тех лет

Это произведение написано на рубеже XIX и XX веков. В нем автор, по существу, совершенно беззлобно высмеивает различные стороны жизни того или иного государства. Для лиц, мало знающих историю как отечественную, так и всемирную, и предлагается этот комментарий. В памяти составителя (А.А. Григорова. — *Н.Д.*) живы события рубежа XIX - XX века, ибо составитель сам хотя и родился в эти годы, но его память сохранила многое как из рассказов старших, им слышанных, так и из газет и журналов тех лет.

1. Швейцария

Развитое молочное хозяйство — сыроделие, маслоделие. Южная Швейцария и Тироль издавна славились своими арфистками, гастролировавшими по всей Европе, в том числе и в России, особенно на ярмарках — Нижегородской, Ирбитской и др. В Швейцарии издавна находили убежище эмигранты по политическим мотивам, в т.ч. множество русских революционеров и революционерок, которых в России называли «нигилистами» и «нигилистками».

2. Франция

Французская палата депутатов и сенат, особенно палата, прославились на весь мир в конце XIX века разными скандалами между депутатами различных партий,

переходившими подчас в драки и последующие дуэли. В конце 90-х годов XIX века молодые парижане любили развлекаться на бульварах самодельными трещотками, издававшими резкие звуки, имитировавшие стрельбу из ружей, и пугать этим прохожих граждан. *«Боз-арам»* - Beaux arts (фр.) — изящные искусства. Париж издавна считался центром изящных искусств. *«Дрейфуссарам»* - отголоски известного дела капитана французской армии Дрейфуса, по национальности еврея, — самого громкого процесса конца XIX века. Альфред Дрейфус (род. 1854 г.) был осуждён по обвинению в шпионаже в пользу Германии в 1895 г., приговорён к каторжным работам и сослан в Кайенну. После суда над Дрейфусом и объявления приговора по всей Франции, а затем и по всему миру прокатилась волна протеста и возмущения против несправедливого осуждения Дрейфуса, ибо, как считали многие, обвинение было построено на фальшивке и, главным образом, весь процесс считался антисемитским. Все французское общество разделилось на сторонников и противников Дрейфуса — дрейфуссаров и антидрейфуссаров. В 1898 г. дело Дрейфуса пересматривалось, но суд и на этот раз признал его виновным. Однако протесты и давление на французское правительство всех дрейфуссаров со всех сторон вынудили президента Франции Лубэ помиловать Дрейфуса. Его защитниками выступали Э. Золя, А. Франс, и др.

3. Англия

«Старушка Виктория» — королева Англии и Ирландии, императрица Индии, род. в 1819 г., ум. в 1910 г. На престоле с 1837 г. Время правления Виктории вошло в историю как «Викторианская эпоха». Это был расцвет Британского империализма и колониализма. Англия в то время заняла первое место в мире как по населению, вместе с колониями, так и по могуществу военно-морского флота; территория Великобритании, разумеется вместе с колониями, также была самой огромной в мире. *Парфорсная охота* — излюбленный вид спорта английской аристократии. Это охота на лисиц преимущественно, с гончими собаками, и охотники охотятся все верхом. *«В Африке победами»* — война в Юж-

ной Африке между англичанами и бурами 1899 - 1902 гг., завершившаяся после упорной борьбы победой английских войск над бурами, составлявшими «Оранжевую республику» и «Трансвааль». Эти республики были присоединены к Великобритании и впоследствии образовали ныне существующую Южно-Африканскую республику.

4. Германия

Автор высмеивает германский милитаризм. *«Бисмарковскими нотами»* — канцлер Германии Отто Бисмарк (1815 - 1898) во время своего канцлерства, проводя империалистическую политику и захват колоний, получил широкую известность своими нотами различным правительствам по разным поводам. *«Речами императора, немолчного оратора»* — император Вильгельм II (1859 - 1918), на престоле с 1888 по 1918 г., отличался любовью к выступлениям с речами, причем многие его речи адресовались не только немцам, но и другим европейским государствам («Народы Европы, берегите свои священные блага»). Он также предупреждал Европу против «жёлтой опасности», т.е. возможного китайского нашествия, представлявшегося вроде монгольского нашествия на Европу в XIII в.

5. Австрия

Австрия составляла в то время Австро-Венгерскую монархию, населённую многими народностями — немцами, венграми, чехами, славянами и др. Эта империя так и называлась «лоскутная империя». Ведённые Австрией и Австро-Венгрией в XVIII и XIX веке войны были для Австрии неудачными, и она обычно терпела поражения. *«Кронпринца неимением»* — после трагической смерти последнего принца, эрцгерцога Рудольфа (1858 - 1889), у императора Франца-Иосифа долгое время не было наследника, т.е. кронпринца. *Несчастия семейные* императора Франца-Иосифа. Его брат Максимилиан, которого Австрия совместно с Францией посадили на мексиканский престол в качестве мексиканского императора, был расстрелян в 1867 г. мексиканскими революционерами. Жена Франца-Иосифа императрица Елизавета, дочь Максимилиана Ба-

мирского, была убита анархистом-террористом в 1898 г. в Женеве. Сын, эрцгерцог Рудольф, покончил с собой при случайных обстоятельствах в 1889 г. Об этом смотри кинокартину «Майерлинг», неоднократно демонстрировавшуюся на экранах всех городов СССР.

6. Голландия

Голландия всегда славилась своей чистотой и культурностью. *Расчётливая дева* – голландская королева Вильгельмина, род. в 1880 г., на престоле с детских лет, с 1890 г. Вышла замуж в 1900 г.

7. Дания

Множество датских королей носили имя **Христиан**. В конце XIX - начале XX века в Дании правил король Христиан IX. Дания издавна была «поставщиком невест» для монархов крупных европейских государств. В описываемое время одна дочь датского короля, Александра, была замужем за будущим английским королем Эдуардом VII, а другая – Дагмара, по-русски Мария Фёдоровна, была женой императора Александра III и матерью последнего русского императора Николая II. Как русский, так и английский императорский и королевский дворы считались самыми богатейшими в мире. Династия датских королей была в родстве со множеством королевских, герцогских и иных владетельных домов в Европе.

8. Греция (Эллада)

Греческая губка – один из наиболее известных предметов греческого экспорта. *Юбка* – солдаты греческой армии, равно как и солдаты шотландских войск, до самого последнего времени – до войны 1914 г. – носили юбки, это была принятая в греческой армии форма войск.

9. Египет

Мемфис – древняя столица Египетского царства, *Озирис* – главное божество древней египетской религии.

10. Персия (ныне Иран)

Здесь каламбур: персидский порошок – широко распространённое средство от клопов.

11. Китай

В конце XIX — начале XX века в Китае правила императрица весьма жестокая по нраву и Китай был местом, где производилось множество казней и пыток. *Мандарины* — слой важных государственных чиновников в старом Китае, занимавших все важные должности в государстве. *«Местными боксёрами»* — имеется в виду «восстание боксёров», иначе «больших кулаков», направленное в основном против господства и привилегий иностранцев (англичан, французов, немцев, русских). Восстание было подавлено международными военными силами всех европейских великих держав и США.

12. Россия

«Троици Ольденбургскими» — родственники царской семьи, принцы Ольденбургские. *«Саксонскими, Кобургскими»* — имеются в виду немецкие владетельные дома, из которых вышли супруги некоторых великих князей. Царское правительство не раз обвинялось в значительных денежных субсидиях Ольденбургским и другим за счёт казны. *«Принцессами Дармштадтскими»* — императрица Александра Фёдоровна, жена последнего русского императора Николая II, а также её сестра Елизавета Фёдоровна, бывшая замужем за великим князем Сергеем Александровичем, были до замужества принцессами Дармштадтскими (герцогство Гессен-Дармштадтское).

Иоани Кронштадтский — известный священник, настоящая фамилия Сергеев; пользовался очень широкой популярностью как в Кронштадте, где прошла большая часть его пастырской деятельности, так и в Петербурге, да и во всей России.

«Тьмой Августейших блудников» — имеется в виду разгульная жизнь великих князей: Алексея Александровича, Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей, которые имели содержанок, любовниц и детей от них.

Витте, Хилков — видные министры тех лет. Граф С.Ю. Витте был министром финансов, провёл в России денежную реформу, заключал договоры на денежные займы за границей. Князь Хилков — министр путей сообщения; как при нём, так и при С.Ю. Витте, тоже одно

время бывшим министром путей сообщения, производилась усиленная постройка железных дорог.

«Яхт-клуба Хлестаковыми» — имеется в виду великосветский так называемый яхт-клуб на Морской ул. в Санкт-Петербурге, ничего общего не имевший с морским делом и катанием на яхтах.

«Решетниковой Катюю» — известная в конце XIX века петербургская куртизанка, связи с которой добивались многие аристократы и члены династии.

«Поэзией Случевского» — К.К. Случевский был в то время популярным писателем и поэтом. Также хорошим поэтом был и его сын, тоже К.К. Случевский, погибший при Цусиме на броненосце «Император Александр III».

«Борьбою Пятлясинского» — знаменитый в те годы борец Пятлясинский (Пытлясинский), уроженец Польши, выступавший в петербургском цирке Чинизелли.

«Матильдою Кшесинскою» — балерина Матильда Кшесинская, любовница императора Николая II до его женитьбы. Впоследствии вышла замуж за великого князя Андрея Владимировича и имела от него сына. Умерла в эмиграции.

«Супругов Фигнер нотами» — известные певцы и оперные артисты Медея Фигнер и ее муж Н.Н. Фигнер.

«Аида», «Гугеноты» — оперы Верди и Мейербергера, шедшие в то время в петербургских театрах.

«Будущий наследник» — император Николай II тщетно ожидал рождения наследника. Все первые его дети — четыре дочери, а наследник Алексей родился в 1904 г., то есть уже после написания В. Мятлевым этого стихотворения.

«Шуваловской политикой» — в то время огромное влияние на всю русскую политику, внешнюю и внутреннюю, имел граф П.А. Шувалов (род. 1830 г.).

«Буренинскою критикой» — Буренин, журналист, писатель, известный критик, сотрудник газеты «Новое время», широко распространенной в русском обществе тех лет.

«Гессенскими мухами» — намёк на императрицу Александру Фёдоровну, принцессу Гессенскую и Дармштадтскую, и её сестру Елизавету.

«Московскими Серж-антами» — намёк на московского генерал-губернатора конца XIX - начала XX века великого князя Сергея Александровича.

«Красивыми канашками с восточными замашками» — имеется в виду адъютант великого князя Сергея Александровича Балясный, якобы подверженный известному пороку (гомосексуализму).

«Морозовыми Саввами» — текстильный фабрикант, получивший большую известность в основном своими связями с оппозиционными элементами и миром искусства.

«Забвеньем центра сирого» — намёк на Москву, «первопрестольную столицу России», утратившую свое главенствующее положение, перешедшее к новой столице — Петербургу.

«И пьянством Драгомирова» — командующий войсками Киевского округа генерал Драгомиров получил анекдотическую известность благодаря своему пристрастию к спиртным напиткам.

«Кокетством с Менеликами» — имеется в виду приезд абиссинского негуса (императора) Менелика II в Россию и подчеркнутое выражение симпатий России к Абиссинии (ныне Эфиопия) после Итало-Абиссинской войны 1896 г.

Артистка Л.А. Яворская — в то время одна из примадонн. Впоследствии, в войну 1914 - 1917 гг., была заподозрена в симпатиях к Германии и выслана за границу.

«Эскадрой Черноморскою» — в 90-е годы XIX века усиленно возрождался русский военно-морской Черноморский флот. С конца 80-х годов были построены броненосцы «Чесма», «Екатерина II», «Двенадцать апостолов», «Георгий Победоносец», «Ростислав», «Три святителя» и, наконец, знаменитый потом «Потёмкин». Это была сильнейшая эскадра для тех лет.

«Голицынской расправою с Кавказскою державою» — имеется в виду подавление князем Голицыным, главноначальствующим на Кавказе, крестьянских волнений в Грузии, преимущественно в Кутаисской губернии.

«Идеей миролюбия» — в 1899 г. по инициативе русского императора Николая II была созвана Гагская мирная конференция, где предлагалось запретить войны. Этого сделать не удалось, но в Гааге был подписан ряд конвенций, устанавливающих правила ведения войн,

обращения с пленными, с беженцами, запрещение особо опасного оружия, вроде отравляющих газов, разрывных пуль и т.д. Некоторые конвенции, принятые в Гааге в 1899 г., не утратили своего значения и поныне.

«Домами трудолюбия» — в эти годы по инициативе разных филантропических обществ были открыты так называемые Дома трудолюбия, где предполагалось перевоспитывать опустившихся людей, бродяг, пьяниц и т.д. Дома трудолюбия просуществовали до 1917 года.

«И ныне Пистелькорсами» — имеется в виду морганатическая супруга великого князя Павла Александровича, по первому мужу, адъютанту великого князя Павла Александровича, носившая фамилию Пистелькорс, урождённая Карнович. Великий князь добился её развода с мужем и женился на ней вопреки запрету императора Николая II, за что и был выслан за границу. Впоследствии великий князь Павел Александрович вместе с другими великими князьями и своим сыном от г-жи Пистелькорс в январе 1919 года был расстрелян в тюрьме «Кресты». А его супруга, получившая позже титул княгини Палей, вместе с дочерью Марианной эмигрировала за границу после 1918 года.

«И разными аморсами» — аморсе (фр.), приманка.

Май 1974 - март 1980 гг.

Августейшей невидимкой
Я уж год сижу в Орле.
Всё кругом покрыто дымкой,
Всё кругом как в тихом сне.

На Андреевского дочку
Любоваться не хочу.
Если скучно — в одиночку
Я на клавишах бренчу.

Но зато весьма охотно
Я в Москву лечу dahin,
Где свободно, где вольготно,
Где отсутствует Блохин.

Полковник Михаил Романов в Орле. 1909 г.
<http://www.permonline.ru/~museum/romanov/rus/excurs/ex14/>

Там с красоткой в штатском платье
Отправляюсь в Метрополь
И, беря её в объятия,
Пью искристый «Монополь».

И когда я свой всецело
Разгоняю в сердце жар,
То мне, право, мало дела
До Черниговских гусар!

И пенсне на нос надвинув,
Обо всём, в конце концов,
Позаботится Мордвинов
Или Ларька Воронцов.
Брат высоко, брат далёко,
В Копенгагене тамане!

1909 г.

В 1909 году августейшая семья была встревожена намерением великого князя Михаила Александровича жениться на Н.С. Шереметевской. Дабы отвлечь Михаила от этого намерения, было решено назначить его командиром Черниговского гусарского полка, стоявшего в Орле. Орловским губернатором был Андреевский, имевший недурную дочь, которая, по предположению августейшей семьи, могла бы развлечь Михаила. Командиру гусарской бригады (Черниговский и Нежинский полки) генералу Блохину было предписано не отпускать командиров полков из Орла. Адъютантами командира Черниговского полка в то время были граф Мордвинов и князь Илларион Воронцов-Дашков.

«Dahin» (нем.) — туда.

Май 1975 г.

На С***

Хотя он конституции
И не писал проект,
Но вот как стал известностью
Знакомый мне субъект.

Он просто был помещиком
И жил в своей степи
Хозяйством занимаючись,
Но только — пар де пи.

Терзаемый тщеславием,
Урваться из глуши
Стремился всеми фибрами
Непонятой души.

И вот с имения дальнего
Собрав большой доход,
В столицу он за лаврами
Отправился в поход.

Узнав, что благо родины
Блюдут и признают,

Он денег сумму крупную
Пожертвовал в приют.

Избрав дорогу верную
Проникнуть в высший свет,
Женился он на фрейлине
Весьма почтенных лет.

Хоть не был он охотником,
Сидя в своей дыре,
Но здесь купил роскошное
Ружьё от Лардора.

Наняв француза-повара,
Он даже был так мил,
Что принца иностранного
Обедом накормил.

А Сьюзи Белосельская,
Поев его меню,
Жене Рамзая молвила,
Что он — не парвеню.

За то, что слыл обжорою
И был прилично глуп,
Пошёл он всеми белыми
Шарами в Новый клуб.

На рауте Оболенского,
Какого — суть не в том,
О нём Михайло Бибилов
Сказал: «Сэт эн брав ом!»

И с важностью рассеянной
(А может — с пьяных глаз)
Смешал его с Берновыми
Юсупов как-то раз.

Кто знал его до этого —
Теперь он не такой:

Он ездит к Ольге Бобринской
И к Мэри Трубецкой.

И даже, на мгновение
Спустившись с облаков,
Кивнул ему на улице
Однажды Горчаков.

И вот уже достигнуты
Заветные мечты:
С графиней Шереметевой
Он чуть ли не на «ты».

Тут вдруг мелькнуло счастье,
Как месяц из-за туч:
Его представил Фредерикс,
Ему прислали ключ.

Ответьте ж без стеснения —
Он мне ни брат, ни сват, —
Каков, на Ваше мнение,
Такой аристократ?

1910 г.

«Но только — пар де ни» (фр.) — для удовольствия.

«Ружьё от Лардорэ» — Лардорэ, известный оружейный мастер, его ружья ценились высоко и продавались обычно самым богатым людям.

Сьюзи Белосельская — княгиня Сусанна Карловна Белосельская-Белозерская, жена командира лейб-гвардейского Уланского полка.

Рамзай — барон Константин Алексеевич Рамзай, камергер, его жена — англичанка Франсуаза Васильевна, урождённая Уайтхауз.

«Не парвеню» — не выскочка.

«Михайло Бибилов» — Михаил Васильевич Бибилов, шталмейстер двора Его Императорского Величества, весельчак, душа общества.

«Сэт эн брав ом» (фр.) — это отличный человек.

Юсупов — князь Юсупов, граф Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон, командир лейб-гвардейского Кавалергардского полка, в 1915 г. главноначальствующий в Москве. Был снят с должности за допущение немецкого погрома в Москве летом 1915 г. Один из богатейших людей старой России. О нём см. другое стихотворение В. Мятлева, от 1915 г.* Отец князя Юсупова Феликса Феликсовича-младшего (женатого на племяннице царя Николая II Ирине Александровне) — одного из участников убийства Григория Распутина в 1916 г., о чём также есть стихотворение В. Мятлева**.

Берновы — братья Берновы, кавалергарды, представители знатной и богатой аристократии тех лет.

Ольга Бобринская — графиня Ольга Ивановна Бобринская, урождённая княжна Трубецкая.

Мэри Трубецкая — княгиня Мария Сергеевна Трубецкая, урождённая Лопухина. В то время в Петербурге самыми недоступными считались гостиные графини Бобринской, княгини Орловой, княгини Трубецкой и княгини Белосельской-Белозерской.

Горчаков — светлейший князь Константин Александрович Горчаков, сын канцлера Горчакова, был известен всему Петербургу своей глупой чванливостью, он был невежлив со всеми и даже не отвечал на поклоны знакомых, встречаясь с ними на улице. «Надутый глупец» — так отзывались о нём в этих кругах.

Графиня Шереметева — графиня Домна Алексеевна Шереметева, урождённая графиня Бобринская.

Фредерикс — министр Императорского двора граф Владимир Борисович Фредерикс.

«**Прислали ключ**» — пожаловали званием камергера. По форме камергеров, полагался символический ключ, носимый на задней стороне костюма. Ключ был большой, обычно шитый золотом или позолоченный.

Май 1975 г.

* «Немецкий погром в Москве» («Лето 1915»). (Прим. ред.)

** «Декабрь 1916» («На убийство Распутина»). (Прим. ред.)

«Кувака»

Хотя коньяк и хвалят Фейков,
Я никогда его не пью
И лишь воды твоей, Воейков,
Источник чистый признаю.

Хоть алкоголь толкает к мраку,
Его бояре пили встарь.
Теперь того, кто пьёт «Куваку»,
Ласкает двор и любит царь.

Абрау-Дюрсо, конечно, вкусен,
Игрой приятен он для глаз,
Но тот, кто ловок и искусен,
Тому милей «Куваки» газ.

Как велика людей наивности!
Один поверил от души
В твоей воды радиоактивность,
А ты — в дворянские гроши.

Бутылочная этикетка

Тот будет свят, кто был распутен:
Отведав несколько глотков.
Её запоем пьет Распутин
И очень хвалит Маклаков.

Но мир на лести съел собаку,
Высокий пост — удел льстеца.
Друзья! Так будем пить «Куваку»
И прославлять её творца!

Комендант Царскосельского дворца Воейков, женатый на дочери графа Фредерикса, соблюдая свои выгоды, энергично рекламировал добываемую в его имении минеральную воду «Кувака», за что был назван «генералом от кувакери».

«Хотя коньяк и хвалят Фейков» — в Петербурге был винный магазин фирмы «Фецк и К°», в котором вся знать покупала вина.

«Твоей воды, Воейков» — в имении генерала В.Н. Воейкова, дворцового коменданта и личного друга императора Николая II, в Пензенской губернии были обнаружены источники минеральной воды. В.Н. Воейков организовал добычу и сбыт этой воды, получившей большое распространение и принесшей большие доходы Воейкову.

«Абрау-Дюрсо» — марка русского шампанского, производившегося в удельном имении Абрау-Дюрсо на Северном Кавказе, вблизи Геленджика.

«Её запоем пьёт Распутин и очень хвалит Маклаков» — «Кувака» получила широкое распространение в высших слоях общества, она продавалась в бутылках особой формы, которая была монопольна.

Г.Е. Распутин, настоящая фамилия Новых, — проходимец и авантюрист, пробравшийся в высшие сферы петербургского света и достигший большого значения при дворе императора Николая II. Особенно велико было его влияние на императрицу Александру Фёдоровну. Он был убит 20 декабря 1916 года (см. стихотворение Мятлева на тему этого события)*. *Г.А. Маклаков* — министр внутренних дел в предреволюционные годы. По воспоминаниям М. Е. Лемке, служившем в 1915 - 1916 гг. при царской ставке, «Кувака» подавалась обязательно за обедом к столу Николая II и перед прибором В.Н. Воейкова, всегда обедавшего с царем, ставилась бутылочка «Куваки». Сам В.Н. Воейков, в отличие от других приближенных царя и самого царя, алкогольных напитков не употреблял.

24 февраля 1980 г.

* «Декабрь 1916» («На убийство Распутина»). (Прим. ред.)

Лето 1914 года

Скучно, грустно в Петергофе —
Гриша выехал в Тюмень.
Не с кем нам гадать на кофе,
Принимать министров лень.

Из-за глупого престижа
Не поедешь в кабаре!
Не позвать ли из Парижа
Раймонда Пуанкаре?!

Пуанкаре давно собирался,
Это хитрый был француз,
Он давно понять старался:
Сэ-кё сэ-кё сё * союз?

«И, к тому, зачем на брюхо
Не надеть нам Сент-Андрэ?!» —
Так сказал супруге в ухо,
Уезжая, Пуанкаре.

А она: «В стране татарской
Ты увидишь весь бо-монд.
Выступай с осанкой барской,
Не роняй себя, Раймонд!

Чаще брейся, чаще мойся —
Вознесись душой горе!»
«Милый друг, не беспокойся», —
Отвечал Пуанкаре.

Вот в каюте «Жана Барта»
Пуанкаре без пиджака.
Перед ним раскрыта карта
И бутылка коньяка.

В третий день внушал он штату,
Увидав вдали суда:
«Приближаемся к Кронштадту.
Подтянитесь, господа!

* Сэ-кё сэ-кё сё (фр.) союз? — Что значит этот союз? (Прим. ред.)

Попрошу Вас, Вивиани,
Воздержитесь при царе
От крамольных излияний!» —
«Слушаюсь, Пуанкаре!»

Встреча вышла фу-ты, ну-ты:
Царь с царицей и детьми,
Марсельеза и салюты,
«Сир», «мадам» и «шер ами»!

Любит Францию Россия —
Это видно из займов.
И везёт «Александрия»
Всю ораву в Петергоф.

И склонялся Вивиани,
Расплывался, как кюре,
От сердечных излияний
Господин Пуанкаре.

Прицепив розетку к фраку,
Ковырял ножом в икре,
Гладил Аню, пил «Куваку»,
Кейфовал Пуанкаре.

Но смешались аккорды
В гармонической игре,
И казаки били морды
Морякам Пуанкаре.

Он уехал. Стало тише.
В Петергофе тот же сплин.
Хуже раненому Грише.
Очень сердится Берлин.

А во внутреннем режиме
Неприглядней, чем в дыре...
Помоги нам, Серафиме!
Не оставь, Пуанкаре!

Летом 1914 года царская семья проживала в Петергофе. Известный авантюрист и проходимец Г.Е. Распутин, уроженец Тобольской губернии, втершийся в безграничное доверие к царской чете и постоянно бывавший во дворце, летом 1914 года выехал к себе на родину в село Покровское, по дороге между Тюменью и Тобольском. На вокзале в Тюмени какая-то женщина совершила на Распутина покушение, ударив его ножом в живот. (Об этом упомянуто в последней строфе стихотворения). Из Тюмени Распутин послал телеграмму царице Александре Фёдоровне, немедленно ставшую известной всей стране и опубликованную во многих газетах. Телеграмма была такого содержания: «Кака-то стерва пырнула меня ножом в живот, так что я чуть не помер».

В июле 1914 года в Россию прибыл с визитом и для укрепления франко-русской дружбы президент Франции *Раймонд Пуанкаре*.

Раймонд Пуанкаре
<http://wwi.sbn.bz/king/24.jpg>

Сент-Андрэ – орден св. Андрея Первозванного, высший орден Российской империи, обычно давался только лицам императорской или королевской крови и главам дружественных государств. Имел вид голубой ленты, носившейся через плечо, и звезды на груди.

«*Жан Барт*» – линейный корабль французского флота, на котором президент Франции прибыл в Россию. В числе лиц, сопровождавших французского президента в Россию, был министр труда *Вивиани*, член партии социалистов. Его и предупреждает президент от «*крамольных*», то есть революционных, высказываний при царе. Николай II был

ненавистником всяких социалистов – как отечественных, так и зарубежных. Однако Пуанкаре счёл возможным взять Вивиани с собой в Россию в составе французской делегации. Во время войны 1914 - 1917 гг. Вивиани побывал в России ещё раз.

«*Сир*», «*мадам*» – принятые во французском языке обращения к монарху и к монархине. «*Шер ами*» (фр.) – милый друг.

«*Александрия*» – императорская яхта, доставившая французских гостей из Кронштадта в Петергоф.

«*Розетку к фраку*» – орден Почётного легиона, который Пуанкаре надевал в торжественных случаях.

«*Гладию Аню*» – то есть любимую фрейлину императрицы Александры Фёдоровны, Анну Сергеевну Вырубову, урождённую Танееву. После революции в Париже вышел «Дневник Анны Вырубовой», который ввёл в заблуждение очень многих, в том числе и советских историков. В действительности, это была самая настоящая фальшивка, сочинённая двумя белогвардейскими офицерами, в прошлом близкими ко двору. Об этом стало известно лишь в 60-е годы, когда один из авторов умер, а его товарищ не счёл нужным далее хранить это дело в секрете. Впрочем, для многих лиц и без того было ясно, что это фальшивка, однако советская историография и некоторые писатели основывались на ней.

«*Пил «Кувачу»*» – «Кувача» минеральная вода, производившаяся в пензенском имении дворцового коменданта генерал-майора В.Н. Воейкова, прозванного «генералом от кувачерии». Имела большой успех в те годы. Продавалась в бутылках особого фасона и со специальной пробочкой. Как утверждали тогда, Воейков нажил на этой воде большое состояние. Об этой «Куваче» см. другое стихотворение В. Мятлева*.

«*Казаки били морды*» – имеются в виду столкновения между нарядами казаков и французскими матросами на Литейном мосту в Петербурге в дни пребывания Пуанкаре в Петербурге. В те дни в Петербурге проходили массовые демонстрации и забастовки, для прекращения которых и вызывались наряды казаков. Французские же матросы, будучи в Петербурге в гостях с Пуанкаре, явно сочувствовали забастовщикам и демонстрантам.

* «Кувача». (Прим. ред.)

«Хуже раненому Грише» — см. комментарий выше.

«Очень сердится Берлин» — германское правительство императора Вильгельма II, готовившееся к мировой войне, вскоре им и развязанной, с опаской и тревогой следило за сближением России с Францией, а затем и с Англией, и было очень недовольно политикой русского правительства, которое отошло от традиционной дружбы «трёх императоров» — России, Германии и Австрии, установившейся ещё в начале XIX в.

«Помоги нам, Серафиме!» — преподобный Серафим Саровский был одним из самых чтимых святых Православной Церкви в семье царя, вообще крайне религиозной.

«Не оставь, Пуанкаре!» — во время своего визита президент Франции Пуанкаре обещал русскому царю дальнейшую финансовую поддержку. Франция в период с 1905 по 1917 г. предоставляла России крупные займы.

25 февраля 1980 г.

Декабрь 1916 года
(На убийство Распутина)*

Твердят газеты без конца
Про смерть «известного лица»,
И о «лице» из двух столиц
Наводят справки много лиц.

Но что понять из верениц
Каких-то анонимных лиц?
Известно, что с одним лицом
Пять лиц сидели за винцом.

Туда же прибыло «лицо»
И тоже стало пить винцо.
Когда ж, пред трапезы концом,
Они сошлись — «лицо» с лицом,
«Лицу» пришлось от лица
Принять в лицо заряд свинца.

* В скобках дан 2-й вариант названия стихотворений. (Прим. ред.)

Тут, после ряда небылиц,
«Лицо» на снег упало ниц,
И унеслись, быстрее птиц,
С «лицом» — автомобили лиц...

.....

.....

Лицо, лица, лицу, лицом...
Ах, можно, право, стать глупцом
От лиц в истории с «лицом»!

20 декабря 1916 года был убит в особняке князя Ф. Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстон известный авантюрист, приближённый царской семьи Григорий Ефимович Новых, известный более как Гришка Распутин. Убийство организовали сам князь Ф. Ф. Юсупов, женатый на племяннице императора Николая II, двоюродный брат императора великий князь Дмитрий Павлович и лидер одной из самых крайних монархических партий, член IV Государственной Думы В. М. Пуришкевич, известный своими крайними антисемитскими взглядами. Он был депутатом от Бессарабской губернии.

В газетах было запрещено писать об этом убийстве, и все помещавшиеся заметки и корреспонденции как в московских, так и в петроградских газетах снимались введенной к этому времени цензурой. Она была введена после начала Первой мировой войны, так как до этого её отменили в 1905 году. Газеты выходили с белыми пятнами на месте снятых статей, так как редакции не успевали набрать новый текст к моментам выхода газет. Однако цензурой пропускались заметки, где говорилось «о смерти некоего известного лица» без упоминания имени убитого. Это и дало повод к написанию В. Мятлевым данного стихотворения.

Обстоятельства убийства Г. Распутина стали вскоре широко известны, наступившая в феврале 1917 года революция сняла запрет с этой темы. Участники убийства и его организаторы не понесли наказания, ибо Николай II не решился предать их суду, так как суд над ними был бы

судом над самой императорской четой и мог повлечь за собой серьезные последствия для монархии и монарха. Поэтому участники были подвергнуты лишь такому преследованию: князь Ф.Ф. Юсупов (он не служил в то время на военной службе) был выслан в Курскую губернию на жительство в собственное имение, великий князь Дмитрий

Ю. А. 1915.

Ю. Анненков.
Григорий Распутин.
1915*

Князь
Ф.Ф. Юсупов
граф Сумароков-
Эльстон
(младший). 1916**

Павлович, как служивший в армии, был отправлен на самый отдаленный участок фронта в отряд генерала Баратова, действовавший на Багдадском направлении (ныне Ирак). Это помогло Дмитрию Павловичу сохранить жизнь, так как после Октябрьской революции он смог беспрепятственно уехать с Багдадского фронта за границу. В.М. Пуришкевич, во время войны бывший очень энергичным и незаменимым деятелем военно-санитарного дела, был отправлен на Германский фронт, где он и продолжал свою неутомимую деятельность по спасению жизней раненых и больных воинов и оказанию помощи беженцам.

Стихотворение реконструировано по памяти и, возможно, не совсем точно.

* Из кн.: Ю. Анненков. Дневник моих встреч. – М., 2001. (Прим. ред.)

**Из кн.: Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах. – М., 2001. (Прим. ред.)

**Немецкий погром в Москве
(Лето 1915 года)**

«Хоть я командовал бригадой
И мог бы взять Берлин давно,
Но не гоняюсь за наградой:
Я так богат — мне всё равно!

К тому ж тошнит меня от трупов,
Гниющих грудями во рву, —
Сказал брезгливо князь Юсупов, —
Нет, лучше дайте мне Москву.

Там уважают Зинаиду.
Ни мне, ни другу, ни врагу
Она не даст Москвы в обиду,
И я ей в этом помогу!»

И что же?! Сон наивно-детский
Осуществился наяву.
Смещён завравшийся Сандецкий,
Феликсу отдали Москву.

Тень устроителя Ходынки
Проникла в комнаты дворца.
Князь посещал мясные рынки
И разглагольствовал с крыльца.

Пренебрегая трафаретом,
От черни к власти строил мост,
Ходил по площади с портретом,
Хотя величествен, но прост.

И мнил он — памятник поставит
И надпись сделает Москва:
«Се тот, кто мудро мною правил
Един в трёх лицах божества!»

Такой энергии затраты,
Высоких мыслей, веских слов

Сказались быстро результаты:
Однажды в светлые палаты
Вбегают чёрный Муравьев.

Вбежав, кричит: «Москва бунтует,
Патриотически слепа,
Добро немецкое ворует
Российских подданных толпа.

Пора начать! Без экивоков!
Кто бы ты ни был – Сумароков,
Юсупов граф иль князь Эльстон!»

Но князь тревожиться не падох,
Спокойно молвил он: «Мерси!
Я знаю: мелкий беспорядок –
Наука ворогам Руси!»

Супруги умной вняв совету,
Вопрос поставил он ребром:
Спешил спасти Елизавету,
Но медлил прекратить погром.

Промедлив сутки, съездил в Думу,
Где и купцы, и господа,
Где было очень много шуму
И мало толку, как всегда.

Глотнув упрёков Челнокова,
Сказал спокойно князь: «Пойду
Скажу народу два - три слова.
С ним надо мягкую узду!»

Пока у Мандля стёкла били,
Он, разодет как на парад,
Стоял в своём автомобиле
И делал жесты наугад.

И до сих пор ещё не ясно,
Что означал красивый жест:

«Валяйте, братцы! Так прекрасно!»
Или высказывал протест.

Тогда начальник гарнизона
Привёл войска и крикнул: «Пли!»
И в силу этого резона
Все поклонились и ушли.

Ни на Петровке нет буянов,
Ни на Кузнецком нет мосту...
Слетел, конечно, Адрианов,
Но князь остался на посту.

И над убытками «шпионов»
Смеясь, сей новый Деларю
Сказал: «Четыреста миллионов —
Au fond — c'est moins que je n'ai su».

Немецкий погром в Москве летом 1915 года был вызван патриотическими чувствами населения, главным образом низов, искусственно подогретых властями, дабы отвести недовольство населения поражениями армии на немецком фронте, когда русские войска были вынуждены оставить Польшу с Варшавой, Литву с Вильно и большую часть Галиции со Львовом. Разграблению подверглись магазины фирм, носивших немецкие фамилии. Так, в Москве, среди прочих, были разгромлены магазины фирм «Юлий Генрих Циммерман» — музыкальные инструменты, «Эйнем» — кондитерская от фабрики «Эйнем и К°» (ныне «Красный Октябрь»), аптеки Келлера и Ферейна, магазины Мандля, Геляссен — одежда и мануфактура, и многие другие. Генерал-губернатором в Москве был тогда генерал Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон, сын генерал-адъютанта Феликса Николаевича графа Эльстона и его жены Елены Сергеевны графини Сумароковой. Феликс Феликсович (р. 1856 г.) после женитьбы на княжне Юсуповой Зинаиде Николаевне получил право носить тройную фамилию — князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон. Его сын, родившийся в 1887 г. и женатый на

В. Серов. Портрет
князя Юсупова (отца).
1903

племяннице царя Николая II, Ирине Александровне (р. 1895 г.), был одним из организаторов убийства известного Г. Распутина.

Сандецкий — генерал-губернатор и командующий войсками Московского военного округа, был предшественником Ф.Ф. Юсупова на этом посту.

«Тень устроителя Ходынки» — намёк на великого князя Сергея Александровича, бывшего генерал-губернатором Москвы в 1896 г., на него пала ответственность за «Ходынскую катастрофу» 14 мая 1896 г. во время коронавания императора Николая II.

«Чёрный Муравьёв» — помощник московского градоначальника, полковник.

«Спаси Елизавету» — сестра императрицы великая княгиня Елизавета Фёдоровна, немка по рождению, постоянно проживала в Москве, в доме генерал-губернатора (ныне Моссовет), и была во время войны, несмотря на ее патриотическую деятельность, постоянно подозреваема широкими кругами населения в симпатиях к врагам — Германии и немцам.

«Упрёк Челнокова» — М.В. Челноков был в 1915 году московским городским головой.

«Мандль» — немецкая торговая фирма, торговавшая мануфактурными изделиями.

Петровка и Кузнецкий — улицы, где было больше всего магазинов с немецкими фамилиями, и там, в основном, происходил погром.

Адрианов — московский градоначальник, полковник «Новый Деларю» — см. стихотворение графа А.К. Толстого «Баллада о камергере Деларю».

«Au fond - c'est moins que je n'ai cru» (фр.) — в конце концов, это менее, чем я думал.

26 февраля 1980 г.

Молитва буржуя
(Одесса в 1919 году)

Господь! К Тебе взываю паки:
Не допусти меня пенять
И даждь мне денежные знаки
Приобрести и разменять.

И в оны дни народоправства
И обновленья бытия
Не наказуй меня без яства
И не оставь без пития.

И вместо оных риз кувалды
Меня, как прежде, обряди
В шитьём украшенные фалды
И в белоснежные портки.

Дай не писаться больше в нетях
Заблудших овн поводырю,
Зане спасения в кадетях
И иже с ними — я не зрю.

И сохрани на многи лета
О нас пекущихся зело
Флотоводителя Амьета
И воеводу Бертелло.

И в граде сицем, дабы пламень
Не гас в мятущейся душе,
Вложи царя Давида камень
В пращу боярина Франше.

Благослови мечи и танки,
Да не очутихомся мы
(И греки тако же, и франки)
В бесовской власти князя тьмы.

Сих, не удравших за границу
И не плывущих по волне,
Предай ввержению в темницу
И приставлению к стене.

Дай поражение над ехидной,
Ты, иже милуешь скоты,
И сохрани до непостыдной
Кончины наши животы.

Это стихотворение В. Мятлева написано в духе молитвы с употреблением многих оборотов речи и слов, заимствованных из церковно-славянского языка, в Одессе в 1919 году.

Несколько слов об обстановке, царившей в Одессе в то время. После подписания «похабного», по выражению В.И. Ленина, мира в Бресте с Германией 3 марта 1918 года Украина становилась самостоятельной державой, независимой от РСФСР. В поддержку созданного там, на Украине, правительства «самостийной Украины» во главе с гетманом П.П. Скоропадским германские и австрийские войска оккупировали всю Украину. После поражения Германии, по условиям Компьенского перемирия, одним из обязательств, возложенных на Германию, было не уводить свои войска с оккупированной Украины во избежание захвата последней войсками Красной Армии. По условиям перемирия, германские войска должны были находиться на Украине вплоть до замены их войсками союзников. Во исполнение этого союзники приступили к высадке своих войск в черномор-

ских портах — Одессе, Николаеве, Херсоне, Севастополе и др. В Чёрное море, наряду с английской эскадрой, вошла французская эскадра, под командованием адмирала Амьета (правильнее — Эмьета).

В Одессе высадились в основном французы, а также греки и небольшие контингенты других союзнических войск — итальянцы, сербы. Но германское командование не смогло сдержать стихийного ухода своих солдат домой с Украины, бегство которых было столь стремительно, что наступавшие части Красной Армии просто не успевали следовать за бегущими домой немецкими солдатами, которые бросали на Украине свое вооружение, вплоть до тяжёлой артиллерии. Брошено было очень большое количество ручного оружия, пулемётов и всякого рода боеприпасов, и всё это в основном осело на руках у украинских крестьян, в сёлах и деревнях. Это и послужило одним из основных стимулов стихийного появления на Украине в те годы вооружённых банд, одинаково не признававших власти ни белых, ни красных. Возникновение этих банд шло ещё со времени германской оккупации, возникавшие тогда вооружённые отряды вели партизанскую войну главным образом с оккупировавшими Украину немецкими войсками. В это время возникла банда Нестора Махно и разные отряды «батек» — Зелёного, Струка, Шубы, Матяша, Маруси Никифоровой, Бондаренко и многих других. Ко времени окончательного ухода германских войск с Украины союзники успели занять лишь приморские города. Вся же остальная Украина была очень быстро занята частями Красной Армии, а западная часть её — Правобережье — частично было занято войсками Петлюры.

Попытка войск союзников продвинуться вглубь Украины и оттеснить вошедшие на Украину части Красной Армии потерпела сокрушительное поражение в бою под станицей Раздельной, к северу от Одессы, когда союзные франко-греческие войска были наголову разбиты частями Красной Армии, в рядах которой были комдив Г. Котовский и командир другого большого армейского соединения — Н.А. Григорьев. Но Григорьев вскоре после занятия им и Котовским Одессы (французы и греки

бежали из этого города) поднял мятеж против Советской власти, выбросив лозунг «Советская власть без коммунистов и жидов».

Очень быстро в руках восставшего Григорьева оказалась огромная территория Украины — от Одессы до Кременчуга. Однако мятеж Григорьева, после неожиданных и быстрых успехов восставших, так же быстро был ликвидирован. Сам Н. Григорьев собирался объединить свои «войска» с анархистской армией Нестора Махно и прибыл в ставку этого главаря анархистов, где и был предательски убит по приказанию самого Махно. Армия же Григорьева, потеряв своего вождя, растаяла как снежный ком весной. Разрозненные попытки григорьевцев оказать сопротивление направленным против них частям регулярной Красной Армии успеха не имели, и вскоре вся территория от Кременчуга до Одессы снова была под властью Советов.

Во время оккупации «союзниками» Одессы с ноября 1918 по апрель 1919 года командующим союзными войсками был французский генерал Франше д'Эспре, ранее командовавший силами союзников на Салоникском фронте. Другим французским начальником в Одессе был генерал Бертелло, ранее командовавший войсками союзников на Румынском фронте. В своей «Молитве» Мятлев упоминает эти имена французских генералов и адмирала.

В то время в Одессе скопилось множество бежавших с севера, из Петрограда и Москвы, так называемых «буржуев» — представителей правящих классов старой России, искавших на Украине убежища от ненавистой им Советской власти. В числе их был и автор этого стихотворения В. Мятлев — из старой богатой дворянской фамилии, внук известного в Пушкинские времена поэта И. Мятлева. До революции он занимал какую-то придворную должность, был камергером или камерюнкером, и носил форму — мундир, украшенный золотым шитьём, и белые брюки, о чём он упоминает в своей «Молитве». Будучи в Одессе и нуждаясь в деньгах для насущного пропитания, В. Мятлев какое-то время работал молотобойцем в местной кузнице, это обстоятельство он также отразил в стихотворении — «*риз кувалды*».

Русская буржуазия возлагала на союзнические войска и их вождей все свои надежды на крушение Советской власти и восстановление старых порядков, что нашло отражение в «Молитве». Также отражён страх буржуазии перед Советской властью, которая олицетворяется автором с «*князем тьмы*», то есть с Антихристом:

«Проставление к стене» – расстрел, часто практиковавшийся органами ЧК в борьбе с контрреволюцией.

Во время господства интервентов в Одессе много «буржуев», в том числе и сам автор стихов, выехали во Францию, принявшую к себе наибольшее количество белоэмигрантов.

Январь 1977 г.

Публикация Н.А. Дружневой

Памятник Ивану Сусанину: от замысла до воплощения

Как свидетельствуют архивные документы, история сооружения и установки памятника Ивану Сусанину в Костроме длилась два десятилетия и была далеко не простой.

Первым директивным документом по этому поводу стало постановление о проектировании и сооружении памятника, принятое в 1947 году 1-й сессией Верховного Совета РСФСР II созыва. Лишь в 1959 году московский скульптор Никита Лавинский, по поручению Министерства культуры РСФСР, начал трудиться над проектированием памятника.

Однако в июле 1959 года ЦК КПСС было принято постановление «О наведении порядка в деле сооружения памятников», а в сентябре 1961 года за ним последовало совместное постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР, которым предписывалось временно приостановить работы по проектированию и сооружению ряда памятников, в том числе Ивану Сусанину в Костроме. Между тем, в 1960 году Главным управлением по делам искусств Министерства культуры РСФСР, по рекомендации Худсовета по монументальной скульптуре, была принята рабочая модель памятника, выполненная Н.А. Лавинским. Централизованное финансирование работ по памятнику осуществлялось путём выделения средств областному управлению культуры, осваиваемых строительными и коммунальными предприятиями областного центра.

Таким образом, ко времени выхода постановления 1961 года был выполнен уже достаточно большой объём работ, но лишь в 1965 году областному руководству удалось переломить ситуацию. В ноябре 1965 года в Костроме состоялось обсуждение рабочей модели памятника, на которое был приглашен известный скульптор, народный художник СССР Н.В. Томский. Мэтр приехать не смог, но в письме на имя секретаря Костромского обкома КПСС Л.Я. Флорентьева дал весьма лестный отзыв о достоинствах памятника и его художественного решения скульптором Лавинским. Да иначе и быть не могло. Проект памятника Ивану Сусанину был разработан его автором ещё в 1952 году в качестве дипломной работы. На последних курсах Московского государственного института им. В.И. Сурикова Лавинский учился у Томского, который не переставал курировать работу своего подопечного над памятником Ивану Сусанину вплоть до открытия его в Костроме.

Очевидно, мнение Томского не разделяла творческая общественность Костромы, тем не менее, 28 сентября 1967 года авторская группа, создавшая памятник — скульптор Н.А. Лавинский и архитекторы М.П. Бубнов и М.Ф. Марковский, — присутствовала на торжественном митинге по поводу открытия памятника в Костроме. Специально для участия в этом событии прибыла делегация из Сусанинского района, но землю с родины Ивана Сусанина возлагали к подножию памятника (почему-то. — Т.К.) молодые рабочие завода «Красная маёвка».

Вот что писала о кульминационном моменте митинга газета «Северная правда»: «Ниспадает белое покрывало и перед взорами присутствующих предстаёт могучая фигура русского крестьянина, бессмертного в своём величии, словно бы идущего на подвиг. Торжественно звучит «Славься...» На постаменте надпись: «Ивану Сусанину — патриоту земли русской»».

Фото Е. Шиховцева. 22.06.2006 г.

**Из письма Костромского обкома КПСС
в Центральный Комитет КПСС о выполнении
постановления ЦК КПСС «О наведении порядка
в деле сооружения памятников»**

26 декабря 1959 года

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 30 июля 1959 года «О наведении порядка в деле сооружения памятников» проведена проверка состояния с проектированием и сооружением памятников.

Установлено, что за последние годы в г. Костроме и области сооружено пять памятников в ознаменование важнейших исторических событий и увековечения памяти выдающихся людей: памятник «Рабочим, расстрелянным царскими жандармами во время забастовки в 1905 году», бронзовый бюст дважды Герою Советского Союза маршалу авиации А.А. Новикову, памятник первому воздухоплавателю Крякутному, надгробные памятники: профессору Кудрявцеву и художнику Ладыженскому.

В стадии работы находятся памятник Ивану Сусанину и шесть бронзовых бюстов дважды Героям Социалистического Труда из учхоза «Караваево», объявлен конкурс на проект памятника Герою Советского Союза Юрию Смирнову.

Сооружённые памятники установлены по проектам, утверждённым Министерствами культуры СССР и РСФСР, в рамках государственной стоимости, без излишеств.

<...>

Секретарь обкома КПСС

/А. Соколов/

ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-765. Оп. 8. Д. 4. Л. 99.

**Из постановления Бюро ЦК КПСС по РСФСР
и Совета Министров РСФСР «О сооружении
памятников на территории РСФСР»**

18 сентября 1961 года

Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР отмечают, что за последнее время получила распространение неправильная практика установления на территории РСФСР всевозможных памятников, монументов и памятников-бюстов, на сооружение которых расходуются значительные государственные средства.

В целях упорядочения дела сооружения памятников, монументов и памятников-бюстов на территории РСФСР Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР постановляют:

<...>

2. Временно воздержаться от проектирования и сооружения 46 памятников, монументов и памятников-бюстов согласно приложению № 2, поручив Министерству культуры РСФСР принять необходимые меры по консервации и сохранению проектов памятников, монументов и памятников-бюстов.

<...>

4. Поручить обкомам, крайкомам партии пересмотреть все другие ранее принятые решения по сооружению остальных памятников, монументов и памятников-бюстов и к 1 ноября 1961г. доложить Бюро ЦК КПСС по РСФСР о принятых мерах.

Бюро ЦК КПСС
по РСФСР

Совет Министров
РСФСР

ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-765. Оп. 9. Д. 16. Л. 155.

№ 3

Из приложения № 2
к постановлению
Бюро ЦК КПСС по РСФСР
и Совета Министров РСФСР
от 18 сентября 1961г. № 1182

СПИСОК

**памятников, монументов и памятников-бюстов,
проектирование и сооружение которых
временно приостанавливается.**

Наименование памятника и место сооружения	
<...> Памятник Ивану Сусанину в г. Костроме	Постановление 1-й сессии Верховного Совета РСФСР II созыва от 1947 г. <...>

ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-765. Оп. 9. Д. 16. Л. 156.

№ 4

**Письмо Костромского горисполкома
секретарю горкома КПСС Лещёву И.Г.**

25 сентября 1961 года

Средства, выделенные областному управлению культуры на 1961 год в сумме 18,0 тыс.руб. на строительство памятника Ивану Сусанину не осваиваются.

ОКС¹ облисполкома и управления строительства СНХ² не принимают заказа на выполнение железобетонных работ по устройству фундамента под памятник, а горремстройтрест и коммунальные предприятия города эти работы выполнить не могут.

Исполком горсовета просит Вас оказать помощь в размещении заказа на устройство фундамента под памятник по имеющимся в горкомхозе чертежам.

Зам. председателя
исполкома горсовета

/Ванчиков/

ГУ «ГАНИКО». Ф.-2. Оп. 1. Д. 1447. Л. 28.

¹ Отдел капитального строительства. (Прим. ред.)

² Совет народного хозяйства. (Прим. ред.)

№ 5

Из постановления бюро Костромского
обкома КПСС и облисполкома <...>
«Об увековечении памяти Ивана Сусанина»

14 апреля 1965 года

В целях увековечения памяти народного героя, нашего земляка, Ивана Осиповича Сусанина, который в начале XVII века завёл польский отряд в глухой лес и ценой своей жизни сорвал попытку интервентов войти в город Кострому, бюро обкома КПСС и исполком облсовета постановляют:

<...>

2. Войти в ЦК КПСС с просьбой о завершении в 1965 - 1966 годах сооружения в гор. Костроме памятника Ивану Сусанину и об установлении у деревни Холм на берегу Исуповского болота, вблизи места гибели Ивана Сусанина, обелиска в память о народном герое³.

<...>

ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-765. Оп. 11. Д. 17. Л. 206.

³ Обелиск установлен не был. (Прим. ред.)

№ 6

**Письмо Костромского обкома КПСС
и облисполкома в Бюро ЦК КПСС по РСФСР
и Совет Министров РСФСР**

15 апреля 1965 года

В целях увековечения памяти народного героя XVII века Ивана Осиповича Сусанина, Министерство культуры РСФСР в 1959 году начало проектирование памятника Ивану Сусанину в гор. Костроме.

В настоящее время значительная часть работ уже выполнена. Скульптором Лавинским Н.А. в натуральную величину изготовлена рабочая модель памятника. Перепланирована и благоустроена площадь, где будет установлен памятник, а также прилегающие к ней улицы. Капитально отремонтированы здания и сооружения, входящие в ансамбль этой площади. Закуплены и завезены в гор. Кострому гранитные детали.

Всего на сооружение памятника Ивану Сусанину в городе Костроме уже затрачено более 330 тыс. рублей. Осталось только перевести готовую скульптуру в материал и соорудить постамент, на что потребуются лишь 20% общих сметных ассигнований. Однако, по постановлению Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 18 сентября 1961 года, дальнейшие работы по сооружению памятника Ивану Сусанину прекращены.

Обком КПСС и облисполком, учитывая многочисленные просьбы трудящихся, просят Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР разрешить продолжить работы по сооружению памятника народному герою XVII века Ивану Сусанину в гор. Костроме, а также

решить установить обелиск в Сусанинском районе в месте героического подвига Ивана Сусанина⁴.

Прилагаем копию заключения Художественного совета Министерства культуры РСФСР от 16 июля 1960 года

Секретарь обкома КПСС
(Л. Флорентьев)

Председатель облисполкома
(А. Савин)

ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-765. Оп. 11. Д. 7. Л. 10

№ 7

**Копия письма Главного управления по делам искусств Министерства культуры РСФСР
начальнику управления культуры
Костромского облисполкома Капустину В.Д.**

16 июня 1960 года

Главное управление по делам искусств сообщает, что по рекомендации Художественно-экспертного совета по монументальной скульптуре принята рабочая модель памятника Ивану Сусанину, выполненная скульптором Н.А. Лавинским.

С удовлетворением сообщаем, что Художественный совет очень высоко оценил модель. Памятник обещает стать высокохудожественным произведением.

В ближайшее время авторы выедут в Кострому для установки фанерного силуэта, что позволит уточнить окончательные размеры монумента.

Зам. начальника Главного
управления по делам искусств

А. Холодилин

ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-765. Оп. 11. Д. 7. Л. 16.

⁴ См. прим. 3.

№ 8

**Письмо Костромского обкома КПСС
народному художнику СССР
Томскому Николаю Васильевичу**

22 октября 1965 года

Уважаемый Николай Васильевич!

В городе Костроме сооружается памятник народному герою Ивану Сусанину по проекту скульптора Лавинского Н.А. Рабочая модель памятника установлена для всеобщего осмотра.

1-го ноября с.г. состоится обсуждение проекта памятника общественностью города Костромы.

Обком партии приглашает Вас, Николай Васильевич, осмотреть рабочую модель памятника и принять участие в его обсуждении. Заранее признательны за Ваши советы.

Секретарь обкома КПСС

/В. Архипов/

ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-765. Оп. 11. Д. 36. Л. 44.

**Письмо лауреата Государственных премий,
народного художника СССР, действительного
члена Академии Художеств СССР, профессора
Н.В. Томского секретарю Костромского
областного комитета Л.Я. Флорентьеву**

30 октября 1965 года

Глубокоуважаемый Леонид Яковлевич, примите мою благодарность за приглашение в Кострому на обсуждение памятника Ивану Сусанину. К большому сожалению, я не могу быть у Вас, т.к. уезжаю на сессию Академии Художеств СССР в Ленинград.

Но, ознакомившись с письмом группы костромичей, адресованным Вам по вопросу сооружения памятника Ивану Сусанину в г. Костроме⁵, считаю своим долгом высказать своё мнение и по заявлению т.т., подписавших это письмо, и по существу памятника И. Сусанину работы скульптора Н. Лавинского.

Очень приятно, конечно, что группа костромичей, подписавших письмо, так болезненно относится к сооружению этого памятника. Было бы ещё похвальнее, если бы творческая художественная общественность Костромы так же болела бы душой за создание этого памятника. Но, увы, художники Костромы, хорошо зная, что скульптором Лавинским ведётся работа над памятником в течение многих лет, не пошевелили пальцем, чтобы сделать свои творческие предложения, что никому и никогда не возбраняется, а даже приветствуется.

⁵ Письмо в фондах Государственного архива новейшей истории Костромской области (ГАНИКО) отсутствует. (Прим. ред.)

Товарищи ратуют за проведение конкурса. Но конкурсы не всегда дают хорошие результаты, иногда они служат и к охлаждению идеи сооружения. В конкурсе всегда выигрывает лишь только тот художник, который всем сердцем и душой влюблен в создаваемый образ и любит его долго и по-настоящему. А обращение к временной любви того или иного образа или события хороших результатов не даёт.

Скульптор Н. Лавинский ещё задолго до решения вопроса о сооружении памятника работал над созданием образа Ивана Сусанина.

Работал влюблённо, много, упорно. В результате им создан художественно верный образ русского человека — патриота.

Иван Сусанин Лавинского это не фигура, внешне выражающая героизм личности, а личность человека, наполненная большим содержанием жизни и патриотической любовью к своей родине, к своей земле.

В образе Ивана Сусанина, созданном Лавинским с убедительной художественной силой, раскрыто величие русского человека, идущего на смертный подвиг не по горячности и наитию, а с полным сознанием всего происходящего, как выполнение долга перед своей родиной, перед своей многострадальной землёй.

Замечательна голова в памятнике Сусанину, наполненная высокими благородными чувствами простого человека-патриота.

Очень выразителен жест правой руки, утверждающий, что место врагу русской земли только в земле.

Памятник в целом с его пьедесталом я считаю большой удачей скульптора и архитекторов.

Это не «тумба», как выражаются авторы письма, а «непоколебимый столп», несущий в себе самые высокие, благородные чувства русского народа.

Доработанный ещё в деталях и выполненный в материале этот памятник будет служить не только памятью о подвиге Ивана Сусанина и украшением города, но и обязательно в каждом человеке, кто внимательно его рассмотрит и прочувствует, будет поднимать те высокие

чувства патриотизма, которые так искренне и с любовью выражены автором в образе Ивана Сусанина.

Судя по фотографиям — место установки и размеры памятника я считаю также удачными.

С глубоким к Вам уважением /Подпись/

ГУ «ГАНИКО». Ф. Р-765. Оп. 11. Д. 36. Лл. 45, 45 об.

По свидетельству костромских художников, параллельно с Лавинским, над проектом памятника Ивану Сусанину работал талантливый костромской скульптор Алексей Васильевич Щепёлкин, окончивший КУХОМ⁶ и Суриковский институт, где учился у Н.В. Томского. Модель памятника, выполненную Щепёлкиным в гипсе⁷, видели многие члены Костромского отделения Союза художников и находили созданный им образ Сусанина более выразительным, а художественное решение более удачным и динамичным, нежели в проекте, созданном Лавинским. Модель, предлагаемая Щепёлкиным, требовала воплощения в бронзе. Однако этот проект не рассматривался ни руководством области, ни костромской общественностью.

Обсуждение модели, выполненной Лавинским, проходило в ноябре 1965 года. На месте, отведённом под будущий памятник, установили фанерный макет в натуральную величину. Для участия в обсуждении, проходившем в актовом зале облсовпрофа (ул. Советская, 53), народу собралось не так уж много — около сорока человек, хотя информация о том, когда и где оно состоится, прошла по областному радио. В основном это были представители костромской общественности, в

⁶ Костромское училище художественной обработки металла. (Прим. ред.)

⁷ Модель памятника, подаренная в конце 1980-х гг. Михаилом Сергеевичем Колесовым Костромскому областному отделению Всероссийского фонда культуры, передана Фондом культуры тогда же в КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь». (Прим. ред.)

том числе ветераны. Присутствовал и автор проекта – скульптор Н.А. Лавинский.

Большинство высказавшихся находили модель памятника неудачной, статичной. Прозвучали высказывания и такого рода, что всё, дескать, проверяется временем, привыкнем...

В конце концов, обсуждение свелось к вопросу, в какую сторону будет смотреть Сусанин – на Волгу или на город. Склонились к первому варианту.

Позднее, когда открылся санаторий им. Ивана Сусанина, на его территории был установлен ещё один памятник народному герою – копия (не совсем точная) памятника, выполненного Лавинским, изготовленная костромским скульптором Алиной Усовой.

Публикация Т.М. Карповой

Василий Румянцев, священник

Из воспоминаний

Священник **Василий Румянцев (1876/77 - 1962)** родился в деревне Дьяконове Буйского уезда в крестьянской семье.

В 1884 - 1887 гг. учился в Чудцовской начальной школе Буйского уезда. Это было единственное учебное заведение, в котором он учился.

Отец, **Вавила Васильевич**, умер 54-х лет, когда сыну было не более 13 лет, но отец успел научить **Василия** всем крестьянским работам.

После смерти отца **Василий** нанимался вместе с братьями, с которыми он жил, к лесопромышленникам рубить и вывозить лес (работал 2 зимних сезона погонщиком лошадей), помогал братьям в плетении лаптей на продажу.

С 1891 г. он — писарь и счетовод местного сельского старосты. В 1893 - 1909 гг. — учитель Чудцовской церковно-приходской школы и Дьяконовской школы грамоты (в 1896 г. сдал испытания на звание учителя начальной школы). За труды по народному образованию в 1902 г. был награждён серебряной медалью «За усердие» на Александровской ленте.

В 1909 г. **Василий Румянцев** принял сан диакона и вплоть до 1913 г. служил диаконом в Ильинской церкви села Тутки Солигаличского уезда. В 1913 г. о. **Василий** был рукоположен в священника и с этого времени по 1937 год служил священником Георгиевской церкви села Каликина Чухломского уезда (ныне территория Парфеньевского района), впоследствии закрытой и разрушенной.

В 1934 г. о. **Василий** перешёл в обновленческий раскол, став в это время благочинным. В 1937 г. ушёл в заштат. В 1943 г. в связи с упразднением обновленчества возвратился в Русскую Православную Церковь.

После 1937 г. недолго служил в Воскресенском храме села Парфеньева, в 1947 г. — в храме св. **Василия Великого** в Галиче.

Умер 85-ти лет в Каликине, похоронен возле Георгиевского храма, в котором прослужил около 25 лет.

Воспоминания написаны им в начале 50-х гг., публикуются в сокращении.

При публикации сохранены особенности авторского написания слов: буква ё под ударением («бrevёнчатый», «тёмно») и в безударном положении («морё»), «и» в положении между мягкими согласными («близни») и некоторых слов: «фамиль», «дедушко», «конфекты» и т.д.; написание с заглавной буквы названий месяцев года, учебных предметов в школе и в др. случаях («Государство» — не в начале предложения; «Его» — при рассказе о погибшем в Отечественную войну сыне — тоже не в начале предложения — и пр.); приставки на «з» перед глухими согласными; у прилагательных и числительных окончание «-ия» вместо «-ие» в им. п. мн. ч. и «-яго» вместо «-его» в род. п. ед. ч. муж. и ср. р.

Некоторые сокращённые слова для удобства чтения даны полностью; другие, имеющие авторский характер сокращения, печатаются в общепринятом виде.

Пропущенные слова даны в квадратных скобках, подчеркнутые автором слова выделены жирным шрифтом. Даты записей в «Дневнике Отечественной войны» выделены курсивом.

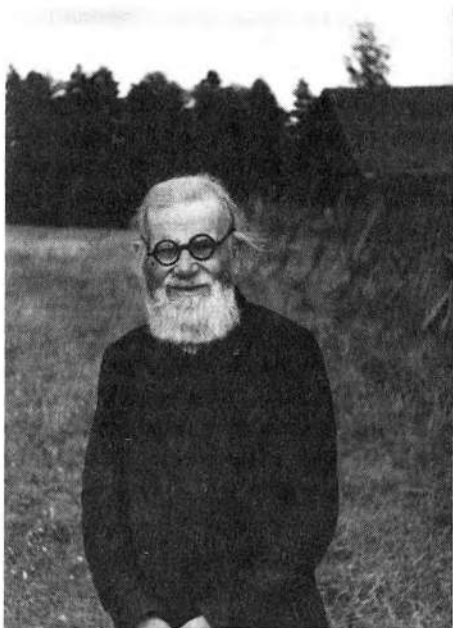
В подавляющем большинстве случаев сохраняется авторская пунктуация. Редакторская правка отсутствует.

Моё детство

12 февраля 1952 г.

Я не помню, когда родился. Это невозможно. О времени своего рождения я узнал в школе в 3-м классе, когда учился третий год. В то время мне было 11-ть лет. Я родился 22 декаб. по ст. ст. 1876 г. в дер. Дьяконове Дьяконовского с/с Буйскаго р-на Костр. обл.* от небогатых родителей — крестьян-хлебопашцев. Отца звали Вавило Васильевич, а мать — Пелагия Тимофеевна. Они были малограмотными, фамили не имели.

* Правильно: Буйского уезда Костромской губернии. (Прим. ред.)

*Священник Василий Румянцев.
Из архива И.Н. Голубевой*

Для меня кажется невероятным, но на самом деле это было в моей еще младенческой жизни, когда мне было не более одного года от рождения. В один из дней я увидел себя у груди своей матери, питающей меня, а потом понял, что она кладет меня в люльку против моего желания и начинает качать с пением колыбельных слов. Я видел в это время, что за столом сидел седой старик в домотканой в клеточку синей рубашке. Это был мой дедушко по отцу, как я узнал после. Его звали Василием. И это событие каким-то образом [запечатлелось] в мозгах моей головы и осталось в памяти навсегда по сие время, когда мне уже 75 лет. Еще запечатлелось в тот момент внутренний вид дома и постановка в нем, а именно: белая печка, пиленный тесовый пол, брёвенчатый и нетёсанный потолок, лавка около стен, стол в красном углу и наверху в углу иконы.

Я помню, что мне не хотелось в этот раз быть в люльке и я очень плакал. А потом, по-видимому, я уснул под

нение матери. И больше не возобновлялись мои подобные ощущения себя и действий моей матери и моих родных до времени моего понимания, свойственного всем детям.

Когда я стал уже порядочно взрослым, понимающим и способным разговаривать с матерью и спрашивать ее и ей передавать свои детские впечатления — мне вспомнилось сказанное выше событие. Я рассказал ей всё это. Она на это ответила, что действительно всё так и было во время моего младенческого возраста, когда мне было не больше одного года от рождения. При этом она сообщила, что виденный мною седой старик был мой дедушко Василий 80 лет, который потребовал при крещении моем дать мне имя тоже Василий. При этом он пророчески сказал, что я родился на смену ему, буду таким же, как и он. При крещении меня на дому он был за псаломщика и читал Символ веры, вместо отца крестного. Также мать сообщила при этом, что дедушко носил синия в клеточку рубашки. Она сообщила, что действительно правильно описаны мною внутренние виды дома. Дедушко Василий недолго жил после моего рождения, вскоре умер. Мать сообщила мне о нем одно хорошее и примерное для нас в жизни, оставшихся жить с родителями. Он был совершенно трезвым, трудолюбивым, миролюбивым со всеми, не любившим ссор и сквернословия, вел свое хозяйство правильно-толково, каждое дело по хозяйству отправлял своевременно и без опущений. У меня было два брата и две сестры старше меня. Их теперь нет: они умерли.

До школьного возраста я был несколько раз, почти всё время, больным. По-видимому, я перенёс все детские болезни: натуральную оспу, т.к. в то время не было противооспенных прививок, и от оспы умерли троё моих товарищей по детским играм. Я перенёс корь и коклюш, перенёс и скарлатин с осложнениями, была большая опухоль под бородком, в виде большого вала, потом прорвавшегося и образовавшего раны. При этой болезни мать возила меня в Ферапонтовский храм для молитвы над могилою Преп. Ферапонта. После этого я стал выдвигать и моё здоровьё окрепло. Мать мне сообщила, что при всех своих болезнях я несколько раз умирал.

был очень слаб и лежал под Святыми иконами на лавке приговоренный к смерти. В это время некоторые из соседей приходили к нам смотреть на меня умирающего. Это и я помню и теперь их представляю своим воображением и называю их имена. Но я ожил и выздоровел. Исполнилось пророчество моего дедушка Василия. Я сменил его и теперь живу. Напрасны были страхи моих родных и всех проходящих. Мои родители, мои братья и сестры радовались этому и меня баловали своими гостинцами, покупали конфеты.

Мое первое образование

24 Февр. 1952 г.

Когда мне исполнилось 8 лет, меня отдали учиться в Чудцовскую начальную школу, в которой я учился три года. Учителем в школе был трезвый и во всём хорошем примерный человек. Его звали Николай Аниподистович Сибилев. Он был сам выдержанным и строгим к себе и старался и нас воспитать и сделать такими же выдержанными и примерными для правильной жизни: не позволял ссориться и произносить нехорошие — нелитературные — мужицкие слова, не позволял курить табак и ходить по вечерам в беседы парней и девушек, чтобы не перенять у них нехорошее, например сквернословие, и чтобы не потерять время, необходимое для усвоения уроков, заданных на дом или на квартиру. За выполнением всего этого он строго следил. И мы слушались его и в то же время боялись его обидеть непослушанием, потому что мы его любили. Кроме этого, им было указано ходить нам в церковь в каждый праздник, куда приходил и сам он неупустительно за пять километров, подавая пример нам в этом и — в то же время — проверяя нашу исполнительность.

Основными предметами для преподавания были: Закон Божий, Русский язык, Арифметика, Церковнославянский язык и Чистописание. Пособиями по Закону Божию были истории — книги авторов: Соколова, Чемцова и епископа Агафодора. По Русскому языку пособиями были учебники: «Родное слово» — первый год,

для младшего отделения, «Хрестоматия» Баранова — для второго и третьего отделений; книга Водовозова и «Детский мир» Ушинского — для третьего отделения. По арифметике были задачки Евтушевского и Гольденберга. В состав Русского языка входило: толковое механическое чтение с объяснением непонятных слов и пересказыванием своими словами прочитанного, а иногда с письменным изложением; заучивание наизусть стихотворений и басен, знание главных событий из отдела Русской истории; знание частей света, океанов, морей, рек и озёр и городов нашего отечества — из отдела по географии, с подразделением по краям и указанием, где чем занимается население; знакомилась с царством животных, растений и ископаемых минералов — из отдела Естественной истории.

На правописание и знание грамматических знаний обращалось большое внимание учителя. При этом часто делался разбор слов по частям речи и предложений. При письменных работах обращалось тоже большое внимание на чистописание.

По Арифметике требовалось знание четырёх арифметических действий (сложения, вычитания, умножения и деления) простых чисел и составных-именованных с раздроблениями и превращениями разных мер, решением примеров и очень сложных задач, по Гольденбергу и Евтушевскому задачку, с простыми и именованными числами. Также решали примеры и задачи на квадратные и кубические меры и на вычисление времени. Знакомились с простыми дробями и десятичными.

По всем этим предметам я имел большой успех и был первым учеником из своих товарищей по классу.

По церковно-славянскому языку требовалось быстрое и правильное чтение на ударениях слов и перевод церковно-славянского языка на русский. Это производилось при чтении по порядку Св. Евангелия. По Закону Божию требовалось знание начальных молитв, Символа Веры и 10-ти заповедей Закона Божия — с объяснением, знание истории ветхого и нового завета с тропарями великих праздников, знание церковных Богослужений суточных и годовичных, церковный устав при

Богослужения и о степенях священства и о одеждах, присвоенных их сану. Знакомились с некоторыми событиями и из Церковной истории.

Курс знаний и усвоение всего этого проходили в течение трех годов, при трех классах или отделениях, занимаясь ежедневно, начиная с 1-го Окт. и по Май месяц, по 5-ти уроков. Задавались большие уроки на дом. В зимние долгие вечера приходили ученики в школу для выполнения этих уроков, т.к. было лучше и удобнее решать эти уроки при большом свете от школьных ламп и при помощи учителя.

При школе имелась довольно порядочная библиотека. Все время обучения брали из нея книги для внеклассного чтения. Я любил читать сочинения Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Мы хорошо знали все сказки Пушкина, несколько стихотворений и повесть «Капитанская дочка», «Метель», «Барыня-крестьянка». С большим увлечением читали все сочинения Гоголя, в особенности книгу «Тарас Бульба». Из сочинений Лермонтова все мы знали наизусть стихотворения «Бородино», «Воздушный корабль» и др. А басни Крылова — это была необходимая потребность знать наизусть довольно порядочно из них и разыгрывать их на сцене своего кружка, например: «Два мужика», «Муравей и Стрекоза» и др. В большом ходу у нас были книги: «Робинзон Крузо», «Князь Серебряный» А. Толстого, сказка «Аленький цветочек» — Аксакова, «Юрий Милославский» — Загоскина, «Хижина дяди Тома», «Суворов», «Кутузов» и др.

Порядок школьной жизни был следующий: ежедневно был классный дежурный из учеников старшего (3-го отделения) класса по очереди. На обязанности его было приготовить мел, мокрую тряпку для стирания с классной доски, посадить учеников на свои места по партам, прочитать молитву пред учением: «Преплагий Господи, ниспошли нам благодать Духа Твоего Святого, дарствующего и укрепляющего душевныя наши способности, да внимая преподаваемому нам учению, возросли мы нашему Создателю на славу, отечеству нашему на пользу и

* Правильно: «Стрекоза и Муравей». (Прим. ред.)

родителям нашим на утешение». После прочтения молитвы дежурный должен был сказать: какой сегодня день (понедельник или другой какой), которое число и какого месяца и года, каких Святых праздник (для этого висел календарь). Потом дежурный раздавал ученикам чернила, ручки и тетради, а после урока — собирал их и передавал учителю. Он же читал молитву и после учения. Каждый учебный год заканчивался школьным праздником. Он состоял в следующем: учитель обращался ко всем ученикам с наказом, как вести себя дома летом и что нужно помнить, а потом производилось угощение по очереди всех учеников чаем с баранками, хотя было ежегодно не менее 70 человек.

После 3-х годичного обучения производились экзамены Экзаменационной комиссией, состоящей из 3-х членов: председателя, командированного Уездным училищным советом, законоучителя-священника и учителя. Успешно сдавшим экзамен в знании курса школы выдавалось свидетельство об этом, с правом какой-то льготы по воинской повинности, а хорошим ученикам выдавались еще похвальные листы за хорошие или отличные успехи.

Я кончил учение в начальной школе с похвальным листом за отличные успехи. И мне было предложено учиться в Солигаличском уездном училище с получением субсидии от Уездного земства без возврата. Но отец мой не согласился меня отпустить, хотя я желал учиться.

Значение школьного воспитания

25 февраля 1952 г.

Значение школьного воспитания юношества остаётся на всю жизнь. Это я вижу по себе. Для меня наш учитель, Николай Аниподистович Сибилев, остаётся примером и идеалом по сие время. Его выдержанность и строгость к себе передалась и мне, потому что я по сие время не позволяю себе произносить нехорошие и ругательные слова, хотя имею себе 75 лет от роду.

Стараюсь избегать ссор с другими и быть лгуном среди них. После школы я не пил крепких напитков до 30-ти летнего возраста ни одной капли. И после этого возраста ни одного разу не напивался пьяным или полупьяным. Очень в редких случаях позволял себе выпить не больше 2-х рюмок водки для возбуждения работы желудка. Никогда не курил я и не курю табак и папирос по сие время.

Любовь к учению и чтению полезных книг осталась навсегда. Мне тяжело было исполнить волю и желание своего отца — отказаться от учения в Солигаличском уездном училище, но я решил продолжать, расширять и укреплять свои знания, полученные в школе, чрез самообразование. Я продолжал брать книги для чтения из школьной библиотеки, брал их у местного священника о. Венедикта Толгского и брал их у тех граждан, у которых они оказывались. Но выписывать книги из книжных магазинов я не мог: у меня не было средств до указанного ниже времени.

При отце я недолго жил. Он умер от водянки на 54-м году своей жизни. Мне было в то время не больше 13-ти лет. Он старался держать меня при себе и научить рубить дрова, боронить на лошади пахоту, косить траву, возить снопы разных культур из поля, помогать при посадке их в овин для просушки и при молотье, участвовать при уборке зерна в амбар после провеяния его. При сушке снопов в овине по ночам я был постоянным спутником отца, при этом всегда брал с собою книгу для чтения.

После смерти отца я жил с братьями Николаем и Федором. Они продолжали занятия отца по сельскому хозяйству, а зимой занимались по найму у лесопромышленников рубкой лесу в их даче и подвозкой древесины на своих лошадях на р. Кострому для сплава. И я участвовал при этой работе погонщиком лошадей с возами бревен на реку.

Да, это дело, эта работа для меня была очень тяжелой и беспокойной работой!.. Мне было тогда 13 - 14 лет.

Как производилась эта работа?

1 - 2 марта 1952 г.

Братья Николай и Федор, по примеру мужчин нашей местности, в Октябре или Ноябре месяце заключали письменное условие с одним из лесопромышленников (и непременно это делалось в волостном правлении) о рубке древесины в их даче и вывозке этого на склад «в полое», примыкающем к реке Костроме. Таким полоем при моей работе была речка Конногорь, впадающая в р. Кострому, в 12 километрах от нас. Эта речка во время весеннего разлива широко разливается, т.к. она не имеет высоких и крутых берегов в своем низовии при слиянии с р. Костромой, и по обоим берегам реки находятся отлогие и ровные луга, удобные для склада древесины в плоты и кошмы. Кошмами называются те же плоты, но только в них складывается мелкая дровяная древесина в 4 ряда. При весеннем разливе р. Костромы низовье р. Конногорь со всеми лугами по берегам ее заливается на протяжении 1-2-х километров вверх по течению и все плоты и кошмы всплывают. В это время, пользуясь весенним разливом, быстро и без промедления все плоты и кошмы выводятся на русло р. Костромы, после прохода по ней льда, и отпускаются самоплавом до города Буя, потом деревни Исады и, наконец, до города Костромы, соблюдаясь с наличием вешней воды — паводка. На всех этих пунктах плоты останавливались и прихватывались специалистами-рабочими толстыми смоляными канатами, сделанными из конопля на фабриках. При этой работе и во всем сплаве необходимы были, кроме канатов, лодки-осиновки, очень лёгкие для быстрой подвижности и потому удобные для работы. Схваченные плоты принимались рабочими на берегу и причаливались к берегу на некоторое время, а именно — до возможности продолжать сплав до следующей остановки. Руководством этого, или примером и видом, было — убыль воды до помещения ее в русло реки не выше берегов. В Костроме лес продавался лесоторговцами по выгодным ценам. Здесь были лесопильные заводы. Здесь же лес продавался и отсюда сплавливался при помощи буксирных пароходов по р. Волге в разные города и места.

Жизнь и быт на лесозаготовках в Конногоре

По берегам реки Конногорь частными лицами были построены в разных местах по течению двухкилометрового расстояния дымные небольшие избушки без печек, полов, полатей и лавок. Потолок был бревёнчатый с нашоенной на верх его землей. На потолке и на задней стене избушки была дыра для дымоходу. Посредине избушки делался квадратный двухаршинный деревянный, из кражей, очаг. Он заполнялся сверху землёй. Вот на этом-то очаге зажигались дрова и приготовлялись в чугунах кушания. Большею частью варили щи с картошкой и овсяною крупкою, иногда в молочные дни с мясом, кашу и картофель. Ели кислую капусту с водою и кислый творог, разведенный тоже водою. По вечерам некоторые кипятили чайники и пили чай. Хлеб, пироги и другую провизию, показанную выше, привозили из дому на целую неделю, так как здесь, кроме леса, не было деревень и торговли на 10-ти верстном расстоянии, и еще больше с остальных трех сторон. Во всех таких избушках спали рабочие на нарах у задней стены, покрытых постельниками, связанными нитками [из] ржаной соломы. На нары ложилось человек 20 - 30. Было спать тесно и душно. Одежд для окутывания не было, покрывались тою же одеждою, в которой ездили на работу. Кушания ели не на столе, их не было, да и негде их было поставить, а на узких прилавках, сделанных по бокам избушки из бревен, на которых и сидели. Лампового света не было, свечей не имели. Светом пользовались только от теплены на очаге. Поэтому во время зимних вечеров других занятий не было, кроме еды. Во время сна трубы или дыры, в пичке и на потолке, закрывались тряпками или одержием после трёпки льна. За такое помещение каждый рабочий платил из своих личных средств хозяину помещения от одного рубля до двух рублей за весь сезон, с 1 Декабря до разлива реки Костромы.

Лошади наши отдыхали после работы только по ночам и находились в хлевах, устроенных наскоро около избушки — нашей квартиры — из тонкого лесного материала, покрытого и защищенного по бокам хлева ело-

вой хвоей. Подстилки для лошадей не делалось — правда, что и ложиться им было некогда.

Будучи 13-ти лет, я вместе с братьями Николаем и Федором работал два зимних сезона в качестве погонщика лошадей на речке Конногоре, жил в одной из описанных мною избушек, питаюсь показанными продуктами, привозимыми из дому, вел именно такой образ жизни, как описан выше. К этому нужно прибавить следующие подробности наших работ: мы с братьями уезжали на работу на двух имеющихся у нас лошадях, с сеном и овсом для корма лошадей и с провизией для себя на целую неделю, от воскресения до воскресения. В каждую субботу и на каждый другой праздник приезжали домой помыться и за провизией. Во все воскресные и праздничные [дни] ходили в церковь молиться, потом отдыхали и готовились к отъезду на работу в Конногорь после 12-ти часов ночи, опять в дымную избушку. И так мы делали каждую неделю в течение всей зимы, до непригодности зимней дороги.

В каждое утро и каждого дня мы должны были просыпаться и вставать в 2 - 3 часа утра, зажигать тепленку на очаге, готовить кушания и завтракать. Потом мы запрягаем пару лошадей в сани-дровни и отправляемся в дачу лесопромышленника за 12 - 14 верст. Едем тихим шагом, чтобы не переутомить и не перегонить лошадей, стараясь приехать на место работы на разсвете, с расчетом съездить с древесиной $1\frac{1}{2}$ раза, то есть в первый раз свалить древесину на полдороге, а в последний раз привезти древесину в полой — на склад, на речку Конногорь. В то время, когда я возил древесину до полдороги, братья мои приготавливали древесину, срубая ее своими топорами, а пилы не употреблялись, считая их менее производительными по работе.

Надо признаться, что для меня такая работа с раннего утра и до позднего вечера в зимние морозные дни при таком образе жизни была тяжела и нерадостна, приходилось много мёрзнуть, голодать, скитаться и спать на голых нарах, лить слёзы от дыма и жары.

В то время не было охраны здоровья и труда для рабочих, о гигиене их жилищ никто не заботился.

Во время зимних работ в Конногоре я перенёс и испытал два опасных для меня события: первое — чрез падение чрез воз с бревнами при въезде со стороны частного леса с валежником: попал на острый сучок и ранил себе висок левый около самого глаза, вышло много крови, получилась большая и глубокая рана. Была большая опасность за левый глаз. Медицинской помощи не было. Долго болел, но работал в Конногоре.

Второе событие состояло в засорении правого глаза от берёзовой замершей почки, которая не извлекалась из глаза целую неделю, до приезда домой. Глаз слезился и не смотрел до извлечения почки дома без помощи фельдшера.

Лошадей кормили в Конногоре овсом и сеном. В течение всех работ расходовалось овса на каждую лошадь 20 - 30 пудов. Покупался он от 80 копеек до 1 руб. за пуд. Заработок получался в день от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. от одной лошади с человеком. У меня в течение всего зимнего сезона он выражался в сумме от 100 руб. до 150 руб. За вычетом всех расходов он [был] не ниже 50 руб. и не более 100 руб.

При лесозаготовках бывали большие несчастные случаи, в особенности при падении срубленного дерева: убивало лошадей и людей или получались большие ранения, ушибы и даже калечения. Но за это никто не отвечал и никто ничего не получал.

Изложено 25 февраля 1952 г.

Новый кустарный промысел и болезнь моя

1 Марта 1952 г.

На работах в лесу по лесозаготовкам я участвовал только в два зимника, так как братья мои переменили занятие на другое — стали скупать в деревнях бересто, сдираемое с берез в летнее время узкими лентами, которые свивались в большие клубки и продавались желающим. Из этого береста мои братья плели лапти и продавали их на базарах крестьянам-хлебопашцам, преимущественно из Вологодской области*. При этих работах

* Губернии. (Прим. ред.)

я был тоже помощником для них: из купленных клубков кроил лыки определённой длины, оправлял и выравнивал их (чинил) острым ножом, из которых братья плели лапти.

Этот промысел немного давал нам доходу, но был много спокойнее работ по лесозаготовкам. В течение зимнего сезона мы зарабатывали не менее 100 руб.

Моя продолжительная болезнь

В Октябре месяце первого года нашей новой работы я с братом Федором пошел для закупки береста в деревни, находившиеся от нас не ближе 20-ти верст. От этих деревень нас разделял большой лес. Дорога была очень плохая: мокрая, с болотами и низкими местами (лядинами), потому что густой и высокий лес по сторонам дороги закрывал её от лучей летнего солнца и мешал просушивать от мокроты лужи и сырости. Путешествие наше было во время холодной погоды и заморозков по утрам, от которых начинала вода замерзать в лужах дороги, но лёд был еще слаб и не выдерживал нашей тяжести от ходьбы, и мы проваливались ногами [в] эти лужи. Ноги наши были обуты не в кожаные сапоги, но в берёзовые лапти. Мне было в то время 15 лет. Я еще не был закалён и выносив при холоде и потому простудил правую ногу. Простуда выразилась в очень большой опухоли колена правой ноги, до невозможности продевать через него нижнего белья, и [нога] не разгибалась. Нога была скорчена, и была страшная и чрезвычайная боль от 26-го Октября ст. ст. до 15-го Ноября. Я не находил себе покоя, от боли не спал, не ел и всё время стонал и кричал. Со мною мучались и мои родные: мать и братья с жёнами. Они приговорили меня к смерти. Медицинской помощи не было оказано. Фельдшер был далёко, да ему страшно было довериться по его грубости. В области опухоли очень долго не намечалось прорыва дурной крови с материею сгнившего мяса. Только от согревания и приложенного ядучего пластыря появилось сначала очень маленькое, не толще иглы, беленькое пятнышко, потом оно сделалось отверстием и еще дальше — отверстием-ранкой, из которой бры-

нул белый и густой гной и полезли чёрные куски сгнившего мяса, как страшные лягушки. В несколько минут вышло такой материи с большую кринку. И мне стало легче. Страдания мои и невыносимая боль ноги уменьшились. Я стал есть, и пить, и спать. Вместо опухоли сделалась большая и глубокая рана. Она долго не заживала, была открытой. Моя мать решила лечить рану поливaniem тёплого берёзового щёлока. Поливание щёлоком раны делалось два раза в сутки, утром и вечером, над корытом. При этом мне было приятно, ранка как будто радовалась со мною и слегка зуделась. Из нея тянулась серая материя с мелкими волосинками. И мы старались поливать щёлоком рану каждый раз долго (хотя нам это надоедало), дожидаясь пресечения тягучести и течения серой материи. Это лечение у нас продолжалось до 25 декабря, до праздника Рождества Христова.

Лечение кончилось быстрым, в одну ночь, закрытием раны и покрытием ее молодой тонкой кожей. И после этого рана не вскрывалась и боли в ноге не было. Во время лечения ноги щёлоком я по дням работал, помогая братьям в их кустарной работе по производству лаптей.

Я стал писарем и сельским счетоводом у сельского старосты

15-тилетним юношей я стал жить только с одним братом Фёдором, потому что старший брат наш Николай отделился от нас и стал жить самостоятельно. В это время крестьяне нашего Шелыковского сельского общества избрали своим сельским старостой тестя моего брата Федора — Василия Спиридоновича, неграмотного, против его желания. Это произошло в 1891 году. По его просьбе и по желанию, также по настоянию брата, я стал писарем и счетоводом его.

На моей обязанности было составить платёжную книгу всех плательщиков нашего общества, которых было около 200 домохозяев. Предварительно требовалось сделать разкладку всех платежей по количеству наделной земли, имеющейся налицо у каждого домо-

хозяина. После этого нужно было написать платёжные книжки для каждого плательщика, на основании книг сельского старосты, с объявлением суммы налога по статьям разкладки, за что взимается. Всё это нужно было сделать своевременно, правильно и аккуратно. Платёжная книга старосты проверялась в волостном правлении. Кроме налогов с земли наделной, собирались платежи за страхование строений и скота и еще платежи за купленные земли (купчия) по окладным листам губернского и уездного земства. За получением всех платежей часто приходилось мне ходить, вместе с сельским старостой, по всем деревням нашего общества и записывать полученные деньги в книгу сельского старосты и в книжки плательщиков. По истечении платёжного времени по полугодиям производился учёт сельскому старосте всеми домохозяевами общества в присутствии волостного старшины и писаря. Ко дню учёта я должен был составить недоимочный реэстр недоимщиков, который объявлялся и проверялся на общественном сходе при учёте старосты. На этот сход плательщики вызывались повестками сельского старосты, написанными мною. За слабый сбор платежей иногда Земской начальник сажал на несколько дней сельского старосту под арест при уездной полиции.

За всю мою работу писаря и счетовода сельский староста платил из своих средств 30 руб. в год. А сам получал от общества 60 руб. в год. Писарем и счетоводом у сельских старост я был шесть годов.

Изложено 5 Марта 1952 г.

Памятные для меня события в это время и в детстве

При сборе денег в деревнях произошло однажды очень опасное событие для меня. Нам со старостой Василием Спиридоновым при возвращении домой нужно было переправиться через реку Кострому на лодке, но она оказалась на противоположном берегу реки, который был без людей, подать лодки нам было некому. Мы оказа-

лись в затруднительном положении, так как попасть домой было нужно, приближался вечер. Мы увидели лошадь местного диакона, направляющуюся с нашего берега на другой вплавь, на пастбище на ночь. Василий Спиридонов посоветовал мне сесть на эту лошадь верхом и плыть на другой берег реки, где была лодка, и подать её для переправы его. Я послушался его и сделал так, как он указал. Лошадь эта оказалась очень тяжелой и неспособной для плавания, да еще со мною. Воды в реке было много, и потому она была быстрая. Мне пришлось обеими руками держаться за гриву лошади, чтобы не быть сбитым с нея быстрым течением и волнами воды. Туловище лошади было всё покрыто водою, торчала кверху одна голова ея. Признаюсь я, что я был в большом страхе за свою жизнь и думал, что я потону вместе с лошадью, потому что она очень плохо боролась с течением воды. Её унесло течением на довольно порядочное расстояние. В это время могло оторвать меня от лошади и унести водою одного без лошади. Староста тоже был перепуган. Но переправа окончилась благополучно. Это событие осталось для [меня] памятным и хорошим уроком на всю жизнь.

V.52. Был еще не забываемый для меня случай на той же реке и на том же месте. Это было 10-го Мая по ст. ст., но не помню, какого года. Я, будучи еще мальчиком, возвращался со своими братьями домой из гостей от сестры Марии Вавиловны, живущей в деревне Наталькине. Дул холодный северный ветер. Нам нужно было переправляться на лодке чрез реку Кострому, так как другой переправы не было. Лодка оказалась на другом берегу, а не на нашем. Для нас это было неприятным. Мы решали вопрос, что нам делать — возвращаться обратно в гости, или ждать лодки, когда подадут её на наш берег кто-нибудь из пришедших, или продолжать путь до следующей деревни Шумовицы, в надежде получить переправу в ней. В это время случилось неожиданное для нас событие: вдруг лодка отчалилась сама собою от своего места и поплыла к нам, к нашему берегу, побуждаемая напором ветра. Мы взяли её своими руками без всякой другой помощи и переехали благопо-

лучно чрез реку. Может быть, это была простая случайность, но я убежденно отношу к помощи, ради кого-то из нас, отношу к чуду, которое осталось у меня в памяти по сие время.

Изложено 10 марта.

Мои другие детские разные занятия и забавы

Изложено 15.V.53.

С детства я полюбил лес. Разные детские игры мы с товарищами, с мальчиками такого же возраста, как и я, производили в лесу нашего поля, который назывался «Маленький лес» и «Вязовик». Здесь игры наши состояли [в том], что зажигали костёр хворосту, распаривали на нём прямые полена сосен, вывёртывали из них сердцевину. После этого получались у нас просверлёванные сосновые стволы. Из них мы стреляли при помощи шомпола пулями, сделанными из мягкой кудели. При этом некоторые из нас называли себя воображаемыми медведями, волками, зайцами и другими зверями, а другие — охотники, и все разбегались по лесу. Начиналась охота за зверями. Было весело и здорово при содействии лесного воздуха. Это происходило по праздникам. А в другие дни, дни рабочие, мы артелями ходили в другой лес — в выгон — рубить дрова. Прежде работы мы подбирали лес, годный для дров, делили его и начинали работу. Но работа была непродолжительная, нам были более нужны еловые лапы и хвоя, а не дрова. Все лапы и хвою мы стаскивали в большие кучи и зажигали. Хвоя и лапы воспламенялись, загорались и давали большой и густой дым. Это нас очень интересовало. Мы были в большом восторге от этого, и время дня быстро проходило, и незаметно приближался вечер при таком восторге.

В течение дня я нарубал дров не больше одного воза, а иногда без двух или трёх плах, как я сообщал своим родным. При этом они смеялись надо мною. Также я любил ходить в лес за грибами, когда они росли. За грибами я всегда ходил один, без товарищей, ходил далеко

— версты за две и за три, — не боясь волков. При этом никаких приключений не было. Так же ходил и за ягодами. Все эти труды были для меня большим развлечением и укреплением моего здоровья, а для других я был примером трудолюбия. За что я получал от них похвалу.

Еще я и мои товарищи любили реку. В летние теплые дни мы толпами собирались на реку для купания в теплой воде, и это мы делали несколько раз в день, ловили пескарей столешниками и руками раков из-под камней и нор в берегах. При этом зажигали тепленку и пекли на ней всё наловленное: и раков, и пескарей.

А весной для нас было интересно смотреть на ледоход. Ледоход продолжался в течение нескольких дней. Сначала происходило передвижение отдельных льдин с быстрых мест, потом начиналось передвижение более больших льдин и с более тихих мест и получались небольшие заторы. Но льдины больших и прямых плёс реки в это время еще не передвигались, были на своих местах до большого разлива реки. От скопления заторов льда и от увеличивающегося разлива ручьев и речек, впадающих в реку Кострому, вода быстро прибывает, увеличивается, и река делается полной, иногда наравне с берегами и даже местами выливается из берегов. Лёд собирается в большие заторы. Наконец от напора большой массы льда происходит полный и неудержимый ледоход, с большим шумом и треском ледоход, ломающий на своем пути всё, что ему мешает и что попадает. В это время у ледохода бывает очень большая сила, сила хаотическая. Она ломает огороды, вырывает и ломает деревья с корнями, и даже здания. Она отрывает от берегов плоты, кошмы (это тоже плоты, сложенные в четыре ряда из более мелких бревен для дров) и суда. Поэтому вы увидите на льду плывущего затора бревна, жерди, разные деревья с корнями, лом и хлам; между льдинами вы увидите плоты, кошмы и мелкие суда. Вы увидите, как льдины переворачивает и ставит на ребро, как их ломает. Да, красиво и в то же время трагично и хаотично бывает смотреть на ледоход реки Костромы! Ледоход продолжается несколько часов.

Моя работа в качестве учителя школы грамоты

23 Марта 1952 года.

Будучи писарем и счетоводом у сельского старосты, я, по-видимому, привлёк внимание окружающих моих людей своим знанием этого дела, аккуратностью исполнения его и честностью.

В Октябре месяце 1893 года обратились с просьбою к моему брату Фёдору, с которым я жил, несколько граждан-крестьян из деревни Юрьецких, чтобы он посоветовал мне согласиться быть учителем их детей, и при этом объявили свою плату за обучение — 2 рубля 50 копеек за человека-ученика за всю зиму обучения, на их содержания и на их книги и письменных принадлежностях. Школа должна быть передвижная, по неделе обучения поочерёдно у каждого ученика, с несколькими повторениями. Сделать это и поступить так заставило граждан деревни Юрьецких 6-ти верстное расстояние от них Чудцовской начальной народной школы, которая находилась в деревне Печенге. Была еще Чудцовская церковно-приходская школа в селе Никола-Чудца, на другом берегу реки Костромы, на расстоянии от них 3-х верст, в которой учителями были два священника и диакон. Они обучали бесплатно и потому занимались неаккуратно, не каждый день, с пропусками. Дело преподавания велось неумело. Ученики были с распущенным поведением и неисполнительными и невнимательными. Такая неправильная постановка учебного дела и река Кострома, без правильной переправы через неё, отталкивали от школы учеников, желающих обучаться чтению и письму.

По совету брата Фёдора я согласился на предложения и условия крестьян деревни Юрьецких, не побоялся испытать свои способности при деле обучения детей чтению, письму и арифметике. Родителями учеников были найдены и все другие, необходимые при обучении предметы: грифельные доски с грифелями и тетради бумаги с карандашами. Была сделана по моему заказу и классная небольшая доска столяром Мосолковым М.Ф. С разреше-

нии и благословения священника отца Венедикта Толгокого школа грамоты была открыта. Желающих обучаться в моей школе оказалось около 20-ти человек, мальчиков и девочек из деревень: Дьяконова, Юрьецких, Олисывина, Холодилова и др. Я повел звуковой метод преподавания Русского языка, одновременно письмо-чтение. В первые недели обучения классной доски не было. Пришлось пользоваться брусом у полатей, показывать на нем мелом элементы простых букв и объяснять, что из этих элементов составляются письменные буквы. Но прежде этого объяснялось на примерах, что наша речь составляется из слов, а слова из звуков. Ученики быстро это схватывали и усваивали. И дело обучения пошло успешно и показательно. Через месяц обучения ученики хорошо разбирали слова из показанных букв и писали их на грифельных досках и классной под диктовку. После усвоения всех букв началось классное чтение статей по букварю и стихотворений, заучивание их наизусть и усвоение цифр до 10-ти, началась арифметика на четыре действия. Ученики с первого же времени учились писать на бумаге, сначала карандашами, а потом чернилами. Для письма чернилами мне нужно было самому разлинейвать тетради более правильно, с косыми линиями.

Моя школа загремила и сделалась популярной. Ученики в Декабре месяце хорошо читали не только по-русски, но и по церковно-славянски, заучивали наизусть небольшие стихотворения, молитвы с 10-ю заповедями Закона Божия, а писать научились не хуже учеников, проучившихся два года в Чудцовской церковно-приходской школе. По арифметике к концу зимы ученики решали примеры и задачи в пределах 1000. Таблицу умножения хорошо знали.

В Январе и Феврале для нашей школы было большое и неприятное событие для учеников — появился скарлатин между ними. По указанию местного фельдшера пришлось сделать перерыв обучения на некоторое время, чтобы не заразить скарлатиной всех учеников. Но болезнь прошла без последствий, все ученики остались без осложнений от болезни.

Книги для чтения после букваря мы получили из Чудцовской церковно-приходской школы. Также и по Закону Божию, протоиерея П. Смирнова, брали в той же школе.

Осенью 1893 года приезжал в наш Чудцовский храм Преосвященный Епископ Виссарион. Мои ученики были собраны в храм для встречи его и подвергнуты им экзамену в знании начальных молитв, в моем присутствии. Ученики отвечали удовлетворительно. Об этом было напечатано в «Епархиальных Ведомостях».

Учителю Чудцовской начальной народной школы Колосову не понравились наши успехи в Дьяконовской школе грамоты, потому что школа его делалась малочисленной, авторитет его падал, впереди нужно было ожидать еще большего упадка. Он обратился к местному участковому земскому начальнику А. Апушкину за помощью, жалуясь на меня как не имеющего звания учителя и занимающегося и открывшего школу без разрешения начальства, самоизвольно. Все ученики могли бы обучаться в его школе с более правильной постановкой учебного дела, при учителе со специальным образованием и в школе со всеми удобствами.

Земский начальник Апушкин согласился с мнением учителя Колосова и по его доводам привлёк меня к ответственности за самовольное обучение. Мне тогда было 17 лет. Я был перепуган этим. Но наш священник отец Венедикт успокоил меня и не велел бояться суда и при этом дал мне письменное удостоверение от себя для представления в суд, что я открыл школу грамоты с его разрешения, на основании Государственного закона о церковно-приходских школах и о школах грамоты. Суд состоялся, но дело мое, действительно, осталось без последствий. При этом пришлось рассказать судье Апушкину, как я занимался и какие успехи получились.

Так закончился наш первый год обучения.

Изложено 14 Ноября 1952 года.

Переход мой в Чудцовскую церковно-приходскую школу в качестве исполняющего должность учителя

В Октябре месяце 1894 года я был приглашён в Чудцовскую церковно-приходскую [школу] заведующим школы отцом Венедиктом Толгским заниматься в его школе с тремя отделениями учеников по программе курса одноклассных церковно-приходских школ, без объявления определенной платы за обучение. Я согласился и стал исполняющим должность учителя Чудцовской церковно-приходской школы.

До моего прихода обучалось в школе не более 30-ти человек. Мне же пришлось принять в школу не менее 60-ти учеников мальчиков и девочек. Все ученики были распределены на три группы, или класса. Но ученики для 3-го класса оказались очень слабыми в знании предметов обучения, и потому пришлось их впоследствии соединить с группой 2-го класса, с моими учениками из Дьяконовской школы грамоты. Школа оказалась неблагоустроенной: парт для учеников не хватало, некоторым ученикам пришлось сидеть за столами, книг-учебников было мало, и они были плохими по содержанию и применению к делу обучения — в особенности букварь Русского языка. По-видимому, автор букваря был плохой знаток дела обучения, не был учителем неграмотных учеников 1-го класса. Учебных пособий не было. Тетради и бумагу заменяли грифельные доски. Обучение раньше велось не аккуратно, не каждый день и без плану и расписанию на пять уроков, не записывалось в журнал пройденное.

Я повел дело обучения совершенно по-другому: настойчиво и строго, требуя от учеников ежедневно и без опозданий посещать школу, неупустительно заниматься и учить заданное в школе и дома, и всё это всегда проверял и за этим следил, помогая им [понять], чего они недопонимали. Строго следил я за их поведением в классе и вне класса, в особенности при возвращении из школы и при ходьбе в школу. Об этом я справлялся до уроков. И сам я не давал плохого примера ни словами, ни дру-

гим поведением: чего требовал от учеников, то сам исполнял. Особых наказаний не применял к ученикам. Хорошо помогали условные требования исправлений и их обещания исправиться. Чрез правильную постановку дела обучения и исполнения школьной дисциплины Чудцовская церковно-приходская школа обратила на себя внимание окружающего населения и получила симпатии, любовь, признательность и уважение. Первый год обучения мною закончился с большими успехами для учеников 1-го и 2-го классов. Неудачных в этих классах не было. Все ученики хорошо были подготовлены для 3-го и 2-го классов по программе курса одноклассных церковно-приходских школ.

Мой бывший учитель для меня был примером

Я помнил своего первого учителя Николая Аниподистовича Сибилева и старался подражать ему в образе своей личной жизни, в жизни учеников в школе и вне школы, держался той же дисциплины, какая была при [нём] в Чудцовском начальном народном училище: строго следить за поведением учеников и исполнением ими уроков в школе и на дому, всё это проверять неупустительно разными способами по своему соображению, приносящими действительную пользу от проверки заданного. Одной проверкой тетрадей на дому я не ограничивался, и самостоятельные уроки в классе не были без моего внимания. Я делал еще проверки при участии всей группы учеников, с требованием от них объяснений, почему так написано или решено. Эти приемы приносили большую пользу ученикам для полного усвоения намеченного правила.

Были для меня и неприятности в школе: иногда получалась раздражаемость при виде неуспеваемости и непонимания слабыми учениками какого-нибудь нового правила, преподаваемого и объясняемого мною по Русскому языку или Арифметике. Моя раздражаемость доходила иногда до физического наказания ученика. Но после этого мне тяжело было, в особенности дома после занятий, когда я проверял свои действия в школе, совесть меня мучила. Я жалел наказанного ученика и ду-

мал этого не делать, но другими способами заставить слабого ученика усвоить новое правило. Так повторялось несколько раз. И всё-таки я себя переработал: раздражительность прошла, физические наказания кончились, даже постанова ученика на колени или в угол перестала применяться. В классе была большая тишина, порядок, внимательность уроков.

За первый год обучения я получил от заведующего школой священника о. Венедикта Толгского плату в размере 90 рублей.

Второй год обучения

в Чудцовской церковно-приходской школе

15 Ноября 1952 года.

В 1895 - 1896 учебном году я согласился продолжать свои учительские занятия в Чудцовской церковно-приходской школе. Учеников собралось много, не меньше 80-ти человек. Ученики были распределены на три группы по способностям: старших, средних и младших. Преподавание я повел строго по программе и расписанию, чтобы старших учеников приготовить к выпускному экзамену при Испытательной Экзаменационной Комиссии. Их было 30 человек. Дело преподавания и успеваемость учеников были удовлетворительными, даже отличными. Это видно было из отзывов Уездного Наблюдателя церковно-приходских школ отца протоиерея Иосифа Смирнова, посетившего школу во второй половине Ноября месяца 1895 года.

Приезд в школу о. Наблюдателя

Во второй половине Ноября месяца 1895 года неожиданно для нас приехал в школу Солигаличский Уездный Наблюдатель церковно-приходских школ о. протоиерей Иосиф Смирнов. Это был не ниже среднего роста, 45-летнего возраста, плечистый и крепкий телосложением, с симпатичной наружностью и лицом, с черными и длинными волосами на голове, с густою черною бородою, но не

длинною, какие носят все священники, одетый в чистый и приличный подрясник и рясу, с Наперсным Крестом на груди. Вошел он в класс, находившийся в церковной сторожке, один, без заведующего школою, священника о. Венедикта Толскаго, с которым он еще не был знаком, потому что это было еще первое посещение школы о. Наблюдателем. В это время я спокойно занимался с учениками 1-й группы, с младшими, а другие классы-отделения вели самостоятельные уроки. Я был одет в домотканую красно-пеструю рубашку, в дешовый пиджак из бумажной материи, в кружок постриженными волосами на голове, из себя смотрел еще деревенским мальчиком. К тому же я и теперь имею возраст немного ниже среднего.

При входе в класс о. Наблюдателя — все ученики встали и сказали: «Здравствуйте!» Хотя они не знали — кто он? Отец Наблюдатель несколько минут стоял молча, не обращаясь ко мне, а своими глазами стараясь увидеть кого-то другого? Наконец, обращаясь ко мне, спросил меня: «Ты учитель школы?» Я ответил: «Да, я». После этого он предложил мне послать человека за о. Венедиктом, а самому предложил продолжить занятия с младшими учениками, чтобы можно ему было определить мои знания и способности и успехи учеников.

Встреча и знакомство о. Венедикта с о. Наблюдателем была очень шумлива и бурна. Причина этого мне сделалась известна после окончания занятий с учениками этого дня. О. Наблюдатель сообщил о. Венедикту, что в его школу назначен другой учитель — Николай Александрович Афонский из 2-го курса Духовной семинарии, вместо меня, с назначением ему жалования от Государства по 10 руб. в месяц, 120 руб. в год. О. Наблюдатель надеялся встретить учителя Афонскаго, а не меня. И потому он, по личному признанию его мне, после этого, был в недоумении, как я оказался учителем в школе, как не имеющий образования для звания учителя и наружного вида — по одеянию и волосам на голове. Но постановка учебного дела и приемы преподавания ему очень понравились. Ответы и успехи учеников тоже очень понравились. Он признал мои способности. Оставить же меня учителем в школе, как не имеющего звания учителя по образованию, было нельзя. Я

должен был быть удаленным из школы, а Афонский быть принят о. Венедиктом. Отец Венедикт отказывался принять Афонского. Отец Наблюдатель это принял за оскорбление и объявил ему, что он уезжает и о непослушании его будет сообщено начальству и Епископу. О. Венедикт понял, что чрез это может получиться большая неприятность для него, и пошел на уступки и постарался помириться с о. Наблюдателем.

Отец протоирей Смирнов ночевал у него и в дружеской беседе это дело решили осмотрительно со всех сторон и очень полезно для меня. Они решили оставить меня на некоторое время в Чудцовской школе и заниматься с учениками всех трёх отделений вместе с учителем Афонским, чтобы руководить его своими приёмами и указаниями при занятиях, как еще не имеющего опыта. Потом было вменено мне в обязанность открыть вновь свою Дьяконовскую школу грамоты, только не передвижную, но оседлую, в своем доме, с тремя отделениями, или классами, из учеников, взятых из Чудцовской школы, чтобы приготовить учеников старшей группы к экзамену при Испытательной Комиссии в знании курса ц.-пр. школы. В то же время самому мне было предложено взять программу для желающих держать полное испытание на звание учителя одноклассной церковно-приходской школы и книги по программе из Солигаличского духовного училища и готовиться к экзамену в Сентябре м.-це 1896 г., чтобы после этого быть учителем в Чудцовской церк.-прих. школе.

Решение отца Наблюдателя и о. Венедикта мною было принято и выполнено с хорошим успехом.

Дьяконовская школа грамоты и мои приготовления к экзамену

Изложено 16 и 17 Нояб. 1952 г.

В Январе месяце 1896 г. Дьяконовская школа грамоты официально мною открыта в нашем доме с тремя отделениями. Учебники были взяты из Чудцовской ц.-пр. школы. Учеников оказалось больше 30 чел., из них 5 уч. готовились к экзамену в знании курса началь-

ных школ. По Закону Божию занимался о. Венедикт, но он ходил в школу очень редко. Это занятие было передано мне, но за правильностью преподавания он строго следил и делал тщательные проверки учеников в усвоении своего предмета. Плату за обучение мне платила церковь, в размере 90 р. за весь учебный год. Платы за помещение школы не было.

В мае месяце старшие ученики школы, в количестве 5-ти человек, держали экзамен при Испытательной Экзаменационной Комиссии вместе с учениками Чудцовской ц.-пр. школы. Председателем Комиссии был священник города Солигалича о. Павел Траянов. Все пять учеников оказались достойными получить свидетельства в знании курса начальных школ с Похвальными листами. После занятий в школе я стал сам более тщательно приготовляться к испытанию в знании курса на звание учителя начальных школ по программе. В то же время и помогал брату, с которым жил, в сельскохозяйственных работах: косил, жал и молотил. Но мои учебники всегда были со мною. Свои занятия я продолжал до 20-го сентября.

Мой экзамен на звание учителя

По моему заявлению Правление Солигаличского духовного училища предложило мне явиться для испытания 20-го Сент. ст. ст. 1896 г. Начались письменные испытания. По Русскому яз. была дана тема учителем Городковым П.А. — изложить своими словами письменно басню Крылова «Ворона и Лисица», с нравоучением; по церк.-славянскому яз. — перевести на русский яз. воскресный тропарь 8-го гласа: «С высоты снишел еси, Благоутробие...», письменно сделать грамматический разбор по частям речи и по частям предложения. Эти работы производились в здании духовного училища под присмотром смотрителя училища Перebasкина И.П. Работы мои по этим предметам оказались хорошо выполненными. Я был допущен до испытания по Арифметике. Учитель Березовский В.И. предложил мне решить и письменно объяснить очень сложную и большую задачу на составные име-

пованные числа с дробями. Эту задачу я решил и объявил очень быстро и без труда. В следующие дни были устные испытания: по Закону Божию, катехизису митропол. Филарета, Церковной истории, Церковн. уставу и др. предметам. Наконец был назначен день для пробного урока с учениками приготовительного класса. Урок сошел удовлетворительно. Все испытания кончились с похвалой преподавателей. Я получил звание учителя начальной школы. Епископ Виссарион утвердил мое звание, и я получил Свидетельство об этом и назначение быть учителем в Чудцовской ц.-прих. школе. Моя Дьяконовская школа закрылась на неопределенное время.

Моя жизнь и занятия в Чудцовской церковно-приходской школе

17 и 18 Ноября.

Моим определением в Чудцовскую церк.-прих. школу гр-не окружающих деревень были довольны. В первый год обучения после определения собралось учеников в школу около 100 человек, мальчиков и девочек, а на второй год 120 чел. Занятия в школе шли успешно, что видно из следующего: из 120 чел. учащихся было 55 чел. в младшем отделении, в среднем — 40 чел. и в старшем — 25 чел., которые все были допущены до выпускных экзаменов, и все они успешно выдержали испытание в знании курса начальной школы. Большинство из них получили Похвальные листы. Все ученики 1-го и 2 кл. были переведены в следующие классы. При таком большом количестве учеников было тесно и душно в классе, не хватало парт и был большой недостаток учебников. Но желающих учиться мы всех принимали: нам не хотелось оставлять детей школьного возраста неграмотными, как раньше было. Было еще второе неудобство для меня в школе — не было квартиры для учителя. Мне приходилось ежедневно ходить домой за 3 версты в д. Дьяконово и довольствоваться домашним столом. Обед был в школе, и состоял он в сухоядении и чае. Но на это я не обращал внимания, потому что я был не жена-

тым. В 1898 г. я был освобожден от прохождения действительной воинской повинности, как имеющий звание учителя и состоящий на работе по специальности, с обязательством — в течение 5 лет не оставлять своих занятий. Я был зачислен в запас армии на 18 лет.

В 1899 г. я был вызван на Июль месяц в г. Кострому на учительские педагогические курсы на Государственный счёт.

Педагогические учительские курсы в г. Костроме в 1899 году

В Июне м-це 1899 г. я получил сообщение из Солигаличского Уездного отд. КЕУ* Совета, что я вызываюсь в город Кострому, в здание Дух. Семинарии, на учительские педагогические курсы на один месяц — Июль. Я не отказался от этого. Нас собралось на курсы 60 чел. — 30 учителей и 30 учительниц. Всем учителям уплатили путевые расходы. Учителей поместили в 6-й класс семинарии, обеды подавались в семинарской столовой, а учительниц поместили в Епархиальное женское училище. Все учителя и учительницы на занятие ходили в Костромское дух. училище на Павловской ул. Курсами заведовал и распоряжался Епархиальный Наблюдатель церк.-прих. школ Николай Иванович Поспелов, — человек еще молодой, с высшим образ., с положительным характером и взглядами на жизнь. Лектором по Русскому яз. был некто из преподавателей гимназии, Димитрий Александрович Сперанский — человек более пожилого возраста, тоже положительный и честный. По Арифметике был лектором известный математик Сергей Петрович Аржеников — автор сборника по математике и арифметике, которому симпатизировали все учителя и учительницы за его товарищеское и простое отношение к нам. По Закону Божию и Священному писанию был лектором председатель КЕУ Совета, о. прот. Сперанский. Бесед-лекций по этому предмету было немного, не больше трех <...>. По пению занимался о. протоирей Сионский и о. прот. Вознесенский.

* КЕУ — Костромской епархиальный училищный [Совет]. (Прим. ред.)

При курсах была организована начальная школа с тремя отделениями: старших, средних и младших учеников, с которыми велись показательные и пробные уроки. Показательные уроки велись лекторами, а пробные — желающими учителями и учительницами. В числе их и я был. Я преподавал и вёл урок по Русскому яз. Прежде урока учителем составлялся конспект намеченного урока и представлялся на утверждение лектора. Только после этого учитель допускался до урока. А после каждого урока, проведенного курсантом, делался разбор его и критика всеми учителями и лекторами. Это было страшное время для преподавателя урока. Тем более оно было страшно для меня, еще молодого и не окрепшего учителя, нигде не учившагося, кроме начальной школы. Но урок сошёл Хорошо. Критика была небольшая и нестрогая. А при заключительном актовом собрании получил публичную похвалу от лектора Русского языка Д.А. Сперанского. Желающих давать пробные уроки было немного, но их хватило, не требовалось принудительных назначений.

В воскресные и др. праздники совершались Богослужения в храме при духовном училище участниками курсов, т.к. в числе их были священники и диаконы. Хор певчих и чтецы состояли из курсантов под руководством известного Архиерейского регента и учителя пения на курсах — о. Алексея Сионского. Все лекции, критика пробных уроков и другое, более важное, записывалось курсантами в свои тетради для руководства при занятиях.

Наша экскурсия в Бабаевский монастырь

Изложено 19 Нояб. 1952 г.

В Июле месяце Начальством курсов была организована для нас, курсантов, экскурсия на пароходе по р. Волге в Бабаевский монастырь. Путешествие по такой величественной и красивой реке, как Волга, да еще на бесплатном пароходе, для нас было очень интересно и радостно. Это был полный отдых для нас при занятиях на курсах. По берегам Волги от города Костромы до Бабаевского монастыря было большое разнообразие: то деревни с посёлками, то заводы с усадьба-

ми, окруженные лиственными деревьями разных пород, то поля со зревшими хлебными злаками, то луга с мягкой и сочной травой, а местами виднелись стога душистого сена, — всё это нас занимало, бодрило и вызывало восхищение! Да, интересно и весело прокатиться на пароходе по Волге в теплый и ясный летний день! Красива и величественна ты, Матушка и Кормилица Волга! Всё, виденное нами с плавучего парохода, произвело на нас незабываемое впечатление и восхищение! Мы радовались, забывались, отдыхали. Некоторые из нас играли на балалайках и некоторые на гитарах, пели песни. Можно было пить чай и др. напитки. Можно было купить булки, чайное печенье, конфеты, яблоки и другое. Всему этому погода благоприятствовала.

Нашим путешествием на Бабайки руководил секретарь Еп. Виссариона Александр Иванович Крылов, из окончивших Костромскую дух. семинарию, авторитетный человек для духовенства и монашествующих. Поэтому монахи Бабаевского монастыря приняли нас очень гостеприимно и задушевно.

Мы хорошо осмотрели монастырь со всеми храмами и достопримечательностями. Также любовались парком монастыря со всеми аллеями, небольшой некой рекой, впадающей в Волгу у монастыря, и др. окрестностями.

Главный храм монастыря показался нам очень величественным, светлым, красивым; в особенности на меня подействовал обширный и благолепный вид церк. купола и хоры, которые находятся высоко в задней стенке под куполом, большого размера по длине. В храме находится чтимый молящимися чудотворный образ Святителя и Чудотворца Николая, пред которым мы молились и который целовали.

Николо-Бабаевский монастырь находится на правом берегу при слиянии [с Волгой] небольшой реки Солоницы. Берега реки здесь отлогие, с постепенной возвышенностью, на которой раскинулся парк, в виде большой рощи, с несколькими аллеями и дорожками, по сторонам которых деревья и кусты разных видов и по

род. Здесь хорошо можно отдохнуть и подышать чистым, свежим, здоровым, лесным воздухом монахам монастыря и молящимся.

После осмотра монастыря нам предложили радушное угощение в монастырской трапезной: хорошие, белые и горячие пироги, жареная рыба, чай, пиво, мёд и крепкие напитки с разными закусками, но в ограниченном количестве. Во время трапезы хор певчих монастыря исполнил концерт по программе церк. песнопений. А учительницам был предложен другой стол с такими же яствами, только вместо напитков поданы были конфеты, чайное печение и фрукты.

Наше возвращение в Кострому было в тот же день и на том же пароходе благополучным и признательным нашему Начальству по курсам и Бабаевскому монастырю, с настоятелем его, за оказанное внимание к нам.

Экскурсия в Ипатьевский монастырь

Экскурсия наша в Ипатьевский монастырь происходила в конце курсов в воскресный день отдельными группами учителей и учительниц — курсантов. Здесь мы осматривали монастырские достопримечательности из времен первого Царя из дому Романовых — Михаила Фёдоровича, без лектора и руководителя. Нам был открыт дворец, в котором жил Михаил Романов до своего избрания на царство, с его стеною-бойницею, охранявшую Романова, показан был главный храм монастыря — Троицкий собор — и все другие здания с монашескими кельями и квартирой Наместника монастыря, который принял [нас] любезно и угощал чаем.

Во всех комнатах дворца тёмно, потому что окна в стенах очень малы и своеобразны, не похожи на современные, на наши; пол окрашен густою краскою; мебель, в виде табуреток, сделана из сосны или дуба, очень тяжёлая и окрашена тоже густою краскою. В общем во дворце было устроено всё просто, никакой роскоши не было видно. На дворе нет жизнерадостных видов, [их] закрывает высокая каменная стена с

внутренним ходом и небольшими отверстиями для дозора и защиты от неприятеля, если бы они появились. Кельи монахов тесны и невзрачны, а квартира о. наместника состояла из нескольких благоустроенных комнат. Эта прогулка в монастырь не произвела на нас большого впечатления.

30-го Июля, после общего актового собрания, курсы были закрыты. Нам были выданы Поспеловым Н.И. путевые деньги. Мы попрощались со своим Начальством, лекторами и со всеми учителями, вернулись в свои школы с новыми знаниями и опытом, чтобы продолжить свой труд учителя, всегда вспоминая курсы с благодарностью Начальству.

Занятия в школе после курсов

20 Нояб. 1952 г.

В Чудцовской церк.-прих. школе после курсов я занимался один до 1902 г. при переполненном классе учеников, который пришлось расширить, присоединить к нему соседнюю небольшую комнату, ранее бывшую квартиру учителя Н.А. Афонского.

В это время было открыто при школе священником о. Михаилом Дроздовым (св-к о. Венедикт Толгский ушел по болезни за штат) Общество трезвости, а секретарем общества был избран я. При школе составила библиотека Общества трезвости, которая быстро пополнялась разными журналами и книгами разных писателей-классиков. Библиотекарем был сделан тоже я. Число членов увеличивалось. В особенности хорошая деятельность Общества трезвости стала проявляться с 1902 г.

К этому времени наша школа выросла до 120-ти человек-учеников, отличавшихся своим развитием, успехами по всем предметам, в особенности по Русскому яз. Получились из учеников старшего отделения хорошие и замечательные чтецы, например: Лебедева Евдокия, Сухарев Александр, Кошмин Владимир, Бедарев Андрей и др. Все они соревновались в отличном чтении детской изящной литературы, стихотворений и

басен Крылова. Я делал им состязания и отличившимся давал небольшие награды тетрадами, бумагой и карандашами.

В этом году был определен в нашу школу второй учитель — св-к о. Владимир Семёнович Дружинин, который раньше был учителем в ц.-пр. школе и был вместе со мною на курсах в г. Костроме. Он помогал мне в занятиях, занимаясь с учениками средняго отд. и пением. Был организован из учеников хор. В нём участвовали и бывшие ученики и ученицы нашей школы. Стараниями заведующего школою, св-ка Дроздова, был получен волшебный фонарь с картинами. Начались литературные вечера с картинами. Ученики читали художественно-литературные и популярные статьи и отрывки из книг известных авторов, исторические и др. стихотворения. Басни Крылова разыгрывали и показывали в лицах, наприм.: «Стрекоза и Муравей», «Два мужика», «Крестьянин в беде», «Волк на псарне» и др. Всё это разнообразивалось пением стихотворений: «Что ты спишь, мужичок?», «Волшебный фонарь» Лермонтова, «Буря мглою небо кроет», «Весело сияет месяц над селом» и другие.

На все эти вечера приходили не только из ближних деревень, но и из дальних много посторонней публики: девушки и парни, мужчины и женщины. Так продолжалось до разделения Чудцовской школы на две школы, вследствие многолюдства учеников, не вмещавшихся в классы.

Открытие Дьяконовской церковно-приходской школы

Вследствие многолюдства учеников в Чудцовской ц.-пр. школе, не вмещавшихся в классе, явилась надобность открыть новую школу. По моему совету св-к о. Михаил Дроздов решил её открыть в нашей деревне Дьяконове, расположенной на другом (на правом) берегу р. Костромы. Деревня состояла из 80 домохозяев и была окружена со всех сторон близлежащими деревнями другими. Нужно было заручиться от кр-н д. Дьяконова со-

гласием дать участок земли под школу, вывезти на своих лошадях всю строительную древесину из купленной делянки для постройки школы и кирпич для фундамента и печей ея. Для всего этого потребовалось от меня много времени и хлопот. Крестьяне согласились всё это сделать и дали подписку. Земля под школу ими была указана в поле по дороге в дер. Юрьецкая, на берегу р. Костромы, в количестве $\frac{1}{2}$ десятин. Место это называется: «Межник». Кирпич для фундамента и печей школы был пожертвован крестьянином — торговцем дер. Григорьева — Харитоном Алексеевичем Смирновым. Он изъявил согласие быть попечителем школы и строителем ея. Это происходило в 1903 г. Занятия с учениками начались после постройки школы, в 1904 г.

Моя женитьба

Изложено 21 Нояб. 1952 г.

В 1903 г. мне было полных 26 лет, шел 27 год. Я думал про себя, что я зрелый жених, надо жениться, т.к. всякое дело нужно делать вовремя, стариком — лучше не жениться. Невесты были и предлагали свое согласие вступить в брак еще раньше, но оне не дождались моего согласия и вступили в брак с другими женихами. Я избрал молодую — 17 лет — девушку, для себя очень симпатичную, Марию Алексеевну Бедареву, дочь крестьянина, потому что она была скромна, честна и проста в обращении, умела читать, писать и разбираться в жизни. Эти качества ея для меня были дороже большого образования и богатого приданого. К тому же она обращала на меня свое внимание и проявляла свое расположение ко мне в течение порядочного времени. На мое предложение быть моею женою — она дала своё согласие и желание. По этой причине, в ожидании ея возраста, необходимого для вступления в брак, я отказывал в своем желании ранее принять предложение о вступлении в брак невестам с богатым приданым, до 2000 руб. И жизнь показала, что я не ошибся в выборе невесты. Брак состоялся. Венчание происходило 17 Янв. ст. ст. 1903 г. в

Св. церкви с. Чудцы. Оно совершено свящ. о. Михаилом Дроздовым. Пел хор из моих учеников. Регентом был св-к о. Влад. Дружинин, мой помощник по школе. Церковь была полна зрителями до тесноты, собравшимися из всех деревень прихода, хотя венчание совершалось в пятницу, не в праздник. Для венчания, т.е. для принятия таинства брака, я приехал первым со своими шаферами из родственников, а потом была привезена на паре хороших лошадей и невеста со своими шаферицами. Для встречи ее вышел с Св. Крестом о. Михаил и я в притвор храма. И невеста была введена нами в храм, на приготовленное для венчания место, с пением хором: «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородице...». Мы были одеты прилично. Невеста в белое шелковое платье с вуалью. На руках были золотые кольца и белые перчатки. После наших подписей в обычной книге о браках началось венчание. Оно было очень торжественное. Хор пел детскими мелодичными голосами стройно и гармонично. Публика не шумела и стояла спокойно, устремив всё своё внимание на нас, на хор певчих, на наших шаферов и гостей и на моих учеников, окружавших нас рядами. При венчании свящ. о. Михаил Дроздов сказал приличное слово, относящееся к нашему событию, с ораторским мастерством, очень красноречиво (этим он отличался). А после венчания выступил пред нами один из старших учеников, Александр Сухарев, с Священной книгой Новаго Завета, обратившись к нам, новобрачным, с трогательною детскою речью, которую закончил словами стихотворения, записанного в Новом Завете: «Пусть эта книга Священная Спутница Вам неизменная будет везде и всегда!..» Книга подписана обоими священниками и всеми учениками школы. Потом ученик А. Сухарев сделал нам от всех учеников класса поздравление с законным браком с хорошими пожеланиями. Эта книга — «Новый Завет» — действительно с нами путешествует везде и всегда по сие время. Мы бережём ее как зеницу ока.

После выступления А. Сухарева подошла к новобрачной моей жене ученица старшего отделения Зинаида Дроздова — дочь св-ка Дроздова — с букетом цветов в руках и

тоже с трогательною речью к нам, относящейся к нашему событию. К нашему выходу из храма после венчания все ученики были выстроены в две шеренги, по сторонам пути нашего следования. Они кидали свои шапки вверх со словами: «Новобрачным — нашему дорогому учителю Василию Вавиловичу и Марии Алексеевне — Ура!». Брачное торжество прошло весело и хорошо.

Дьяконовская церковно-приходская школа построена и занятия начались

Крестьяне д. Дьяконова свои обещания и обязательства по отношению школы полностью и своевременно выполнили: участок земли под школу отвели на указанном выше месте, «Межник», в количестве $\frac{1}{2}$ дес., брёвна были срублены и вывезены, из купленной делянки Государственного казенного леса, за 10 верст, натурой, при помощи кр-н других ближайших деревень, на своих лошадях бесплатно. Кирпич для фундамента и печей для школы, также песок и глина подвозились ими же бесплатно. Для выполнения такого тяжёлого и сложного труда, бесплатного, всех крестьян разных ближайших деревень привлёк мой учительский авторитет и мои убеждения, т.к. я пользовался большими симпатиями их. Все эти работы выполнены в течение одной зимы и весны 1904 г. Летом производились плотничные работы, распиловка тёсу и кладка фундамента под школу. Работы по постройке школы окончательно были закончены летом 1905 г. Всеми работами руководил сам попечитель школы Х.А. Смирнов, как знаток этого дела. Помогал ему при этих работах мой брат Фёдор Вавилович Котов.

Школа получилась большая, светлая и сухая, [со] сквозным и проходным коридором, разделяющим здание на вместительный класс — окнами на юг и запад, и на квартиру учителя с кухней — окнами на восток, север и юг. Из коридора ведет лестница на чердак, но она закрывается тёплым люком. В классе две печки, дающие тепло в достаточном количестве. Так же и в квартире учителя — тоже две печки, вполне снабжающие теплом. Занятия начались в новом здании с 1-го Сент. 1905 г. после осни

щения здания. Заведующим школой состоял св-к М. Дроздов, а Законоучителем – св-к Владимир Дружинин.

До достройки здания для школы два года занятия велись в заарендованном доме у кр-на д. Дьяконова Владимира Андреевича Перова, по 80 руб. в год. Школа была хорошо снабжена новыми учебниками для всех трех отделений. Учеников было много, и все они сидели за партами. На содержание школы и постройку ее были отпущены деньги Е.У. Советом. Попечителем школы Х.А. Смирновым был пожертвован кирпич и деньги, необходимые для достройки. Это известно ему одному.

Я был учителем в Дьяконовской ц.-пр. школе в течение шести лет, с 1904 г. Пришлось оставить занятия в школе по совету врачей, по болезни уйти и сделаться служителем культа. В 1909 г. получил я награду за труды по народному образованию – Серебряную медаль с надписью: «За усердие», на Александровской ленте. Жалованья получал я, будучи учителем, 30 руб. в месяц. Я вел сельское хоз-во: была лошадь, две коровы и три овцы-матки, один надел земли и 32 дес. купчей. С окончанием работы всё это и свои собственные постройки передал братьям за очень низкую плату.

Изложено 22 Нояб. 1952 г.

Пожар в деревне Дьяконове 1906 г.

С Сентября месяца 1905 г. я со своей семьей стал жить в новом здании Дьяконовской школы, в квартире учителя. В семье у нас были: я, моя жена, мать и 2-х летняя дочь Катя. В д. Дьяконове был собственный дом с двором. На дворе временно находились лошадь, корова и три овцы. 30 Марта 1906 г. по ст. ст. произошел в дер. Дьяконове очень большой пожар от неосторожного обращения с огнем скрытно курящего от семьи старика. Был очень сильный и холодный ветер, быстро воспламенившийся огонь от упавшей папироски на солому во дворе. Двор так быстро охватило огнем, что не успели и не смогли выгнать скот со двора. Сами хозяева и все члены семьи выскочили из дому на улицу в окно, схвативши из дому один самовар. Дом, скот и всё, что у

них было, сгорело. Огонь был быстро перенесён ветром одновременно [на] не менее 20-ти др. домов этого порядка деревни, и в то же время огонь перебросило ниже деревни, под гору, на огувенные постройки, загорелись сираи и амбары с хлебом. Загорелись щепы около школы и ржаная жнива на полях, хотя в это время был осенний разлив воды. Река Кострома была полна, наравне с берегами. Лёд стоял большими заторами. Школа от деревни стояла на $1\frac{1}{2}$ версты.

При таком сильном ветре огонь стихийно бушевал и так быстро воспламенял постройки, стоящие под ветром, что люди, хозяева их, старались только спасти себя от огня. Хлеб в амбарах тоже сгорел. Школе была опасность сгореть, т.к. ветер дул на неё и на д. Юрьецких. Поэтому жители этой деревни, бывшие на пожаре, поспешили вернуться в свою деревню. Огонь не остановился на постройках, стоявших на ветру, он перебросился на другой порядок деревни, который защищался ветром. Вот как он разбушевался и озлобился на людей! А людей было очень много, собравшихся и прибежавших на пожар из разных ближних деревень с 6-ю пожарными трубами. Была сильная и упорная борьба людей с огнём, длившаяся с утра до вечера. Пожар остановился на том доме, в котором временно [была] школа. Его едва отстояли при помощи шести пожарных машин. Вода из них протекала внутрь дома чрез углы и пазы стен с мохом. Как велика и сильна была стихийная сила огня! Для многих из людей было это необъяснимым, а для тех, которые этого не видели, покажется невероятным. Во время этого пожара сгорело 32 жилых дома, несколько лошадей, много коров и овец. Наш дом не сгорел. Сгорело до 15-ти других зданий, амбаров и сараев. У пяти домохозяев сгорели все запасы хлеба, до 1000 пудов.

Потерпевшие от пожара получили от Правительства усиленную страховку и некоторые льготы по платежам налогов. Также очень сочувственно отнеслись к ним граждане-соседи, не потерпевшие от огня, а их было около 50 домохозяев. Благодаря этому и благодаря сухому и хорошему лету, многие погорельцы построили себе новые дома с дворами еще до зимы и переселились в них.

Изложено 23 Нояб. 1952 г.

Моя жизнь в Тутке. Болезнь Вани

По моему прошению наше Епархиальное Начальство освободило меня от учительских занятий, а Высокопреосвященнейший Архиепископ Костромской Тихон определил на штатное диаконское место в с. Тутку, Солигаличского уезда. Посвящение во диакона совершено в Костром. кафедральном соборе 21-го Окт. 1909 г., в праздник Святителя Димитрия.

Село Тутка находится от Дьяконовской школы в 15-ти верстах. В селе было только три дома: два церковных и один частный, в котором жили два брата-старика, сыновья умершего св-ка. В большом каменном церковн. доме была школа и были квартиры для священника, диакона и учителя. Во втором церк. доме, деревянном, была квартира для псаломщика и церк. сторожа. Сюда приходили и богомольцы. В приходе было пять небольших деревень с населением около 100 домохозяев, занимавшихся хлебопашеством и возкою леса по зимам для сплава по р. Тутке. Все они жили бедно и некультурно, некоторые в черных, без труб, избах. Причт содержался процентами церк. капитала и занимался хлебопашеством и скотоводством. Земли было 700 дес.

В хоз-ве у меня были: одна лошадь, две коровы и три овцы. Сена хватало. Двор, сарай и амбар были церковные, а баня и овин собственные. Работы по хозяйству производились преимущественно своими силами. Были ульи, пять семей. Всего дохода получалось в год не больше 400 р. с процентами да от своего хозяйства не больше 100 р. В окружающем со всех сторон лесу росло много ягод: брусники, черники, клюквы, малины, морошки, голубихи, а грибов росло мало. В р. Тутке рыбы было порядочно.

В семействе у меня [было] семь человек: я, жена, четверо детей — Катя, Маня, Ваня и Аннушка; еще жила с нами моя мать, которая водилась с нашими детьми. В Тутке я жил четыре года. Вследствие отдаленности Тутки от городов и железной дороги я решил перебраться в др. приход, поближе к железной дороге или к какому-нибудь городу. Я решил готовиться к экзамену при

Консistorии на священника по курсу духовных семинарий. Для этого я выписал книги-учебники, которыми и теперь пользуюсь.

Болезнь Вани в Тутке

В первый год жизни в с. Тутке заболел Ваня корью и потом коклюшом. Очень тяжело было ему бороться с коклюшом, т.к. приступы кашля с густой харкотинной были очень сильные и частые. Он был еще маленький, похудел и ослаб. Мы боялись за него и опасались смерти. И действительно, в один из дней тяжелых приступов он перестал дышать, весь распустился и посинел, даже почернел. В то время у меня была теща. Мы все испугались до слез и решили, что он умер, и положили его на стол. Он был в таком положении около 30 мин. В это время я делал ему искусственное дыхание против желанья жены, матери и тещи. Все они плакали и просили меня не беспокоить умершего. Катя и Маня тоже плакали. Я попросил кого-то из них побыстрее сбежать к о. Петру и попросить немного красного виноградного вина. Вино было дано и принесено. Мои ожидания и надежды, что Ваня оживет, мои действия по искусственному дыханию не остались напрасными — Ваня стал отходить, мертвенность лица и всего тела [начали] приходить в нормальный вид, и показалось мне его слабое дыхание. А потом все мы увидели, что он жив и дышит. При этом ему дано было несколько капель виноградного вина. Коклюш у него еще продолжался и были еще два сильные приступа, но они были слабее первого. И мы в это время давали ему по несколько капель вина. И всё прошло благополучно. Коклюш кончился без последствий. За что мы прославили Господа Бога. Это показывает, что надо делать при болезни коклюша, чтобы не похоронить еще живого.

Катя в Тутке не скучала, в особенности летом. Она полюбила лес и одна ходила с небольшой корзинкой кругом полей около лесу, собирая ягоды или грибы-целики.

Изложено 24 Нояб. 1952 г.

Мои экзамены при Консistorии на священника

Из с. Тутки мною было подано прошение Костромскому архиепископу Тихону об определении меня священником на одно из свободных мест епархии, без указания прихода, с приложением отзыва о мне Солигаличского Благочиннического Совета, составленного о. Павлом Траяновым. Это сделано мною лично. Владыка предложил мне держать испытание при Консistorии, произвести это было указано о. Петру Левашову и по каким предметам. После испытания о. протоиерей Левашов должен был лично явиться к Владыке с докладом о результатах моих ответов. Испытания я выдержал успешно, в особенности о Богослужениях годичного круга, при ответе слышал одобрение: «Хорошо знаешь». Это меня бодрило и утешало. О всём этом подробно доложено Архиепископу Тихону о. прот. Левашовым в моем присутствии. Владыка признал меня достойным получить священническое место и предложил мне указать его в своем прошении на его имя. Я указал на второе священническое место на своей родине, в селе Никола-Чудце. Место это оказалось занятым, и я был определен на второе священническое место в с. Введение-Каликино*, к Георгиевской церкви, где настоятелем о. протоиерей Феодор Чудецкий.

Мое рукоположение во священника и переезд в с. Введение-Каликино Парфеньевского р-на**

Рукоположение меня во священники было совершено в праздник Введения в храм Девы Марии 21-го Нояб. 1913 г. в Костромском кафедральном соборе викарным епископом Арсением, т.к. Архиепископ Тихон

* Автор так называет село Каликино Чухломского уезда, где было 2 церкви: Введенская и Георгиевская, — в отличие от второго села (этого же уезда) с таким же названием - Каликино, где стояла Никольская церковь. (Прим. ред.)

** Правильно: Чухломского уезда. (Прим. ред.)

был вызван в Синод для присутствия в качестве члена. Рукоположения моего пришлось ждать две недели, вследствие болезни еп. Арсения. В это время я жил в Ипатьевском монастыре у о. Наместника монастыря, архимандрита Никодима, а питался вместе с братьёю монастыря. Большое спасибо им за приют и гостеприимство! Я спал в покоях о. Наместника. Вечером я читал вечерняя молитвы и его монашеское правило. А потом мы подолгу беседовали о Священном писании и Богослужении по разным книгам. Все эти беседы и чтения книг по дням и вечерам много пользы принесли мне, и всё это не будет забыто мною до смерти. Иногда я служил за диакона в церкви Ипатьевской слободы. После рукоположения моего. Наместник приказал своему конюху проводить меня на монастырской лошади до вокзала. Вечная ему память!

Разказ о. Никодима о своей болезни

У него заболела нога от ушиба. После большой опухоли открылась рана. Он обратился за помощью к знаменитому в то время Буйскому врачу Бродовскому, но почти бесполезно. По-видимому, получился «костоед». Лечение продолжалось, рана не заживала. Он потерял надежду избавиться от раны и решил больше не лечиться и терпеть рану до смерти. По сану иеромонаха случилось ему быть в июне и июле месяцах 1906 г. с чтимую Св. иконою преп. Иакова Железнодорожского чудотворца на моей родине Чудцы Буйского р-на*, где он был в то время иеромонахом. Здесь он в одной деревне рассказал одной старухе о своей болезни ноги. Эта старуха посоветовала ему остаться в Чудце на некоторое время после молебствий и применить её лечение раны чистым березовым щёлоком. Он согласился и применил это лечение от нея. Чрез небольшое время после этого рана на ноге зажила и больше не вскрывалась. Он возвратился в монастырь здоровым и радостным, прославляя Господа Бога и пр. Иакова.

* Уезда. (Прим. ред.)

Мой переезд из Тутки

Изложено 25 Нояб. 1952 г.

В Тутке я жил 4 года. Кое-чем я обзавелся по хоз-ву. Всё это перевозить было далеко, чрез 200 верст, и невыгодно. Я решил продать двух коров, овец и кур, хлеб в зерне и в поле озимь, весь картофель и другие огородные овощи, сено и солому, овин и банку и др. разные мелочи. Я взял с собою лошадь, кухонную (получше) посуду, самовар с чайной посудой и все книги, которых было много, и два улья. Всё это отправил на 3-х подводах, в том числе была своя подвода. А сам со всей семьёй, в количестве 7-ми человек, отправился на новое место служения по железной дороге до станции Антропово, отсюда поехали на наёмной лошади, на расстояние 15-ти верст. Мы оказались в с. Введение-Каликине 9-го Дек. по ст. 1913 г., а наши подводы — 12 Дек.: их задержали метели и морозы.

Село Введение-Каликино

Село расположено на высокой горе, при слиянии двух рек: Неи и Идола. Название этих рек показывает, что здесь жили вместе с славянами другие народности, будто бы черемисы. Название реки — Нея и Печерда — показывают это. А название р. Идол показывает, что здесь жили язычники и имели языческое капище или храм с идолами.

Все примыкающие к селу [деревни] принадлежали Московскому великому князю Иоанну Калите. Потом из них составилась Каликинская, правильней сказать — Калитинская, волость. В селе имеются два храма: Введенский и Георгиевский, в который я и получил определение. Мой настоятель, прот. о. Ф. Чудецкий, был уже стариком. Он всю жизнь прожил вдовым, с женою жил 1 год, был всегда трезвым, скромным, во всём воздержным, не искавшим более доходных приходов и наград за службу лет; довольствовался тем, что дадут. Имел два ордена, наперсный крест и камилавку.

Отец Фёдор встретил меня с хорошим вниманием и помогал мне своими советами, как начать жить на новом

*Введенский храм в селе Каликине.
Фото сер. XX в. Из архива И.Н. Голубевой*

*Георгиевский храм в селе Каликине.
Фото 1948 г. Из архива И.Н. Голубевой*

месте с такою большою семьею и потом обзавестись своим собственным домом и скотом. И я по его совету купил быню и амбар у диакона Ф. Груздева за 300 р. Летом купил корову за 40 р. После этого стало можно жить с большою семьею.

Я был назначен Законоучителем в Погореловскую школу. В то же время небольшое хоз-во с хлебопашеством, огородничеством и пчеловодством. В общем, в течение года все доходы по службе и от хозяйства выражались в сумме 600 р.

Почему-то я не скучал здесь. Мне всё нравилось: и реки, и храмы, и село, и лес, и поля. Моя совместная жизнь со всеми членами семьи, разнообразие природы, красивый вид с горы на окружающие местности с протекающими двумя реками (Нея и Идол), близость леса, богатого ягодами и грибами, — всё это бодрило, веселило и радовало нас, питало чистым, здоровым сосновым воздухом от леса, с трёх сторон окружающего нас, питало разными плодами природы: земляникой, черникой, малиной, брусникой и разнообразными грибами, фруктами и овощами, растущими в саду. Всё это разгоняло нашу всякую скуку.

И действительно, я заметно делался здоровее, крепче, устойчивее и бодрее. Ревматизм и малокровие пропали навсегда.

Под воздействием всего этого я со своей старухой живем в с. Введение-Каликине по сие время, уже 39 лет. За это время много приятного и радостного было для нас; было много неприятного, печального, тревожного и даже странного и опасного для нашей жизни. О чем будет сказано ниже.

Изложено 26 Нояб. 1952 г.

Первая война с немцами и революция

Здесь, на новом месте, я повел такой же образ жизни, как и прежде: кроме священнических обязанностей, сам пахал плугом землю, боронил железной и пружинной бороной. Под посев озимовой ржи я всегда ста-

рался подпаривать землю осенью, хорошо удобрить землю навозом, заделать его плугом и перед посевом, который начинался с 25 - 28 Июля ст. ст., еще раз вспахать землю плугом, чтобы земля была рыхлая, без травы и корней сорных трав, чтобы бродила, а не резала. Этого местными крестьянами не делалось, и потому они надо мною смеялись. Но когда они увидели, что мое поле родит вдвое или даже втрое больше, чем [их] поля, — стали подражать мне. Я сеял рожь нечасто, не больше 8 пудов на десятину.

Такой мирный и спокойный [период] продолжался недолго: началась неожиданно война с немцами. Она была неудачна и тяжела для нас, хотя наши русские солдаты защищали родину самоотверженно и стойко, но у нас была слабая военная техника и измена некоторых полководцев и генералов из немецкого происхождения. Солдаты роптали. Рабочие и крестьяне были очень недовольны дороговизной продовольствия и его пропажей с рынков. Началось волнение.

В это время выступил с открытой агитацией Ленин Владимир Ильич и убедил солдат и рабочих взять власть в свои руки. Произошел переворот Государственного строя; произошла Великая революция: царь, царица с детьми, и все министры, и все начальники, власть имевшие, были арестованы. Стала управлять и распоряжаться Советская власть, во главе Ленина и Сталина и др. Были удалены и буржуазное правительство Керенского, и др. лица из меньшевиков: Троцкий, Зиновьев, Рыков, Бухарин и другие их единомышленники. Началась гражданская война. Отпущенным домой солдатам [пришлось] опять вернуться для защиты отечества от белогвардейцев, которыми руководили разные лица: Врангель, Корнилов, Краснов и др. Помогали им Англичане и др. инородцы. Народная Красная Армия [сумела] отстоять Советскую Власть и разгромить всех белогвардейцев. Война с немцами и белогвардейцами принесла большие лишения и разные трудности для русского народа: был большой голод, разные заразные болезни, в особенности сильно свирепствовал сыпной тиф, который унес в

домлю людей больше, чем от войны. Так продолжалось до НЭПа. После НЭПа были трудности, но более слабые. Наконец жизнь наладилась и исправилась.

Как мы жили в это время

Излож. 27 Нояб.

Во время первого голодного времени, очень тяжелого для нас, у нас было детей 4 чел. и мать-старуха. А в 1922 г. родились еще сын Алексей и дочь Ольга. Всего в семье стало 9-ть чел. Для такой семьи требовалось всего больше: и хлеба, и одежды, и обуви. К тому же в это время учились в Парфеньевской полной школе две старшие дочери — Катя и Маня, а Ваня и Аннушка учились в местной Пироговской школе. Пришлось много думать и заботиться, как воспитать их мало-мальски сытыми и одетыми.

В 1921 г. болели скарлатиной троё из детей: 8-ми летняя Аннушка, Маня и Ваня. У Вани после скарлатины получилось очень тяжелое осложнение. Лечил его местный фельдшер И.В. Куркулис. Он, после некоторого лечения, признал в нем воспаление мозговой оболочки, при этом применил пиявки. Это не помогло. После этого он посоветовал мне свезти его на станцию Полома к врачу Дьякову. Врач Дьяков не признал в нем этой болезни, а признал очень большое малокровие и сильное истощение организма и велел надеяться на выздоровление. И действительно, выздоровление Вани началось, но очень медленное, начавшееся с Марта и продолжавшееся до Мая. Много времени этого периода без поддержки других не мог один ходить. С января м-ца до Марта были у него большие боли, сильно страдал: стонал и кричал. Во время болезни Вани было много перенесено нами страха за жизнь его и нормальность. Также много хлопот было, волнений и проведено бессонных ночей. <...>

В 1922 г. произошли у нас два больших несчастья: воронство мёда из седми ульев неизвестными ворами (после чего погибли три улья) и болезнь и смерть от

дизентерии 10-ти летней дочери Аннушки. <...> Летом 1922 г. [умерла] девочка 5 м-цев от рождения — Оля.

До 1930 г. наша жизнь проходила сравнительно спокойно по сельскому хоз-ву и по службе священника. Голода при НЭПе не было, болезни прекратились, сельское х-во в деревнях росло и расширялось, т.к. излишки собственной земли владельцев, монастырские и церковные владения отдавались желающим хлеборобам. Но при этом и владельцам их оставалась норма земли для обработки только собственными личными силами, без наёмного труда. Общинность и трехполка, черезполосица и мелкополосица уничтожались. По указанию Советского Закона вводилось и поощрялось хуторское, отрубное хозяйство и широкополосица с травосеянием по плану: четырехполя, пятиполя и до восьмиполя включительно. Появилось у кр-н много хорошего и сытого скота, погоня за хорошими лошадьми, за молочными коровами и за другим породистым скотом. Такому росту и улучшению его много помогали сельско-хоз. выставки с дипло-

*Семья о. Василия Румянцева. Середина 20-х гг. XX в.
Сидят: матушка Мария с сыном Алексеем, о. Василий.
Стоят: дочь Мария и сын Иван.
Фото из архива И.Н. Голубевой*

В.В. Румянцев

мами и премиями. Также много помогало и травосеяние. Чрезполосица и мелкополосица быстро ликвидировались и заменялись другими видами х-ва.

На основании нового закона Советской Власти перешел на отрубное хозяйство и вел его до 1930 г. Было введено 7-ми поле с травосеянием. Один севооборот был полностью проведен и показал большие преимущества над бывшим сельским х-вом по лёгкости и удобствам обработки и по доходности х-ва. Все работы производились только членами моей семьи, кончались они в Августе месяце. Дочери уходили учиться в Парфеньевскую полную среднюю школу. <...>

В 1930 г. пришлось отказаться от земли и отруб передать с травосеянием и озимым полём Осиевскому колхозу. Я подпал под раскулачивание. Я и все мои дети были лишены права участвовать при выборах лиц на Государственные Советские должности до указания т. Сталина, что дети лишенцев за родителей [не отвечают]. Потом было возвращено это право и нам, родителям их.

Как мы жили после раскулачивания

28 Нояб. 1952 г.

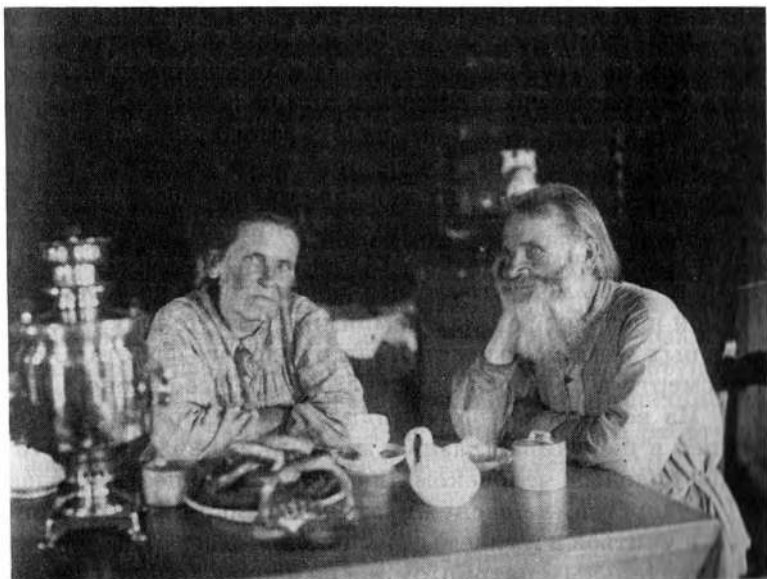
До 1937 г. я продолжал свою службу в церкви и приходе. В моем распоряжении был дом и небольшой участок земли в огороде, занимаемый посадкою огородных овощей: картофелем, капустой, огурцами и др. овощами. В огороде имеются яблони и ягодные кусты, посаженные мною. Еще имею 8 - 9 ульев.

Старшая дочь Катя вступила в брак с избранным ею женихом — студентом того же института, в котором училась, Николаем Андреевичем Голубевым. Пред вступлением в брак он приезжал к нам испросить наше согласие на это. По окончании ветинститута получили места для работы по своей специальности: Катя была санитарным тринзитным врачом в г. Луге Ленингр. обл., а Николай Андреевич — военным, в том же городе.

Маня кончила Парфеньевскую полную среднюю школу, потом проходила и кончила курсы на булгактера и

еще курсы на лабарантку, т.к. в ин-т не была принята по социальному положению. После курсов она поступила на работу в Ленинграде по своей специальности лабарантки по осмотру мяса и молока, где работает по сие время. В брак она не вступает.

Ваня кончил 6-ть классов Парфеньевской школы, был принят в Чухломский техникум, потом исключен из него по социальному положению. После этого он стал считаться лишенцем и безправным поступить на военную службу и в колхоз. Это заставило его уйти от нас и жить одному в отдельном доме, терпеть разные названия и насмешки, иногда издевательства от нечестных и несознательных людей. Это продолжалось до указания т. Сталина И.В., что дети за родителей не отвечают. На основании этого ему дали право быть равноправным со всеми гражданами Советского Союза и дали возможность быть рядовым членом Спицынского колхоза, в котором работал [в течение] двух лет честно, исправно и без прогулов. За свои работы в колхозе он получил денежную премию и был отпущен учиться в школу шоферов. По

*За родным столом матушка Мария и о. Василий.
Фото из архива И.Н. Голубевой*

*Пора сенокоса. Матушка Мария и о. Василий.
Фото из архива И.Н. Голубевой*

окончании этой школы он работал в г. Ленинграде до мобилизации на фронт во время войны с Финляндией шофером на своей машине. Войну с Финляндией он пережил благополучно и вернулся домой целым и невредимым, стал жить с нами вместе и содержал нас, стариков, на своем иждивении. После отдыха от войны он опять вернулся в Ленинград на свою прежнюю работу, не переставая помогать нам в существовании до самой Отечественной войны 1941 г., будучи неженатым. 22 Июня 1941 г. он был во второй раз мобилизован со своей машиной на фронт войны с немцами и 2-го Ноября того же года был убит на позиции Ленинградского фронта. О месте смерти и погребении тела его нам не сообщено.

Из всего сказанного видно, как несправедливо он терпел и переживал разные насмешки и названия, считался опасным человеком для колхоза, общества людей и Государства, не заслуживающим равноправия и принятия учиться в желаемыя им школы. Напротив, он был действительным патриотом, не на словах только говорунном, но на деле и в героизме. Он оказался намного выше тех людей, которые ему и мне пакостили.

После смерти Вани нам дали Государственную пенсию, как жившим на его иждивении, 144 р. в месяц, которых хватает нам на хлеб, освободили нас от налогов и считают нас [достойными] должного внимания от начальства при существовании. Конечно, и теперь есть несознательные и нечестные люди, патриоты только на словах, знающие только себя и делающие только себе да еще иногда для своих друзей. А все погибшие люди и защитники Отечества и их — ими забыты и считаются за ничто, потому [что] они на фронтах не были, лишений не видали.

Второй сын, Алексей, учился в лучшие годы, после указания т. Сталиным, что дети лишенцев не отвечают за родителей. После успешного окончания Парфеньевской полной средней школы и получения аттестата зрелости поступил учиться в Ленинградский ветеринарный ин-т в 1938 г. В 1941 г. началась война с немцами. Ему пришлось эвакуироваться в Кировский ветин-т, и отсюда [он] в Марте м-це 1942 г. был мобилизован учиться в Ярославскую военную школу на офицера. По окончании школы в 1943 г. был послан на Калининский фронт, а потом попал в Курскую дугу. При наступлении 12 Июня 1943 г. на Белгород он наскочил правой ногой на пехотную мину и получил сильное ранение нижней части ноги. Эта часть ноги была отнята, и ему пришлось кочевать по госпиталям г.г. Воронежа, Уфы и Иркутска. В Иркутском госпитале он пробыл 7-мь месяцев. А отсюда был отпущен домой с освобождением от военной службы, с военной пенсией по линии Министерства Государственной и Отечественной Обороны. За военные подвиги на фронте Алексей получил Военный орден. В Январе месяце 1945 г., после снятия осады Ленинграда и возвращения в него ветин-та из эвакуации, Алеша поступил в него для продолжения своего образования и успешно закончил его в 1947 г. Потом он был принят на работу по своей специальности в Ярославский холодильник, где он продолжает свою работу и в настоящее время. В Ярославле он женился на учительнице средней школы Галине Михайловне Запрягаевой, имеющей высшее образование. При вступлении в брак и регистрации его он попросил нашего родительского совета, разрешения и благо

словения. Только после этого состоялась регистрация брака с избранною им невестою и брачное торжество в квартире отца невесты Михаила Николаевича Запрягаева, на которое были приглашены и мы.

Все дети наши не забывают нас, стариков, и помогают в необходимом для существования, видя, что пенсии нам не хватает; относятся к нам любовно и почтительно и иногда приезжают к нам на отдых после своих занятий и работ, чтобы вместе с нами провести некоторое время, подышать с нами одним здоровым сосновым воздухом нашей местности, поговорить и поделиться с нами своими радостями и разными переживаниями и, главное, осмотреть нас и увидеть, в каком состоянии мы находимся, в чём нуждаемся; ободрить нас и влить в нашу энергию новые струи живительной силы здоровья, спокойствия и утешения. За что мы благодарны им. Они обещают нам не забывать нас до смерти и продолжать свою помощь до конца нашей жизни, в случае необходимости — взять нас к себе. Все это нас успокаивает и бодрит.

Кроме детей наших, так же любовно и отзывчиво относятся к нам и дети Николая Андреевича и Кати, наши внучки: Ира, Галя, Женя и Оля. Почти все оне имеют законченное высшее образование. Ира и Галя уже работают по своим специальностям.

Переписка идет между нами почти еженедельно.

Итак, мы свою жизнь доживаем без особенной нужды и пока без страха за существование, в мире и спокойствии. 30 января 1953 г. исполнится 50 лет нашей совместной жизни в законном супружестве с матерью наших детей Марией Алексеевной Румянцевой, бывшей Бедаревой. Всё пережитое-нехорошее забыто. Только никогда не будут забыты нами умершие дети наши: Ваня, Линушка, Оля, Алеша (2-й) и еще маленькая Оля. При воспоминании их невольно слезы льются. В особенности тяжело бывает при воспоминании жизни Вани и Аннушки, потому что много пережито было ими неприятного для них и так же много было сделано приятного и радостного для нас. Ваня продолжает быть кормильцем нашим и в настоящее время, чрез получаемую от Государства пенсию за него.

*Полжизни вместе.
Фото из архива И.Н. Голубевой*

Порядок моей жизни

Утро. Я по привычке просыпаюсь в 2 - 3 часа, редко в 4 часа. При этом позволяешь себе быть на постеле около одного часа, если позволяют обыденные работы. В это время или исполняешь свой долг христианина — отправляешь правило утренней молитвы, или обдумываешь план предстоящей работы. Потом встаешь, умываешься и приступаешь к молитве, если она не совершена на постеле, или приступаешь к намеченной работе. Но прежде работы пьешь чай и завтракаешь из остатков предыдущего дня. Днем дорожишь каждым часом времени, чтобы он не пропал даром, без работы. В особенности так поступаешь во время работы в огороде при посадке овощей, в сенокос — при косьбе травы и сушке сена; осенью — при уборке огородных овощей и при сборе ягод и грибов. Я стараюсь каждую работу, в особенности по пчеловодству, отправить вовремя, без опущений, т.к. от этого зависит успех каждого дела, каждой работы. Обед и окончание (каждой) работы каждого дня бывает не в определенное время.

Это зависит от хода работы и состояния погоды. Бывает нужным применить поговорку: «Куй железо — пока горячо!». Это первое правило жизни.

Второе правило моей жизни: «Не береги работу до завтра, не откладывай на авось. Ты не знаешь, что будет завтра».

Третье правило: «Не быть самонадеянным». Прежде работы проси помощи Свыше у Господа Бога и Его Пречистой Матери и работай прилежно. При этом сообщай: как правильнее, лучше и скорее сделать; не отказывайся выслушать советы других, не только членов своей семьи, но и чужих, хотя они будут ниже тебя возрастом и образованием, по твоему мнению и мнению окружающих людей.

Поэтому жена каждого мужчины должна быть первой помощницей и советницей в работе. При этом я не терял самостоятельности, боялся поступка Адама, послушавшего жены Евы и вкусившего от запрещенного плода.

Я держался и четвертого правила. Вот оно: «Не презирай, и не считай, и не говори, что он глуп и бесполезный человек, зная, что в каждом человеке и в нас самих есть хорошие и худые стороны, только разные». У одних из нас больше хорошего и правильного, меньше худого. У других наоборот — больше худого и меньше хорошего и положительного. Все эти качества бывают разные у людей. Бывает и так, что и немного хороших и положительных качеств заслуживают большого внимания и оценки; ради их приходится снисходительно и не строго отнестись и к недостаткам человека, как Христос к грешнице, взятой и обличенной в прелюбодеянии.

Все мы не без греха. Все мы несовершенны, не имеем права бросить камень осуждения и презрения на человека.

Также я не брезговал и не стыдился поговорить, разспросить и посоветоваться с другими о разных работах и занятиях, как и когда они отправляют их. Из этого я извлекал лучшее и полезное, отбрасывал плохое и вредное, стараясь и им внушить и показать это, чтобы и они учились. Это было пятое правило.

Шестое правило: «Воздержанность и умеренность во всем, и особенно в охмеляющих напитках и в безнравственности». Это есть основание твердое — на камне жизни.

Я считался, в одно время, обновленцем

Я считаю нужным записать, что я с 1934 г. по 1937-й г. служил при своей Георгиевской ц. по Обновленческой ориентации, т.е. был в ведении обновленческих епископов. Это произошло против моего желания, но влиянию и требованию того времени. Во время обновленчества я был возведен в сан протоиерея и в должность благочинного. В это время пришлось пережить много неприятностей и оскорблений от людей, в особенности от некоторых несознательных прихожан, не знающих догматов — истин нашей Православной Веры — и считавших себя поборниками благочестия и защитниками Православной Веры и церкви, наподобие строобрядцев. Они называли меня «Красным попом» за то только, что я молился за Богослужениями за Правительство и воинство страны нашей: «Да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Это прошение из сугубой ектении и теперь читается за Богослужениями. При Обновленческом служении налог был большой, а доходы уменьшились. По этой причине пришлось оставить службу 1-го Июля 1937 г. и уйти в заштат. 17 Марта 1943 г. я отказался чрез покаяние от обновленчества и был принят на учёт Патриаршей Правосл. церкви. В 1944 г. отправлял все богослужения Страстной и Святой нед. в посаде Парфеньеве, Костр. обл., вместо больного Отца протоиерея Иоанна Калининкова. Его я исповедовал, соборовал, напутствовал Св. Таинством причащения и совершил Пасхальную панихиду.

Я определен 2-м священником в г. Галич

Излож. 30 Нояб.

17-го Мар. 1947 г. я был определен Еп. Антонием на 2-ю священническую вакансию к Васильевской церкви г. Галича; служил при этой церкви до 6-го Июля того же года. По прошению я был уволен Еп. Антонием из штат, по домашним обстоятельствам: в моё отсутствие в г. Галич на службу была сделана большая кража в моём доме и при этом была опасность — быть убитой вором

моей жене-старухе. Этим она была напугана и от испуга заболела. В это время жила она одна.

Во время службы в г. Галиче я был награжден Еп. Антонием Наперсным Крестом.

Жители г. Галича и прихожане окружающих деревень (др. приходов не было) просили меня не уходить от них и остаться у них до смерти. Были готовы купить дом для меня и моей семьи, состоящей из одной старухи, и найти место для коровы. Также Еп. Антоний убеждал остаться. Но жена моя и дети не пожелали этого по болезни матери. И пришлось исполнить их желание. Оно исполняется по сие время, хотя я люблю церковь, стремлюсь в нее; люблю и Богослужения, душа моя томится без них. В то же время я чувствую себя здоровым, сильным и способным совершать Св. Таинства и все др. Богослужения и учить народ истинам Св. Евангелия и Св. Правосл. веры и нравственности.

Но было бы большим грехом для меня бросить на произвол свою больную жену-старуху, проживши с ней около 50-ти лет, когда она была здоровой, родивши 8-мь детей, из них 4-х воспитавши до полного возраста и до самостоятельной жизни. Было бы большим преступлением и пред детьми нашими, любящими нас, в особенности любящими мать свою. Это было бы причиной осуждения меня детьми и людьми.

Произошла кража в моем доме

Кража в моем доме произошла с 5-го на 6-е Июля 1947 г. неподозреваемым вором в моё отсутствие на службу к Васильевской церкви г. Галича. Дома жила одна моя жена-старуха. Дети наши жили и работали самостоятельно по своим специальностям в г. Ленинграде. Младший сын Алексей кончал Ленинградский ветинститут и держал экзамены. Работницы и прислуги у нас не было.

Впоследствии вор обнаружился. Он оказался моим бывшим прихожанином. А в это время он жил со своею матерью в д. Нечаеве, в одной версте от Парфеньева. Его знали «Колька Каран». Он был еще молодым парнем, пред этим вернулся из Красной армии. По ремеслу он был сапожник, имел гармошку и считался девушками веселым

парнем и хорошим женихом. Хороший женишок в эту весну, с мая месяца, занялся самым нехорошим ремеслом, но очень выгодным для него делом — поровнем чужого имущества и убийством. До моей кражи он сделал около пяти других краж, убил старика с женой старухой, сжег их и их дом в дер. Село, около Парфеньева, и был не замечен. По этим кражам и убийству с поджогом дома подозревались другие личности и еще цыгане. Колька Каран, видя успех своих гнусных дел, онаглед и решил продолжать свои озверелые дела. Он сообразил, что у меня должны быть большие деньги, как у служителя культа — священника, да еще в таком большом приходе, как г. Галич, и решился прибавить еще большое преступление — ограбить мой дом, найти деньги, унести их и убить мою старуху, если она помешает. Так он признался впоследствии в Костромском Облсуде в моем присутствии. Колька Каран пошел и сделал. Но денег он не нашел, старуху не убил: она не помешала. Бог отвёл от её от этого опасного человека-зверя. Было украдено им у меня разного имущества, одёжи, обуви и мануфактуры, с разными другими мелкими вещами, на 10 000 руб. После моей кражи им было сделано еще несколько больших краж, напр.: в д.д. Кузнецове, Починке.

О своей краже я сделал заявление в Парфеньевскую милицию. Начались розыски. Начальник милиции Козлов оказался очень деятельным и настойчивым: сам ходил по ночам по ближайшим деревням и дорогам, стараясь напасть на следы воров. И наш вор скоро обнаружился одетым в пальто моего сына-студента. При этом вор, Колька Каран, при своем бегстве от преследующего его сторожа сбросил со своих плеч наше пальто, чтобы убежать и скрыться, был узнан и потом взят в его деревне, в доме соседки, и арестован. Половина моих вещей была отобрана у вора (где она хранилась? — мне не известно: милиция не сообщила) и возвращена мне. Вора судил Костромской Облсуд 17 Дек. 1947 г. Мы, потерпевшие, были свидетелями. Вор, Колька Каран, признался во всех семи кражах, в убийстве стариков, поджоге дома, рассказавши спокойно, как всё это он делал. Также признался в краже у меня и намерении [убить] мою жену-старуху.

Костромской Облсуд приговорил его к 20-ти годам заключения с работами.

16-го Дек., накануне Облсуда, я был у еп. Антония за благословением. <...>

Моя временная служба в г. Галиче в 1948 г.

Излож. 1 Дек.

27-го Авг. 1948 г. я был вызван телеграммой к Еп. Антонию и был послан на неопределенное время в г. Галич служить в храме Святителя Василия Великого и отпирать все требы в городе и в окружающих деревнях за настоятеля храма о. прот. Н. Птицына, которому было сделано Еп. Антонием временное запрещение служения за что-то. А может быть, и без вины, как говорил о. Птицын (это у Еп. Антония часто бывает). При этом было указано мне, чтобы я из своих доходов в храме половину отдавал о. Н. Птицыну. Для о. Николая это было полной неожиданностью. Он не поверил моему сообщению об этом и письменному указанию Епископа. Был послан им в Кострому о. диакон Наградов за справкой. А я был обвинен им, как искатель этой службы и наушник Епископа. Встреча меня была враждебной со стороны о. Николая и его матушки, хотя она была первой после моей службы в г. Галиче, хотя между нами не было в то время никакой вражды и ссоры. Это произошло в 11 ч. ночи. Мне было отказано ими в ночлеге и приюте в такое позднее время на мои просьбы. И я принужден был ходить в глухую осеннюю полночь по городу и искать приюта, а утром вернуться домой до 1-го Сент., чтобы дать время о. Николаю справиться о правильности моей командировки. В г. Галиче в этот раз я служил до 5-го Окт. Для постоянного служения был прислан из г. Чухломы о. Алексей Чудецкий, а о. Н. Птицын был определен на его место в г. Чухлому.

Мое служение в г. Галиче в это время проходило спокойно и исправно, без особенного труда для меня, хотя треб было много, в особенности крестин. Только для меня было заботливо и страшновато за дом, свое х-во и за старуху. Но всё обошлось и совершилось благополучно.

4-го Дек. этого же года я был вторично вызван в г. Галич для торжественного служения с Еп. Антонием и праздник Введения во Храм Пр. Девы Марии. Богослужение было празднично и торжественно! С Еп. Антонием приехали: о. прот. Н. Голоушин, протодиакон и иподиакон. Кроме меня, был приглашен для служения св-к о. Аркадий Сокольский, который по указанию Владыки совершал в день праздника раннюю обедню, а я совершил пред поздней литургией водосвятный молебен еще до встречи Владыки. При встрече Владыки о. настоятель, св-к Ал. Чудецкий, сказал приличное слово, в котором показал, что приезд Владыки, Его торжественное отправление Литургии и молитвы будут иметь большое значение для верующих города и всех окружающих деревень, как не видавших этого. В особенности была хорошо сказана проповедь о. прот. Голоушиным на тему праздника — о необходимости молитвы ко Пр. Деве Марии и чествования Ея выше Херувимов, Серафимов и всех Небесных сил. Молящихся собралось очень много. Церковь была переполнена. По совершению молебна Богородице, по указанию Владыки, мне предоставлен был труд подавания молящимся Св. Креста для целования и отправление молебнов и панихид просящим. Владыка спешил отъездом в г. Буй для отправления в этот же день всенощной. Для отправления всех треб мне потребовалось времени не менее двух часов. Поэтому мне не пришлось присутствовать на праздничном обеде вместе с Епископом Антонием и быть при проводах его на вокзал. После службы я участвовал на обеде членов своего кружка — служителей церкви и почетных гр-н-прихожан. Св-к о. Алексей распорядился уплатить мне за дороги по этому событию 50 р. Я остался доволен этим и их другим вниманием ко мне.

Моё путешествие в Галич принесло мне большую пользу по подоходному налогу за службу за о. прот. Н. Птицына. Вместе с Еп. Антонием приехал Облуполномоченный по делам Православн. Церкви. Мне удалось передать ему о несправедливом добавочном налоге за службу. Облуполномоченный указал мне подать чрез него за-

*Мария Алексеевна Румянцева.
Фото из архива И.Н. Голубевой*

явление об этом. Я так и сделал, как он указал, и получил скидку добавочного налога, в количестве 500 р., да еще 176 р. из внесенных ранее денег при расчете при окончании временной службы.

Моё это путешествие в Галич окончилось болезнью: я простудился и получил рожистое воспаление лица. Эта болезнь продолжалась в течение Декабря и Января м-в, но не было большой боли головы. Я не лежал, но всё время работал, только не на улице — на свежем воздухе, а дома — в теплом помещении. Опухоль лица долго держалась, в особенности правой щеки и коковы носа. Лечил меня местный фельдшер А.А. Смирнов.

Вследствие этой болезни я отказался Еп. Антонию служить в нескольких приходах: с. Бушнева, что на трактовой дороге, с. Горельцы Парф. р-а, с. Покров-Удгода Буйского р-на. Также отказался в 1950-м г. от с. Васиковка Антр. р-на, за что потерял некоторое расположение Епископа ко мне.

Народный суд по делу Николая Сизова

Излож. 2 Дек. 1952 г.

Это было тогда, когда мы работали на отрубных участках, но в каком году? — не помню, не могу сказать. Види хорошие урожаи ржи на моем отрубе, многие гр-не ближайших деревень (в то время все гр-не были единоличниками, еще колхозов не было) стали подражать моим работам: осенью подпаривать землю в поле под пар для посева озимовых, стараться побольше навозу положить под посев озимовых и вовремя запахать его и посеять рожь. Запашка навозу производилась непременно до сенокоса, а посев озимовых, ржи, начинался с 12-го Авг., с расчётом, чтобы кончить посев озимовых до 19 - 20 Авг. Кроме подражания в пахоте, они старались добыть лучшие семена и засеивать их не более 8 пуд. на десятину, как я делал. Многие из гр-н брали семена заимообразно до урожая, а некоторые из них выменивали на свою рожь. Я не отказывал им в этом, когда была у меня рожь, и давал свои семена без всяких выгод для себя. По примеру других обратился ко мне с такой же просьбой гр-н д. Спицына Н.Н. Сизов. В то время у меня не оказалось ржи, проверенной всхожости. Поэтому я, давая рожь для семян, предупредил его об этом и посоветовал ему проверить всхожесть ея. Но Сизов не сделал этого и посеял непроверенные семена ржи, взятые у меня. Всхожесть ржи оказалось неполной, очень редкой. Пришлось ему пригласить агронома осмотреть эту полосу и составить акт, чтобы избавиться от Государственного налога зерном. Агроном же, узнавши от него, что семена были взяты у «попа» — у меня, донёс Парфеньевской милиции о мне, как вредителе. Дело было оформлено и передано в Народный суд. До суда было пережито много страха мною и моей семьей. Я решился взять защитника. На суде Сизов Н.Н. показал правду: как я предупреждал его и что я за свою рожь не брал лишку, а получил столько же, сколько давал. Судьей была вспыльчивая, и нервная, и горячая женщина, не любившая попов. Она настаивала и вызывала Сизова на несправедливые показания. Но Сизов не сдался, устоял. И этим он оправдал меня. Мне дали, как попу, один год условно, чтобы в течение его не сделать ни одного преступления.

Народный суд в нарушение Сталинского Устава

В Июле месяце 1940 г. вернулся домой после войны с Финляндией наш сын Ваня. Он вернулся целым и невредимым. Мы были очень обрадованы его возвращением после долгой разлуки, т.к. он до войны работал шофером в г. Ленинграде, а мы, будучи на его иждивении, жили одни. В этот раз он приехал к нам только на отдых, с намерением уехать опять в Ленинград на свою работу в организации по своей специальности. В это время в нашем колхозе, д. Каняева, производилась молотьба ржи трактором на сложной молотилке. Народу для этой работы не хватало. Поэтому предс. колхоза А.Г. Смирнов попросил Ваню помочь им при этой работе. Он не отказался. А я был болен в это время, не мог идти помогать при молотье. При этой работе сын Ваня был около недели, работая бесплатно. Председатель Смирнов, считая себя обязанным пред ним и по своей совести не желая остаться должником, предложил моему сыну покосить в поле оставшейся забракованной ими травы, состоящей из небольших остатков. В это время на этих местах гулял уже колхозный скот. Других средств и возможностей для платежа у предс. Смирнова не было. То же было предложено им и др. гражданам нашего села, работавшим при молотье: акушерке Боголеповой Р.П. и бывшей монашине Виноградовой Л.А. Мой сын накопил сена два ондрца, не больше 20 пуд., которое было привезено и передано мне, как отцу. Мы были спокойны, не считали себя виновными, думая, что здесь никакого преступления пред Государством нет, а напротив: должна быть похвала за помощь колхозу, думали мы. На деле же получилось обратное.

Один гр-н из нашего села Геннадий Воронин, не работая и не помогая колхозу, крадучись, как вор, косил колхозную траву и убирал её домой. В то же время со своею женою сделал чрез местную Парфеньевскую газету донос, что «поп с сыном» воруют и косят колхозную траву. Начались допросы прокурором Парфеньевского народного суда. Допрашивались: колхозный предс. Смирнов, я и Л. Виноградова. Мой сын не допрашивал-

ся, т.к. я принял его вину на себя, чтобы его не беспокоить и дать ему возможность отдохнуть после войны и поскорее уехать в Ленинград на свою работу, хотя я не косил травы, потому что я был в это время болен и лечился у местного фельдшера А.А. Смирнова, о чём мог бы получить справку и представить её в Народный Суд. Ещё была привлечена к суду монашина Виноградова. А Боголепова Р.П. не привлекалась к суду, как акушерка. (И это считается правильным?!)

Все мы, привлеченные к допросам и ответственности, признались в этом деле и рассказали, как и почему это сделали, и потому не признали себя виновными. После этого нам было разъяснено, что косьба колхозной травы, хотя и с разрешения председателя, как плата за работу, считается по существующим Советским законам преступлением и подлежит наказанию за нарушение Сталинского Устава.

Нарсуд состоялся 1-го Мая 1941 г., почти через год после допросов. Все мы, предс. Смирнов, я и Виноградова, были приговорены к 6-ти месяцам принудработ на общих основаниях, а предс. Смирнов в своем колхозе. Нами была подана кассация в Облсуд, но безрезультатно. Мне пришлось отбывать свое наказание при Парфеньевской милиции на работе по сенокосу в разных местах и кормить своею кровью слепней. Мы работали и питались вместе с милиционерами: ели лапшу и кашу, картофель и молоко, пили чай с конфетами, вместо сахара, кроме ржаного хлеба иногда привозился из Парфеньева белый хлеб. На работу и с работы ежедневно ездили на лошади, на которой подвозилось сено для мётки стогов и травы из лесу и кустов для просушки. На работу вставали рано, около 3-х ч. утра. Это не очень нравилось милиционерам, но они не препятствовали. По этой причине они сменялись по очереди для отдыха. Сена накосили очень много, такого количества никогда у них не было, по их словам. Его хватило на два года. От такой работы и я болел, пухли ноги. Наша честная и усердная работа была оценена Начальством милиции, каждый трудодень считался за три дня. Поэтому мы работали только два месяца, с 15-го Июня по 15-е Авг. В этот период давалось несколько раз время для отдыха

дома по несколько дней. Я заработал за это время 80 р., за вычетом за провизию. При домашнем сенокосе не пришлось быть, пришлось нанимать человека. Но всю тяжесть его [довелось] нести Кате, в то время эвакуированной из Ленинграда вследствие блокады его немцами.

Изложено 3-го Дек. 1952 г.

**Биография нашего сына Ивана,
погибшего на фронте Отечественной войны
2-го дек. 1941 г.**

Наш сын Ваня родился 18-го Июня ст. ст. 1909 г. Во время учения в начальной школе заразился скарлатином с последствием другой тяжелой болезни, по мнению местного фельдшера К.В. Куркулис, — воспалением мозговой оболочки, а по мнению никола-поломского врача Дьякова — сильным и острым малокровием. Болезнь продолжалась с большими страданиями всю зиму и весну, оставила на некоторое время свои следы — косноязычность, — но это было временное, потом прошло. Был большой страх за его жизнь. После начальной школы учился в средней школе, которую кончил шестым классом, помещало социальное происхождение — «сын попа». После этого, в течение нескольких лет, была самая безотрадная, нравственно-мучительная и тяжёлая жизнь Вани, сына лишенца-отца. Для него была закрыта дорога по всем видам жизни, даже в колхозы. Всё это тяжело отразилось на его молодом организме, и его положение было близко к отчаянию. Но его спасло от этого «Знаменитое Указание т. И.В. Сталина, что дети не отвечают за отцов».

После этого началась для Вани более лучшая жизнь, которая повела его к правильному и нормальному пути: он был принят в колхоз в качестве полноправного члена, хотя презрение, придирки и насмешки продолжались от некоторых несознательных гр-н, даже были злобные и ложные доносы, например от гр-н д. Осиева А. Зиновьева и Клочкова, Рябковой Ал. Доносы оказались ложными и Ваня оправданным. В колхозе Ваня работал два года и был отпущен в Ленинград учиться в

школу шоферов. В это время он взял нас, своих родителей, на свое иждивение.

Шофером Ваня работал в Ленинграде до войны с Финляндией. А во время войны с финнами он был мобилизован и был на фронте войны до конца, в качестве военного шофера. Вернулся с войны Ваня здоровым и опять начал работать в Ленинграде шофером на том же месте, где раньше работал, и продолжал эту работу до 22-го Июня 1941 г., до начала Отечественной войны. Женатым не был. Был мобилизован со своею машиной 22 Июня 1941 г., отправлен на один из Ленинградских фронтов, где и погиб.

На первый наш запрос ответили, что он пропал без вести, а на второй наш запрос ответили, что он погиб (без указания места) 2-го Дек. 1941 г.

Мы, родители, сначала получали от Государства пособие, в размере 75 р. в месяц, а потом пособие было переведено на пенсию. На основании справки с места его работы, установлена пенсия в колич. 144 руб. в месяц. Кроме этого, мы пользуемся, как престарелые члены семьи погибшего сына на фронте, полной льготой по налогам, его не платим, разрешают косить траву по неучтенным покосам, по лесу и дорогам для имеющейся коровы.

Его любовь и привязанность к нам, родителям и другим родным, Его забота о нас, его желание помочь нам видна из содержания писем его к нам, которые переписываю ниже.

От 16 Дек. 1938 г. «Шлю привет и наилучшие пожелания! Ну, как живете и как Леля?»* Чем он заболел? Какое его сейчас самочувствие? Наверно, легко одевался, шарфа не носил. Какая у него обувь? Леля, одевайся потеплее — остерегайся! Ты уже взрослый и учить тебя не надо».

22 Дек. 1938 г. «Шлю привет! Как живете и как идут дела у Вас у всех? Как чувствует себя Леля? Из письма видно, что теперь ему лучше и температура нормальная, только подозрительно, что шелушится кожа на лице и шее. Это похоже на скарлатину. Леля, сейчас ты остерегайся всего — простуды и пици, не ешь что попало и много. Меньше будь на улице и т. д. Если была скарлатина, то воздерживаются и сидят дома 3 - 4 нед.,

* Леля — брат Алексей. (Прим. ред.)

кое-что не едят; легкую пищу нужно есть. Одним словом, обрати на себя внимание. Спала температура — это не значит, что болезнь кончилась. Нужно себя как можно беречь недели 3 - 4».

20 Янв. 1939 г. «Шлю привет всем Вам! Рад, что весело и хорошо проводите время. Как у Лели дела по учебе? Догнал он товарищей? Как живут наши гости и скоро ли приедут они в Ленин-д?»

25 Июня 1941 г. «Шлю всем наилучший привет! Как видите, — я нахожусь в Красной Армии. Сейчас нахожусь от Ленинграда в нескольких километрах. Как и где буду — неизвестно. Возможно, что от меня долго не будет писем — очень-то не беспокойтесь. Пока жив и здоров».

1 Авг. 1941 г. «Шлю привет! Письмо от Папы получил. — Спасибо. Интересно, — получили или нет справку, которая нужна. Я её уже послал, порядочно времени прошло. О чем я спрашивал Вас в последних письмах. Очень рад, что дали покосу, только тяжело накосить вдвоем. Катя и ребята (Ира, Галя, Женя) теперь уже здорово помогают. Погода нынче благоприятная, стоит жаркая, без гроз. Значит сено будет хорошее, зелёное. От Мани получил вчера письмо. Пишет — недавно был Николай Андреевич и Леля. Я здоров, самочувствие хорошее, чего и Вам желаю.

И. Рум.»

11 Нояб. 1941 г. (Это было последнее письмо).

«Здравствуйте, Папа, Мама, Катя и ребятишки!

Давно я уже Вам не писал. Простите! Такое время — некогда, а когда и напишу письмо, то изотрется в кармане. Ну Вы меня уж простили. Я до этого жил всё ничего. Так же думаю и впредь. Ну, а если что и случится, то это ничего. Не семья у меня. Поэтому я спокоен. Вы взрослые все. Ну, а если жив буду, то тоже хорошо. Почему всё это я пишу? Потому что перед чем-то особенным — всегда на всякий случай нужно что-то написать. И так буду надеяться, что всё будет благополучно. Леле напишите привет. Как у него дела? Также привет знакомым. Итак, всего хорошего. Катя, будешь писать Ник. Андр., то от меня привет. Ну так будьте здоровы и спокойны. И.Р.»

Биография написана 18 фев. 1951 г.

Составил отец — св-к В. Румянцев

**Биография дочери Аннушки,
умершей 26-го Сент. 1922 г.**

Аннушка родилась 29-го Мая ст. ст. 1913 г. в с. Тутке. Родилась здоровой и очень бодрой, с светлыми и умно смотрящими на окружающие предметы глазами, цветом, как у матери. Ходить начала ранее года в с. Каликине, куда мы переехали на Р. Х. того же года, в котором родилась Аннушка. Переезд на ее здоровье не повлиял. До 4-х лет росла не особенно спокойной для матери, любила поплакать. После 4-х летнего возраста сделалась очень спокойной и умной девочкой, быстро развивающейся, любознательной и большой говорунией. Слова произносила ясно, правильно, подражая нам, большим, речи получались толковыя, даже грамматическия. Своими успехами усвоения родного языка удивляла нас и радовала, была как бы прилетевшею весной птичкою, постоянно веселившею нас своим пением. Детские игры производились ею с Ваней, Маней и еще бывшей у нас маленькой девочкой Олей, потом умершей на Пасхе, 2 лет, когда Аннушке было 4 года. Каждый праздник она бегала, с кем-нибудь из родных, в церковь, а потом, когда стала побольше, ходила одна, в особенности не пропускала похорон, венчания и крестин. Постоянным спутником моим была на мельницу, [в] Парфеньев и ближайшия деревни: Михалево, Каняево и Матвейково. Такою же спутницей была и матери. Она любила о. Федора Чудецкого и часто ходила к ним в дом. Самыми любимыми предметами ее занятий были книги с картинками, а потом букварь и грифельная доска. Будучи 5 лет, она правильно держала и писала грифелем; будучи 7 лет, разбирала слова в букваре, даже порядочно читала и писала буквы на доске и бумаге. Очень любила слушать сказки. Иногда приходилось сочинять сказки и рассказывать. В школу она пошла на 8-м году. В эту зиму Аннушка училась только до Р. Х., а потом болела скарлатиной вместе с Ваней почти до Св. Пасхи. Кроме этой болезни, она перенесла испанку, корь и два раза воспаление легких. Болезни протекали в тяжелой форме, иногда она была без сознания. Приходилось не спать ночи

или мне, или матери в течение нескольких недель. Всё было, при помощи Божией, преодолено Аннушкой, и казалось, что она уже застрахована в будущем от всех болезней. Оставалось только радоваться, смотря на неё. В 1921 г. она училась всю зиму во 2-м отд., училась очень хорошо, в особенности замечательно хорошо читала, лучше учеников третьяго класса. Аннушка любила заучивать наизусть стихотворения. Во 2-й год обучения ею были заучены стихотворения: «Осень», «Кончил дело — гуляй смело», «В школу», «Воля птичке — дорожке золотой клетки». Стихотворения: «Колокольчики мои...», «Капли дождевые», «Стоги» — были заучены Аннушкой еще до учения. Резвость и живость проявлялись во всей ея натуре и при играх, и при работе во все времена года. С большим удовольствием весной встречала она первое таяние снега, причем она сбрасывала валенки, меняя их на кожаные башмаки; в особенности любила она побегать по насту. Еще зимой она спрашивала меня: «Папа, скоро будет наст?» С такою же радостью и удовольствием встречались ею и др. времена года: лето, осень и зима. Лето сопровождалось собиранием ягод и грибов с купаниями, а осень — катанием на санках еще по инею, и больше ея никто не катался на санках зимою. После игры и гуляния Аннушка возвращалась румяною и смеющеюся. После чего садилась за книги и занималась чтением, перелистыванием и разговорами. Время проходило у нас весело при щебетании такой веселой певуньи-птички. Во время оттепели она катала снег и делала куклы из него около нашего дома, которые оставались не сломанными почти всю зиму. Вместе с играми она была хорошей помощницей матери и мне при наших работах: подметала пол, носила дрова, качала люльку, держала ребенка на руках и всегдашним была послом. Летом растрясывала копны, ворочала и огребала сено, поливала, полола гряды, убирала овощи, училась жать и возить снопы, а в овин для сушки снопов была непременною спутницей. Всё это делалось ею не по принуждению, а добровольно, по любви и по сознательности. Мелкий скот и кошка были ея друзьями. О скоте мы не заботились: она всегда аккуратно спускала и заставляла

его, в этом она была незаменимой работницей. В течение всего лета 1922 г. все работы на пасеке были произведены мною только при ее помощи. Ваня и др. члены семьи помогали только при выкачивании мёда. На пасеку она ходила в соломенной шляпе с сеткою, с голыми руками и босыми ногами. Случалось, что растревоженные пчелы обижали её до слёз, но чрез это любовь ее к ним не уменьшалась, и она продолжала свое дело.

Вспоминая все ее действия и разговоры, начинаешь плакать, плакать слезами любящего отца к дочери-девочке; слезами умиления от бывших разумных ее действий и разговоров; слезами собственного сознания, что она улетела, улетела от нас навсегда в вечность и больше ее не увидишь и не услышишь ее детского веселого разговора; наконец, плакать слезами воспоминания последних дней ее жизни и воспоминания той роковой болезни, которая низвела её в могилу. Она умерла 13 Сент. ст. ст. 1922 г. от кровавого поноса. Понос начался с 5 Сент. В первые дни понос был простым, без крови. С 5-го на 6-е Сент. Аннушка ночевала со мною в овине и спала спокойно, но утром 6/19 Сент. она не узнала пришедшую в овин Маню, а приняла ее за Веру Гласову.

В эту ночь у меня обокрали 7-мь ульев, и потому весь день 6/19 Сент. был употреблен на розыски следов воров и на путешествие к милиции. На Аннушку не было мною обращено внимания и не высказано беспокойства. Вечером она мне сообщила: «Папа, у меня кровавый понос». Я посоветовал ей воздерживаться от пищи и живот держать в тепле, и были приняты меры лечения при помощи фельдшера. Весь день 7-го/20 Сент. я провел вместе с больною, но вечером на 8-е/21 Сент. я уехал ночевать в дер. Денисово с молебнами, вследствие праздника Рождества Богородицы. Эту ночь Аннушка провела плоховато, и болезнь стала усиливаться. 9-го и 10-го Сент. ст. ст. полного внимания на больную не было обращено вследствие разных треб по службе и приезда милиции по розыску воров. 11 Сент. она сделалась слабой, лечение не помогало, 12-го Сент. очень ослабла и температура сделалась ниже нормальной. Видя плохой исход болезни, я и мать стоим у ее кровати и плачем. Она,

иметя наши слёзы, сказала: «Что вы плачете? Я еще не умерла». Я всё время 12 и 13 числа был с нею, не отходя от нея. Того же 12 числа она протянула свои худые ручки к моей шее и сказала: «Милый ты мой папа, дорогой ты мой, как мне тебя жалко!» И потом еще: «Всех вас мне жалко!» Ночь на 13-е число проведена ею сравнительно спокойно. Никто не предполагал, что в этот день она умрет. Утром приходил фельдшер, узнано, что температура еще понизилась и понос не прекращался. После очищения желудка чрез баланчик применены были для лечения свечи. После чего она уснула и спала около часу, потом говорила со мною и отвечала на разные вопросы. В одно время попросила посадить её на кровать и почитать ей книгу. Что было исполнено. В этот же день были такие минуты, когда она обращалась с такими вопросами: «Как это к нам пришла Августа Фотиевна?» (В то время уже умершая и пред смертью совсем не ходившая по болезни ног). И еще: «Мама, смотри, — пришла тетка и унесла у меня все платья». Эти вопросы повторялись чрез некоторые промежутки. В 4 ч. по полудни пришли молотильщики с гумна обедать. Я с ея согласия тоже стал обедать. Во время второго поданного блюда с Аннушкой сделалось дурно и она позвала меня к себе. Я нашел её сильно побледневшую и сжавшею крепко зубы. Тотчас при помощи воды мне удалось привести её в чувство и перенести её на стол. К этому времени пришла с гумна мать и фельдшер из дому. Первые ея слова были, при приходе ея в сознание: «Зачем это вы растягнули на мне рубашечку и растрепали платье! Ничего больше не делайте: дайте мне умереть спокойно!» Я увидел, что она действительно умирает, и заплакал. Глаза ея как бы невольно закрываются, как бы какой сон наступил, и говорю ей: «Милая дочь! Ты умираешь». — «Умираю, папа!» — «Прости, Дочка!», — «Прощай, Папа!» Это были последние ея слова. И она умерла. Фельдшер не советовал больше её беспокоить, находя это уже бесполезным.

Составил отец — Св-к В. Румянцев.

Переписано с записи дневника того времени 20.II.51 г.

<...>

Дневник Отечественной войны 1942 г.

8-е Марта. День ясный, но думы в голове самые мрачные: нет хлеба и нет вещей для меня на хлеб, мало денег, их только 585 р. В то же время негде купить хлеба, перестали брать вещи, и если где найдешь какой-либо пуд, то по очень высокой цене, именно от 700 р. до 800 р. за пуд. А хлеба нужно много, не менее 3-х пуд. в месяц, т. к. семья состоит из 7 человек, из 5 чел. эвакуированных из г. Ленинграда*. Впереди же не видно утешения: нет места, нет края на Руси, где был бы хлеб, куда можно бы было поехать. Почти все люди нашего края заняты этими мрачными думами, даже о войне мало говорят. А будущее еще больше пугает: нет семян яровых культур и картофеля, нет достаточного количества людей для работы в поле и сельско-хоз. машин. Можно ждать, что целые поля останутся незасеянными и огороды неиспользованными. А что дальше? А что потом? — Очень большой, большой кризис, такая же катастрофа, как и в Ленинграде.

Из Ленинграда же, от эвакуированных оттуда и чрез некоторые письма, получают самые страшные и ужасные сообщения, например: люди умирают от недоедания целыми десятками тысяч в день, некому хоронить тела умерших, они складываются группами или сбрасываются в подвалы. Люди умирают на панелях и где попало. Голод заставил съесть собак, кошек и всяких птиц, у мёртвых людей вырезали мягкие части тела и даже убивали людей. От голода появились заразные болезни: сыпной тиф и дизентерия. К тому же люди терпели нужду от холода, питания, света и др. лишений. Да, настоящие жители Ленинграда — это страдальцы, это мученики! Помогите им, Бог, перенести всё это! А давно ли это было, когда жители этого города благоденствовали, всего там было — больше, чем в других местах, после этого прошло только 8-мь м-цев, и ничего не стало. В чем же причина такого скорого и страшного голода, такой страшной катастрофы на Руси? Вот вопросы, на которые ответит ис-

* Из Ленинграда приехали Мария и Екатерина и дочери Еккерины — Ира, Галя, Женя. (Прим. ред.)

тория и беспристрастные люди будущих поколений. Избави нас, Бог, от таких переживаний и мучений!

14-го Марта. Написано под впечатлением слышанного суждения и разговоров в деревне.

Люди теперь заняты ожиданиями, вопросами о войне и жизни, а именно: «Что-то покажет нам весна? Что-то она принесет? Как пойдут дела на боевом фронте? И что-то будет с питанием?» Все люди недоедают, все ищут хлеба, ездят далёко за ним, но почти безуспешно. Не многим счастливым удается найти пуд или два, и то за вещи, а на деньги почти не продают, и если продают, то за очень высокие цены, начиная с 500 р. за пуд, кончая больше 1000 р. пуд. В таком же виде обстоит дело с огородными овощами и др. продуктами питания. На них тоже необычайно высокие цены. Картофель продается от 120 р. до 150 р. мера, мясо от 60 р. до 80 р. кг, молоко от 7 р. до 10 р. литр. Никаких круп нет, чай и сахар не вспоминаются. А с наступлением весны начнутся тяжелые полевые работы, требующие от людей напряженного и усиленного физического труда. А при таком труде необходимо и усиленное, и хорошее питание. Потребуется такое же питание, как и воину на передовых позициях. Без хорошего питания и боец не воин на фронте, и хлебороб не работник в поле. Вот эти-то истины жизни и вопросы сего времени сильно волнуют, смущают и страшают людей и заставляют друг друга спрашивать: «Как мы дальше будем жить без хлеба, когда его и теперь нет и мало и ждать нечего: нет семян, чтобы засеять все поля, нет скота, нет молодой и здоровой силы для работ и нет — это самое главное — хлеба и другого питания? Будем ждать тепла и милости от Господа Бога: Он Своими, их же веси (знает), судьбами спасет нас от голода, смерти и болезни, дарует мир и тишину, прекратит брань сию и возвратит воинов наших с поля брани, даруя им победу над врагами нашими».

15 Мар. Мы знаем, что смерти боятся все, кто живет в природе, даже самые ничтожные насекомые; каждый из нас замечает, как дрожит муха от страха смерти, когда она видит занесенный на неё палец руки человека. И вполне естественно бояться смерти человеку. Даже Христос пред Своєю смертью скорбел и тужил духом и содрогался те-

лом от предвиденных Им страданий и мучений. Он молился Отцу Своему Небесному, чтобы миновала чаша сия, говоря: «Отче, да минует Меня чаша сия. Впрочем, не как Я хочу, но как Ты. Да будет воля Твоя». В наше время вождь т. Сталин сказал в своей речи: «Нет человека во всем мире, который бы хотел и желал смерти. Каждый человек идет на смерть по принуждению и со страхом». Всё это неоспоримо правильно сказано.

После этого легко понять те чувства, страх и переживания человека, идущего на войну, и в особенности в бой, или ожидающего смерти от голода, когда он своими глазами видит вокруг себя людей умирающих, погибающих и страдающих. А в настоящее время таких людей во всём мире миллионы, правильно определить количество их невозможно, потому что люди погибают в разных местах и городах многих стран и государств — на полях, на море и на суше, в домах и на дороге, в лесу и оврагах, умирают в сражениях и от болезни, от голода и мороза и др. всевозможных причин. Где же причина всему этому? — Каждый из умирающих и погибающих не желал себе смерти, не искал себе опасности. По-видимому, виноват кто-то другой? И таких виновников может быть немного, но погибающих и страдающих очень много, десятки миллионов людей. Очевидных и чрезвычайных причин для этого не было. Только история в будущем про это скажет. Теперь остается только сказать и признать, что люди не умеют ум свой направить на пользу человека и не прогрессируются в сторону гуманизма и любви друг к другу; нравы людей еще больше грубеют, тупеют и дичают. Люди делаются хуже зверей, потому что мы не видим, чтобы звери истребляли себя массами. Ум людей направлен для изыскания и изобретения средств большего самоистребления, атомных бомб и др. химических средств. Все силы и средства людей расходуются на средства самозащиты. Вот в чем кроются причины чрезмерного труда, голода и болезней и всяких других разных бедствий, кончая войнами.

24-е Мая — Праздник Св. Троицы. (Так проводилась и все праздники).

Все праздники почти ничем не отличаются, от др. рабочих дней: так же люди работают, те же заботы и

хлопоты о питании, даже забывают про войну, про неё мало говорят. Ничего съедобного нет в продаже. Базары перестали существовать. Если кому удастся что найти, то очень за высокую цену или дорогую вещь. Например: ржаную муку за 1800 р. пуд, мясо — 150 - 170 р. кг, картофель — 200 - 300 р. пуд, яйца — 15 - 20 р. десяток. Поэтому живут и работают люди полуголодными. Многие из людей пользуются при еде отрубями, клеверной мякиной и льняным колокольцом. Будет недостаток картофеля для семян.

Больше дневник не писался до 1-го Янв. 1943 г. Сделан ниже общий обзор за весь 1942 г.

Общий обзор жизни за 1942 г.

Война продолжается с неослабевающим напряжением: мобилизуются мужчины от 17 л. до 50 л. и женщины от 18 л. до 30 лет. Оставшиеся люди работают не покладая рук. В зимние месяцы получились хорошие успехи — немцы остановлены и возвращено много городов: Ростов-на-Дону, Воронеж, Харьков и др. города по всему фронту. Немцы продолжают отступать из пределов России. Но все освобожденные места от немцев оказались сильно разоренными и опустошенными, а оставшиеся жители в них — без материальных средств для существования.

Во всех деревнях нашей местности в магазинах продавался по карточкам один печеный хлеб; тех, которым давался хлеб, считали счастливыми, хотя давали им по 300 - 400 гр. На рынке ничего не было, базары не существовали. Производилось мена на дому. На деньги купить редко удавалось по следующим ценам: мука ржаная — 2000 р. пуд, рожь — 1500 р. пуд, овес — 700 р. пуд, ячмень — 1100 р. пуд. Урожай хлебов был очень хороший, в особенности яровых. Весь урожай был собран, погода уборке благоприятствовала. Также очень хороший урожай был капусты и др. огородных овощей, но, вследствие недостатка семян, было мало собрано, и потому у многих оказался недостаток овощей и пришлось питаться одним хлебом, и то в недостаточном количестве; мякина и колоколина шли на питание людей. Цены

на картофель для семян были по 500 р. пуд и дорожке. Молоко продавалось от 40 р. до 80 р. кринка, и найти его было очень трудно.

Народ стонал и страдал по родным, находившимся на фронтах, от недоедания и от усиленной и постоянной работы без отдыха. Они спрашивали: «Долго ли это будет?» Излить свою душу, свое горе было негде: нет религиозных праздников и Богослужений, не было и др. удовлетворяющих душевные потребности учреждений и организаций, например, кино-театров. Конца войны не видно. Деревня продолжает безлюдеть и разваливаться по всем видам: дома разваливаются и не ремонтируются, скот уменьшается, экипажи и сбруя изнашиваются и не пополняются, освещение домов прекращается за неимением керосина и стекол, рамы заделываются досками. Только конец войны всё это остановит и даст возможность строить и налаживать правильную жизнь деревни и Государства. Пожалей, Боже, людей Русских и помоги им направить жизнь и дела! Благослови наступивший новый, — 1943 г.!

1943 год

25 Марта. Всюду и везде видишь и слышишь одно горё, печаль и слезы, и всё это в каждом доме с каждым днём увеличивается, потому что количество убитых на войне и погибших от голода и разных болезней растёт до чрезмерного количества. Делается даже чрезвычайно страшно от этого. Почти в каждом доме потоками льются слезы. То плачет мать о своих детях, взятых на войну и убитых там или пропавших без вести. То плачет молодая вдова, имеющая малышей-детей связку, которой сообщено, что мужа, единственный кормилец семьи, убит или погиб от голода в Ленинграде. Также льются слезы от страха потери [родных] обоюго пола, живущих в Ленинграде на работах и в др. местах, где опасность смерти витает от всевозможных причин, начиная с голода и болезней, кончая налётами врагов. Если бы можно было собрать все эти слезы вместе, то получилось бы их целое морё с непрестанно текущей рекой. В то же время все люди озабочены сильно о своем

существовании на местах, т.к. мало хлеба, а в некоторых [местностях] совсем его нет, нет и др. видов питания. От недоедания начинают некоторые гр-не пухнуть. Всех пугает и будущее: не видать конца войне, нет видов на достаточный урожай в предстоящем году; Украина и др. хлебородные места, обеспечивающие всех людей достаточным количеством питания, заняты немцами и также не имеют скота и рабочей силы в достаточном количестве. Вследствие всех названных причин люди растерялись, нервничают, метаются из стороны в сторону, ищут лучшие уголки нашей страны для своей жизни и спрашивают друг друга: «Долго ли это будет?» Даже некоторые из людей ищут гадалок и разных ворожей, ходят к ним за десятки и сотни верст. Но успокаивающих и утешающих людей не находят. Все молчат. Места для душевного или духовного отдыха, где можно было бы отдохнуть по-настоящему и несколько забыться, в деревне не существует. Но люди очень нуждаются в этом отдыхе, нуждаются в утешении от печали и слез. Нужно поскорее дать им возможность получить это по их желанию, а именно **ЧТО** и **КОГО?**

Они просят, прежде всего, возможность открыть и содержать Св. храмы и священнослужителей в них, где бы можно было им совершать общия молитвы Господу Богу, излить пред Ним в потоках своих слёз своё горё и свою печаль и успокоить свое мятущееся сердце, потерявшее своих милых и дорогих лиц. У большинства людей вера в Господа Бога, вообще Православная вера, крепнет. Все применяемые меры к погашению ея не действуют, а только озлобляют, т.к. люди, ища утешения, приходят в храм в большие праздники, как Благовещение, Пасха, Троица и др., за десятки и даже за сотни верст. Это видно по храму в Парфеньеве. Напрасно думают, что церковь и Православная вера делают вред Государству и людям.

[1944 год]

1-е Января. Война не кончилась. Продолжаются те же ужасы и лишения. Люди убивают друг друга с ожесточением. Немцы не щадят и мирных жителей: издеваются над ними, убивают и уводят в плен. Успехи нашей

Красной Армии их приводят в ярость и большее ожесточение. Но всё это им не помогает. Наша Русская Красная Армия гонит их с нашей земли всё дальше на запад. Украина скоро будет вся очищена от них. Все места, где побывали немцы, опустошены и изрыты. Поэтому о населении этих местностей приходится заботиться и помогать им, делиться последними продуктами и др. имуществом. В то же время и самим перебиваться как-нибудь. В общем всё это выражается в недоедании, в скудном одевании, даже в нищенстве и др. лишениях. Поэтому люди с большим желанием ждут конца войны. И теперь все и каждый видит и верит в победоносный и успешный конец ея.

1945 г.

1-е Янв. Война продолжается с большими успехами нашей Красной Армии. Вся территория России очищена от немцев. Финляндия, Румыния и Болгария перешли на сторону России и ея союзников на условиях, предъявленных нашим Русским Правительством. Немцы загоняются в свою берлогу, и ждет их полное поражение. Цены на хлеб и продукты снижаются: ржаная мука продается на рынке по 600 р. пуд, вместо 2000 - 1500 р. пуд, картофель — 55 р. мера, вместо 500 - 300 р.

25-е Мар. Успехи нашей Красной Армии продолжаютя. Польша, Венгрия и Восточная Пруссия очищены от войск Германии.

2-е Мая. Нашими Русскими Армиями очищена от Немецкой армии столица Германии — Берлин. Взяты пленные.

Конец Отечественной войны

На всех фронтах и местах Германии немцы сдаются большими партиями и частями и с большими трофеями.

8-го Мая немцы сдались без всяких для себя предварительных условий. Мир подписан в Берлине в присутствии маршала нашей Армии Жукова — героя победы. Процессия подписания мира происходила под главным руководством Жукова, в присутствии представителей на

ших союзников: Америки и Англии. Война кончилась полной величайшей нашей победой. Убивать людей перестали. Поэтому радость оставшихся в живых людей была большая. Но слёз было много, и продолжают она по сие время по случаю потери на войне своих любимых и дорогих отцов и детей. А убитые есть почти в каждой семье. Эта тяжелая рана не заживет в течение целого века. Её ничто не залечит. Каждый человек, потерявший отца или сына, не взял бы гору золота за потерянное. Из этого видно, что война принесла нам непоправимое и ничем не утешенное бедствие, а немцам — одно проклятие.

Придет время — история покажет всех виновников этого. А их должно быть немного. Гитлеру смерти мало — как наказания, что-то нужно придумать больше, кроме вечных проклятий.

Никакая идея, придуманная людьми, не оправдывает того, что потеряно, что разрушено войною. Много миллионов молодых и здоровых людей, только что расцветших, как красивые цветочки, юношей и девушек, мечтавших о хорошей, весёлой и радостной жизни; их отцов и матерей, воспитавших их, давших им возможное образование, вложивших в них понятие о жизни, надеющихся на их опору при старости. Всё это — можно сказать, всю силу рода человеческого — убила, уничтожила война. Все труды людей уничтожены без всякой пользы ни для кого: ни для оставшихся в живых, ни для будущих поколений, даже ни для какой-либо идеи мечтателей. Эта война показала, что люди могут дойти до крайняго безумия. Идти дальше, идти до большего безумия нельзя, некуда. Больше этого безумья не должно быть. Впрочем, злой гений людей придумывает атомные бомбы и др. взрывчатые предметы для массового уничтожения людей.

Эта война показала, как направленные кем-то люди могут сделать полное самоистребление, самоуничтожение, сделаться хуже и злее зверей. Нет таких зверей, чтобы истребили самих себя. Эта война показала, что нет того, на что человек мог бы положиться: ни власти, ни богатства, ни силы, ни оружия, ни другой природной силы, ни другой какой-либо идеи. Ничто не спасет. «От великого (человеческого) до смешного — один шаг». Это мы видим в Наполеоне, видим и в Гитлере. Так будет продолжаться. ЭТО — истина.

Самое правильное, самое верное забывает человек: «Не делай другому человеку того, чего себе не желаешь». Справедливей и больше этой истины, этой Божественной идеи, не найти. Только эта Божественная истина уничтожит войны и злобу, зависть и нищету, властолюбие и коварство, оскорбления и невежество, кражу и присвоение чужого. Только эта истина даст полную свободу и уничтожит всякий страх за существование: тогда не нужны будут тюрьмы, суд и никакая охрана, т.к. не будет воров и др. нарушителей порядка. Всем и каждым будет править совесть и понятие: каждый будет помнить — «не делай другому того — чего себе не желаешь».

Слава Богу! Война кончилась. Человеческая кровь теперь не льётся. Друг друга не убивают. Но утешаться еще нечем. Бог знает, что будет. Сказанное открыло, и теперь видно: «Мы ничего не знаем, что будет». Мы еще не застрахованы в будущем, еще не застраховано наше будущее поколение от коварных и властолюбивых людей, живущих только для себя и заботящихся только о себе, чтобы только они были богаты, сыты и довольны, а другие живите как-нибудь. Эти люди не руководствуются истиной — «Не делай другому того, чего себе не желаешь».

9-е Мая знает и помнит каждый РУССКИЙ человек, потому что это день МИРА, это день ПОБЕДЫ.

1951 г. 1 - 8 Марта.

*Отец Василий
Румянцев.
Фото из архива
И.Н. Голубевой*

Б.В. Воздвиженский

Село Порга, его упадок и гибель Воспоминания.

Борис Васильевич Воздвиженский (1912 - 1997) – сын сельского священника села Пóрги Галичского уезда (теперь это территория Антроповского района) о. Василия Воздвиженского. Известно 5 поколений священнического рода Воздвиженских. Мать, Александра Николаевна, происходит из рода церковнослужителей Пиняевых. Оба рода в советское время подвергались репрессиям. Имеются сведения о троих расстрелянных в 1937 году родственниках Бориса Васильевича, в их числе родной дядя – протодиакон Воскресенской соборного храма г. Ветлуги Иван Николаевич Воздвиженский (до революции г. Ветлуга входил в состав Костромской губернии, с 1922 года – Нижегородской губернии, ныне – Нижегородская область).

Борис Васильевич – учитель, большую часть жизни преподавал физику в школах Москвы.

Во время Великой Отечественной войны в 1941 году добровольцем вступил в народное ополчение и в составе 158-й стрелковой дивизии прошёл путь от Москвы до Берлина; участник обороны Сталинграда; награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями, в том числе – «За оборону Москвы» и «За взятие Берлина».

В 1968 году получил звание Героя Социалистического труда.

Похоронен в Москве на Николо-Архангельском кладбище.

Воспоминания написаны в конце 80-х - самом начале 90-х годов XX века.

*Б.В. Воздвиженский. 1960 г.
Из архива Т.Б. Воздвиженской*

«Счастливая, невозвратимая пора детства»*. Так, кажется, писал великий Толстой, вспоминая свои детские годы как лучшие годы жизни. Возьмите Аксакова, который в «Детских годах Багрова-внука» дал великую симфонию любви к своему детству, родным, природе, Родине.

Любовь к своей «малой Родине» — месту, где родился и где прошло детство, присуща всем людям. Многие, пожалуй все, великие люди старались подчеркнуть это, где возможно.

Вспомним Пушкина. Он говорил, что на склоне лет в человеке преобладают два чувства:

«Два чувства дивно близки нам.

В них обретает сердце пищу:

* Правильно: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!» (Прим. ред.)

Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам»*.

Все эти чувства проявились и во мне на склоне жизненных лет.

Порга, моя милая малая Родина! До боли душевной люблю тебя – прекрасную, любящую, многострадальную.

В Порге прошло моё детство, отрочество и ранняя юность, до 17 лет. После этого я бывал в ней на короткие сроки лишь в 1930, 1936, 1945, 1949, 1953, 1975 и 1984 годах, когда уже на месте Порги было пепелище** и куча кирпичей после разрушенной церкви.

Как мне хочется ещё раз побывать в родных местах. Уже никого нет, вероятно, в живых моих знакомых. Но одна есть – Простушкина Любовь Прокофьевна, которая живет в Курилове, бывшая председателем сельского совета и колхоза довоенного времени – времени раскулачивания, становления нового класса партийных бюрократов, разорения церквей и религии, разрушения нравственности. Хочется увидеть её и посмотреть ей в глаза. Понять, как может сейчас чувствовать себя человек, который был активным проводником линии партии на развал всего того прекрасного, что помнится из детства.

Село Порга расположено в удивительно красивом месте на высоком берегу речки того же названия, которая омывает его с двух сторон. С третьей стороны – овраг с ручьями, притоками реки, и лишь с одной стороны, в сторону деревни Кочергино, плоская равнина. С трёх сторон окружают небольшие деревни в 20 - 40 домов. Первый пояс (в радиусе 1 километра): Кочергино, Бакланово, Малое Канино, Большое Канино. Второй пояс (в радиусе 2 - 3 километров): Сухотино, Тепляково, Буяново, Денежниково, Зилово, Нетечкино, Нифаново, Вязовик. Эти населённые пункты составили так называемый «Поргинский приход», т.е. принадлежали и обслуживались Поргинской церковью.

* Правильно: «Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к отеческим гробам,
Любовь к родному пепелищу». (Прим. ред.)

** Село Порга «исключено из учётных данных» 12 апреля 1983 г. (Прим. ред.)

Та часть Поргинского холма, которая омывается речкой, удивительно живописна. Летом – там сплошной ковер из полевых цветов. Много деревьев, в основном – лиственных. По одному из склонов расположено кладбище – место захоронения многих поколений жителей окружающих деревень, типичное сельское кладбище с новыми и разрушенными крестами и могилами, с новыми и старыми оградами. В послевоенные годы можно было заметить кое-где пирамидки с пятиконечной звездой.

Речка Порга – небольшая, всего километров шесть. В ней чередуются «бочаги» (глубокие места) и «мелкотки» – мелкие, с быстрой холодной проточной водой. Вода удивительно вкусная. Речка впадает в реку Нёмду – приток Волги. На этой реке в те годы стояло несколько водяных мельниц.

С северной стороны Поргу окружал лес: «бор», очень большой, в основном хвойный. Собственно, неизвестно, где он кончался. Там было много грибов и ягод. Грибов было настолько много, что брали только «хорошие»: белые, маслята, грузди, подберёзовики. По склонам многочисленных оврагов, окружающих Поргу, росли рыжики, сосновинники, которые в виде соленья были очень вкусны. А также много ягод: земляники, малины, черники, клюквы. Время от времени жители окружающих деревень организовывали целевые походы за определенными сортами грибов или ягод. Отправлялись с лошадью, которая везла бирки, кузовки, корзины. Возглавлял поход опытный «лесовик», который знал хорошо «места». Выходили рано – «на заре», а возвращались к вечеру с полными посудинами грибов или ягод. Возвращение было всегда радостью для малышей.

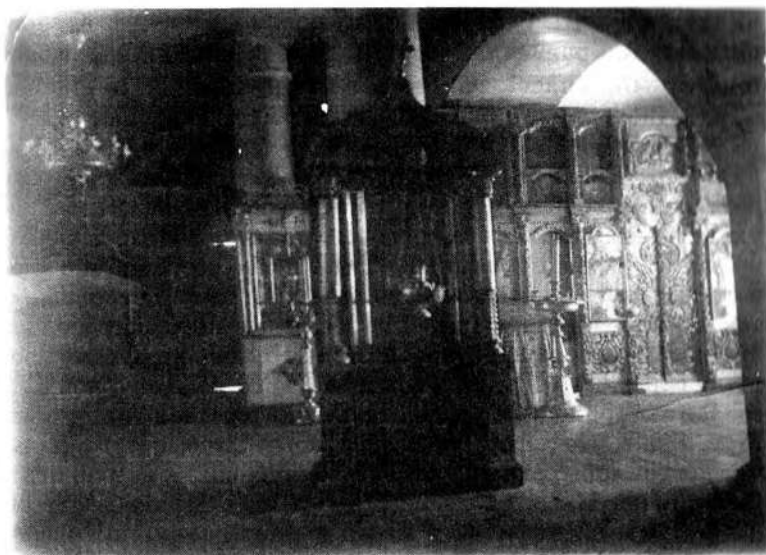
В России издавна церкви ставились на самых красивых, живописных местах, как правило, на возвышенностях, недалеко от речки или озера. Около церкви делались насаждения, которые часто к двадцатому веку превращались в парки. Так и наша Порга. Вот какой она была в начале 20-х годов. Далеко вокруг была видна высокая белокаменная колокольня. За многие километры был слышен звон её огромного колокола. Со стороны Канина открывалась знакомая и милая сердцу панорама села.

*Никольский храм в Порге. 1958 г.
Из архива Е.В. Воздвиженской*

В центре — большая двухэтажная церковь, обнесённая каменной оградой*. В ограде чисто, зелено. Несколько берёз, несколько могил. Хорошо помню в левом углу красивый памятник Торопову, бывшему церковному старосте. На этой могиле часто бывала его вдова Ираида Григорьевна, которая жила в Кочергине. Удивительно милая, добрая и ласковая старушка.

* Впервые в дошедших до нас источниках Никольский погост на речке Порге (левый приток р. Нёмды) упоминается в Галичской писцовой книге 1629 - 1630 гг., но возник погост, конечно, гораздо раньше. В конце 20-х гг. XVII века здесь стояло два деревянных храма — шатровый (летний) Никольский и храм во имя преподобного Макария Унженского и Желтоводского с приделом во имя св. праведного Симеона Богоприимца (зимний). В 30-е гг. XIX века взамен деревянных храмов «тщанием прихожан» в селе Порге был возведен каменный двухэтажный храм, освященный в 1834 году. В храме имелось шесть престолов. В верхнем этаже: а) в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, б) во имя свв. апостолов Петра и Павла, в) во имя св. великомученика Георгия Победоносца; в нижнем этаже: а) во имя святителя Николы, б) во имя преподобного Макария Унженского и Желтоводского, в) во имя св. праведного Симеона Богоприимца. К началу XX века в состав Никольского прихода входило 14 селений. Главной святыней храма являлась местночтимая икона Казанской Божией Матери. Никольская церковь в селе Порге была закрыта в 1951 году, разобрана на кирпич в конце 50-х. (Примеч. Н.А. Зонтикова).

*Интерьер Никольского храма. 1958 г.
Из архива Е.В. Воздвиженской*

С левой стороны – наш дом, дом священника, большой и красивый, со многими подворными постройками: несколько сараев, скотная изба, погреб, баня, амбар, рига, овин. Всё было продумано и удобно. Перед домом – огород, а сам дом обнесён палисадником. С одной стороны дома были посажены тополя. С двух других сторон – ряды белой и синей сирени. В садике клумбы с цветами. Перед церковью – довольно большая площадь, место гуляний и ярмарок. Против церкви на краю площади – школа, в которой я и мои сёстры учились три года. Школа обслуживала детей из окружающих деревень: Кочергина, Бакланова, Канина. В те годы учеников было довольно много – около тридцати.

Далее, рядом со школой, был старый дом Старкиных, в котором доживала старушка, вдова дьякона Анфиса Ивановна, с дочерью Анной Дмитриевной и зятем – учителями этой школы. В 20-е годы Старкины построили новый дом, а этот снесли. Далее идёт сторожка – небольшой дом церковного сторожа. Рядом большой и благоустроенный дом Козыревых – псаломщика с много-

численной семьёй. И, наконец, последний — дом Виноградовых, с краю села, старый, покосившийся, вызывавший во мне опасения, что вот-вот рухнет. За церковью пруд. На окраинах бани, овины, гумна, огороды.

Вот и вся Порга. Собственно, четыре дома. Но населения было в ней около тридцати человек. Из них до двух десятков молодёжи — детей и подростков. И вспоминается удивительная атмосфера трудового пафоса. Все взрослые занимались своими делами. Трудились самозабвенно и с удовольствием. А в праздники — праздники были церковные — так же хорошо отдыхали. Для нас, ребятишек, в свободное время самым большим удовольствием было поиграть на площади в любимую игру, это была лапта. Не беда, что мяч был сделан из тряпок! Это удивительно интересная и полезная игра. Жаль, что сейчас она совсем забыта. Кроме этого, мальчики любили играть в бабки. Часто приходил к нам на игры Виталий из Малого Канина. Спустя пять десятков лет он разыскал меня в Москве и много мы переговорили, повспоминали о далёких поргинских днях. Шум и крики детских игр далеко раздавались вокруг и показывали, что крохотное село живет радостной, полнокровной жизнью.

Полуостровное расположение села ограничивало проезд через него на лошадях. Собственно, всегда можно было проехать только со стороны Кочергина.

*Дом Воздвиженских в Порге. 1939 г.
Из архива Е.В. Воздвиженской*

Со стороны Канина и Бакланова доступ затрудняли ручьи, ручьи и овраги и проезд возможен был только в сухую погоду и зимой. Радостно вспомнить, что представляла из себя Порга в пору весеннего и осеннего половодья! Маленькая, еле заметная речушка, а при разливе затопляла большие пространства. Пройти в соседние деревни, за исключением Кочергина, было невозможно. Занятия в школе, конечно, прекращались.

Все явления природы на Порге проявлялись гораздо значительнее и заметнее. Особенно были сильны грозы. (В доме непременно закрывались трубы, самовары покрывались накидками). Да и смена времён года на Порге чувствовалась гораздо более резко. Зимой морозы были сильнее. Летом — жарче.

И всё-таки самое поразительное на Порге — это необыкновенная тишина, умиротворённость, полная отрешённость и слияние с природой. Кажется, было слышно, как дышит природа. Чудесные птичьи голоса, необыкновенные запахи трав и цветов!

Вот что такое Порга!

СЕМЬЯ

История нашей семьи поучительна и интересна. Дом, в котором мы жили, принадлежал Пиняеву Николаю Матвеевичу, моему деду, отцу матери, который купил его у вдовы умершего священника со всеми постройками, и сам он был священником в Порге два года. Но дед был строптивного характера, легко возбуждался и часто ссорился, особенно в состоянии подпития.

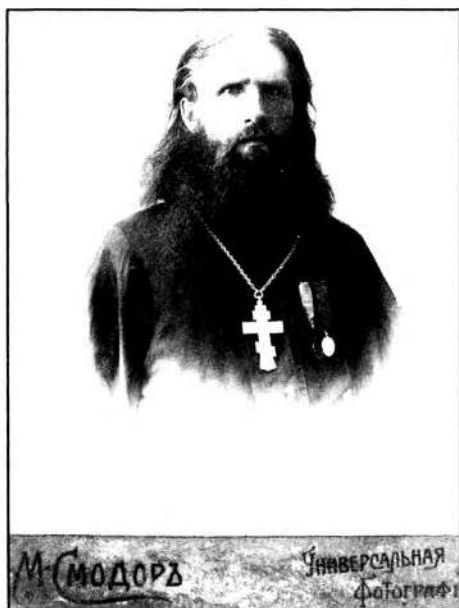
У него были частые конфликты с церковными органами, на него были жалобы, и потому ему приходилось довольно часто переезжать из одного прихода в другой. Бабушка Елизавета Алексеевна (в девичестве Разумовская) была полной ему противоположностью. В высшей степени справедливая, добрая, не терпевшая нечестности и разболтанности, она часто вступала в конфликты с дедом, который, в общем, трудом себя не обременял, больше «порхал» по дому и огороду и ограничивался тем, что «наводил порядок». Он страшно любил пить чай. Пил одновременно из двух бокалов. В одном чай остывал, пока

он в очередной раз пробежится по огороду. Мы, дети, очень боялись бабушки, которая строго требовала от нас выполнения ряда правил, но была добра и справедлива, и нисколько не боялись шумливого, ворчливого дедушки.

Конфликтная ситуация создалась у деда и на Порге, в результате чего в 1908 году его перевели в другой приход.

Но как быть с домом, который он приобрёл? У деда была единственная дочь — Александра, будущая моя мать, 16-ти лет, которая в то время училась в последнем классе Кологривской женской гимназии. Бабушка, умная и предусмотрительная, поехала в Кострому, к владыке (архиепископу), упала к нему в ноги и со слезами умоляла «оставить место» за дочерью. Суровый владыка дал согласие, но с тем, чтобы в течение определённого времени найти жениха, который стал бы на Порге священником.

Бабушка обратилась в Костромскую духовную семинарию, которая готовила священников. Ей порекомендовали Воздвиженского Василия Николаевича, который

*Николай Матвеевич Пиняев — дед автора.
Фото нач. XX в. Из архива Т.Б. Воздвиженской*

окончил семинарию и уже 3 года служил учителем начальной школы в селе Трифоне Костромской губернии, как человека положительного и достойного. Встреча моих будущих отца и матери состоялась в Костроме. Бабушке будущий зять очень понравился, чего, видимо, нельзя сказать о её дочери, которой хотелось мужа с более привлекательными манерами, умением «ухаживать», танцевать и т.п. Видимо, у неё уже были «альтернативные» предложения. Но энергичная бабушка взяла дело в свои руки, да и время торопило, и в 1908 году состоялась свадьба. И как напоминание об этом у нас в доме, в

*Родители — Александра Николаевна
и Василий Николаевич Воздвиженские. 1908 г.
Из архива Т.Б. Воздвиженской*

перёднем углу, в течение всех лет висели иконы Божьей Матери и Спасителя, которыми моих родителей благословили на супружескую жизнь. Свадьба была очень пышная. Множество людей из окружающих селений смотрели это торжество. Особенно много людей было из Канина. Всем хотелось посмотреть молодых, послушать свадебные песни, получить подарки. Так вспоминала Анна Прокофьевна Простушкина из Кочергина (сестра Л. П. Простушкиной).

Мой отец Василий Николаевич происходил из многодетной семьи псаломщика села Карабанова, что недалеко от Костромы. Известно, что псаломщик – нижняя ступень церковной иерархии, и потому семья жила крайне бедно. Лишь благодаря трудолюбию, природной одарённости и материальной помощи (но я не помню точно, от кого) отец мог поступить в семинарию, учиться в ней и успешно закончить её в 1905 году. Кстати, эту же семинарию несколько ранее окончил и мой дед. Помню, впоследствии при встречах они с огромным интересом вспоминали её, порядки, учителей. Дед передавал события мастерски, подражал голосам и манерам тех, о ком рассказывал. Получались как бы необыкновенно интересные мини-спектакли. И далеко были слышны раскаты дедова смеха. И запомнился сам он – плотный, высокий, полный, с широким красным лицом, окаймлённым гривой волос, с заметным брюшком, он восседал за столом и дирижировал беседой. Настоящий патриарх.

Следует заметить, что в Костромской семинарии тех лет витал довольно демократический дух. По воспоминаниям маршала А. М. Василевского, который окончил эту же семинарию, её воспитанники участвовали в революционном движении и событиях 1905 года. Во всяком случае, патриотизм её воспитанников был подготовлен и утверждён тем, что семинария находилась в Костроме, древнейшем историческом и религиозном центре России, родине Дома Романовых, Ивана Сусанина, центре Костромской губернии, никогда не бывшей под иноземцами, не знавшей татарского ига, в которую входили древние и красивые города: Галич, Кологрив, Солигалич, Чухлома. Отец вспоминал, как ему трудно было учиться, не на что было купить учебники. Только помощь из благотвори-

тельных фондов да природные способности и настойчивость помогли ему окончить семинарию.

Мне очень хотелось посмотреть на здание, в котором учились отец и дед. Когда я был в Костроме в 1984 году, то с трудом разыскал здание бывшей семинарии. Оно очень внушительное, красивое, находится в центре города. Сейчас в нём находится родильный дом*. Долго я стоял около него, ходил вокруг и вспоминал и представлял, как протекали дни моего отца и деда в юности.

У отца было много родственников. В Костроме жила его сестра с матерью. Но связь с ними была крайне слабая. Очень смутно припоминаю приезд папиных племянников и бабушки на Поргу. Но, говорят, что отношения бабушки и моей матери не сложились и она быстро уехала.

Итак, в 26 лет отец стал обладателем отличного дома и приличного прихода. Его молодая 17-летняя жена, моя мать, оказалась хорошей хозяйкой. Ей помогали работницы. В 18 лет родился первый ребёнок — мальчик Валентин, который вскоре умер. Через два года, в 1912 году, родился сын Борис (это я). Затем, как правило через 2 - 3 года, появились Нина, Галя, Валя, Владимир, Зоя. Володя умер восьми лет от падения с лошади, когда ехал верхом. Это был исключительно приятный мальчик: умный, послушный, прилежный. Я его видел всего раз — во время приезда на Поргу в 1930 году.

Но время молодости и довольства прошло быстро и наступили суровые дни, когда речь уже шла о простом выживании. Няни и работница были вначале, а затем всё хозяйство вели сами — отец и мать, и по мере взросления мы, дети, помогали, и сами работали, а девочки нанчили друг друга: старшие — младших.

Нужно подчеркнуть большие и разнообразные способности отца: он выполнял любую работу по сельскому хозяйству. Всё ему легко давалось. Сам делал ульи для пасеки (у нас были пчёлы). Кроме этого, он хорошо пел, играл и самостоятельно подбирал мелодии на гитаре, фисгармонии (тип органа в форме пианино) и разбирался в нотах.

Подлинной хранительницей и создателем домашнего очага была мать. Это была предельно самоотверженная

* Автор ошибается. Здание, о котором он пишет — проспект Мири, 8-А, — занимало Костромское духовное училище. (Прим. ред.)

женщина. И, кажется, все те качества, которые в русской женщине были отмечены Некрасовым, были присущи ей: Работоспособность – поразительная. Нужно было накормить и одеть большую семью, где «мал-мала» меньше, накормить скот, подоить коров, посадить огород и ухаживать за посаженным. С раннего утра до позднего вечера можно было видеть её, мелькающую то здесь, то там и буквально падающую от усталости поздно вечером, чтобы рано встать и снова приняться за дело.

Но, несмотря на это, она не растеряла свою образованность. Знала и любила классическую литературу, особенно Кольцова. В возрасте 80 лет, когда она была у меня на юбилее, она вспоминала: «Что, дремучий лес, призадумался?» У неё была необыкновенная способность разговаривать и находить общее с разными собеседниками – от самых простых людей до больших начальников. Много, очень много она помогла каждому из членов семьи. Так, когда отца забрали на лесоповал, она разыскала его и вызволила.

Таковы были наши родители. Говорят, что родителей не выбирают. Но если бы это было не так, то все мы, члены семьи Воздвиженских, других бы не выбрали.

РАННЕЕ ДЕТСТВО

Мое раннее детство было удивительно счастливым. Семья жила в достатке. Единственный сын был кумиром. Мне были предоставлены все возможные забавы и удовольствия. Мою няню, Маню, девушку из деревни Малое Канино, помню до сих пор – ласковую, доброжелательную. Она следила, чтобы я был здоров и радостен.

Я совсем мало помню из дореволюционной жизни. Ведь когда произошла революция, мне было 5 лет.

Помню свои игрушки: коня, на котором любил ездить из комнаты в комнату, и как он весело ржал, если дёрнуть за веревочку, кубики, из которых любил складывать картинки различных зверей, игрушечное ружьё. Помню, как была рождественская ёлка. Мать купила чудесных игрушек, и мы её наряжали. Свечи были вос-

ковые. Потом приглашали детей соседей и все весело перакали и пели. До сих пор отчётливо помню, как ребята Козыревы — Алексей и Василий, которые в то время учились в городе Чухломе, — пели песенку:

«Сербия-Бельгия! Жаль мне тебя,
Проклятая Германия разграбила тебя!»

Видимо, эта ёлка была во время Мировой войны.

Помню, мать любила ухаживать за цветами. Их имелось много в нашем цветнике. Мне кажется, что были все цветы, которые произрастали в нашей полосе. Особенно были красивы георгины и гвоздики. В дни праздников мать посылала букеты цветов в церковь, а в Спасов день, во время крестного хода на речку, цветами были украшены иконы и крест.

Помню, как я болел корью. Болезнь протекала страшно тяжело. Жизнь была в опасности. Мать часами носила меня на руках по залу. Только в таком положении я ещё мог как-то дышать. Использовали все рекомендации местных лекарей-знахарей: держали в темноте, покрывали красным и др. Врачей близко не было. До ближайшего медпункта было 10 вёрст (Палкино). Выздоровление шло медленно и тяжело.

Отец мой был большой любитель играть в городки. Кстати, он был левша. И я заворожённо смотрел и удивлялся, как он метко выбивал фигуры левой рукой.

Ещё помню, как происходило рождение моей сестренки Гали в 1917 году. Мать была на волосок от смерти. Помню, как прощался с ней отец, как меня подвели к ней, как я плакал, тянулся к матери — видимо, уже понимал. Но несчастье обошло нашу семью.

В детстве я рос сообразительным, инициативным ребенком, «большим выдумщиком», как говорили. Но жаль, что мне «многое спускалось с рук». Поэтому и нередко портил вещи. У нас была сравнительно большая библиотека, которая находилась в светёлке. Там были журналы «Нива» и другие, за многие годы. И приложения к «Ниве» — сочинения Достоевского, Майкова, Фета, Кольцова, Куприна, Бунина, Горького, Диккенса и многих других. Кроме этого, были многотомные иллюстрированные издания: «Интимная жизнь монархов», «Наполеон в России» и другие, названия которых уже

не помню. Там же находились гимназические тетради моей матери, её дневники, сочинения, которые, нужно сказать, она писала очень хорошо. Я очень любил бывать в этой библиотеке. Мне доставляло огромную радость перебирать и рассматривать книги, картинки, рисунки. Я любил вырезать картинки, особенно про войну, и наклеивать их на газеты, создавая различные ситуации, и, конечно, испортил много книг. А взрослые не остановили. Видимо, сработала пословица: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало».

*Дети на Порге.
Из архива Е.В. Воздвиженской*

В школу я пошёл 7 лет. К этому времени уже умел читать. Чтению меня научила мама. Время у неё было ограничено, и занимались мы во время подготовки пищи. В кухне каждое утро топили большую русскую печь, мать готовила пищу, и не только для нас, но и для скота, а я сидел рядом за столом и постигал премудрости чтения. В школу я ходил с удовольствием. Учила меня в 1 - 2 классе Старкина Анна Дмитриевна. Сын её Валентин был моим другом и учился в одном классе.

Хотя учительница и не была большим профессионалом, но учила старательно. Правда, в силу семейных обстоятельств, ей нужно было до занятий справиться домашние дела: подоить корову, накормить скот и детей. Поэтому начинали уроки мы поздно, кончали рано и, мне кажется, без особого регламента. Нам, ученикам,

конечно, это нравилось. В ту пору учеников подкармливали картофельным супом (без мяса), который съодлился с удовольствием. Переменки были почему-то всегда большие, и мы занимались любимой игрой в ремешок. Играющие садились по кругу с поднятыми коленками, на которые набрасывали одежды. Под коленками передавался ремешок. Водивший находился в центре, и его задача была поймать ремешок, который передавался по кругу между коленями и которым время от времени стегали его по спине. И так до тех пор, пока ремешок не будет пойман.

Навсегда мне запомнилась необъективность учительницы. В те годы разыгрывались карандаши, тетради. Из пучка спичек выигравший должен был вытащить короткую. Когда подошла моя очередь, учительница удалила эту спичку. Я всё это видел. Помню, покраснел, глаза налились слезами и было обидно, больно и стыдно за учительницу.

В 3-м классе я учился у Николая Яковлевича Старкина (муж Анны Дмитриевны). Он вернулся с Гражданской войны, которую отбывал в Астрахани. Николай Яковлевич учил уже более профессионально. Помню, в 3-м классе мне попала книжка, в которой описывались различные опыты (главным образом по физике). Так я мастерил электрическую машину из вращающейся бутылки, знакомился с громоотводом.

Вообще-то, в глухой сельской школе (за 30 вёрст от железнодорожной станции и 50 от ближайшего города — Галича) каким-то образом получали неплохие знания. Помню удивительно интересные книжки для чтения, например, Вахтеровой «Семейное чтение». Там были прекрасные стихи Пушкина, Плещеева, Некрасова, Никитина. Прекрасные отрывки и небольшие рассказы Толстого, Мамина-Сибиряка и др. И никакой политизации, никаких революционных праздников, всё было обращено к нравственным чувствам. И не случайно многие стихи я помню до сих пор. И очень интересно было узнавать и изучать новое. Когда объявляли темы «десятичные дроби» или, скажем, «проценты» и т.п. — это зачищало и появлялось желание узнать и изучить.

Кончались уроки, и шумная ребячья ватага разбегалась по трём тропам — на Кочергино, на Канино и на Бакланово. Помню, из Бакланова учились из одной семьи трое Рогозиных: Алексей, Катя и Нина. Алексей учился со мной в одном классе. Катя была удивительно красивая и умная девочка, и не мудрено, что она мне очень нравилась. Ребята имели привычку привозить в школу коньки и с удовольствием катались после уроков с крутых поргинских горок.

К тому времени относится мое увлечение религией. Я часто ходил в церковь. Меня восхищало то, как отец выполнял свои обязанности и являлся центром и руководителем всех церковных действий. Я, конечно, многого не понимал, но меня поражала и захватывала торжественность и содержание церковных актов. Я даже самостоятельно выучил славянский язык и свободно читал. Особенно мне нравилось читать «жития святых». Но один раз со мной случился такой эпизод. Я стоял на клиросе. Перед тем, как отец должен был войти в открытые Царские врата, я юркнул вперёд и пробежал черених. Я, конечно, знал, что это был великий грех, ибо никто, кроме священника, не мог через них пройти. Я был потрясён тем, что наделал, ждал большой кары от Бога и от отца, спрятался и долго не выходил. Я старался копировать отца, сам как бы совершал богослужение, делал себе из газет соответствующие одежды, уварь, столик. Участниками были сестрёнки и друзья. Кто знает, если бы не переворот в России, может быть, и я пошёл бы по стопам отца. Но только в плане изучения философии и истории религии.

В детстве я любил слушать сказки и, вообще, рассказы. К нам приходило много маминих приятельниц, которые рассказывали интересные случаи. Привлекали форма рассказа и язык — сочный, остроумный, народный. Эти рассказы вскрывали политическую и экономическую обстановку и — что очень занимало — взаимоотношения людей, их сложный, интересный мир. Совершенно серьёзно шла речь о колдунах, назывались конкретные лица, которые могли напустить болезни, несчастья или, наоборот, избавить от них. К ним ходили за услугами и их боялись.

В нашей семье время от времени появлялась одна старенькая, горбатенькая странница — «бабушка Красница», которая неожиданно появлялась и так же неожиданно исчезала, прожив несколько месяцев. Почему-то моя мать её очень ценила. Так вот, она была мастер рассказывать сказки. Репертуар её был небольшой, но как она рассказывала — вызывая сочувствие к слабым и обездоленным людям и отвращение к злым, — влекло к её сказкам, хотя мы знали их наизусть. Помню сказку про «Ивушку» — обманутого козлёночка, Ивана Царевича, Змея Горыныча. Все герои в её исполнении представлялись живыми, с ярко выраженными моральными качествами.

Крупным «источником информации» являлись пастиухи, которые вечерами, после того как пригонят стадо, рассказывали нам удивительные были и небылицы, буквально по «всем отраслям знаний», в особенности по части нечистой силы и покойников — в стиле гоголевского «Вия».

А сейчас мне хочется вместе с вами, читатель, побывать в нашем доме, каким я помню его в середине 20-х годов. Через крыльцо и сени (из сеней был выход наверх и во двор) попадаем в кухню с русской печкой, с полатями. На печке очень приятно погреться зимой, «посумерничать». Посередине кухни большой обеденный стол. Против печки — залавок с кухонными принадлежностями. С другой стороны — посудный шкаф тёмного цвета, с «косой доской». Вдоль по стене лавка (широкая скамья). Из кухни дверь в небольшую гостиную. В ней большой стол для гостей со стульями, в переднем углу иконы. В простенке швейная машина «Зингер», на которой мама иногда шила, и в углу справа мой столик с книгами. Из гостиной дверь вела в «зало» — самую красивую комнату. По одну сторону три окна, по другую — два. В углу «горка» с праздничной, очень красивой посудой. В простенке письменный стол отца с настольными фотографиями. В одном из ящиков стола была коробочка с наградами. И очень любил рассматривать их, в особенности ордена Андрея Первозванного и др. Они были очень красивы. В правом углу много красивых икон с лампадой. В простенке фисгармония — орган. Я так любил слушать игру и

нение под него. Перед столом диван, а над ним картина. Я хорошо её помню: как Пётр Великий спасает рыбаков. На стене портреты царя и царицы и в стеклянной рамке красивое свидетельство об окончании отцом семинарии. На потолке висел абажур в виде шара со стёклами малинового цвета. Вторая дверь из кухни вела в прихожую, куда можно было попадать из коридора через парадное крыльцо. Но обычно ходили через кухню. В прихожей была печка, раздевалка и двери в отцовский кабинет, спальню и зал. Впоследствии стенка между спальней и кабинетом была разрушена и поставлена печь, которая топилась зимой на ночь. Вдоль всей длины дома с западной стороны была терраса, на которой мы обычно завтракали и пили чай в летнее время. Терраса оканчивалась парадным входом в дом (очень красивым), которым на моей памяти никогда не пользовались.

Сейчас я прихожу к выводу, что и дом, и все хозяйственные строения были построены очень удобно, хорошо и красиво.

В Порге наша семья жила 60 лет. Но похоронены на Порге только брат Володя и дедушка Николай Матвеевич Пиняев.

КУРИЛОВО

Наша начальная школа в Порге была трёхклассной. В 1922 году я окончил три класса и для продолжения образования в 4-м классе поступил в ближайшую четырёхклассную школу в Курилове, на расстоянии 5 километров. Ежедневно ходить в школу было трудно, дорога проходила по занесённой местности. Поэтому меня мама определила на квартиру к Никифоровой Ираиде Матвеевне – вдове бывшего волостного писаря, очень доброй, приветливой старушке. В доме проживала большая семья писаря – дети Николай, Анатолий, Екатерина, Елизавета. Ранее они учились где-то в гимназиях, но к тому времени все жили дома. Это была местная интеллигенция, по крайней мере, они пытались её изображать. Трудно было понять, чем они занимались, на что жили. Помню беско-

нечные «заумные» разговоры, в которых отражалось то время военного коммунизма. Николай служил в волостном правлении. Ходил в галифе, френче, перетянутый ремнями. Производил впечатление своими резкими, отрывочными, безапелляционными суждениями. Елизавета работала учительницей в той школе, куда поступил я. Но меня учила другая — Ольга Николаевна Введенская, удивительно старательная и доброжелательная женщина. Она старалась учить нас хорошо писать, считать, прививала любовь к чтению. Именно тогда я полюбил книги и чтение, и на всю жизнь. В те годы я уже прочитал «Дети капитана Гранта», «Робинзон Крузо», «Хижина дяди Тома». Особенно мне нравился Гоголь. С упоением я прочитал «Тараса Бульбу», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Вий». Когда я читал «Вия», то буквально держался за подол матери. В те годы у нас было модно рассказывать о всяких мифах, нечистой силе, покойниках. Но что касается политики, то наша учительница была откровенно слаба. Когда стало известно, что нам, четырёхклассникам, будут экзамены, на которые придет представитель, то она смогла нам только сказать, что «знает твёрдо, что были две революции». А что за революции — не известно. На экзамены приехали Н.Я. Старкин и представитель. Экзамены начали с меня, как с лучшего ученика. По всем предметам я всё ответил, но в политике ничего. Но учительница меня защитила и первому написала удостоверение об окончании 4 класса.

А политическое разложение в деревне чувствовалось. Это было видно из споров Никифоровых, в которых я далеко не всё понимал, но улавливал сведения о Гражданской войне, о волнениях среди мужиков, о том, что где-то восстания и т.п. В волостном правлении, куда я иногда забегал, слышал споры о земле и налогах. Видимо, отчётливо пробивался НЭП.

В соседнем селе Пахтанове зимой 1923 года была ярмарка. Было удивительно, что в таком небольшом селе было установлено много палаток (как у нас называют, «балаганов»), в которых продавали самые различные товары — материю, ситцы, галантерею; всевозможные съедобные вещи — баранки, пряники, халву, изюм и др. Меня особенно поражало, как тут же готовились пирожки

и другие вкусные вещи. По всему селу далеко разносился удивительно приятный запах. Я несколько раз бегал на ярмарку, всё осматривал, но увыл!.. — этим и ограничивалось. И ещё, как ни странно, можно было покупать на старые «николаевские» деньги, которые почему-то ещё ценились. Вспоминая ярмарку, я до сих пор удивляюсь: какую выгоду могли получить торговцы от продажи, — а приезжали они из далёких мест! Ведь население в окружающих деревнях было не такое уж большое и богатое.

Мне суждено было вернуться в Куриловскую школу в 1928 году (через пять лет). Но уже в качестве учителя-практиканта, куда меня и моего товарища А. Тихомирова направили на педагогическую практику. Я вел 1 и 3 классы у Елизаветы Яковлевны Никифоровой. Так мы снова встретились. После войны эта школа стала семилетней и её окончила моя младшая сестра Зоя.

В Курилове я побывал много лет спустя, в 1953 году. Наша школа показалась какой-то маленькой, вросла в землю, покривилась. В ней уже не учились (построили новую), а организовали интернат для учащихся.

С нежностью вспоминаю я куриловские дни. Они не прошли бесследно. Я получил интерес к знаниям и неистребимое желание учиться дальше. А куда дальше?

А дальше был Галич.

НАШИ СОСЕДИ

Я уже писал о том, что Порга — село маленькое, всего пять домов*. Но детского населения было много, так что было весело. Среди них были и мои друзья.

В нашей семье росли сестрёнки: Нина, Галя, Валя; Зоя появилась после моего отъезда. Володя рано умер.

Особенно близок был нам дом Козыревых. Хозяйка Лидия Алексеевна утвердила полный матриархат. Её авторитет был непререкаем, и дети — Алексей, Василий, Лидия, Валентина, Милетина — её боготворили и называли не иначе как «мамонька». Её муж Иван Иванович был псаломщиком, а под влиянием честолюбивой суп-

* Пятый дом церковного сторожа — сторожка. (Прим. ред.)

*Нина на Порге.
Из архива Е.В. Воздвиженской*

руги захотел стать дьяконом. Но в нашей церкви, за неимением вакансии, это было сделать нельзя, и он уехал в другое село. Жил один, простудился и умер. Помню очень пышные похороны, на которые съехалось много духовенства. По просьбе Лидии Алексеевны и при содействии моего отца сын Козыревых, Василий, в возрасте 17 лет стал псаломщиком. Конечно, он ничего не умел, и отец его подготовил. Как-то странно было видеть молодого парня в роли служителя культа. Но нужно отдать должное, он был очень старателен. Ребята Козыревы были дружны, инициативны и задавали тон в наших играх. Козыревы все были очень трудолюбивы, прекрасно знали сельское хозяйство и нам, в частности моей матери, были своеобразным эталоном.

Судьба ребят Козыревых такая.

Как только началось время притеснений, старший Алексей уехал из дома – говорили, что в Среднюю Азию, где поступил работать на железнодорожную станцию. Судьба Василия – сложная. Он в то время работал псаломщиком и, следовательно, был лишенцем (лишён избирательных прав). Парень был работающий, уважаемый

ный и хорошо ладил с моим отцом. Но в смысле женитьбы было сложно, строгая мать не потерпела бы никакой невестки. Он тайно сошёлся с девицей из Малого Канина, которую в округе называли Саня-каша. Довольно привлекательная, она была очень льстива, лжива и любого могла заговорить и использовать в своих интересах. Она забеременела и всюду афишировала, что от Василия. И вот в один прекрасный день, вернее ночь, Вася Козырев исчез из дома. С тех пор Вася не появлялся. Ходили слухи, что он уехал к брату Алексею в Среднюю Азию. Судьба девчонок Козыревых обычна. Лида стала учительницей. Валя и Миля устроились на службу где-то под Ленинградом.

Семейство Старкиных — противоречиво: с одной стороны, они, вроде, сторонники старых порядков, с другой — когда стало выгодно, ратовали за раскулачивание, коллективизацию, атеизм.

Старкины, Николай Яковлевич и Анна Дмитриевна, работали учителями в Порге. Николай Яковлевич был учителем ещё и до войны 1914 года, после демобилизации вернулся на Поргу и вновь стал учителем. Вначале он показывал себя очень расположенным к церкви. Имея хороший голос, он организовал отличный церковный хор из девушек окружающих деревень. Но через 2 - 3 года поступил в Палкино и его позиция резко изменилась. Вообще, это был человек двуличный, порядочный льстец и подхалим. Это особенно проявилось в отношениях с моим отцом, который ему много помогал и учил работать. Но, когда начались притеснения нас со стороны властей, он первый участвовал в этом, встал в ряды безбожников, стал ярым сторонником раскулачивания и закрытия церкви. Правда, к моему отцу он всегда относился с уважением и почтением, может быть, потому, что чувствовал слишком большое его нравственное превосходство.

Старкин построил новый дом, взамен развалившегося старого. В основном за счет «помочей». В деревнях этот способ был довольно распространён: когда житель не может сам осилить какое-либо большое дело, он призывает «на помощь». Приглашённые работают совершенно

бесплатно, «всем миром», работают весело, быстро, хорошо. Дело хозяина только как следует угостить и поставить выпивку. Умер он на Порге перед войной.

У его жены, Анны Дмитриевны, поистине трагическая судьба. После войны она жила в доме одна. Видимо, случился припадок, помощи нет. И её обнаружили мёртвой через несколько дней.

У Старкиных были дети: Валентин, Нина, Зина, Леонид и Антонина. Валентин был моим другом, окончил педтехникум и был учителем в Палкинском районе. Оба мальчика – и Валентин, и Леонид – пропали без вести в войну. Девочки – разъехались кто куда.

Третья семья – Виноградовых.

Дом Виноградовых был на самом краю села по направлению к Бакланову. Дом очень старый, вросший в землю, так что с трудом открывались двери. Когда-то дом принадлежал волостному писарю, а в наше время – Авдотье и её мужу Ивану Петровичу. Сразу за домом была принадлежащая им пахотная земля, они жили как бы «на отрубе». Иван Петрович вернулся с фронта после 1-ой Мировой войны больной туберкулёзом. Это был молчаливый человек, небольшого роста, всегда держащий в зубах сигарку табака и всегда кашляющий. Я не помню, чтобы он что-либо говорил. Вскоре он так же незаметно умер. В семье Виноградовых была ещё глухонемая «Патя» (сестра Авдотьи Павловны) – так она называла себя и так её называли все. Она слов не слышала, но реагировала на стук и слышала колокольный звон. Потому отца называла «бомба», а мать «уха». С ней объяснялись на пальцах. У матери выходило это хорошо. Патя была неплохой портнихой и обшивала ребятнишек. У Виноградовых было трое детей: Шура, Катя и Коля, мой ровесник и второй друг. Он был примерно на 10 лет моложе сестёр. Девушки уже невестились, а мы были ещё «пацаны». Судьба их такая. Шура Виноградова родила без мужа и избавилась от ребёнка. За это её судили. Она отбыла длительное наказание и вернулась в Палкино со своим мужем, которого она приобрела в заключении. Они вели добропорядочную жизнь, и я, когда бывал на Порге, к ним заезжал.

Кати вышла замуж за Сергея Васильевича Тягина из Гляича. Он имел там собственный дом, был из «бывших», но при советской власти работал на простых работах (столяр) и люто её ненавидел. После начавшихся репрессий (в 30-м году) они сбежали в Москву. Там оборудовали маленькую комнату в глубоком подвале на улице Красная Пресня, дом 56, где и жили с детками. Помогала им нянчить ребят моя сестра Нина, но при паспортизации её выслали из Москвы. Там же был мой первый приют по приезде из Сибири в Москву. Перед началом войны Сергей Васильевич поступил сторожем в ближайшую школу на площади «Краснопресненская застава».

Коля, или, как его все называли, Колюшка, был довольно серьёзным, молчаливым мальчиком. Он был крестником моей матери. Перед войной мы часто встречались. Сразу же с началом войны он был мобилизован и пропал без вести.

Таковы люди, жившие на Порге: что ни человек — неповторимая судьба! Сколько драматизма и трагедий в каждой из 4-х семей. Из четырёх, ушедших воевать (я, Валентин, Коля, Леня), лишь мне одному суждено было вернуться и пройти ещё раз по многострадальной поргинской земле.

Наиболее радостная детская пора относится к 1918 - 26 годам, когда нам было по 6 - 12 лет. Все довольно близкие по возрасту, только Вася и Алексей Козыревы были старше, и мы их признавали за руководителей. Сестры Виноградовы уже переходили в разряд невест.

Разнообразие наших игр было удивительно. Так, любили строить домики, оборудовать их чем возможно. Посуду делали из глины, угощения также кое из чего, «понарошке». И ходили друг к другу «в гости», соблюдая ритуал, который мы наблюдали у взрослых. Ещё летом любили всей компанией ходить купаться. Братья Козыревы неизменно руководили нами. Себе они выбирали глубокий «бочаг», где можно было плавать, а мы купались в «мелколке». Ходили коллективно по ягоды и по грибы. Из игр любимыми были лапта и бабки. Особенно мы любили по вечерам сидеть мирно на крыльце у Козыревых и слушать рассказы старших. И каких-то историй не рассказывали!

Как правило, эти «страшные» истории были про разбойников и про колдунов. Это был наш своеобразный клуб, ведь ни кино, ни каких-либо увеселений у нас не было. Но я помню и более серьёзные детские игры. Например, я любил играть в пасеку. Наделал маленьких ульев и пересаживал туда земляных пчёл. Их гнёзда часто находили при покосе, в их сотах также был настоящий мёд. Но главное в самом процессе игры — я подражал взрослым и пытался извлечь из этого пользу.

Далее помню: во время каникул я чертил план Порги, всех домов и строений, в соответствующем масштабе. Мы с Валентином выпускали стенную газету под названием «Вперёд» и вывешивали на дверях школы. Я «издавал» свой литературный журнал «Огонёк», в котором писал небольшие рассказы, рисовал, пытался писать стихи, но у меня ничего не получалось. Я был очень огорчён, узнав, что Пушкин в 7 лет писал стихи, а я уже опоздал! Я подражал нашему галичскому журналу, который мы выпускали, когда я учился в семилетней школе.

ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ НА ПОРГЕ

Когда я думаю о Порге, то мне прежде всего вспоминается рабочий ритм её жизни. Вот какой я вижу её в подростковом возрасте, в 20-е годы.

Наше хозяйство большое и хорошо налаженное. Лошадь «Голубка» — я её очень любил, — вороной масти, была хороша и в работе, и в упряжи. Две коровы, три — четыре овцы, поросёнок, телята, куры. Всё это стадо требовало ухода и давало о себе знать громким мычаньем, ржаньем, хрюканьем и т.п. Скотина располагалась во дворе, который примыкал к дому и соединялся с ним ходом. В верхней части было сено, которое спускалось в ясли лошади и коровам. Сена обычно не хватало, и на корм шли овсяная солома и отходы от молотбы. Ко двору примыкала отапливаемая скотная изба, где в зимнее время кормили, поили и доили коров и находились телята и овцы. Вспоминаю, что в крестьянских домах в зимнее время телята и ягнята находились в домах, вместе с людьми.

Рядом стоял каретный сарай, где хранились телеги, повозки, сани, дрожки, орудия сельскохозяйственного труда. Позади, на склоне к реке, был погреб, в котором в летнее время хранили молоко, масло, сметану. В погребе была большая яма, которая весной наполнялась снегом. Снег обычно держали всё лето. Тут же был поросятник. В огороде стояла баня. Далее было так называемое гумно с постройками для обработки и хранения урожая. Рига с овином и током для молотбы, сарай для хранения овсяной соломы и отходов после молотбы, амбар для хранения зерна. Позднее этот амбар был перевезён в Бакланово и стоял на дороге Палкино – Славинка. Позади церкви было второе гумно, сенное, там готовили к хранению сено – сушили, ворошили, сгребали. И там был ещё сарай – сенной.

Наше хозяйство имело 7 десятин земли (7 $\frac{1}{2}$ гектаров). Для тех мест это порядочно, ибо средняя семья имела 5 гектаров. На одной трети сеяли рожь, на другой трети яровое и на третьей – пар (земля отдыхает). Самая примитивная трёхпольная система земледелия. Полосы были разделены межами. Кроме того что на межи уходило довольно большое количество земли – они были источником сорняковых трав. Продуктивность была низкая – помню, с десятины урожай был пудов 10 - 15. Сеяли рожь, овёс, ячмень, немного яровой пшеницы, немного гречихи, которая нужна была для пасеки. У нас было до десятка ульев. Отец неплохо освоил это дело, сам делал ульи, которые зимой хранили под домом в тёплом подвале.

Из воспоминаний тех лет сохранились картины передела земли. Земля принадлежала «обществу», а правила «миром». Через определённое время земля переделивалась по количеству едоков и разыгрывалась по жребию. Можно представить себе переживания людей: где, в каком месте достанется полоса! От этого зависел урожай, т.к. часто места были неудобные, неплодородные. Сколько было шума, криков, плача на этих сходках, ибо всегда были недовольные. Так делали до коллективизации. Хозяйство велось примитивным способом, самым примитивным сельхозинвентарём (времен Пугачёва) – соха, деревянная борона. Сеяли руками, молотили цепами.

В пяти верстах от Палкина по направлению к Стрельникову, где тогда служил мой дед, был латышский посёлок Даровина. Мы иногда заходили туда просто так, посмотреть, ибо он представлялся прекрасным оазисом среди убогих деревень. Прежде всего поражало обилие цветов. Дома утопали в цветах (особенно красивы были георгины). Кругом чистота, порядок, обилие сельскохозяйственных машин. Это были переселенцы из Латвии. Глава рода Карл Иванович – импозантный, представительный старик, всегда был приветлив и охотно давал объяснения по-русски, правда, с сильным акцентом.

Рабочий день в нашей семье начинался рано. Мать топила русскую печь, в которой готовилась еда на весь день – завтрак, обед и ужин. Свойство русской печи таково, что пища может весь день сохраняться горячей. На завтрак чаще всего был картофель, залитый либо сметаной, либо яйцами, чай с небольшим кусочком сахара, а вечером часто с мёдом. Обед – щи или суп, как правило, мясной, каша ячневая. На третье – молоко с творогом. На ужин подавалось обычно то, что осталось от завтрака и обеда.

Все работы и еда проходили строго по распорядку, хотя редко в каком-либо доме были часы. Ориентиром было солнце и неизменные петухи. Да и как проверить часы? Радио не было. Помню, что отец устанавливал их по солнцу и календарю.

Зимой нужно было накормить скотину, а весной и летом выгнать её и сдать пастуху. В нашем селе было сравнительно небольшое стадо и пастухом был подросток 14 - 15 лет. Его обязанность – сторожить и беречь стадо. Пастуха кормили по очереди, подённо, по одному дню за корову, и, соответственно, он и ночевал по очереди. К приходу пастуха готовились, старались накормить получше, не ударить лицом в грязь перед соседями. Пастухи нам, ребятам, казались многоопытными, мы охотно слушали их рассказы, а они усердно просвещали нас в жизненных вопросах. Осенью пастух получал свой приличный заработок.

Весной было две заботы: посадить огород и посеять яровое.

Огородом заправляла мать. Всё выросло у неё очень хорошо. Для огурцов и капусты были рассадники.

Навоза не жалели. Каждый вечер огородное поливали — это была уже наша, ребячья обязанность. Довольно рано мы уже пользовались овощами с огорода. Огурцы, выращенные в своеобразных парниках из навоза, появлялись рано и были необыкновенно вкусны вместе с ранней картошкой. В огороде росли кусты смородины, малины, крыжовника, вишни. Яблоня была всего одна. Я только помню, что всего один год она дала много яблок.

В окружающих деревнях тоже были огороды, но какие-то хилые, а ягодных кустарников и садов совсем не было. Дома в деревнях, как правило, стояли без растительности и только позади домов были небольшие огороды. Во многих деревнях — Кочергине, Буянове, Зачине и других — дома располагались в полном беспорядке. В связи с тем, что огородных культур было мало, среди подростков и особенно пастухов было распространено воровство (особенно репы, брюквы, моркови). Капуста у нас родилась очень хорошая, на зиму заготавливали её несколько бочек и ежедневно подавали на стол. Картофель заготавливался также в большом количестве. Картофель и капусту сохраняли в подвале. Они использовались и на корм скоту.

После окончания ярового сева и посадки картофеля наступал сенокос — наиболее поэтичная пора сельскохозяйственных работ. В деревнях на покос шли как на праздник, с песнями, нарядно одетые. В нашей семье хорошим косцом был отец, он же отбивал косы, и к нему обращались за помощью в этом наши соседи. Я стал выходить на покос с 14 лет. Дальнейшее — сушка сена, перевозка на гумно и перенос в сарай — было делом остальных членов семьи. Перевозили сено на гумно в специальной телеге, которая называлась «андрец», — с высокой задней и передней стенкой. Во время сушки сена много хлопот доставляли дожди, и это было не так уж редко. С утра небо чистое, а потом вдруг появлялись облака, гроза, дождь. Тогда уж только пошевеливайся — нужно было быстро сгрести сено в копны.

В сельском хозяйстве одна работа находит на другую. После сенокоса наступает короткая пора — «навозница», когда вывозят со двора навоз в поле, которое оставлялось «под пар», в кучи, которые затем разбива-

лись по всей площади. Так как минеральных удобрений тогда не применялось, то именно от удобрения навозом зависел урожай.

Наступал озимой сев ржи. Это уже мужская работа: пахать, бороновать, сеять. Самое трудное — вспахать. Для этого в нашей местности применялся особый вид сохи — с откидным лемехом. Сеял отец из лукошка, перекинув ремень через плечо. Разбрасывать зерно нужно было равномерно по всей площади, и это было большое искусство. Боронование почвы — это была уже моя работа вместе с моей любимой Голубкой. Приходилось непрерывно отгонять стаи слепней, которые нещадно её кусали.

После озимого сева наиболее трудная пора — жатва. Сначала жатва ржи, а затем и ярового — овса, пшеницы, ячменя, которые к августу уже поспевали. Это работа женская и очень трудная. Недаром Н.А. Некрасов на это указывал. Как правило, мы своей семьёй не справлялись и приходилось нанимать со стороны. Молодые девушки работали весело, с песнями. Мать старалась их накормить получше, обязательно мясным. Для этого забивали курицу или ягнёнка.

В конце августа снопы полученного урожая нужно было свезти в крытую ригу, и потом наступала молотьба, которая производилась вручную молотилами (цепами), из всех сельхозмашин у нас была только веялка. После молотьбы зерно убирали в амбар, а солому, пелёву — в сарай. Молотьба иногда затягивалась надолго, но это была последняя крупная сельскохозяйственная работа.

Одновременно с этими обязательными работами выполнялось множество других сезонных работ. Так, заготовка веников для бани и подметания полов. Они хранились на чердаке. Далее, в течение всего лета и ранней осени, проводился сбор ягод (земляники, малины, черники, брусники) и грибов, которых было большое разнообразие в окружающих оврагах, в пойме речки Порги, и в бору, и в пойме Нёмды. В конце осени и зимой заготавливали дрова. Так что все дни были насыщены до предела.

И вот в такой обстановке я старался выкроить время для чтения. Это было моё любимое занятие.

Земельные наделы в окружающих деревнях были малы, своего хлеба на пропитание не хватало. И поэто

му многие из крестьян на зиму уходили на отхожий промысел, главным образом в Ленинград. Основная профессия отходников — плотничье дело. Заработанные деньги помогали оплатить налоги и свести концы с концами.

Общение отходников с городом, конечно, накладывало на них отпечаток, они многое видали в городах, интересно и с удовольствием рассказывали об этом. Помню случай, когда Николай Амплеевич из Большого Канина женился в Петрограде и привёз жену в деревню. Нам любопытно было видеть молодую, складно одетую женщину, беспомощную в многочисленных деревенских привычках и которая в разговоре «акала» (вместо «о» в словах говорила «а»), тогда как у нас было совсем наоборот. Костромской окающий разговор наряду с нижегородским всегда можно было отличить. И у меня он сохранялся многие годы. Кстати, у Николая Амплеевича была единственная в округе машинка для стрижки волос и я к нему бегал подстригаться.

Помню анекдот, связанный с отходниками.

Приезжает отходник из Питера в деревню. Его спрашивают:

— Иван, вот ты был в Питере, а царя видел?

— Ну, а как же, конечно, видел.

— Расскажи, какой он.

— Стоит посредине площади и улыбается. Нос красный, лоб ясный. Посреди ремня, через ... железня.

Это он городского принял за царя.

ОТДЫХ И ПРАЗДНИКИ

И всё-таки, несмотря на утомительный труд, на Порге жили весело в те двадцатые годы. Умели отдыхать, веселиться и праздновать.

Праздники были только церковные. Никаких революционных праздников мы не знали.

Воскресенье было законным и повсеместным днём отдыха. После церковной службы был праздничный завтрак. Мать всегда приготавливала что-либо вкусное. А мастерица по готовке пищи она была отменная. До сих пор

помню её не превзойдённое по вкусу жаркое из телятины или баранины. Да ещё с огурцами и солёными грибами. Хорошо выходили пирожки с ягодами, творогом или с луком и яйцами. К чаю подавалось топлёное молоко с пенками, на которые было много охотников из детворы и, конечно, я. Но что я никогда не забуду, так это домашний ржаной хлеб. Я никогда после не ел такого хлеба, вкусного, ароматного. Кончился наш хлеб с тех пор, как появились государственные пекарни, которые выпекают хлеб (кирпичики), неизвестно из чего состоящий, неизвестно, что там намешано. Мне ещё вспоминается чудесный напиток, который умели делать в наших краях — сусло. Я забыл технологию приготовления, но помню, что в основе лежит солод — проросшее зерно, кажется ржи. Аромат и вкус напитка непревзойдённый. В последующие годы, когда я уехал из Порги, — нигде его не встречал.

Самым большим, радостным и светлым праздником был, бесспорно, праздник Пасхи. Он наступал после длительного 7-недельного Великого поста. Уже само это ожидание, ограничение в пище, запрет на употребление всего молочного и мясного, переход к необыкновенно вкусной пище и символам праздника — куличу и пасхе — было трепетно радостным.

В страстную субботу не полагалось есть совсем. Кто бывал на пасхальной службе в церкви — никогда её не забудет. Крестный ход со свечами вокруг церкви. Радостные звуки молитвы: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Необыкновенно красиво выполнял песнопения хор из деревенских девушек. Все в радостном возбуждении поздравляли друг друга со словами «Христос воскресе» и слышали в ответ: «Воистину воскресе». При этом положено было поцеловаться и обменяться яйцами. У нас в семье их готовили для подарков несколько десятков, окрашенных в самые различные цвета. Один из цветов — красно-бурый получали при окраске в луковой шелухе.

После обедни — праздничный завтрак. Разговенье. В течение нескольких последующих дней отец с исаломщиком ходили «славить» по деревням. И целую неделю лился колокольный звон. Мог кто угодно залезть на ко

локольно и звонить сколько угодно. Для подростков зательным занятием было — катать яйца. Играющие ставили яйца и по очереди спускали яйцо по жёлобу. Если яйцо попадало в одно из тех, которые были выставлены, то — выигрыш и играющий забирает яйцо.

В деревнях были весёлые гулянья, особенно на лугах, в пойме реки, между деревнями Бакланово и Малое Канино. Самым распространённым танцем была известная кадрили под гармошку и пляски «русского». Песни и весёлый смех слышались далеко вокруг. Мы, так называемые «шкеты», с интересом ходили наблюдать это празднество.

Ранней весной заметным моментом был выгон скота в поле после долгого зимнего стояния во дворах. Это было, примерно, в день Георгия Победоносца — покровителя и хранителя домашних животных. У нас было принято группами ребят переходить из деревни в деревню и «славить», т.е. петь под окнами домов. До сих пор помню некоторые слова из песни:

«Егорей, батько храбрый, Макарий преподобный,
Храни вашу скотинку, всю животинку,
В поле и за лесом...» — далее забыл.

После того, как славящие получают подарок: яиц, денег, чего-либо съестного — они поют благодарственную:
«Благодарим тебя, хозяйюшка, на добром слове,
На богатом доме!

Со скотом, животом, со всем жительство...»

Каждая деревня имела свой так называемый престольный праздник: Канино — «Казанская», Кочергино — «Покров», Сухотино — «Фрола и Лавра» и т.д. В этот день в деревнях было молебствие — вынос икон. Все прихорашивались. Каждый дом принимал гостей. На гулянья сходилась молодежь со всех окружающих деревень. Выходили и старики посмотреть и вспомнить свою молодость. Отец с матерью были желанными и почётными гостями. Помню, что каждый год они бывали в Кочергино у Ираиды Григорьевны и в Сухотине у Тороповых (забыл, как их зовут).

Конечно, было много пьяных. Самогон не жалели, делали сами, так что ограничений не было. Отец в такие

праздники также находился в сильном подпитии. И редко такие праздники обходились без драк. Вообще драки характерная черта, вид развлечений, нечто вроде истинской корриды. Стенка парней, вооружённых кольями, шла на стенку противника, деревня на деревню, Бакланово на Канино. Дрались жестоко и беспощадно. В результате были изуродованные, жестоко, отвратительно. Какой-то атавизм, подражание легендам из далёкого прошлого.

Особенно большие и красивые гулянья на лугах были в Троицу и Духов день. Девушки бросали в воду венки из цветов, угадывая свою судьбу.

Сельскохозяйственные работы заканчивались к Покрову, престольному празднику в деревне Кочергине. Уже начинались холода, иногда выпадал снег, а вместе с ними наступал и длительный зимний период, отдых от сельскохозяйственных работ.

Но веселье не прекращалось. Центром веселья в это время были так называемые «беседы» (посиделки) — своеобразные клубы, только гораздо интереснее нынешних. В деревнях девушки предзамужнего возраста откупали у какой-нибудь, скажем, вдовы избу и сходились каждый вечер на посиделки, взяв какую-либо работу: вязанье, вышиванье, пряжу льна и т.д. Там они веселились, рассказывали различные истории, пели песни и работали. Самым интересным моментом был приход группы парней, потенциальных женихов, с гармошкой. Ребята ходили в «беседу» не только в своей деревне, но и в соседние. Начинались танцы. Излюбленным делом ребят было сесть на колени к избранной девушке и мило с ней проводить время. И верхом блаженства было, если какой-либо парочке удастся зайти в тёмный отгороженный уголок за русской печкой и всласть помилиться. И так по очереди. На таких вечеринках завязывались более глубокие знакомства, кончавшиеся свадьбами.

В нашем селе престольным праздником был «Николин день», или «Никола». Это 19 декабря. Как всегда и праздники — служба, торжественные угощения. В этот день к нам съезжались гости — главным образом духовенство из соседних сёл. Что мне запомнилось — это прекрасное пение. Отец играл на фисгармонии (пианино на духовой основе — орган), причём мог по слуху подобрать любую мело

дию. Играл и по нотам, и церковные песнопения. Но особенно хорошо получались русские народные: «Есть на Волге утёс», «Из страны, страны далёкой», «Вечерний звон», «Из-за острова», «Ревёт и стонет Днепр» и многие другие свободолобивые песни. Ведь все участники были довольно образованные люди, которые, как правило, окончили Костромскую семинарию, в которой в начале века царил особенный демократический дух. Помню крошечного отца Михаила из Бобыкина, приходившегося по грудь своей дородной жене и обладавшего прекрасным и громким голосом; отца Александра Добровольского, который непонятно почему приехал в наши края из Петербурга и женатого на моей крёстной матери Марии Ивановне. Мне они часто дарили книги. Так, подарили роскошное собрание сочинений И.С. Тургенева в 10 томах, сочинения А.Н. Апухтина. Так я познакомился и полюбил Апухтина, о котором очень немногие знали и знают сейчас.

Дни рождения тогда не праздновались, а праздновались «дни ангела» — память святых, в честь которых давалось имя. Так, у меня именины были 2 мая, в день памяти великомучеников Бориса и Глеба. А именины («день ангела») царя праздновался до революции как национальный праздник и был нерабочим днём.

В зимний период самым весёлым и радостным временем были «святки», которые следовали за Рождеством (25 декабря старого стиля), вторым по величине христианским праздником после Пасхи. Так же, как и Пасха, он наступал после длительного (рождественского) поста и был особенно ожидаем. Снова гости, вкусные угощения. На святках группы подростков и молодёжи наряжались «кто во что горазд», изображали животных, различных субъектов, лишь бы было смешно. Их угощали и делали подарки. К этому времени относятся школьные рождественские каникулы, которые потом стали называть «зимними».

В Крещение (19 января) был крестный ход на речку. По Священному писанию Иоанн Креститель крестил Христа. Изображал это священник, опуская в прорубь крест.

Время вплоть до масленицы называлось мясоед. Это время особенно больших молодёжных гуляний, время

сватовства и свадеб. Прежде чем происходила свадьба, была довольно сложная и интересная процедура сватовства. Конечно, между молодыми всё уже было согласовано заранее, но свахи и сватья организовывали и проходили процесс представления, сговоров и определения приданого, которое будет за невестой. Как правило, невеста уходила в дом жениха. Конечно, в этих свадьбах был и материальный интерес: в семье жениха появлялась новая работница. Поэтому на первом месте из качеств невесты стояло именно трудолюбие, умение невесты вести хозяйство, её характер, почтительность, скромность. Разумеется, трудно было девушке уйти из родительского дома, от родимой матушки, в дом, где ещё неизвестно как сложится её судьба, ибо выходила навек, о разводах не помышляли, да их практически и не было. И тяжела была судьба той, которая не была приучена к труду. Таких судеб много было в русских сказаниях о «злых свекровях», которые издевались над невестками. Поэтому наряду с заманчивой мечтой о замужестве, к которой, естественно, тяготела каждая девушка, соседствовала и грустная, и печальная мысль о кончившемся девичестве. И сговоры невесты проходили в слезах и печальных песнях подруг. Девушки выходили замуж рано, 18 - 20 лет, а старшие заносились в разряд «перестарков», «вековух», поэтому каждые родители жили с мыслью, «как устроить чадо». Конечно, главным считалась материальная обустроенность, ибо родители желали своим детям лучшей доли, чем выпала им.

Наивысший пик свадьбы — церковное торжество. Свадебный поезд из многих возков и саней с колокольчиками и разряженными лентами лошадьми приезжал на Поргу. Обычно возок с невестой останавливался у нас, а с женихом — у кого-либо из соседей. Невесту «наряжали». Этим делом занималась моя мать. Невесту накрывали вуалью, на голову надевали красивый венчик из искусственных восковых цветов. Потом невеста и жених встречались в церкви. Сколько раз я видел этот обряд, и он всегда меня волновал и притягивал. Невесты чаще всего были очень красивы, но мне интересно было наблюдать за их лицами. Они были

не повторимы. От откровенно радостных до столь же откровенно печальных и даже плачущих. Вся процедура венчания очень трогательна и полна глубокого смысла. На вопрос священника: «Желаешь ли ты, раба Божия, быть женой...» — ответ «Желаю» произносился с тысячами оттенков, по которым можно было судить об истинном желании невесты. А эпизоды с одеванием венцов, трёхкратный обход жениха и невесты вокруг аналоя трогали душу.

Далее наступало веселье, длившееся несколько дней поочередно в доме жениха и невесты.

Свадеб было много, иногда по несколько в день. Некоторых женихов и невест я знал до этого лично. И помню, что у меня всегда возникало чувство жалости к невесте, боязнь за её судьбу. И это сохранилось до сих пор. Жалко девочек, которые выходят замуж. Это, видимо, объяснялось тем, что я встречался с рядом случаев, когда судьба невесты была печальной.

Наконец, наступал пик зимнего веселья — «масленица». Праздник этот, несомненно, языческого происхождения, так как в нём нет ничего от христианства. Он занимает последнюю неделю перед Великим постом. Это пора безудержного (как бы это помягче сказать) обжорства и веселья.

Наиболее характерные черты праздника:

— Это езда на лошадях из деревни в деревню целыми поездами. Лошади и повозки были наряжены, под дугой обязательно колокольчик.

— Это блины, обязательные в каждом доме, которые символизировали праздник, как яйца в Пасху.

— Это поездки в гости.

— И, наконец, это костёр, который устраивался вечером в последний день масленицы. Дрова и другие материалы для костра собирали подростки по всей деревне. И вечером, обычно на краю деревни, зажигался огромный костёр. Около него устраивали игры, прыгали через костёр, играли в снежки. Костры были в каждой деревне и тёмным вечером представляли красивое зрелище. Это были проводы масленицы. Грустно было ухо-

дить по домам, ведь впереди был долгий семинедельный Великий пост, когда всякого рода развлечения резко ограничивались вплоть до Пасхи.

НА ПОРГУ ПРИХОДИТ НЭП

Воспоминания этой главы относятся к периоду 1918 - 1926 годов, периоду военного коммунизма и НЭПа.

Уже с раннего детства я не мог не ощущать неуклонно наступающих изменений в окружающей жизни, и не только в ухудшении уровня жизни, но и в области социальных отношений. Помню таинственные разговоры в семье о голоде, о том, что отбирают хлеб, о том, что мужики не хотят воевать и дезертируют. В нашей бане, которая стояла на отшибе, ближе к лесу, видимо, прятался какой-то дезертир, судя по окуркам, которые находили утром. Много было домыслов о царе, о том, что он жив и скоро придёт царствовать. Или, во всяком случае, его дочь. В те годы были распространены погромы поездов. Некоторые мужики (помню, из Канина) отправлялись в Антропово, там останавливали поезда, идущие из Петрограда и Москвы на восток, в которых голодающее население везло различные вещи для обмена на хлеб в Вятской и Пермской губерниях. Меня уже тогда это глубоко возмущало. Вообще, это время характерно стремлением отбирать и грабить. Конечно, повод давали официальные установки и реквизиции имущества богатых, отбор земли и т.д. Всё это было на руку тем, кто не очень-то хотел трудиться; и грабили, прикрываясь высокой политикой, цитатами из Маркса и других «вождей», диктатурой пролетариата, «экспроприацией экспроприаторов». В переводе означает «грабь награбленное».

Я отчётливо помню то время, которое впоследствии официально называлось «военным коммунизмом», — когда у крестьян отбирались все мизерные результаты его труда, а взамен не давалось ничего. В магазинах нечего было купить, деньги обесценены совершенно. Особенно была нужда в керосине, соли, спичках. Отец у меня был страстным курильщиком. Табак научились выращивать

сами, «самосад» — очень крепкий. Если его не было, то курили сухой берёзовый лист. Огонь получали от горячих углей в загнетке русской печи, которые старались сохранять в течение всех суток — как в первобытное время. Или курильщики носили с собой набор, состоящий из двух кремней и легко воспламеняемого материала. При ударе двух кремней друг о друга высекались искры, которые при попадании на трут вызывали тление, раздувая которое, можно было получить огонь. С освещением было хуже. Керосина не было. Повсеместно, в том числе и в нашей семье, для освещения употреблялся свец: небольшое деревянное корыто с водой и вертикальным шестом, наверху которого укреплялся металлический треножный рожок. В него вставлялась берёзовая лучина, которая поджигалась и давала скудное освещение. Эти лучины по мере сгорания заменялись новыми. Нужно было всё время караулить огонь, иначе произошло бы то же самое, что случилось с первобытным мальчиком, упустившим огонь. Огромные пучки лучины заготавливали заранее, расщепляя косарём (нечто среднее между ножом и колуном) сухие берёзовые поленья без сучков. Что касается соли, то с ней обстояло труднее, так как самим её не приготовить. Поэтому щепотка соли ценилась невероятно дорого и приобреталась на обмен чего-либо.

Деньги в то время вовсе были обесценены и коробок спичек стоил миллионы рублей. Я помню «керенки» (деньги Временного правительства) и первые денежные знаки Советской России, на которых были изображены рабочий с молотком и крестьянка с серпом. На них было написано «обеспечивается всем достоянием республики», что я не очень понимал. Такие денежные знаки выпускались целыми большими листами, как обои (кстати, впоследствии их и использовали для оклейки стен), и самим нужно было их разрезать на отдельные купюры. Характерно, что в то время неофициально ходили и царские деньги: очень красивые «катеньки» с Екатериной II (25 рублей), с Николаем I (50 рублей), с Петром I (100 рублей)*. Они очень ценились. В 1922 - 23 году после денежной рефор-

* Автор ошибается: «катенька» — 100 рублей, купюра с Петром I — 500 рублей. (Прим. ред.)

мы основой стал «червонец» (10 рублей), который действительно ценился очень дорого. Слышал, что на короткое время появились золотые и серебряные советские деньги, но они быстро исчезли. И дальше, в течение всей жизни, с деньгами происходили непрерывные изменения, и если сказать, что какая-либо вещь стоила 30 рублей, это ещё ничего не сказать. Нужно добавить — в каком это было году.

У нас в те годы неоднократно производили обыски, искали спрятанный хлеб. Несколько мешков было спрятано под крыльцо, ну, конечно, их сразу же обнаружили и отобрали.

Помню, в 1922 году приехали несколько человек, чтобы отобрать церковные ценности. Потребовали инвентарные описи. Каждый предмет, если он из золота или серебра, — отбирали. Помню группу женщин, которые плакали и что-то кричали. В те годы верующих было много и церковные праздники справлялись повсеместно, в том числе и атеистами. В дни праздников по всем направлениям к Порге (а их три: от Кочергина, от Бакланова и от Канина) шли цепочки людей в своих лучших нарядах. Обувь надевали при входе в село. А некоторые пожилые люди и летом были в валенках. Особенно интересен был перерыв между заутреней и обедней. Здесь происходили встречи, знакомства, а модницы показывали свои наряды.

Но видимо наступал НЭП, а с ним и экономическое облегчение, сопровождавшееся возникновением кооперативной и частной торговли.

На Порге работал кооперативный магазин «Потребилровка». В числе членов кооператива были некоторые передовые крестьяне, там же состоял и мой отец. Приказчиком был учитель Н.Я. Старкин. В магазине были самые необходимые товары: соль, мыло, сахар, спички, махорка и т.п. Иногда бывали конфеты и подсолнечные семечки. Магазин не имел точных часов работы, а часто открывался по требованию пришедшего покупателя, благо приказчик жил рядом. Помню, что в праздничные дни на площади перед церковью какие-то приезжие развёртывали палатки, «балаганы» — как мы называли, — и из них шла бойкая торговля сладостями, девичьими украшениями, даже тка-

нями. В Палкине были открыты частные магазины Юникова, Нарышкина и другие, в которых приказчиками были сами хозяева. Помню, что продавцы были очень уважительны к покупателям. Приказчик отпускал продукты «с походом» (чуть больше взвешенного), что страшно нравилось покупателям, например, моей матери. Юников — это тот самый, чей единственный каменный дом и сейчас стоит посередине Палкина; когда-то в нём был волисполком, а потом райисполком.

В Палкине были мастеровые, портные, сапожники. Справить сапоги было очень дорого. Мне впервые сшили на заказ сапоги из старых отцовских перед моим отъездом в Галич. Летом (начиная с весны) в основном ходили босиком, а зимой в валенках. Шерсти овечьей было достаточно, а мастера катать валенки ходили по домам. Лапти попадались всё реже и реже.

Летом в дугах появлялись цыганские таборы и толпы цыган ходили по домам, выпрашивая подачки и предлагая погадать. Некоторые женщины и великовозрастные девицы часто попадались на эту удочку. А цыгане-мужчины занимались другим промыслом — перепродажей лошадей и, часто, воровством. Так что, когда появлялись цыгане, все были начеку. А в зимний период нас посещали торговцы-татары. Свой товар они развозили от деревни к деревне на санках. Останавливались в каком-нибудь доме и торговали тканями, женскими украшениями. Их (татар) уважительно называли «князья», им это нравилось. Но они были очень злые. Достаточно было им показать зажатый нижний конец пальто, напоминающий свиное ухо, как злости их не было границ. Мы, мальчишки, это делали и потом без оглядки убежали куда-либо в недоступные места.

К середине двадцатых годов всё больше и больше вырисовывалось разделение крестьян по разным социальным группам. Но я не припомню, чтобы были у нас кулаки в классическом понимании — эксплуататоры. Правда, были несколько человек, у которых стояли водяные мельницы на Нёмде, но они сами их и обслуживали. Так или иначе, утвердился класс лишенцев — лишенных избирательных прав. К ним принадлежала и наша семья, и такова же была моя участь в будущем. За

невинным качеством — «лишён права избирать» — проглядывалось проклятие на все стороны жизни. Ты, лишенец, человек второго сорта, ты не можешь поступить, учиться выше начальной школы, ты не можешь поступить на работу в учреждение, на тебя не распространяются никакие льготы. А всё самое тяжёлое, постыдное, горькое — тебе. Тебе — самые высокие налоги, ссылка, позор. И это потому, что такие люди трудились изо всех сил, до седьмого пота, и потому, естественно, жили несколько лучше. Лишенцы подвергались огромным налогам. Но даже и в том случае, если его выплачивали, местная власть накладывала индивидуальное обложение, в несколько раз больше. Это уже вынести было невозможно. Далее наступала распродажа имущества, за которое обычно выручались крохи, и высылка.

А те, кто у них отбирал нажитое добро, — считались людьми первого сорта, классовопередовыми творцами нового мира, который строили на обломках разрушенного (разграбленного) старого мира.

Такова была цена той идеологии, которая вдалбливалась недалёким малограмотным людям. Идеология, которая воспитала зависть, человеконенавистничество, желание разрушать, ломать, грабить.

Я встречался с представителями власти сельсовета и волостного исполкома. Это молодые люди, опоясанные ремнями, в галифе, симпатичные на вид, всегда громко разговаривающие и безапелляционно решающие вопросы тут же, мало мыслящие и живущие по инструкциям, твёрдо усвоившие, что классового врага нужно уничтожать. И они, конечно, никак не могли думать о том, что вся эта система уничтожения в недалёком будущем обернется против их самих.

Поистине: «Неисповедимы пути твои, Господи!»

Вспоминая то время и тех людей, я должен сказать, что среди окружающих крестьян были люди широко мыслящие, самообразованные, стремящиеся к агрономическим знаниям. Они приняли советскую власть и связывали с ней мечты об улучшении жизни. И все они уже в 30-е годы были репрессированы.

Среди них мне особенно запомнился из Большого Канина Козлов Фёдор Тимофеевич. Даже сейчас помню

его — высокого, красивого, улыбающегося. Я в то время по своей инициативе был распространителем газет (прирабатывал). Когда приходил к нему, то он всегда подписывался на «Крестьянскую газету». Он вёл очень интересные разговоры с моим отцом о политике, ибо он сочувствовал эсерам. В первые годы советской власти он заведовал земельным отделом в Палкинском волисполкоме. А сам жил очень бедно, имел двух симпатичных дочек моего возраста. У него была приветливая, доброжелательная семья. И вот в один из последующих моих приездов я узнал, что он арестован и где-то исчез.

В Бакланове выделялась семья Рогозиных. Алексей Васильевич Рогозин был незаурядным человеком — мудрый, прогрессивно мыслящий. Его дом — обшитый тёмом и покрашенный в оранжевый цвет — приятно выделялся среди других. И дела, и слова его были какие-то твёрдые, правильные, убедительные и невольно располагали к уважению. Он имел большую семью. С его детьми я учился в Поргинской школе и дружил.

Или — Воронов Вячеслав Михайлович, разносторонне даровитый: фотограф, художник. Очень неплохо рисовал. После войны многие годы он преподавал черчение и рисование в Куриловской школе, где я когда-то учился, и переехал жить в Романово. Его дочь, Надя Воронова, моя ровесница, живёт в Ленинграде, а летом всегда ездит к отцу. Когда я последний раз был на родине в 1984 году, Вячеслав Михайлович был ещё жив.

Прогрессивные люди были и в других деревнях. Я очень хорошо помню, что проживавшие, например, в Неверове молодые люди раньше учились в гимназиях; что жили в наших деревнях люди, приехавшие из Петербурга. Они резко отличались своим «акающим» говором.

Росло число людей, которые учились в городах. Так, мой друг по детским играм Виталий Ефремов из Малого Канина учился в педагогическом техникуме и стал учителем вблизи Ярославля. Много лет спустя он разыскал меня в Москве и несколько раз заезжал ко мне. Много, очень много мы вспоминали, тем более что все наши товарищи по Порге погибли в войну. Любопытно: он мне рассказал, что когда был на похоронах своей матери, он спросил моего отца, который проводил отпевание: «Отец

Насилий, скажите, есть Бог или нет?» Отец ответил: «Для того, кто верует — есть, кто не верует — нет». В этом состояла его позиция — честная, искренняя. Он никогда не принуждал нас к религиозным обрядам. Когда я приезжал домой во время каникул из Галича, то, конечно, был атеистом и не мог вписать себя в религиозную семью. Но он никогда не принуждал меня молиться и выполнять религиозные обряды. Он был честен и до конца выполнил свой долг и нёс свою судьбу. В те времена некоторые священники отказывались от сана, делали письменное заявление об этом в печати. Это для того, чтобы «дать ход» своим детям. У нас никогда не поднимался этот вопрос. И дети некоторых духовных отказывались от своих родителей в тех же целях. Я также этого никогда не делал и не помышлял об этом. Своё происхождение я, конечно, не афишировал, но и не скрывал. Да мне и трудно было это сделать — выдавала фамилия. Хотя многим моя фамилия нравилась. И даже Зоя, моя сестра, и Таня, моя дочь, при замужестве не стали менять фамилию и остались Воздвиженскими.

Тучи на моём жизненном пути стучались, и я серьёзно задумывался о своём будущем. И твердо решил — моё будущее и спасение в образовании. Я много читал, повышал свои знания всеми доступными тогда способами. Старался учиться хорошо и очень хотел учиться дальше.

И я навсегда благодарен моим родителям, что они в то трудное время отправили меня для продолжения образования в город Галич, уездный центр Костромской губернии, который отстоял от нас на расстоянии 50 вёрст.

ГАЛИЧ

Перехожу к наиболее приятной теме моих воспоминаний — о Галиче.

В Галич я приехал осенью 1923 года в возрасте 11 лет и пробыл там пять лет.

Мне и сейчас видится прекрасная картина, словно видение града Китежа, когда мы спускались с Поклонной горы при въезде в город. Внизу раскинулся Галич с

его огромной базарной площадью, знаменитыми торговыми рядами и улицами, а на заднем плане — великолепным озером. Но самое потрясающее — это 13 церквей, разбросанных по всему небольшому городку и блестящих куполами в лучах заходящего солнца. Я стоял как зачарованный. Все церкви, дома и домики были в хорошем состоянии, просто красивы — за шесть лет советской власти ещё не успели их испакостить.

Это очарование я пронёс через всю жизнь, и при думах о Галиче мне вспоминается описанная мной картина.

В центре Галича — огромная площадь, на которую выходили главные улицы — Свободы (бывшая Романовская), Ленина*, Луначарского (бывшая Пробойная), покрытые булыжниками. Площадь окружали каменные торговые ряды с множеством самых разнообразных магазинов. Ряды построены в 1825 году, являются достопримечательностью города, они существуют и сейчас. По главным улицам, Свободы и Луначарского, много красивых зданий, бывших купеческих особняков.

Центр Галича. Нач. XX в.

Галич был уездным городом Костромской губернии. И все главные уездные учреждения — уисполком, уком

* Бывшая Костромская. (Прим. ред.)

(ВКП(б)), красноармейский дворец имени Троцкого и другие — были на улице Свободы. На этой же улице находился самый большой в городе трехэтажный дом Громова (внизу чайная, а на верхних этажах номера). На площадь выходило здание кинотеатра. Церкви были разбросаны по всему городу, все были в хорошем состоянии, очень разнообразны по архитектуре. И в субботы по вечерам, и в воскресенья по всему городу разливался мелодичный колокольный звон. Вот сейчас мы так ценим Суздаль, в котором кое-что осталось от прошлого. А ведь в Галиче старины было не меньше. Какой бы это был туристский центр! Ведь Галич, очень древний город, бывший центром Галичского княжества, спорил с Москвой — кому быть столицей. До сих пор сохранились остатки крепостных валов с прудами, окружавших древний Галич, спасавших жителей от набегов врагов.

Но самой большой достопримечательностью Галича является Балчуг — высокая гора, на которой в средние века и находился город, сильно укрепленный; «городище», надёжная защита всех, кто там жил. Гора спускается к озеру. У подножия её женский монастырь*. Храм напоминает собой Исаакиевский собор в Ленинграде, только все размеры в четыре раза меньше.

Неповторимую прелесть придаёт городу озеро, размерами 35x7 километров. В озере ловилось много рыбы. За монастырём находился целый посёлок рыболовов — «Рыбная слобода», здесь ловили и изготавливали очень вкусную копчёную рыбу. Копчёная галичская рыба пользовалась широкой известностью, и пассажиры проходящих поездов спешили во время остановок купить её.

И ещё одна достопримечательность Галича — это, бесспорно, базар. Каждый четверг вся площадь была заставлена возами, а возле них раскладывался продаваемый товар. Возы располагались рядами. Был ряд «горшечников», торговавших изделиями из глины; «мясной ряд», где торговали мясом и виднелись свиные, телячьи, бараньи туши, тушки птицы; ряд, где торговали изделиями из дерева — кадками, лукошками, игрушками и т.д. Как торговцы, так и покупатели приезжали за десятки

* Никольский Староторжский монастырь. (Прим. ред.)

Храмы Галича. Нач. XX в.

километров. Начинаясь НЭП, и в последующие годы торговля была очень широка.

Для меня всегда был праздник, если на базар приходил дед Николай. Ходить с ним по базару было величайшее удовольствие. Сколько у него было знакомых! Да и с незнакомыми он умел быстро находить общий язык. И сколько интересных случаев, сколько сведений можно было узнать! Но высшей точкой этого праздника для меня было посещение с дедом чайной на улице Свободы, дом 2, где мы занимали отдельный столик. Официант («половой») быстро ставил большой чайник, на него маленький с заваркой и блюдец с кусочками сахара. Обычно чай пили с баранками, которые были нанизаны на верёвку. Иногда дед покупал полфунта колбасы. Галичская колбаса! Что за чудо! Никогда и нигде больше я не видал и не пробовал такой колбасы! Сваренная из первосортного мяса, заправленная лучком, чесноком, жирком из свинины, — она была необыкновенно ароматна и вкусна!

Но самое интересное — разговоры. Подвыпившие, покрасневшие, возбуждённые посетители громко обсуждали новости как местные, так и государственного плана. Слушать эти беседы мне нравилось больше всего. И свободная, раскатистая, сильно окаяющая речь, густо пересыпанная острыми словечками и юмором, невольно привлекала. Всё это давало возможность познать национальные черты русского характера.

Зимой в Галиче ежегодно была ярмарка — широко известная и собирающая народ со многих городов. Это был разгул НЭПа. Помню галичские магазины: полным-полно всего. Множество балаганов, в том числе и увеселительных. Здесь я впервые увидел карусели, прокатиться на них — была моя мечта. Денег у меня, естественно, не было, так что приходилось довольствоваться наблюдением. В каждый приезд дед давал мне по 10 копеек — не разгуляешься. А сколько было всего вкусного! Французские булочки по 4 копейки — мечта! Их пекли в булочной И.И. Соколова (ул. Луначарского). Он держал двух рабочих, а продавал сам. Я уже не говорю о халве и изюме, которые имели божественный вкус. Я не пойму — почему теперешние халва и изюм такие невкусные. Надо же суметь так испохабить их изготовление.

В городе было несколько красивых зданий, расположенных в центре. Одним из самых красивых и внушительных было здание бывшей мужской гимназии, впоследствии школы II ступени, где я учился, а затем здесь была Галичская 1-ая средняя школа.

Правда, домов для развлечения в городе было мало: один кинотеатр. Я, как и все ребята, очень любил кино. Кино в то время было немым. Наша учительница Мария Николаевна Завьялова (кстати, дочь богатого купца) сопровождала киносеансы игрой на пианино. Уж очень нравились американские боевики: «Знак Зеро», «Багдадский вор» — с участием Мэри Пикфорд и Дугласа Фербенкса.

Таков был Галич, в который я приехал учиться.

Я был принят в 5 класс 1-ой Галичской семилетней школы — то ли потому, что тогда ещё не было ограничений, или, может быть, сыграло роль то, что мать училась в одном классе в Кологривской гимназии с учительницей этой школы по французскому языку — Каликиной Капитолиной Михайловной. Кстати, и жена заведующего школой II ступени, Мария Сергеевна, также училась с мамой в Кологриве в одном классе.

В этой школе я учился 3 года (5, 6, 7 классы), и нужно сказать, что учителя были опытные, относились к делу ответственно и учился я хорошо. И совершенно самостоятельно — никто и никогда мне не помогал, да и некому было. Я активно участвовал в кружках — литературном, певческом. Мы выпускали свой литературный журнал, я был член редколлегии. В то время (1924 год) в Галиче появились первые пионерские отряды, в том числе и в нашей школе, с увлекательной символикой и атрибутикой. Но в пионеры я попасть не мог — опять-таки по происхождению. В те годы праздновалось множество революционных праздников: Парижской коммуны, Февральской революции, МОПРа и др. Ко всем праздникам выступал наш хор, а физкультурники показывали вольные упражнения, особенно модно было показывать так называемые пирамиды. Для меня было очень удивительно видеть девочку в шароварах. Было много добровольных обществ — «ячеек» МОПРа, ОДКа (общество «Долой неграмотность»), «Безбожника» и др. Было престижно состоять их членом.

В те годы стало внедряться самоуправление – учкомы. Когда я учился в 7 классе, то был избран председателем учкома. Еженедельно устраивалось собрание учащихся школы, так называемый «коллектив», где я председательствовал. (Рядом со мной сидел заведующий школой.) В 1926 году в Галиче был созван съезд председателей учкомов школ всех окружающих городов и посёлков. В качестве делегата был и я. Не помню, о чём там говорили. Но, вероятно, о том, что учкомы должны «брать власть» в школах. И сейчас помню этот дом, где проходил съезд – угол улицы Ленина и Долматова, на 2-м этаже. Этот дом стоит и сейчас. В школе, кроме традиционных предметов, нас обучали ещё огородничеству и заставляли работать на школьном огороде, который начинался за школой и примыкал к озеру.

Кончилась семилетка. Вместо теперешних выпускных вечеров у нас был интересный пикник на острове. Плыли на лодках. Было очень хорошо.

Я, конечно, мечтал учиться дальше. Но увы! Несмотря на хорошие аттестат и характеристику меня в 8-ой класс школы II ступени, как классово чуждого, не приняли. Поездил по соседним школам, в том числе и в Буй, и везде отказ. Я очень переживал, и в течение нескольких недель ходил в школу, и стоял за закрытой дверью класса и слушал, так велико было желание учиться. И всё же, видимо, пожалели – приняли! Ура! Я – равноправный ученик!

Школа мне дала очень много. Это благодаря прекрасному составу учителей – большинство было с университетским образованием, преподаватели бывшей гимназии. Все учителя, за исключением Елены Васильевны, учительницы французского языка, были мужчины и общались с нами на «вы».

Особенно выделялся Арсений Николаевич Капусткин. В высшей степени интеллигентный, широко образованный. Он страстно любил классическую литературу и нам прививал к ней вкус. С каким удовольствием мы ходили на вечерние чтения произведений Гоголя, Лермонтова, Тургенева. По программе мы должны были изу-

чать и «современных» писателей-декадентов, и прочее. На одном из уроков Арсений Николаевич с пафосом воскликнул: «Вот до какого безобразия докатилась русская литература!» Столь же приятна и интеллигентна была его жена Елена Васильевна, учительница французского языка. Но она нам больше запомнилась как заведующая библиотекой.

Нельзя не остановиться на Борисе Семёновиче Кобылине, учителе математики и астрономии. Великий знаток своего дела. Помню, многие годы, перед войной и после войны, в журнале «Математика в школе» в числе решивших трудные задачи неизменно стояло Б.С. Кобылин (Галич). Высокий, серьёзный, бескомпромиссный, он не гнул спину перед «власть предержащими», был верен своим традициям, своему методу. Как-то он сказал (не помню, к чему): «Я дворянин, дворянином и останусь». Многие поколения галичан, сейчас уже разехавшиеся по всей стране, — никогда его не забудут.

Насколько требовательно и ответственно относился Борис Семёнович к своей работе, характеризует такой факт. У меня всегда были хорошие тетради. И вот тетрадь по математике я решил вести особенно хорошо. Помню, речь шла там о координатах, графиках функций, которые я представил красочно и, по-моему, красиво. И вот почему-то Борис Семёнович взял её проверить. И когда вернул — она была вся в замечаниях, подчёркиваниях. Исправлены были все грамматические ошибки и запяты. Я поразился, что на одного меня был затрачен такой труд. И мне было стыдно, что я погнался за внешним видом, формой и не обращал внимания на содержание.

В те годы в школу внедрялись так называемые «дальтон-план», «бригадный метод». Суть их заключалась в том, что ученики разбивались по бригадам и самостоятельно «добывали» знания. На практике это сводилось к тому, что работали 1 - 2 человека, а остальные просто списывали. Но в нашей школе этому следовало лишь несколько учителей, а большинство учило так, как учили в гимназиях. В школе существовал педагогический уклон. Были предметы: методики преподавания рус-

ского языка и арифметики, педагогика. Из педагогики запомнились многократно повторявшиеся слова: «Наша школа — школа классовая». И всё же, когда я стал учителем начальной школы, то чувствовал, что именно благодаря подготовке, которую дала галичская школа, я смог продуктивно работать учителем.

В школе работали разные учителя. Вот некоторых — запоминаешь на всю жизнь. А другие... Например, я сейчас совершенно не помню — кто у нас вёл химию и, вообще, что преподавалось на этих уроках.

Регулярно проводились «коллективы», вечера, стенгазеты. Очень ценилась общественная работа. Я, например, был старостой общественно-литературного кабинета — выдавал литературу для занятий на вечерней подготовке и ходил в соседнюю деревню проводить читки газет в избе-читальне. Была комсомольская ячейка, которая заметно поднимала голову в управлении делами школы. Но мне, конечно, нечего было и мечтать попасть туда.

Городская библиотека-читальня была в красивом здании на Поклонной горе. Я любил туда заглядывать, тем более что она была недалеко от моей квартиры на Нагорной улице. В читальне было много журналов, газет. Любимые мои журналы: «Прожектор», «Красная нива», «Огонёк», «Хочу всё знать». В газетах я интересовался вопросами партийной дискуссии. В «дискуссионном листке» открыто выступали Бухарин, Зиновьев, Рыков, Смилга, Преображенский и другие будущие оппозиционеры. Их портреты всюду висели. В читальне выписывалось издание «Готовься в ВУЗ», и я выполнял предлагаемые задания. Видимо, в мечтах ещё видел учебу в ВУЗе.

В те годы я завёл себе толстую тетрадь, в которую записывал «умные мысли» — те, что привлекали меня при чтении. Она пропала во время войны. Я и сейчас её представляю. Вот, например, там записано изречение Толстого: «Человек — это дробь, в которой числитель — это то, что есть на самом деле, а знаменатель — то, что он о себе думает. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь. И если знаменатель равен бесконечности, то вся дробь равна нулю...» Мне кажется, что учащимся старших классов школ неплохо бы знать этот пример.

Важным было для меня общение с товарищами. Я не был вожаком в общепринятом понимании, но меня уважали за то, что хорошо учился. Наиболее близкими были: Д. Цветков, Боба Калинин — умный, способный, тихий парень из богатого купеческого рода, и В. Тилин, обладающий разносторонними способностями. Он был хороший художник, поэт, артист. Своими рисунками он хорошо зарабатывал. И меня рекомендовал — делать диаграммы для потребсоюза. Платили по 1,5 руб. за лист! Обладеть! Так у меня появились деньги, заработанные своим трудом. И ещё заработал сколько-то при разгрузке на станции. Так что французские четырёхкопеечные булочки мог покупать.

В старших классах у меня появилась большая дружба с А. Тихомировым, которую мы сохранили на всю жизнь, вплоть до настоящего времени. На первый взгляд, мы полные противоположности, даже по виду. Он маленький — я длинный. Он — пропускал занятия («манкировал»), учил только то, что ему нравится, мог совершать легкомысленные поступки. Я — аккуратный, прилежно учился, серьёзно ко всему относился. Но нас объединяло одинаковое отношение к литературе, искусству. И я чувствовал, что это человек глубоких внутренних стремлений, мне созвучных. Сколько мы всего переговорили!

В нашу дружбу в последнем классе вклинился В. Базанов. Он держался обособленно, к учению относился небрежно, но обладал большим честолюбием. Однажды в галичской газете «Серп и молот» поместили его маленькую информационную заметку. И он решил, что его судьба — литература. Правда, благодаря карьеризму и честолюбию, используя возможности предвоенного, военного и послевоенного периода, он из всех учеников нашего класса достиг наибольших вершин — стал членом-корреспондентом АН СССР, директором Пушкинского Дома АН. Мы с Александром у него бывали в Комарове.

В тот период произошло охлаждение в нашей с Александром дружбе, и даже полный разрыв. Произошло это так. В нашей школе было принято в перемены прогуливаться по коридору. И среди всех девочек очень выделялась тройка: Нешпанова, Благовещенская, а третью за-

был, как звать. Удивительно приятные, они, естественно, привлекали наше ребячье внимание. И вот почему-то (сам не знаю) мне казалось, что одной из них я тоже нравлюсь. Рассказал Александру, он говорит — нет. Поспорили. Если проиграет он, то отдаёт готовальню. Это была моя мечта, такой у меня не только не бывало, но я и не видал. Я же ставил самое ценное — специально переплетённую тетрадь, все основное по всем предметам за два года. Это была огромная ценность. Но как узнать? Он спросил у неё и, конечно, получил ответ «нет» (я уже потом сообразил: и какая девочка вот так признается и скажет «да»?). Когда я шёл на спор, то имел намерение: если выиграю, то готовальню не возьму. А он взял. Это меня страшно обидело. Обидно было, что он так жестоко поступил, пренебрёг дружбой, и мы разошлись до выпускной весны. Тогда он мне сказал, что просто хотел пошутить. К выпускным дням мы снова подружились.

Хотелось написать несколько слов о Георгии Звереве. Он учился в одном классе со мной и был типичным представителем новой пролетарской молодежи, которая «завоюет весь мир». Комсомольский вожак. Учиться не любил и не старался, а больше хлопотал по общественным комсомольским делам, а дела, как нам казалось, были большие и важные. После окончания школы Гоша был в Галиче ярким комсомольским активистом. Он во главе бригады ездил на восстановление угольных шахт Донбасса и получил благодарность лично от Косарева. По возвращении стал секретарём райкома комсомола, а в 1937 году арестован, судим и сослан на Колыму. Ему приписали шпионаж в пользу Японии — обвинение не только нелепое, но и смехотворное: подготовку к взрыву железнодорожного моста. На Колыме он пробыл до 1954 года. Там женился, тоже на сосланной. Вернулся в Галич, получил реабилитацию. Сейчас живёт в собственном симпатичном домике, ходит на встречи с пионерами школы, в которой учился.

Мы с Александром сейчас с ним в очень хороших отношениях. Бывали у него и получали очень хороший приём и регулярно обмениваемся открытками. От старого Зверева ничего не осталось. Он яростно осуждает про-

шное, свои ошибки, рассказывает о своих переживаниях. Зверев — очень характерная фигура. Это герой тогдашнего нашего времени — времени, в котором так бесцветно и расточительно прошла наша жизнь.

В июне 1928 года, 16 лет, я окончил Галичскую школу II ступени со специальностью учителя начальной школы. У нас тогда в школах не было оценок по баллам, а были только три: «усвоил» (по-новому 5 или 4), «усвоил в общих чертах» (3) и «не усвоил» (2). По всем предметам у меня было «усвоил», и я получил хорошую характеристику с отметкой об активной общественной работе, что было, как казалось, немаловажно. Прошёл выпускной вечер. До утра мы гуляли по крепостному валу с А. Тихомировым и Розой Каган. Все радовались тому, что кончилась школа, говорили о своих планах, но мне было грустно, не хотелось расставаться со школой и с Галичем. У меня впереди только Порга и полная неизвестность...

В Галиче я бывал несколько раз, но уже после войны. Его не обошла участь опустошения и развала. В 37-38 годах в Галиче прошли массовые аресты. Арестовали всю верхушку райкома, райисполкома, в том числе и Георгия Зверева. Были порушены все церкви, за исключением одной в Рыбной слободе и собора на улице Свободы, в котором устроили электростанцию. Старые дома обветшали, а нового строительства не было. Но, как во всяком «порядочном» городе, на площади выросло помпезное здание горкома с памятником Ленину перед ним. Жизнь и война разметали школьных товарищей по всем сторонам и странам.

Вот как выглядел мой последний приезд в 1984 году. Из окон подъезжающего поезда видна знакомая панорама: озеро, знаменитое озеро, недалеко возвышается здание нашей школы, виден Балчуг. Схожу с поезда. Быстро оббегаю вокзал, он всё тот же, но, Боже, какой кажется маленький. Бегу по улице Свободы. Те же знакомые, все те же дома. Вот здесь, направо, была уездная больница, рядом красноармейский дворец имени Троцкого. В самых красивых домах располагалось уездное начальство. В конце улицы всё тот же трехэтаж-

ный дом Громова, там сейчас какой-то техникум. Пробегаю площадь. Базаров уже нет — торговать нечем. Так называемый рынок — несколько деревянных настилов — сместили в угол площади. Ряды стоят, подремонтированные. (Слава Богу, что их не уничтожили!) С трепетом вбегаю на улицу Луначарского. Всё те же дома. Вот дом И.И. Соколова, недалеко дом, где я жил, 1-я семилетка, в которой я учился, дом, где жил Б. Тилин. Вабираюсь на Балчуг и не узнаю: каким-то головоотяпам пришло в голову распахать трактором. А вокруг местное привилегированное сословие устроило себе личные подсобные участки. Подумать только: какое издевательство — изуродовать саму историю. Кругом столько пустующих земель!

С горечью вспоминаю слова местного поэта:

«Подымись на холм Шемяки
И взгляни на эту ширь.
Видишь озеро, рыбаки
И девичий монастырь...»

Есть озеро, есть ширь, но нет ни рыбаков, ни монастыря.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД. УХОД

Галич кончился. Передо мной во всей сложности и широте вставал вопрос: что делать дальше? Участь сельскохозяйственного рабочего меня не привлекала. Социальная обстановка была такова, что всё уже стягивалось кольцо преследований. И наряду с беспардонной демагогией нашей печати везде ставились преграды и ограничения. Когда я большую часть года (3/4) жил в Галиче, то ощущал это в меньшей степени. Усиленной умственной работой я старался заглушить думы о происходящем, о том, в каком положении находится семья. Галич мне дал много, ибо примером служили учителя с университетским образованием, которые до революции работали в гимназии. Помогало общение с товарищами, среди которых особое место занимал А. Тихомиров. В те годы, к счастью, не было телевизоров, так что не было бездумно про-

ведённого времени в рассматривании телевизионного ящика. Но зато были неплохие библиотека и читальня.

Мне вспомнился такой случай. Через много лет, когда я был уже маститым московским педагогом, проходя по школьному коридору в конце учебного года, я обратил внимание на мальчика-десятиклассника, который задумчиво смотрел в окно. Я спросил, о чем он думает. Он ответил: «Думаю о том, чтобы скорее кончилось все это». Тут мне вспомнились мои желания того времени: «Все отдал бы, чтобы учиться ещё».

Но увы! Я знал, что меня никуда не возьмут учиться. Строго выполнялось: «классово чуждых не принимать». Я получил в школе профессию учителя начальной школы. Но и в учителя меня не примут. С такими невеселыми мыслями, с хорошими аттестатом и характеристикой я отправился домой, захватив, какие смог, учебники.

Образованный, но абсолютно бесперспективный товарищ! И это в то время, когда в нашей местности лица со средним образованием были редкостью, а с высшим единицы — видимо, только в Галиче.

Приехал, вернее пришёл, я с немудрёным своим багажом в середине чудесного летнего дня. Вижу — Порг та же. Тот же неповторимый аромат воздуха, те же ласковые луга и поля, речка и овраги. Дома всё так же. Встретили меня очень приветливо, о будущем ни слова. Сельскохозяйственные работы в самом разгаре, и после нескольких часов акклиматизации я стал включаться в повседневную жизнь — а это работа.

В этот год, который я прожил на Порге после окончания школы, я целиком испытал на себе нелёгкий крестьянский труд. Я был рослым парнем и выполнял все работы, но по выносливости мне было далеко до отца. Лето тянулось долго, ничего впереди не светило. Съездил в Галич — потянуло просто навестить, пройтись по знакомым улицам, посидеть около озера, забраться на Балчуг, зайти в школу. Там я встретил некоторых учителей — Смирницкого и Троцкого. Мне очень сочувствовали. Мне только исполнилось 16 лет. Ясно, что придётся сидеть дома.

Я поступил в геодезическую партию, которая занималась съёмкой плана (карты) окружающих лесов. Про-

вешивали просеки, отмеряли делянки. Там я делал полезное дело, и, кажется, был на хорошем счету, и даже применял свои знания по тригонометрии. На этой работе я подзаработал и заказал в Палкине кожаные сапоги и впервые в жизни купил «суконные», то есть из грубой шерстяной материи, штаны.

Нас было в семье шесть человек детей. Всех нужно было одеть-обуть, накормить. И вот в такое трудное время отец обеспечил моё обучение в Галиче: содержание, оплата квартиры. Да и обувь-одеть нужно было так, чтобы было прилично появиться в школе. Я всегда буду ему благодарен за это.

В семье все работали, особенно доставалось матери. Самой старшей сестре Нине было 14 лет, она была хорошей помощницей матери. Все младшие: Галя, Валя и Володя — были под её присмотром. И именно Нине пришлось испытать в наибольшей степени социальные несправедливости: её не приняли в 5 класс в Галиче. И в Москве, куда она переехала в 1931 году и поступила на работу, ей не дали паспорта, и пришлось вернуться обратно на Поргу. Сёстры подрастали и стремились уехать из родного дома навстречу своей судьбе. Вслед за Ниной уехала Галя в Кострому, где поступила рабочей на текстильную фабрику. Валя уехала после окончания семилетки.

Но это было потом, а пока я доживал свой последний год на Порге.

После окончания осенних сельхозработ (озимой сев, молотба) наступает длительный зимний период. Работы, в основном, сводятся к уходу за скотом и заготовке дров. Я уже вполне управлялся с лошадьёю. Помню, зимой сильно заболел отец воспалением легких, и я ночью, один, ездил за фельдшером в Палкино (10 вёрст) и отвёз его обратно. Сельские земские фельдшеры! И лекарств то у них почти не было, и медицинской аппаратуры, кроме термометра, — никакой. Но как они благотворно действовали на больных — своим вниманием, добротой, применением различных домашних средств (мёд, малина, клюква, травы и т.п.).

В ту зиму 28 - 29 годов я усиленно занимался самообразованием. Повторял пройденное в школе. (Зачем? Всё равно меня не примут в ВУЗ!). Много читал. И-

пользовал все местные источники, но главное — Палкинскую районную библиотеку. Мне давали книги без ограничений. Там впервые познакомился с Джеком Лондоном и его всего прочитал. Очень понравилась мне его «Маленькая хозяйка большого дома». Читал я и серьёзные книги, например Каутского «Происхождение христианства», «Капитал» К. Маркса. Но вряд ли хорошо их понимал, и они мне казались скучными.

Решение об отъезде из дома созрело окончательно. Но куда? Мне весной исполнилось 17 лет, и я мог поступить на должность учителя. Я писал во многие, преимущественно далёкие города, но либо получал отказ, а чаще всего не получал ничего. Со многими беседовал, и все утверждали, что нужно уезжать. Узнал, что у одной тётушки из Бакланова какой-то родственник работал учителем в Сибири, в Алтайском крае. Я написал ему, просил совета, и тот ответил, что в Сибири учителя очень нужны. С тех пор у меня окончательно сформировалось убеждение о поездке в Сибирь. Хотя мать была против моего отъезда.

В начале весны произошло очень важное для меня событие. Я уже писал о моём школьном друге А. Тихомирове, который был наиболее близок мне по душе. Он вёл себя в школе довольно независимо и уверенно. Это объяснялось тем, что Александр получал поддержку, в том числе и материальную, от братьев, которые учились и работали в Ленинграде. Он был уверен в своём будущем — поедет учиться в кораблестроительный институт. Я очень завидовал своему другу. Зимой того года он также проводил на родине в селе Пищи Мантуровского района. Это от Антропова следующая станция по железной дороге на восток. И я неожиданно получил от него письмо, которое на меня подействовало подобно разорвавшейся бомбе.

В письме сообщалось, что всё, что он говорил в Галиче о своих родителях и крестьянском происхождении, — неправда. На самом деле он сын лишенца и сам перспективный лишенец. Что отец у него имел лавку и являлся промышленником. Что его участь, как он писал, несравненно хуже моей. Он звал меня в гости, и я поехал.

От Мантурова до Пищей (20 вёрст) шёл пешком. В Пищах найти Тихомировых было нетрудно. Единственный двухэтажный дом с лавкой на первом этаже заметно

выделялся среди других. Александр был младшим в многочисленной семье, но в то время в доме были только его родители. Некоторое время мы побывали в Пищах, но большей частью жили на хуторе (в 5-ти верстах от села), который был построен во время НЭПа. Его родители были очень трудолюбивы, на новом месте расчистили площадь для пашни. Хозяйство было среднее, но факт его существования вызывал лютую зависть окружающих. Зависть! Как она присуща тогдашним деревенским людям. Казалось бы, кто не велит: работай, строй хутор. Так нет, вот отобрать — да! Это по-советски! Сам Маркс этому учил.

Злоба и ненависть долго потом преследовали Александра и его братьев. Уже в Ленинграде, когда он поступал в кораблестроительный институт и успешно сдавал экзамены, — пришёл донос из деревни и его не приняли. И много лет спустя, когда он уже работал на ответственной должности, снова пришёл донос: «Как это так — сын бывшего лишенца работает в такой организации!»

Мне лично также приходилось сталкиваться с подобной дискриминацией. Правда, доносов я не замечал, но «клеймо» преследовало, не давало возможности учиться. И особенно проявилось в 1934 году: когда меня призывали в армию, то выдали документ «Лишён права защищать СССР с оружием в руках». Как мне было стыдно и больно! С какой радостью я пошёл бы на военную службу! И вот какая ирония судьбы: когда началась война, то приняли с удовольствием, не разбирая, что сын лишенца, и с оружием в руках позволили дойти до Берлина.

Мне очень близок по начальной судьбе маршал Василевский. То, что он рассказывает о своих молодых годах, — похоже на мои.

Возвращаюсь к Пищам. Сколько мы переговорили всего! И, конечно, все разговоры о судьбе. Александр намеревался поехать в Ленинград, а я изложил «свою программу» — уехать далеко от дома. На этом мы и расстались. И вряд ли мы тогда предполагали, что ещё многократно встретимся и в Москве, и в Ленинграде, что ужасная война пощадит нас, что и сейчас, на склоне жизни, мы так же преданны нашей дружбе, как и 60 лет назад.

Ехать! Ну, а как быть с документами? Конечно, взять удостоверение об окончании школы, характерис-

тику. А удостоверение личности? Паспортов тогда и было. И я решил идти в сельсовет, который был Черепенине. Я заранее написал удостоверение, которое просил председателя подписать. Оно и сейчас у меня хранится. Вот оно:

«Гр-н Воздвиженский Борис Васильевич происходит из с. Порги Нифановского Усовета Палкинского района она Костромского округа и занимается ск-х-зяйством. В хозяйстве 1 лошадь, 3 коровы, 3 овцы, 5 десятин земли. Что и удостоверяется. — Пред. Усовета Зайцев».

Председатель — молодой круглолицый, веснушчатый парень — посмотрел на бумагу, на меня и... прихлопнул печать. Моё состояние — не описать. Домой я летел как на крыльях. «Ну, — думал, — теперь всё!» А что всё — не знал. Правда, эта бумажка сыграла роль при получении паспорта в Москве.

Сейчас это кажется смешно. Ведь всё же верно. Да! Всё верно и неверно! Ведь тут же не написано главное — семья лишенца!

Теперь уже всё стало серьезно. Уезжаю в августе. Но ко мне в поездку присоединился ещё один человек, Лида Козырева, — старшая из сестёр Козыревых. Она тоже кончила Галичскую школу, получила профессию учителя и так же, как и я, не могла устроиться учительницей. Собирались заблаговременно. Но что можно было взять с собой в одной сумке? Положила мне мама две пары белья, пару рубашек, мои «суконные» брюки и ещё кое-что, положила что-то вкусное из домашней выпечки, яичек, но не больше того, что я мог нести на себе.

Составили план: ехать по Восточно-Сибирской железной дороге до Омска, там попытаться устроиться, а если не удастся, то ехать обратно по направлению к дому и делать остановки в крупных городах с попыткой устроиться на работу.

Итак, 15 августа 1929 года почти по-горьковски «пошёл я в люди». До Антропова провожал нас Василий Козырев. Ехали мы в плацкартном вагоне. Проехали мимо Галича, с которым связаны 5 лет жизни и столько впечатлений и воспоминаний! С грустью смотрел я на удаляющийся город, на вокзал, на Балчуг, на озеро. Что-то ждёт нас впереди?

Питались мы в дороге в основном чаем и подъедали кой-какие домашние продукты. А ехать было не близко, кажется 4 суток. Вот и Омск. Приехали ночью. Подождали до утра. Пошли в окроно*. И отказ. Учителя не нужны. Как и положено по плану — поехали обратно. Вышли ещё в каком-то городе, то же самое. И моя подруга Лида Козырева сказала, что поедет домой, и поехала. А я решил попытаться ещё и выходил в нескольких городах, в Барнауле, ещё где-то. И вот Тюмень. Решил выйти в последний раз. Если будет неудача, то также вернусь домой.

Приехал ночью. До утра пробыл на вокзале. Утром шёл по длинной красивой улице Свободы, состоящей из красивых небольших особняков — видимо, купеческих, дореволюционной постройки, — по направлению к окружному исполкому, где находилось окроно. Мог ли я думать тогда, что по этой улице в будущем мне придётся ходить много раз. Здание очень красиво. (В нём потом помещался сельскохозяйственный институт и во время войны находился саркофаг с телом Ленина, вывезенный из мавзолея). С трепетом пошёл к начальству. Так и есть: мест нет — отказ. И когда я, задумавшись, стоял у окна, ко мне подошёл молодой человек. Разговорились. Он сказал, что учителей не хватает, что надо ехать прямо в районы, лучше подальше, а чиновникам лень думать, легче ответить «нет». По карте Тюменского округа я нашёл два дальних района: к северу — Ярково и ещё дальше — Тавдинский, под Тобольском. Железной дороги туда не было. Решил позвонить в Ярково. И председатель райисполкома сказал: «Нужны, приезжайте». Ярково стоит на реке Тобол (приток Оби). Имеется пароходное сообщение Тюмень — Тобольск. И вот на каком-то сверхпотопном пароходике через сутки (а расстояние 100 км) я был в Яркове.

Большое село, но нет никаких административных построек. РИК помещался в деревянном доме, собранном из нескольких отобранных у раскулаченных. Ещё одно свидание с властью. Решающее. Председатель РИКа Подшивалов, молодой человек, посмотрел моё удостоверение об окончании школы и, представьте, ничего не спросив о про-

* Окружной отдел народного образования. (Прим. ред.)

исхождении, подписал документ, что я назначаюсь «зав. школой в д. Пиджаки». Найдя попутчиков, я поехал в уже родные мои Пиджаки, которые стоят также на реке Тобол, в 20 километрах от Яркова. Ехал по Тобольскому тракту, по тому самому, по которому ехал Меньшиков, ссыльные революционеры, царская семья в ссылке в Тобольск, а в мою бытность многие тысячи раскулаченных, которых гнали в места вечного поселения, а вернее, на верную смерть.

Короткая остановка в Иевлеве, в сельсовете для формального представления местной власти; ещё 4 километра — и я в Пиджаках.

Кончился мой последний поргинский год. Начался трёхлетний сибирский период.

СИБИРЬ

Итак, я в Пиджаках. Направился прямо в школу. Помещение для школы сельсовет арендовал у жителя деревни М.Г. Чимагина. Впрочем, добрая половина деревни были Чимагины, а в деревне 70 дворов. Двухэтажный дом стоял на берегу реки Тобол. На первом этаже жили хозяева, на втором — классное помещение для школы и комнатка для учителя. Из окон была видна река Тобол, по которой изредка «шлёпали» пароходы. Тот самый Тобол, по которому плыли дружины Ермака к Тобольску, где он и погиб в битве с татарами. Из школьных окон видна широкая панорама лугов, полей и село Тилево. Пиджаки — деревня богатая. Это сразу было видно при въезде — крепкие, добротные дома и хозяйственные постройки. Вокруг деревни стояло около десятка ветряных мельниц. Я «встал на хлеба» к хозяевам, т.е. на полное довольствие. Это стоило около 20 рублей из месячной зарплаты 50 рублей. Питание было хорошее, по-сибирски щедрое. Вдоволь было мяса. Часто подавали знаменитые сибирские пельмени. Деньги особенно некуда было тратить, но нужно было одеться на зиму. Купил шапку и дублёнку — самый дешёвый вид зимней верхней одежды для тех мест. Да ещё учителей всегда подписывали на заём — на двухмесячный оклад.

Так обидно было платить по 10 рублей в месяц (20%) от зарплаты. Но считалось, что учителя — публика сознательная и должны подавать пример.

В школе, в которой я был и заведующим, и учителем, и завхозом, в 3-х классах было 25 человек. Нужно было учить три класса одновременно. Трудно было, но в Галиче научили.

В педагогическую работу я сразу втянулся и с удовольствием учил детей. Они были очень послушны, любознательны. Я не ограничивался школьной программой, а учил всему, что знал сам, что мне казалось им полезно. Так, не считаясь со временем, устраивал чтение книг после уроков, устраивал уроки пения. Дети с удовольствием пели и местные песни. Особенно хорошо пела Люда Чимагина. Вот и сейчас помню песенку, которую она хорошо пела: «Родные все меня бранят, безумной называют. Об милом плакать не велят, забыть всё заставляют...» Хотя это не из детского репертуара, но что делать! Хорошо помню толкового мальчика из 3 класса Леню Кобышева. Когда я уезжал по делам, он меня заменял. (И вот удивительно: много лет спустя — через 40 лет — он нашёл меня и прислал прекрасное письмо, в котором назвал меня «лучшим из своих школьных учителей». Мы и сейчас с ним переписываемся. Он живёт в Тюмени и пишет, что Пиджаки постигла участь русских деревень.) В школе мы выпускали стенгазету «Красный школьник». Вечером занимался со взрослыми малограмотными и руководил драматическим кружком для молодёжи.

Население было экономически крепкое. Всё у них было целесообразно, ладилось. Агрономически они были подкованнее наших. Ко мне относились очень благожелательно и очень уважали. Ведь я был самым образованным среди них.

Но с конца 1929 года, с появлением планов коллективизации, всё переменялось и ладная, добротная, слаженная, доброжелательная жизнь рухнула. Слухи, разговоры, суждения о колхозах, раскулачивании, о дальнейшей судьбе — захватили всех. Зачастили комиссии с уполномоченными из района, ежедневные сходы по поводу коллективизации. Мужики обычно сидели прямо на

полу и сосредоточенно думали. Уполномоченный делал доклад о выгоде колхозной жизни, о том, что будут общие столовые, в которых все будут питаться, и станет незачем тратить силы на домашнюю работу. Обычно первый, самый близкий ряд к столу активно задавал вопросы. Затем первый ряд незаметно сменялся вторым, и такое перемещение было вплоть до утра, когда всходило солнце и нужно было спешить на работу. Таков был нехитрый приём. И решения не принималось. Это продолжалось до тех пор, пока не стали раскулачивать самых крепких, работающих, умных крестьян. К тому времени была организована «бедняцкая группа», которая давала рекомендации по обложению «твёрдым заданием» и раскулачиванию. И сейчас смешно — кто в неё входил: Ларион — мужичонка-пропойца с полуразвалившимся домом, Александра Ивановна — местная проститутка с выводком детей без отца, и подобные им люди. В Пиджаках, в конце концов, организовали колхоз, а в соседнем селе Карaulьноярском — коммуну. Но они распались после выхода статьи Сталина «Головокружение от успехов». Закончилась коллективизация уже после моего отъезда в Ярково.

Получилось так, что зимой 1930 года ко мне приехал с проверкой работы инспектор облоно Чимагин Степан Евграфович. Он был у меня несколько дней. Ему очень понравилась моя работа, и весной я получил перевод на работу в Ярковский районный отдел народного образования инспектором.

Я уже писал, что Ярково того времени — большое село в две улицы, с закрытой под клуб церковью, домами РИКа и райкома. Сразу было видно, что здесь гораздо беднее, чем в Пиджаках. На квартиру меня поставили к очень приятному, доброжелательному крестьянину. Я прожил там два года очень хорошо.

Отдел народного образования занимал 2 комнаты. В одной — заведующий Юлдашев, из татар, очень порядочный человек, в другой — три инспектора. Я, Соколов Виктор, Александр Пономарев и секретарь. Работа моя, в основном, состояла в инспектировании школ и пунктов ликвидации неграмотности и составлении сводок, отчётов, которых требовалось очень много, а также в состав-

лении методических разработок. Было много командировок по району, часто длительных. А район по территории очень большой. Но деревни, в основном, располагались по реке Тоболу. Деревни большие, одна деревня — целый сельсовет. В районе было много татар, причём они селились в отдельных деревнях, с мечетями, и жили своим укладом. От деревни до деревни вёз дежурный (поочередно каждый дом). Я проверял ход уроков, делая соответствующие замечания, и ехал дальше. Так по тракту в направлении Тобольска: Артамоново, Иевлево, Караульнояр, Бочалино. В направлении к Тюмени: Усалка, Покровское. То самое Покровское, из которого происходил Григорий Распутин. Там стоял (и сейчас стоит) большой двухэтажный дом, резко выделяющийся на фоне остальных строений. В нём в моё время была ШКМ — школа крестьянской молодежи, единственная в районе. Я бывал там и, конечно, интересовался личностью Распутина. Мне говорили, что он был скандалист и драчун, занимался тёмными воровскими делами.

В районе были чисто национальные (татарские) сельские советы, и в этих сельсоветах учителя занимали видное положение, как говорится, были там «и царь, и бог» на фоне почти сплошной неграмотности.

Когда я жил в Яркове, была карточная система. Но я продукты не брал, а питался в столовой. Уже тогда в этой столовой для «пишек» было особое меню. Кое-что привозили и в промтоварный магазин. Так я купил гитару, пару брюк, рубашки. Костюма у меня тогда ещё не было.

У нас была, как говорят, «компания» — небольшая, но очень положительная. В ней были я, Петя Чурнов, Валя Смирнов, Сима Яркова. Мы собирались в разных местах, вели разнообразные интересные разговоры, пели под гитару. Петя был мастер подбирать аккомпанемент под любые песни. В так называемом клубе, бывшей церкви, никакой работы не велось, лишь изредка показывали кино.

И всё-таки главное мое занятие тогда — было самообразование. Во-первых, я много читал. Правда, выбор книг был небольшой, но всё же кое-что доставал. Далее: самостоятельно и довольно успешно стал изучать по отличному самоучителю немецкий язык. Этот самоучитель я привёз из Ленинграда. И, наконец, я поступил на ва-

очное отделение Пермского индустриально-педагогического института на отделение физики. Так что я не бездельничал, а набирал «запас» для жизни. Я всегда имел в виду, что должен получить высшее образование. Правда, в то время, мне кажется, меня больше завораживало само название, чем смысл, который следует из его получения. В первый же год меня отправили на месячные курсы переподготовки учителей в Тюмень. Вот почему мне приходилось часто ходить по улице Свободы, о чём я писал раньше.

Будучи в Яркове, я совершил две большие поездки: в Ленинград — после первого года, и на Кавказ — после второго года. В Ленинграде я провёл более двух недель в гостях у А. Тихомирова. Что за счастливое время было! Как много переговорили, как много я узнал, поведал и как очаровал меня Ленинград. По моим меркам, Александр устроился отлично. Он предлагал мне остаться, но я чувствовал, что время ещё не подошло. А почему — не понимал. Думаю, что мне просто стыдно было бросить Ярково, где меня хорошо приняли и ценили. И я поехал обратно. По дороге заехал на Поргу. Но об этом дальше.

После второго года я с начальником почты Пухнаревичем поехал в интереснейшую экскурсию: Владикавказ — Военно-Грузинская дорога — Тифлис — Батум — Сухум, далее пароходом «Грузия» до Севастополя и обратно. Это была великолепная, ни с чем не сравнимая экскурсия, оставившая неизгладимое впечатление.

...Я чувствовал, что из Сибири пора уезжать. Но как? О своей мечте я ни с кем не говорил. Ясно, что по доброму меня никогда бы не отпустили, ибо я был на хорошем счету.

И я воспользовался опять-таки случаем. Летом 1932 года меня вызвали на сессию заочников в Пермский институт. Меня не могли не отпустить. Самое главное — заpastись справкой. Опять-таки я её заготовил заранее, а председатель РИКа подписал. Справка такая: «Предъявитель сего Воздвиженский Б.В. с 1.IX. 1929 г. работал зав. Пиджаковской школой I ступени, и с 1. IX. 1930 г. и по настоящее время работает инспектором Ярковского РайОНО. Пред. РИКа Демин». Эта справка мне очень

пригодилась в дальнейшем. Именно по ней мне вачли стаж в 3 года при оформлении на пенсию.

Я не афишировал свой отъезд. Некоторые вещи умышленно оставил: гитару, одеяло, валенки и ещё кое-что. И летним утром в июле 1932 года на том же пароходе, который меня привез в Ярково три года назад, я уезжал обратно, навсегда.

Я намеревался после зачётной сессии поехать в Москву, где жила сестра Нина, и попытаться там устроиться; если же не получится — махнуть в Ленинград. Может быть, там что-нибудь и выйдет.

А ярковский период был хорошей закалкой, своего рода трамплином.

И самое приятное — хорошие письма, которые я получал из тех мест. Видимо, не зря там был. Видимо, оставил след на сибирской земле.

ПОРГА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

В предвоенные годы я несколько раз бывал на Порге, был связан с ней и внимательно следил за её жизнью. Первый раз я посетил Поргу в 1930 году, ещё работая в Яркове, когда ездил в Ленинград. Обстановка там была напряжённой. В соседних деревнях организовали колхозы. Никто не знал, что из этого получится. Но, видимо, привлекала идущая издревле склонность нашего народа отбирать, захватывать, распределять. И на месте отобранного и раскулаченного имущества возникали колхозы, которые первоначально были маленькие, но с обилием всякого начальства — председатель, счетовод, звеньевые, учётчики и много других.

И всё же на первых порах люди работали: тяга к работе, уважение к земле были заложены в крестьянине. По звонку собирались и расходились по заданиям; но никто не представлял, как будут делить доходы и, вообще, будут ли они. Это уже потом были введены трудодни, по существу, никак не оплачиваемые. Колхозники быстро раскусили бюрократическую колхозную организацию, уже не так ретиво шли на работу. На звонок

собирались с трудом, с опозданием, старались задержаться дома, или вовсе увильнуть от колхозной работы, или заpastись справкой. Верно, на первых порах в колхозах было весело. Народ любит массовые работы и охотно в них участвует, особенно, если они сопровождаются песнями. Это было и в бытность индивидуальных хозяйств в деревне. Поэтому-то самой любимой сельскохозяйственной работой был сенокос.

Так, под барабанный бой газетных лозунгов, демагогию всякого рода руководителей, развивалось колхозное движение. Самых богатых, самых работающих крестьян в колхозах не оказалось — они куда-то исчезли. Происходило укрупнение колхозов. И быстро всплыл на поверхность новый класс руководителей — бюрократов, болтунов, заботящихся в первую очередь о своём благополучии.

Наши жили напряжённо. Земля была отобрана колхозами в Кочергине и Бакланове. Происходило раскулачивание. Наших также это коснулось. Официально за неуплату налога (а его определили произвольно, явно имея в виду, что выплатить невозможно) была произведена опись имущества и распродажа. Скот пошёл в колхозы. Кое-какое домашнее имущество раскупили кое-кто из деревенских. Но вот что удивительно и характерно. Почти все, кто купил на торгах те или иные бытовые вещи, на другой день вернули их обратно. За исключением местного учителя Н.Я. Старкина, который на торгах за бесценок купил медный умывальник и, конечно, его не вернул. Особенно наши переживали то, что отбирали скот. И здесь есть весьма любопытная деталь: корова, которая была отобрана в Канинский колхоз, и наша любимая лошадка Голубка неоднократно прибегали обратно. Так животные ответили на раскулачивание. Дома занимались огородом и приусадебным участком. Скота значительно убавилось, появились козы. И ещё одна неприятность. Появилась угроза закрытия церкви, о чём особенно старался Н.Я. Старкин («религия — опиум для народа»). Но столь же настойчивы были старания группы верующих сохранить церковь.

Мать прилагала неимоверные усилия, чтобы обеспечить и сохранить семью с малолетними детьми. В 1930

году родилась самая младшая моя сестра Зоя. Нужно отдать должное моей старшей сестре Нине (ей было 16 лет), которая оказывала огромную помощь родителям. Своим большим трудолюбием, беззаветной преданностью она помогла семье выжить в те тяжелые годы.

... Я приехал в Москву в августе 1932 года. Приехал, как приезжали герои Бальзака в Париж найти своё место под солнцем. Не меньше! Без ничего! Остановился у Тягиных. (Улица Красная Пресня, дом 36, квартира 87, в подвале. Этот дом и сейчас стоит.)

Москва меня очаровала. С утра до вечера я смотрел Москву. И нужно сказать, что я тогда столько посетил и увидел, как никогда в другой период жизни. Особенно поразили меня Воробьёвы горы (теперь Ленинские)*, прекрасный вид на Москву. Долго я стоял и много продумал на том месте, где Герцен и Огарёв давали клятву. Я видел старую Москву: Тверскую улицу, Охотный ряд, Сухареву башню, Китай-город, Зарядье, старые Арбатские переулки и многое другое.

Одновременно я стал пытаться устроиться на работу. Брали — везде, но как с жильём? Паспортов в то время ещё не было. Пришёл в Краснопресненский РОНО. Посмотрели мои документы (основной — окончил 2 курса института заочно) и дали направление в 23 школу ФЗУ, в Хорошове, в 10 километрах от Москвы, куда ходил автобус: от Краснопресненской заставы минут 20. Директором школы была З. Сапожкова — молодая женщина, малограмотная (выдвиженка — уборщица с фабрики; конечно, член партии), но приветливая. Она приняла меня учителем физики в 5 - 7 классах. О жилье ни слова ни я, ни она. Но когда в сентябре должны были приехать Тягины, я сказал в школе, что должен уехать, так как негде жить. В школе не захотели со мной расстаться — видимо, я понравился — выделили комнатушку, в которой я и жил первое время.

Вспоминая те годы, я не представляю, как мог так жить — полная неустроенность. Я не знаю — что, где и когда ел. Вот пример. Ко мне «в гости» приехал Шура

* Историческое название «Воробьёвы горы» возвращено. (Прим. ред.)

из Ленинграда. Мы до сих пор помним то весёлое, прекрасное время. Нас не смущало, что спали мы на столе в учительской, зато день был наш и вся Москва, как нам казалось, была у наших ног. Прекрасная иллюзия!

У меня постепенно сложились взгляды на то, чего я должен добиваться в Москве, и мои ближайшие планы. Прежде всего — использовать Москву в области культуры. Я усиленно посещал лекции, выставки, музеи. В университете были прекрасные циклы лекций, которые читали виднейшие учёные. Так я прослушал цикл лекций по темам: «Столицы мира», «Русская классическая литература», «Античность», «Архитектура» и другие. Я был потрясён Большим театром. Особенно понравилась опера «Риголетто» с Козловским. В те годы у меня навсегда оформилась любовь к художественному театру. Там я посмотрел весь репертуар. На «Анну Каренину» за билетами стоял всю ночь. И повидал исполнение самых выдающихся артистов: Станиславского, Качалова, Москвина, Тарасовой, Хмелёва, Леонидова и других. Не менее мне нравился Малый театр. Мне посчастливилось посмотреть «Отелло», где играл слепой Остужев. Это был самый богатый на впечатления отрезок моей жизни.

Я не забыл, о чём мечтал ещё в Галиче, — получить высшее образование. Так как надеяться мне было не на кого и поступление в дневной ВУЗ исключалось, для меня оставались только вечерние или заочные ВУЗы. Как раз тогда открылись вечерние педвузы, но нужна была командировка. Пошел в РОНО. Зав. кадрами (Михайличенко) думала что-то, наконец спросила: «Кто ваш отец?» Сказал. «Он сейчас работает?» — «Да». А у самого глаза полные слёз, больше ничего не могу сказать. И она взяла и подписала. Это было второе доброе чудо в жизни. Первое — помните? — председатель Нифановского сельского совета.

Так я стал студентом, меня приняли на II курс. Учился я с большим желанием. Готовился в читальне ВЦСПС, которая была в Доме Союзов, на 3-м этаже. Обстановка для занятий прекрасная. Бывало, приеду в читальню усталый, после работы, глаза слипаются, клонит в сон. Облокочусь на руки, вздремну минут 10, и

Село Порга, его упадок и гибель

вся усталость как рукой снималась. Сколько там я перечитал книг, в том числе Гюго, Драйзера, Дюма и других. Окончил физический факультет в 1936 году, уже работая в школе как опытный преподаватель. Меня ценили, и с ребятами у меня ладилось. В 1939, 40 и 41 годах я уже преподавал в выпускных 10-х классах. Довоенные выпуски мне особенно дороги, и мы сохранили сердечные отношения до сих пор.

В 1937 году, возвращаясь из поездки в Крым, я снова навестил Поргу и был там относительно долго: три недели.

Да, изменилась Порга. Колхозы укрупнялись. Появились новые представители власти: Rogozin в Бакланове, Простушкина в Кочергине. Та самая Простушкина, о которой я писал в начале, что хотел бы посмотреть ей в глаза и спросить о людях, раскулаченных благодаря её активности. Любопытно рассказывала о ней А.И. Торопова, когда я заходил к ней в Палкине. У Простушкиной случился пожар (говорят, её подожгли). Так она не разрешила зайти в кладовку, чтобы не раскрыть того, что там было (наворовано при раскулачивании). Так всё и сторело.

Но всё же к этому году стало чуть легче дышать, вернее, так казалось. Была принята конституция. Не стало лишенцев. Мать с великим удовольствием ходила голосовать в Вязовик. Сталин произнёс знаменитые слова: «Сын за отца не отвечает». Можно было подавать заявление в любой институт. Но мне уже было 25 лет, и формально высшее образование я уже получил. Изменились и наши.

Дом стал как-то меньше, изгородь кое-где упала, за цветником уже ухода не было. Всё чаще ставился вопрос о закрытии церкви, замучили налоги. Мать и отец, казавшиеся раньше такими высокими, как-то сникли, постарели. Девочки подрастали. Очень печально было слышать о том, что умер мой единственный братишка Володя. Он упал с лошади, повредил печень, а медпомощи не было. Зое было 6 лет. Это была на редкость приятная, ласковая, умненькая девочка. Встал вопрос о сестре Вале, которой исполнилось 15 лет. Она окончила семилетку. Что дальше? В тех условиях она могла толь-

ко остаться дома, работать по хозяйству, а достигнув 17 - 16 лет, поступить на самую низшую ступень рабочей лестницы. Мне очень было жаль её, да и родителям хотелось помочь. И я предложил взять её с собой в Москву и попытаться помочь поступить в какой-либо техникум с общежитием. Поехала она с удовольствием, но подготовка была неважная, и её приняли в педагогический техникум. И через три года она стала учительницей, а жила со мной в моей довоенной маленькой комнатухе.

Из Порги приходили в эти годы очень тяжёлые вести. Уже несколько раз закрывали и открывали церковь. Отца перебрасывали в другие приходы, но мать никак не соглашалась куда-либо переехать. У неё была какая-то исключительная привязанность к Порге. Она её боготворила и считала, что жить должна здесь и только здесь, где «дедовские гробы». В хозяйстве уже давно не было коров, а держала она пару коз, которые обеспечивали семью молоком.

И вот новое несчастье. К тому времени объявилась политика сноса неперспективных деревень. Конечно, Поргу, с её оставшимися тремя домами, причислили к ним в первую очередь. И вот нашим предложили перенести дом (который все ещё не отобрали) в Бакланово. Я и сейчас не представляю, как это можно было перевезти большой дом через горы и овраги, не имея никаких средств перевозки. Скорей всего, дело кончилось бы тем, что дом разломали и бросили. Что-что, а ломать наши руководители умели.

Наши переселились в Кочергино, где сняли небольшой домик. Но тут началась война и вопрос о перевозке поргинского дома в Бакланово был отставлен.

Всех мужчин забрали в армию, технику и лошадей тоже. Великая трагедия для народа. Но как это ни парадоксально, а семьям, подобным нашей, она принесла облегчение в правовом отношении. Отстали от переноса дома. Никаких препятствий в исполнении церковных служб. Отец, которому было 59 лет, работал на оборонных сооружениях. В годы войны он был пчеловодом в баклановском колхозе. Мать работала на колхозных работах. В нашей семье было 2 человека на войне (я и моя сестра Галя). Поэтому семья имела право на льготы. И когда мать сообщила мне,

что Палкинский РИК задерживает переселение в собственный дом на Порге, я, как военнослужащий, написал письмом председателю РИКа. В результате наши переселились на Поргу в дом Козыревых, а свой продали исполкому под школу, и там несколько лет была школа.

Но вернёмся в Москву.

Последние годы перед войной я продолжал линию на самосовершенствование. Институт окончил, и времени было больше. Я стал активно посещать Московский Дом учителя. Работал в кружках по изучению немецкого языка, фото, танцевальном. В последний предвоенный год я поступил в вечернюю аспирантуру и уже начал заниматься. Летом 1940 года я совершил альпинистское восхождение на гору Белуху в горном Алтае, на границе с Китаем и Монголией, и получил значок «Альпинист СССР». В школе у меня шло всё хорошо. 20 июня был выпускной вечер десятиклассников, среди которых была моя будущая жена Валя. Сколько мечтаний и планов о будущем было у выпускников. Это был мой третий выпуск.

А назавтра... Я проснулся поздно. По радио передают: «Слушайте важное правительственное сообщение». Выступил Молотов. Война. Последующие дни прошли как в угаре. Всё, что было в магазинах, раскупили мгновенно и сразу ввели карточки на продукты. Сестра Валя уехала на родину. Я попал в народное ополчение. Где-то в октябре 1941 года нас оформили в 158-ую стрелковую дивизию. И все четыре года я воевал в составе этой дивизии и прошёл боевой путь от Москвы до Берлина, длинный, ужасный путь войны. Сколько

*Борис Воздвиженский.
Ноябрь 1944 г. Литва.
Из архива
Е.В. Воздвиженской*

раз был на волосок от смерти. Сколько смертей было вокруг, скольких потерял товарищей. Но, как видите, уцелел. Мама говорила, что постоянно молилась за меня.

Каждый год ветераны 158-ой дивизии 9 мая встречаются в парке Сокольники. И мне приятно, что каждый раз могу встретиться, поговорить и повспоминать с однополчанином Бочатовым Николаем Васильевичем, с которым два года были в одном подразделении, и с другими фронтовыми друзьями.

Но о военных годах нужно рассказывать отдельно — это слишком большая и серьёзная тема.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ. КОНЕЦ ПОРГИ

Я вернулся в Москву после демобилизации в октябре 1945 года. Конечно, я был несказанно рад возвращению. Но приходилось задумываться, что ждёт дома. В Германии, несмотря на разрушенность, в провинциальном городке Клеце (близ Гамбурга), где мы проходили послевоенную службу, нетрудно было заметить, как основательно, домовито, интересно жили немцы. В небольшом городке, где в основном жили крестьяне, было много ремесленников, различных обслуживающих мастерских, культурных учреждений. Нельзя было не видеть высокую культуру. Сельскохозяйственные работы механизированы. Немцы были дисциплинированы и исполнительны. В домах было много заготовок из овощей и фруктов. Мы невольно сравнивали с положением у нас на родине...

Как-то у нас, останутся ли колхозы? — Главный вопрос для многих наших солдат. Вообще, слово «колхозы» было своего рода пугалом. Когда мы были в Литве осенью 1944 года, то на чаепитии в нашу честь литовские интеллигенты настороженно спрашивали: будут ли колхозы? И мы (правда, не совсем уверенно) отвечали: «Это ваше дело, как пожелаете». Видимо, и наши правители понимали, что идеей колхозов местное население не привлечёшь. Помню, когда мы были в Калининской области в 1942 году, то в одно прекрасное утро было сброшено множество листовок примерно такого содержания: «Немцы

ликвидируют колхозы, возвращают земли, разбазаривают колхозное добро, насаждают религию — этот опиум для народа. Смерть немецким оккупантам!». Я сразу понял, что это листовки немецкие. В нашем штабе все были уверены, что это наши листовки. И только через несколько часов опомнились и дали команду к их сбору и уничтожению. Наши солдаты и офицеры также мечтали о коренном улучшении жизни и, главное, о том, что наконец-то будет «легче дышать»; что они, перенёвшие всё немыслимое напряжение, жертвы, потери, заслуживают лучшей доли. Во всяком случае, все были уверены, что как победители будут жить лучше побеждённых.

Увы! Иллюзии быстро рассеялись.

... И вот я в Москве, в своей комнатухе, куда уже из эвакуации вернулась сестра Валя.

Поразила напряжённость всех сфер жизни. Всё было жестко регламентировано. Фронтовиков сразу же взяли в железные клещи. Невиданно и невообразимо расцвели бюрократизм, взяточничество, социальное расслоение. Резко выделялся слой начальства над простыми людьми. Я не сразу разобрался в обилии различных видов льгот, прокарточек — служащая, иждивенческая, рабочая, литер А, литер Б — и многого другого. Все ключевые места были заняты по протекции, уже существовала система номенклатуры, проникнуть в которую было невозможно. Родился новый класс избранных. Огромное число военнослужащих, которые были в плену, окружении, оккупации, было направлено в лагеря. Анкеты, проверки; самой популярной и зловещей организацией были «органы», которые возвышались над всеми, даже над всемогущим партаппаратом.

Я стал присматриваться — куда пойти? У нас на фронте учителя, с которыми я встречался, говорили, что ни за что не пойдут в школу. Поступил учителем физики в спецшколу ВВС. Я уже оценил ответ на вопрос анкеты: «В плену и окружении не был». Это теперь было уже важнее происхождения.

Уже было очевидно, что наши фронтовые мечты о хорошей послевоенной жизни не оправдались. В городе порожало большое количество инвалидов, спекулянтов, особенно на Тишинском рынке. Толкучки возникали повсюду.

Деньги вконец обесценились. Буханка хлеба и бутылка водки были разменными монетами. А в газетах и плакатах — лозунги, прославляющие партию и правительство.

В январе 1946 года я поехал на Поргу. Это было мое первое послевоенное посещение.

Как я ждал его, как мечтал о нём в долгие военные годы. Впервые я вошел в наш вновь приобретённый дом (бывший дом Козыревых); а дом, в котором я родился и жил, как я уже писал ранее, был продан под школу.

Излишне говорить, какая это была встреча! Сколько разговоров, маминых слёз. Я увидел зимнюю Поргу, какую не видел более 15 лет. Всё занесено снегом. В селе, кроме наших, жила А.Д. Старкина, одна. Дети все разъехалась, а сыновья не вернулись с фронта. Козыревых и Виноградовых также никого не было. Всех развеяла по стране война. Зашёл в школу. Симпатичная учительница держалась виновато и стеснительно. Конечно, ей было очень трудно. Прошелся по деревням. Как-то необычно тихо, никого не видно. Мне рассказали, что мужики, которые были взяты на войну, почти все погибли. Появились заколоченные дома. Лошадей почти не было, тракторов тем более. Как-то пройдёт предстоящая посевная кампания?

Оживление внесла Зоя, которая вечером пришла из Палкина с группой учителей Палкинской средней школы, единственной в районе, где и училась Зоя. Помню, очень весело в разговорах и воспоминаниях, обсуждениях дальнейшего жизненного пути Зои прошёл вечер. Во время войны у нас с Зоей была интересная переписка.

С войны вернулась сестра Галя, которая вышла замуж и поехала жить на Украину. Сестра Нина работала в Палкине на почте и также вышла замуж. Так расставила война по своим местам членов нашей семьи.

Во время войны нашим жилось, как и всем, конечно, трудно. Но практическая мама могла взять максимум из огорода, домашнего хозяйства — кур, коз. Кроме того, выручали ягоды, грибы. Грибы сушёные наши сдавали на приёмный пункт и тем самым зарабатывали. Чинить одежду мама могла хорошо. Как-то раз я увидел, как чинил свой пиджак отец, и очень удивился, когда узнал, что он обслуживает себя сам.

Так в беседах быстро пролетело время. Маму, конечно, тревожила моя судьба: имею больше тридцати лет и не женат. А может, и к лучшему. Кто знает, как могла вернуться судьба. И вот после краткого пребывания на родине я вернулся в Москву к исполнению моей новой работы — учителя физики в школе военно-воздушных сил (ВВС).

Кроме служебных дел, у меня было много личных и, в первую очередь, создание семьи. И опять вечный вопрос — где жить? И тут мне повезло. Уезжала в Каунас к племяннице одна старушка. Я у неё купил комнату, а старую оставил сестре Вале, которая вскоре вышла замуж. У меня невеста также была готова — симпатичная Валя, которую я полюбил за преданность, трудолюбие, самопожертвование. Она к тому времени кончила институт. У нас родилась дочь Таня, удивительно милая девочка, доставлявшая нам много радостей.

Я очень много работал, в двух школах, и подрабатывал кроме этого. Требовалось много, ведь жизнь начинали с нуля. Когда Тане было около одного года, я заболел скарлатиной и был помещён в больницу, где были, в основном, дети. Как сейчас помню мою милую Валю, которая носила мне передачи. Но что она могла принести в те годы? Помню — приносила морковку. Таня не заболела.

В 1947 году мы всей семьёй отправились на Поргу. Таня уже ходила и говорила — она развивалась быстро. От Палкина ехали на лошади. В дороге было неприятное происшествие: мы потеряли кусок мяса, который посылала Нина по поручению мамы. Было несказанно жалко.

Жизнь на Порге стала ещё трудней. В деревнях жили впроголодь. В питание шло всё, что более или менее напоминало съедобное. Наших выручал огород, в котором, благодаря нечеловеческим трудам мамы, всё росло отлично. В это же время приехали на Поргу и сестра Валя с мужем Васей. Так что Порга проснулась от многолетней спячки.

Представляется картина: все сидят за столом и во главе патриарх-отец, который говорил тихо, внушительно. К его словам все прислушивались.

Однажды случилось такое: у отца пропала трубка, которую он курил. Обыскались — нигде нет. И случайно обнаружили в трубе самовара, куда её бросила Таня. Вот было смеял!

В то время произошло ещё одно событие: крестины Тани. Её крестил мой отец в той старой Поргинской церкви, где крестили меня и сестрёнок. Восприемниками (крёстным и крёстной) были Зоя с Василием Алексеевичем (мужем Вали).

Жили мы на Порге около месяца. Время прошло интересно, все мы отдохнули, поздоровели и отправились в Москву.

На обратном пути заехали в Галич, уж очень меня тянуло посмотреть на него и окунуться в юность после почти двадцатилетнего перерыва. А где остановиться? Но молодости всё нипочём. Я оставил Валью с Таней на горе около вокзала, а сам пошёл в знакомый дом на улице Свободы, где когда-то жила Катя Виноградова и где я часто бывал. Там жили совсем другие люди, но они приютили нас и даже дали возможность сварить Тане кашу. Прошёлся по знакомым и родным местам. Сходил в школу, на квартиру, где жил, навестил учителя по истории Касторского. Всё вроде то же, но и всё изменилось. Никого из школьных товарищей не обнаружил. Зверев ещё находился в ГУЛАГе.

В следующий приезд на Поргу встал вопрос о Зое. Она хорошо закончила 10 класс. Что делать с ней дальше? Она стала высокой, умной, красивой, приятной девочкой. Мне очень хотелось помочь ей, чтобы она не испытала тех мучений, которые выпали на нашу долю. Мы решили попытаться поступить в технологический институт легкой промышленности. Но по баллам экзаменов её принимали на механический факультет. Она не согласилась и пошла в министерство просвещения, и её с теми же отметками приняли в Ярославский педагогический институт, правда, на отделение физики. Мне пришлось дать такую телеграмму в Ярославский педагогический институт: «Прошу удовлетворить просьбу студентки I курса Воздвиженской об оставлении её на математическом факультете. Воздвиженский». Подействовало. Видимо, начальство действовало по принципу: «Пришло указание из Москвы. Как бы чего не вышло».

Зимой 1949 года в нашей семье произошло большое горе. Умер отец. После очередного закрытия церкви его

Село Порга, его упадок и гибель

назначили в село Пищи Мантуровского района, где родился А. Тихомиров и где я был у него в гостях в 1929 году. Бывает же такое!

Отец простудился и умер от воспаления легких в возрасте 67 лет. Телеграмма, которую я получил, была составлена нечётко, и я не сразу сообразил, куда нужно ехать. Заехал за Зоей в Ярославль. Встретил её на лестнице в институте. Конечно, это известие её поразило страшно. Мы приехали в Мантурово, а там ещё 20 километров пешком до Пищей, где уже ждали мама и Нина. Приехал священник из Костромы и совершил траурный обряд. Печальные, трогательные слова проникали в самую душу. На своих плечах я вынес гроб с телом, и похоронили отца в правом углу в ограде Пищевской церкви. Помню, были какие-то затруднения с похоронами в связи с тем, что в этот день праздновалось семидесятилетие Сталина. Я не пойму, какая связь? Видимо, столь великое торжество не могло быть ничем омрачено, даже похоронами. С тех пор я не был в Пищах, и меня все время угнетает мысль, что я не выбрался на могилку отца. Но я ещё не оставляю эту мысль. Незадолго до кончины папа рассказал маме, что видел странный сон, как какой-то инвалид стоял в дверях церкви и бросал во всех камнями, не пуская в храм. Папа решил, что это знамение о скорой кончине.

Оглядывая мысленно всю его жизнь, делаю вывод, что человек это был замечательный. Умный и мудрый, справедливый и порядочный, он пользовался большим уважением всех людей, в том числе и советских и партийных работников. Я отлично помню: когда он шёл — встречные мужчины снимали головные уборы. Может быть, этим и объясняется, что он не был репрессирован. Много лет спустя бывший секретарь сельского совета Молчанов рассказывал, что приезжающие уполномоченные несколько раз предлагали его арестовать, но сельсоветчики его защитили. Он был награждён всеми церковными наградами и званиями, в течение тридцати лет был благочинным (руководителем большой группы церквей). Был начитан, всегда реально оценивал окружающую обстановку, многие ходили к нему за советом.

Вечная ему памяти!

Со смертью папы стало тяжело, в первую очередь, Зое, которой нужно было ещё два года учиться. Я старался, как мог, ей помогать. Но на учительскую зарплату много не развернёшься даже при том, что я работал в двух школах и вёл около 40 часов в неделю. Но Зоя всё перенесла, окончила пединститут и была назначена учительницей математики в Палкинскую школу, которую сама кончила. Это было очень важно: находилась недалеко от мамы (10 километров).

С тех пор, как мама осталась одна, я несколько раз бывал на Порге. Я был свидетелем разорения и умирания моей родной земли. Началось с того, что все молодые работоспособные люди устремились в города, демобилизованные из армии домой не возвращались. В магазинах, кроме водки и хлеба (и то не всегда), не было ничего. Вскоре и хлеба не стало. По деревням был голод, ели мякину, гнилой картофель. Служащим ещё выдавали кое-какие пайки, а в колхозах — ничего, хотя весь выращенный урожай отбирали. Сев в колхозах ещё можно было провести с помощью техники, а убирать было уже никому. Палкинская школа на целый месяц (минимум) закрывалась, а ученики и учителя работали на уборке урожая. А вообще-то, в районе значительная часть урожая не убиралась и попадала под снег, то есть гнила. И так из года в год. Здравый смысл говорил: «Не можете собрать, значит, нужно меньше сеять, хотя бы не портить семена». Так нет, из года в год и в течение многих лет одно и то же. Всем было ясно, что это верх головоупияства, но что делать: «Так велела партия, она знает, куда ведёт».

В деревнях всё больше было заколоченных домов. Дома уже ничего не стоили и шли на дрова, так же, как и сарай, овины и другие хозяйственные постройки. Это было какое-то умопомрачение.

Уже распались колхозы во многих деревнях, а оставшиеся объединили в один совхоз на огромной площади. Управлять таким совхозом было крайне сложно при отсутствии приличных дорог и телефонов. В Сухотине была животноводческая ферма, где работали несколько пожилых женщин. Палкинский район настолько поредел, что его влили в Аятрово-Палкинский.

Грустная картина – дорога со станции на Поргу. Отвратительная дорога. От деревень осталось по несколько домов, а многие вообще исчезли. И что особенно бросается в глаза – это отсутствие церквей. Их уничтожили. Бывало, вёрст через пять стоят церкви. Красавицы. Хочется остановиться, посидеть, полюбоваться, подумать, как я и делал, когда ходил на станцию в годы моего учения в Галиче. Сейчас их нет, они либо разобраны на кирпичи, либо просто разрушены и брошены, а в тех, стены которых целы, находятся либо клубы, либо склады и т.п. – по существу, это равносильно уничтожению. Никогда история не простит этого варварства. Никто из завоевателей – ни татары, ни Наполеон, ни немцы – не сделали в плане разрушения религии того, что сделали наши собственные варвары, выполняя идеи партии. Вот и пришли к современной нравственности. Отольются слезы вдохновителям и проводникам подобных деяний!

... Мама жила на Порге одна и прожила там после папы 15 лет. Жила, конечно, тяжело, на пенсию, которую получала за папу. Время проходило в работе с утра до позднего вечера. Нужно была подоить коз, отправить их на пастбище в Бакланово, покормить кур, истопить печь. И вечная забо-

*Александра Николаевна Воздвиженская у своего огорода.
Из архива Е.В. Воздвиженской*

*На крылечке дома.
Из архива Е.В. Воздвиженской*

та с огородом, а садила она и заготовляла всего столько, сколько было при папе. Конечно, не съедала всего, даже с учётом того, что отправляла в Палкино (Нине, Зое). Плюс к этому — забота о дровах, об изгородах, о крыше, которая протекала, и масса других забот. Так что к вечеру «валилась как убитая» (её слова).

Тем временем снова вставал вопрос о Зое и её семье. Дело в том, что им осточертело Палкино и они мечтали о том, чтобы уехать. Долгие разговоры были у нас на эту тему, когда я бывал на Порге, и мы решили, что следует устроиться под Москвой, ибо в Москве невозможно. Они стали энергично действовать в этом направлении. И вот, благодаря их большим стараниям, они устроились на работу в среднюю школу под Загорском*, где работают сейчас.

А маму пришлось забрать, уж очень ей стало трудно, и сделала это Зоя. Приехала и решительно заявила: «Собирайся, я тебя забираю». Можно представить себе, как трудно маме было расставаться с любимой Поргой,

* Ныне снова — Сергиев Посад. (Прим. ред.)

*У родного дома.
Из архива Е.В. Воздвиженской*

*Мамино восьмидесятилетие. Нач. 70-х XX в.
Слева направо: Борис, Анна Николаевна, Зоя,
Валентина, Нина.
Из архива Е.В. Воздвиженской*

как трудно было оставлять её немудрёные вещи, служившие ей всю жизнь. Мне лично очень жаль иконы и книги, которых у папы было много, особенно на славянском языке. Все они пропали. Сейчас это было бы бесценное сокровище.

Мама прожила у Зои до самой своей кончины в 1975 году. Прожила у младшей дочери в общем спокойно, в контакте с остальными детьми, и мы очень благодарны Зое за то, что она приютила маму в последние годы жизни.

Мы похоронили её на кладбище в селе Воздвиженском (снова удивительное совпадение), недалеко от места жительства Зои. На похороны приехали мы с Валец, Нина с дочкой Леной, Галя, Валя. Там нашла упокоевную наша беспокойная мама, беззаветно и самоотверженно трудившаяся во благо семьи, не щадя себя. Её умение входить в контакты с лицами любого ранга, вызывать к себе расположение помогали благополучию членов нашей семьи. Она была довольно образована (окончила Кологривскую гимназию), легко сходилась с людьми и в любых самых трудных и сложных обстоятельствах не теряла присутствия духа. Вечная ей память!

После кончины матери я бывал на Порге несколько раз с сыном Виктором и видел умирающую Поргу. Наконец дождался того, что от Антропова до Палкина проложили дорогу, по которой ходили автобусы. А от Палкина до Порги и дальше — картина ужасная. Представьте дорожную полосу шириной местами до 100 метров, всю изъезженную; видны следы дороги, которая смещалась из года в год, по которой мог пройти только трактор. Да и тот не всегда. В тот наш последний приезд трактор застрял в трёх километрах от Палкина и нам пришлось добираться пешком, босыми, так как любая обувь не предохраняла от воды и грязи. А вдоль дороги, где когда-то весело возвышались деревни — Ивакино, Матвейково, Деревягино, Огоньково, Черепенино, Вязовик, Нифаново, Бакланово, — одни пустыри. Только в Вязовике уцелело несколько домов, среди них — убогий магазинчик, в котором шофера «заправлялись» водкой.

Мы попадали на Поргу со стороны Бакланова. Конечно, ни дорог, ни тропинок. Шли по направлению,

по которому когда-то бегал бессчётное число раз. Виделся единственный полусохранившийся дом Старкиных, с открытыми окнами и дверьми, в котором «лишь ветер гулял» (а в последний приезд и его не стало). На месте Порги зрелище ужасное. Посредине груды кирпичей от разрушенной церкви, дома перевезли в соседние деревни на отопление, и там, где они стояли, остались обломки досок, различного хозяйственного оборудования. На месте нашего дома только по сохранившимся деревьям — липам, берёзам, тополям, когда-то молодым, а теперь раскидистым и могучим, — можно было мысленно воссоздать картину прошлого. Вот трёхствольная липа, которая росла у крыльца террасы, вот ряд тополей и остатки сирени, которые росли вдоль стен дома. Вот берёза, которая росла за каретным сараем. Какая она стала большая, а в годы моего детства она только поднималась. Вот заросли из диких вишен на месте вишнёвого сада. А за ними заросли из березника и ольхи. Ведь этого не было! Вспоминаю — здесь была наша пасека. Дальше поле, за которым так ухаживали. А сейчас всё поросло дикой порослью. Так иду я по следам прошлого и воссоздаю картины моего детства, словно криминалист, распутывающий преступление.

На месте нашего дома мы пытались найти что-либо памятное, но попадались только обычные хозяйственные вещи — старые, заржавленные, полусгнившие. Я взял на память обломок церковной ограды и горсть земли с того места, где был наш дом.

Единственно, что продолжало ещё жить, — это кладбище, на склоне горы, к реке, на котором хоронили со всех окружающих деревень. Правда, большинство крестов на могилах пришли в ветхость, но изредка попадались и недавние, совсем новые. Какой парадокс! Всё вокруг умерло, а живёт лишь кладбище!

Попробовал спуститься к реке, куда я в детстве бегал бессчётное количество раз. Но нет тропинок и не так-то просто добраться до реки.

Как всё заросло! Заросли горы, по которым спускались к реке, заросли поля, с которых получали хлеб, заросли огороды, которые давали столько овощей, вы-

сохли и заросли пруды, сохранявшие воду. И нет на Поргу ни дорог, ни тропинок — нечего там делать. И следующие поколения не будут знать, какой здесь был красивейший, приятный уголок.

Так исчезла, умерла Порга.

*Село Порга. 1939 г.
Из архива Е.В. Воздвиженской*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот я и закончил эти записки. Зачем я их писал? Оказывается, очень приятно вспоминать прошлое. Ведь это все моё, моя жизнь, с её радостями и трудностями, взлётами и ошибками, моя память, мои корни. Откровенно говоря, ещё я писал эти записки для своих внуков — Лёни, Бори, Андрюши. Пусть они окунутся в то сложное время, узнают о своих прабабушке и прадедушке и других родственниках, составляющих род Воздвиженских. Это были замечательные люди, настоящие россияне, большие труженики, мученики своего времени. Я бы хотел, чтобы они полюбили мою Поргу и, когда вырастут, если представится возможность, посетили те края. Названия деревень мо-

гут служить ориентиром в поездке. Мой сын Виктор был на Порге три раза. Я чувствую, что она его притягивает, что подсознательно он считает её своей родиной.

Почему я назвал эти записки «Поргинская история»*. Ведь они значительно шире жизни на Порге, охватывают жизнь в Галиче, в Сибири, в Москве. Да потому, что стержнем, объединяющим всех членов нашей семьи, где бы они ни находились, была Порга и наша жизнь развивалась на фоне расцвета, упадка и гибели Порги. И туда стремились наши мысли и мечты. Короче говоря — Порга является главным действующим лицом этих записок.

Мне уже кончается седьмой десяток**. Это очень много. Достаточно посмотреть вокруг и увидеть, что очень мало людей старше меня. А мои домашние, да и я сам как бы этого не замечаем. Очень быстро пролетело время. Я привык быть самым молодым в школе, институте, самым молодым учителем, методистом. И вдруг (конечно, не вдруг) — старше всех! Так или иначе, прожита большая жизнь.

На моих глазах были такие события, как революция, Гражданская война, НЭП, коллективизация и раскулачивание, Вторая мировая война, разрушение деревни и нравственности. Это очень большой отрезок истории, насыщенный величайшими событиями.

Оглядываюсь и думаю: Боже мой, какой трагический путь прошла наша страна и как она на моих глазах превратилась из государства, в котором была полная обеспеченность, которое кормило хлебом всю Европу, где процветали наука, искусство, превратилась в нищую, полуразрушенную страну, которая, несмотря на несметные природные богатства, не может прокормить своих людей.

Люди разучились трудиться. Живут по правилу: работать поменьше, получать побольше. Точно сработала идейная основополагающая установка: «Весь мир до основания мы разрушим...» И разрушили. И построили мир, в котором все ничейное, с ориентацией на распределение, а не созидание. Всю жизнь я помню о карточках, талонах, пропусках закрытых и спецраспределите-

* Название «Село Порга, его упадок и гибель» дано редакцией. (Прим. ред.)

** Правильно — восьмой десяток. (Прим. ред.)

лях. А очереди — всегда, везде, на протяжении всей жизни, в них невозвратно пропали лучшие часы жизни. Самое главное — исковерканы, растоптаны души людей. Потеряны совесть, стыд, нравственность. Слова «грех» нет и в помине. Попробуйте сказать это кому-нибудь. В ответ получите усмешку. Загублена религия — основа и костяк развития русской нации.

Господи, как всё это больно видеть! Увидят ли мои внуки Россию процветающей страной?

Народился отвратительный самодовольный класс руководителей-бюрократов, которые оценивались не по интеллектуальным и нравственным качествам, а исключительно по преданности своему классу, своей идеологии, своим руководителям.

Меня всегда возмущало, что партия сама себя славит, что в государстве может достичь известного положения только член партии. Но рядовые члены партии, как и все прочие люди, были рабочими лошадками, которые могли только голосовать «за» и аплодировать.

В преклонные годы наступает потребность оглянуться на прошлое и осмыслить пережитое. Я уже говорил, что детство у меня было радостное и счастливое.

Но с самых ранних сознательных лет я познал социальную несправедливость, пережил боль за преследование родителей, за чувство принадлежности к людям второго сорта.

В детстве я был воспитан на классической литературе, героической русской истории. Я восхищался народниками и очень хотел служить народу. Я очень хотел учиться и быть инженером. На меня большое впечатление произвели книги Гарина «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры». Мне созвучна была духовная жизнь героев, их поведение в общественной жизни. Искренне хотелось справедливости, добра, самопожертвования.

Но жизнь распорядилась иначе, и прошла она не широкой дорогой, а узкой колеёй, по которой я мог идти, направляемый государственной силой; и всю жизнь — борьба с бесчисленными идиотскими препятствиями, воздвигнутыми на этом пути.

С юных лет я искренне верил в цели и задачи революции. Я высоко ценил вождей — Зиновьева, Бухарина и

др. (о Сталине до 30-х годов не было слышно) — и верил, что всё, что делается, нужно для всеобщего будущего блага. Правда, я уже тогда над многими вещами задумывался, например, над понятием «диктатура пролетариата», ибо ничего, идущего от пролетариата, не видел, а ощущал и видел диктатуру власти, диктатуру партийной бюрократии. И то, что меня не принимали в комсомол и даже в пионеры, я понимал: так надо для «светлого будущего».

Я никогда не пытался вступить в партию, зная, что это невозможно. В 30-е годы я бы с охотой это сделал и отдавал бы все силы за её идеи. Меня, конечно, не приняли бы. Но, может быть, это и к лучшему. По своему складу я был бы в числе активистов и наверняка был бы репрессирован, как мой школьный товарищ Гоша Зверев. В 60-е годы и позднее меня усиленно звали в партию, но я уже сам не желал, выдвигая смехотворные объяснения, вроде: «ещё не созрел», «чувствую себя не совсем подготовленным» и т.п. На самом деле, я осмыслил и понял роль и действия партии. Главное, я видел, что в неё идут те, кому нужно выплыть в обществе и занять выгодные должности. Уж на что школа: какие там выгоды, кажется, все в одинаковом плохом положении. Но и там, если есть какая-либо должность с начальствующими привилегиями или идеологического порядка, она обязательно занимается членом партии. Это было общепринято и всем понятно. Помню, у нас в школе вступила в партию уборщица тетя Настя. Ничего не смысля в политике, она аккуратно посещала партсобрания и возмущалась, что ей не дают благ и преимуществ: «Ведь я партийная!» Видимо, она желала реализовать известное положение о том, что «каждая кухарка должна уметь управлять государством». Но увы! А настроение широких слоёв учителей выразила одна учительница, когда её спросили: «Вы член партии?» Она ответила: «Нет, я честная». Но почему-то меня многие принимали за партийного.

Все годы я наблюдал парадокс в развитии общества: ложь в сводках и газетах, обнищание людей одновременно с широкими помпезными жестами, строи-

Б.В. Воздвиженский

тольство шикарных зданий для партийных и советских учреждений и сверхтяжёлые жилищные условия огромного большинства граждан, трата огромных средств для поддержания заграничных угодных нам режимов и бедственное положение народного образования и здравоохранения в собственной стране.

О моей работе в школе и по «общественной линии» можно писать много. Об этом напишу отдельно. Скажу только, что педагогические дела мои шли успешно. В 60-х годах я был методистом, членом редколлегии ряда журналов («Физика в школе», «Квант»), был членом программной комиссии и комиссии по учебникам издательства «Просвещение», избирался делегатом ряда Всесоюзных съездов (учителей, профсоюзов) и, наконец, депутатом Моссовета. Несколько раз мне удалось побывать за границей — кроме Польши и Германии, в которых я был в составе армии во время войны.

У меня, как и у большинства людей, начинающих с нуля, были тяжелые квартирные условия. Но постепенно и в этом направлении дело улучшалось.

Мне были присвоены звания Заслуженного учителя РСФСР и Героя Социалистического труда. Но я продолжал работать школьным учителем, оставаясь беспартийным. Я не карабкался наверх по общественной лестнице, расталкивая локтями других, не был стукачом и доносчиком. Я всегда говорил, что нет выше должности учителя, но нет и ниже. Моя активная педагогическая работа оборвалась в связи с трагедией правой ноги в 1988 году*, после почти шестидесятилетней (включая годы войны) педагогической деятельности.

Думаю о том, как прошла жизнь. Работал всегда много и честно. Всё, что имею, чего достиг, — дело только собственных рук, воли и способностей. Только сейчас представляю себе в полной мере — сколько раз в жизни я мог сделать неверные, трагические шаги. И всё-таки какая-то сила меня хранила и спасала. С волнением оглядываю все предметы, меня окружающие дома, на даче. Все они приобретены или сделаны своими руками. Из самых ранних сохранились единицы. С поргин-

* В этом году Б.В. Воздвиженский сломал шейку бедра правой ноги. (Прим. ред.)

*Борис Васильевич Воздвиженский. 1982 г.
Из архива Т.Б. Воздвиженской*

ских довоенных времён сохранился лишь серебряный портсигар, который подарил мне отец, и пара полотенец, которые мама подарила жене Вале. Из Сибири сохранился только один чемодан, который мне сделали, когда я ездил в многочисленные командировки, работая в Ярцеве.

В древности говорили, что человек может считать себя не зря прожившим на земле, если сделает три дела: посадит и вырастит дерево, построит дом и вырастит сына. С этой точки зрения я заповеди выполнил: посадил и вырастил много деревьев (в саду, ряд ёлочек на даче, липовую рощицу), построил дом, сына вырастил. Но мне кажется, что этого недостаточно. Главное — оставить след в душах людей, след благодарности и доброй памяти. И мне кажется, я надеюсь, что такой след остался.

И вот думаю о будущем. Очень интересно посмотреть — каким оно будет. Как будут жить, какими станут Лёня, Боря, Андрюша. Не затеряются ли они в

мутной пене общества. Хватит ли у них моральных и духовных сил не поддаться дурным влияниям и утвердить в себе честность, порядочность, доброту и другие качества Человека (человека с большой буквы).

Но в ближайшие годы трудно ожидать значительных улучшений в жизни. Дело не только в экономике, сколько в утере духовности и нравственности. Слишком исковеркана душа народа, слишком утеряна совесть, вера в любых руководителей. Я не верю, чтобы компартия уступила свою руководящую роль, а значит и вседозволенность, власть над людьми. Она обманет, как обманывала много раз, начиная с разгона Учредительного собрания, разгона действительно демократических партий, уничтожения их руководителей. И так в течение всех лет после семнадцатого года. Идеология, вера разрушены. Во что вера? В социализм? Слава Богу, насмотрелись на развитой социализм! В коммунизм? — Об этом даже Маркс и Ленин не мечтали. Насмотрелись и на полчища никчёмных, некомпетентных руководителей из партбюрократии и номенклатуры, которым выгодно было такое состояние общества, ибо удобно было плавать и жить в нём!

Так что пройдут многие годы становления демократических партий, перехода на цивилизованную экономику, прежде чем будет улучшение. Как тут не вспомнить Н.А. Некрасова:

«Только жить в эту пору прекрасную
Не суждено ни мне, ни тебе»*.

* Неточная цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Железная дорога». (Прим. ред.)

VIII. ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ

Э.Г. Клейн (Кострома)

Из истории военной музыки на костромской земле

Военная музыка и 1913 год в Костроме

История культуры Костромской губернии до 1917 г. неразрывно связана с деятельностью военных оркестров. С конца XVIII в. военная музыка активно входит в жизнь Костромы и губернии, что было обусловлено присутствием здесь различных полков, в состав которых входили и оркестры. В общественную и культурную жизнь Костромы конца XVIII - начала XX вв. гармонично вписались оркестры Ингерманландского и Суздальского пехотных полков, Перновского гренадерского Его Величества короля Прусского полка, пехотного Зарайского полка, пехотного Рославльского полка, Солигаличского и Краснинского батальонов, а также оркестры других воинских частей.

Особой вехой для военных духовых оркестров в Костромской губернии стал 1913 г. Это был год наибольшего творческого подъёма оркестра 183-го пехотного Пултусского полка, квартировавшего в Костроме с начала XX в.; год, предшествующий отправке в 1914 г. на фронт Первой мировой войны Пултусского полка, а вместе с ним — и полюбившегося костромичам военного духового оркестра. Наконец, в 1913 г. в Костроме прошли торжества, посвящённые трёхсотлетию царствования Дома Романовых, активное творческое участие в которых принял не только постоянно находящийся в городе духовой оркестр Пултусского полка, но и военный оркестр 13-го лейб-гренадерского Эриванского имени Его Императорского Величества полка, а также хор труба-

*Здание офицерского собрания Пултусского полка.
Фото автора. 1999 г.*

чей 1-го Кизляро-Гребенского, генерала Ермолова, полка Терского казачьего войска. Эти коллективы прибыли на празднование трёхсотлетия царствования Дома Романовых со своими воинскими частями и придали особый колорит празднеству.

Деятельность военных оркестров в 1913 г. можно разделить на две составляющие: участие военных музыкальных коллективов в концертных, культурно-зрелищных и танцевальных мероприятиях; участие оркестров в мероприятиях, предусмотренных воинскими уставами и другими нормативными актами.

К первой составляющей мы можем отнести следующие формы деятельности военных оркестров: игра в парках, садах, на катках, участие в благотворительных балах с концертными отделениями, обслуживание танцевальных вечеров, участие в литературно-музыкально-танцевальных вечерах, выступления в антрактах драматических спектаклей и кинофильмов, музыкальное сопровождение кинофильмов, обслуживание обедов и т.д.

Вторая заключается в исполнении разнообразных музыкальных произведений служебно-строевого репертуара на

военных парадах, церковных церемониях, встречах и про водах официальных лиц, похоронах военнослужащих.

С появлением кинематографа у духовых оркестров появилось новое направление деятельности: музыкальное сопровождение фильмов. Военные оркестры озвучивали преимущественно киноленты патриотической тематики. Конечно, далеко не все владельцы кинотеатров имели возможность вместо пианистов-тапёров приглашать коллективы музыкантов-духовиков. Но в Костроме такие прецеденты были. Так, в 1913 г. на экране «Современного театра» города Костромы демонстрировались 3 ленты, в музыкальной иллюстрации которых принял участие оркестр 183-го пехотного Пултусского полка.

В феврале 1913 г. костромичам была представлена историческая картина в трёх частях по сценарию драматурга В. Иванова «Трёхсотлетие царствующего Дома Романовых», съёмки которой проводились в соответствующей историческим событиям обстановке и в связанных с этими событиями местах: в Костроме, Ярославле, Сергиевом Посаде, в селе Измайловском. Костромские зри-

«Современный театр». Рис. нач. XX в.

тели впервые в истории кинематографа в течение двух дней могли видеть на экране «Современного театра» хорошо знакомые места. Историческая картина иллюстрировалась музыкой в исполнении хора певчих и оркестра Пултусского полка.

Две другие ленты, показанные костромскому зрителю, были посвящены участию российских войск в боевых действиях прошлых лет. Так, в апреле демонстрировалась картина «Русско-японская война», снятая с натуры в 1905 г. на местах военных действий. Наступление и отступление войск в представленной ленте иллюстрировал военный духовой оркестр. Наконец, наиболее масштабная картина, показанная на экране «Современного театра» в октябре 1913 г., называлась «Покорение Кавказа». Эта историческая лента была снята на местах былых сражений при участии всех родов войск и нескольких воинских частей, в число которых входили: 16-й гренадерский Мингрельский полк, 17-й драгунский Нижегородский полк, 1-й Лабинский казачий полк, дивизион 51-й артиллерийской бригады и ряд других. Музыкальные иллюстрации этой картины включали музыку народов Кавказа, солдатские песни, исторические марши, фрагменты симфонических произведений и опер, действие в которых происходило на Кавказе. Как и в двух предыдущих случаях, в иллюстрации этого «боевика рынка кинематографии» принял участие оркестр Пултусского полка.

Справедливости ради следует сказать, что не только военный оркестр принимал участие в иллюстрации кинофильмов в 1913 г. Так, в мае на экране «Пале-театра» демонстрировалась грандиозная картина по роману Г. Сенкевича «Камо грядеши», отличавшаяся, по воспоминаниям известного московского рецензента того времени Якоби, захватывающим реализмом¹. Эта картина сопровождалась оркестром духовой музыки под управлением Константина Николаевича Васильева, который впоследствии возглавил оркестр 88-го пехотного запасного полка.

Итак, мы видим, что, с одной стороны, участие духовых оркестров в демонстрации кинофильмов художе-

¹ Костромская жизнь. — 1913. — 5 мая.

*Здание чайной Общества трезвости.
Фото автора. 2003 г.*

ственно обогащало представленные творческие работы, а с другой стороны, оркестры расширяли свой репертуар произведениями, требовавшимися для иллюстрации тех или иных событий различных эпох.

В декабре 1912 г. духовой оркестр Пултусского полка впервые выступил в чайной Попечительства о народной трезвости на Молочной горе. Несмотря на то, что чайная прослыла одним из самых значных мест в городе, она снискала популярность тем, что первой в Костроме стала готовить дешёвые «комплексные» обеды, доступные бедным слоям общества. В 1913 г. военный оркестр закрепил традицию выступления в чайной, обслуживая в ней вечера, которые давали возможность моло-

дѣжи из малосостоятельных классов за небольшую входную плату, составлявшую в октябре 1913 г. от 17 до 22 копеек, доставить себе отдых и развлечение.

Как и в предшествующие годы, в это время в Костроме пользовались популярностью благотворительные балы с концертными отделениями, средства от которых поступали в пользу учащихся костромских учебных заведений, а иногда — студентов-костромичей из университетов Москвы и Санкт-Петербурга. В 1913 г. такие балы проходили в залах Дворянского собрания, а также в зале «Пале-театра», где, по воспоминаниям современников, была превосходная акустика, «даже пианиссимо прекрасно прослушивалось на самых дальних от эстрады местах»². Для отдельных концертных номеров нередко приглашались известные исполнители из столичных городов. Так, в январе 1913 г. в Дворянском собрании выступали артистка Санкт-Петербургской художественной оперы С.В. Покровская и артист императорских театров С.Д. Барсуков, а в феврале в «Пале-театре» с концертными номерами выступил знаменитый бас Московского императорского Большого театра В.Р. Донецкий-Петров. После концертной программы устраивались танцы под оркестр Пултусского полка, которые нередко продолжались до 2 часов ночи, хотя ещё в декабре 1911 г. вступило в действие распоряжение командующего войсками Московского военного округа о запрещении оркестрам округа производить игру дольше 1 часа ночи. Несмотря на благотворительный характер таких балов, работа духового оркестра оплачивалась. Плата составляла от 15 до 50 рублей за вечер.

В жизни Костромы особое место занимали литературно-музыкально-танцевальные вечера, многие из которых проходили с участием военного оркестра. Чаще всего такие вечера проходили в городских учебных заведениях, где учащиеся исполняли хорové произведения, читали стихи, играли сольные сочинения на различных инструментах. На одном из таких вечеров в Костромской духовной семинарии выступил и струнный оркестр из числа воспитанников, которым руководил семинарист Лебедев.

² Поволжский вестник. — 1913. — 28 ноября.

В 1913 г. в Костромской губернии продолжали пользоваться популярностью гулянья в парках и садах. В таких гуляньях принимали участие не только военные оркестры, но и гражданские творческие коллективы, а на одном из гуляний, которое состоялось в Волжском саду (за Волгой) 11 августа, выступал приглашённый из Рыбинска оркестр 182-го пехотного Гроховского полка. Факт приглашения военного духового оркестра из соседней губернии на гулянье, сбор от которого должен был поступить в пользу одной из городских библиотек, свидетельствует о внимании властей к духовой музыке, желании разнообразить музыкальную жизнь города не только за счёт расширения репертуара собственных коллективов, но и за счёт приглашения для исполнения концертных программ военных оркестров из других регионов, хотя это и требовало значительных финансовых затрат. Так, за выступление оркестра 182-го пехотного Гроховского полка в Волжском саду 11 августа было уплачено 125 рублей, а чистый доход от мероприятия составил 161 рубль³.

Говоря о выступлении оркестров на городском бульваре Костромы, нельзя не сказать, что он нередко становился местом премьерного исполнения новых сочинений. В июле 1913 года здесь впервые прозвучал концертный марш Иогансона «Многи лета» в исполнении оркестра Пултусского полка. Особенность этого марша в том, что он сопровождался колокольным звоном и пением оркестрантов, что было предусмотрено авторской партитурой.

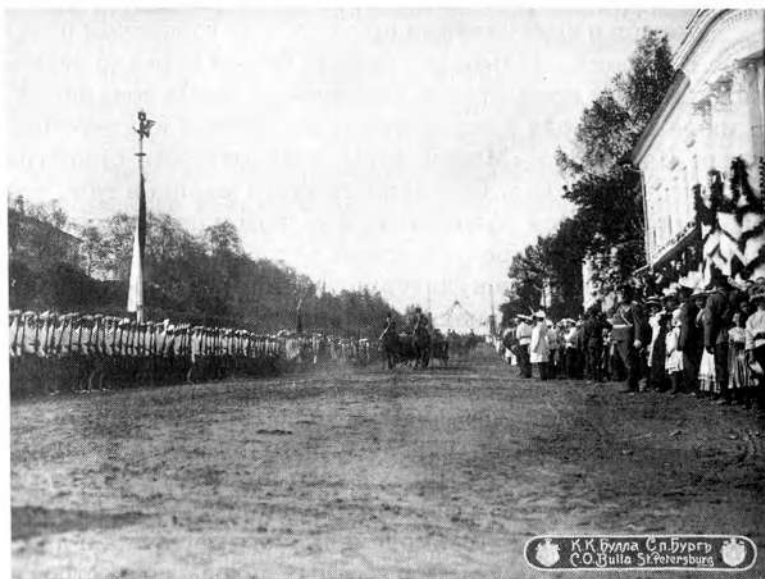
Перечисленные культурно-зрелищные мероприятия не полностью отражают деятельность военных духовых оркестров. К ней следует отнести и игру в зимнее время на Медном и Козьмодемьянском прудах, участие оркестров в семейно-танцевальных вечерах, проводившихся в читальне им. А.Н. Островского, игру на балах и банкетах, участие оркестра Пултусского полка в открытии в июне 1913 г. детского сада с площадкой для игр на углу Царевской улицы и Козьмодемьянского переулка и др.

Возвращаясь к участию военных духовых оркестров в мероприятиях, предусмотренных воинскими уставами, и в

³ Поволжский вестник. — 1913. — 10 августа.

прочих официальных церемониях, следует отметить, что, как и в предыдущие годы, в 1913 г. несколько раз устраивались военные парады, посвящённые дням рождения государя и восшествия его на престол, дню тезоименитства вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и т.п. Каждому параду предшествовали Божественная литургия и молебен в Успенском кафедральном соборе, на которых присутствовали губернатор, начальник гарнизона и пр. Парады обычно проходили на плацу перед собором, однако один раз эта традиция была нарушена и парад состоялся перед памятником Сусанину. Это произошло 21 февраля, в день торжественного празднования 300-летия Дома Романовых, которое завершилось торжественным прохождением войск. Особенностью этого парада было и то, что в нём приняли участие «потешные» — дети городских приходских и церковно-приходских школ, занимающиеся гимнастикой и строем под руководством генерал-майора В.И. Токмачёва.

Своеобразной репетицией торжественных мероприятий в честь 300-летия Дома Романовых стал парад, со-

*Шпалеры потешных на Ильинской улице.
Фото 1913 г.
Из фондов КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»*

стоявшийся 14 мая. Он был посвящён коронованию Их Императорских Величеств, а особенностью этого торжества стало участие в нём сразу трёх военных оркестров. Вот как писала об этом параде газета «Поволжский вестник»: «Парад вышел очень грандиозным. Войска проходили церемониальным маршем мимо памятника от Гостиных рядов, выходя на Ильинскую улицу. Первым проходил Эриванский, за ним — Пултусский полк и сотня Кизляро-Гребенского полка. Парад принимал генерал-майор Парский»⁴.

В числе официальных мероприятий 1913 г., в которых звучала военная музыка, необходимо назвать торжественное перенесение чудотворной иконы Феодоровской Божией Матери из Успенского собора в Ипатьевский монастырь, состоявшееся 14 марта. В этом крестном ходе принял участие в полном составе Пултусский полк, со знаменем и военным оркестром. Участвовал оркестр и в проходах к месту нового назначения бывшего губернатора П.П. Шиловского. Этот ритуал состоял из трёх частей и включал в себя: молебен в Успенском соборе; мероприятия в Дворянском собрании, при входе в зал которого губернатора с супругой встретил маршем оркестр Пултусского полка; официальные проводы на вокзале, где при прощании П.П. Шиловского и его супруги Марии Николаевны с присутствующими официальными лицами всё время играл оркестр, исполнивший, между прочим, 2 раза болгарский гимн «Шуми, Марица»⁵.

Играли военные оркестры и на похоронах военнослужащих. Впервые в русской армии такой ритуал с участием военного оркестра состоялся в 1699 г. во время торжественно-траурного захоронения видного военачальника Лефорта. В похоронах личное участие принимал Пётр I. В материалах областного архива автору этих строк удалось найти несколько примеров использования военной музыки в похоронном ритуале. Так, в январе 1913 г. Кострома прощалась со старейшим офицером Пултусского полка, выпускником Московского пехотного юнкерского училища, командиром батальона подпол-

⁴ Поволжский вестник. — 1913. — 15 мая.

⁵ Поволжский вестник. — 1913. — 13 января.

Здание железнодорожного вокзала за Волгой.

Фото нач. XX в.

Из собрания А.А. Анохина

ковником В.А. Рутковским. Вот как описываются эти похороны в периодической печати тех лет: «В воскресенье, после заупокойной литургии состоялись торжественные похороны. После панихиды гроб с возложенными на него венками <...> был вынесен из церкви и установлен на катафалке. В 11 часов 30 минут печальное шествие, сопровождаемое нарядом двух рот полка при хоре музыки для отдания последних воинских почестей усопшему, под звуки похоронного марша двинулось на новое кладбище. Выстроенные шпалерами по пути следования процессии нижние чины полка с грустью прощались со своим добрым начальником»⁶.

До 1917 г. в русской армии каждый полк имел свой полковой праздник. Был такой праздник и в Пултусском полку, который отмечался 14 декабря (по старому стилю), в день памяти св. мученика Филимона. Обычно празднование состояло из Божественной литургии и молебна, совершаемых в полковой церкви. Храм находился в каменном здании на поляне, недалеко от Мичуринских казарм. Кульминацией праздника являлся парад, который проходил на плацу, напротив городского манежа. Первое такое торжество, в котором принял участие полковой оркестр, прошло в декабре 1910 г. В этот день была освящена полковая церковь, ставшая, в последующие годы, духовным центром многих торжеств пултусцев.

⁶ Поволжский вестник. – 1913. – 27 января.

Заметным событием в истории Костромской губернии 1913 г. стало празднование трёхсотлетия царствования Дома Романовых 19 - 20 мая с участием императора Николая II. Особую торжественность праздничным событиям придавало звучание военной духовой музыки.

За несколько дней до начала торжеств в Кострому прибыли воинские части со своими оркестрами. Так, 8 мая в городе появилась сотня Кизляро-Гребенского казачьего полка со штандартами и хором трубачей. Сотню выходила встречать рота Пултусского полка с оркестром и полковым знаменем. А 9 мая в Кострому прибыл первый эшелон Эриванского полка с военными музыкантами. На берегу Волги эриванцы были встречены Пултусским полком и сотней Кизляро-Гребенского казачьего полка со своими военными оркестрами. Таким образом, к 10 мая в городе было сосредоточено три военных духовых оркестра. Начались совместные репетиции.

Официальным торжествам предшествовал ряд мероприятий с участием сводного оркестра. Так, 11 мая около Ипатьевского монастыря состоялась встреча командующего войсками Московского военного округа генерала от кавалерии Плеве, в которой приняли участие оркестры Пултусского и Эриванского полков, а 14 мая прошёл грандиозный парад, который ранее уже описывался автором этих строк.

В Кострому пароход «Межень» под императорским штандартом подошёл в 9 часов 45 минут 19 мая. На пристани «Царская ставка» около Ипатьевского монастыря император после доклада губернатора П.П. Стремоухова и приёма депутации Шунгенской волости принял почётный караул от Эриванского полка, выстроенного здесь со своим боевым знаменем и военным оркестром. Вот как это происходило: «Войска взяли на караул. Величественно склонилось полковое знамя и Его Императорское Величество под торжественные звуки народного гимна подошёл к фронту почётного караула Эриванского полка при несмолкающих восторженных криках «Ура!» окружающего народа. <...>

По представлении начальников отдельных частей, Государь Император пропустил мимо себя почётный ка-

раул лейб-гренадер Эриванцев и за молодецкое прохождение изволил милостиво их благодарить»⁷.

Далее Николай II проследовал в Ипатьевский монастырь, где у Зелёной башни была выстроена сотня Кизляро-Гребенского полка с трубачами и Георгиевским штаб-дартром. При приближении высочайшего кортежа к стенам монастыря гребенские казаки заиграли торжественную встречу. Осмотрев монастырь, император, в сопровождении казаков, переехал на Царскую пристань, где состоялся высочайший завтрак, музыкальное сопровождение которого было поручено хору трубачей Кизляро-Гребенского полка. Музыканты-духовики исполнили несколько маршей, а также «Индийскую зарю» Кристмана, увертюру «Царица лесов» Иванова, серенаду «Вздохи сердца» Сарра, попури из оперы «Жизнь за царя» М.И. Глинки.

В этот же день на городской пристани император был встречен оркестром Пултусского полка, а вечером на пароходе «Царь Михаил Феодорович» этот оркестр, под управлением капельмейстера С.И. Виноградова, был удостоен чести исполнить концертную программу во время праздничного обеда с участием Николая II, включавшую марш «Петра Великого» Гертнера, вальс «Фраскатти» Литольфа, полонез «Гром победы, раздавайся» Козловского, увертюру «Луиза» Франсуа, а также ряд переложений для духового оркестра симфонических произведений: увертюру из оперы «Вильгельм Тель» Россини, попури из оперы «Руслан и Людмила» Глинки, попури из балета «Лебединое озеро» Чайковского.

Одним из центральных мероприятий второго дня пребывания государя на костромской земле стал высочайший смотр войскам. Это событие и место в нём военных духовых оркестров прекрасно описал костромской историк Н.Н. Виноградов в документальной книге, вышедшей в свет в марте 1914 г. В своей работе автор уделяет внимание каждому военному оркестру, участвовавшему в этом смотре. Вот как он описывает встречу императора с казачьим полком и его оркестром: «Первой частью войск, стоявших по пути следования Их Им-

⁷ Виноградов Н.Н. Празднование трёхсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19 - 20 мая 1913 года. - Кострома, 1914; репринт: Кострома, 1993. — С. 43 - 44.

ператорских Величеств, была пятая сотня 1-го Кизляро-гребенского полка в пешем строю. <...>

Его Императорское Величество изволил направиться прямо к фронту развёрнутой сотни, удостоившейся чести первую встретить Державного Вождя Земли Русской. Трубачи заиграли “поход”, вся сотня дружно взяла на караул. Государь Император изволил поздороваться с сотней: «Здорово, Гребенцы!» В ответ на Царское приветствие Гре-

Прохождение Пултусского полка церемониальным маршем перед императором Николаем II.

Фото 1913 г.

Из фондов КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»

бенцы молодецки отчеканили: «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!»

Трубачи мгновенно переменили мотив: “поход” сменился звуками Русского национального гимна «Боже, царя храни!» и из сотни могучих грудей молодецко-Гребенцев вырвались непрерывные крики “Ура!”⁸.

⁸ Виноградов Н.Н. Празднование трёхсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19 - 20 мая 1913 года. — Кострома, 1914; репринт: Кострома, 1993. — С. 108.

Далее историк показывает костромской оркестр Пултусского полка.

«Его Императорское Величество приближался к флангу 183 пехотного Пултусского полка. Прекрасно обученный капельмейстером Виноградовым, значительный по составу, полковой оркестр стройно грянул Русский национальный гимн. Государь Император обходил фронт взявших на караул Пултусцев, здороваясь с каждой ротой в отдельности»⁹.

И, наконец, автор книги даёт краткую характеристику духового оркестра Эриванского полка.

«Государь Император изволил здороваться с 13-м гренадёрским Своего Имени полком, обходя фронт его под звуки прекрасного полкового оркестра, при несмолкаемых восторженных криках уже всех расположенных на площади перед Костромским Кафедральным собором частей войск»¹⁰.

Все приведённые цитаты показывают не только особую роль духовой музыки в воинских ритуалах, но и прекрасный уровень подготовки оркестров, принимавших участие в торжествах.

В этот же день состоялся парад войск в присутствии царской семьи, во время которого все воинские части прошли церемониальным маршем под звуки военных оркестров, исполнявших по очереди марш на тему оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя». Н.Н. Виноградов запечатлел для нас красоту этого парада.

«Начался церемониальный марш.

Ещё раз блеснули на ярком весеннем солнце штыки и шашки. Глухими перекатами зарокотали барабаны; затрещала, полилась задорная мелкая барабанная дробь, колыхнулась и сверкнула искристым, перебегающим отблеском стальная щетина первых рядов. Войска плавно двинулись, проходя во взводных колоннах. Их повёл командующий парадом, командир 2-й бригады 46-й пехотной дивизии, начальник местного гарнизона, генерал-майор Парский»¹¹.

⁹ Виноградов Н.Н. Празднование трёхсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19 - 20 мая 1913 года. — Кострома, 1914; репринт: Кострома, 1993. — С. 109.

¹⁰ Там же. С. 110.

¹¹ Там же. С. 135 - 136.

*Император Николай II принимает парад.
Фото 1913 г.*

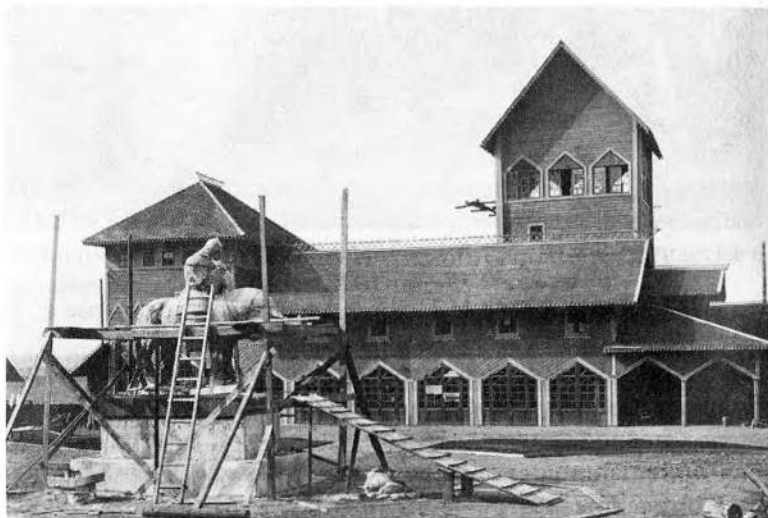
Из фондов КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»

Общее количество военных музыкантов, принявших участие в параде, могло доходить до 85 человек. Такой вывод позволяет сделать наличие информации о составах оркестров военного ведомства начала XX в. Полковые оркестры, которые были в Пултусском и Эриванском полках, имели в штате 36 исполнителей, а оркестр Кизляро-Гребенского полка включал 13 музыкантов (численность дана вместе с капельмейстерами).

Автор этих строк рассказал не о всех событиях с участием военной духовой музыки во время праздничных торжеств 19 - 20 мая, а показал лишь те, где роль военной музыки была особо значима.

Несмотря на то, что основная нагрузка по обеспечению торжеств легла на профессиональные военные оркестры, ряд ученических коллективов, среди которых были духовые оркестры Костромского реального училища, Костромской гимназии, Кинешемского железнодорожного училища, также принял участие в торжествах.

Во время приезда Николая II в Кострому состоялось ещё одно важное событие — открытие Губернской земской выставки, где были представлены самые различные экспонаты: от продукции местных предприятий до произведений искусства. Здесь же находился ресторан, междугородний телефон, кинотеатр. Первоначально ежедневно, а затем по понедельникам, средам и пятницам на выставке играл оркестр Пултусского полка, а 23 мая вечером с концертной программой выступил оркестр Кизляро-Гребенского полка. В выставочном театре-

*Здание театра-ресторана на Губернской выставке.
Фото 1913 г.*

Из фондов КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»

ресторане регулярно устраивались концерты-балы. Помимо военного оркестра, на выставке играл Московский концертный оркестр под управлением Ф. Фэличчо. Приглашались сюда для концертных номеров и исполнители соло на духовых инструментах. Так, 7 июля в выставочном театре-ресторане, в исполнении корнетиста-виртуоза Жандармова прозвучало произведение Ж.Б. Арбана «Карнавал в Венеции»¹², требующее высокого профессионализма.

¹² Поволжский вестник. – 1913. – 10 июля.

№ 186. Маршъ 1 Кизлярско-Гребенскаго полка Терскаго Кав. войска,
соч. Сычина.

Кларнеты
Корнета
Трубы
Альта
Тенора
Вальтоны
Баритоны
Басы
Бараб.

Фрагмент партитуры марша Кизлярско-гребенскаго полка.
Из «Сборника полковых (встречных)
и исторических маршей российской армии»,
составленного генерал-майором О. Фрейманом.
Лейпциг, 1902

Губернская земская выставка была закрыта осенью 1913 г., однако за несколько месяцев своего существования она приобрела большую популярность среди населения, став одним из культурных центров Костромы.

Несмотря на окончание юбилейных торжеств, некоторое время в Костроме продолжал нести службу Кизляро-Гребенский полк, вместе с которым в городе находился и духовой оркестр. Выступая на различных концертных площадках, он знакомил костромичей с казачьей народной музыкой.

Одним из заключительных эпизодов пребывания этого коллектива в городе стало выступление оркестра на банкете, который организовал командир полка полковник А.Г. Рыбальченко в гостинице «Кострома», где присутствовали не только офицеры, но и руководство губернии. О репертуаре, исполненном оркестром на банкете, нам ничего не известно, однако можно предположить, что среди произведений, прозвучавших в этот день, была музыка, исполненная во время высочайшего завтрака 19 мая, а также марш Кизляро-Гребенского полка композитора Сычина.

Марш, написанный в сложной трёхчастной форме, построен на мотивах казачьих народных песен и изобилует трубными сигналами, которые не отличаются разнообразием.

Казачи покинули город 27 мая, перед отъездом на вокзале устроив выступление духового оркестра с пением и плясками.

II

Военная музыка в Костромской губернии в годы Первой мировой войны

Творческая деятельность оркестра Пултусского полка в последние предвоенные месяцы, как и в 1913 г., в основном состояла из выступлений на балах, банкетах, ёлках для детей, музыкально-вокально-танцевальных вечерах, семейных вечерах, из игр на катках, спортивных праздниках и прочих мероприятиях. В феврале 1914 г.

*Сергей Ильич Виноградов. Фото 1923 г.
Из фондов КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»*

в городском театре прошёл бенефис капельмейстера оркестра Сергея Ильича Виноградова, творческая деятельность которого в качестве капельмейстера военного оркестра началась в 1907 г., когда он возглавил оркестр 245-го Солигаличского резервного батальона.

Сергей Ильич был не только прекрасным военным капельмейстером, композитором и пропагандистом военной музыки, но и дирижёром оркестра городского театра, руководителем духового оркестра реального училища, составленного из учащихся этого учебного заведения. Он подготовил и воспитал немало музыкантов, а один из них — К.Н. Васильев — в годы Первой мировой войны стал капельмейстером 88-го пехотного запасного полка.

Раскрывая деятельность оркестра Пултусского полка в предвоенные месяцы, следует упомянуть несколько мероприятий с участием этого творческого коллектива. Отметим наиболее интересные из них. Так, 27 января 1914 г. в гостинице «Кострома» состоялось чествование Костромского уездного воинского начальника, генерал-

майора В.И. Токмачёва, назначенного начальником Смоленской бригады. В.И. Токмачёв «прослужил в должности воинского начальника 10 лет, был отмечен знаком отличия военного ордена за участие в кампании 1877 - 1878 гг.»¹³. За годы службы он приобрёл широкую известность и авторитет в костромском обществе. Обед, состоявшийся в гостинице «Кострома», сопровождался игрой оркестра Пултусского полка. В июле 1914 г. прошёл ещё один обед с участием военного духового оркестра, посвящённый «Высочайшему утверждению законопроекта о железнодорожной линии Кострома – Филино»¹⁴. Обеду предшествовал молебен в Успенском кафедральном соборе, а также торжественное заседание городской думы.

В этих мероприятиях участвовал архиепископ Тихон, который, спустя несколько дней, был переведён на Курскую кафедру. Владыка служил на Костромской кафедре с июня 1905 г., он принимал участие во многих церковных парадах и возглавлял крестные ходы, в которых звучала военная музыка. Один из последних таких крестных ходов состоялся в городе 2 марта 1914 г. В этот день с большой торжественностью был встречен образ святителя Николая Чудотворца, принесённый из Николо-Бабаевского монастыря. В крестном ходе принял участие «в полном составе Пултусский полк со знаменем, оркестром музыки, игравшим «Коль славен наш Господь в Сионе», архиепископ Тихон, вице-губернатор И.В. Хозиков, бригадный командир генерал Парский и другие»¹⁵. Несмотря на то, что традиция использования военных оркестров в крестных ходах берёт начало в эпоху царствования Петра I, на примере Костромы можно сделать вывод, что эти формы к началу XX в. получили широкую популярность в российском обществе в целом и в Костроме в частности. Это можно объяснить религиозностью военачальников, офицеров и нижних армейских чинов; уважительным отношением священнослужителей Православной Церкви к воинским ритуалам и пониманием роли русской военной музыки.

¹³ Поволжский вестник. – 1914. – 19 марта.

¹⁴ Поволжский вестник. – 1914. – 19 июля.

¹⁵ Поволжский вестник. – 1914. – 19 марта.

*Оркестр Романовского батальона в г. Данилове.
Фото 1909 г.*

Из кн.: Уездные города Ярославской губернии на почтовых открытках начала XX в.: Каталог коллекции Николая Лебедева. – Рыбинск: ООО «Формат-принт», 2003

*Оркестр Гроховского полка на Юго-западном фронте.
Фото 1916 г.*

Из фондов КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»

В середине мая 1914 г. Пултусский полк вместе с оркестром выступил в лагерь, находящиеся в 5 верстах от Ярославля. Лагерная жизнь не обходилась без военных музыкантов. Оркестр и в полевых условиях был востребован: в его обязанности входило играть во время приёма пищи солдатами и офицерами, обслуживать воинские ритуалы, сопровождать солдат к месту купанья на реку Волгу и др. Обычно в лагерь выезжал не полный состав духового оркестра, а лишь его часть. Состав оркестра мог включать 9 - 10 исполнителей, основу которых составляли солдаты и воспитанники. Такое количество музыкантов позволяло исполнять служебно-строевой репертуар и музыку лёгкого жанра в полевых условиях. В то же время в городе оставалась вторая половина оркестра, продолжавшая играть на бульваре, способная выполнить любые внезапно возникшие творческие задачи. Безусловно, разделение оркестра приводило к снижению качества исполняемого репертуара.

С конца XIX в. власти Костромы регулярно приглашали в город для творческих выступлений коллективы воинских частей из Ярославля. В разные годы перед костромичами выступали военные оркестры: 11-го гренадерского Фанагорийского полка под управлением капельмейстера Ф.Э. Фурмана, Малороссийского полка, Грязовецкого резервного батальона, Романовского батальона под управлением капельмейстера Антонова.

Неоднократно выступал в садах и парках Костромы и оркестр Клязьминского резервного батальона под управлением капельмейстера А.М. Шустера, который приезжал из Нижнего Новгорода со своим батальоном на летний период в лагерь под Кострому.

Традиция приглашать в город творческие военные коллективы из соседних губерний поддерживалась вплоть до начала Первой мировой войны. Так, в июне 1914 г., за несколько дней до начала военных действий, на циклодроме и в Волжском саду выступал оркестр 182-го пехотного Гроховского полка, «специально выписанный из Ярославля»¹⁶, причём сбор от гулянья в Волжском саду был направлен, как и в 1913 г., на приобретение лите-

¹⁶ Поволжский вестник. — 1914. — 6 июля.

ратуры для одной из городских библиотек. Выступления приглашённых духовых оркестров на концертных и танцевальных площадках города способствовали популяризации духовой музыки, профессиональному росту местных оркестров, расширению репертуара военных оркестров.

Говоря о музыкальной жизни предвоенных месяцев, следует вспомнить и о посещении Костромы симфоническим оркестром С. Кусевицкого. Один из самых прославленных симфонических оркестров, совершая турне по Волге, 19 апреля 1914 г. выступил с концертной программой в городском театре. Концерт открылся увертюрой Н.А. Римского-Корсакова «Светлый праздник». Большое впечатление оставила у публики Симфония №2 С.В. Рахманинова, увертюра-фантазия П.И. Чайковского «Франческа да Римини». Солист-пианист Э. Рислер, приглашённый из Парижа, исполнил Концерт №5 для фортепиано с оркестром Бетховена. Этот концерт «стал настоящим праздником для музыкальной общественности города, всех искренне любящих искусство людей»¹⁷. Ещё одним событием в музыкальной жизни Костромы рассматриваемого периода стал концерт фабричного оркестра М.Ф. Степанова, состоявшийся на сцене городского театра 6 мая. Музыкантами этого необычного коллектива были исключительно рабочие фабрики Степанова (села Языкова Симбирской губернии) в возрасте от 13 до 24 лет, а руководил оркестром заслуженный артист императорских театров бывший военный капельмейстер 1-го пехотного Невского полка Ф.В. Путкамер. В концертную программу входил ряд серьёзных музыкальных произведений, требующих большой профессиональной подготовки музыкантов, особенно исполнителей на духовых инструментах. В Костроме оркестром Степанова были исполнены следующие произведения: «Итальянское каприччио» П.И. Чайковского, увертюры «Риенцы» и «Парсифаль» Р. Вагнера, увертюра «Ночь на Лысой горе» М.П. Мусоргского и др.

Итак, накануне Первой мировой войны музыкальная жизнь Костромы была насыщенной. Особое место среди музыкальных коллективов занимал военный ор-

¹⁷ Поволжский вестник. — 1916. — 21 июня.

кестр 183-го пехотного Пултусского полка, который вёл активную творческую деятельность, состоящую из участия в самых различных церемониях и ритуалах — от традиционного гимнастического праздника во дворе 2-й мужской гимназии до церковных парадов и крестных ходов. Большой вклад в пропаганду музыки на костромской земле вносили и гастролирующие здесь творческие коллективы — военный оркестр 182-го пехотного Гроховского полка из Рыбинска, а также известные симфонические оркестры, выступавшие в предвоенной Костроме во время своих турне по Волге.

Первым днём мобилизации на войну была назначена дата 18 июля 1914 г. Вечером в городе прошла грандиозная манифестация с участием оркестра Пултусского полка. Участие военного оркестра в манифестации 18 июля положило начало новой форме деятельности военных оркестров, особое распространение получившей в 1917 г. и просуществовавшей в Костроме до 1991 г. Несмотря на то, что в последующие годы такого рода политические мероприятия получили новое название — демонстрация (неоднократно менялись их цели и задачи, музыкальный репертуар), — 18 июля 1914 г. мы можем считать днём рождения новой формы деятельности военных оркестров Костромы, ставшей через три года популярной и просуществовавшей в нашей стране в целом и в Костроме в частности не один десяток лет. Чтобы почувствовать атмосферу тех дней, процитируем два рассказа о событиях первого дня мобилизации, опубликованные в газете «Поволжский вестник» 1914 г. Вот один из них, напечатанный в номере № 2363 от 19 июля:

«Вчера, часов около 9 вечера, публика, собравшаяся на городском бульваре, потребовала исполнения Народного гимна. Гимн был исполнен и покрыт громкими кликами «Ура». Около павильона выросла толпа и потребовала вновь исполнения гимна. И как только музыка кончала, неслись клики: «Ура!», «Да здравствует Сербия!», «Да здравствует Франция!» Клички сменялись требованиями сербского, французского и русского народного гимна.

— К Сусанину! — понеслось по толпе, и все двинулись с бульвара. Часть публики остановилась близ павильона с просьбой, чтобы манифестантов сопровождала музыка. Музыка оставалась в павильоне. Не дождавшись музыки, толпа с пением гимна, покрываемого кликами «Ура», проследовала к памятнику Сусанину с национальными флагами. <...>

В это время на площади показался автомобиль Губернатора. Толпа двинулась навстречу. Около автомобиля собрались манифестанты с флагами и вновь раздался народный гимн и клики «Ура».

Когда тронулся автомобиль Губернатора, толпа направилась снова к бульвару и вторично потребовала, чтобы музыка проследовала к памятнику. На этот раз просьба была исполнена и вновь все двинулись на площадь. Толпа возросла до громадных размеров, запрудив в своем шествии всё пространство между рядами и Ботниковским сквером.

Перед памятником музыкой был исполнен народный гимн... И опять неслись возгласы: «Да здравствует Государь Император!», «Да здравствует Россия!», «Да здравствует Русское воинство!»

Долгое время около памятника, на который забрались манифестанты с национальными флагами и портретом Государя, стояла тысячная толпа народа, бесчисленное число раз исполнявшая народный гимн.

Затем толпа разделилась и одна часть её, обойдя памятник, проследовала мимо присутственных мест с пением «Спаси, Господи». Другие манифестанты с музыкой двинулись вновь между рядов и сквером.

— К Губернатору! — раздалась возгласы, и обе толпы с музыкой, исполнявшей национальный и сербский гимны и «Славься, ты славься», соединившись, по Русинной улице пошли к губернаторскому дому».

И ещё одно из наблюдений тех дней, опубликованное в той же газете.

«18 июля около полуночи, разошедшаяся было толпа манифестантов вновь собралась на бульваре перед окончанием музыки и потребовала сыграть национальный гимн, который был покрыт громкими кликами «Ура».

После русского гимна был исполнен гимн балканских народов покрытый также кликами «Ура», «Живио», «Да здравствует Сербия».

Далее музыка по требованию публики неоднократно исполняла гимны русский и балканский, которые сопровождались кликами «Ура».

Около часу ночи городской голова Шевалдышев произнёс краткую речь... По предложению Шевалдышева, провозгласившего: «Да здравствует Пултусский полк!», — покрытое также громкими «Ура», музыка исполнила полковой марш»¹⁸.

В газетных заметках говорится о репертуаре, звучащем в исполнении военного оркестра во время манифестации, посвящённой началу войны. Репертуар включал: русский гимн «Боже, царя храни», сербский гимн, «Славься» из оперы Глинки «Жизнь за царя», марш Пултусского полка. Налицо ограниченность числа произведений, звучащих во время манифестации, неоднократное повторение 2-х гимнов.

В течение двух суток после начала военных действий Пултусский полк, пополнившись запасными по штату военного времени, выбыл на фронт вместе с оркестром. В 1916 г. полк в составе 4-й армии генерала А.А. Брусилова участвовал в боях с австро-германскими войсками на Юго-Западном фронте, получивших в литературе название «Брусиловский прорыв».

Не обошли полк стороной и революционные веянья. Летом 1917 г. полк отказался идти на позиции, самовольно снялся с фронта и ушёл в тыл. Некоторые военнослужащие были подвергнуты суду военного трибунала, остальные направлены в различные воинские подразделения для прохождения дальнейшей службы. Многие вскоре вернулись в Кострому. В начале 1918 г. полк был расформирован. Сведений о судьбе полкового оркестра не сохранилось, однако до нас дошли скупые строчки воспоминаний одного из костромичей, посетивших полк, находящийся на фронте, в 1917 г. Приведём фрагмент воспоминания, опубликованный в газете «Поволжский вестник» от 6 мая 1917 г.

¹⁸ Поволжский вестник. – 1914. – 19 июля.

«5 апреля в штаб полка прибыли давно желанные гости – костромичи <...>. Гости познакомились с офицерами полка <...>. Затем гости любезно разделили трапезу с офицерами <...>. Играл полковой оркестр. Настроение у всех восторженно-радостное.

На другой день 6 апреля полк в полном составе был встречен около походной полковой церкви, где были сложены целые горы подарков – костромичей – пултусцам...»

Мы видим, что военный духовой оркестр Пултусского полка находил своё применение и на фронте, развлекая офицеров и солдат в минуты отдыха.

Убыв на фронт, Пултусский полк оставил в Костроме для формирования маршевых рот штаб будущего 88-го пехотного запасного батальона, а впоследствии полка, командиром которого был назначен полковник Б.Н. Владычек. На базе батальона был создан военный оркестр, на который в первые месяцы войны легла нагрузка по обеспечению традиционных парадов, проходивших на плацу перед Успенским кафедральным собором, а также полковых и городских мероприятий. В ноябре 1914 г. оркестр принял участие в похоронах раненного в боях рядового Зимина, «умершего в госпитале Красного Креста от заражения крови»¹⁹. Во время похо-

*Полковник Б.Н. Владычек.
Фото 1920 г.
Из фондов КГИАМЗ
«Ипатьевский монастырь»*

¹⁹ Поволжский вестник. – 1914. – 9 ноября.

ронного ритуала исполнялся соответствующий марш и церковный гимн Д.С. Бортнянского «Коль славен наш Господь в Сионе», а траурную процессию сопровождал сам губернатор П.П. Стремоухов. С каждым месяцем война уносила всё больше и больше человеческих жизней, и участие в похоронах прочно вошло в служебную деятельность оркестра 88-го пехотного запасного полка.

Остановимся ещё на одном событии, состоявшемся в конце первого военного года и заслуживающем внимания исследователей. Речь идёт о торжественной передаче костромским дружинам знамён костромских ополчений 1855 г., дарованных в своё время ополченцам и хранившихся в Успенском кафедральном соборе. Эта церемония, проходившая 14 ноября, в день рождения императрицы Марии Фёдоровны, стала наиболее ярким и зрелищным событием тех лет и включала в себя: крестный ход, приведение войск к присяге, торжественную передачу знамён командирам дружин, а также парад войск. Обратимся к рассказу очевидца тех событий: «После литургии и молебна в Кафедральном соборе, совершённого епископом Евгением и епископом Севастианом в сослужении с городским духовенством, крестный ход в сопровождении обоих преосвященных тронулся по направлению к Сусанинской площади, где на плацу перед Александровской часовней был устроен особый помост. Среди церковных хоругвей развевались три ополченческих знамени с изображением креста и надписями «За веру, Царя и отечество». Вокруг помоста выстроились все находящиеся в Костроме в данный момент войска. При приближении крестного хода к помосту военный оркестр исполнил «Коль славен». Затем совершено было благодарственное молебствие с провозглашением многолетий, после чего преосвященные Евгений и Севастиан, обойдя ряды войск, окропили их святой водой. Одним из священнослужителей были розданы каждому из воинов образки Феодоровской иконы Божией Матери. После раздачи образков войска были приведены к присяге знамёнам. Преосвященный Евгений звучным голосом произнёс текст присяги, а затем обратился к войскам с Архипастырским словом, в котором напомнил собравшимся войскам о возможности

их участия в борьбе с дерзновенно напавшим на Россию врагом – врагом всего славянства, и убеждал стойко защищать дарованные им знамёна. Затем знамёна были переданы командирам дружин и крестный ход отбыл в собор. Торжество закончилось парадом и церемониальным маршем.²⁰

Как мы видим, военная музыка в ритуале передачи знамён звучала дважды: при встрече крестного хода и во время прохождения войск церемониальным маршем. Если традиция торжественных прохождений войск и церковных парадов сохранилась в Костроме вплоть до 1917 г., а в изменённом виде дошла и до наших дней, то сопровождение военной музыкой крестных ходов после только что описанного нами торжества в Костроме прекратилось.

Таким образом, 14 ноября 1914 г. в церковной жизни Костромы состоялся последний крестный ход с участием военного духового оркестра. Традиция, существовавшая не одно столетие, оборвалась. В современной России возрождаются многие, утраченные в предшествующие десятилетия традиции, поэтому, по нашему мнению, пришло время вспомнить и воплотить в жизнь одну из них – участие военных духовых оркестров в крестных ходах²¹.

В 1914 - 1915 гг. деятельность оркестра 88-го запасного пехотного батальона в основном ограничивалась участием в парадах, воинских ритуалах. Как самостоятельный творческий коллектив в это время оркестр себя почти не проявил.

Большую конкуренцию духовой музыке этого периода составили струнный оркестр Я.К. Гшира и оркестр городского театра под управлением И.П. Сахарова. Оркестр Я.К. Гшира вёл большую концертную работу, выступая как на закрытых концертных площадках, так и на городском бульваре. Несмотря на то, что в составе

²⁰ Поволжский вестник. – 1914. – 15 ноября.

²¹ Днём возрождения традиции в Костроме можно считать 12 сентября 2004 г. В этот день духовой оркестр Костромского филиала военного университета РХБЗ (в настоящее время — Костромское высшее военное командно-инженерное училище РХБЗ) под управлением автора этих строк по благословению архиепископа Костромского и Галичского Александра принял участие в проводах Феодоровской иконы Божией Матери на Украину.

этого оркестра было всего около 20 исполнителей, репертуар у коллектива был обширный — от торжественной увертюры «1812 год» П.И. Чайковского до «Кавказских эскизов» М.М. Ипполитова-Иванова. За исполнение произведений такого уровня сложности Я.К. Гшира часто критиковали любители музыки, так как малым составом струнного оркестра невозможно профессионально исполнять партитуры, написанные для большого симфонического оркестра. Тем не менее, вклад струнного оркестра Гшира в пропаганду классической музыки в то время значителен. Благодаря этому коллективу костромичи знакомы с музыкой П. Чайковского, С. Рахманинова, Дж. Пуччини, Ж. Массне, Дж. Верди, Ф. Листа.

В начале 1915 г. власти Костромы озаботились приглашением духового оркестра для игры на городском бульваре в летние месяцы. В предшествующие годы на бульваре регулярно играл духовой оркестр Пултусского полка, с которым городские власти заключали контракт. Эпизодически выступали здесь и приглашённые оркестры из Ярославля, Рыбинска и Нижнего Новгорода. Проблема, возникшая в 1915 г., на взгляд исследователя, связана с тем, что оркестр Пултусского полка в то время находился на фронте, а оркестр 88-го запасного пехотного батальона ещё не освоил широкий репертуар, так как в коллективе не было профессионального капельмейстера (позднее оркестр возглавил К.Н. Васильев). Безусловно, определённое количество произведений в репертуаре было и его хватало для обслуживания мероприятий, на которых мы остановимся ниже, однако игра на городском бульваре требовала знания оркестром нескольких десятков произведений, что было проблематичным при отсутствии профессионального руководителя. В апреле 1914 г. капельмейстер струнного оркестра Я.К. Гшир предложил городской управе свои услуги по организации на бульваре музыки, однако после некоторых раздумий его кандидатура властями города была отклонена. Причиной отказа стало австрийское подданство Гшира, а также особенность струнного оркестра, качество звучания которого, на открытом воздухе, оставляет желать лучшего и не может сравниться с духовым оркестром.

1-ая ВЫСТАВКА КАРТИНЪ

г.г. художниковъ и любителей искусствъ въ пользу воиновъ Пултусскаго и Юрьевецкому полковъ

ОТКРЫВАЕТСЯ 18-го с. января въ 11 часовъ дня

Въ помѣщеніи Костромскаго, Клуба Ильинская ул. д. Акатова. Во время открытія выставки будетъ играть оркестръ военной музыки.

4. - 0

Реклама выставки картин костромских художников из газеты «Поволжский вестник». 1915 г.

Спустя два месяца решение было найдено. Городская управа наняла духовой оркестр из Москвы в количестве 16 человек «за 750 рублей в лето»²². Часть средств на содержание оркестра выделили фабриканты Шевалдышев и Чумаков. По условиям контракта, оркестр должен был играть на бульваре ежедневно, а первое его выступление состоялось 18 июня 1915 г.

Описывая творческую деятельность оркестра 88-го пехотного запасного батальона в 1915 г., следует вспомнить о его участии в гуляньях, проходивших в Нескучном²³ саду на Рождественской улице, сбор от которых в военные годы чаще всего поступал в пользу семей воинов, находящихся на фронте. Обычно на таких гуляньях оркестр играл бесплатно, однако для этого требовалось разрешение командира бригады. Можно рассказать и об участии оркестра в открытии в январе 1915 г. выставки картин группы местных художников. Здесь было представлено более 258 полотен художников: Музалев-

²² Поволжский вестник. — 1915. — 19 июня.

²³ В настоящее время это территория областной больницы.

*Казармы 202-го пехотного запасного полка.
Вид с водонапорной башни на ул. Мясницкой.
Фото 1916 г.
Из фондов КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»*

*Окрестр 202-го пехотного запасного полка.
В центре среди офицеров — командир полка
полковник Гембицкий.
Фото 1916 г.
Из фондов КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»*

кого, Л.А. Большакова, В.Л. Колесова, Н.П. Шлеина и др. Выставка, доход от которой пошёл в пользу воинов Пултусского и Юрьевецкого полков, находящихся на фронте, стала особым событием в культурной жизни Костромы военного времени, а участие в открытии выставки военного оркестра придало событию торжественность и особый патриотический дух, способствовало её рекламе. В первый военный год оркестр принял участие в музыкальном сопровождении большой патриотической военной картины «Всполыхнулась Русь сермяжная», демонстрировавшейся в «Современном театре». Играть во время демонстрации кинофильмов оркестры начали в Костроме, как мы знаем, ещё раньше — в 1913 году. Большинство картин, сопровождаемых военной музыкой, имело патриотическую направленность.

В первую военную осень в город стали прибывать санитарные поезда с ранеными воинами. Встречи первых военно-санитарных поездов были организованы весьма торжественно. Задолго до прихода поезда на вокзале, который в то время был за рекой Волгой, собирались врачи, сёстры милосердия, санитары с носилками, подъезжали конные крытые санитарные повозки. Прибывали представители городской администрации, дамы-патронессы, учащиеся. Обязательно выходил военный духовой оркестр. Поводом для игры оркестра на вокзале были и проводы на фронт маршевых рот, встречи праха погибших солдат и офицеров, торжественные встречи почётных гостей. Все эти факты свидетельствуют об особом значении военной музыки в жизни общества в военные годы.

В конце 1915 г. в Кострому был переведён 202-й пехотный запасной полк, сформированный в начале Первой мировой войны в Орле, а осенью 1915 г. передислоцированный в город Карачаев Орловской губернии. Переменный состав полка доходил до 9 тысяч человек. Вместе с полком прибыл военный духовой оркестр, включавший в себя около 36 исполнителей. В штате запасного полка оркестр не предусматривался, и денежные суммы на него не отпускались, но командиру хотелось иметь духовой оркестр. Поэтому оркестр комплектовался за счёт вновь прибывшего пополнения. Подпоручик А.В. Лаговский,

проходивший службу в полку в эти годы, вспоминал: «Адъютант полка, при разбивке приходивших пополнений, всегда вызывал из строя музыкантов. Если такие оказывались, но инструментов у них на руках не было, их посылали в командировку на родину или — куда сами солдаты скажут, и они возвращались уже с инструментами, зачислялись в музыкальную команду и не высылались на фронт с маршевыми ротами»²⁴. Судя по воспоминаниям Лаговского, командование полка понимало значение военной духовой музыки в повседневной жизни воинов и уважительно относилось к музыкантам — исполнителям на духовых и ударных инструментах.

Таким образом, в городе к началу 1916 г., как и в первые годы XX в., находилось сразу два военных оркестра. Деятельность нового для Костромы коллектива, несмотря на прекрасную его укомплектованность «по голосам», не отличалась разнообразием, однако с приходом в город оркестра 202-го пехотного полка появились новые формы творчества, одна из которых — совместное музицирование — стала популярной. Обычно совместное исполнение программ проходило на городском бульваре во время гуляний, средства от которых шли на благотворительные цели. Свежие краски в музыкальную жизнь Костромы вносил и военный хор 202-го пехотного полка, который часто можно было услышать в городских кинотеатрах и на бульваре. Другой новой формой деятельности оркестра стало участие в любительских спектаклях, один из которых — «Василий Рябов» — был поставлен в полку в декабре 1916 г. и был посвящён подвигу рядового разведчика, пойманного японцами и расстрелянного за нежелание открыть место и план расположения отряда. Пьеса заканчивалась гимном в исполнении хора и духового оркестра. Премьера спектакля состоялась 6 декабря, а постановка осуществлялась прямо в солдатском бараке, вмещающем 500 человек. Такие творческие работы способствовали культурному и эстетическому воспитанию рядового состава полка. Этот пример является уникальным не только для костромских частей, но и русской ар-

²⁴ Фонды Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь». КОК 17576.

мии той эпохи в целом, а звучание музыки по ходу спектакля, пусть даже эпизодическое, усиливало патриотизм сюжета и его воздействие на зрителя, придавало спектаклю особый характер.

В годы пребывания в Костроме двух полков с оркестрами военные парады стали проходить более торжественно. Здесь оба оркестра уже объединялись в сводный коллектив и исполняли совместно служебно-строевой репертуар, состоявший из гимна и маршей для торжественного прохождения. 88-й и 202-й пехотные полки не имели собственных маршей, поэтому во время парадов могли звучать наиболее популярные военные марши тех лет, такие, как «Герой», марши Печорского, Преображенского, Фанагорийского, Гроховского полков, «Суворовский марш» Ф.Э. Фурмана. В этот период в России большую популярность приобретает марш В.И. Агапкина «Прощание славянки», написанный незадолго до начала военных действий на Балканах и посвящённый освободительной борьбе балканских славян. Вполне вероятно, что музыка этого марша звучала и во время военных парадов в Костроме.

В особых случаях сводный оркестр 88-го и 202-го пехотных полков принимал участие в похоронах военнослужащих. В июне 1916 г. во время строевого смотра, при встрече на полковом плацу бригадного генерала Бусова, скончался командир 202-го полка П.Н. Чуйков, в похоронах которого приняли участие начальник губернии Хозиков, вице-губернатор Сысоев, городской голова Шевалдышев и офицеры обоих полков. Тело Чуйкова до вокзала «сопровождал батальон полка и оба оркестра музыки»²⁵.

Для более объективной картины деятельности духовых оркестров в военные годы следует привести воспоминания Л.А. Колгушкина, посвящённые проходам маршевых рот на фронт: «Сбоку рот всегда бежали бедно одетые и обутые в лапти жёны, отцы, матери и дети, провожая в неизвестность иногда единственного кормильца, не зная, увидят ли его когда-нибудь. Провожающие причитали, плача навзрыд, сморкаясь, вы-

²⁵ Поволжский вестник. — 1916. — 21 июня.

тирая глаза и носы нечистыми рукавами или углами головных платков.

Подходя к Молочной горе и поравнявшись с розовой часовней, одиноко стоявшей у конца военного плаца, все солдаты, как по команде, обнажали свои остриженные головы, истово крестясь, должно быть, моля Бога о скором и благополучном возвращении к родному очагу, а может быть, прося “Всеблагого и Всемиловитвейшего” сохранить в живых родных и детей, не дав им погибнуть с голоду.

До ледостава маршевые роты грузили на паром, и неизменный перевозочный паром «Горожанин», отвалив от пристани, всю дорогу оглашал воздух короткими прерывистыми гудками, а в унисон ему печально играл духовой оркестр»²⁶.

Воспоминания показывают характер звучания военной музыки в печальные минуты проводов мужчин на Первую мировую войну. Нет здесь ни торжественности, ни помпезности. Трагедией и безысходностью, оттенённых духовой музыкой, веет от этих строк.

В канун 1917 г. в здании гостиницы «Старый двор» открылся буфет «Чашка чая», чистая прибыль от которого шла на устройство горячих завтраков «для недостаточных учеников 1-й мужской гимназии»²⁷. Особенностью этого заведения были не только дешёвизна, уют, но и регулярные выступления здесь солистов, хора под управлением А.К. Карагеоргиевича, военного оркестра. Таким образом, к началу 1917 г. в городе появилось ещё одно помещение, где выступал военный оркестр, и, хотя буфет просуществовал всего несколько месяцев, его запомнили костромичи и гости города как место, где зимними вечерами можно было отдохнуть и послушать музыку, в том числе и духовую.

Наступил 1917 г. Политическая обстановка в стране поменялась, Россию захлестнули манифестации, политические митинги, активное участие в которых после Февральской революции принимали военные духовые оркестры.

²⁶ Колгушкин Л.А. Воспоминания // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. Вып.5. — Кострома, 2002. — С. 152 - 153.

²⁷ Поволжский вестник. — 1916. — 30 декабря.

*Оркестр и военнослужащие
88-го пехотного запасного полка.
Фото 1916 г.*

Из фондов КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»

В ночь на 3 марта жителей Костромы разбудили звуки «Марсельезы». Это по призыву большевиков солдаты 202-го полка с оркестром направились на Еленинскую улицу к казармам 88-го полка и увлекли их за собой. Маршируя по улицам, они оповещали о своём присоединении к революционному движению. Народ восторженно приветствовал военнослужащих, в воздух неслось «Ура»²⁸. 6 марта в 11 часов утра на Сенной площади в присутствии войск, выстроенных в каре и держащих перед собой красные плакаты и флаги, и двух военных оркестров владыкой Евгением было совершено молебствие о даровании победы русскому воинству. В завершение торжества «войска церемониальным маршем с музыкой продефилировали перед командирами полков и членами Комитета общественной безопасности, пройдя по Павловской и Русиной улицам»²⁹.

В ознаменование учреждённого праздника революции 10 марта 1917 г. в Костроме прошёл парад войск.

²⁸ Поволжский вестник. – 1917. – 5 марта.

²⁹ Поволжский вестник. – 1917. – 7 марта.

Музыкальное оформление парада, на взгляд автора этих строк, не имело принципиального отличия от предыдущих аналогичных мероприятий. Здесь звучали те же строевые и походные марши. Лишь гимн «Боже, царя храни» уступил место «Марсельезе».

Кульминацией политических митингов первой половины 1917 г. в Костроме стало празднование 1-го Мая, в котором, по постановлению Совета военных депутатов, приняли участие весь гарнизон и оба оркестра. Праздник приобрёл особую торжественность благодаря приезду в Кострому в это утро «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской. Описание её встречи на вокзале мы находим в газете «Поволжский вестник» за 1917 г. Вот как это происходило: «При подходе поезда с бабушкой революции, находящийся на дебаркадере оркестр военной музыки начал играть “Марсельезу”. Поезд остановился у станции, и в дверях показывается бабушка, встреченная звуками “Марсельезы” и криками “Ура”. Затем в кресле бабушку выносят к экипажу и под звуки военного оркестра, играющего “Марсельезу”, и громовое “Ура” бабушка поехала к пароходу, чтобы переехать на городскую сторону»³⁰.

Как мы видим, деятельность военных оркестров в 1917 г. всё больше и больше переходит в политическую плоскость. Военные духовые оркестры всё чаще становятся участниками политических митингов, шествий, манифестаций, на которых в обязательном порядке исполняется «Марсельеза», реже — похоронный марш «Вы жертвою пали» (был исполнен двумя военными оркестрами в июне 1917 г. во время шествия процессии от читальни им. А.Н. Островского к месту расстрела рабочих 5 июня 1915 г. на Солдатской улице). Участие в таких мероприятиях не способствовало улучшению качества звучания оркестров, расширению репертуара, нередко ограничивающегося одной лишь «Марсельезой».

В конце 1915 года оркестр 88-го пехотного запасного полка возглавил Константин Николаевич Васильев (1880 - 1958 гг.). Бывший музыкант капельмейстера С.И. Виноградова, К.Н. Васильев, несмотря на отсутствие профессионального образования, к этому времени уже имел опыт

³⁰ Поволжский вестник. — 1917. — 19 апреля.

работы с духовыми оркестрами. Несколько предшествующих лет он дирижировал оркестром слепых, духовым оркестром Народного кинотеатра. Прекрасный дирижёр и педагог, К.Н. Васильев руководил костромскими оркестрами до начала 50-х г. XX столетия, в разные годы возглавляя оркестры театра имени А.Н. Островского, клуба текстилей, техникума водного лесотранспорта, школы милиции, сельскохозяйственного института³¹. С приходом этого музыканта к руководству оркестром 88-го

*Константин Николаевич Васильев
Фото 1916 г.
Из коллекции В.П. Макарова*

³¹ По инициативе коллектива духового оркестра Костромского высшего военного командно-инженерного училища радиацион-

*Выступление военного духового оркестра под управлением
Э.Г. Клейна на церемонии открытия мемориальной доски*

пехотного полка популярность коллектива в городе возрастает – музыкантов приглашают играть в городской театр, на балы в Дворянское собрание, однако концертную деятельность оркестр не вёл, а репертуар, в основе своей, ограничивался танцевальными произведениями.

В годы Первой мировой войны большой популярностью пользовался в Галиче Костромской губернии духовой оркестр 181-го пехотного запасного полка, высланного из Петрограда за революционные настроения среди военнослужащих. Этот оркестр, возглавляемый капельмейстером К.С. Дариенко и насчитывающий около 30 исполнителей, внёс определённый вклад в музыкальную культуру небольшого уездного города. Более подробно о деятельности этого оркестра в Петрограде и Костроме мы расскажем ниже.

К концу 1917 г. дисциплина среди военнослужащих костромских полков резко упала. Нижние чины не подчинялись офицерам, хулиганили на улицах, чрез-

ной, химической и биологической защиты на доме, в котором жил К.Н. Васильев в 1927 – 1958 гг. (ул. Долматова, 23), 27 августа 2005 года была открыта мемориальная доска.

*Открытие мемориальной доски
на доме, в котором жил К.Н. Васильев.*

*Слева направо: Э.Г. Клейн, В.П. Макаров, В.Ю. Наумов,
И.Н. Макарова (внучка К.Н. Васильева), С.Г. Степанова
27 августа 2005 г. Фотографии О.Д. Шакирова*

мерно употребляли спиртные напитки. Большие беспорядки начались 25 октября в Галиче. Солдаты разгромили много магазинов, винный склад, сожгли «только что открытую и хорошо оборудованную детскую библиотеку, здание общества потребителей»³². Всё это не могло не сказаться и на дисциплине военных музыкантов, хотя оркестры до конца 1917 г. продолжали работать в обычном режиме. Так, вплоть до конца декабря 1917 г. оркестр 88-го пехотного полка продолжал играть на балах в Дворянском собрании, а на катке «ежедневно с 3 - 4 часов»³³, включая 31 декабря, играл оркестр военной музыки 202-го пехотного полка. На этом же катке с 6 до 10 часов вечера играл оркестр, составленный из военнопленных.

Таким образом, период 1914 - 1917 г. стал особой эпохой творчества военных оркестров Костромской губернии. Эти годы — своеобразный «водораздел» между «старым» и «новым» временем, когда оркестры ещё звучали на балах, но уже участвовали в политических митингах и демонстрациях, проходящих под революционными лозунгами; когда на смену звучащему в Костроме в предвоенные годы оркестру Пултусского полка пришли другие военные коллективы, деятельность которых обогатила культуру костромского края XX века.

III

Духовой оркестр 181-го запасного пехотного полка: от Петрограда до Галича

История русской военной музыки до Октябрьской революции 1917 г. связана, в основном, со столицами, а также губернскими центрами. Однако иногда военная музыка звучала и в небольших уездных городах — так, например, как Галич Костромской губернии. Именно сюда в конце 1916 года был переведён из Петрограда 181-й запасной пехотный полк, а вместе с ним и **вои-**

³² Поволжский вестник. — 1917. — 2 ноября.

³³ Поволжский вестник. — 1917. — 30 декабря.

ный духовой оркестр. Причиной перевода полка в Галич стало участие военнослужащих, в основном нижних чинов, в революционных событиях октября 1916 г.

История 181-го запасного пехотного полка непосредственно связана с событиями Первой мировой войны, в самом начале которой большинство полков мирного времени, специально подготовленные, возглавляемые дворянским офицерством, были отправлены на фронт, уступив своё место запасным формированиям, одним из которых и стал батальон, в начале 1916 г. преобразованный в полк и впоследствии переведённый в Галич. В связи с военными действиями, в этот период проходили массовые мобилизации, охватывающие не только сельское население, но и фабрично-заводских рабочих, участвовавших ранее в революционной деятельности. Удельный

*Здание вокзала в Галиче.
Фото автора. 2002 г.*

вес рабочего класса был особенно велик среди солдат Петроградского гарнизона. До войны войска столицы принадлежали к числу наименее пролетаризированных. В годы войны руководству армии не удалось избежать массовой мобилизации рабочих, в том числе и участников забастовочного движения. Питерские пролетарии

перед отправкой на фронт служили в запасных полках Петроградского военного округа; в числе их был и 181-й пехотный полк, количество солдат которого доходило до 12 тысяч человек. Только по отношению к войскам гвардии старый порядок комплектования её крестьянами отдалённых губерний до некоторой степени сохранялся.

Многие воинские части Петрограда были расположены в рабочих районах, в непосредственной близости от крупнейших заводов столицы. Например, на Выборгской стороне стояли 181-й и 1-й запасные пехотные полки, лейб-гвардии Московский полк; на стыке Петроградской и Выборгской сторон — лейб-гвардии Гренадерский полк; на Васильевском острове — лейб-гвардии Финляндский, 180-й запасной пехотные полки. Повседневное соприкосновение с рабочими было естественным результатом дислокации воинских частей, что приводило к усилению антиправительственных, революционных настроений среди военнослужащих. К тому же результату приводили усиленные в годы войны наряды воинских частей по охране заводов, мостов, вокзалов. Зачастую крупные партии нижних чинов прикомандировывались и для выполнения различных работ на военные и военизированные заводы, настроения рабочих которых не было лояльным к руководству государства. К 1916 г. тыловые части русской армии в значительной мере лишились опытных, прекрасно подготовленных офицеров и унтер-офицеров, которые находились либо на передовой, либо погибли в боевых действиях. Преобладающее место в офицерском строю, в том числе 181-го запасного пехотного полка, заняли младшие офицеры военного времени, прошедшие ускоренный курс военных училищ и школ прапорщиков, офицеры-резервисты и унтер-офицеры из ратников. Такой командный состав, не имея фундаментального образования, должной военной подготовки, высокого уровня культуры, зачастую состоявший из случайных людей, не мог оказывать должного воспитательного влияния на нижние чины вверенных им подразделений.

В 1916 г. политическая обстановка в Петрограде была сложной. За год в городе было зарегистрировано 352 стачки (27 процентов всех стачек в стране), в кото-

рых участвовало 361,9 тысяч рабочих (около 38 процентов общего числа забастовщиков страны). Одна из таких забастовок произошла 17 октября на чугунолитейном заводе «Новый Лесснер», который располагался недалеко от казарм 181-го запасного пехотного полка на Большом Сампсониевском проспекте. Во время этой забастовки имело место столкновение рабочих с полицией, за которым наблюдали массы солдат, стоявших вдоль забора, отделяющего расположение полка от улицы, и криками приветствовавших рабочих, которые, в свою очередь, приветствовали солдат. Когда наряд полиции начал отделять рабочих от солдат, последние начали заб-

Казармы 181-го пехотного запасного полка в городе Галиче. Фото 1917 г.

*Из фондов Галичского филиала
КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»*

расывать наряд камнями, а затем «выскочили из ворот, перелезли через забор, окружили полицию и с криками “бей полицию!” продолжали бросать кирпичи и палки»³⁴. Солдаты приняли участие и в уличных драках, опрокинули два вагона конки.

На следующий день, 18 октября, беспорядки со стороны военнослужащих полка продолжились. Так, проходившая в 9 часов утра по Большому Сампсониевскому проспекту команда солдат в 200 человек, увидев наряд городских, стала кричать: «Морда, фараон, сволочь...»³⁵. О всех этих беспорядках было доложено петроградскому

³⁴ ГАЛО, ф. 569, оп. 1, д. 1841, л. 136.

³⁵ ГАЛО, ф. 569, оп. 1, д. 1841, л. 128.

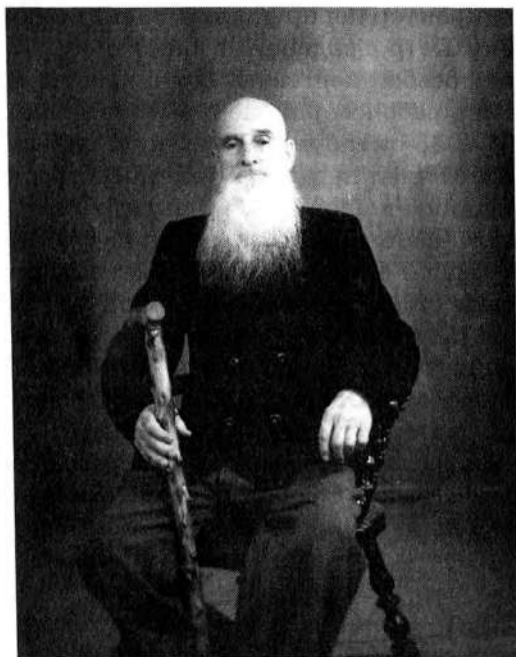
градона начальнику, а директор департамента полиции обратился к начальнику Петроградского военного округа генералу Хабалову с просьбой перевести 181-й пехотный полк, расположенный в рабочем районе и выступивший вместе с рабочими 17 и 18 октября 1916 г., куда-либо в другое место. Хабалов обещал при разгрузке Петрограда отправить полк из столицы в первую очередь, что в ближайшее время и сделал. Часть солдат отправили на фронт, часть передали в штрафной батальон, расположенный в селе Медведь Новгородской губернии, а основной состав полка, около 7 тысяч человек, был переведён в Галич, где для его размещения на Костромском тракте, «начиная от моста через железную дорогу, было выстроено несколько десятков досчатых утеплённых барачков»³⁶.

Служебная деятельность полка, вплоть до перевода в Галич, сопровождалась музыкой военного духового оркестра. О составе оркестра этого периода, его репертуаре нам ничего не известно, однако, учитывая то, что в Петрограде было большое количество профессиональных музыкантов, в том числе и выпускников консерватории по классу духовых инструментов, профессиональный уровень оркестра мог быть достаточно высоким. Один из нижних чинов 181-го пехотного полка, вспоминая об отправке на фронт военнослужащих после участия в беспорядках, о которых рассказано выше, так описал это событие с участием военной музыки: «Полковой командир сказал напутственную речь, заиграла музыка походный марш, раздалась команда: «Смирно! Равнение направо! Правые плечи вперёд! Шагом марш!» — и мы, гремя котелками и лопатами, зашагали к воинской платформе»³⁷.

Наиболее популярным и востребованным жанром в годы войны был марш. Исполнялись походные, строевые, торжественные, похоронные марши. Здесь делается ссылка на походный марш, наиболее часто исполняемый военными духовыми оркестрами не только в походах, но и во время воинских ритуалов, на передовой.

³⁶ Макаров В.А. Воспоминания // Рукопись из фондов Галичского филиала Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (КГИАМЗ) «Ипатьевский монастырь». № 385.

³⁷ Иванов А.В. Волнение в 1916 году в 181 пехотном запасном полку // Красная летопись. — 1924, № 1. — С. 171 - 173.

К.С. Дариенко.

Фото 50-х гг. XX в.

*Из фондов Галичского филиала
КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»*

наёмные, а также воспитанники оркестра. Оставшись в городе, они имели возможность устроиться в одну из находившихся там воинских частей.

Создателем оркестра на новом месте стал Кузьма Севастьянович Дариенко (1886 - 1961 гг.), состоявший на выборной должности капельмейстера 181-го запасного пехотного полка с 15 января 1917 г. по 15 апреля 1918 г., а с 15 апреля, вследствие демобилизации полка, работавший на той же должности в Галичском Советском полку. За время работы с оркестром «Дариенко зарекомендовал себя отличным организатором в смысле постановки музыкального дела. Под его руководством был организован и поставлен на должную высоту полковой оркестр»³⁸.

³⁸ Фонды Галичского филиала КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь». Свидетельство № 3250. (Выдано командиром Галичского Советского полка 11.11.1918.)

К.С. Дариенко не имел в 1917 г. профессионального музыкального образования (позднее, с 1924 по 1927 гг., он обучался в Киевском музыкальном техникуме по классу кларнета). Капельмейстер закончил в 1915 г. Курское первое высшее начальное училище, а опыт работы с духовыми оркестрами получил в Курской мужской гимназии, где заведовал ученическим духовым оркестром и обучал игре на духовых инструментах около 40 воспитанников. Следует отметить, что до 1917 г. в большинстве мужских гимназий России, в том числе и Костромской, существовали духовые оркестры. Под руководством Дариенко «гимназический оркестр мог самостоятельно выступать на ученических концертах, в войсковых парадах»³⁹.

В 1916 г. Дариенко призывается в войска как ратник второго разряда. Служить он попадает в учебную команду 88-го запасного пехотного полка, расквартированного в Костроме. Считаясь хорошим во всех отношениях солдатом, он был назначен заведующим музыкальным образованием команды воспитанников полка и, «будучи с солидной музыкальной подготовкой, весьма быстро организовал оркестр воспитанников и достиг хороших результатов, в короткий срок развив музыкальные способности воспитанников»⁴⁰. В это время будущий капельмейстер полка, расквартированного в Галиче, познакомился с К.Н. Васильевым, возглавлявшим в это время оркестр 88-го пехотного полка. Оба эти человека вошли в историю костромской культуры как профессионалы-самородки, мастера оркестрового дела, энтузиасты и пропагандисты духовой музыки. После службы в армии они продолжали работать до 50-х годов XX столетия на костромской земле, занимаясь с оркестрами, а также и с исполнителями на сольных оркестровых инструментах.

³⁹ Фонды Галичского филиала КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь». Свидетельство № 165. (Выдано директором Курской мужской гимназии 3.02.1916.)

⁴⁰ Фонды Галичского филиала КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь». Справка № 1772. (Выдана начальником Особой Костромской пехотной запасной бригады 7.07.1917.)

После службы в Костроме начальник Особой Костромской запасной бригады рекомендует направить К.С. Дариенко в Галич в качестве капельмейстера 181-го запасного пехотного полка, переведённого сюда из столицы. Оркестр на начало 1917 г. в полку существовал, но потребовались энергия и талант руководителя, чтобы поднять его на должный профессиональный уровень. Ряд оркестрантов прибыли из Петрограда, однако пришлось набирать и местных музыкантов. На фотографии оркестра полка, хранящейся в фондах Галичского филиала Костромского объединённого историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь», запечатлено 27 музыкантов. Здесь полновесно представлены все оркестровые группы, кроме тромбонов. Следует обратить внимание на большое количество молодёжи в составе оркестра. На наш взгляд, это воспитанники, являвшиеся местными жителями. Исторически сложилось так, что в воспитанники обычно шли подростки того населённого пункта, где находился военный оркестр. Несмотря на то, что снимок оркестра сделан зимой, часть оркестрантов стоят в фуражках (другие – в папахах). Причиной этого могло

*Оркестр 181-го пехотного запасного полка.
Фото 1917 г.*

*Из фондов Галичского филиала
КГИАМЗ «Ипатьевский монастырь»*

быть плохое вещевое снабжение полка, связанное с экономическими трудностями военного времени.

Творческая деятельность оркестра в Галиче совпала с революционными событиями 1917 г.

После Февральской революции в городе проходит много манифестаций и митингов с участием войск и военного духового оркестра. Все чаще звучат «Марсельеза» и похоронный марш «Вы жертвою пали». Вместе с тем галичские улицы, сады и скверы оглашаются и традиционной, популярной духовой музыкой. Оркестр исполняет старинные русские марши, вальсы, польки, переложения лёгких симфонических партитур, а капельмейстер К.С. Дариенко солирует на кларнете и ксилофоне. Нередко коллектив выступал в помещении электротeatра, где демонстрировались не только кинофильмы, но и проводились различные торжественные мероприятия. В годы войны появились новые формы их — с участием воинских частей и духовых оркестров. В качестве примера можно назвать День «займа свободы», организованный в июне 1917 г. по инициативе редакции газеты «Галичанин». Вот как описывала это событие газета «Поволжский вестник»: «На площади красуется устроенная из ельника трибуна. Стекается публика. Выступает полк с оркестром военной музыки. <...> Войска располагаются четырехугольником вокруг ораторской трибуны. Митинг начинает местный комиссар, рисует тяжёлое положение страны в финансовом положении. По окончании митинга, манифестация прошла во главе с полком по улице “Свободы”. По приблизительному подсчёту “день” дал для города сумму в 1,5 тысяч рублей»⁴¹.

Фрагмент заметки губернской газеты того периода показывает нам площадь и называет улицу, где звучала военная музыка, отмечает форму построения войск, при которой оркестр мог находиться в середине четырехугольника, рядом с трибуной. Говорится здесь и о количестве собранных денег, в результате данной акции. Можно отметить, что оркестр в этом случае не только развлекал и услаждал публику, но и способствовал увеличению сбора денежных средств на нужды страны, привлекая музыкой галичан.

⁴¹ Поволжский вестник. — 1917. — 23 июня.

Одной из чёрных страниц в истории Галича, как отмечалось выше, стали беспорядки, организованные военнослужащими полка и начавшиеся 25 октября 1917 г. В городе прошло множество погромов, совершённых солдатами. Был разгромлен винный завод, магазины Сотникова и Голубева, уничтожена хорошо оборудованная детская библиотека, здание Общества потребителей. Солдаты занимались мародёрством несколько дней. Всё это говорит о низком моральном облике большей части нижних чинов полка, нравственном кризисе в обществе. Эти факты не могли не оказывать влияния и на музыкантов военного оркестра, особенно солдат, которые, являясь частью полка, были подвержены общим настроениям.

В октябре 1917 г. в России произошёл большевистский переворот. По получении известий о смене власти в Петрограде, полковой комитет и партийная ячейка полка созвали в большом зале гостиницы И.И. Громова⁴² совещание. Вот как впоследствии вспоминал события этого дня, в которых определённую роль сыграл полковой оркестр, участник Октябрьской революции и Гражданской войны В.И. Кукушкин: «Перед этим большим совещанием я распорядился, чтобы добровольческая часть Красной Армии, которой в то время командовал Ожерелков Ф.Ф.⁴³, в полном боевом порядке и по первому сигналу в полном вооружении должна была выведена по моему указанию. Видя, что галичская буржуазия и её прихвостни эсеры и меньшевики против добровольной передачи власти в руки совета, я приказал командиру добровольческой части капитану Ожерелкову вывести часть с полным вооружением и духовым оркестром и построить развернутым фронтом по ул. Свободы против гостиницы Громова.<...>

Видя создавшееся положение, галичские буржуазные представители из городской управы и уездного земства и их прихвостни из эсеров и меньшевиков покинули совещание, оставшиеся большевики и члены полкового комитета организовали революционный комитет во главе с товарищем Лебедевым и членами ревкома Сизяковым П.А. и меня

⁴² Это было самое большое помещение в городе.

⁴³ Фёдор Фёдорович Ожерелков – выборный командир 181-го пехотного полка, бывший капитан царской армии, латыш.

*Здание бывшей гостиницы Громова в Галиче.
Фото автора. 2004 г.*

и объявили в городе, что отныне власть в Галиче перешла в руки Галичского революционного комитета»⁴⁴.

Юридически путь полка закончился 9 января 1918 г. В этот день исполком Галичского совета объявил, что «всё имущество 181 запасного пехотного полка, расквартированного в Галиче, переходит в ведение Совета для формирования отрядов Красной армии»⁴⁵.

Таким образом, к началу 1917 г. в Галиче Костромской губернии, вследствие перевода 181-го запасного пехотного полка из Петрограда, появился военный духовой оркестр. За время своего пребывания здесь он стал ведущим творческим коллективом города. Значительный вклад в культуру города внёс и капельмейстер полка К.С. Дариенко, работавший в Галиче до конца 50-х г. XX столетия, в разное время возглавлявший кружки самодеятельности, хоры, духовые оркестры, сочинивший ряд песен о Костромском крае.

⁴⁴ Фонды Галичского филиала Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь». Воспоминания Василия Ивановича Кукушкина.

⁴⁵ Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 7878, оп. 2, ед. хр. 94, л. 40.

В.Я. Шишков

Приволжский край

(Очерки)

В.Я. Шишков.
Фото 1927 г.

Вячеслав Яковлевич Шишков (1873 - 1945 гг.) — известный русский, советский писатель, автор романов «Угрюм-река» (1933 г.), «Емельян Пугачев» (1938-1945 гг.) и др. Летом 1924 года он приехал в Костромскую губернию и совершил поездку по Костромскому и Буйскому уездам. Результатом этой поездки стала серия очерков под общим названием «Приволжский край». Часть очерков писатель опубликовал в журнале «Новый мир» (1925 г., № 2, 3), а полностью они были напечатаны в 1927 году в 11 томе полного собрания сочинений В. Я. Шишкова (М.-Л.: Земля и фабрика, 1926 - 1929) — в книге путевых очерков «Ржаная Русь». Публикация в «Ржаной Руси» отличается не только грамматической и стилистической правкой, но и незначительными сокращениями. Эти публикации давно уже стали библиографической редкостью. Данные очерки представляют интерес не только для краеведов, но и для широкого круга читателей.

Прошлым летом 1924 года я направился с котомкой в Костромскую губернию. По совету заведующего Костромским музеем В. И. Смирнова, я решил подняться вверх по Костроме-реке, перебраться в Галич, Солигалич, Чухлому и далее захватить Кологривский уезд и весь при-Унженский край. Но намеченный маршрут удалось выполнить только отчасти: я успел ознакомиться с краем лишь в пределах между городами Костромой и Буюем.

І. ПОД КОСТРОМОЙ

Каменный век, электрификация и патока

Целой компанией отправляемся из города к устью реки Костромы (обследовать становище доисторических насельников края — мерян). Тут археолог В. И. Смирнов со своими детьми, прочая приставшая к нам молодежь и два деревенских парня, только что кончивших школу второй ступени и приехавших из дальних мест в город, чтобы получить совет, в какие Вузы столиц подавать прошения: им до смерти хочется получить высшее образование и поработать на пользу родного края. Оба они занимаются этнографией, собирают песни, заговоры; один из них, с экскурсией буйской школы, обошел в прошлом году целый уезд, зарисовывая орнаменты наличников и типичные постройки. Вообще, надо сказать, что среди современной крестьянской молодежи — я встречался со многими — необычайно развита тенденция краеведчества, и Костромской музей немало имеет из их рядов настоящих, дельных корреспондентов: присылают нефритовые топоры, стрелы, с точным описанием, где и при каких

Очерки «Приволжский край» печатаются по публикации в «Ржаной Руси» — без изменений.

В примечаниях — отсылка к новомирской публикации.

условиях найдены; иные заняты геологическими работами в своих и окрестных деревнях, другие с головой ушли в фольклор. Например, буйская школа в течение прошлого лета собрала исчерпывающий материал по свадебному обряду, учитель гармонизировал песни, а зимой «русская свадьба» во всей натуральности много раз ставилась школой.

Из разговоров с многочисленной молодежью, стремящейся пройти высшую школу, выяснилось, что большинство из них сознало нищую беспросветную тьму забытой деревни и твердо желает, не прельщаясь городской карьерой, вернуться к своим полям и убогим хатам, чтобы претворить звериный быт в уклад относительной культурности.

— Надо работать, — говорят они, — потому что мужичья Русь очень бедна интеллигенцией.

Такое ревнивое отношение к деревне пришло не с ветру: это отчасти внушается учителями, и вернувшимися из плена солдатами, и более или менее развитыми красноармейцами, а отчасти местной интеллигенцией, книгами, газетами, но главным образом — благодаря общему сдвигу всей нашей болотной жизни, духовному вихрю внутренней революции, охватившей сердца и головы мужиков. Деревня кряхтит, ругает порядки, пьянствует, бьется ножами и кольями, но деревня далеко не та, что прежде. Человек почувствовал, что он человек, и это главное.

* * *

На песчаной, намытой гриве — деревня.

— Это озерко, возле которого мы стоим, — говорит археолог, — называется «Мерь». Тут жили когда-то меряне. Когда же пришли и осели здесь славянские племена, они, в противовес этому озеру, назвали вон то озеро — «Святым».

Несколько лопат врезались в песок и начали ковырять.

— Стойте, не так! — закричал археолог. — Надо культурный слой отыскать. Вот культурный слой! Видите, темные напластования в песке, с кусочками углей. Тут, очевидно, была стоянка. Ройте потихонечку, слой за слоем.

И обращаясь ко мне:

— Вот вы идете по губернии. Хотите, в нескольких словах, знать кое-что из этнологии края? От устья Костромы до села Мисскова, куда вы собираетесь, вверх по реке Костроме, был так называемый «Мерьский стан». Этих станов рассеяно по губернии много. Кто была загадочная «меря» — мнения ученых расходятся. Мерь — это остатки угров (венгров). Прародина их — Тобольская, Пермская и Вятская губернии. Отсюда, теснимые тюрками, они перекочевали на запад. Часть их осела в Костромской губернии, потом перешли реку Этыл (Волгу), «нигде не нашли ни селений, ни сельских дорог и не питались изготовленными людьми кушаньями, — пишет венгерский летописец, — но наедались мясом и рыбами, покуда пришли в Суздаль. Оттуда направились в Киев (888 г.), потом, через Карпаты, в Паннонию». Далее, в IX веке, норманны проложили торговый путь от Ладоги по Волге в Булгары. За ними потянулись в Приволжье славяне. Вероятно, славянские селения частично встречались и в более раннее время. Такие названия в крае, как Судиславль, Горесловка, Гридины, Китоврасово, Шеломец, Здемирово — дышат глубокой стариной. В седые времена приходили сюда и новгородцы, сначала в качестве ушкуйников, а позднее с торговыми целями. Марфа Посадница в одной из своих дарственных пишет: «Се яз Марфа, вдова, Исака Андреевича жена, великого Новгорода посадница, дает в дом Николы чудотворца, что у р. Ветлуги, игумену Макарию и старцам вотчину свою, ловища рыбные и земли и воды и лес черный дикий и на той земле деревни (перечисление) с людьми и скотом и животом». Или вот еще, если я вам не наскучил, интересный сохранившийся в моей памяти документ, как заволжские старцы в древности утесняли черемис. Луговая черемиса жаловалась царю на игумена Унженского монастыря Пафнутия и старца Варлаама: «...и в прошлом-де во 166 году в во 168 построили те старцы вновь пустыни (перечисление — где) в их черемисских ясачных ухожьях и крестьянскими дворами поселились. И их-де черемису в тех угодьях бьют и увечат и всякое поругание чинят и

стреляют по ним из ружья и многую-де черемису побил до смерти. И от тех-де старцев многие ясачные дворы запустели и врознь разошлись. И ныне-де те старцы Варлаам с братией и со крестьяны...»

В это время десятилетняя дочка археолога примчалась запыхавшаяся, с маленькой лопаткой, и закричала:

— Папочка, папочка!.. Я культурный слой нашла.

— Где?! — и мы направились за весёлой девочкой. Археолог надел очки, встал на карачки и звонко рассмеялся:

— Какой же это культурный слой?! Это просто прошлогодний коровий помет, — и позвал к себе крестьянского паренька.

— Слушайте, Александр Федорыч! Промеряйте шагами от бровки холма, до озера и до завода. Только точнее. А я зарисую ситуацию. Что, нашли? Ага! Великолепно! Три наконечника стрел... Где?

Солнце закатывалось. Я лег на песок и глядел в широкие волжские степи. Волга здесь разливается на тридцать верст, здесь весной сплошное море, и лишь правый берег реки Костромы значительно приподнят, он весь пестрит деревнями и селами. Белеют колокольни, горят кресты, кругом зеленое море трав, и только кое-где желтеют нивы.

Мои спутники заняты своим делом: обмеряют, роют, кто-то купается в пламенеющих закатных водах озера. Воздух тих. Косые лучи солнца загрёбисты, они обхватывают каждый предмет, углубляют тени, все становится чеканным, выпуклым.

Мне мерещится стойбище древнего человека, который спит, может быть, под теми песками, где я лежу. Вот его табуны несутся птицами из края в край, а он сам только что раскрыл дубиной медвежий череп; зверь, издыхая, рычит, рычит и дикий человек, каменным ножом сдирая со зверя шкуру. Я приподымаюсь, всматриваюсь. Прямо на меня идет житель. Но это не печенег, не мерь, это, должно быть, культурный человек нашей эпохи. Но кто же он? Длинные английские сапоги со шнурами, белая чесучовая куртка, шляпа.

— Позвольте познакомиться... Местный крестьянин... Услыхал, что вы из столицы. Очень приятно поговорить...

Он присел на песок. Достал серебряный портсигар и закурил. Лет тридцати, с небольшими белыми усиками, глазки медвежьи, исподлобья, а говорок костромской, быстрый, с захлебцем.

— Да, — начал он. — Вот в этом холме разные каменные вещи находятся и прочий старый хлам; а рядом по всей нашей Шунгенской волости — электрификация. То есть две противоположные культуры. А день, одним словом, сегодня праздничный, гляжу — в песке ученые люди роются, это здесь часто; дай, думаю, пройдусь...

— Что ж, у вас электрическое освещение?

— У нас?! — восторженно воскликнул он. — А разве не слышали! Во всех газетах пропечатано. Прошлым летом открытие было. Торжество*. А в последствии времени, как водится, молебн. Ну, так, не для всех — для желающих: все-таки другие, которые темные, желают верить, что это самое электричество не от бога, а вроде от нечистика. Ну, все-таки прогресс страшный. Спросите-ка нашего мужика, есть ли у него электричество, он вам ответит: «Даже у каждого шелудивого поросенка под хвостом по лампочке»... Честное слово.

Крестьянин сел**, пофыркивая от прилива чувств.

— В 1918 году удумали, а в 23-м открыли. Теперь превосходно. Оно, правда, подороже керосина, но все ж таки...*** Пробовали электричеством пахать — ничего не вышло: и проводка дорога, и плуги не приспособлены, да и не умеем. Впрочем, и земли-то у нас как у журавля на кочке, пахотной-то: у нас главное — луга и картошка. Ведь у нас здесь по всей волости картофелетёрочные заводы. Крахмал делаем, патоку, глюкозу. Да этой самой патоки-то столько нынче наворожали, что и деваться с ней некуда. До тысячи пудов в сутки выгоняем. Думаем вскорости карамель выдeldывать, ландрин. А всему нашему делу голова — М. И. Стругов из деревни Тепры. Да вон он сам на велосипеде катит.

Рассказчик вскочил и, глядя на нивы, где мелькала сутулая спина, закричал:

* Гражданское торжество.

** Сопел. (Крестьянин уже сидел. — Прим. ред.)

*** После отточия: «3 руб. 60 коп. в год за лампочку в 25 свечей».

— Эй, Стругов, Стругов!! Не слышит... Ах, хорошо... Ну и башка! Он в Москву от нас порхает, и в Ленинград, и в Нижний — на тебе денежки, только знай работай нам на пользу — от всех делов крестьянских отстранили его, платим полтора ста рублей в месяц, да ему и трехсот не жаль — оправдает. Ба-а-шка!.. Нет, еще не вывелись у нас в деревне хитроумные мужики. А в коноводе — главная суть: ежели управитель не брюхом, а головой думает, все идет как по маслу: лови-бери-подхватывай.

— Что же, ваши заводы — кооперативные?

— Обязательно... А как же! Сначала было несколько первичных кооперативов, восемьсот пайщиков, а теперь все кооперативы соединились в Шунгенский союз кооперативов — четыре тысячи пайщиков. Попервоначалу, конечно, и частные заводы были. Мы начали их хитроумно утеснять, конкурировать как на молочном производстве, так и на картофельном. Дороже принимать продукты стали по пятаку на пуд, к нам все и понесли. Частные пыхтели-пыхтели, — лопнули. Мы, значит, ихнее имущество умненько под себя, на всем ходу. Так и обрастали. Да вот, ежели вы интересуетесь вплотную, я вам в цифрах. Я ведь в союзе счетовод.

Он достал записную книжечку и торопливо заперелистывал.

— Вот, пожалуйста... Наш союз в губернии самый старый. Первый кооперативный терочный завод открыт в селе Шунге в 1909 году, и два завода в селе Корякове. А по всей Костромской губернии в 1919 году было двенадцать заводов в Заволжском районе, шесть в нашем Шунгенском и один в Пушкинской волости. Вот, пожалуйста, табличка*:

В 1917 г. 11 заводов,	переработано		
	пудов картофеля	130.750	
“ 1918 ” 18	“ “ “ “	197.168	
“ 1919 “ 19	“ “ “ “	56.398	

* Из брошюры Н. Воробьева «Кооперация в Костромской губ.», 1924 г. (Прим. авт.)

— 1919 год — голодный, тут уж не до патоки, сами картошку с удовольствием ели. Позднейших сведений по губернии не имеется. Хотя известно, что в 1922 году уцелело лишь семь заводов. Но, поскольку мне известно, картофелетерочное производство восстанавливается и вскорости зашибет довоенную норму. А вы все-таки запишите: Шунгенская волость патоку гонит, только мы одни во всей губернии*. Мы замечательная волость: вот поедете на пароходе по Костроме-реке, увидите, какой у нас завод** сгрохан. На самом бережку. Сами сделали, сами... В прошлом году. И электрификацию увидите***... Все говорят: упадок при новых нравах, упадок... Чорта с два! А почему же у нас вместо упадка — патока. А вскорости ландрин покажется... Вот-те упадок..., ха-ха!.. Нет, все от башки да от рук зависит... Как до десятого пота поработаешь, вот-те и патока потечет. Странное дело.

Потная, усталая подошла с лопатками наша компания. Геолог с гордостью открыл коробку из-под папирос и показал каменную дрянь и черепочки.

— Эпоха неолита... За каких-нибудь два часа, — улыбаясь проговорил он.

А крестьянский сын, отирая потное лицо, добавил:

— Вот у меня в деревне замечательный каменный топорик, аккуратненький такой, уютный...

— Уютный? — поднял брови геолог. — А пойдете-ка домой.

— Паночка, папочка! — кричала из-под откоса девочка, — я культурный слой нашла!..

* Далее: «У нас и вальцовая мельница, и лесопилка. Даже шоссе думаем по своему району проводить».

** Далее: «с электростанцией сгроханы».

*** Далее: «мощностью в 500 сил».

II. РАЙОН ХМЕЛЕВОДСТВА

На пароходе — Осколки войны — Деревенская грязница — Разговоры за чаем о поэте Некрасове, мужичьих пожарах и колоколе — Смерть солдатки — Ликвидация безграмотности — Тяга к «культурному цеху» — «Религия подгадила»

Третий свисток — и наш маленький парходик, пробежав от городской пристани с версту по Волге, повернул в реку Кострому. Осенний дождь и ветер обращают июльский день в сентябрь. Крохотная кают-компания первого класса битком.

Вошедший купец сердито сказал:

— Тьфу! Даже сести некуда. И куда это народ по нашей речонке взад-вперед издиит...

С билетом первого класса я спустился во второй: там грязно и вонюче, как в конюшне, зато шумно, говорливо. Прямо на полу валяется одетая в прорехи красивая молдаванка и кормит ребенка грудью. Возле нее всклокоченная, черная старуха, похожая на ведьму, и бородач с громадными — в кулак — бубенцами вместо пуговиц на трепанной куртке. Это беженцы из нашей Бессарабии. Старик-крестьянин, румяный и улыбчивый, чавкая ситник с чаем, весело спорит с молодым коммунистом, тоже крестьянином, но, видимо, советским городским работником, едущим с молоденькой женой на отдых в деревню. Сначала спорят о религия, потом о деле.

— Как это от природы мир произошел... — подмигивая публике, наступает старик. — Глупая твоя наука, раз она гласит, что хозяина в мире нет. Ну а как же вот этот самый пароход — тоже природа создала? Али ему хозяин есть, скажешь — пролетарий работал его? Отвечай.

Слушатели улыбаются, подзуживают коммуниста, поддают жару.

— Стой, стой, папаша! Я тебе докажу...

— А чего мне стоять! Я и сидя... Нет, брат, бог всемогущ, вот и создал все.

— А вот и не всемогущ. Пускай-ка, в таком разе, козырного туза покроет...

— Туза-а-а?! — изумленно тянет старик и скребет под бородой. В его глазах скрытый смех и ужас.

Народ смеется.

— Что, дедка, съел?!..

— Ну, ладно, бога в сторону, — осипшим голосом ввязывается молодой крестьянин, черный, как арап, и взъерошенный. — А вот ты, товарищ, ответь, почему при новых правах такая масса безработных?

— Безработных? — переспрашивает коммунист и напряженно поводит бровями. — А вот почему...

— Дуть надо этих безработных. Лодыри! — неожиданно приходит на помощь коммунисту старик-богоступник. — Это не от правительства зависит, а от лени. Да вот я вам скажу... Весной было дело так. Пригнали, значит, мы плоты в Кострому; пошли пильщиков искать и прочих людей для береговой работы. Лесотдел нагнал безработных с биржи труда человек восемьдесят. Вот попилили они, поваландались денек-другой, да и ушли... Вишь ты, работа очень тяжела, а у них ручки нежные, и окромя того — возле сырости, закашлять можно... Ах, сволочи! Да таких людей в Волгу надо с крутого берега швырять... Безработные... Много таких безработных под баржами на Волге на боку лежат, легкой вакансии ожидают: кого бы за горло сбреть...

— Ну, а почему же, — трясет коммуниста за рукав молодой крестьянин и обводит глазами мужичьи бороды, как бы ища поддержки, — по какому же такому правилу нашего брата мужика в правительство не допускают? Почему дальше уезда нет мужика в правительстве?

— Вот так раз! А Калинин-то?

— Врешь! Калинин наполовину мужик, наполовину рабочий цех. А почему же... когда это... Да в двадцатом годе, кажись, мы крестьянский союз хотели организовать, а нас намахали в Москве: вы, дескать, серая масса...

— Не серая, а пестрая: среди вас много богатеев, кулаков... Под пролетария вас трудно уравнять... Организуйтесь в кооперативы...

— В кооперативы?! Значит, мужику нет доверия?!..

— Как нет! Полное доверие. И доверие и поддержка.

— Поддержка?!..

Пароход заголосоил свистком.

— Село Шунга*... Пойдем-ка на ихнюю механику любоваться, — примиряюще сказал старик. — Вот у них

* Шунга.

безработных нет. Этих безработных да пьяниц вот как дрючить надо — говори, где чешется... Безработные...

Выхожу на палубу. Через мелкую сеть дождя сереет высокий вечерний берег. На самом берегу электрическая станция, дающая световую силу двадцати трем деревням волости. Левее — красное двухэтажное здание картофеле-терочного завода.

Пароход взял двух пассажиров и заработал дальше. В некоторых плесах река Кострома почти сплошь преграждена плотами; на плотам много свежерубленных, красивых, словно игрушечных, домиков: они сплавляются вниз, на продажу в безлесные места.

Часов в шесть вечера пароход приткнулся к левобережной луговине и сбросил трап. Нагрузившись котомками, человек двадцать пассажиров двинулись в путь, к селу Мисскову, лежащему отсюда верстах в трех. Река делает здесь большую излучину и часа через два снова подшибается к селу, с противоположной стороны. Пока пароход шлепает этот путь, мы успеем дошагать до Мисскова. Дорога трудная: дождь, скользь, холодный ветер. Беженцы-молдаване хмуро шагают. Они путаются по России с 1914 года, вышли с родины артелью в тридцать человек, теперь их осталось с десяток, остальные померли. Живут в нищете, в грязи. Где выпросят, где своруют.

— Тяжело жить-то? — спрашиваю рядом шагающую красивую молдаванку с ребенком.

— Ох, товарышш. И не говори... Вот дитё малое, свое, так бы об камень бросила и сама бы в речку... Ох...

— Никакой родины не стало у нас, — бубнит борода-тый молдаванин. — Куда идем, и сами не знаем... Вот она война. Чтоб Вильгельма лихорадка затрясла, проклятый чалвэк...

Лес кончился. Поляна, Миссково. Начинается непролазная грязь. Молдаванка упала с ребенком и плачет.

— А нам недалеко, — кричат веселый мужичок с веселой бабой. — В эту хату нам. Мы к свояку в гости... А вам доведется похлопать... Грязищи здесь по горло.

Вступили в село. По дороге не пройти. Плетемся возле изб, хватаясь за стены, чтобы не кувырнуться в густой кисель. Кой-где слышались раздражительные

матерки. Парнишка протестуяще снял портки и идет среди грязи с видом победителя. Матрос перебрасывает котомку с плеча на плечо и на всю улицу кричит:

— Какие глупости, что человек произошел от обезьяны! Все даже не от обезьяны, а от свиньи! Каменных домов, черти, наделали, а нет чтобы плевый тротуарчик проложить... Культу-у-ра!..

На него из глубокой грязи глядит розовым пятачком счастливый боров и насмешливо крутит хвостом, как штопором.

* * *

— Не приютите ли нас, батюшка? — обращается мой спутник к стоявшему у ворот красивого полукаменного дома священнику.

— С удовольствием бы. Но у меня у самого приехавшие гости.

Очень жаль, что мне не удалось познакомиться с матушкой. Эта энергичная пожилая дама, говорят, занимается общественной деятельностью — ревностно работает в местном политпросвете. Молодежь очень ей признательна, но искренности ее не вполне доверяет. Почему?

— Да знаете, все-таки попадая, кутейницкий мелкобуржуазный класс. А впрочем, помощь от нее большая.

Мы остановились у крестьянина-средняка, в каменном двухэтажном доме. Пили чай в очень чистой горнице: обои, занавески, простая, красивая мебель, сделанная руками хозяина, засиженные мухами фотографии, диплом Костромской выставки за образцовое ведение пчеловодства, деревянное чучело утки, в которое вклеен был не один заряд дроби.

— Э, да вы пчеловод и охотник.

— Как же! И медок люблю, и с ружьишкой побаловаться. У нас места для охоты ладные. Вот верстушки за три начинается большой лес: и медведи водятся, и лоси. Даже сам Некрасов стихотворец, Алексей Николаевич, частенько в наши местности наезжал. Как же... Недалеко отсюда деревня Шоды, у него там дружок был. Может, знаете «Кому на Руси жить хорошо», там написаю

посвящение нашему мужичку. Али в «Коробейниках» это — забыл я. Матрена! — крикнул он жене. — Принеси-ка из чулана Некрасовскую книгу! Как же... И «Коробейники» из наших местов списаны. А тот охотник, который убил парня-коробейника, из деревни Сухоруковой, был посажен за это в тюрьму, да помещик похлопотал за него, крепостной был, барину убыток — ну, выпустили. Эй, отец! Иди чай пить!

Из соседней комнаты, где кухня, кряхтя поднялся с табуретки старик — лапти плел — высокий, благообразный, с болоной на лбу, и сутуло пришагал к нам, отирая рукавом взмокшее лицо.

— А про Мазая да про зайцев-то, — сказал старик, крестясь и залезая за стол, — тоже в наших краях. Вот вы проплывали мимо села Спас-Вежи, оно от реки-то в стороне чуть-чуть, отсель верст пятнадцать, там Волга сильней топит местность, чем у нас... Там бани по край села все на высоченных столбах стоят, на сваях, как на куричьих голяшках. И житницы так же самое. А у кого низкое место — и сеновалы. У другого сеновалище, как колчег в потоке во всемирном — страсть смотреть, какая громадина, а то снесет. Там лестница в баню пятнадцать ступеней, а у нас ступеней с десятков. Вот зайчата действительно там и сгружаются на пригорках по весне. И теперь остался там род — Мазаевы. Да я и сам лавливал косых, и сам вроде Мазая вышел.

Матрена подала потрепанную книгу. Хозяин долго листал страницы.

— Вот она: «Коробейники», так и есть; «Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу, крестьянину д. Шоды, Костромской губернии». А сам-то Гаврила помер, теперь его сын, тоже охотник. Мы частенько с ним хаживали, охотник знатный. Вот, слушай:

*Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
«Что строчишь карандашом?»*

— А позвольте вас спросить, будьте так любезны, — обратился он ко мне, крутя свою рыжую бородку. — Вы тоже вот все в книжку запись образуете, вы не стихотворцы?

* * *

Я понимаю, почему здесь так скучены постройки. Всю окрестность, ровную как блин, топит весною вода, и на небольшом пригорке, где расположено село Миссково, постройки жмутся друг к другу, как Мазаевы зайцы. Иногда расстояние между смежными избами столь невелико, что бабы могут передать из окна в окно ухват, горшок, а нет — так и головешку разжечь печь.

— На моих памятях, — говорит старик, — наше село четыре раза горело. То от недосмотру, а то и от поджогов. Есть такие, стало быть, подлецы, пятнай их черти, очень даже любят красного петуха пустить. Он, анафема, подожжет, да дивуется — ловко ли пластает. Прямо беда. После четвертого пожара — в 1910 году — порешили мужики строить кирпичные избы, благо суглинок у нас богатеющий. Теперь без малого все село каменное. Сами и кирпич обжигаем. Да оно и дешевле лесу. На избу в три-четыре окошка надо двадцать — тридцать тысяч кирпичей; раньше он по три рубля с тыщи был, теперь до шести рублей. Оно и красиво глядеть, бытто город, и опасности меньше, и страховка дешевле. Гляди, какое село-то, а! Где еще найдешь такое?

Дома, действительно, один к одному, красные, под драничной, тесовой, иногда железной крышей. Встречаются дома двухэтажные, с террасой, балкончиком. Есть и деревянные избенки, видимо уцелевшие от пожара, или хозяева которых боялись перейти на новшество.

— Страсть какие бывали пожары, — повествовал дед, почесывая шишку на лбу. — После первого пожара колокол распаялся, — а колокол у нас на славу, — звон в Костроме слышать. Оловянишников перелил нам в Ярославле. Но по случаю пожара опять колокол упал, опять возили в Ярославль. Там нас обманули, сто пудов украли, а заместо тысячи сорока пудов — девятьсот сорок.хлопот с этим колоколом было выше головы, а греха — и не отмолишь. Вот ты штуки разные в книжку пишешь, можешь про колокол записать. Как стали подымать — народищу вся волость собралась, усмотрели на колоколе надпись, мол: «Отлито сие колоколо при императоре Николае II и при крестьянах-попечителях таких-то», — три

фамилии обозначено. Народ к ним, к попечителям: «По какому праву вы, лешегоны, пожелали без спросу на колоколе упоместиться? Счищайте, а то веревки обрубим, не станем подымать!» Те не желают — им лестно красоваться рядом с царем. Мы их за грудки, они бежать. Целую неделю колокол не подымали. Потом они выставили нам винца и сказали: «Подымайте без задержки, мы наверху счистим, по крайности звон услышим». Мы, известно, подняли, потом сердце улеглось, так и забыли, а они и не подумали счищать. Очень надо.

* * *

Мы сидели на солнцепеке, на завалинке. От густого киселя, заполнившего все улицы, шел болотный дух. Подходил народ, присаживался.

— Хорошо бы колокол послушать, — сказал мой спутник.

— А вот услышишь. Завтра будут вдову хоронить. Не старого еще положенья, крепкая бабочка, а вот свернулась по своему бабьему уму.

— Что с ней?

— Да видишь ли, какое дело могло произойти. Известно — вдове положенье, ну, слабовата оказалась на любовь на эту самую, чрез то в тягостях стала, значит, понесла дитё. Девки у нас, известно, очень смиренные, за собой следят, мужние бабы тоже баловством не занимаются, а солдатке — бог велел. Ну, ладно... А она застыдилась, а может, не пожелала камень такой на шею брать, — дитя из утробы вон, скинула, значит. Да чего-то плохо с ней бабка пообиходилась, — ей хуже да хуже, принудили в город ехать, да уж поздно спохватилися: приехала из города, да и померла третьеводнись, царство ей небесное.

— Тьма потому что, — сказал дядя с длинными, как у страуса, ногами. — Право перевернулось, а настоящего ученья ребятам нет. По газетам слышать, к десятилетию революции безграмотность хотят вывести, чтоб старых баб да стариков грамоте учить. Глупость это на мой резонт. Вон мою дуру учили, Мавру, сядет на лавку — бы, вы, гы — там теленок кричит, пошло давать надо, а

там кур кормить, да квашню ставить, так ни шиша и не образовалась. Да и ни к чему. Наш век прожит; а вот что ребята не учатся, это не резонт.

— Почему же не учатся?

— Да как вам сказать, не соврать... Иногда родители воспещают, не в сознании, а то и рад бы, да не в чем ребенчишка в школу выпустить, сапожишек нету, а бывает и так: походит парнишка недели две, книг не на что купить али бумаги, карандашей. А надо вот как. Надо ученье сделать обязательным, как солдатчину, и для девочек тоже. И чтоб от школы были все способности: книжки, перья. Раз с нас налог идет — можно и нам что-нибудь сделать от правительства, не все ж рабочего ублажать: без мужика рабочий тоже много не надышит. А старух которых — по шее от школ, не то что учить, чорт их не видал! Да чтоб хороших учителей, самостоятельных. Вот тогда и будет Русь грамотная, старичье к тому времени переколеет. Это резонт. Например, я желал бы пустить своего парня по культурному цеху...

— Это какой же культурный цех?

— Ну, там агроном, либо доктор... А средств нет никаких. Вот беда. Вот мой сосед учит сына в городе Костроме, ну и работает на него вот уже три года, навещает его каждую неделю, ездит в город с кладью, для заработка, и все на сына уходит, а свое хозяйство день ото дня хуже.

— А школа есть у вас?

— Есть, да дряненькая, не по селу, — сказал чернобородый, бывший в плену, крестьянин. — Была бы у нас давно хорошая школа, и деньги были у общества сурьезные, да религия подгадила. Это еще при царе, — одни, значит, за школу голосовали, малая часть их, а другие — с большого ума — иконостас подновлять. Вот теперь иконостас гормя-горит, весь в золоте, а молящихся нет. И школы нет.

— Надо строить.

— Да вот стараемся. Теперь за ум взялись, маленько дурость-то вышла эта. Теперь постановили наши два селения — Миссково и Жарки, староверческая деревня, богатая, в версте от нас — отдавать в аренду свободный

покос, — это тысячи три-четыре в год, пожалуй, — и выручку копить в фонд школы. Оба наши селения долго шумели, где быть школе — у нас или у них, чуть до мордобоя дело не дошло, всякому селению лестно. Решили две школы выстроить, каменные, конечно, двухэтажные. Лет через пять сгромаем, а может — и раньше, ежели денег занять сумеем. Завод наш начал уже кирпичи вырабатывать, двести тысяч по заданию нынче должен обжечь. Техник приезжал, планты снимал, школа будет с фасадом, как у порядочных людей. Всем делом вертит наш мужичок, конечно, — А. П. Серегин; он председатель кооператива и член местного клуба. Очень уважающий человек.

Я хотел закурить, но взглянул на дощечку, прибитую к угловому дому, и спрятал папиросы. На дощечке — на всех углах улиц такие дощечки — надпись: «В улицах табак курить строго воспрещается».

— Где же у вас курят, на сеновалах, что ли?

— Ничего, курите. Это можно. Это для фасона только.

Солнце садилось. Колокольня белой верстой вздымалась в небо и опрокидывалась в тихий сонный пруд. В небе плыл коршун. Петухи подали сигнал, и все цыплята, как в решето, провалились во дворы.

Цифры — Голод — Пастуший рожок — На хмельниках — Пасека — В чайной — Стенная газета — Комсомольцы — Благочестивая бабка, шутник-хозяин и красавица Груняха — Картинная галерея

Хмелеводство в Костромском крае, в частности в Миссковской волости, существует с незапамятных времен. Первое научное обследование миссковского хмелеводства было произведено в семидесятых годах прошлого столетия директором Петровской С.-Х. Академии Н. И. Железновым.

Район хмелеводства расположен в пойме реки Костромы, вверх по ее течению. Он начинается на десятой версте от города Костромы и тянется до сороковой версты.

Общая площадь хмельников всего культурного района и цена хмеля по годам таковы*:

1903 г.	430	дес.	по	10	р.	50	коп.	м	пуд.
1914 "	509	"	"	10	"	-	"	"	"
1918 "	365	"	"	3	"	50	"	"	"
1920 "	112	"	"	1	"	50	"	"	"
1922 "	186	"	"	8	"	-	"	"	"
1923 "	325	"	"	25	"	-	"	"	"

Из таблицы видно, что наибольшая культурная площадь была в 1914 году; с начала войны и запрещения выделки спиртных напитков (и пива) площадь хмелеводства стала падать, достигнув в 1920 году 112 десятин, т.е. всего 22% площади 1914 года.

— Был** несусветимый голод в наши местах, — печаловался мне крестьянин. — Ведь у нас только хмельники да луга и существуют. Мы не как другие-прочие, хлебопашеством не занимались: местность нашу водою кроет. А как ударил голод — заместо хмеля картошку стали сажать, пшеницу сеять. Да обрабатывать-то нечем было: ни плугов, ни борон... Спасибо, из других деревень на помощь пришли. Наняли их в работу. Только ничего, почитай, не уродилось у нас. Что и было, что и было — аж жуть берет! Народу перемерло — как от холеры от какой. Только тем и спасались, что на картофелетерочные заводы ездили, подбирали там в отвалах отбросы картофельные от обработки. Привезешь эту гниль домой, в избе страшная вонь образуется, и над всем селом-то облаком вонища стоит. И ели. Плачешь, а ешь. В Бежецк за мукой я ездил; десять пудов вез — отобрали. Повыли мы всей семьей с малыми ребятами. Поехали от общества в Вятскую губернию, пятеро самых верных мужиков, нам общество много денег доверило. Купили тысячу пудов муки, дорогой отобрали всю до фунта. «Не сдохнете, говорят. Люди лучше вас, говорят, помирают с голоду». Вернулись мы ни с чем. Дома нас мужики едва не убили. Да мы и не боялись:

*А. Ковалевский. Хмелеводство в Костромском крае, 1924 г.

** Далее: «в революцию».

смерть лучше. А тут прослышали, снизу мимо нас пароход идет в Буй, хлеб везет. Мы за ружья. Целая войничка была. Отобрали тыщу пудов, отправили: «Езжай с богом дальше». Однако недели через две отряд пришел, кой-кого порасстреляли. Ну, да чего об этом толковать, дело прошлое, как-никак — живы остались и помалехоньку на старую точку лезем.

— Сколько ж нынче хмелю у вас?

— Да как и до войны.

День был яркий, солнечный. Сегодня праздник. Мы четвером идем в хмельники. С нами Александр Александрович, студент Свердловского университета, из местных крестьян.

Сначала огородами. Ни огурцов, ни капусты нет. Вообще в Костромском крае огородничество не развито.

А вот и знаменитые свайные постройки. На высоких столбах — как на «курьих голяшках» — взгромоздились риги и бани. Их целая деревня. Мне припоминаются слова В. И. Смирнова, заведующего Костромским музеем:

— Увидите интересное зрелище, вроде свайного Рабенгаузена близ Цюриха... Особенно во время весеннего разлива занятно посмотреть...

Мы совершенно свободно проходим под этими постройками, под некоторыми можно даже проехать верхом на коне.

Пересекаем выгон, изрытый свиньями, истоптанный скотом. На пригорке три пастуха. Просим пожилого поиграть в рог. Охотно соглашается. Рог берестяной, длинный, аршина полтора. Пастух сплюнул, надул щеки, выпучил глаза и задудил. Простая, непередаваемая мелодия полилась по зеленым полям; мягко и звучно, с каким-то надрывом вылетали звуки то круглыми, веселыми мячами, то бесконечной тугой струной, хватающей за сердце, как плачущий стон. Я еще раз слышал эту свирельную песню утренней зарей, в лесу. Будто сильный женский голос во всю грудь и от самого сердца звучал без слов. И если закрыть глаза, увидишь русскую бабу, пышную и румяную. Вся в кумачах, она плывет по солнечному воздуху, скрестив на груди руки, и поет, поет,

не зная о чем, не зная для кого. Голос ее более тосклив, чем весел, — может быть потому, что тьма прогоняет солнце, потому, что удел земли — печаль.

— А и хорошо ты, Ерема, играешь, — сказал свердловец.

В его глазах блестели слезы.

— Играю ничего, ладно, — согласился пастух. — Куда лезешь! Ксы! Ксы!.. Ишь вы, ошалели... Гуляй, гуляй!.. — покрикивал он на коров, сбежавшихся на звуки рожка.

Переходим ручеек, огибаем рощу — и нос к носу с плантациями хмеля. Это бесконечный молодой лесок, сажени две высотой, ярко-зеленый и духмяный в знойный день. Хмель посажен правильными, как виноград, рядами. Хватаясь усиками, он цепко вьется возле тычин. Земля у корней окучивается в грядки. В стороне, у дороги, стоят высокими конусами запасные жерди, словно остяцкие стойбища. Две женщины и мальчик полют свою полоску хмеля — рвут прямо руками сорную траву, а старуха подравнивает землю маленькой лопаткой.

— Бог в помощь! — кричит наш спутник, дядя Герасим, и обернувшись к студенту: — Теперича неизвестно, как и приветствовать-то. Другому бога-то помянешь, в морду даст... Как, Александра? А?

Но Александр Александрыч улыбается и говорит мне:

— Хмель у нас неважного качества, впрочем, для домашнего пива очень хорош. Приходите к нам, пивцом угостим. Братейник умеет здорово варить с медом — у нас пасека своя, — а секрет никому не говорит.

— А почему же высоко-культурные сорта не сеют здесь?

— Условия не позволяют. Хмель мы садим на грибах, т.-е. на более или менее возвышенных местах, где воды весной бывает не больше полутора аршин, и быстрей скатывается, чем с низин. Такое затопление хмельников и полезно — плодоносные наносы, — и вредно, потому что сокращает время, нужное для вызревания. Нужно, чтоб вегетационный период был дней сто тридцать, а у нас он девяносто семь дней. Незатопляемых же участков земли здесь вовсе нет.

— Что же, по-вашему, нужно сделать, чтобы улучшить хмелеводство?

— Да специалисты говорят, что все дело у нас неважно поставлено: и посадка слишком частая, и удобрение почвы неважное, и уборка и сушка продукта неправильные...

Дядя Герасим возразил:

— Неважная... неважная... Что хочешь охаять можно. А вот они бы показали нам, спецы-то!..

— Вот, вот, — сказал студент. — Конечно, надо опытное поле заложить и попытаться вывести скороспелый сорт хмеля. А ведь с хмелеводством шутить нельзя. Его по всему району в прошлом году на 633.750* рублей продано. Он вывозится на нашего края и в Ярославль, и в Нижний, и в Тверскую губернию. Вообще хмелеводство имеет существенное значение не только для отдельных хозяйств, но и для всего края в целом.

— А сколько, примерно, с десятины можно снять пудов?

— По-разному, год на год не приходится, — сказал дядя Герасим. — Вот я запомнил — в 1920 году по тридцать пять пудов с десятины взяли, а в 1911 году — по сто два пуда.

Студент повел нас на пасеку брата. Дядя Герасим, ухмыляясь во все свое бородатое лицо, сказал:

— Вот приехали бы вы осенью, когда хмель обирают. Эх, и веселая пора, особенно ежели погоды хорошее задастся, да урожай добер. К нам тогда народу много приходит наниматься из других деревень, все больше девки. С работ идут с песнями, с играми. Пиво тогда варим, гуляем. Парни невест себе выбирают. Приезжайте-ка!

— Я не парень, — сказал я. — Жениться не собираюсь.

— Я не к тому, — засмеялся дядя. — А так, для усмотренья дел... Авось и пропечатаешь.

Дорогой беседуем о религии, о положении интеллигенции в деревне. Студент говорит, что вера в церковь в русском народе пошатнулась, но религиозная потребность есть. И если суждено быть какой-нибудь религии, то без бога и ангелов — уж слишком сентиментально, — а будет религия человеческая, земная, ради человечества, с главной заповедью: «Живи сам, давай жить и другим».

* 635.750 рублей.

— А что касается интеллигенции в деревне — учителя, агрономы, землемеры, разные спецы, — то ей очень трудно. Она как бы между двух огней: с одной стороны требование советской власти, с другой — требование крестьян уважать их уклад, ныне отживший.

Дядя Герасим, видя, что я всем интересуюсь, напряженно поводит бровями, придумывая, чем бы меня удивить.

— А вот, — говорит он, — в досюльные древние времена мы не в проходимых лесах жили, занимались разбоем. И никто не мог к нам пройти. А кто проходил, тех называли «проходимцами». Также насчет кладов. Кладов много у нас здесь в разных местах положено заповедных. Вот за рекой холмик есть, там, другие видят, ночью в виде теплыны горит. Пробовали брать, не поддается, страшает.

Пасека небольшая, ульев на двадцать, обсаженная липой и малинником. Пчелы сегодня сердитые — были затяжные дожди, сегодня ясно — работают во-всю, не подходи. Среди пасеки — опять на курьих голяшках — стоит новая изба. Поднимаемся по лестнице. Пчелы выются возле головы.

— Не машите руками, — предупреждает студент. — Спокойно.

— Да ведь она, бог с ней, ежели в бороде запутается, обязательно жиганет, — говорит дядя Герасим. — Одна мне как-то в лоб порснула, едва с ног не слетел.

В избушке пахнет медом. Лежит вощина, стоят рамки из-под меду, кадушки, центробежный аппарат.

— Здесь у нас зимой ульи спасаются, а летом караульщик живет. А то все упрут, хулиганов хоть отбавляй, — говорит студент.

Мы здороваемся с сидящим у окна, на обрубке, человеком. Это сторож. Ему на вид лет тридцать, испитой, тщедушный, покашливает. Он инвалид, был ранен и контужен в германскую войну, местный крестьянин. К физическому труду совершенно не пригоден.

Когда мы вошли, он сапожничал, стряпал какие-то непомерной величины бахилы.

— Отчего это у тебя физиономия-то вспухла, Яков?

— А? Не слышу!.. — кричит он.

Желтое лицо его, действительно, в шишках, и ползу закрылся глаз. Студент повторил вопрос.

— А-а-а... — улыбается Яков.

Его лицо принимает придурковато-обманутое выражение, он фыркает смехом и сипло говорит:

— Сво-о-о-лочь...

— Кто?

— Да старик один, дедка Егор Нестеров. У меня, понимаешь, страшный ревматизм в ногах, а дедка присоветовал, чтобы пчелы хорошенько нажгли, быто ревматизм проходит от пчелиных укусов. Сними, говорит, портки, да хорошенько раздражни пчел-то, нажгальят — и все пройдет. Я, понимаешь, обрадовался этому рецепту, снял штаны, да ну, благословясь, хвостинкой по ульям бить. Они и взвились; я, значит, к ним задом норовлю, да ногами лягаюсь, они на ноги нуль внимания, да как начали мне в морду стегать. Я прямо округовел, не знаю, куда бежать. Загнул на башку рубаху, да во весь дух в избу по лестнице. Прибег, а там двух девок чорт принес чоботы чинить. Девки как взвоят, думали, лесовик явился, а после того в хохот; а я уж и глазами не могу взирать, оба глаза затекли, часа два холодной водой промывку делал. Вот что значит старых дураков-то слушать, — заключил Яков, посаывая трубку.

Дядя Герасим раскатисто хохотал и все выпытывал у Якова, не ослепли ли девки..

Мы вышли и стояли на верху лестничной площадки. Пасека — как сад. Ульи выкрашены в разные яркие цвета, чтобы пчела знала свой дом.

— Это место тоже вода обливает весной, — сказал Герасим.

— Да, — подтвердил студент. — А липа как раз тогда в цвету. Чтоб пчелам дать работу, ульи привязываем к деревьям, поверх воды. На лодках все это делается. Весной много пчел погибает. Прогонит далеко ветром, ей и сесть негде. Едешь на лодке — много пчелок погибших плывет. А другие на тебя садятся, отдыхают.

* * *

Я стою, плотно прижавшись к стене. Напротив меня полукаменное двухэтажное здание. В нижнем этаже чайная, в верхнем — народный дом. Среди дороги, под навесом, общественные весы, на столбе маленькая иконка.

Мне хочется перебраться через дорогу к чайной; я меряю глазом глубину киселеобразной грязи, и мною овладевает трепет. По стенке, прямо на меня идет девушка в пальто, калошах и шляпке. Мы друг друга обнимаем в охапку, чтобы не упасть в грязь, и когда девушка встала на сухое место, я спросил ее, не знает ли она, как крестьяне попадают в чайную. Она улыбнулась и ответила:

— Идите вот до того угла, потом сверните направо, мимо общественной сыроварни, кстати, сыру можете купить, очень хороший сыр, 35 копеек фунт, а от сыроварни огородами, мимо колодца держите влево и как раз подойдете к чайной с задов. А вы кто такие будете?

Удовлетворив ее любопытство, я направился на сыроварню. Сыр, действительно, оказался отменным и дешевым. Скота в заливному районе держат порядочное количество, молочное хозяйство, в частности сыроваренное, налаживается и крепнет. Как в Мисскове, так и в других селениях, где мне удалось побывать, хозяевами молочного дела являются кооперативы.

Итак, я с головкой сыра вхожу в общественную чайную. Душно, наплевано, жужжат стада мух, как комары в тайге. Грязи значительно меньше, чем на улицах. За топорными столами сидят крестьяне в картузах и сапожищах, пьют чай с ситным, который выпекается рядом, в пекарне кооператива. Все взгляды сосредоточиваются на мне, на головке сыра, на моей кожаной куртке. К кожаным курткам даже и в чайных относятся с некоторым мистическим не то страхом, не то почетом. Шумные разговоры спадают тона на два, жужжание мух слышится отчетливее, и еще слышнее усердное сопенье торчащего за стойкой нечесаного, с диким заспанным лицом парня. Я подхожу к парню и прошу дать мне чаю, ситного и молока.

— Кипятку с чаем подам. А молока нету, — гнусит он.

— Нельзя ли криночку достать?

— Нет, нельзя.

Тогда от двух столов в два голоса закричали на него:

— Иди, чортова башка!.. Как это нельзя достать?!..

Не видишь?!..

Парень тотчас же прозрел. Увидав кожаную куртку, он подобострастно сказал мне:

— Садитесь, товарищ... Сейчас принесу кринку. Топленого, что ли, желательно?.. Сейчас, сейчас.

Мне хотелось завести разговор, но темы не наклевывалось. Начал в шутливой форме с грязи.

— Как же вы по такой грязище ходите?.. А вдруг который выпивши?

— Бог миловает, — ответил старик.

Рыжебородый же, с бельмом, обернулся ко мне:

— А вот как... — и выплюнул влетевшую в рот муху.

— А так, пьяный-то, бывает, вывалиешься, что неизвестно, где и морда.

— Мы, товарищ, редко пьем! — кто-то прокричал от задней стены, где сидела на скамейке группа крестьян, просто зашедших покурить. — Другой раз осенью случается о празднике, музырнешь, а тогда уж грязи не живет такой, подстынет. Это с дождей.

— Толкуй, не пьем! — протестующе произнес от окна кудрявый, высокий молодец. Он глядел на меня в упор своими быстрыми глазами и обзывал крестьян пьяницами и лежебоками.

— Ты не пьяница, ты не лежебок! — набросились на него хором. — Мы лежебоки, да в сапогах, а ты и старатель, да в природных. Лодырь... Твое дело народ мутить...

И кто-то рядом — ко мне:

— А вы, не обессудьте, партийный будете?

Моя беспартийность принята была к сведению, и народ стал откровенней. Потекла набившая оскомину старая песня про белого бычка: о прижимке, о больших налогах, «с нас дерут, а нам ничего не дают».

— А кто пьет-то? Комсомол же ваш и пьет... Постой, постой! Не ори! Глотка-то широкая какая... — кричит рассказчик на кудрявого молодца. — Например, послу-

шайте, как происходит дело. Соберутся эти комсомольцы перед праздником на мост, да проезжих крестьян и останавливают: «Стой, что везешь?!» И ежели у мужика самогон окажется в телеге, сейчас бочонок заберут, а мужику: «Айда за нами в исполком!» Ну, мужик, известно, перетрусит, настегает лошаденку, да и был таков. А комсомольцы и жрут самогон, а нет, в продажу пустят.

Кудрявый молодец стучит кулаком по столу и злобно бросает:

— Врешь, врешь!.. Это другие ваши парни хулиганят... У нас дисциплина... Да за это бы...

Его поддерживают два-три голоса:

— Чего неправду говорить... У нас так принято: что бы худое не стряслось, вали на комсомол... Чушь! У меня у самого Петрунька комсомолец, а худа не видал от него...

— А по какой же вы части? Командированные, что ли? — поддевает меня с ласковой улыбкой старичок.

— Нет, я человек свободный, брожу по России, учусь жить, учу жить, сочиняю книги...

— Да, да, — ядовито замечает старичок. — Легкая вакансия. Хорошо которым в городе жить: не жнут, не сеют, а...

— Смыслишь ты!.. — кричит старичку кудряш. — Они головой работают, они с наших глаз слепоту снимают. Такие-то люди... Петух старый!..

Я иду к выходу, останавливаюсь возле стенной газеты. Огромный формат, рисунки.

— Только сегодня вывесили... Первый номер, — подходит ко мне кудрявый молодец. Энергичное лицо его светится умом. В нем много от города.

Читаю стихи:

*Миссково, пьяное царство.
Скоро ли к свету пойдешь,
Бросив гульбу и ухárство,
Жизнью иной заживёшь?..*

Несколько заметок, где прохватываются местные порядки и отдельные лица. А вот поразившая меня статейка, написанная, конечно, безграмотно, но по серьезному вопросу. Как еще темна жизнь нашей дерев-

ни, и какую большую пользу может принести крестьянину даже стенная полудетская газета. В статье предупреждаются местные жители о непосредственно угрожающей им опасности поголовного заражения сифилисом. Дело в том, что одни из сельских пастухов — сифилитик. А по существующему обычаю, пастухи питаются и ночуют у крестьян, переходя по очереди из семьи в семью. Едят, как водится, из общей миски вместе с хозяевами, спят на тех же самых подушках, словом — путь для заражения прост. Я не догадался навести справки о состоянии здоровья миссковцев, но всякому известно, что некоторые русские деревни* поголовно поражены сифилисом, при чем распространение этой болезни шло внеполовым путем.

Я на этой статье стенной газеты остановился потому, что она говорит о вопиющем факте, который проморгали сельсовет, исполком, врачебный пункт, и лишь крестьянская молодежь затрубила о нем на все село. Нет, врет старик. Я видел этих подростков вплотную и смело могу сказать, что не они грабят на мосту проезжих. Плохие выйдут из них бандиты.

А познакомился я с комсомольцами в их клубе, на верху чайной. Я обещал им прочесть свои рассказы. Разговор был днем. Кудрявый молодец, оказавшийся секретарем коллектива молодежи, сумел привлечь к вечеру слушателей не только из своего села, но успел оповестить и другие деревни.

— У нас дисциплина, — гордо заявил он. — Раз кому приказано — беги, хочешь на своих ногах, хочешь верхом. Восьми человекам наряд был дан.

Пред чтением я присутствовал на деловом заседании коллектива. По-настоящему шевелят мозгами и сызмальства приучаются скопом обсуждать и решать свои дела.

После заседания миловидная девушка в коричневом форменном платье, похожая на городскую гимназистку, выдавала книги подписчикам. Она заведует библиотечкой коллектива, комсомолка, кажется, дочь бывшего торговца. Дело у нее идет быстро, с улыбкой, с шуткой. «Товарищ Вера», «товарищ Ваня», «товарищ

* Далее: «почти».

Скворцов», — звенят молодые голоса. Библиотечка небольшая, но правление кооператива обещало выписать на триста рублей книг.

— Кооператив — наш папаша, — говорит она. — За всякой нуждой обращаемся к нему.

У нее очень много дела; конечно, жалованья не получает. Да и у всего коллектива дела по горло: групповые занятия, доклады, спектакли.

Чтение мое слушали очень внимательно. Мелкоту предварительно вытурили вон. Даже женщину с грудным младенцем, который заверещал среди чтения, вывели за рукав в сени. Мой спутник, этнограф М. Д. Сигорский, сделал сообщение об археологии края*.

* * *

На другой день похороны солдатки я проспал, несмотря на то, что тысячепудовый колокол, который слышно в Костроме, бухал над самым моим ухом.

Дело в том, что я имел неосторожность поверить гостеприимному хозяину, что клопов в этой чистой горнице — ни-ни.

На самом же деле полчища клопов и блох неизменно сосали меня до самого рассвета. Персидский порошок, которым я осыпал постель и всего себя, только пуще озлобил их. В войне с этим гнусом, в проклятиях хозяину, персам, изобретшим порошок, и деревенской чистоте прошла вся ночь. И лишь под утро, утолив своей кровью аппетиты паразитов, я мертвецки уснул, как после тяжелой контузии в голову.

— Оказия, — сказал хозяин. — А мы спим, не слышим. Привычка, значит... Тогда пожалуйста уж к нам ночевать, на поветь, на сенце там.

Солнышко, зная, укрепилось в небе по-настоящему: коричневый кисель подергивался корочкой, возле стен смелые ноги протоптали тропинки. С камня на чурку, с полена на лапоть можно кое-как путешествовать по кирпичному селу. И я пошел.

Встречаюсь с крестьянином, завожу разговор.

* Конец публикации в № 2 «Нового мира». (Прим. ред.).

Напротив, из нижнего этажа кирпичного дома высовывается старуха и зовет нас:

— Эй, миленькие, идите-ка, помяните покойницу!.. Кутьи отведайте, да лепешечек медовых. Товарищ городской, заходи, не бойся! Дядя Андрей, иди!

Мы переглянулись с Андреем.

— Пойдемте, — тихо сказал Андрей. — Вам интересно будет. Старуха святоша, страшная богомолица, праведницей себя почитает...

В три львиных прыжка перескочили через грязь и вошли в темную сырую комнату. В углу, под образами, сидела на лавке чистенькая, пожилая, лет пятидесяти, женщина. Она маленького роста, как-то вся усохла, но живая и звонкоголосая. На табуретке у окна огромный мужчина, хозяин, чинит хомут. Он богатырски сложен — на широкой груди можно дробить камни, — корявый, волос на голове не густо, на щекастом лице маленькая татарская бородка.

Пока старуха угощает нас и, поминутно крестясь, рассказывает о несчастьи с солдаткой, хозяин сыплет прибаутки, густо хохочет, незлобно подшучивая над набожностью жены. У хозяйки то слезы в глазах и в голосе, то вдруг и сама прыснет смехом и замахает на хозяина рукой:

— Ой, да и молчи ты, греховодник!..

— Молчу, молчу, — гудит хозяин. — Ну-ка, от писания чего-нибудь пусти...

— Ах ты, старый дурак!.. Да-к неужто, думаешь, глупые люди божественные-то книги составили...

Старуха плачевным голосом рассказывает:

— А детьми-то нас бог не благословил... Его святая воля... А достаток-то есть у нас. Вот мы и взяли в голодный год мальчика к себе... Шел, бедняга, с Волги в Тверскую губернию за хлебцем, дитё малое, черемисин. Мы его, по наущению божию, и взяли. Живи, мол... И как сынка родного любила его... Два года жил, сиротина... а потом домой запросился. Отпустили, с господом, всем наградили его, иди... Я плачу, и он плачет, в ногах валяется... «Спасибо, мамка. Спа-

сибо, мамка*... Как же, как же, помогаем бедным... Отказу нет. Я, грешница, и к церкви прилежна. Эвота теперича как народ-то весь от бога отступился, а я, грешница, все преклоняюсь пред господом, все преклоняюсь, буди его святая воля...

— Преклоняйся, преклоняйся, — трунит хозяин. — Больно-то надо ему, чтоб ты на карачках пред ним ползала... Почище тебя есть.

— Да чего ж вы на покос-то не собираетесь?!.. — закричала старуха. — Где же Аграфена-то?..

— А здесь-ка! — И с улицы весело вошла рослая, красивая девица. — Хозяин, пойдем...

Хозяин масляно взглянул на нее через плечо, мигнул, хихикнул, дратва лопнула, и хомут полетел под лавку.

— А еду собрала? — спросил он. — На целую неделю ведь... Ах ты, гладкая... — Встал, схватил ее за крутые плечи, повернул, играючи, и ударил по спине. — Тащи мешок!..

— Это куда же, на покос, в палатки? — спросил я.

— Туда, в балаганы, — радостно протянул хозяин и пошел следом за девицей.

— Да ты, слышь, не обижай девку-то... Ведь ты старик... В отцы ей годишься, — наставляла старуха.

— Обидишь ее, как же!.. — откуда-то прохрипел хозяин, и тотчас же послышался игривый визг Груняши:

— Ой, мамынька!.. Не чикочи!..

— Тьфу! — плюнула старуха и перекрестилась.

— Она в работницах у вас?

— В работницах. Из Ярославской губернии. Семейство у них большое, а земли мало. С той стороны много девок в батрачках у нас живет... Лето проработают, а осенью домой.

Толая голыми крепкими ногами и оглядываясь, вбежала, с пустым мешком Груняха. За ней хозяин. Тугой живот его подвязан кожаным поясом, у пояса болтаются два больших ключа. Груняха стала бросать в мешок хлеб и калачи.

— Чаю положь, сахару, — приказывал хозяин.

— Сколько, Груня, получаешь? — спросил я.

— Да уж получит! — перебил хозяин. — Наряды будут и все такое... Ленты, серьги... Эх ты, малина-ягода!..

Хозяин снял с перекладины две косы, сунул в мешок стальную бабку, косы бить, молоток, брусок то-чильный и сказал:

— Прощай, старуха. Только ты меня и видела...

— Перекрести рожу-то!..

— Благословляй, хозяйка... — и Груняха, подраги-вая и вся трепыхаясь, вышла вон.

Старуха, проводив их глазами, сказала:

— Ведь это он так, шутит... Вы не подумайте чего... Он смиренный, дай бог... А вот пойдете-ка ко мне на верх, полюбуйте на картиночки мои.

По внутренней скрипучей лестнице поднимаемся в светлый верхний этаж.

Все стены огромной, в шесть окон, комнаты с потолка до полу облеплены религиозных мотивов лубками, портретами царей, генералов, архиереев, много портретов Иоанна Кронштадтского, олеографии русского флота и т. д. И масса икон.

— У тебя как в соборе каком, — сказал дядя Андрей.

— Да, да... Люблю благолепие, грешница. Приду сюда, да помолюсь, да полюбуюсь... А посторонних никого не пускаю...

— Смотри, дознаются, влетит тебе. Хоть Николая-то царя сорвала бы.

Старуха перекрестилась и сказала:

— Был, был один товарищ-коммунист, комиссар... Попросился ночевать, я и говорю: «Вот, говорю, батюшка товарищ, есть у меня комната, только ты меня не брани. Я тебе постельку постелю там». Ну, посмотрел, говорит: «Надо бы убрать, старушка, царей-то. Боги пускай висят, а царей долой». Я говорю: «Да ведь, батюшка ты мой родной, ведь они наклеены к обоям: ежели соскабливать, комнату испохабишь. А наклеивала я их для благолепия, худа они мне не делали, а все-таки цари считались. И откуда мне было, темному человеку, знать, что Николай-то до расстрела доведет себя. Пес с ним, пускай висит». Ну, комиссар только улыбнулся и ничего

не сказал мне. И никакого мне притеснения не было, дай бог им здоровья. Нет, чего напрасно говорить, допустим, они и неверы, а с понятием. А теперь, батюшки, давайте я вам все картинки обскажу: и про страшный суд, и про судьбу человека, и про Марию Египетскую, про все, про все...

У старухи зарумянилось лицо, глаза загорелись; она стала нас водить вдоль стен, как экскурсантов по картинной галерее. Пред портретом Николая II она вздохнула, перекрестилась и трогательно сказала:

— Эх, дурак, дурак, царство тебе небесное.

Обратной дорогой мы обменивались с Андреем впечатлениями.

— Старуха ничего, не вредная, — говорит он. — Вот и черемисенка мальчонку от смерти спасла. Лопотать по-нашему плохо знал, а в школу ходил, старуха велела. А насчет божества сама обучала его.

Мне ясно представляется этот тщедушный ребенок, босой, оборванный, покрытый струпами, вшами. Я знаю, не быть бы ребенку в живых, если б не материнская помощь старухи, и не ломтем хлеба, не малой подачкой, а всей женской любящей душой. И надо еще учесть большого значения психологический момент: ведь старуха-то из русских русская, а мальчонка в ее глазах «поганая татарва». А потом стремление к картинкам — тоже вещь не заурядная; тут не одна религиозность, а нечто и другое, какая-то высокой марки эстетическая потребность.

И мне хочется этой старухе низко поклониться. Пусть не подумает читатель, что я нахваливаю старуху потому, что она меня вкусно угостила: нет, кутья я не ел, не соблазнился и медовыми лепешками.

III. ДЕРЕВНЯ ОВСЯНКИНА

Ванька — В науку — Омоложение деревни — Смычка
— Боязливые бабы — «А у меня вырывают»
— Заволжские старцы — Мужиковское искусство — С
балкона — Евгеника — Бывшая аристократка

Из Мисскова я пошагал дальше. Белоголовый карапуз, раскачиваясь на качели, картаво запел мне вслед:

*Ах, дяденька с котомочкой,
Идешь-то ты куда?
Не встретишь ли миленочку —
Покличь ее сюда!..*

Дорога, миновав богатую староверческую деревню Жарки, бежала лугами, перебросилась мостом через реку Кострому и направилась вдоль ее течения. На крутом чистом берегу за рекою белели многочисленные палатки, выстроившись в ряд, как холщевая деревня. Это дальние крестьяне выбрались недели на две косить луга. Трудовой день ушел, был тихий вечерний час. Клубились сизые кивера дымков — табор готовил ужин. По откосу спускался к воде голый мальчишка; он вел на водопой лошадь. Женщины деловито сновали от костров к палаткам. Где-то лениво пиликала гармошка. Вот поужинают, и она пошире разинет свой голосистый рот. Девочки сбрасывали с себя одежду и с визгом бросались в воду. Вода пенилась и бурлила под их русалочьей игрой. Звонкие девичьи голоса и хохот неслись табунами к задремавшим под зарей лесам.

Еще версты две-три, и дорога спускается к реке. За рекой, на желтом заревом небе темным силуэтом мрачно отпечаталось село Исады. Зыбь реки в потухающих мягких блестках.

— Эй, лодку давай! — громко кричит мой попутчик, кудластый мужичок.

Меж крутоярых берегов перебрасывается эхо. И чуть помедля — звонкий детский голосок из-за реки:

— А деньги есть?..

— Давай, давай!.. Получишь... Припасли для тебя...

Как же...

Я вглядываюсь в вечерний сумрак. За рекой парнишка в белой рубахе.

— Много вас, жуликов, шляется! — кричит он. Проваливай...

И еще голос, потолще:

— Не ездей, не ездей, Ванька!.. Надуют...

— Давай, давай! — кричим мы оба. — Нам на пароход!..

Мальчишка хохочет и отвечает:

— Плывите так! Тут не глыбко... А деньги есть? По пятаку с бороды...

— Есть...

— А ну, покажь!..

— Не ездей, Ванька, врут!..

Но Ванька смиловался, весла его скрипят как коростель в болоте и плещут по воде. Подплыл.

— Давай деньги вперед, — заявляет он.

— А взад не хочешь? — и дядя проворно впрыгнул в лодку и вырвал у Ваньки весло. Мы заскользили поперек реки. Щупленький Ванька хотел заплакать, не вышло, засверкал глазами и загрозился:

— Жулики! Я вас, жулики, на середке утоплю...

— Я те утоплю, косомол проклятый, — поддавал веслами мужик.

Мальчишка, как кошка, фыркнул и сгреб мужика за шиворот.

— Ты лаяться?!.. А в исполком хошь?!.. Не сиживал в чижовке?!.. Чтобы пиянеров материть... А?!..

С берега же сквозь озорство и хохоток летело:

— Ванька, топи их!.. Чего глядишь...

Лодка пристала к берегу. Я дал Ваньке двугривенный, и мы расстались друзьями.

— Спасибо, дяденька... Дай бог здоровья, дяденька... Видишь, огонек мигает? Шагай прямо. Там и пристань...

— Вот мы и в Ярославской губернии очутились, — сказал мужик. — Были в Костромской, а здесь Ярославская углом приткнулась. До свиданья! Счастливого пути.

Пароход пронес нас ночью вверх по Костроме-реке. Ранним утром, когда косцы возвращались на обед — иные уходят на покос с полночи, — мы высадились в деревне Овсянкине, Буйского уезда.

Овсянкина стоит на крутояром правом берегу. Высокий глинистый берег весь в ключах, мокр и вязок. Деревня выходит к реке огородами. Минуешь огороды, на два посада широкая, вся в зеленых палисадниках, улица.

Остановились мы у небогатого, но работающего крестьянина. У него одна лошадь, две коровы, три овцы и куры с выводком цыплят. А из людей — жена и три сына: старший, Александр, готовится к приемному экзамену в Ленинградский Географический Институт, средний — учится в школе второй ступени в городе Буге, третий — маленький озорник.

Мой новый хозяин — Федор Константинович Смирнов, — небольшого роста, с светлой бородкой, бел лицом, вдумчив и резонен. Он — незаурядный тип, в высшей степени обществен по натуре; он горюет о русских неудачах как о своей беде и радуется каждому светлому явлению в новом быту как празднику. Он понимает, что сила мужика в знании. Немного грамотен сам, он, надрываясь, тащит двух сыновей своих в люди. Одного провел через среднюю школу, другого проводит (в г. Буге, в двадцати пяти верстах от Овсянкиной). Сколько раз в зиму, лет пять под ряд, он отвозил туда продукты, не доедая сам с семьей, и какого напряжения потребует от него старший сын, определяющийся в Ленинградский Вуз. Я уверен, что он продаст все, может, будет сам сидеть на сухарях с водой, но своего добьется — детям даст образование, пустит их по «культурному цеху». В этом поддерживает хозяина и его жена, простодушная, боязливая тетушка Дарья. Александру тоже не легко. Он недавно был в Костроме, наводил разные справки по учебной части. Третьего дня смахал пешком в Буй, чтоб стелеграфироваться с Ленинградом насчет дня экзаменов, а сегодня — и до самой осени — будет разрываться между книгами и полевой работой. Когда все спят — лампа в его комнатке горит до поздней ночи.

Я прожил у них неделю. Изба небольшая, старая, но чистая. Рядом подведен под драничную крышу, но еще не достроен крепкий пятистенный дом с мезонином и угловым балконом вроде террасы.

— И когда это вы успеваете, как это хватает у вас рук? — удивляюсь я.

— Плотники делали. В нашем краю плотник недорогой, поголовно плотничают. Ну и сам старался. Я раньше-то на судах по Волге хаживал, все лишнюю копейку какую добывал... Вот и... Ведь три парня у меня растут...

Из сорока девяти домов в Овсянкине — десять новых, «с пяты», и двенадцать перестроенных; да еще кой у кого на задах стоят новые срубы. Я ездил за последние три-четыре года по Ленинградской, Псковской, Смоленской, Тверской и Костромской губерниям. Везде одно и то же. Крестьяне во время революции нарубили себе «под шумок» изрядное количество барского и казенного лесу, и по всем деревням — где не ленился топор, и не дремала воля — зажелтели, расцвелились новые просторные дома. Без преувеличения можно сказать, что революция значительно омолодила в лесных губерниях деревенную мужичью Русь.

И еще типичная для нашего времени особенность: сижу пасмурным днем на балконе, пишу. Но не пишется. А писать надо. Ужасно хочется лениться, забросить бумагу, книги, итти в лес, в поля. Или просто хочется, сидя на балконе, вертеть головой туда-сюда, следить за полетом птиц, за пеньем петуха, за чушкой, которая блаженно хрюкает в грязи, за вечно пьяным, но великолепным маляром Сусей, которого так прозвали потому, что он к каждой фразе прибавляет: «Сусанин сказал», — идет, кричит, кожаный картуз на левом ухе.

Вдруг... Вот тут-то и начинается новый быт. Вдруг по дороге пробегает крепыш-мальчонка. Он туго бьет пятками в дорогу, машет в проулок шапкой такому же карапузу и на бегу кричит:

— На гигана, Панька, на гигана!..

За ним другой, и еще, и еще — и все, запыхавшись, орут:

— На гигана!.. на гигана!..

Опрометью несутся в другой край деревни, в гору, и на горе, вижу, — столб, гигантские шаги.

Дело очень просто. Вернулся с германской войны инвалид, подбил крестьян поставить ребятам на потеху столб, кузнец сковал железины, общество дало веревки,

и машина закрутилась. Глядя на эту деревню — и другая, и третья.

Также во многих деревнях — футбол. Эту игру встречал я в разных губерниях. Она, как хорошая эпидемия, заразила всю Россию. Глядеть на такую игру — потеха. Ловкость, юмор, неуклюжесть, азарт, хохот, пыхтение до десяти потов — все смешалось в кучу. Мячи из тряпок, обшитых бараньей кожей, и вместо тупоносых штиблет — бахилы. Иной раз двинет-двинет, и дырявый сапожище летит вместе с мячом в небеса. Играют в рубахах, а в больших селах — в спортсменских костюмах с номерами, холщевых домодельных или купленных. Редко попадают парни в трусиках. Но с трусиками еще забавнее. В глухой костромской деревеньке мне рассказывали, как приехал домой из Питера парень-фабричный и неожиданно явился в трусиках на сенокос. Мужики подняли хохот. А бабы озорную ругань, крик: «Голый, голый!» — и граблями прогнали его домой. Пришлось одеться.

— Что же это вы так? — спрашиваю тетку.

— Да ведь, батюшка ты мой, он, охальник, почитай нагишом пришел. Этакие гулькики на нем, вершков пяти, на облезьяну надевать... Едва-едва естество прикрито... Тьфу!..

Но так или этак, естественные образцы «смычки» города с деревней налицо.

* * *

Выхожу за деревню. Колышутся ржаные нивы, голубеют васильки. Чрез версту — направо крупный сосняк, налево — тенистый запущенный парк с барским домом. Липовые и дубовые столетние аллеи поросли быльем. На пне стоит белая коза, трясет бородой, в тени два поросенка сосут свинью. Захожу в парк. Огромный, облицованный диким камнем, дом, построенный, говорят, по проекту Растрелли. Он внутри выгорел, кажется, в 1919 году, окон нет, на стенах черные следы копоти и дыма. Это имение Ивановское, бывшая собственность предводителя дворянства Мазнюкова*. Через доро-

* Маркова.

гу, возле сосновой рощи, три небольших здания. Это принадлежавший тому же владельцу завод соснового экстракта и эфирного соснового масла. Завод основан немцами до революции; он сулил большую прибыль владельцу, так как фабрики нашли широкое распространение по всей России. Рабочие, машинисты, мастера были местные крестьяне. После революции они завод взяли под себя, дело пошло великолепно, выработали фабрикаты четырехста пятьдесят пудов, но в годы военного коммунизма сбыт прекратился, и дело рушилось. В данное же время, чтобы пустить производство в ход, необходим оборотный капитал.

— А дело верное, — говорят крестьяне. — Мы прямо могли бы обогатиться. Рабочие и мастера у нас свои, сосновой хвой сколько хочешь, и механизм в целости. В 1920 году ездили лично в Москву к председателю хитмдела ВСНХ, ничего не вышло.

Мы с хозяином занимались подсчетом, оказалось, чистая прибыль, при повышенной оплате труда, около тридцати тысяч рублей за пять зимних месяцев (завод работает только зимой).

Огибаю парк и спускаюсь с крутого обрыва на луга. Вся деревня на покосе, ворошат сено, ставят стога. Этот покос — бывший барский. Помещичья земля отошла здесь исключительно крестьянам. Они поделили землю на полосы. Система хозяйства старая — трехполье. Новшества не видно. На хутора не выделяют. Вообще в Костромском и Буйском уездах хуторское хозяйство не в моде.

Возвращаюсь домой. На улице, возле избы, стоит мой спутник, этнограф, зарисовывает красивые старинные наличники и крупно разговаривает со старухой, хозяйкой избы:

— Проходи, родимый, проходи... И без тебя тошно...

— Да я, бабушка, рисунок снимаю.

— Иди, иди!.. Чего ты окошки-то пишешь... Не вижу, что ли, я. Шляются тут, да описывают. А потом налог наложат. Вот иди к Андрею, тот богатый, срисовывай его окошки... Заплатит...

Едва успокоили ее.

Не сразу можно заслужить доверие крестьянина, особенно пугливы женщины. В каждом вопросе городе-

кого человека они видят какой-то подвох и заднюю мысль с неперемной целью ущемить их. Да вот хотя бы наша хозяйка, тетка Дарья. Можно выпрашивать про что угодно: про колдунов, про песни, про обычаи, но чуть дело коснулось вопросов, близких современности — сразу стоп. «Да пошто это тебе нужно знать, да чего ты все выпытываешь? Нет, ты, однако, коммунист. Ишь, ишь, опять в книжку пишешь»...

А верно, я имею обыкновение заносить в записную книжку образные выражения, оригинальную структуру живой фразы. Иной раз такое словечко вскочит в уши, — грех не записать.

Как-то сидим за чаем. Дарья чинит рубаху. Хозяин говорит:

— Неправильного много еще у нас. Да вот такой пример...

— А ты молчи! — перебивает его Дарья.

— Вот я держу двух коров. А сосед — одну. Достатки у нас равные, и земли по одинаковому наделу. Я принужден двух коров кормить соломой, да и то сапоги или другую ценность продай. А сосед одну корову кормит сеном. Мои две коровы дают столько молока, сколько его одна. А налог я плачу за две коровы на семь пудов больше. Это против совести и против закона. Я стараюсь схватиться за хозяйство обеими руками, у меня вырывают*.

— Полно-ко ты, полно! — кричит Дарья, перегрызая нитку. — Вот тебя пропишут, дурака, так будешь знать...

— А что ж такое, — возражает хозяин. — Я даже сам хотел по этому поводу писать. Не засадят же меня в тюрьму за правду... Или вот еще такой пример...

— Замолчишь ли ты, нет ли?! Вот схвачу за бороду да и выволоку в сенцы!..

Хозяин, взглянув на нее, раздражается хохотом, мы все подхватываем, смеется и сама тетка Дарья.

— Слушай-ка, что я тебе скажу, — политично переводит она разговор на другие рельсы. — Вот у нас еще какой обычай живет: перед тем как в новую избу перебраться, накануне сажают туда на ночь двух хозяев: пе-

* Предложение в новомирской публикации выделено курсивом. (Прим. ред.).

туха да кошку. А когда жениха да невесту везут под венец, втыкают им в одежду две иголки-прорвы крест-накрест, чтобы колдун не спортил.

Она знает много интересных случаев из прошлой и современной жизни. Рассказывала нам про юродивого Вавилушку, бывшего типографского рабочего, который лет двадцать тому назад явился к ним и стал юродствовать: возил на себе пудов десять камней, носил под рубахой «железища», предсказывал кому смерть, кому замуж выйти, им предсказал два пожара. Он помер незадолго до революции.

А вот современный старец Асаф. Он — иеромонах Железоборского монастыря, верстах в двадцати от Овсянкиной, человек средних лет, высокий, болезненный и постник. За «поущением» ходили к нему главным образом девицы и молодые бабы (у мужчин он был не в почете). Одна девица, его поклонница, даже впала в летаргический сон, длившийся три недели, и начала изрекать пророчества. Поспит-поспит — проснется, изречет и опять уснет. Впоследствии обнаружилось, что девица притворялась; деятельность старца средних лет была признана вредной, и иеромонах Асаф, после суда над ним, оказался в Соловках.

Еще про матушку Веру, или просто Верушку, тоже нашу современницу, монахиню недалекого монастыря. Она пользовалась исключительным уважением среди всех местных крестьян и городского населения Буя и Галича. «А лицом-то она белая, а ростом невеличка, а глазыньки прямо как у орлицы у какой». Она неизвестно откуда пришла в монастырь, жила в шалаше, монашествовала лет пятнадцать и тоже стала пророчествовать. Зимой и летом ходила босиком, «в одной белой ряске, в белом апостольничке»; видимо, застудила ноги, и когда ее, арестованную, везли на пароходе в Кострому, она уже не могла ходить. Деятельность Верушки тоже была признана вредной, и монахиню выслали на юг, на родину. Отношение крестьян к ней, а отчасти и к старцу Асафу, свидетельствует о том, что мистическое настроение в деревенской Руси, главным образом среди баб и стариков, далеко не умерло, и что деревенская Русь, изверившись

в священниках и наполовину отторгнувшись от церкви, ищет живой воды у старцев, стариц и юродивых.

Деревня настроена мистически, но уже и тут виден прогресс. Я как-то спросил тетку Дарью, — полна изба была гостей, — есть ли у них колдуны.

— Слава богу, теперича не стало, — сказала она. — А вот ведьмы есть.

Оказывается, ведьмы делают на Иванов день «зажинки» — идут ночью на голове, вверх ногами и выжидают вроде узенькой тропочки чрез все поле крест-накрест. Зерно берут к себе. И чья рожь попала к ней, зерно будет течь из крестьянских амбаров ведьме в закрома. Парни выходят ночью караулить — в третьем годе выходили. Ружья заряжают не свинцовой пулей, — она ведьму не берет, — а горохом или медью (пуговкой).

Комсомольцев в деревне, кажется, нет. Коммунистов тоже. Избы-читальни нет. Газеты не выписываются. «Хорошие дороги, а худых не стоит. Да и читать-то мы, по правде сказать, не приобькли».

Спрашиваю хозяина:

— Почему вы в партию не запишетесь?

— Не справится, — ответил он. — Я на этот счет строг. Я и от попа требую, чтоб на деле показывал, как надо жить, а не на словах. Так и от коммуниста: раз проповедуешь равенство и братство, так и живи. Иначе один обман и распутство.

* * *

Иду вдоль деревни. Иду не спеша, останавливаясь почти пред каждой избой, чтобы полюбоваться кружевом наличников, украшающих оконные проемы. Это творчество плотников и маляров села Павловского и других деревень Буйского уезда.

Есть избы, или, вернее, просторные дома, изукрашенные пышной сквозной резьбой по карнизам, пилястрам, фронтонам, слуховым окнам и наличникам, с затейливыми «мизинетами» (мезонинами). Вся резьба в большинстве случаев раздраконена в яркие тона: красный, синий, зеленый, белый и желтый. В резном ис-

кусстве мы видим и своеобразно воспринятый кудрявый стиль «барокко», и стиль «Возрождения», с урнами, цветами и кедровыми шишками. Но кроме заимствованной орнаментации (вероятно, с помещичьих и столичных домов), весьма часто встречаются и чисто-русские мотивы: кружевные подзоры, полотенца, балюстрады, петухи. Композиция рисунка и раскраска выдержаны очень искусно, с незаурядным художественным чутьем и вкусом. Не даром костромские плотники в свое время выписывались в Париж для участия в постройке павильонов Всемирной выставки, и их искусство расценивалось там в художественном отношении очень высоко.

Я прошел и проехал несколько костромских деревень и ни разу не встретил повторяющихся мотивов орнаментации. Едешь и с изумлением смотришь на мелькающую смену украшений, и иной раз не можешь оторваться. Буйская школа второй ступени предприняла летом двадцать третьего года экскурсию по деревням с целью зарисовки резных украшений. Не мешало бы и некоторым нашим художникам объехать Костромской край: жатва была бы обильной.

— Вот там, за рекой, есть сопка. Она называется Сопливая горка. Знаете, почему? — спрашивает меня хозяин.

— Почему?

— А из села Павловского, верст пятнадцать отсюда, идут с первой недели Великого поста в Питер или в другие местности плотники, как раз мимо нашей деревни. Бабы провожают их. На горке прощаются. Бабы такие слезы распускают, страсть. Вот горка и названа Сопливой. Очень любопытно смотреть со стороны, как они там воют да с мужьями лижутся. Вот уже совсем простились, пошли. «Да стой, да подожди-ка, что скажу!» И опять. Нацеловались на весь год, пошли. «Эй, Максим, соколик... Остановись-ка, слышь!..» — бежит какая-нибудь Агаха. Уж они шепчутся-шепчутся лоб в лоб, когда-то, когда-то разойдутся. А к Петрову дню, в конце июня, снова встречаются на этой самой горке.

— А много на заработки-то уходят?

— Много — что маляров, что плотников, столяров али штукатуров. Страсть сколько из губернии народу уходит. Потому земля у нас неудобная. И все больше в Питер. Редко-редко в Москву которые. По соседним губерниям тоже много уходит. Очень много из нашего края подрядчиков богатейших было. Такие домища себе сгрохали, в городе не скоро встретишь. Да вот поедете — увидите.

— А теперь?

— Да помаленьку начинается. Конечно, бывшие подрядчики у них за старосту. По бумаге староста, т.-е. старший из артели, а на самом деле такой же подрядчик. Он кормит артель и большие барыши себе берет.

— Почему же артели сами не организуются?

— Да не могут еще. Спецов нет. Организовалась такая артель, пошла в Вологду, едва-едва сыты были, домой ни с чем вернулись. А те, которые с подрядчиком отправились, все-таки деньжат принесли. Потому что у подрядчика во всех местах знакомства, старое доверие. Он может и хороший дом на выстройку взять, по любому плану построить. Он всему делу голова. А у артели без коновода — тят да ляп — плохо... Конечно, со временем, может быть, и поприобьикнут которые из мужиков. А я думаю так: ежели какой крестьянин будет в этом деле большой смысл иметь, обязательно в подрядчика обратится: уж такая природа наша человеческая.

* * *

Сажу на балконе с книгой. Но читать лень. Смотрю на пустынную улицу, не пройдет ли кто. Слышу пьяный голос. Узнаю: сейчас из переулка покажется Суся. Так и есть. Лицо у него медное, подбородок бритый, с ямочкой, мокрые усы книзу.

— А во-о-от... Пойду-у!.. Так сказал Сусанин. Объясню без обиняков: эй, тетка Матрена, не надо мне твоих денег, не надо твоих харчов, а дай мне две бутылки самогону!.. Так сказал Сусанин... Видала памятник Сусанину в Костроме, а? Сняли Сусанина... А я тебе избу выкрашу, ай-люли... И потолок... Ддве ббутылки ссамогону!.. Не хочешь? К чорррту!.. Так сказал Сусанин...

Он размахивает руками, пишет по дороге илилоны. Холщевая беспоясая блуза его вся в олифе и краске. Прошел.

Навстречу ему необычная женская фигура в полосатой голубой юбке, в рваной кацавейке. Голова накрыта низко опущенной на лицо шалью. Щека подвязана белым платком. Лицо видно плохо, но я все-таки вижу странные безумные черты, бегающие испуганные глазки и сильно приплюснутый неблагополучный нос. Следом за нею мальчишки и девчонки. Они дразнят ее на разные голоса:

— Барыня курносая!.. Барыня курносая!..

Вьются возле нее, дергают то за кацавейку, то за шаль. Она отмахивается, вырывается, что-то гнусит сильным голосом. Из окна крик:

— Я вам, твари!.. Пошто ее обижаюте?!..

Ребятишки отстают, косясь на пригрозившего им крестьянина. Курносая барыня проходит. Гляжу вниз. У хозяйской избы клуша с многочисленным выводком крупных цыплят. Цыплята страшно дерутся: нос в нос налетают штуки по четыре, и начинается свалка. Из гребней ручьями течет кровь. Выбегают младший хозяйский сынишка, начинает разнимать, но это ему не удается: цыплята сбегаются вновь и с необычайным остервенением долбят друг у друга окровавленные головы... Мальчик берет хворостину, хочет ударить по забиякам и вдруг заливается детским плачем:

— Мамынька, мамынька!.. Пестренькому петушку оба глаза выклевали...

На крик выскакивает мать, ахает, ругается, схватывает безглазого и ссекает ему топором голову.

«Горе слабому», — мелькает у меня скорбная мысль, но не хочется додумывать: день солнечный и знойный. Я равнодушно гляжу на переставшего трепыхать казенного цыпленка, на лужу крови, на топор в милостиво-жестокой руке тетки Дарьи, на ее вопросительно улынувшиеся мне глаза, и угадываю, что она хочет мне сказать. Она сказала:

— Вот сварю тебе суп. Желаете?

Все так просто: топор, конец никому не нужной жизни, суп. Я хотел многое вспомнить, — но солнце, зной... Я вздохнул и отвернулся.

— Да!.. — вспомнила Дарья. — А чего ж ты к нашей барыне-то не сходишь?.. Сходи для интересу. Образованная. Не нашему брату чета. Сходи. А то скучно тебе. Ничего, она разговорчивая, обходительная. Мы с Федором другой раз ходим чай пить к ней. Она нашего Федора уважает.

— Какая барыня? Вот которая сейчас прошла, курносая?

— Нет, что ты!.. Прошла дальняя сродственница ее, больная, полоумная. А та другая...

Я продолжаю сидеть на балконе. Сажу долго, пока не закатилось солнце, пока пастух не прогнал коров. Вот запахло парным молоком. По тропинке, под моим балконом, идут вереницей девушки и бабы; в их руках ведра с молоком. На поверхности молока густо плавают мухи, как на весеннем снегу грачи.

Спускаюсь на улицу. Возле ближней избы подвода. На телеге огромные сосуды под молоко. На земле весы. Деревня сдает молоко на вес, приемщик записывает в книжки, которые подают ему женщины. Молоко идет на общественную маслодельню в соседнее село. Так несколько подвод ежедневно объезжают окрестные деревни.

Мимо меня обратно проходит группа девушек. Я заговариваю с ними. Они останавливаются, и одна из них, Надя, очень бойко начинает разговор. Ее голос певуч и ласков; милое лицо, с голубыми, выразительными глазами, улыбочиво. Она вся не деревенская, от деревни только загар и крепость тела. Она безусловно городская, воспитанная девушка, переряженная крестьянкой. В непринужденной манере держать себя, в говоре и жестах прирожденная грациозность. Все подруги ее рядом с нею только резче подчеркивают непонятный контраст между ними. Нет, конечно же не здешняя.

— Покойной ночи! Всего вам хорошего, — сказала она на прощанье.

— А вы давно сюда приехали?! — крикнул ей вслед.

— Я? — Она засмеялась. — Восемнадцатый год пошел.

И только дома, за чайным столом, тетя Дарья разрешила мое недоумение.

— Надюшка-то? О!.. Совсем даже отменная от прочих. А родные сестры ее такие же непропёки, как и прочие девушки. А она, видишь, какая пава родилась. Толкуют хрещеные, что бытто она от барина нашего бывшего. А может, и врут, может, бог такой доченькой родителей благословил. Девушка речистая, умная, с ней лестно кому хошь поговорить. Да ежели ее одеть, у-у-у!.. — тетка Дарья даже защурилась. — Одно слово, барское дитё.

Я все это отметил себе в книжечку и озаглавил: «Евгеника».

* * *

На следующий день я отправился с визитом к бывшей помещице Александре Павловне Перелешинной, разведенной жене предводителя дворянства Мазнюкова*, о котором я упоминал. Она снимала комнату в каменном двухэтажном крестьянском доме, через дом от нас. Я взобрался по лестнице и отворил дверь в ее комнату. Сырость, полумрак, запах мокриц и скипидара. На кровати лежит смуглая, сухая женщина. Голова ее обмотана полотенцем. Возле нее старуха-крестьянка.

— Вам кого? — заохав, спросила женщина. — Александру Павловну? Она на свежем воздухе. Идите через поветь, там ворота увидите. А за воротами веранда у нее.

Женщина болезненно улыбнулась и добавила:

— Я бы провела вас, да ноги отнялись — ревматизм замучил.

Не спускаясь вниз, я повернул в дверь направо, прошел через поветь по бревенчатому полу, представляющему потолок над обширным хлевом, и постучал в огромные ворота.

— Можно?

— Пожалуйста. Прошу вас.

Я отворил ворота и ступил на полусгнивший бревенчатый настил, подпертый на высоте второго этажа столбами. Эта горизонтальная, вроде террасы, площадка, огороженная полусгнившими же перилами, выходит на грязнейший, покрытый навозом задний двор, куда выливают помой и сваливают всякую дрянь.

* Маркова.

— Извините, что здесь вас принимаю, — сказала Александра Павловна. — Хотя воздух здесь, как видите, и не совсем... Но все ж таки лучше, чем у меня в комнате. Садитесь на скамеечку. А я буду ходить... Мне моцион нужен.

— Но почему же вы не выходите на солнышко, в поле, в лес?..

— И рада бы, да не могу. Ноги опухли, сердце больное и одышка. Видите, какая у меня комплекция. Спущусь вниз — и не подняться.

Она высокая и необычайно тучная, величественного вида старуха лет под шестьдесят пять, с дряблым, белым в красных жилках лицом. Гордо запрокинувшаяся седая голова ее в темной кружевной наколке; на рыхлых плечах рваная кружевная накидка. Потертая, вдоль и поперек штопанная юбка и трепанные шлепанцы. Но эта ветошь была чиста и опрятна, как и сама старуха с выхоленными маленькими ручками и умными, пристально всматривающимися в вас глазами.

Она угадывает мою мысль, иронически улыбается и, встряхнув накидкой, говорит:

— Вот... весь мой гардероб. Больше ничего нет. Так легче будет умирать и... честнее. Меня судьба очень и очень потрепала. И я не ропщу. Я верю в карму, в возмездие. Каждый человек живет на земле так, как он заслужил в прошлом воплощении. Вы удивлены? Я — теософка. В чтении теософских книг мое утешение. Ну, как там у вас в Москве, в Питере? Как большевики? Я ж совершенно не читаю газет со времени переворота. Что ж, по-вашему, выйдет что-нибудь путное?

Я, как умею, отвечаю.

— Удивляюсь, — говорит она, пожимая плечами. — Ведь вы, я слышала, писатель? Вы коммунист, нет? Но разве не коммунисту можно теперь писать? Разве печатаются книжки? Да неужели?!

Я вынимаю из кармана свою книжку и подаю ей. Старуха разглядывает ее, как вытасченное со дна моря чудо-юдо, и говорит: «Удивляюсь», — и просит меня прочесть. Я читаю шутейный рассказ. Старуха смеется и весело говорит:

— Удивляюсь!.. Представьте, я даже не вообразила, что при существующих условиях можно было что-либо искренно писать.

Она садится против меня на скамейку и задумывается. По выражению ее лица я вижу, что она роется в памяти, подводит какие-то итоги, и что в ее душе происходит борьба.

— Да, верно, — говорит она. — Представьте, ведь меня арестовывали в девятнадцатом году и отвозили в Буй. И представьте, — на пароходе, в первом классе, даже горничную разрешили взять. Ну, в городе, правда, было несколько тревожных минут: мы, арестованные, большинство женщин-помещиц, боялись, что будут расстреливать. Меня, по моему нездоровью, допрашивали первую и сразу же освободили. Мне сделалось дурно, а извозчиков не было, и, можете себе представить, два милицейских вели меня ночью под руки до самой квартиры. И следователь тоже очень вежлив был.

Она замолчала, посмотрела в сторону, где заходило солнце, пожала плечами и сама себе сказала:

— Удивляюсь...*

* Далее в новомирской публикации: «Пока она продолжала удивляться, я припоминал, что слышал про неё от крестьян. Её считали очень хорошей “барыней”, она дешево сдавала им в аренду покосные луга, была “обходительна” и ни в чем не было у нее отказа: “лекарствишка ли дать, али так что присоветовать”.

Надо сказать, что крестьяне, поскольку я знаю из своих наблюдений в разных углах России, отзываются о помещиках если не хорошо, то снисходительно. В их словах нередко слышится скрытое сожаление, что из деревни с революцией ушла культурная сила в лице бывших бар. По мнению стариков и крестьян среднего возраста, вместо культурного влияния, которое вносили в деревенскую жизнь некоторые либеральные бары, пока что — круглый нуль. Мне кажется, что этот немалый пробел в духовной жизни деревни должны восполнить агрономы, врачи, учителя и прочая сельская интеллигенция. Необходимо какое-то постоянное воспитательное воздействие на крестьянскую душу, в особенности в наше время великого сдвига всех прежних устоев жизни, когда перед каждым вдумчивым крестьянином повседневно встают сложнейшие вопросы бытия, которые так или иначе надо сейчас же разрешать.

Я не собираюсь оспаривать почтенную роль изб-читален, всяких культурно-увеселительных кружков, я говорю, что деревни

— На какие же средства вы существуете? — спрашиваю Александру Павловну.

— А ни на какие, — как бы подсмеиваясь над собой, через силу улыбается она. — Много вещей распродала, теперь почти ничего не осталось. Да и продать-то некому. Вот продаю большой текинский ковер, великолепного рисунка, прошу червонец, никто не дает, денег нет в деревне. А мне необходимо в контору* в город съездить.

Действительно, помню, в Мисскове, в этом кирпичном полугородском селе, крестьянин недавно говорил:

— Теперича у нас самое «подошлое» время. То-есть такое время подошло, ежели скажут: «Ребята, соберите три рубля, а то все село из пушек расшибем», — дак не то что трех рублей, полтины со всего села не собрать. Вот хмель снимем, тогда другое дело.

— А живу я своими трудами, — говорит Александра Павловна. — Шью девушкам разные изящные вещицы: то накидочку, то лифчик с бантиками, то косыночку свяжешь. А они мне продуктами — молоком, картошкой. Да мне, старухе, много ли и надо-то. Попьешь кофейку с хлебом — и сыта. Если бы я одна была — с пол-горя. А при мне женщина, бывшая моя горничная, не пожелала меня бросить, а теперь слегла, от сырой квартиры страшный ревматизм схватила. Не пожелаете ль заглянуть ко мне?

Я опять вошел в ту же самую комнату. Больная, бывшая горничная, все еще лежала и охала. Старуха провела меня за перегородку и усадила за письменный стол.

Облезлые стены, несмотря на лето, в сырых подтеках. В углу дымит раскоряка-буржуйка, на ней синий чайник. Потолок, стены, драпировки, жалкие остатки мягкой мебели — все потемнело от многолетней копоти, и воздух — как в склепе.

— Я удивляюсь, как здесь можно существовать, — на этот раз пожимаю плечами и я. — Почему вы не переберетесь в другое помещение, почему не откроете окна?

необходима просвещенная голова для духовно-воспитательного руководства. И если говорить об идейном "хождении в народ", то наибольшая потребность в нем как раз в наши дни».

* Вместо «в контору» — «к доктору».

— Нельзя. Сквозняки. А у меня — больная. Впрочем, будьте добры, откройте. Еще летом туда-сюда, а зимой — мороз, иней на стенах. Боюсь зимы, — она вся сжалась в кресле, и глаза ее зябко помутнели. — Боюсь.

Но вдруг она оживилась.

— А хотите взглянуть, какой я была? — и подала с этажерки свой портрет.

На портрете полная, очень красивая средних лет дама в русском костюме придворной фрейлины, с шитым жемчугом кокошником и «кавалерственной лентой» через плечо.

— Ну, как? Ничего себе бабенка? При Марии Федоровне состояла. А мой отец, адмирал Перелешин, царскими яхтами командовал. На похоронах государь был и вся петербургская знать. А я вот, видите, в каком положении, — вздохнула и утерла платком часто замигавшие глаза. — Пустяки, хорошо, превосходно, — быстро оправилась она. — Только веры не надо терять. Вот моя вера и надежда, — и старческая пухлая кисть руки легла на стопку теософских брошюр и книг. — Еще наслаждаюсь Байроном, Гете, Гейне, — в подлинниках, конечно. А вслух горничной, приятельнице моей, читаю, — знаете кого? — Блаватскую. Ах, какой восторг! А вы знаете, что Блаватская вновь воплотилась, и ей уже десять лет от роду. Мне писала одна приятельница из Петербурга со слов «посвященной».

В это время за перегородкой скрипнула дверь, и послышался разговор. Потом надтреснутый голос прокричал:

— Барыня, кухня к тебе пришла!

— Ах, извините, — грузно, с кряхтением поднялась Александра Павловна. — Это дальняя родственница моя, больная... Капли пускаю ей в глаза... Мне очень совестно, что я не предложила вам чаю... но, к сожалению, я забыла сахару купить... Такая досада... Ну, навещайте меня, старуху...*

* Далее в новомирской публикации: «Да! Вот ещё что... Мне ужасно хотелось бы работать, посильную пользу приносить... Я ещё ничего, бодрая, — она сжала кулаки и выразительно встряхнула ими. — Например, почему бы бывший наш завод не

Я раскланялся и пошел домой. За перегородкой, возле кровати горничной, стояла «курносая барыня». Завидя меня, она тотчас же надвинула на лицо шаль и отвернулась*.

* * *

В конце июля ненастье сменилось ведряными днями. Вечером пошел в бывшее имение Уланова, что возле деревни Овсянкиной; возвращаясь, неосторожно перепрыгнул через глубокий овраг и сильно повредил правую ногу. Пришлось отказаться от дальнейших путешествий. Тем не менее, я около двух недель провел после этого среди крестьянской Руси, переезжая из деревни в деревню, в направлении к г. Бую.

Я с грустью думал, что моим наблюдениям конец, но оказалось, что и лежа на сеновале можно наблюдать деревенский быт.

IV. СЕЛО ПАВЛОВСКОЕ

Мельничные черти – Семейство сельского священника – Воспоминания отца Ивана о Е.И. Якушкине – Самогон – Поповичи – Строгая власть

Вез нас на плохонькой лошадке хозяйский сын, Александр, о котором я упоминал. Переправились на пароме через реку Кострому. Большая часть дороги проходит лесами. Александр таинственно рассказывает разные легенды о колдунах, о заклятых кладах, и я совершенно не мог понять, верит он в чертовщину или нет.

Вот с высокого лесистого обрыва видна речка, вся в кустах, густых зарослях леса. На речке водяная мельница. Речка сверкает на солнце, но омута ее черны, как ночь. Лес задумчив, мрачен, лесная даль кутается в дымку прогретого воздуха. Тишина, только шумит седым стеклянным шумом падающая через плотину лохматая вода. Здесь ночью, должно быть, жутко, ночью кричит здесь

пустить в ход? Вы слышали? Я бы все могла организовать... Впрочем... Эх!..»

* Конец публикации в № 3 «Нового мира». (Прим. ред.).

филин, рывкает медведь, может быть, русалки, покидал омут, выходят греться в лунном свете. И, без сомнения, на мельнице водятся черти. Что им новый режим? Они своему богу веруют, тем более, что мельник допотопный, свой, дядя Феофан. Ах, интересно иной раз послушать побаски ямщика, хотя бы и будущего студента.

А дело было так. В голодное время, оказывается, и черти голодали. Но черти — народ хитрый, насквозь в аду прожженный всякими предрассудками. И вот, как мельница на ночь остановится, оголодавшие черти, не спросясь мельника, тайно на себя муку мололи. Настригут, через ведем, на полосах колосиков и мелют. Проснется мельник, услышит шум, пойдет на мельницу. А там нет никого, все тихо, точно на погосте. А как домой — и пошла, и пошла мельница рвать: вода бежит, колесья крутятся, жернова зерно жуют, вся нечистая сила в работу запряглась. Сражался-сражался с ними мельник — ни черта не выходит, обратился к батюшке, к священнику. Отслужили вдвоем на мельнице молебен. В каждый постав, в каждый закоулок, в каждую дыру ставил мельник святой образ, а батюшка кропил.

Эту ночь черти не мололи, эту ночь мельник угощал батюшку винцом... И такое случилось, что батюшка очнулся дома, на кровати, а левый сапог с ноги потерял неизвестно где. Даже неизвестно, какой силой дома очутился. А крест и кропило ему доставили впоследствии.

— Это, наверно, проделки чертенят, — заключил рассказчик.

Эх, хорош денек, в небе сине, хвои духмяный запах издают, только нога болит, — пожалуйста, Александр, потише!

Подъезжаем к селу Павловскому. Грязно, но не так, как в Мисскове. В пруду гогочут гуси. Беспортошный мальчик норовит попасть в лягушку кирпичом.

— Да, придется к батюшке, к отцу Ивану.

Большой серый старый дом. Сад, яблони. Калитки заперта. Оказывается — все на сенокосе. Так бы нам и стоять тут, если б не дождевое облако. Накатилось откуда-то из-за лесов и опрокинулось теплым ливнем. Удрил гром. Все посерело, помутнело, все окунулось, как в озеро, в густую сеть крупного дождя. Куры мчались лй-

том под навесы; резали мокрый воздух застигнутые врасплох стрижи; недобитая лягушка нырнула в пруд; мальчонка голосисто заплакал и уселся голым задом в лужу; радуга выпустила из тучи разноцветный эфирный хобот, опрокинулась за село, в поля.

Все семейство батюшки прибежало на рысях. Сначала с подоткнутым подолом попадья, похожая на обыкновенную деревенскую тетку, за ней две поповны и два поповича, крупные, сильные девы с молодцами, за ними сам о. Иван, высокий, чуть согнувшийся, с крепкими загорбистыми руками, с простым крестьянским лицом, с простыми манерами, одетый в холщевый подрясник и холщевые штаны, босой, — словом, самый типичный мужичий старый поп.

После расспросов, оханья по поводу моей ноги, принялись за чай.

— Ты бы ходил, поп, за медком, — сказала матушка.

— Нешто не знаешь, что в дождь нельзя мед подрезать?.. Вот уж солнышко... — ответил о. Иван.

Он очень неразговорчивый, тихий, слова надо тащить из него клещами, может быть, опять напугала его моя кожаная куртка. Однако, вечером он получил дар речи и кой-что порассказал о своей жизни.

Он всю жизнь провел в больших трудах, в нужде, семью поднял. Вот сыновья кончили семинарию, по духовной части итти не желают, а продолжать ученье нет возможности — поповских детей не принимают. Как быть — просто неизвестно. Одному сыну уже двадцать три года, работают на земле, как крестьяне, а толку нет — земли совсем немного. Да вот две невесты. А доходы от церкви — ничтожные.

— Летом не больше пяти рублей на месяц выколачиваю, зимой до десяти рублей. Вот видите, в каком равнень ходим, и переодеться не во что.

А сам он на подозрении.

— Почему?

— Да видите, когда ценности отбирали, я в опись забыл сосуд серебряный включить, ну просто совсем из головы вылетело. Был суд, условно осудили.

Священником он недавно, сначала много лет был дьячком, потом дьяконом. Служил раньше в Ярославской губернии.

— Вот, может быть, вам интересно будет про Евгения Ивановича Якушкина послушать. Я с ним был хорошо знаком, он сын известного декабриста. Чудак был барин и души добрейшей. Тоже все записывал народные песни, приметы, поверья. Как-то, еще при крепостном праве, созвал всех крестьян, указывает на свой дом, спрашивает: «Кто этот дом строил?» Крестьяне отвечают: «Да еще при родителе твоём, царство ему небесное, строили эти палаты. Ты еще мальчик в ту пору, барин, был». — «Я не про то. Нет, чьими руками?» — «Нашими». — «Значит, он ваш, берите в общество. И лес берите. Лес сам вырос. И землю — земля ничья. Я здесь больше не хозяин, больше не приду сюда». Надел сюртук, шляпу и ушел. Вот в таком виде рассказывал мне сам Евгений Иванович и крестьяне-старики. Его потом арестовали и выслали в Сибирь. Там он жил с семьей в великой бедности, бумаги с карандашом не на что было купить, учил ребят своих, писали пальцем на песке. (Насколько известно, Е. И. Якушкин ездил в 1850 году в командировку в Сибирь, где виделся, в г. Ялуторовске, со своим отцом и познакомился со многими декабристами). Отбыв наказание, — повествует о. Иван, — приехал в Ярославль, был управляющим Государственным Имуществом, женился на помещице из села Мариинского, возле Нерехты. Жене сорок пять лет, ему больше шестидесяти. Там и жил, в Мариинском. Часто приглашал меня, расспрашивал про жизнь, про старину, записывал. Каждый год, в день освобождения им крестьян, трое выборных приезжали к нему с родины, с пирогом. Пьянствовали целую неделю. Как-то сижу у них, жена его, барыня-то, и говорит: «Иди, пришли твои». Глядим — выборные, и пирог несут. Ну, и я погулял с ними. А теперь уже лет тридцать как капли в рот не беру.

— Почему?

— Силу надорвал, сердце стало слабое, какая-то жилка от натуги лопнула. Эвота я какой конь, раньше чудов пятнадцать принести для меня пустяк. Работал как-то и

поле на покосе, сено сушил, дьячком тогда был, вдруг туча зашла, а знакомый крестьянин и говорит: «А ну-ка, помоги-ка мне, свет, сенцо убрать». Я ему и начал целыми копами в стог бросать. А сено сырое, тяжелое. Как кинул на самую верхушку, у меня что-то и хряснуло в нутрях. С тех пор не пью.

Разговор перешел на самогон. В разговор ввязалась матушка:

— Самогон у нас варили почитай все, — начала она. — Потому, земля «неродимая», хлеба мало, нечем жить. А из пуда зерна он, чрез самогон, приобретет четыре пуда хлеба. Сначала варили в овинах, потом в подпольях, — запретили, — постановили на сходе, во избежание пожаров и неприятностей с властями, варить в оврагах, в лесу. Потому, ежели в овине, вдруг начальство придет, хоть ночью, хоть днем, сразу всем известно: бегут, перепрятывают. А ежели в лесу, то и не найдешь. Даже один священник попался. Его арестовали, а на летнее рабочее время выпустили. Тогда к нему стали православные обращаться с требами, он стал служить, его опять отправили в тюрьму. На свадьбу или на праздник иногда наготовляют четыре-пять ведер. Батюшки спились. Кто от горя, кто от слабости. Раньше вино в деревнях было за редкость, только в большие праздники. Теперь всегда вино.

Матушка вздохнула, улыбнулась и, посоветовавшись глазами с о. Иваном, продолжала:

— В одном селе церковный староста собрал сход и убедил крестьян постановить, чтобы самогону в церковный праздник не было, а то страшные драки, даже поножовщина и всяческий соблазн. Крестьяне сначала побрюзжали, а потом решили праздник справлять в трезвом положении. А поп узнал и заявил: «Ну, так я в ихнее село и с образами не пойду».

Все немножко посмеялись. Батюшка перекрестился и сказал:

— Соблазн, соблазн.

Старший попович, придвинув к самовару чашку, попросил:

— А ну, мамаша, еще, седьмую! Или вот не угодно ли такой факт, — обратился он ко мне. — В одном селе, — не буду указывать в каком, — где крестьяне специально самогоном промышляли, за молебны со священником расплачивались вместо денег тоже самогоном. Идет священник по избам с иконами — а всего девять икон, десятый крест — и ежели помолобствует пред иконой в отдельности, за каждую икону чашка самогонки. Причт на этот случай бочёнок таскал с собой. Но сам священник не пил. Вот вам. И как же тут может удержаться религия? И правильно нашего брата, духовных, продергивают в «Безбожнике».

— Вы разве «Безбожник» читаете?

— А как же! И домой иной раз приношу из избы-читальни. Я ж заведую избой. Сначала мужики ругались, отплевывались, а теперь сами просят: «А ну-ка, Петр Иванович, почитай насчет попов». Да вот, пожалуйте, — он шагнул к шкафу и подал мне журнал и три номера газеты «Безбожник». — Мамаша, конечно, не выносит, а мы, молодежь, читаем.

— Папа тоже читает, — подмигнула отцу девушка.

— Когда? Чего врешь! — ошетинился о. Иван.

— Читаешь, читаешь! — весело закричала девушка.

— А помнишь, третьего дня я вошла, а ты что под скатерть-то сунул? Ведь ты «Безбожника» читал.

— Ничего подобного...

— А что же?

— Житие Якова, железноборского чудотворца.

Девушка быстро подошла к круглому столу у зеркала и торжественно отдернула скатерть, но там оказалось пустое место.

— Спрятал, папка, спрятал! — захохотали дети. — Мы еще вчера видели, все маме собирались показать.

— Ничего подобного! — бия себя в грудь кулаками, петушился о. Иван. — Чтоб я стал читать ваш мерзопакостный журнальчик! — Но глаза его виновато прыгали от лица к лицу.

Вечером все мужское население сидело на террасе, выходящей в небольшой сад. Несколько пчелиных домиков пестрело сквозь зелень листвы, пчелы уже угомонились. За синим куполом церкви розовел закат, предвещающая хорошую погоду. Женщины доили коров. Матушка крикнула:

— Поп Иван! Иди-ка, поддержи Буренку. Не стоит.

Молодежь жаловалась мне на свою судьбу. Смерть как хочется учиться, жить в городе, работать, а вот приходится хлюпать в навозе. Почему это, почему такое гонение на них, лиц духовного звания, чем же они, на самом деле, виноваты, что родители их — попы? — сетовала молодежь.

Я сказал:

— В нашей Республике нет стремлений делить людей на козлов и овец, на родных детей и пасынков. Всякий, не эксплуатирующий чужой труд, есть кровный сын Республики. Этого требует справедливость, так оно впоследствии и будет. В данное же тяжелое время, когда Республика не успела еще окрепнуть материально, в первую голову приходится удовлетворять нужды рабочих и крестьян, потому что у нас рабоче-крестьянская Республика. Но это отнюдь не значит, что так будет продолжаться и далее. При первой же возможности предоставится широкое право всем и каждому учиться, где кто хочет и сколько хочет.

Я очень плохой политик, может быть, и в данном случае все перепутал, но молодцы моим ответом остались вполне довольны.

Еще раз повторяю, они простые, хорошие парни, вполне принявшие новый строй и помогающие крестьянам усваивать современные формы жизни. Один из них заведует, за небольшое жалованье, избой-читальней, и, по-видимому, дело это любит, вечерами, уставший, бегаёт туда, ведёт с крестьянами беседы, устраивает публичные чтения, даёт юридические советы, пишет письма. А когда свободно, оба молодца гуляют с деревенской

молодежью, играют на гармошке, пляшут и, наверно, и большие праздники дерутся с парнями соседних деревень из-за красавиц. У младшего неотразимая страсть к ветеринарному искусству — он перелечил всех коров, лошадей, баранов, кошек по всем окрестным деревням — спит и видит, как бы в Ветеринарный Институт попасть.

— Много скотинок на тот свет отправили? — подшучиваю я.

— Что вы! Я даже операции делаю. Вот завтра буду у лошади соседа кожу от лопатки отдирать, присохла.

— Где же вы учились?

— Да самоучкой больше. Потом из книжек. На коровьих трупах. Частью у коновалов.

— Только ты, ради бога, нашу корову не смей лечить, — заявляет пришедший о. Иван. — Прошу тебя. От твоих опытов наш Васька сдох, прекрасный кот был, рыжий и мастер мышей ловить.

* * *

Спал я на повети, на сене. Отец Иван тоже спал здесь. Он ложился поздно, вставал чуть зорька. Все еще спят, а он сидит, согнувшись, в розовой рубахе, холщевых штанах — огромный старик — мужичище, а не поп — и бьет на бабке косу. Молоток в уверенной руке четко бьет, звякает сталь косы, и нет возможности уснуть, а спать так хочется. Так бы и убил этого попа. А то часа в три утра, — еще куры на нашести, — начнет пилить, стругать, долбить проушины.

— Что вы, батюшка, делаете?

— Да вот улей надо... Я вам мешаю, кажется?

Тяжелая их жизнь. А едят не очень, так себе, больше чай да каша.

Ноге моей от лежания не легче, двигаюсь с большим трудом. Послал за докторшей, здесь хорошая больница. Докторша пощупала ногу, сказала:

— Растяжение сухожилия. Разрыв мускульных тканей с внутренним кровоизлиянием. Максимум покоя, минимум движения.

Очень жаль. Значит, путешествовать нельзя. Расспросил её о житье-бытье. Получает двадцать три рубля, а дела — выше головы. Раза два в неделю, и обязательно в ночное время, зовут куда-нибудь верст за десять-пятнадцать к роженице. Иногда приходится идти пешком. Удивительно. За священником всегда лошадь пришлют, за докторшей же изредка. И ничего, конечно, не заплатят. Иногда читает лекции по гигиене. Но тоже изредка. Я предложил ей за визит деньги. Она очень обиделась.

— Послушайте, но почему же? Ведь в городах берут.

— То в городах, — печально сказала она, вздохнув, и добавила: — Хочу в Галич переводиться, на родину. Тоска здесь.

Действительно, трудно существовать в деревне городскому человеку, да еще на такое жалованье. Подвиг.

Накануне отъезда, под вечерок, в дом священника пришел, громыхая сапогами, какой-то тщедушный, беспоясый, с козлиной бородкой крестьянин и ко мне крикливым начальственным тоном:

— Ты кто такой будешь?

— Человек.

— Понимаю. Документ!

— А вы кто такой?

— Председатель сельсовета.

Он гордо сел. Я подал документ — удостоверение от «Известий ВЦИК'а». Он долго всматривался в бумажку, как в Филькину грамоту, встал, подошел к окну, опять приник к бумажке, снял шапку, составил с окна герань.

— Вяче... слав. Это какое имя? Вы кто будете, русский подданный? А почему же такое имя непонятное? — От напряжения с его лица струился пот.

Я ответил, что меня еще маленького так называли, при крещении.

— Так, так, — сказал он. — По какому делу? Жизнь узнавать? В газетке продергивать? Приятно. Извольте документик ваш. Можете проживать с удовольствием. Ничего. До свиданья! Не извините, — подал руку и на цыпочках ушел.

V. СЕЛО ЖЕЛЕЗНЫЙ БОРОК

Железоборский монастырь — Трудовая артель —
За чаем в келье — Иноки — Брошенная — Костоприв-
ка бабка Фекла и ее семья — Ханжа — Чудотворная
икона — На повети — Тетка Марья про правителей —
Развод — Домой

Вез меня рыжеватый щупленький мужичок. Он всю дорогу бестолково и гнусаво рассказывал мне про плотничьи артели, выходящие на заработки из села Павловского и других сел. Он сам тоже плотник. Сначала был первой руки, а как сила ослабла, стал плотником второй руки, это уж плохо, едва-едва прокормишься.

— Отчего же тебе сила изменила? Ведь ты не старый.

Плотник подстегнул лошаденку и сказал:

— Филитическую болезнь у меня признали. По наследству быдто перешла от родителей моих.

Оказывается, он женат, имеет двух детей, все здоровы. Не лечится, потому что некогда, а некогда потому, что беден, весь век в работе, в людях. Да задаром разве будут хорошо лечить, просто дадут мази какой ни то дешевой для отвода глаз. Это ни к чему. Притом же с «филитической» болезнью жить можно. Самое большее — «стропила» в носу рухнут. А так — ничего. Это не холера и не вошпа. Ничего.

* * *

А вот и прекрасное старинное село Железный Борок. На зеленых лугах древний исторический монастырь Якова Железноборского, основанный в конце XIV века. Здесь останавливался митрополит Московский Алексей с посольством из Москвы к галицкому князю Дмитрию Шемяке. Здесь же был пострижен в иноки Григорий Отрепьев, Лжедмитрий I, будто бы сын боярина г. Галича (Костромской губернии) Богдана Отрепьева.

В древности — кажется, еще при царе Борисе — в окрестностях монастыря были открыты железные руды. Остатки самодельных незатейливых домн и ям, где добывалась руда, сохранились и посейчас.

Одна старуха рассказывала мне:

— Сам Наполеон зарился на наше место. Как узнал, что в нашем бору железо, залез на Ивана Великого, — такая колокольня в Москве есть, всем колокольням колокольня, — да навел трубку на нашу местность и стал рассматривать. А батюшка Яков преподобный наш, святитель христов, чудо из-под спуду совершил: вся местность лесом закрылась, и будто бы войска многие тысячи стоят. Наполеон испугался и не пошел на нас войной.

В монастыре — трудовая артель крестьян. Моя хозяйка, тетка Марья, рассказывала мне:

— Приехали из Буя в девятнадцатом году большевики, созвали монахов и сказали им: «Вы, отцы, должны образовать коммуну, то-есть колхоз, иначе всю землю от вас отберем. И чтоб в коммуне были безземельные крестьяне». Тогда настоятель монастырский обратился к нам, хозяевам, и еще к другим крестьянам, которые бедные: «Помогите, православные». Мы пошли с хозяином. Работали ровно год, с марта по март. А когда большевики стали монахов совсем выставлять из артели, мы с хозяином тоже ушли.

— А почему удалили монахов?

— А вишь ты, мало работают, а только молятся. Мы же не обижались, потому что монахи вкладывали деньги, которые выручали чрез богомолество. Хлеба и всего хватало. Только жить было по-первости не сладко.

— Почему?

— Народ не так был соединен, чтоб в одно сердце.

Около полудня. В соборе служба. Меня манит войти в древний собор. Вхожу, с трудом переставляя большую ногу. В соборе решительно никого, кроме пяти-шести монахов и меня со спутником. Монахи не служат, а катают на рысях. Мой спутник, М. Д. Сигорский, громыхая по чугунным плитам сапогами, пошел осматривать собор. Вижу, как он берет и взвешивает на руке полупудовые вериги основателя монастыря Якова, щупает его скуфейку, идет на клирос и что-то шепчется с монахом, указывая на меня. Потом подходит ко мне:

— Идемте. Самоварчик будет.

Опережая нас, пробегает в прилепившееся к монастырской стене небольшое здание юный служка. Белые

кудри его шлепают из-под скуфейки по ушам. Он трогательно мил, как Алеша Карамазов. У входа, сделав руку козырьком и всматриваясь в наши лица, стоит сгорбленный старичок с ласковыми голубыми глазами, напоминающий Серафима Саровского.

Входим. Кухня. Огромная печь. Монах средних лет, длинноволосый, в белых штанах и розовой рубахе, наводит в кухне порядок. А здоровая, краснощекая девица сидит под окном и шьет. Мы ее послали за молоком и яйцами. Улыбнулась как-то по-особому и ушла.

— Что ж она тут делает? — спросил я белоштанного инок.

— А она из артели. На нее другой раз вроде как находит. Вроде не в себе делается. Дома сидеть скучно, вот сюда заглядывает.

Проходим в жилое помещение. Сводчатый потолок и стены небольшой комнаты расписаны немудрым богомазом. Посредине из белых досок самодельный стол. Самовар пускает пары. По стенам шесть коек с грязными тюфяками. Возле коек — лапти, опорки, сапоги. В переднем углу, как водится, киот. У окна, между кроватями, в простенке, аналой: пожилой монах, спиной к нам, читает про себя божественную книгу. На стенах — кlobуки, календарь, расписание службы.

Два паренька, в подрясниках, чистят грибы, третий, постарше, кривой, следит за красавцем в белой рубахе, не то парнем, не то оперным молодым боярином, как тот из свежерезанных прутьев плетет корзину. Этот молодец — ему двадцать пять лет — тоже послушник, сын богатого крестьянина из-под Чухломы. Высокий, статный блондин, лицом нежен, бел, румян, большие голубые, под тонкими черными бровями, глаза, белокурая молодая бородка. Сколько женских сердец было бы раздавлено им до боли, до крови, до смерти, живи он «п миру»! Ему бы русским народным хором управлять где-нибудь в московском купеческом трактире, ему бы с гусями по Руси ходить, былины петь, русскую душу тешить, ему бы стопудовые кули таскать! А вот ушел от богатства, от красавицы-невесты — наверно, с гори на себя руки наложила, — ушел, чтобы замуровать себя ал-

живо в камень, в трудный подвиг, в кольцо зеленых лесов, в колокольные звоны. И ушел недавно, в прошлом году. Что за притча?

— Что же вас заставило уйти? — завожу с ним речь.

— Влечение души. Потянуло.

Отвечает нехотя, чуя во мне инаковерующего любопытствующего человека, случайного, с ветру, прохожего. Он весь погружен в плетение корзины и жадно ловит каждое замечание кривого спеца.

— На продажу, что ли, плетете? — опять спрашиваю.

— Тем существуем.

Пришел молодой, со строгим бледным лицом, иеромонах Савва: служба, видимо, кончилась. Одет в чистую рясу. На груди наперсный крест. Садимся пить чай втроем: о. Савва, я и мой спутник. О. Савва заменяет теперь настоятеля, уехавшего в Кострому. Жить им трудно — их восемь человек — но все-таки кое-как можно существовать. Им дали немного земли, есть огород, рыбу ловят, есть корова. «Молочко, конечно, только к чаю».

Вся братия, в особенности о. Савва, религиозно настроены. Он кое-что читал, но, разумеется, в науку не верит. Наука от ума, ум же ежечасно заблуждается, а религия — от сердца, от нутра.

— Сам по себе мир не мог образоваться. Всякому делу есть хозяин. А как же? У природы отнимают повелителя?! — восклицает он и следит за лицами монахов. Монахи поощрительно кивают головами.

— Или говорят, что человек произошел от обезьяны. Вранье какое! Почему же от галки всегда рождается галка, а не сорока? В мире дух зла противоборствует господу-творцу. Бог в нашей вере, а не в чьей-либо другой. Вот почему ни одна вера не испытывала в прежние времена такого гонения, как наша. Гонители — слуги дьявола. Вспомните Нерона.

Поставив точку богословским разговорам, о. Савва, вздохнув, сказал:

— Ужасно горько нам, монахам обители сей, что мы совершенно неправы, мы как бы вне государства, нас

никто не признает, никто с нами не считается, и труд наш не труд, а якобы мракобесие. Обидно, знаете. Ведь и у нас душа. Тяжко в отечестве своем чувствовать себя последним хламом, отщепенцами. Ведь все мы из мужиков да из мастеровых, — мы из народа. Как бы хорошо было, если б нашу обитель древнюю обратили в государственный музей, а нас бы вроде хранителей. Жалованья нам не надо. Это нас окрылило бы, мы приобрели бы этим самым права гражданства.

И еще:

— Вот за эту келью с нас берут в год платы двадцать пудов ржи, да за колодец — восемь пудов. А недавно был из Буя представитель, сказал: «Теперь, пожалуй, двести пудиков с вас очистим».

— Где же вы берете хлеб? — полюбопытствовал мой спутник.

— А где ж нам брать? С крестьян. В праздник обходим с иконами деревни. Желающие принимают, не желающие отказываются. Дело полюбовное. В голодные годы мы в долг служили, осенью собирали хлебом.

В открытые окна заглядывали рябина и боярка. Становилось сумеречно. Пастух давно отдудил на дудке, и галки слетались с полей на ночлег в парк монастыря.

Сухой и очень подвижной монах, старец Амвросий, с лицом аскета, сказал мне:

— А позвольте вам предложить: в том конце села, за речкой, живет старушка полуслепая. Она вроде знахарки и может править повреждения суставов. Я насчет вашей ноги. Слетать?

Я очень обрадовался — вот, думаю, живую колдунью бог послал, — и охотно согласился. Старец схватил скуфейку и живо зашагал, как молодой. Не успели мы выкурить по папироске, как он вернулся:

— Бабка Фекла сейчас не видит. А просит вас к себе. Даже можете у них и остановиться. Их трое, детей нет, клопов нет. Эй, отроки, проводите странных людей!

Два паренька взяли наши котомки, и мы двинулись. В уголке, в проходе, толстая баба-мукосейка месит хлебы. Тут же ее опрятная кровать.

В ограде монастыря — встреча. Красивая, высокая молодая крестьянка, с нею трое маленьких ее детей.

— Здравствуйте, милая, — поздоровался я. — Ну, как живете?

— Плохо, — печально ответила она и потупилась. — Муж бросил. Вот и детишки.

— Такую-то красивую?

— Видать, лучше нашлась. А жили мы сначала хорошо. Он коммунист, председателем в артели нашей был — я и теперь в артели, вот в том корпусе живу. А когда право перевернулось, стали худо жить. Он начал за девками здесь волочиться. Я не могла стерпеть, плакала, ругалась. Он бил меня. Потом развелись. Он уехал в Буй, там служит, кралю, говорят, нашел канцелярскую.

Отроки стояли в отдалении, недовольно покашляясь на меня. Я покултырил дальше.

Речка, мельничная гать, и чрез грязь — изба. Керосиновая лампочка замутила тьму, но свету дала мало. Здороваюсь, приглядываюсь. За столом жена и муж. От печки семенит с горшком каши старушонка, Фекла Кирилловна. Маленькая, сутулая, сухая; желтое, морщинистое лицо в кулачок, глаза мокрые, красные; рот слюнявый. Словом, бабка особенной красотой не отличалась. Хотя я, признаться, внешность ведьмы представлял себе несколько иной, думал — ведьма нечто среднее между бабой-ягой и неумытиком, а это просто обыкновенная богова старушка, да она и не ведьма, не знахарка, а деревенская костоправка.

— Что у ты с ноженькой-то? — участливо спросила она.

— Кажись, жила под икрой оборвалась, — ответил я.

— Ох, батюшка! Если бы жила лопнувши была, единого разу ноженькой-то не вступил бы.

— Садитесь с нами поужинать, — крепким голосом пригласила хозяйка, Марья Михайловна. Этой бабище за сорок лет, она ядрена и здорова, как конь. В ней много пудов весу, идет по избе — гнутся плахи. Мужу ее тридцать восемь лет. Маленький, рыжий, голова острая, клином вверх. Из какой бы они ни были губернии,

в Сибири назвали бы его «тоболяком», сказав: «Тобл Ермак дубиной по лбу крестил». Он шустрый, работяга.

После ужина хозяин составил вместе две скамейки под прямым углом к стене, бабка положила меня вниз лицом и приступила к лечению. Принесла теплой воды, мыла, кудели. Намылила мылом мою ногу, взяла в рот воды и, поливая на ногу, стала производить своеобразный массаж, мыча не то заговор, не то какую-то молитву.

— Желвак наболел, — сказала она, — жила сшевелилась.

И когда запустила крепкие пальцы под коленный сгиб и стала с силой давить и тискать, от страшной боли я весь облился потом и, чтоб не закричать, впился зубами в подушку. Ну, чортова старушка, вот так угостила!

А она:

— Вот уж завтра соченок тебе сделаю из глины да из муки. А сейчас вот куделькой обложу ноженьку-то, жар будет отнимать, — она намылила мокрую куделю и привязала к больному месту. — Ну, вот, вставай. Больно? Авось матушка-богородица поможет.

Спал я на повети, на сене: отворишь из избы дверь, перейдешь сенцы — тут тебе и поветь. А под поветью — хлев, слышно, как пыхтят коровы, похрюкивает борвок, вздыхают овцы. Марья Михайловна дала две чистых простыни, чистую подушку, одеяло. Хозяева, видимо, живут без нужды.

Утром бабка опять мытарил меня. Я знаю, что ее лечение мне не ко вреду, но знаю также, что покой — первое лекарство. Стараюсь лежать на повети один. Днем наблюдаю, как то и дело влетает под крышу и вылетает ласточка. Над моей головой ее гнездо. Слышу, бабка ведет внизу любовный разговор с курами, с утками, с борвком Васькой.

— Хрю-хрю-хрю... Ну, иди, жри! Ах ты, дурак паршивый, вывалялся как. Ах, Васька! Шишь вы, окаянные!.. Вот погоди, погоди, Петька... Я тебя к Покрову зарежу... Где твои куры, а? Где Пеструнька? Какой же ты после этого, к свиньям, курицам хозяин!..

Бабка весь день в работе, — сенокос тут же, возле избы, — она большущими огуменными корзинами таскает навверх сено и подваливает ко мне. Корзина больше бабки, бабка под ее тяжестью переламывается пополам и еле вздымается, кряхтя и охая, по крутой лестнице.

— Бабушка, тяжело ведь, — говорю ей.

— А что ж, батюшка, поделаешь? Пока сила есть, должна работать. Вот хозяин мой, когда жив был, помогал. А теперича... Седьмой год как умер, утонул. Он рыбак был, а цыганка наворожила ему смерть на воде, когда еще молодой был... А он все смеялся. «Вот, говорит, ворожейка твоя наврала как: до старости дожил, а жив, слава богу». А тут рыбачить поехали, один парень тонуть стал, он бросился спасать, парня-то спас, а самого утянуло в омутину, — бабка скосоротилась и засморкалась. — Вот после этого и не верь ворожейкам. И не хочешь, да поверишь.

Постояла, поохала, спросила:

— Ну как ноженька-то, не легче? Ужо я опосле-завтра в баньку тебя свожу. В баньке-то ловчей.

— Неудобно с женщиной, непривычно, — отвечаю я, улыбаясь.

— Вот те на! — взмахивает рукой бабка Фекла. — Какие узоры на тебе? Голые все на одну стать... Да мне и не разглядеть ничего, едва вижу.

— А как же ты нитку в иголку вдевала сегодня утром?

— Ври! Когда это? Ха-ха... Да ты веселый... Вот к тебе тетка одна собирается, Овдотья, страсть такая богомольная, ханжа. Все о божестве, а сама...

Бабка Фекла спускается с корзиной вниз. Приходит старец-монах.

— Что, поправила ногу-то? А где она, бабка-то? Тут мои грабли у них... Вот они. Скажите, что я взял.

Он по-молодому залез навверх, снял грабли и пошел.

— Ну, оставайтесь со Христом! Оздоровливайте. Ужо я медку принесу вам. Знатный мед. Две колодки у меня.

Залезает ко мне, кряхтя и охая, черная пожилая женщина, тетка Овдотья, похожая на странницу. Усердно и долго крестится то ли на меня, то ли на ткацкий станок, что стоит в углу.

— Здравствуйте-ка! Сказали мне, что вы всем интересуетесь. Вот богоявленный образ принесла вам, Микола угодник.

От подала мне грузную плиту из дикого камня, вершков шести в стороне квадрата. На камне вырезанное рельефное изображение св. Николая, почти все лицо сколото.

— Вот, батюшка, рассмотри. Чудотворный образ-то, в огороде хозяин мой нашел, супруг. Рылся в огороде, глядит — камень аккуратный, он ломом и долбанул в него, вот вишь — лик-то искохаблен как. А камень-то в грязи был, не знатко ничего. Потом принес мне, — вымой-ка, говорит, чего-то на нем есть. Я смочила водой-то, глядь — Микола. У меня, у грешницы, аж ноженьки отнялись. Пошли, освятили, хозяин киоту сделал. Вот, когда пьяненький напьется, упадет пред образом на колени, плачет: «Микола угодник, покарай меня, подлеца, что я так тебя ахнул ломом-то! Ой, Микола угодник, я не знал... Прости ты меня, окаянного!..» — а сам горькими слезами обливается.

— Ты продаешь, что ли, образ-то?

— Да ты сдурел! — закричала тетка. — Чтобы я, да чтобы этакую благодать! Горы золотые отсыпь, не отдам. А вот что, господин хороший, — видать, из благородных вы, — обменяй, сделай милость, вот мои серебряные рубли старинные на наши деньги.

Я обменял два Екатерининских рубля.

— Вот спасибо, — тетка присела на сено возле меня и принялась вести беседу.

— Ты про Верушку-то слышал, про красавицу-то нашу, про святую монашку-то?

— Слышал.

— Ну, вот, в тюрьме она теперича, в Костроме. Тайно хочу ехать к ней. Нас трое собралось. Вот деньги-то и надо, тюремщиков подкупить придется, чтоб ночью допустили к ней. А мать Вера из святых святая. Я пятнадцать лет знакома с ней. Может, у тебя тоже будет усердие матушке Вере денжат послать, о здравии твоём помолиться? Мать-игуменья испытывала Верушку-то по наущению дьявола: выгнала ее на снег — она всё босмля ходила — и сестер поставила следить за ней. Снег прота-

ял от ее ног, она принесла игуменье в горсти талой земли. Вот она какая. Слышь, пошли ей!

— Откуда, Овдотья, старинные деньги взяла?

— Родитель, покойник, явился мне во сне, — зашептала она таинственно, — явился и спросил: «Нашла ли мое серебро?» — «Нет». — «Ищи под лавкой на повети». Вот и нашла. О, господи Христе, прости ты меня, грешницу. — Овдотья все время крестится, закатывает глаза и вздыхает. Поднялась, поклонилась в пояс. — Так не пошлешь Верушке подарка-то? Хошь рублика два?

— Нет.

— Ну, прощай. А сколько бы ты за Миколу дал? Рублей пятнадцать дашь? Что, дорого?.. Ну, сбавлю... Лишь бы хозяин не узнал, супруг.

— Ведь ты ж за миллион не хотела...

— Да ведь... Деньги-то, кормилец, шибко нужны... Уж я бы, грешница, хорошему человеку продала.

На другой день сплю на сене, слышу:

— Господи Исусе Христе, помилуй нас.

Открываю глаза: Овдотья.

— Здравствуй, кормилец! А ведь я эту ночь видела тебя во снах, будто сидите вы с Верушкой и таково ли ласково разговариваете... Пошли, слышь, хоть сколько...

Чтоб отвязаться, я дал этой ханже полтинник.

— Вот спасет Христос! — схватила Овдотья монету. — Напишите на бумажке адрес ваш святой, я вам обязательно пришлю по почте письмецо от Верушки, а может, и просвирочку.

— Нет, не надо.

— Ну, спасет Христос, спасет Христос. А у нас теперича время самое рабочее, сенокос... Не опустят меня, боюсь, домашние-то. Да уж я схитрю маленько, мол, к племяннику уеду на субботу да на воскресенье, мол, хоть за ребятами там досмотрю. А сама, известно, к Верушке...

— Обманывать — грех.

— Иной грех во спасенье

— Прозеваешь, смотри: увезут твою Веру.

— Нет, не увезут: сердце слышит — застану.

Так я провожу дни: лежу на сене, читаю, печалуюсь на свою судьбу: солнце, за стеной — работа, девки песни

распевают, а я лежу колодой. Вскарбакался по лестнице козел, поддел рогами бабкину корзину, сбросил внип, прошелся по перилам, спрыгнул — и ко мне, уставился, смотрит, как бы размышляя: долбануть меня рогами или нет? А вечером пропел последний раз петух, и все куры стали садиться на нашесть. За ними последний взлетел на ночлег петух. Я отлично вижу весь курятник и стараюсь понять, о чем беседует петух. А разговор какой-то деловой. Петух осмотрел семейство и, видимо, спросил соседку, старшую: «Куда ж пропала одиннадцатая, десять только?» Соседка ответила ворчливо: «Куда-то ушла, а куда — не знаю. Где-нибудь тут, куда ей деться»... Петух слетел на пол и петушком — часто-часто, бегом, вприпрыжку — в самый темный угол, где свален за дверью старый хлам. Заглянул туда: «Ах, вот ты где? Так-так-так»... И, чиркая пером о пол, прошелся гордо, как исправник возле пьяной бабы. Белая, в крапинках, преступница виновато вышла из темноты. Петух крикнул: «Куда!» — и долбанул ее в гребень. Она бросилась бежать к нашести. Петух пустил ей вдогонку самым крепким русским словом. Теперь все на местах, бок о бок. Куры дремлют. Петух еще долго что-то болтает им: то ли сказки на ночь говорит, то ли жалуется, что у него сегодня очень болит живот. Наконец засыпает и петух. До полночи. Ровно в двенадцать — не раз я это наблюдал по деревням — петух запоем «ку-ка-ре-ку». Покойной ночи, волшебник-петюка!

Вернулись хозяева. Тетка Марья, прогибая половицы, идет ко мне, вся пунцово-красная, потная.

— Устала, Марьюшка?

— Взопрела. Мокрешенька вся. Рубаха, хоть выжми. Ужо переоденусь, ужинать приходи.

Пшенная каша с маслом, лапша на молоке, чай.

— Черпай веселей, бабушенька, черпай! — ласково покрикивает Марья. — Не видишь, что ли?

— Вижу, — откликается согнувшаяся бабка Фекла и нечаянно опрокидывает на пол горшок из-под каши.

Марья хохочет; хозяин, сын бабки, брюзжит:

— Недавно ослепла, а уж не видишь. Чудо-юдо.

У Марьи привычка громко рыгать. Рыгнула и говорит!

— Советская-то власть ничего, да вот правителей-то надо переделать, которые по деревням-то понатыканы.

— А что? Грубые, что ли?

— Конечно — собаки. У меня хозяин был на общественных работах, мост ладили. И пришел из волости человек: «Давай лошадь ехать в Буй!» Я говорю: «Не дам». Позвали в исполком: «Почему не даешь?» — «А вот потому и не даю». — «Почему?» — «У меня избу не на кого бросить, одна баушка слепая»... — «Я тебя под ружьем в Буй отправлю». — «Отправляй! Больно боюсь я Буя-то твою! Там мне брюхо не вырежут, такая же вернусь». — А он: «Чёрт баба!» — А я: «Сам дьявол!» — «Ты не ругайся!» — «А ты тоже не ругайся!» Так и не поехала.

Бабка Фекла засмеялась:

— Да ведь тебя забоишься. Не всякое начальство устоит. Эвона ты какая ступа!

— А как у вас насчет браков, разводов?

— Разводятся у нас только мужики, — сказал хозяин. — И не бывало случая, чтоб развод заводила баба.

Марья утерлась ручником и прервала мужа:

— Была я как-то здесь на суде, просто из антиресу. Жену с мужем разводили. Правозаступник приезжал. Муж желал разводу. Судья присудил развод. Тогда заступник — он рядом с судьей сидел — вынул из кармана книжечку, открыл и подал судье, а сам пальцем указал: мол, вот тут прочти. Судья прочел, тоже вынул из кармана свою книжечку, дал заступнику прочесть. Тот прочел и опять свою книжку подал судье — мол, вот это местечко прочти. А потом сказал в народ, что судья обсудил неправильно, потому что оставил Василису не при чем: ей, по праву, должна отойти половина мужнина имущества. Судья ему и говорит: «Она жила только пять месяцев с мужем». А заступник судье: «Хотя бы пять минут. Ведь муж, Каблуков, увел ее из дому родителей, а ты, разводом, увел ее из дома мужа. Куда же ей? Это неправильно». Мы сидим, слушаем, толкаем молодуху в бок (молоденькая, как девчонка), замечай, мол, что говорит заступник. Она через три дня поехала к нему. Он повернул дело встречь. Муж увидал, что

неустойка может быть, забоялся и с женой своей мировую. А уж их в совете и из книги выхерили. Стали опять жить по-старому, ругались.

После ужина бабка Фекла опять принялась меня тиранить. Я лег на скамейку носом вниз и в горести подумал: «Зачем все это?»

Бабка начала массаж.

— Пресвятая богородица!..

— Что-то рыбка-то не ловится! — перебила Марья и засмеялась. — Плохо, бабушенька, лечишь мужика-то...

— Пошто плохо... — обиделась бабка. — Не вдруг. Сшевеленую ногу выпользовать, не дитё родить...

— А я не раживала, — сказала Марья.

— Где тебе, ты вся салом заплыла, — вздохнул хозяин.

— Марья! — утерла бабка слюнявый рот. — Ногу-то надо потянуть. Пускай жила-то на свое место станет. Иди-ка, потяни. А то силушки во мне нету.

— Была сила, когда матка спать носила, — проговорил хозяин и задымил трубкой.

Марья бегемотом остановилась возле моей ноги и апатично рыгнула. Мне сделалось не на шутку страшно.

— Ты мне ногу оторвешь! — закричал я.

— На вот тебе. Да что ты... Я легонько... Нежный какой, а?

Я схватился за край скамейки, Марья за ступню больной ноги, хозяин сапогом уперся в ножки скамьи, чтоб не поехала, бабка сказала:

— Тяни, со Христом, тяни.

Марье это ничего не стоит, здоровецкая Марья свободно вытянула бы с корнем из земли и порядочную березу. Но, отдать справедливость ее сердцу, тянула с жалостью, аккуратно, бережно.

Бабка захохотала:

— Тяни сильнее! Надуйся, да дерни... А потом и п....и.

Все засмеялись, Марья спросила:

— Что, больно ногу-то?

Бабка сделала массаж и обернула ногу намыленной куделью.

— А завтра, соколик, я те в баньке поправлю. Ежели толков не будет — езжай в город.

* * *

Как бабка правила мне в бане ногу, описывать не буду — неинтересно. Про баню же скажу. Не знаю, — парились ли вы в деревенских банях. Я мылся во многих: и в тайге, и в степи, и на Алтае. Но такой бани не видал. В ней — как в пекле, вот-вот стены вспыхнут. Я намылил голову и не смог смыть мыло, выскочил в предбанник, распахнул на улицу дверь. Вошел хозяин с соседом:

— Ты что же жар-то опускаешь? Настежь дверь.

Я сказал, что невозможно сидеть, жарища. Хозяин заглянул в парное отделение и улыбнулся:

— Это что за жара. Прямо холод. Волков морозить. Труба еще не открыта, да не наподавано. Ужо напалим, волосья затрещат.

— Запаритесь! — крикнул я.

Крестьяне загоготали.

После бани я сидел в избе. Вернулся из бани хозяин, выпил ковш воды. Пошли мыться женщины. Хозяин выпил еще ковшик. Я говорю:

— Сейчас самовар скипит. Ты, хозяин, сам маленький, а пьешь — как конь после пожара.

— Да разве чаем напьешься? Фу, жара, — он распахнул окно и выпил еще ковш.

Потом пришла Марья, вся краснехонька. От нее валит пар, как от горячей каши. Она принесла квасу. Оба они с хозяином навалились на квас, пили, как верблюды.

— Нет, не напьешься, — сказала Марья. — Надо воды.

Я с удивлением смотрел на них. Городской человек давно бы лопнул.

Потом принялись за чай.

— А где же бабушка Фекла? Неужели в бане? Ведь она умрет...

За ней отправился хозяин.

— Эй, матушка! — раздался через дорогу его крик. — Жива, нет?

Наконец приползла и бабка. В сущности, бабки не было: была сплошная краснота, сплошной пот, слякоть. Покачиваясь, села за стол. И только за чашку — грохнулась на под. Бабку унесли в сенцы, смочили голову. Бабка стонала. Потом повалилась на пол и Марья. Хозяин ничего, хозяин после чаю выпил еще ковш воды.

А утром все здоровехоньки, все на деле.

Утром же я уехал в город Буй.

* * *

А как из Буя ехал в Питер, возле Вологды, вблизи разъезда «Молочное» — горела большая деревня.

— Пожар, пожар! — заскакало по вагону.

День был жаркий, тихий. Деревня занялась в середине. Видимо, вспыхнул амбар с сеном. С пашни, с поля, по дорогам бежал народ. По свежей, подсохшей пашне мчалась лошадь с бороной. Ворона шлепала и крутилась по земле, вздымая пыль. Клубы дыма, сначала желтого, потом черного, как смоль, огромным столбом лезли кверху. И там, ветвясь, как гигантское дерево, одевались мрачной листвой из золота и сажи... Вот чудовищное дерево качнулось, пламя хлынуло на соседние избенки, и те вспыхнули как бы шутя и сразу.

Старая деревня горела.

1924 г.

Х. ХРОНИКА

Н.Ф. Басова (Кострома)

Николай Александрович Зонтиков:
библиография
К 50-летию со дня рождения

Фото К.В. Сезонова. 2005 г.

Биографическая справка

Н.А. Зонтиков родился 24 января 1956 г. в Костроме. Окончил 18-ю среднюю школу Костромы.

В 1975 г. временно работал резчиком шпона на фанерном комбинате.

В 1975 - 1977 гг. служил в армии.

В 1977 г. — 3 месяца работал младшим научным сотрудником в ГАКО.

В этом же году — слушатель дневного подготовительного отделения МГУ им. М.В. Ломоносова.

В 1978 г. поступил и в 1983 г. закончил исторический факультета МГУ.

В 1983 - 1986 гг. работал заведующим Островским (г. Остров) филиалом Псковского музея-заповедника, в 1986 - 1989 гг. — экскурсоводом Костромского бюро путешествий и экскурсий.

Участвовал в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

В 1988 - 1990 гг. активное участие принимал в работе общественного объединения «Почин» при Костромском областном отделении Всероссийского фонда культуры (приведение в порядок старых кладбищ, уборка территории вокруг реставрируемых памятников архитектуры).

1989 - 1990 гг. — начальник производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры Костромского управления культуры.

1990 - 1996 гг. — учитель истории Рубиловской неполной средней школы Пушкиногорского района Псковской области.

С 1996 г. занимается историей Костромской епархии.

С 14 ноября 1998 г. — ответственный секретарь Костромского представительства Научно-редакционного Совета по изданию «Православной энциклопедии» (представительство включает, кроме Костромской, Ярославскую и Ивановскую области).

С 1998 г. читает курс краеведения в Костромской духовной семинарии.

Кандидат исторических наук (декабрь 2003 г.).

Лауреат премии им. Д.С. Лихачёва (1998 г.), заслуженный работник культуры РФ (2002 г.).

Награждён орденами святого благоверного князя Даниила Московского III степени (1998 г.), святителя Макария митрополита Московского (2002 г.), преподобного Сергия Радонежского III степени (2006 г.) и несколькими медалями.

Инициатор издания краеведческого альманаха «Костромская земля», его постоянный автор и редактор.

1. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства / Сост., вступит. ст. и примеч. Н.А. Зонтикова. – Кострома: [Костром. фонд культуры], 1993. – 472 с.: ил.

2. Иван Сусанин: легенды и действительность. – Кострома: [Костром. обществ. фонд культуры], 1997. – 352 с.: ил.

3. Костромская духовная семинария. Вехи истории: К 250-летию со дня основания (1747 – 1997). – Кострома: Б. и., 1997. – 28 с.: ил.

4. Преподобный Макарий Унженский и Желтоводский: К 555-летию со дня преставления. 1444 – 1999 гг. – Кострома: Б. и., 1999. – 62 с.: ил.

5. Макариево-Писемский Спасо-Преображенский монастырь: К 600-летию основания обители. – Кострома: Б. и., 2000. – 40 с.: ил.

6. Преподобный Авраамий Городецкий, Галичский и Чухломский: К 625-летию со дня преставления. 1375 – 2000 гг. – Кострома: Б. и., 2000. – 86 с.: ил.

7. Преподобный Варнава Ветлужский. К 555-летию со дня преставления. 1445 – 2000 гг. – Кострома: Б. и., 2000. – 44 с.: ил.

8. Церковь пророка Божия Или на Городище в Костроме: К 350-летию возведения в камне. 1652 – 2002 гг. – Кострома: Б. и., 2003. – 136 с.: ил.

9. Костромской район: Вехи истории. К 75-летию образования района. 1928 г. – 2003 г. / Ред. Н.А. Зонтиков. – Кострома: Б. и., 2003. – 400 с.: ил.

10. П.А. Малинина: эпоха и личность: К 100-летию со дня рождения П.А. Малининой и 60-летию образования Костромской области / Ред. Н.А. Зонтиков. – Кострома: Б. и., 2004. – 278 с.: ил.

Николай Александрович Зонтиков: библиография

11. Возвращение Родины. О восстановлении исторических названий Костромского края // Костромская земля: Краевед. альманах Костром. обл. отделения Всерос. фонда культуры. Вып. 1. – Кострома, 1990. – С. 15 - 24.

12. “За службу к нам, и за кровь, и за терпение...”: Иван Сусанин: легенды, предания, история // Костромская земля: Краевед. альманах Костром. обл. отделения Всерос. фонда культуры. Вып. 2. – Кострома, 1992. – С. 39 - 54.

13. На Святом озере // Костромская земля: Краевед. альманах Костром. фонда культуры. Вып. 3. – Кострома, 1995. – С. 29 - 77: ил.

14. Символ России. О храме, изображённом на картине А.К. Саврасова «Грачи прилетели» // Костромская земля: Краевед. альманах Костром. филиала Рос. фонда культуры. Вып. 4. – Кострома, 1999. – С. 7 - 33: ил.

15. Авраамиев Городецкий в честь Покрова Пресвятой Богородицы мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. I. – М., 2000. – С. 161 - 163: ил.

16. Авраамиев Новозаозерский в честь Успения Божией Матери мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. I. – М., 2000. – С. 163: ил.

17. Авраамий Галичский // Православная энциклопедия. Т. I. – М., 2000. – С. 173 - 175: ил.

18. Адриан Монзенский // Православная энциклопедия. Т. I. – М., 2000. – С. 319.

19. Александр (Могилёв Александр Геннадиевич) // Православная энциклопедия. Т. I. – М., 2000. – С. 496 - 497: ил.

20. Александр Вочский // Православная энциклопедия. Т. I. – М., 2000. – С. 521 - 522: ил.

21. Об авторе // Белоруков Д.Ф. Деревни, сёла и города Костромского края: Материалы для истории. – Кострома: [Костромской общественный фонд культуры], 2000. – С. 521 - 527: ил.

22. Анастасий женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. II. – М. 2001. – С. 230 - 231: ил. [В соавторстве с Э.Н.И.].

23. Архиереи костромские // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 34 - 40.

24. Бабаевский во имя свт. Николая Чудотворца мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. IV. – М., 2002. – С. 237 - 239: ил.

25. Баженов Иван Васильевич // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 43 - 44.

26. Баженов Иван Васильевич // Православная энциклопедия. Т. IV. – М., 2002. – С. 257 - 258: ил.

27. Богородицко-Игрицкий в честь Смоленской иконы Божией Матери мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. V. – М., 2002. – С. 506 - 507: ил.

28. Богоявленский мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. V. – М., 2002. – С. 550: ил.

29. Василий Ярославович // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 60. [В соавт. с Булдаковым С.К.]

30. Епархия Костромская // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 102.

31. Кирха лютеранская // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 169.

32. Костёл католический // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 184.

33. «Кострома»: происхождение названия города // Костромская земля: Краевед. альманах Костром. обществ. фонда культуры. Вып. 5. – Кострома, 2002. – С. 5 - 30.

34. «Костромские епархиальные ведомости» // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 187.

35. Монастыри Костромы // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 206 - 210.

36. Никита Костромской // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 221.

37. Островский Павел Фёдорович // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 237.

38. Порфирий (Успенский) // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 278.

39. Постатейная роспись Костромского кремля 1678 года // Костромская земля: Краевед. альманах Костром. обществ. фонда культуры. Вып. 5. – Кострома, 2002. – С. 31 - 40. [Публикация].

40. Самарин А.Д. // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 298.

41. Семинария духовная // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 300.
42. Синагога // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 302.
43. Соборы кафедральные Успенский и Богоявленский // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 257 - 258.
44. Травьянский Михаил Степанович // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 335.
45. Училища // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 353 - 354. [Духовное, епархиальное женское].
46. Феодоровская икона Божией Матери // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 365 - 366.
47. Ферапонт Монзенский // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 366.
48. Церкви Костромы // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 373 - 391.
49. Церковно-историческое общество // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 391.
50. Часовни Костромы // Кострома: Ист. энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 393 - 395.
51. Богородицко-Игрицкий монастырь: судьба обители // Костромской район: Вехи истории. К 75-летию образования района. 1928 г. – 2003 г. – Кострома, 2003. – С. 189 - 199: ил.
52. Варнава Ветлужский // Православная энциклопедия. Т. VI. – М., 2003. – С. 653 - 655: ил.
53. Варнавина во имя Святой Троицы мужская пустынь // Православная энциклопедия. Т. VI. – М., 2003. – С. 656 - 657: ил.
54. «Великий перелом»: коллективизация в Костромском районе // Костромской район: Вехи истории. К 75-летию образования района. 1928 г. – 2003 г. – Кострома, 2003. – С. 15 - 24.
55. Утраченная святыня: храм Преображения Господня из села Спас-Вёжи (Спас) // Костромской район: Вехи истории. К 75-летию образования района. 1928 г. – 2003 г. – Кострома, 2003. – С. 159 - 188: ил.

56. Храмы Костромского района // Костромской район: Вехи истории. К 75-летию образования района. 1928 г. – 2003 г. – Кострома, 2003. – С. 116 - 158: ил.

57. Василий (Преображенский Вениамин Сергеевич) // Православная энциклопедия. Т. VII. – М., 2004. – С. 30 - 31: ил.

58. Василий Васильевич Разумов // Православная энциклопедия. Т. VII. – М., 2004. – С. 51: ил.

59. Вениамин (Платонов Василий Николаевич) // Православная энциклопедия. Т. VII. – М., 2004. – С. 643 - 644: ил.

60. Вениамин Железноборовский // Православная энциклопедия. Т. VII. – М., 2004. – С. 657.

61. Вера Антоновна Меркулова // Православная энциклопедия. Т. VII. – М., 2004. – С. 697 - 700: ил.

62. Виссарион (Нечаев Василий Петрович) // Православная энциклопедия. Т. VIII. – М., 2004. – С. 548: ил.

63. Владимир Стефанович Ильинский // Православная энциклопедия. Т. VIII. – М., 2004. – С. 636. [В соавторстве с игуменом Дамаскином (Орловским)].

64. *Иванова Л.С.* Вспоминая былое / Лит. запись Н.А. Зонтикова // П.А. Малинина: эпоха и личность. – Кострома, 2004. – С. 97 - 100: ил.

65. П.А. Малинина: эпоха и личность // П.А. Малинина: эпоха и личность. – Кострома, 2004. – С. 9 - 96: ил.

66. Галичская (Чухломская, Городецкая) икона Божией Матери «Умиление» // Православная энциклопедия. Т. X. – М., 2005. – С. 344 - 345: ил.

67. Геннадиев в честь Преображения Господня мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. X. – М., 2005. – С. 581 - 583: ил.

68. Геннадий Костромской и Любимоградский, преподобный // Православная энциклопедия. Т. X. – М., 2005. – С. 598 - 600: ил.

69. «Пальнём-ка пулей в Святую Русь»: К 80-летию солигаличской трагедии // Сев. правда. – 1998. – 6 марта. – С. 7.

Николай Александрович Зонтиков: библиография

70. «Пальнём-ка пулей в Святую Русь»: К 80-летию солигаличской трагедии // Сев. правда. – 1998. – 11 марта. – С. 6.
71. Родовой храм: К юбилею А.Н. Островского // Сев. правда. – 1998. – 22 апр. – С. 7.
72. Костромской святой XX века: К 60-летию кончины священномученика Никодима (Кроткова), архиепископа Костромского и Галичского (1868 – 1938 гг.) // Сев. правда. – 1998. – 25 авг. – С. 5.
73. Церковь святителя Иоанна Златоуста в Костроме: К 250-летию возведения в камень // Сев. правда. – 2001. – 28 сент. – С. 5.
74. Правильно ли мы датируем Троицкий собор Ипатьевского монастыря // Сев. правда. – 2001. – 11 окт. – С. 8. [В соавт. с Васильевым Л.].
75. Костроме нужен музей истории города // Сев. правда. – 2002. – 4 сент. – С. 2.
76. История храма – история страны // Сев. правда. – 2002. – 4 дек. – С. 4.
77. Церковно-исторический музей в Ипатии: 1913 – 1919 годы // Сев. правда. – 2004. – 3 марта. – С. 5.
78. Храм на Запрудне: К 250-летию возведения в камень // Сев. правда. – 2004. – 29 окт. – С. 6.
79. «Красный дом» на Муравьёвке: вехи истории // Костромская старина. – 2004. – № 17. – С. 11 - 17: ил.
80. Варнава Ветлужский // Эковестник: Око. – 2005. – № 8. – С. 12.
81. Не потерять бы // Сев. правда. – 2006. – 12 янв. – С. 4. [О судьбе Благовещенского храма в Костроме].

В марте закончена книга «Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме: К 255-летию возведения в камень».

В 2005 - 2006 гг. пишет книгу о Великой Отечественной войне, составляет книгу «Н.А. Некрасов и Костромской край», составляет и редактирует книгу Л.С. Васильева «Об архитектурном наследии Костромского края», пишет вступительные статьи к двум последним и к книге А.А. Григорова «"Родина наша для меня священна...": Письма 60 - 80 годов XX века».

*Нерехта. 1989 г.
Слева направо:
А.В. Соловьева,
О.Г. Зонтикова,
С.В. Демидов,
Н.А. Зонтиков,
Н.П. Родионова,
Н.Е. Шишкина*

*(Из архива
А.В. Соловьевой)*

*У могилы о. Михаила Диева. 1990 г. Фото Г.П. Белякова,
Н.А. Зонтиков, А.В. Соловьева, П.И. Новосельский*

Шухомш. Октябрь 1996 г. Фото Г.П. Белякова.
А.В. Соловьева, местный житель, М.Б. Хлебников,
Н.А. Зонтиков, В.П. Беляков, местная жительница

У Сусанинского камня. Лето 1997 г. Фото Г.П. Белякова.
А.В. Соловьева, Н.А. Зонтиков, матушка Ангелина (Травина),
Ю.И. Тимонин, М.В. Маслов

*Саметь.
В кабинете пред-
седателя колхоза
«XII Октябрь».
2004 г. Фото
В.Ф. Шевченко*

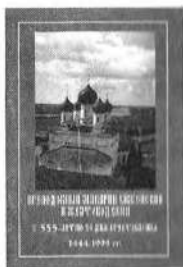
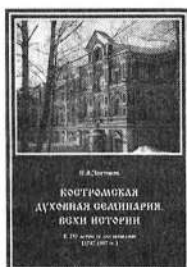

*В Шоде. Октябрь 2005 г.
Фото К.В. Сезонова.
Н.А. Зонтиков, Н.Н. Перемышленникова,
Н.П. Лебедева, Л.А. Григорьева*

*Архиепископ Костромской и Галичский Александр
и Н.А. Зонтиков.*

*Награждение орденом преподобного Сергия
Радонежского III степени. 25 мая 2006 г.*

В. Леонович (Кострома)

Дочь Зевса и Деметры*

(О V выпуске альманаха «Костромская земля»)

... Зло борется со злом –
добро же что-то потихоньку строит.

Строчки покойного Александра Тихомирова не раз приходили мне на память при чтении V выпуска «Костромской земли». И не раз я прогонял еретическую мысль, что и вся история – это история борьбы зла со злом при неучастии добра.

Помнится (словаря нет под рукой), у Даля: «Гражданские подвиги темны и глухи»... И знаете, некое ободрение слышится тут: всегда было так, и замечание Даля опирается на это «всегда», и на том свет стоит – на этом тихом созидании, а притязания на огласку и пр. только отвлекают от дела.

Александр Александрович Григоров пишет Дмитрию Фёдоровичу Белорукову: предлагал материалы и сотрудничество коллогривским дамам, в ведении которых находился местный музей.

Они <...> как мне показалось, с негодованием отвергли всякую мысль о любом сотрудничестве между мною и ими.

Ну и пёс с ними! Я-то, во всяком случае, ничего от них не желаю и не жду, а, наоборот, сам хотел им предложить совершенно бескорыстно, ибо я все свои дела никак не связываю с какими-либо материальными интересами; хотел поделиться своими "богатствами", а раз не хотят – то и не надо!

* Рецензия публикуется в сокращении. Полностью см.:
<http://www.costroma.ru/text/leonovich/leonovich.htm>. (Прим. ред.)

Если считать V наш выпуск единой книгой — а здесь десяток материалов, — то связующая их все и все их на-прягающая струна слышна в этих словах Григорова. Кологривские культурные дамы, очевидно, искали некую корысть в предложении маститого краеведа, а не найдя таковой, разгневались, послали ему официальную бума-гу... Ну и пёс с ними! Ещё спасибо, что ответили старику.

Письма Григорова Белорукову с осени 1972-го по весну 73-го весьма значимы не только для Альманаха. Жаль, что нет ответов Дмитрия Фёдоровича и не вышло диалога на этих страницах. Но время тут «висит» как та памятная гарь несчастного лета пожаров — «великая сушь» в природе и в стране.

**Гроза очевидная и безнадежно сухая
подходит и топчется, глухо ворча и перхая.**

Без ветра, без ливня — гроза без лица и поступка.

Гроза без грозы — утомительная душегубка ...

Досадно, что нет письма от Белорукова, на которое следует ответ:

*Да, я Вас понимаю — Ваше положение и как
противно постоянно кривить душой и лицемерить!
Но в такое время мы живём, все так к этому уже
приспособились, какая-то двойная жизнь; одно дело
на службе, где все лицемерят и кривят душой и
постоянно лгут и самим себе, и другим, и другое
дело — быть самим собою. Противно всё это!*

Представляю Александра Александровича на кост-ромских улицах... Увы, не мне быть его воображаемым собеседником, не мне видеть в грубых контурах монументальных сталинских зданий то, что глаз Александра Александровича привык видеть — просвечивающую там Всехсвятскую церковь, храм Бориса и Глеба... Сердце у меня замирало над страницами Успенского сборника, над подлинником Жития первых этих русских святых, уби-тых б р а т о м их.

И спустившись по Дебре от лгущего глазам и пото-му призрачного парка увеселений на месте Костромско-го кремля и поднимаясь по Борисоглебской горе, — как и что видел Григоров там, левее и выше, на месте, где венчались они с Марией Григорьевной?

«Какая-то двойная жизнь», — пишет Григоров. Какое-то двойное, тройное зрение. Оно будет мучить нынешних молодых, не совсем еще одураченных к л и п а м и современной жизни, — зрелищем костромской Сквородки, то зеленеющей сквериком, то обезображенной лежащими вповалку дубами и вязами в полной их древесной силе. К т о дизайнер?

На свежем пне сидела старушка, пересыпая опилки из горсти в горсть...

Но я как-то отошёл от скудного собрания григоровских писем Белорукову. Вот примечательное место: лабиринты родословий, славных и совсем неизвестных, изобилие имён и анкетных данных в п р о к — тому, кому это будет нужно (тут вздох Григорова из глубины архивов: никому ничего не надо...), — трудное вообще, это чтение дарит читателю иногда и отдых, и простор.

Ни единого упоминания о лагерях и тюрьмах, где побывали Григоровы, в этих письмах нет. И десяток лет ещё остаётся Александру Александровичу до августа 82 года — до пожара в Богоявленском соборе, где «хранился» областной многовековой архив. То был второй д о м для историка. Диво дивное, что он пережил это несчастье на 7 лет.

Вольно ли, нет ли, но «Из воспоминаний» Д.Ф. Белорукова претендует на художественную прозу. И местами белоруковские заметки к этому качеству приближаются. Особенно, когда автор воспроизводит живую парфеньевскую речь. (Влияние Максимова?..) Но положите рядом (они так и лежат) прозу Н.Ф. Чалеева — и проза Белорукова тускнеет.

Помню странички районной газеты, где из номера в номер эти воспоминания печатались — это былое, лишённое дум по условиям времени.

Дмитрий Фёдорович подарил мне несколько своих картин — я отдал их в Музей С.Н. Маркова и С.В. Максимова; среди них особенно выразительна была «Волчица» — одна, на снегу, в морозную лунную ночь. На другой, неоконченной, изображён был странник, высокопосохший старик, опирающийся на посох.

Посох мой, моя свобода, Сердцевина бытия...

Веяло печалью от этих вещей, особенно от первой, — едва ли не отчаянием.

Белорукову удалось избежать жребия, постигшего людей его класса — купцов, промышленников, уничтоженных «как класс» идиотической властью, сбившейся с доктрины. В армейской жизни своей, надо полагать, избежал он прямых столкновений с идиотами. Военный инженер, brave офицер.

Усмешка судьбы: как знак победы над фашизмом именно Д.Ф. Белоруков взгромождает советский танк на постамент в освобождённой Праге. Как знак свободы. В 68-м году эти танки чешскую свободу раздавят.

На берегу Ней, на стрелке, где в неё впадает Чернушка (вовсе не «пересохшая», она и не пересохнет, а нырнет под землю, если безнадзорные вырубki оголят приречную зону), когда-то был винокуренный заводик Белоруковых, были картофельники, покосы, стоял двухэтажный дом. В 1917 году Дмитрию Фёдоровичу было 5 лет; он вспоминает, как страшно было входить в дом, уже опустелый, вспоминает купанье в Нее, сенокос, детские забавы, братьев и сестёр, матушку, няньку. Отец всегда был особняком, порою был редким гостем в собственном доме, дел о отци было, да и осталось, тайной — тогда для малолетнего сына, теперь для читателя. Механика разоренья, однако, так же интересна и поучительна для нас, как и заботы созиданья. **П о д н я т ь** домашнюю историю возникновения того заводика и его упадка то ли не захотел, то ли не отважился писатель. Нынешняя эпоха ««реформ»» — в двойных кавычках — в существе своем есть время разоренья хозяйства и наплевательства на труды отцов и дедов.

Несколько портретов приметных парфян — Русь уходящая — и живая речь, очищенная от «расцветки», восполняют недостатки газетной прозы, выводят её к другому качеству — по крайней мере, так бы хотелось.

А гомон и шум в трактире не умолкают. Подвыпившие мужики кое-где уже начинают куражиться и поругиваться. И ругаются не только мужики, но и бабы. Мат в языке парфеньевации

обычен, как этот смрад в трактире. Молодой мужик за столом, подвыпивший, с серыми злыми глазами, кричит соседу:

— Я тебе что говорил, паря, — не лезь к моей бабе. Небось думаешь, не знаю, что ты тут куро-лесил, когда я в Питер укатил. Знамо, брат, знамо мне, как по овинам вы хоронились. Морду ей, стерве, расквасить!

— А ты больше, чёрт рыжий, по Питерам-то шляйся, — огрызается сидящая тут же жена. — Тоже мне, питерщик. Что ты принёс-то из Питера? Дурак непутёвый. Просила я батюшку: не отпуская ты Панку на сторону. Не послушал.

— Да что ты слушаешь бабу, ставь полштофа, — обращается муж к своему соседу-сопернику.

— Будя, будя, домой пора, — хватает жена мужа за руку.

Читаются эти страницы легко, некоторые видят свет впервые. Сцены есть и трогательные, и умилительные. Вместе с автором читатель и вздохнёт, и улыбнётся. Детские впечатления (судьба няньки, о. Михаил на могиле жены) передаются нам в их силе и свежести.

Тут уместно сказать вот о чём.

Как читателя меня избаловал предыдущий, IV выпуск Альманаха. Он рельефен, остр и ярко талантлив — талантливо скомпанован, талантливы авторы. «Костромская земля» там не только костромская. Материалы того выпуска просятся в хороший журнал, напоминают мне те жадно ожидаемые номера «Нового мира», что выпускал Твардовский. Где та жадность? Где журналы?..

Пятая книжка Альманаха — местность ровная, родной подзол. История тут местная, домашняя. Погоду делают материалы Белорукова и Колгушкина. Позволю себе сравнить природу, наблюдаемую фенологом, с природой, воссозданной, скажем, Тютчевым. Фиксацию — с проникновением. Фотокадр — с картиной.

«Воспоминания» Леонида Андреевича Колгушкина занимают добрую треть выпуска. Это медленный полет памяти над первыми впечатлениями жизни. «Помнить

себя я начал на четвёртом году». 75 минус 4 – итого 71 год подробной памяти... Вы бросили вёсла, уютно устроились на носу или на корме и погрузили взгляд в прозрачную озёрную воду. Слабый ветерок то чуть толкнёт, то развернёт лодку, то замрёт. Вы... да, вы прекрасно заняты: вы созерцаете светлое дно, его песчинки, его водяной с в е й, напоминающий сглаженные барханы. Для работы созерцания нет ничего лишнего. Зато, очнувшись к своим заботам, вы много-много лишнего усмотрите в регламенте вашего дня.

Таково впечатление от прозы Колгушкина, вполне «беззаконной», если считать законом прозы, искусства вообще, отделять лишнее от необходимого и лишнее убирать. Невольно автор ставит перед вами проблему: а что же есть лишнее, если всё оно личное, сугубо личное? И что же надо считать необходимым?

Мальчик по несколько раз «заходил в каретный сарай и конюшни, чтобы погладить мягкие губы лошадок».

Самая большая комната с окнами на улицу была названа залом. Там поставили мягкий диван, два кресла, шесть мягких стульев, обитых красивой материей с жёлтой, чёрной и красной расцветкой. Перед диваном был поставлен красивый овальный резной стол орехового дерева, который был покрыт тяжёлой шерстяной скатертью, а на неё поставлена большая 30-линейная лампа в металлической подставке под оксидированное серебро, с барельефами и матовым абажуром в виде тюльпана.

Очень мило...

Мило – это немало, однако. Дорог уют на фоне разоренья. Дорог дом, если ты оказался после него в казарме о 9 этажах.

А дом Колгушкиных и сейчас стоит на Ивановской, на нечётной стороне, там живёт его вдова Елена Ивановна Колгушкина, с соседями.

Примерным учеником был юный Колгушкин. Как трогательна его робость, как подробно внимание гимназиста в новой уже, не домашней жизни, в новенькой форме.

<...> обращение учительского и обслуживающего персонала было подчёркнуто вежливо. Нас, малышей, уже с первого класса называли на «ВЫ», а при обращении к ученику говорили: «Господин такой-то», называя только по фамилиям.

Читатель знакомится с преподавательским составом чуть ли не всей гимназии чуть ли не за 10 гимназических лет.

Учитель, перед именем твоим

Позволь смиренно преклонить колени...

Писать о документальной хронике Колгушкина можно бесконечно.

Я список кораблей дочёл до середины...

Страницы не хватит описать сервировку стола рождественского, стола пасхального в доме Колгушкиных; перечислить имена, лавки, товары, повадки костромских купцов, переписать имена друзей семьи, о каждом из которых буквально т и р а н и ч е с к а я память автора ведёт рассказ.

... И море, и Гомер – всё движется любовью, – ограничиваю этим «список кораблей».

Чтение этих мемуаров – на любителя. Но историк не пройдёт и мимо описания торжеств 1913 года, мимо отголосков Японской войны, мимо тыловой Костромы в начале I Мировой войны. «Вертикальный простор»: от молодой Волги, ломающей льды, – до нынешней, расплывшейся и вялотекущей, переставшей себя мыть. Страшная штука – привычка. Дитя, рождённое в камере, на волю не просится. Никакое расхудоженное описание ледохода не повергнет читателя в детский восторг, если родился он уже после заключения великой реки в плотины.

Очень симпатичная черта нашего бытописателя – отсутствие малейшей претензии на художество (оно, однако, является само собой – при с е р д е ч н о м чтении). И никакого самолюбования – напротив...

Без претензии художественна проза Николая Феодосьевича Чалеева, народного артиста РСФСР. Очень жаль, что написано им мало, но и эта публикация – впечатления одного только деревенского лета – говорит о многом.

Перезванивались колокола сёл, и по росе заунывный плач меди прилетал издалека. Это — Углево, это пробасила Бартеневицина, это — тенорок с поймы. Из-за леса прислала свою весть Троица, а это — наше село проплакало о своём многовековом существовании.

Всё спит...

— И то, спать, — зевнул Алексей Иванович. — Заведёшь разговоры — до солнца хватит. Всех не переберёшь, а много разных людей на свете.

— Много, — согласился Петр Павлович, — как по нашему краснодеревному мастерству, скажем. Много всяких мебели. Работал я уже мастером в Москве у немца Шмита, так чего не делали: буль пузатую, амбир с желобками с бронзой, делали визавей, скажем, разговорную такую, вроде диванчиков, а то ещё была какая-то антука, чёрт его знает. Много разной мебели, всей не переберёшь.

— Спокойной ночи...

— Приятного сна...

Прозу Чалеева наполняют всё те же вечные русские разговоры и вздохи. Чеховские положения — но без чеховской безысходности. «Дух уныния» всё же борет великого писателя, озадачивая поколения режиссёров: где выход? Когда он есть, постановщику нечего делать.

И пусть у гробового входа

Младая будет жизнь играть...

А по Чехову так: да, играет она, но у гробового входа.

Минуя пустую оговорку о размерах талантов, с удовольствием отношу описания Чалеева к «пушкинской» стороне литературы, ибо к литературе даже этот фрагмент (есть ещё, пишет публикатор Чалеева) имеет прямое отношение, а наш Альманах — его равнину — он всхолмил.

Перечитывая Чалеева — уж взялся писать рецензию, так знай наизусть лучшие тексты! — не раз и по два, ловил себя на том, что не могу оторваться, а если отрываюсь, то вспоминаю Короленко, Тургенева, нашего Максимова, Бунина, безупречного во всём... Имею слабость к живой речи — терпеть не могу стилизации. «Если

я говорю языками ангельскими и человеческими, а любви не имею...» Вот она и стилизация.

О том, что Николая Чалеева так мало в литературе, остаётся только вздохнуть. Предпринимаю тут выписку, она большая, но уверяю вас: будет вам жаль, когда цитату оборву:

*<Алексей Иванович, лесник, медвежатник>
Добрый он человек, повадливый, но и горяч порой.*

Годов с пять тому назад, о Николе, приехали к нему московские гости на берлогу. Никак, две сразу откупили.

Стало быть, дня на четыре пожаловали. Разгулялись шибко, всю деревню споили с круга. Мужики пьяные орут песни, бабы, девки визжат, господа их пощупывают. Приехал с ними из Москвы какой-то барчук. Слышали потом — он в Москве жену свою пристрелил. Суды по этому делу шли и в газетах описывали. Только в то время он был ещё холостой. Не упомяну, как его звали. Приглянулась ему Лександровна (жена Алексея Ивановича. — В.Л.). Она и теперь король-баба, а тогда была просто для взгляда вредная. Лицом белая, глаза с хмелинкой, волосищи под полушалок не уберёшь. Пазуха — как две копны, летом взглянешь — озноб берёт, зимой посмотришь — жаром охватывает. Перехват, как столбушка, круглый. Идёт — боками играет. Пышная, ядрёная. Ну, барчонок и осоловел, пляит на неё зенки, да и полно. Подвыпивши осмелел, подкатываться стал. А Лександровна женщина строгая, ко своему Алексею Ивановичу приверженная. Никому поиграть не даст. Одно слово — твердыня. Раз по рукам его — хлоп, другой — хлоп. Неймётся, лезет куда ни попадя.

Я в ту зиму у Ваньки столлярничал, строился он. Ну, я разные шкапы ему и прочие антуки под орех работал. При мне это и было. Пришёл посмотреть, как московские гости гуляют. Залез на полати и гляжу оттуда. Вижу, мой Иванович плечами поводит, не нравится, стало быть, что его бабу похватывают. Лександровна зачем-то по хозяйству

в сени, барчук за ней туда же. Погляжу, и Иваныч — шасть из избы, и я за ними. Что, мол, будет. В самый раз попал. Барчук только что Анисью в охапку и грудь ей цапает, а Иваныч тут как тут. Сгрёб его левой рукой за воротничок, подвёл к двери на крылечко, открыл её, да правой как махнёт молодчика по башке, тот кувырк, кувырк турманом с лестницы, и что ни было народу на ступеньках — вышли посидеть, подышать морозцем из избы, — вместе с ним кувырк, кувырк. Пока на дворе куча разбиралась, кто где, Алексей Иванович сверху:

— Милости просим к столу, а то не застудились бы как на морозе. Лександровна, — кричит в дом, — принимай гостей, угощай чем бог послал...

Н.Ф Чалеев-Костромской, артист Малого театра — читать бы ему со сцены эту живую прозу. В ней и печаль спрятана: супругам этим, этому цвету жизни, не дал бог детей...

Верен себе Николай Александрович Зонтиков, добросовестно исследовавший все, какие есть, гипотезы происхождения имени **К о с т р о м а**. Пока читаешь его публикации, чувствуешь себя то за школьной партой, то на студенческой скамье, рука по привычке тянется законспектировать выкладки учёного.

Кто за честь природы фехтовальщик?

— Пламенный Ламарк! — восклицает Мандельштам, словно предвидя, как рептильная биология будет «свергать» мировые авторитеты. Пламенно защищает родную старину Николай Зонтиков. Читателя он, извините, в думы в а е т, погружает в самое существо проблемы — тут проблемы имён. И давно бы пора землякам погрузиться и вдуматься, да поди ж ты — всё недосуг. Воинствующие — вооружённые и очень опасные — невежды разгулялись по Волге особенно лихо. Тверь, Рыбинск, Романово-Борисоглебск, Нижний Новгород, Симбирск, Самару, Царицын перекрестили ничтоже с м у т и ш а с я.

... Нет от материала Зонтикова я никуда не ушёл. Позабытые слова, но гражданской доблестью

веет от всех его работ, что мне приходилось читать. Для таких людей «прошлого» нет — есть единое время родной истории. Ну, и наконец:

Кострома почиталась древними славянами как богиня плодородия и подземного царства мёртвых.

— Знай наших! — так и хочется крикнуть. Да это наша Персефона, и отвечать ей и за живых, и за мёртвых. Вот тебе и «лесной языческий божок»... Дочь Деметры и самого Зевса!

В один из дней «макушки лета» наши предки устраивали ей торжественные «похороны», в конце которых её соломенное чучело растрёпывали и топили в воде <...>. Вскоре происходили похороны Ярилы, отправлявшегося в подземное царство Кащея Бессмертного за похищенной Костромой <...>. И только весной Ярила и Кострома возвращались на землю <...>.

Н.А. Зонтикову принадлежит и публикация «По-статейной росписи Костромского кремля 1678 года». Подлинник сгорел в пожаре областного архива в 1982 году, но Григоров успел снять копию, а Зонтиков со вкусом переписывает официальные отчёты костромских попечителей и охранителей, отрадно далёких от нынешних бюрократов. Там — правда и простота, человеческий язык, хозяйские наблюдения над состоянием башен, мостов, прясел и рвов Кремля:

Башня проезжая воротная, слыёт Водяная о четырёх стенах с проезжими воротами, шириною башня пять сажен без четверти, вверх от земли до зубцов и с обломом восемь сажен без четверти, шатёр и караульный чердак в прошлом 179 году сломаны ветром.

У той башни мост к реке Волге, длина моста шесть сажен, поперёк две сажени с четвертью. А вешняя вода того моста понимает до половины и от чего мост рушится. Да под тем же мостом труба спускная для воды, засыпалась землёй.

А у той воротной водяной башни до средней башни на обрубе прясла двадцать восемь сажен с

четвертью. Обруб под той башней сгнил и земля из под стены сыплется и башня и стена к Волге пошатнулась.

Приведён чертёж — план — Кремля, воссозданный С.С. Смирновым по описанию: башни проезжие и глухие, церкви, соборы, Здвиженский монастырь внутри Кремля.

К материалам Н.А. Зонтикова, «территориально» отделённым воспоминаниями Л.А. Колгушкина от «Храмозданных надписей XVI - XVII веков Костромы и края», — исследование А.Г. Авдеева — сии последние примыкают. Это памятные надписи, кои читать мы разучились, но кои бывают вмонтированы в храмовые стены и дополняют их декор.

Да и умей мы читать свою кириллицу, нам уже никак не прочесть надписи на белокаменной плите Богоявленской церкви, превращённой в алтарь собора. Исследователь приходит нам на помощь:

1564/1565 г. «В дни благочестиваго и Благоуенчаннаго Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руси по благословению Макария митрополита всея Руси и во дни царевичей Ивана и Феодора лета 7067 месяца априлия в 23 день заложена бысть сия церковь святаго Богоявления игуменом Исаиею яже о Христе с братьею».

Пространна надпись на столпе над правым клиросом Воскресенской церкви на Дебре. Попутно А.Г. Авдеев касается предания о том, как началась постройка.

Костромской купец Кирилл Исаков среди товаров из Англии нашёл бочонок с золотом, английский купец бочонка не взял, не сказал, чьё золото, и посоветовал Исакову употребить находку на святое дело. Остаётся нам гадать, какова тайна этой благотворительности, и сожалеть, что не знаем имени того купца.

Неизвестным осталось имя храмоздателя церкви Преображения Господня за Волгой — надпись на каменной плите на наружной стене алтаря. Имя было, но разобрать его не удалось. (В 60 - 70-е годы с Муравьёвки отчётливо видима была дощатая пристройка к алтарю заволжского храма, надо думать — сортир).

«<...> а совершена бысть сия церковь Божия в 196 (1688. – В.Л.) году генваря в 29 день. А строил сию церковь Божию по своей вере и по обещанию тояжь церкви прихожанин <...> с приходскими людьми ради своего душевнаго спасения и на вечный поминок».

Неохваченными остаются два рабочих материала и один юбилейный. Первый – вашего покорного слуги – рецензия-статья о IV Выпуске. Рецензировать собственную рецензию – дело весёлое... Я как-то упустил из виду благое пожелание тем, кто занят монументальной про- и контрпропагандой. Поставили бы вы, отцы наши, скромный памятник отважному псу Бобке, спасавшему детей. Объявили бы конкурс – то-то вдохновенье озарило бы наших скульпторов! А есть талантливые тут люди...

Вместо этого помогли вы сойти с коня, что в Москве на Советской площади, князю Юрию Долгорукому, и каков он сидел там – точь-в-точь таков и сел в скверике (на месте двух храмов «на площадке») у нас. На Советской же площади.

Я не люблю в её надменной ложности

Фигуру Долгорукова на лошади. (Евтушенко).

Да, надменно, да, ложно – как было, так и осталось.

Материал И.Х. Тлиф занимает две - три странички – строгий, точный, ответственный и благодарный, – память о «Почётном гражданине и кавалере Иване Васильевиче Маянском». Он замечательно представляет и красит костромское купечество.

«Имея с давнего времени усердие выстроить на собственный счёт дом призрения бедных <...> для помещения в нём от 20 до 30 человек <...> покорнейше прошу о дозволении выстройки дома сделать надлежащее распоряжение <...>».

Так пишет 70-летний купец, от одних дел отошедший и затевающий другие. Попечительный о бедных Комитет выстройку разрешает. Ещё раньше Маянский, 40-летний купец, купчина в силе, строит храм Рожде-

ства Христова в селе Прискокове. Освящён храм в 1888 году. На фото 1997 года... Но вы уже догадались, как он выглядит. Родился Маянский в 1797 году. Хорошо, что через двести ровно годов он уже не видит святого дела рук своих...

Что тут скажешь? Стыд, как и совесть, категория опасная. Благо нам, что не о в л а д е в а е т он массами, как цунами – азиатской Ривьерой. И то – благо...

Осталось и мне присоединиться к похвальному Слову Антонины Васильевны Соловьёвой о Юрии Владимировиче Лебедеве. Да не обидится никто, если я – ради улыбки – вспомню тут, как на Пушкинском празднике Ираклий Андроников представлял очередного оратора, Сергея Михалкова. Перечисляя регалии, звания, должности и деяния Героя, Андроников постепенно уничтожал его, но тому и невдомёк было – напротив... Дорогой Юрий Владимирович, белой завистью завидую Вашему пути, делам, любви, окружающей Вас, Вашей буферной миссии меж властными невеждами и простыми интеллигентами. Вы прекрасно продолжаете на Ваших путях Дело Игоря Дедкова, которое и я на своём хотел продолжить. Мы – костромичи, нам и карты в руки.

Пользуюсь случаем заронить в Ваш компьютер заботу о т р е т ь е й книге Дедкова. Объяснения следуют. Шапкой-по-кругу уж Вас-то я не обойду.

А что до перечня званий и забот Ваших, напомнивших мне Андроникова, так это я из озорства. Помните:

**Приходите ко мне, гости, я индюшку заколю,
ты не плачь, моя индюшка, я нарочно говорю.**

Как видно, V Выпуск располагает читателя-рецензента ко всякой всячине. Буду рад, если другого читателя расположит он к чему-то другому. Но наши читатели обычно помалкивают, это костромская такая особенность. Ни тебе письмаца, ни звоночка! Ни одного даже доноса! А ведь оказаться его, доноса, объектом всё же большая честь.

Притупились что ли перья?

Погодите, прогресс подвигается...

О «Костромской земле» и её авторах: газетные и иные публикации, письма

К 15-летию выхода 1-го выпуска альманаха

Ю. Смирнов. Краеведческий альманах «Костромская земля» // «Северная правда», 15 декабря 1990 г.

Некогда наш край славился историками, археологами, коллекционерами, этнографами, ихтиологами, лесоводами, библиофилами, представителями других специальностей, изучавших свою малую родину. Они известны под именем краеведов. В XIX - начале XX веков в Костроме и других окружающих её небольших старинных городах регулярно выходила краеведческая литература. Наши современники не избалованы такой книжной продукцией. Если иногда появляются отдельные материалы, то столь малым тиражом, что проходят практически незамеченными. Меньше стало и краеведов, которым негде было публиковаться.

Недавно отпечатанный в областной типографии им. М. Горького первый выпуск альманаха «Костромская земля» под редакцией профессора Ю.В. Лебедева следует отнести к числу периодической краеведческой литературы*. Это издание задумано Костромским областным отделением Всероссийского фонда культуры с целью объединения вокруг него разрозненных костромских краеведов. Много сил по изданию альманаха положено Н.А. Зонтиковым, которому пришла эта идея, а также А.В. Соловьевой. В состав редакции вошли молодые энтузиасты.

Есть надежда, что альманах станет постоянной трибуной для знатоков края. В первую очередь в нем

* Наш альманах является непериодическим изданием. (Прим. ред.)

будут помещаться материалы, по экологии культуры и экологии природы. Альманах призван вести традиционную просветительско-краеведческую работу. В нем будут постоянные рубрики: «Из истории сел и деревень», «Из истории Костромы», «Из истории городов края», «Из истории костромского краеведения», «Исследования и находки костромских краеведов» и другие. Предполагается публиковать в альманахе ряд материалов из краеведческого наследия, по разным причинам не увидевших свет.

В первом выпуске читатель найдет статьи А.В. Соловьевой об основных направлениях деятельности Костромского областного отделения Всероссийского фонда культуры, А.А. Григорова «Немного о прошлом Заволжья г. Костромы», Н.А. Зонтикова о восстановлении исторических названий костромского края, воспоминания В.Н. Иванова о дореволюционной Костроме. Украшением выпуска являются размышления А.В. Письменова «Разрушение и гибель таежной биоты», самым непосредственным образом связанные с вымиранием городов и сел региона. Историю расцвета и погрома костромского краеведения в 1917 - 1930 гг. освещает Е.А. Флейман. В разделе «Хроника» имеются сведения об открытии памятника М.Я. Диеву в с. Ильинском Судиславского района, о работе группы «Почин», о возрождении культовых зданий в Костроме, Кологриве, селах Боговарово, Палкино, Воскресенское, Нежитино (авторы А.В. Соловьева, И.Г. Королева, В.А. Бекишев). В альманахе публикуются некоторые письма С.В. Максимова, музей которого недавно открыт в с. Парфеньево.

По объему издание заняло пять условных печатных листов. В связи с тем, что редакция альманаха не имеет лимитов на бумагу, тираж его ограничен. Авторы отдают свои труды в фонд культуры безвозмездно. Готовится к печати второй выпуск. Альманах будет интересен не только для специалистов, учителей, музейных работников, но и для всех любознательных костромичей.

Желающих приобрести альманах «Костромская земля», а также небольшую книгу А.А. Григорова «Родная земля» редакция просит обращаться по адресу: ул. Мо-

лочная. гора, д. 8/6, тел. 7-32-94, в фонд культуры. Редакция альманаха надеется, что новое периодическое издание будет поддержано краеведами, общественностью, Советской властью и тогда сможет продолжить традиции, заложенные «Костромской стариной», «Трудами Костромского научного общества по изучению местного края», «Краеведческими записками». Доход от продажи книги будет использован фондом культуры на изготовление мемориальной доски А.А. Григорова.

Михаил Хлебников. Альманах «Костромская земля»: выпуск первый // «Молодой ленинец», 2 февраля 1991 г.

«На наших глазах разворачивается процесс осмысления и оценки истории страны и дня сегодняшнего. Какова же она – современная действительность? Это вырубаемые леса, загубленные сплавом и промышленностью реки, отравленные химией поля, заброшенные, вымирающие наши села и деревни, запущенные города, разрушенные памятники старинного зодчества, оскверненные кладбища... Пора лозунгов и надежд, что кто-то «сверху» все это исправит, прошла. Если мы, живущие здесь, на этой земле, по-прежнему будем пассивно взирать на то, что вокруг нас происходит, – все останется, как есть, а дальше будет еще хуже. Сейчас нужны наши дела, пусть малые. Нужно пробуждение...» – такими словами начинается первый выпуск краеведческого альманаха «Костромская земля», подготовленного Костромским отделением фонда культуры по инициативе краеведа Н.А. Зонтикова и заместителя председателя Костромского отделения фонда культуры А.В. Соловьевой.

С виду альманах не такой уж броский, в отличие от большинства изданий, появившихся сейчас, да и приобрести его можно только через отделение фонда культуры, что на Молочной горе, 8, распространять через сеть киосков – слишком накладно. Но за такой неброскостью скрывается стремление осмыслить настоящее и будущее

через наше прошлое, и уже само появление «Костромской земли», на мой взгляд, станет еще одним шагом к возвращению утраченной памяти и национального самосознания, что важно именно в наше время, когда решается судьба России.

В выпуске идет речь об истории края, о людях, оставивших в ней свой след. Сюда можно отнести статью А.А. Григорова о прошлом костромского Заволжья – Селища, Городища, Спасо-Никольской слободы, а также воспоминания известного русского писателя Всеволода (Никаноровича. – *Ред.*) Иванова, проведшего свою юность в Костроме, после гражданской войны эмигрировавшего в Китай и только по окончании второй мировой войны получившего разрешение вернуться в Хабаровск. В своих воспоминаниях Всеволод Иванов рассказывает о наступлении весны в Костроме в 1897 году, когда ему было всего 9 лет. «Вокруг площади с пожарной каланчой, вокруг памятника Сусанину работы Демут-Малиновского бешено мчались тройки, запряженные в огромные, белые с коврами сани, одиночные рысистые выезды в беговухах-эгоистках или просто дровни с наброшенным поверх соломы ковриком... Улицы запружены подвыпившим народом – сильным, властным, красивым, необыкновенно говорливым и хлестко остроумным. Солнце вытопило эту силу, и бурный карнавал скакал, неся с площади по широкой Павловской улице, мимо Дворянского собрания, старого, уютного Костромского театра, дома богатеющих купцов Солодовниковых все дальше, к Галицкому тракту и затем обратно».

Ныне, когда возвращается многому настоящая цена, приходишь к пониманию того, что с утратой многих традиций, обычаев, старых названий был потерян огромный пласт русской культуры, без чего она стала называться безликой «советской». Восстановлению исторических названий большое внимание уделено в статье Н.А. Зонтикова «Возвращение родины». Каждый старинный город не похож на другой, и это своеобразие отражается в названиях. Скажем, нет Москвы без Охотного ряда, Тверской, Арбата, как нет и Костромы

без Нижней Дебри, улицы Русина, Сусанинской площади. Характерно, что большинство названий давалось самим народом, увязываясь с данной местностью: взять хотя бы Борисоглебскую гору в Костроме или Поклонную гору (ныне Пионерскую) в Галиче. Конечно, были названия, «спущенные сверху», но даже и они имели объяснимую привязку: например, Романовский музей или Романовский сквер. Следует помнить, что костромской край сыграл огромную роль в судьбе династии Романовых, и появление подобных названий было весьма кстати. В Костроме есть улицы и районы, носящие имена Ленина, Свердлова, Димитрова, имеющиеся в любом уголке страны; к сожалению, о возвращении им прежних названий речь не идет, имена эти считаются неприкосновенными, хотя я знаю, например, что многие костромичи хотят жить не в Димитровском районе, а в Заволжье.

В альманахе помещена также статья В.А. Бекишева «Возрождение», повествующая о передаче верующим храмов. «Восстанавливается Успенский собор в Кологриве, памятник архитектуры местного значения. Сейчас вновь засверкали купола и покрытая оцинкованным железом кровля, ведутся реставрационные работы внутри здания, проходят службы...» — отраднo читать эти строки, но при том непременно задумываешься; каково их будет восстанавливать теперь, как правило, не получая от властей сколько-нибудь солидной помощи? Стоило обратиться с законным требованием костромскому епископу Александру не о «передаче», а о возвращении сравнительно хорошо сохранившихся храмов, вспомним хотя бы случай с Троицким собором Ипатьевского монастыря, как раздались упреки в экстремизме и некомпетентности. И это во времена, когда во всеуслышание говорится об исправлении былых ошибок, о возрождении нашей духовности. Так что, как видите, поводов для серьезных размышлений о нашем духовном наследии, предостаточно. Выпуск альманаха «Костромская земля» — хорошее начало этого важного для всех нас разговора.

В. Дружнев. Всего пять лет, но очень разговорчивый // «Северная правда». 24 ноября 1992 г.

21 ноября 1992 года исполнилось пять лет областному отделению Всероссийского фонда культуры. Мы еще воспользуемся этим маленьким юбилеем, чтобы подробнее познакомить читателей с его разносторонней деятельностью, а сейчас — «презентация» нового издания, которое в скором времени выйдет в свет под его эгидой. Это второй выпуск краеведческого альманаха «Костромская земля».

ЛУЧШЕЙ его аннотацией служит обращение редколлегии к своим будущим читателям. Здесь названы очерк сотрудника Костромского музея-заповедника Л.И. Сизинцевой о нашем выдающемся земляке Ф.В. Чижове, воспоминания о Костроме начала XX века костромича Л.А. Колгушкина и исторический очерк «Бывший город Парфеньев» Д.Ф. Белорукова, обращено внимание на «Летопись мужицкого царства» — часть книги Б.Н. Ширяева «Неугасимая лампада», написанной на основе рассказов участника Уреньского восстания 1918 года, на записки костромского священника Л.А. Парийского.

Правда, за пределами этой «аннотации» оказался один из самых интересных материалов данного альманаха — статья доцента пединститута Б.М. Козлова «Литературная жизнь Костромы в послеоктябрьское десятилетие (1917 - 1929 гг.)». Борис Михайлович — человек четкий и щепетильный в обращении с историческими фактами, так что в смысле добротности и достоверности его работа заслуживает самых высоких оценок. А главное — воссоздана живая и довольно неожиданная картина: оказывается, наша вечно «заспанная» Кострома в те самые годы вела удивительно бодрый литературно-театральный образ жизни. Революционный поток, сломавший плотину старой культуры, несется и клопочет, еще не способный войти в аккуратное русло, но уже сейчас в нем присутствуют липкие комочки идеологического суглинка, которые со второй половины 20-х годов начинают утишать казавшееся таким вольным литературное течение, обра-

щая его в вонючую заводь официозного искусства, и только где-то в глубине пульсируют струйки живого творчества. За каких-то десять с небольшим лет невиданная энергия творчества превратилась в невиданную же инерцию послушания. Статья В.М. Козлова — яркий фрагмент для не написанной еще объективной картины русского послеоктябрьского искусства.

Слова «исследование» и «расследование» одного корня и, в общем-то, одного смысла: оба они обозначают — «установление истины». Однако в литературе смысл их разведен основательно: первое относится к научным работам, второе — принадлежит детективному жанру. При чтении работы Н.А. Зонтикова о Сусанине два этих слова у меня совместились. Его исследование-расследование оказалось тем самым увлекательным чтением, основанным на тщательном сопоставлении исторических фактов и источников, чего и ждешь всегда от научно-популярной литературы. Ждешь и очень часто не дожидаясь. Автор рассматривает различные, самые неожиданные для обычного «непосвященного» читателя версии о времени подвига Сусанина, месте его гибели и позднейших «выгодных» власти его истолкованиях. Все это настолько интересно, что пересказывать просто глупо. Читайте сами. Но для затравочки все же небольшой кусочек приведу:

«Как и любое событие, оставившее определенный след в истории и к которому прикоснулась политика, оно — это событие — породило, с одной стороны, много различных легенд, вплоть до самых фантастических, с другой — официальный культ, веками связанный с именем Сусанина, который также не способствовал поиску истины. Объективных, не преследующих пропагандистско-политических целей работ по Сусанину мало. О многих фактах, связанных с этим событием, старались умолчать и до революции, и после...

В нашем сознании (благодаря опере М.И. Глинки, многочисленным картинам, художественной литературе) прочно укоренился образ Сусанина, ведущего поляков лесом среди сугробов. Однако целый ряд данных дает основания для предположения, что

О «Костромской земле» и её авторах...

сусанинский подвиг пришелся совсем на другое время года — на осень...»

Ну неужели вам не интересно, «чем дело кончится»?

Подлинной же изюминкой альманаха является публикация «Летописи мужицкого царства» Б.Н. Ширяева — рассказ о событиях 1918 года в затерянном в костромских лесах старообрядческом селе Урень. Услышан был он автором от непосредственного участника событий, с которым судьба свела его в знаменитом недоброй славой Соловецком лагере. Это уникальная история о том, как, бескровно изгнав большевистских продрозверсточников с «товарищем пулеметом» во главе, уренские мужики избрали своего царя в попытке зажить привычным и особенным от сходящей с ума в гражданском потрясении России. Чувствуешь и гордость за своих неграмотных, но умудренных вековым опытом земляков, и жуткую боль от осознания того, что в горнилах «переплавок» и «перековок» выплавилось и выплющилось из целого народа присущее ему человеческое достоинство, и просто наслаждение от чтения. Это еще и прекрасная, на редкость «языковитая» литература! Альманах еще из печати не вышел, но эта «Летопись...» так хороша, что мне не терпится и вам дать прочитать хоть самый малый кусочек ее:

«Фролка с товарищами тем временем и закусить, и самогоном обогреться успел. Велел на площадь большой стол вынести, а на него другой, поменьше, поставить.

— Это, — говорит, — трибуна будет, а без нее теперь невозможно.

Под трибуну распряженные сани поставили, а на них невиданную машину на треноге с колесиком.

— Это у нас главный оратор, — поспеивался Фролка, — по шестьсот слов в минуту выговаривает. А имя ему — товарищ пулемет. Не видали еще такого, волосатые? Я его сам с фронта вам привез заместо гостинчика...

Фролка духом на стол сиганул и начал:

— Товарищи! Считаю митинг в селе Уренях открытым, а слово для доклада предоставляю себе, товарищу продкомиссару Гунявому. Ясно-понятно?

Первое дело, — говорит, — известно нам, что власти у вас сейчас никакой нет, а советской тем более, а также, что в лесах ваших укрывается гидра и контра. Товарищ же Ленин утвердил власть на местах, на каком основании и приступаю к выбору ревкома.

Говорит отчетливо, как топором рубит, а все же непонятно, что за ревком такой и опять же продкомиссар?.. Исправник, что ли, или становой, по-новому?

А Фролка дальше чешет:

— Ставлю на голосование список кандидатов: товарищи Гунявый Фрол, Тихонов Петр и Ерошкин Ефим. Кто против? Никого. Воздержавшиеся? Тоже никого. Значит: единогласно. Переходим к текущим делам: волостное правление протопить для ревкома и команды, а указанных товарищей разместить у попа, у Силаева и у бывшего старшины. Ясно-понятно?

Это понятнее. Значит, пришла новая власть. А с чем пришла — увидим...»

Вот так бы и читал — с любого места и до конца. Но вы еще прочтаете.

Да, наш пятилетний малыш — Фонд культуры — собрал книжицу «речистую», по глубине и оригинальности материалов — столицам на загляденье.

<...>

В. Каргопольский. Краеведческий альманах // «Северная правда», 25 июня 1993 г.

После долгих мытарств появился, наконец, на свет второй выпуск краеведческого альманаха Костромского областного отделения Всероссийского фонда культуры «Костромская земля». Сразу надобно сказать, что и по полиграфическому исполнению, и по содержанию свежий выпуск на порядок выше предыдущего. На фоне других краеведческих альманахов он выгодно отличается разнообразием тем, глубиной разработок и не просто претендует на научность, а вполне соответствует тем серьезным историческим журналам, по которым любозна-

тельный ум нашего соотечественника в последнее время истосковался.

В нашей краеведческой литературе только недавно начали писать об известном русском предпринимателе, меценате Ф.В. Чижове. Он был знаком и дружил со многими выдающимися художниками и писателями России, и, как нам всем известно, на его капиталы построены были в Костромской губернии несколько технических училищ.

В альманахе дана публикация об этом замечательном человеке и приведен обширный список литературы, к которой может обратиться человек, заинтересовавшийся неординарной личностью Ф.В. Чижова.

Читатель может прочесть в этом номере первую главу из рукописи Л.А. Колгушкина «Прогулки по Костроме». Впрочем, читатели «Северной правды», должно быть, помнят публикации «Прогулок по Костроме» Л.А. Колгушкина. Наша газета стала своего рода первооткрывательницей этого замечательного краеведа, при жизни писавшего в стол, — таково было время.

Если имя Л.А. Колгушкина пока мало известно костромичам, то краеведа Д.Ф. Белорукова знают многие. Отрывки из его большого труда «Из истории костромского края» печатали все районные газеты. Благодаря этим очеркам многие жители области впервые узнали, как возникли их деревни и села, кому принадлежали усадьбы, и т.д. В альманахе можно прочесть «Бывший город Парфеньев» Д.Ф. Белорукова. Чтение сколько полезное, столько и занимательное.

И, конечно же, с интересом, полагаю, будет прочитан фрагмент из книги Б. Ширяева «Неугасимая лампада» — рассказ об известном Уреньском восстании в Костромской губернии в 1918 году — история почти детективная, написанная хорошим языком!

Еще что запоминается? Это, конечно же, легенды, предания и истории об Ив. Сусанине, собранные Н. Зонтиковым. Автором использован обширный исторический материал и поднесен он так, словно читаешь увлекательно написанное исследование.

Среди крупных статей надо назвать экологическую работу В. Мизицкого о проблемах Волги и Костромской низины с приложением интересных документов по переселенческому делу.

С интересом читается хроника. Вообще чтение этого альманаха, думаю, откроет костромичам немало любопытного о земле, на которой они живут.

Стоимость его по нынешним временам средняя — в пределах 80 рублей. Есть иллюстрации старой Костромы.

Алена Кленова. Несколько версий о гибели Сусанина и многое другое // «Костромские ведомости», 21 июля 1993 г.

Вышел в свет второй выпуск краеведческого альманаха «Костромская земля». Он включил в себя материалы, интересные не только узкому кругу краеведов, но и широкой публике. К примеру, Н.А. Зонтиков в своем исследовании «За службу к нам, и за кровь, и за терпенье...» выдвигает несколько версий относительно места и времени гибели Ивана Сусанина. Он же утверждает, что есть смысл искать могилу Сусанина на месте бывшего деревянного Воскресенского храма в селе Домнино.

Другой материал — «Дозорная книга Солигалича» — представляет собой адаптированную рукопись 1614 года, составленную по приказу царя Михаила Федоровича с целью установить размеры разорения, причиненного польско-литовскими интервентами, и включает в себя описание тогдашнего Солигалича и окрестных волостей и посадов.

В 1918 году в селе Урень Варнавинского уезда Костромской губернии (ныне Нижегородская область) мужики, недовольные новой властью, взбунтовались и даже избрали своего царя. Мятеж был окрещен белогвардейским, а его участники сосланы на Соловки. Более подробно о событиях тех лет можно узнать из публикации «Летопись мужицкого царства» — главы из книги В.Н. Ширяева «Неугасимая лампада». Разумеется, это не все материалы, включенные в новое издание. Альманах очень толстый, а тираж его — всего 3000 экземпляров. Так что интересующимся следует поспешить с покупкой!

Б. Негорюхин. «Костромская земля».
Выпуск третий // «Северная правда», 10 октября 1995 г.

Вчера в Костромском педагогическом университете начались традиционные, пятые по счету Григоровские чтения. Бессменные их организаторы – Государственный архив Костромской области и Костромской фонд культуры сумели привлечь к участию в них ученых, архивистов и краеведов многих регионов России, и география участников чтений с каждым годом растет. Люди приезжают сюда не только для того, чтобы почтить память почетного гражданина города Костромы краеведа и генеалога Александра Александровича Григорова, но и рассказать об итогах изысканий за год, еще раз доказывающих, что дело, начатое Григоровым и его учениками, продолжается.

В этот раз костромские краеведы и гости города, прибывшие на чтения, получили прекрасный подарок. Увидел свет третий выпуск краеведческого альманаха Костромского фонда культуры «Костромская земля». Объем книги 13,5 печатных листов, тираж – 5 тысяч экземпляров, напечатан альманах на ИПП «Кострома» при финансовом участии АО «Ортат».

Среди авторов альманаха краеведы и ученые из Москвы, Псковской области, Иванова, Ярославля и Костромы, среди публикаций – воспоминания Е.Ф. Дюбюка и Л.А. Колгушкина, исследования о творчестве архитектора Степана Воротилова С.В. Демидова, исторический очерк Н.А. Зонтикова «На Святом озере». Введена новая рубрика «Из истории сел и деревень», многолетний материал по литературному краеведению опубликован в рубрике «Исследования и находки краеведов». Альманах богато иллюстрирован, все статьи снабжены подробными примечаниями, имеется хроника деятельности Костромского фонда культуры за последние годы.

<...>

К. Валентинов. Костромской земли наследие... // «Костромской край», 14 ноября 1995 г.

Вышел в свет третий выпуск краеведческого альманаха «Костромская земля», уже давно ожидаемый костромичами. Здесь опубликованы малоизвестные, а то и вовсе неизвестные материалы о наших земляках, о жизни и быте простых людей, о событиях, порой трагических, в истории костромского края.

Московский архитектор-реставратор предлагает вниманию читателей рассказ о деятельности выдающегося архитектора-костромича С.А. Воротилова (1741 - 1792), который является не только автором проектов, но и организатором строительства церквей в Костроме, Нерехте, Больших Солях, Левашове, Щелыкове. К сожалению, значительная часть его творений была уничтожена в 20 - 30-е годы, в том числе и главное его архитектурное произведение — Богоявленский кафедральный собор и соборная колокольня в Костроме (где ныне парк культуры и отдыха им В.И. Ленина).

О первом костромском историке Н.С. Сумарокове (1727 - 1812) пишет исследование преподаватель Ярославского университета А.А. Севастьянова.

До наших дней дошли две рукописи Н. Сумарокова: копия раннего сочинения «Краткое историческое известие о городе Костроме» и завершившая его работу «История о первоначалии и происшествиях города Костромы». Но это не два разных сочинения, а варианты одного большого труда, посвященного истории нашего края от основания г. Костромы до «учреждения в нем наместничества», то есть, до 1776 года. «Звездным» часом всей истории земли костромской наш земляк считает спасение в стенах Ипатьевского монастыря в 1612 г. будущего царя России — Михаила Федоровича Романова.

Значительную часть сборника занимает исследование постоянного автора, нашего земляка Н.А. Зонтикова «На Святом озере», где он повествует о трагических событиях из истории этого уголка костромского Заречья: о битве костромичей с татарами в 1262 г. и с поля-

ками в 1609 г., о судьбе часовен, возведенных на месте этих событий благодарными потомками.

В своем рассказе историк пытается разрешить давний спор, какая же из двух возведенных в свое время часовен была разрушена в 1930 году, а какая осталась стоять на берегу Святого озера. В конце очерка Н.А. Зонтиков призывает не только восстановить разрушенную часовню – Феодоровской иконы Божьей Матери, но и придать окрестностям Святого озера статус особой заповедной зоны, как особого исторического уголка в окрестностях Костромы.

Публикуются продолжение воспоминаний Л.А. Колгушкина «Костромская старина», очерк Д.Ф. Белорукова о парфеньевской вотчине А.И. Герцена и статья Б.М. Козлова «Литературная жизнь Костромы в 1930-е годы».

Альманах иллюстрирован современными и архивными фотографиями.

Думается, что очередной сборник «Костромской земли» понравится не только специалистам, но и всем читателям.

Резепин П.П. Костромское краеведение на утилитарно-утилизационном этапе // Костромской Вертоград / Издание Бочковского семинара. – Кострома. 1995. – С. 23.

<...>

Человеческий фактор виден и в том, что краеведение ныне сплошь именное и весь пафос его сводится к формуле: имярек – костромич. Эту непреходящую новость, ничем, как правило, не подкрепляя, а также не уточняя и не обобщая, особенно слаженно «благодарное потомство» муссирует, само собой, в юбилейные годы, но как спорадические, так и периодические публикации свидетельствуют лишь об отсутствии систематических исследований, а их очерковые формы, скрывающие фактическую неполноту и концептуальный вакуум, предопределяют, в свою очередь, уныло-развлекательный стиль специальных, казалось бы, изданий, как «Костромская старина», «Костромская земля» и «Губернский дом» <...>.

Резепин П.П. К типологии костромской периодики // *Костромской Вертоград / Издание Бочковского семинара. — Кострома. 1998. — С. 5, 6.*

<...>

Случилось страшное: газетного краеведения больше нет: оно стало журнальным. В очередной раз. Авось не последний.

Прибавлению ретроспективной периодики оставалось бы только порадоваться да посвятить вслед за Менделеевым такую же периодическую систему, если бы эти расплодившиеся издания как-то различались между собой, а какая, скажите на милость, разница между «Губернским домом» и «Литературной Костромой», «Костромской землей» и «Костромской стариной», «Учеными» и «Краеведческими записками», кроме названия? Правильно, никакой. Хотя поначалу все в один голос, помнится, обещали быть в своем репертуаре, а теперь так же дружно нарушают Закон о правах потребителей.

<...>

«Костромская земля», 1990, №1: «Предлагается опубликовать в альманахе ряд материалов из краеведческого наследия, по разным причинам не увидевших свет». Действительно, опубликован ... один. Остальное — перепечатки из «Литературной Костромы», «Благовеста», «Блокнота агитатора», «Молодого ленинца» и «Красного знамени»*.

<...> все сущие журналы являются всего лишь дайджестами и своего портфеля не имеют. Иные не структурированы вовсе, а претенциозная рубрикация «Губернского дома» или «Костромской земли» способна разве что ввести в заблуждение, ибо произведена не по формальному или содержательному, а по смешанному признаку.

<...>

* Ни одной перепечатки в альманахе нет. (Прим. ред.)

**Л.А. Розанова, доктор филол. наук,
профессор Ивановского госуниверси-
тета им. Д.А. Фурманова**

(Из письма к А.В. Соловьёвой от 11.08.2000 г.)

Примите благодарность и признательность за IV-й выпуск «Костромской земли». Я только что закончила второе его прочтение. Нечастый случай для такого типа книг, правда? Вызвано это второе прочтение тем, что содержится в этом альманахе, несущем (дающем) такую огромную и многонаправленную информацию, воскресающем такие дорогие (и, увы, уходящие или ушедшие) стороны нашей национальной жизни, Костромского края, полезном (альманахе) и нужном своей устремлённостью к русскому миру.

П.С. Пушкин, кандидат технических наук, доцент Ленинградского института железнодорожного транспорта. Представитель Костромской ветви Пушкиных

(Из письма к А.В. Соловьёвой от 12.08.2003 г.)

Очень рады были получить от Вас из родной Костромы и весточку, и чудесный подарок – альманах «Костромская земля». Мы дома все по очереди прочитали предыдущий 4-й выпуск, и, скажу откровенно, я был просто поражён, сколько тепла и большой любви было в этой замечательной книге и настоящего подвижничества при её создании... И на каждой странице – гимн родному краю, милой Костроме, людям, создавшим нашу русскую красоту. В огромной краеведческой литературе, и нашей Питерской в том числе, я не встречал такой влюблённой в свою землю, её историю, заботливой книги! Это дивный памятник, созданный чудесными людьми <...>. Низкий поклон Вам за это и искренняя благодарность!

А теперь и продолжение, которому в жизни не может быть конца, хочется читать и читать. Блестящие статьи Н.А. Зонтикова – это серьёзные исторические исследования, которые могли бы сделать честь любому

академическому изданию, заслуживающие присуждения учёной степени. Он является, безусловно, крупным учёным-историком, обладающим живым языком и даром писателя – статьи читаются «взахлёб».

Вся подборка материала <...> сделана удивительно гармонично, хочется перечитывать несколько раз.

В.А. Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН, член – корреспондент РАН, профессор
(Из письма председателю Костромского общественного фонда культуры А.В. Соловьёвой от 14.08.2003 г.)

Надеемся также, что Вы будете поддерживать с нами научные контакты, а сотрудники Института готовы предоставить для публикации подготовленные ими статьи по истории и этнографии Костромского края. Уверены, что Вы с прежним энтузиазмом продолжите выпуск краеведческого альманаха, получившего положительный отклик в научной общественности.

В.М. Песков. «Комсомольская правда». Москва
(Из письма к Л.П. Пискунову от 13 мая 2004 г.)

Дорогой Леонид Петрович!

С огромным интересом прочёл Ваши воспоминания о Вёжах и крае, где Вы выросли*. Какое место загублено! Вы рассказали о нём проникновенно и ярко, без всяких литературных претензий и с сыновней благодарностью. Это настоящий памятник тому, что ушло под воду.

Спасибо Вам! <...>

С искренней благодарностью

Ваш одноклассник

В. Песков.

* Л.П. Пискунов. Из истории моей родины. О прошлом деревни Вёжи под Костромой // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. – Вып. 4. – Кострома, 1999. – С. 98 - 176. (Прим. ред.)

Главное в деятельности Костромского фонда культуры в 2002 – I квартале 2004 года

За 2002 - 2003 годы Фондом культуры изданы:

– Валерий Фатеев. Жизнеописание Василия Розанова: С русской бездной в душе. – С-Петербург – Кострома, 2002. Тираж 1200 экз.

Переплёт книги

– Альманах «Костромская земля». Вып. 5. – Кострома. – 2002. (Посвящён 850-летию Костромы). Тираж 1000 экз.

Обложка книги

– Ольга Колова. Здесь, в России. Сборник стихов. – Кострома. – 2003. Иллюстрации и оформление Сергея Пшизова. Тираж 1000 экз.

Проведены презентации всех изданий: презентация книги В.А. Фатеева прошла в библиотеке им. В.В. Розанова 20 июня 2002 года в присутствии автора и участников очередных Розановских чтений; «Костромской земли» – на радио 12 декабря того же года; поэтического сборника Ольги Коловой – в Парфеньевской централь-

*Презентация сборника стихов
О. Коловой «Здесь, в России».
25 ноября 2003 г. Областная научная библиотека.
Фото А.Н. Сыромятникова*

*На верхнем снимке – первый ряд (слева направо):
Елена Балашова, Владимир Леонович, Ольга Колова;
второй ряд: Марина Захарова, Владимир Смирнов.*

*На нижнем снимке слева направо: Ольга Колова,
Александр Бугров, Сергей Пшизов, Елена Мячина.*

ной библиотеке им. С.В. Максимова (30 июня 2003 года), в областной научной библиотеке им. Н.К. Крупской и Костромском госуниверситете им. Н.А. Некрасова (25 и 26 ноября 2003 года) – с участием членов Парфеньевского литературного объединения: Татьяны Иноземцевой, Виктора Константинова, Станислава Михайлова; Елены Балашовой из Чухломы; костромичей – Владимира Леонovichа, Владимира Старателева, Александра Бугрова, Сергея Пшизова, Алексея Зябликова, Ольги Ксенофоновой, Екатерины Ананий, Марины Захаровой, Светланы Сенкевич, Игоря Белова, Юлии Груздевой, Инессы Носковой, Светланы Даниловой, Марины Ермаковой.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР

Борис Пастернак

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

СТИХИ, ПРОЗА,
ПИСЬМА РОДНЫМ И ЛЮБИМЫМ
ГОЛГОФА
БЕЗДНА УНИЖЕНИЙ
МИРОВАЯ СЛАВА
ВЕНОК ПОЭТУ

*Приглашение
на литературно-
музыкальный вечер
«Борис Пастернак»*

*Литературно-музыкальный вечер «Борис Пастернак».
11 февраля 2002 г. Областная научная библиотека.
Фото В.Ф. Шевченко
Стоит А.Н. Документов.*

Подготовлен оригинал-макет книги: Н.Ф. Чалеев-Костромской «Воспоминания».

Начато составление Книги писем краеведа, историка и генеалога А.А. Григорова.

В 2002 году Фонд организовал 2 поэтических вечера, вёл которые Владимир Леонович – литературно-музыкальный вечер «Борис Пастернак» (11 февраля, зал периодики областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской) и «Трудное воскресение Маяковского» (25 апреля, театр кукол). Участники первого – Ю. Лебедев, А. Власов, А. Бугров, В. Елманов, А. Документов, В. Матвеев (московский музыкант), О. Ксенофонтова, А. Соловьёва, Д. Морозов; второго – Н. Коптелова, А. Бугров, В. Елманов, О. Ксенофонтова, Н. Битколова.

*Вечер «Трудное воскресение Маяковского».
25 апреля 2002 г. Театр кукол.
Ведущий – Владимир Леонович.
Сидят (слева направо): Ольга Ксенофонтова,
Александр Бугров, Виктор Елманов.
Фото Г.Д. Негановой*

По просьбе Фонда культуры ведущим костромским архитектором-реставратором, заслуженным работником культуры, Почётным гражданином Костромы Л.С. Васильевым изготовлены проекты: надгробного памятника на могилу А.Ю. Пушкина (двоюродного дяди Поэта) и его потомков в деревне Козловке Островского района, памятного знака В.В. Розанову в Костроме (на месте дома Роза-

Надгробный памятник А.Ю. Пушкину и его потомкам, похороненным у Димитровской церкви села Козловка Кинешемского уезда (ныне – деревня Козловка Островского района). 14 октября 2002 г. Фото Г.П. Белякова

Здание Димитровской церкви – ныне жилое помещение Островского психоневрологического интерната. 14 октября 2002 г. Фото Г.П. Белякова

новых в районе б. Сенной площади) и часовни Феодора Студита на территории КЭТ им. Ф.В.Чижова. Первый памятник изготовлен департаментом социальной защиты населения (к сожалению, с искажением – отступлением от проекта) и открыт 14 октября 2002 года. Мемориала известнейшему мыслителю и литератору, нашему великому земляку, в Костроме до сих пор нет.

24 мая 2003 года у стен храма Рождества Богородицы села Матвеева Парфеньевского района – тоже не восстановленном, – в котором служили предки В.В. Розанова и отец известного церковного историка, академика Е.Е. Голубинского, Фонд провёл панихиду по захороненным на кладбище у храма священнослужителям. В этот же день отслужили ещё одну панихиду – в действующем храме села Ильинского того же района.

Обе панихиды служил благочинный Галичского округа отец Александр Шастин, в Ильинском храме ему сослужал настоятель храма отец Симеон. Присутствовали: местные жители, руководитель Матвеевского хозяйства ООО «Север» А.В. Кольцов, глава Матвеевской сельской администрации В.А. Белова, заместитель главы администрации Парфеньевского района А.А. Дианов, заведующая отделом культуры администрации Парфеньевского района Е.Н. Смирнова, гости из Москвы, С-Петербурга и Костромы; среди них известные розоноведы – В.Г. Сукач, В.А. Фатеев, А.Л. Налепин, П.В. Палиевский, И.Х. Тлиф, Т.В. Померанская.

*Проект памятного знака,
посвящённого В.В. Розанову.
Автор – Л.С. Васильев. 2002 г.*

*Перед панихидой у стен храма Рождества Богородицы
в селе Матвееве Парфеньевского района. 24 мая 2003 г.*

*Благочинный протоиерей Александр Шастин
и руководитель ООО «Север» А.В. Кольцов.*

Фото В.В. Суркова

Фонд продолжал свою работу по комплектованию массовых и школьных библиотек, библиотек вузов, музея-заповедника и его филиалов, областного архива.

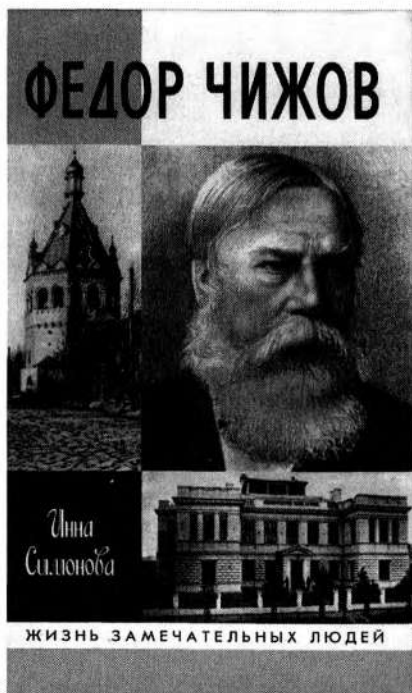
Он безвозмездно передал им за этот период 2739 экземпляров своих изданий (альманах «Костромская земля», вып. 1, 3 - 5; А. Кильдышев «Фрески церкви Воскресения на Дебре»; В. Старателев «Родственная душа»); 200 экземпляров книг, полученных от московских издательств «Российский архив» и «Прогресс-Плеяда» и 116 экземпляров книги И. Симоновой «Фёдор Чижов», приобретённых Фондом культуры на деньги, собранные им в 2001 году в ходе телемарафона, который организовала и провела вместе с Фондом культуры Костромская ГТРК.

По ходатайству Фонда культуры Правительство Москвы безвозмездно передало Фонду 200 экземпляров последней книги, т.е. о Ф.В. Чижове; «получение их и доставка» книги были возложены заместителем главы областной администрации Б.К. Коробовым на областной центр комплектования библиотек (ответ Б.К. Коробова

на письмо Фонда от 10.02.04).

Передал также Фонд культуры и последние, подаренные ему, реликвии: письмо В.Г. Короленко, написанное в 1898 г. Ф.В. Смирнову (дар Василия Алексеевича Бочарникова, 1987 г.) – в Литературный музей; 6 писем Всеволода Никаноровича Иванова Петру Васильевичу Палиевскому, написанных в 1971 году (дар Петра Васильевича Палиевского, 2000 г.) – в государственный архив Костромской области и чугунную плакетку, посвящённую 25-летию памяти Ф.В. Чижова (дар Зинаиды Васильевны Горицкой, 2002 г.) – в профессиональный лицей № 23 им. Ф.В. Чижова (посёлок Анфимово под Чухломой).

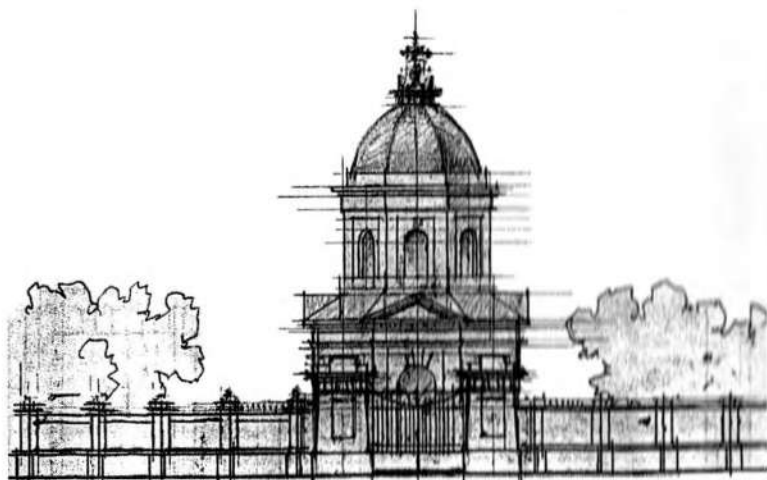
Материал иллюстрирован фотографиями из архива Костромского общественного фонда культуры.

Переплёт книги

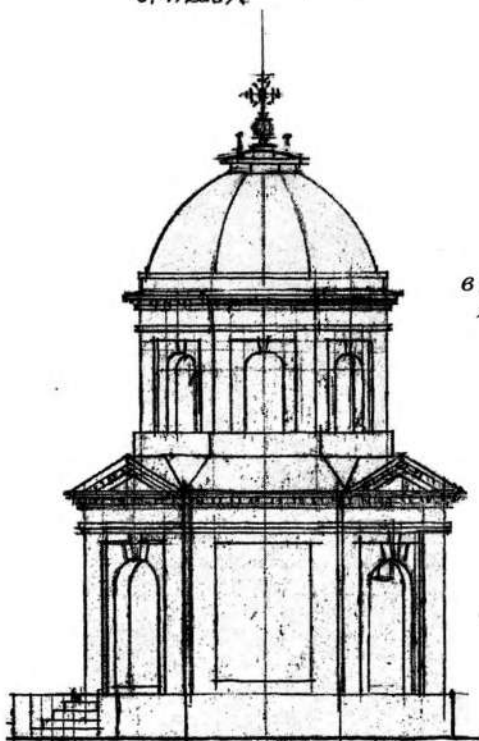

Чугунная памятная медаль, изготовленная к 25-летию со дня смерти Ф.В. Чижова. 1902 г.

Арх. Л.С.Васильев
8.4.2001г.

200 300 200
720

Проект часовни
Феодора Студита
в память Ф.В.Чижова.
Автор Л.С.Васильев.
2001, 2006 гг.

Компьютерная вёрстка -- ООО «Инфопресс».

Отпечатано в ООО «Промдизайн»: 156019, г. Кострома, ул. Локомотивная, д. 3д.

Тираж 999 экз.

